

Ахадов
Проза
Стихи
Назаров
Богатков
Немтушкин
Проза
Итин
Аксенова
Солнцев
Туров
Публицистика
Черкасов
Чмьхало
Абдулина
Проза
Распутин
Неняг

Стихи
Назаров
Черкасов
Успенский
Фантастика
Стихи
Петров
Сибирцев
Путешествие
Солнцев
Яхнин
Федосеев
Ошаров
Солнцев
Стихи
Успенский
Сидельников

Трошев
Стихи
Петров
Солнцев
Аксенова
Богатков
Стихи
Фантастика
Публицистика
Сартаков
Красноярск

Стихи
Ахадов
Суворов
Черкасов
Сидельников
Солнцев
Стихи
Сибирцев
Стихи
Фантастика

Стихи
Богатков
Распутин
Солнцев

Стихи
Чмьхало
Проза
Коваленко
Ахадов
Солнцев

Стихи

Успенский

Михаил УСПЕНСКИЙ

6

Интервью с писателем
Красноярска

КРАСНОЯРСК | 2016

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 77

Успенский М. Г.

У 77 Приключения Жихаря: сборник / М. Г. Успенский. – Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2016. – 628 с.

ISBN 978-5-905791-48-2

Трилогия Михаила Успенского «Приключения Жихаря» считается одним из лучших произведений современного российского юмористического фэнтези. Она включает в себя роман «Там, где нас нет» и две повести: «Время Оно» и «Кого за смертью посылать», написанные в разное время, но объединенные главным героем — богатырем Жихарем. Книги написаны удивительным языком — сплав искрометного юмора с русским колоритом. Вы познакомитесь с остроумными и интересными героями, которые попадают в различные комические ситуации. Но подлинная тема этих произведений — современная Россия, увлекательная жизнь и смелые мечты ее жителей, рассказанная автором через призму сказочной Руси и ее героев.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-905791-48-2

© Оформление. ИД «Класс Плюс», 2016

О Б А В Т О Р Е

Михаил Глебович Успенский (1950—2014) — российский писатель и журналист. Родился в г. Барнауле. Жил в различных городах Сибири. Работал электриком, художником-оформителем, служил в армии. Окончил отделение журналистики Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. С 1977 года жил в Красноярске. Работал в городских и краевых СМИ: в заводской многотиражной газете, на краевом телевидении и др.

Печататься начал с 1967 года (стихи). Рассказы стали выходить с 1978 года, публиковались в местной печати, газетах «Московский комсомолец», «Литературная Россия», «Литературная газета», журналах «Смена», «Юность», «Огонек». В 1988 году в Красноярском книжном издательстве вышел сборник рассказов «Дурной глаз». Некоторые рассказы читались с эстрады Геннадием Хазановым. Несколько рассказов вышло в 1989 году в коллективном сборнике Die Sintflut издательства Fischer. В 1990 году в «Библиотеке «Огонька» вышел сборник «Из записок Семена Корябеда». Позднее печатался в сборниках «Музей человека» и «Нечеловек-невидимка» издательства «Текст». В 1995 году появился сборник-трилогия «Приключения Жихаря».

Награжден в 1993 году личной премией Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка» за повесть «Чугунный всадник». В 1995 году был награжден двумя профессиональными премиями в области фантастики «Странник-1995» за повесть «Дорогой товарищ король» и роман «Там, где нас нет». Кроме того, роман «Там, где нас нет» получил специальные премии «Меч в камне» за лучшее произведение в жанре фэнтези и «Золотой Остап» за юмористическую фантастику, в 1996 году — приз Международного фестиваля юмора и сатиры «Золотой Остап». В 1999 году Успенский был награжден «АБС-премией» братьев Стругацких.

В 1996 году в сборнике «Время учеников» вышла повесть «Змеиное молоко», написанная по мотивам «Мира Полудня» братьев Стругацких. В 1997 году в Санкт-Петербургском издательстве «Азбука» вышли книги «Там, где нас нет», «Устав соколиной охоты» и «Время Оно». В издательстве АСТ — роман «Посмотри в глаза чудовищ», написанный в соавторстве с Андреем Лазарчуком. В 2013 году издан его мифологический фэнтези-роман по мотивам русских былин «Богатыристка Кости Жихарева».

Умер в Красноярске 13 декабря 2014 года. Похоронен на Аллее славы Бадалыкского кладбища Красноярска.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках трилогию Михаила Успенского — известного красноярского писателя-фантаста. Эта книга впервые издается в Красноярске после смерти автора, поэтому нам показалось уместным вместо традиционного предисловия предложить вашему вниманию статью-воспоминание жены и друга автора трилогии — журналистки Нелли Раткевич. Кроме этого при подготовке издания нам были любезно предоставлены интересные архивные материалы директором Красноярского регионального отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество писателей России» М. М. Стрельцовым. Это ксерокопии рекомендаций автору для вступления в Союз писателей СССР от его хороших друзей Аркадия Арканова и Эдуарда Русакова. Эти материалы, написанные близкими людьми, помогут вам создать представление об авторе как о замечательном человеке и талантливом писателе.

ДОБРЫЙ СКАЗОЧНИК ИЗ КРАСНОЯРСКА

Михаил Успенский — это, вероятно, самый смешной автор, который живет, а может быть, и жил в России.

Борис Стругацкий

С возвращением домой, Жихарь!

Перед вами книга, которая никогда не издавалась в городе, где автор прожил 40 лет своей сознательной жизни. Он так мечтал об этом! Хотя его «Жихарь» в столице переиздавался лет 20 и получил все награды, которые были только у фантастов. И единственного за Уралом «Золотого Остапа» в 1995 году в Санкт-Петербурге вручили за лучший юмор в романе. «Там, где нас нет» даже был выдвинут на соискание Государственной премии. Да и земляки не читали особо своего автора в силу кривоватого жанрового определения. Не все ведь жалуют фантастику!

Успенский на самом деле не был фантастом. Некоторые определяют его жанр как очень смешное интеллектуальное фэнтези, близкое к Терри Пратчетту. Друг Михаила Дмитрий Быков говорит: «Терри был британским двойником Успенского. Они были похожи по стилю, хотя Миша, на мой взгляд, писал меньше, но лучше. Он очень поддерживал Пратчетта в России, они дружили, болтали по-английски»¹. Как бы лестно ни было сравнение с именитым сэром, но и это не абсолютная истина — Успенский работал в жанре, которым, кроме него, никто не владел, — русская литературная сказка. Нетехнологично, спокойно, размеренно, по-сибирски... Сам он говорил так: «Почему «Жихарь» — юмористическое фэнтези? Сказка и сказка. Для филологов. Всё, что могу...» А чтобы не оставаться совсем одному, примкнул к чудесному сообществу фантастов. Как Михаил говорил, «там человеческое качество сохранялось очень

¹ Дмитрий Быков. Успение// Новая газета, культура. — 2014. — 14 декабря (№ 36).

долго. В отличие от «большой литературы» в среде фантастов не было явных подлецов. Были скандалисты, пьяницы, чудачки, но гадов — нет». И вскоре сам Стругацкий стал считать его одним из лучших своих учеников и очень тепло к нам обоим относился... А это стоило больше всяких госпремий.

Успенский родился 29 ноября 1950 года в Барнауле. Его отец был очень хорошим инженером-оборонщиком, поэтому семья всегда жила в «закрытых» городках Сибири. В Красноярске-45 (ныне Зеленогорск) Миша учился в школе, где мать преподавала математику. Возможно, он стал бы физиком, это было востребовано тогда. Но у него была чудесная бабушка, которая великолепно знала русскую поэзию и Тютчева с Бальмонтом ребеночку на ночь наизусть читала... Учился он легко благодаря феноменальной памяти, но ленив был до безобразия. Он вечно читал на уроках книги; домашнюю библиотеку одолел, потому набирал целую стопку книг в городской. И всё запоминал! Ну и, разумеется, сам печатал на машинке свои шпионские романы, начиная класса с четвертого... Терпения хватало от силы на пять страниц. В последнем абзаце он лихо и окончательно расправлялся с плохим шпионом. Решил, что стихи писать легче и короче, в девятом классе их даже опубликовали в краевом сборнике поэзии. Известный поэт Роман Солнцев их хвалил...

Миша поступил с легкостью в аэрокосмический институт, в «закрытых» городах хорошо учили. Сдал первую сессию вполне прилично и затосковал — «ну не мое это!». И решил, как модно было, изучить жизнь — в Дивногорске устроился на завод, как он его обзывал — низкокачественной аппаратуры. Думаю, что быть пролетарием ему активно не понравилось. Дотянув до лета, махнул в Иркутск и без всякой подготовки поступил на факультет журналистики... От сессии до сессии студенты жили весело, порой чересчур... Так он загремел в армию... Ему доверили охранять золотой запас родины на Урале. Никакой дедовщины там не было и в помине. Ходить и мерзнуть с оружием в руках Мише явно не хотелось, и он стал художником. Отважно рисовал по клеточкам Ленина и всяческую наглядную агитацию.

Из армии Успенский, стройный и подтянутый, приехал в Красноярск. Устроился в многотиражку корреспондентом. Вместо никому не нужных репортажей начал сочинять маленькие едкие рассказы. Печатали их с опаской, цензура у нас была нешуточная. Это не был добрый советский юмор, это была злая сатира. И власть это чувствовала. Нет, писателей уже не расстреливали, как Гумилева или Мандельштама, их просто не печатали.

Первая тоненькая книжечка «Дурной глаз» с трудом вышла в Красноярске в 1988 году и была изрядно порезана цензурой. А в Москве ее заметили. Отдельные рассказы печатали в модных столичных изданиях. А через два года в «Библиотеке «Огонька» огромным тиражом в 150 тысяч вышла вторая, еще более тонкая и мелко напечатанная книга «Из записок Семена Корябеды». Впервые мы получили приличный гонорар... Тогда Геннадий Хазанов пригласил к сотрудничеству Успенского, единожды Миша в Свердловске читал свои рассказы, потом Гена это делал сам. Но оба вскоре поняли, что сатира Успенского — это не тот юмор, которого хочет публика. Юмор тихонько сползал к уровню пятой точки. А Миша вообще не был создан для эстрады. Хорошее воспитание мешало писать пошлости про тещ, неверных жен и мужей. У нас было по-другому...

Года два он читал и читал... Я не мешала. Мои попытки приобщить его к огороду закончились хохотом соседней — они впервые видели копание земли с книжкой в одной руке и лопатой в другой. После этого с дачи он был изгнан — к своей радости. Точно так же я не заставляла его делать ремонт, понимая, что это ему в тягость. По настроению он готовил мясо и отменно варил гречку... И всё время думал. А потом сел за печатную машинку и за два месяца выдал «Там, где нас нет». Рукопись отправилась в Москву. И Миша подписал договор. И всё замерло. Друзья из издательства издавали кого угодно, но не Успенского. Сказать, что он был огорчен, — мало. Рушилось всё... Отдать рукопись в другое издательство не позволяло врожденное чувство порядочности. С горя Миша сел и перевел роман Роберта Говарда из серии про Конана — варвара из Киммерии. Он знал английский и польский языки.

Пока «Жихарь» «отлеживался», Миша написал роман «Дорогой товарищ король» — о том, что случится, если в изнанке нашего мира, в Замирье, секретарь обкома вдруг станет королем сказочного государства. Предвосхитил приход секретаря обкома... Еще написал роман «Чугунный всадник». За оба получил премии «Странник», ну это такая скульптура в полметра ростом...

Только когда срок договора истек, я уговорила его обратиться в другое издательство, тем более что никакого аванса нам не выдавали. И «Жихаря» напечатали! Внезапно на Мишу обрушилась известность, на которую он никогда не рассчитывал. Вдруг в самых раскрученных журналах стали всякие знаменитости говорить, что Успенский их любимый автор.

Откуда он выкопал редкое имя своему богатырю? У нас собралась хорошая библиотека по русскому фольклору, там и вычитал. Корень слова восходит к слову «жить». А Жихарь — удалой, смелый молодец, лихой плясун, «он такой, всех перепляшет», говорили о нем. Не стоит называть Жихаря «русским Конаном». В нем нет этой brutальной серьезности и угрюмой мрачности. Жихарь — любопытный гибрид Иванушки-дурачка из русской сказки, одесского биндюжника из анекдота и реального «гоблина» образца 90-х, так считает критик Роман Арбитман. И сюжет романа традиционный: живет себе богатырь, у которого и борода-то толком не растет. Страна называется Многоборье, столица Столенград, а рядом соседские племена — суровые завучи, осмотрительные сэндвичи, проворные стрекачи, говорливые спичи, разгульные спотыкачи, пламенные кумачи... Так случилось, что богатыря спасает от смерти колдун, а теперь надо выполнить его просьбу, отправившись в дальнее путешествие. Попутчики попадают самые разные — будущий король Артур, царь Соломон, Китоврас, повелитель огня Красный Петух... На пути странники встречают всяких волшебников, племя амазонок, печального Демона и прочих добрых и не очень добрых молодцев...

Во второй книге «Время Оно» у князя Жупела Кипучая Сера завелось много врагов, коих надо истребить. Ну вот и приходится Жихарю вновь покидать родное Многоборье и идти воевать всякую нечисть. Деваться-то некуда... На мрачноватый вопрос «Кого за смертью посылать?» в третьей книге ответ может быть только один — ну, конечно, Жихаря, больше некого!

Некоторые из читателей предвосхитили даже определение Бориса Стругацкого: «Самая смешная книга всех времен и народов. Смешнее и оригинальнее этой книги я не встречал за свою жизнь. Чугунно-богатырский экшн — точнее не скажешь»; «Михаил Успенский чертовски хорош. Его языком можно наслаждаться. Но в полной мере его оценят те, кто до него прочитал не только букварь и Колобок»². Взыскательный критик Андрей Немзер написал: «Кто сказал, что ориентированная на массового читателя проза не может быть умной, артистичной, трогательной? Веселые сказочные повести Успенского о подвигах богатыря Жихаря и его побратимов доказали — еще как может!»³

Похождения Жихаря — это увлекательный, бодрящий искрометный коктейль комических ситуаций, возникающих, когда к классическому сюжету обращается остроумный, талантливый и иронично настроенный писатель. Герои его за словом в карман не лезут, и многие цитаты из книг сегодня популярны не менее фразочек Остапа Бендера. Книжка получилась волшебная. Она была чем-то вроде мастер-класса для филологов, количество скрытых цитат на любой странице можно выловить в зависимости от своих познаний. Там есть пересказ сюжета «Иронии судьбы» в стиле японского предания, великолепные пародии на стихи, стилизации под разный фольклор. Знатки в письме Лю Седьмого Жихарю обнаружили штук семь цитат Чжуан-цзы... Но с другой стороны, можно просто читать про приключения богатыря, просто как веселую книжку.

² «АВС» = Успенский: Михаилу Успенскому вручили «Семигранную гайку» [за роман «Белый хрен в конопляном поле»] // Комок. — 2003. — 1 июля (№ 26). — С. 36.

³ www.mk.ru/.../dmitriy-bykov-o-smerti-terri-pratchetta-on-postavil-nashemu-miru-dia...

Мэтры из «Золотого Остапа» признали роман самой смешной книгой 1995 года, хотя юмор — редкая птица в русской литературе, это улыбка человека, знающего лучше прочих, как мало оснований для смеха в нашей неустойчивой жизни. Михаил всегда говорил: «Жизнь и так тяжела, потому надо дать человеку возможность посмеяться. Смешить труднее, чем вызвать слезы. И вообще чувство юмора у меня какое-то неправильное. Не люблю Чаплина, Джерома и фильм «Ширли-мырли». Люблю Макса Линдера, Гашека и «Не горюй!». Я б везде развесил плакаты «Потеряешь чувство юмора — потеряешь жизнь!»⁴. Он посмеивался над кучей своих наград, хотя кто б не возгордился, получив из рук самого Стругацкого четыре личные награды, собрав кучу «улиток на склоне»: «В общем килограммов 20 железа и цветных металлов да два с половиной погонных метра мечей...» Мечи были очень красивы и сделаны настоящим мастером по старинным чертежам...

Попытки переводить Успенского на другие языки были. Но он слишком русский писатель, чтобы быть понятым за рубежом. В Германии перевели рассказ на полторы страницы, а чтобы объяснить немцам, почему ученые едут на овощную базу, чтобы перебирать там картошку, понадобилось три страницы. Ну не вмещаются русские реалии в голову европейцев. С мексиканцами вышло еще хуже. Рассказ «Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии» — история о том, что якобы к нам на подводной лодке приезжали битлы. Дома все просто хохотали над этим, а в Мексике восприняли абсолютно серьезно. Теперь считают это историческим фактом. «И зачем им мои книги?» В Польше недавно перевели «Змеинное молоко», сиквел Стругацких, уже без Миши...

Успенский был университетски образован. В дореволюционном значении, с огромным багажом знаний буквально всего на свете... Читать ему всегда было интереснее, чем жить. У нас было около пяти тысяч книг, все они были прочитаны вплоть до моих дамских романов. Потом он мне их, посмеиваясь, пересказывал, и они были куда интереснее оригиналов. Кучу книг он приносил из краевой библиотеки, куда после его ухода и перекочевало наше уникальное собрание книг. Так хотел Миша.

У него был навык скорочтения, в день мог прочитать книгу. И всё запоминал! Просто феноменальная память. Как-то Дима Быков был у нас в гостях и начал читать стихи наизусть. Успенский поправляет строчку. Дима читает. Миша снова поправляет. Я изумленно: «Так ты что, тоже все эти стихи знаешь наизусть?» — «Ну, это любой образованный человек должен знать...» Мы смотрим передачу «Что? Где? Когда?», он отвечает на все вопросы быстрее знатоков. Однажды только ошибся. Я так жалела, что его ни разу не пригласили проявить свою блестящую эрудицию. Но там надо было платить какие-то астрономические суммы. И Миша оставался диванным знатоком.

Его редко приглашали на ТВ в Красноярске, хотя в качестве говорящей головы он был всегда интересен и непредсказуем. Самые толковые интервью у него брали в Москве, в Питере, на Украине. Зато он с радостью ездил в сельские библиотеки и совершенно очаровывал своих немногочисленных читателей. В его интонациях никогда не было ни малейшей попытки навязать свое мнение. Он умел находить точки соприкосновения. В итоге создавалось впечатление, что ты мыслишь на одной волне с ним.

Несмотря на известность, он был очень скромным, не от застенчивости, а от хорошей уверенности в себе. На писательской прогулке в Москве, куда я буквально заставила его поехать, к нему подходили за автографами читатели с хорошо зачитанными книжками. Быков рассказывал это с доброй завистью. Преданность читателя — наивысшая похвала для писателя. В Германии к Мише подходили наши бывшие.

⁴ Успенский, М. «Будет престиж — будет и литература» / беседу вел Феликс Штирнер // Кн. обозрение. — 2003. — 14 июля (№27–28). — С. 3.

Они вывозили книги Успенского наравне с семейным архивом, там же каждый грамм был на счету. Пожилые тетеньки с гордостью говорили автору: «По вашим книгам мы учим русскому языку наших внуков».

«Если бы я выбирал соседа из классики, то выбрал бы Обломова! Мы с ним бы ужились. Зря ругают лень! Меня она много от чего спасла. От многих плохих вещей. От деланья карьеры в советское время. Я не злой человек. Не интриган. И никому не тыкаю пальцем, как ему жить. К какому смертному греху наиболее расположен? Чревоугодие, скорее всего... И грехи мои мещанские, и добродетели тоже»⁵.

Но он мог проявить принципиальность, даже если это грозило некими потерями. Одно время Миша входил в жюри Астафьевской премии. И добросовестно прочитывал присланные пухлые рукописи. Однажды ему попались хорошие стихи школьника из Железногорска, и он предложил дать премию за них. Его проигнорировали, премию вручили другому за какие-то другие заслуги. Это оскорбило добродушного Успенского, и он демонстративно вышел из жюри. В. П. Астафьев никак не отреагировал...

Страна менялась. И книги Успенского становились грустнее. Он ведь был не просто умным, а мудрым человеком. И на фестивале «Звездный мост» ему вручили знак наивысшего признания — Философский камень... Мудрость — это ум, помноженный на совесть, говорили древние китайцы. И потому он написал самую свою мрачную, вовсе не смешную, даже страшную вещь «Райскую машину». Вопль отчаянья, как сказал Быков...

Критик Роман Арбитман сказал: «Учредить бы медаль, чтоб на аверсе — надпись: «Писатель. Народное достояние. Охраняется государством. Подделка (подражание) преследуется по закону»⁶. Среди награжденных я хотел бы видеть Михаила Успенского. Юморист милостью Божьей, гений короткой новеллы, блистательного абзаца и безумно смешной репризы». Медаль не учредили, конечно...

Миша умер совершенно неожиданно на рассвете, 13 декабря 2014 года. Ему только исполнилось 64 года. Острая сердечная недостаточность. И врач скорой помощи сказала: «Ушел как праведник. Пожалел тебя. Видать, любил...» Мы прожили 30 лет и не заметили их. Немодная у нас была семья — мы просто любили друг друга. И старались не огорчать друг друга... Роман Солнцев написал как-то: «Михаил Успенский — это наше оправдание перед божественным космосом. Что не зря мы тут рядом жили и верили в ерунду, жизни свои гробили...»⁷

Миша написал, я считаю, достаточно много хороших книг, придумал хорошие сказки. Но все-таки свою лучшую сказку — о любви и верности он рассказал мне всей нашей жизнью... Дай бог, чтобы и вас так любили...

Нелли Раткевич

⁵ Успенский, М. Г. «Комнату в общежитии я разделил бы с Обломовым» // Вечер. Красноярск. — 2000. — 24 нояб. — С. 22.

⁶ Солнцев, Р. 55 лет со дня рождения писателя Михаила Глебовича Успенского / Р. Солнцев // Край наш красноярский : календарь знаменательных и памятных дат на 2005 год. — Красноярск : Кларетианум, 2004. — С. 125–128.

⁷ Солнцев, Р. 55 лет со дня рождения писателя Михаила Глебовича Успенского...

Копия

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Несмотря на то, что Михаил Глебович Успенский, родившийся в 1952 году, публиковаться, как прозаик, начал всего лишь в 1982 году, у меня лично такое впечатление, что я знаю его давно. Его талантливые рассказы я читал и в рукописях, до времени хором отвергавшихся многими периодическими изданиями, и, в редких случаях, в опубликованном виде. Я был искренне удивлен, что Михаил Успенский – не член СП СССР, и когда он обратился ко мне с просьбой о рекомендации, я без колебаний согласился написать оную, что и делаю...

Михаил Успенский – один из одареннейших молодых /по нашим меркам/ писателей. Природа наградила его ироническим видением окружающей действительности, богатым чувством юмора и умением ставить слова на бумаге в таком порядке, что они живут, цветут, благоухают, смеются, что и делает их автора ПИСАТЕЛЕМ. Конечно, легче всего причислить М. Успенского к когорте "писателей-сатириков" – есть у нас такая снисходительная кликуха тех, кто пишет или пытается писать смешно. Но не всякий сатирик – сатирик, и не всякий сатирик – писатель. Михаила же Успенского как ни "формулирую", он останется писателем, ни на кого не похожим, ярким, острым, честным.

Хочу надеяться, что писатели Красноярского края представляют себе, что в лице М. Успенского они имеют зрелого, самобытного, сложившегося профессионального писателя, и моя рекомендация явится одним из голосов в большом хоре "ЗА!". Тем более, что и с точки зрения уставного ценза у М. Успенского все в порядке: книга "Дурной глаз" в Красноярском издательстве, повесть "В ночь с пятого на десятое" в ж. "Енисей", ряд блестящих отдельных публикаций... Буду рад состоять с Михаилом Успенским в одном СП.

20. IV. 88

Арк. Арканов.

Членский билет № 00179.

Копия верна

Копия

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Выражаясь бюрократическим языком, Михаил Успенский де-факто давно уже является профессиональным писателем. Пришла пора и де-юре утвердить его в этом звании.

Знаю Успенского более двадцати лет, помню его ранние стихи – уже тогда он был явно и безоговорочно талантлив. Позднее мне довелось познакомиться с его же прозаическими стилизациями. Но главный его талант – это, конечно, талант сатирика. Лет десять назад я впервые прочел сатирические рассказы Успенского, уже тогда он мог стать автором первой книги. Мог, но не стал. А ведь и те; давние его рассказы, были вполне профессиональными, пригодными для печати. Кстати, позднее все эти рассказы и были напечатаны. К счастью, времена изменились, изменилась общественная атмосфера – и рассказы Успенского стали все чаще появляться в местных и центральных газетах и журналах, а совсем недавно вышла его первая книга. Работает он активно, упорно, всерьез, с завидной добросовестностью. Будучи членом редколлегии двухмесячника "Енисей", я могу со всей ответственностью заявить, что сатирические рассказы и повести Михаила Успенского украшают страницы "Енисея". В этом со мной солидарны такие известные критики, как А. Горшенин и С. Чупринин, которые в своих статьях отмечали добрым словом произведения красноярского сатирика.

Рекомендация – не рецензия, поэтому я не буду вдаваться в подробный критический анализ прозы Успенского. Многие из нас могут поучиться у него лаконизму – постараюсь и я быть кратким. Проза Успенского не просто смешна, остроумна – она ярко социальна, что является главнейшим признаком сатиры. И еще. Успенский ухитряется быть злободневным – и не быть конъюнктурным. Он не приспособливается. Среди его текстов абсолютно отсутствует халтура / в отличие от

-2-

многих, даже столичных, представителей этого жанра/. И, наконец, сатирическая проза Михаила Успенского символична, многозначна – а это верный признак универсальности и подлинной художественности. Такая проза – продукт не скоропортящийся.

Многие писательские организации смогут нам завидовать – не у всех в коллективе имеются писатели-сатирики такого калибра.

С удовольствием рекомендую принять Михаила Успенского в члены Союза писателей.

1 января 1989 г.

Эдуард Русаков,

член Союза писателей СССР с 1980 г.

членский билет № 04083

Копия верна:

Михаил УСПЕНСКИЙ

6

*Интервью
Кристина*

ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Рекомендуется сервировать стол одинаковыми приборами и посудой однообразного фасона и расцветок.

Книга о вкусной и здоровой пище

Вороны в тот день летели по небу не простые, а красные. Примета была самая дурная, да что с того: давненько уж не бывало в Многоборье добрых знамений. Если у кого в печи убежала из горшка каша, то непременно в сторону устья, к убытку; кошки даже в жару спали, спрятав голову под живот, — к морозам; вышедший ночью во двор по нужде обязательно видел молодой месяц с левой стороны. У многих чесалась левая же ладонь, предвещающая новые налоги. Мыши в домах до того обнаглели, что садились за стол вместе с хозяевами и нетерпеливо стучали ложками. Повадился ходить со двора во двор крепкий таракан Атлант — он безжалостно пенял людям, что не сметают крошек на пол, и возразить ему было нечего. В разгар зимы корова родила теленка, доподлинно похожего на бондаря Глузда. Бондаря, конечно, проучили до смерти так не делать, да что толку бить по хвостам?

Время от времени выходили из боров недобитые отшельники-неклюды, приговаривали так: вот, не слушались нас, то ли еще будет, захотели себе начальной власти, терпите нынче и не вякайте.

И не вякали: сами виноваты, крикнув себе князя.

Князь Жупел родился не от благородных прашуров, а вышел непосредственно из грязи. Дело было летом, как раз напротив постоянного двора старого Быни. Там посреди дороги вечно держалась лужа — ни у кого не доходили руки завалить ее песком и щебнем. И в некоторый день что-то в луже оживилось, забулькало, а потом начало и пошевеливаться. На беду, в эти дни по дороге никто не промчался на коне сломя голову. «Шевелюга обыкновенная», — решил старый Быня, и нет бы ему шурануть пару раз вилами в грязь, так он еще лужу-то огородил веревкой и привязал к ней красные лоскутки.

Через какое-то время стало понятно, что это не просто шевелюга, коли можно различить у нее руки, ноги и даже голову. То и дело по луже пробегала мелкая рябь. К постоянному двору, обычно безлюдному, начал подтягиваться народ. Кое-кто утверждал, что это ночью чужой проезжий пьяный свалился с телеги, а теперь вот мучается. Решено было поднести несчастному ковшик браги. Но подноситель и сампил непробудную чашу, руки и ноги его не слушались, брага пролилась прямо в лужу. Зашипело и забулькало живее прежнего — должно быть, от дрожжей, — тело обозначилось крупней и лучше, в голове даже прорезались глазки. Глазки были небольшие, зато близко посаженные, белесые, с тоненьким черным и продольным зрачком. Было еще, оставалось время навести порядок все теми же вилами, но всем хотелось поглядеть, что будет дальше.

Дальше тело засучило конечностями и попробовало подняться. Пособлять ему никто не стал, страхась замараться. Тело закрипело зубами и погрозило всем пальцем. «Соображает!» — обрадовались люди. Распахнулся большущий рот, оттуда раздались ругательные слова, да такие грозные, что росли, мнилось, прямо из зубов. Слов этих здесь раньше не слыхивали.

Тело встало на корточки, все облепленное черной грязью и мелкой зеленой ряской, и выбрело из лужи, по дороге перекусив ограждающую веревку. Народ посторонился, доброхоты слетали к колодцу и окатили грязного студеной водой. Он задрожал, но показывал руками — давай, мол, еще. Когда грязь и ряска сошли, из-под них показался небольшой человек в золоченых одеждах. Голова у него была совсем круглая, уши топориком, нос морковкой, брови домиком, а каковы глаза и рот, все уже увидели. Волос на голове водилось немного, зато вокруг лба, висков и потылицы поднимались острые костяные выросты.

— Да ты кто будешь? — спросил старый Быня.

— На же — не признали! — обиделся выходец из грязи. — Вы глаза-то бесстыжие протрите! Я же ваш прирожденный князь, грозный Жупел Кипучая Сера!

Укрепляя его правду, в воздухе и впрямь завоняло.

В Многоборье никаких князей не знавали и в худшие времена — от иных земель было оно отделено, как всякому понятно из названия, множеством непроходимых боров. Дань, правда, иногда платили каким-то чужим князьям, хотя, может, это вовсе никакие не сборщики дани приезжали, а свои же разбойники Кот и Дрозд, только переодетые и умытые. Но ведь жили как-то, неохотно слушаясь стариков и лесных неклюдов...

— А на голове почему рога? — привязались люди.

— Сами вы рога! Это княжеская корона!

Потрогали корону пальцами — твердая, и с головы ее ничем не собьешь, разве что голову снести, пока не поздно.

— А вы не верили... — усмехнулся князь Жупел Кипучая Сера.

Многоборцы стали переглядываться, перешептываться. Не может ведь человек, хотя бы и с рогами, ни с того ни с сего объявить себя князем! Раньше ведь никто до такого не додумался, да и с какой радости?

Старый Быня, видя смятение, пригласил пройти к нему и заесть, запить это дело. Споры продолжались и за столом. Брага призвала к жизни целую кучу народной мудрости. Одни говорили, что крепка рать воеводою, а тюрьма — огородою, другие — что без матки пропадут и детки, третьи — что без столбов и забор не стоит, четвертые — что без запевалы и песня не поется, пятые — что без перевясла и веник рассыпается, шестые — что тому виднее, у кого нос длиннее, седьмые — что без князя земля — вдова, восьмые — что князь — батька, земля — матка. Тут, правда, встряли девятые и десятые, дескать, князь — не огонь, а близ него опалишься, и вообще от власти одни напасти. Да только кто их слушать будет, девятых-то с десятыми!

Тут, за столом, Жупел и начал княжить над Многоборьем — сперва незаметно, потихоньку, а потом и в полный разворот, так что стало тошно даже непривередливым кикиморам, а бесстрашные по причине размеров и глупости братья-великаны Валигора, Валидуб и Валидол, когда им рассказывали о деяниях князеньки, покрывались пупырышками величиной с голову младенца.

...Позже на этом самом постоялом дворе один приبلудившийся мудрец-шатун выслушал повесть о чудесном обретении князя из зацветшей лужи, задумался и объявил, что, мол, таков, в сущности, генезис любой власти. За это незнакомое, противное уму и слуху слово его стали бить, но ошиблись и просто напоили.

Жупел, прослышав от мгновенно расплодившихся ябедников про мудреца-шатуна, разгневался и приказал считать, что это сам Громовник, пролетая над Многоборьем, изронил свое живоносное семя

в лоно Матери — Сырой Земли, отчего она и понесла на радость людям. Старики засомневались: зачем бы такому почтенному богу тешить себя в небе на сухую руку, когда ему рада любая туча? Но старики как-то быстро перемерли, а князь велел сложить про себя в народе песню с такими словами:

Мы видали все на свете,
Кроме нашего вождя,
Ибо знают даже дети,
Что вождя видать нельзя!

И далее в том же духе. С этой песней многоборцы стали ходить в походы на соседей. А соседей было множество:

и проворные стрекачи;
и осмотрительные сандвичи, носившие щит не только на груди, но и на спине;
и неугомимые толкачи;
и говорливые спичи;
и суровые завучи;
и вечно простуженные сморкачи;
и разгульные спотыкачи;
и сильно грамотные светочи;
и пламенные кумачи;
и гордые лечить скотину ветврачи;
и гордые головане;
и твердые чурбане;
и расчетливые чистогане;
и веселые бонвиване;
и трудолюбивые котловане;
и рудознатцы-колчедане;
и рыболовы-лабардане;
и огородники-баклажане;
и разбойные жигане;
и рассудительные старикане;
и малочисленные однополчане;
и строгие столбцы;
и разнеженные шлепанцы;
и бесчестные разведенцы;
и обстоятельные порученцы;
и хрупкие мизинцы;
и коварные жгутиконосцы;
и, наконец, шустрые мегагерцы!

Много их было, а ведь всех многоборцы при новом вожде примяли, примучили, принудили. Потому что князь Жупел первым придумал военные хитрости: нападать без объявления брани, жечь дома и целые города вместе с обитателями, резать сонного врага на ночлеге... «Гляди-ка, так и вправду ловчее воевать!» — радовались поначалу многоборцы. Они думали, что это какое-то новое колдовство. А потом стали тяготиться и сомневаться в содеянном.

Но Жупел уже не больно в них нуждался — было на что нанять пришлых бойцов, и они не замедлили явиться со всех концов света. Послужить у Кипучей Серы считалось даже за доблесть. Он стал уже поговаривать о дальних походах — в Наглию, в Бонжурию, в Неспанию, в Дискобар, а там, глядишь, и в Кромешные Страны...

Но сперва он решил жениться. Супругу же взял не в подчиненных землях, а в заморском Грильбаре сосватал дочь старого царя Барбоза — прекрасную Апсурду. То есть это она сама звала себя прекрасной, потому что никто не решался сказать ей всю правду про ее рябое личико. Апсурда приловчилась травить ядом непочтительных, даже и ближнюю родню. Князь Жупел на всякий случай ел из ее тарелки и пил из ее кубка — и то, бывало, живот прихватывало. До чего дошло — даже зеркала боялись отразить ее в подлинном виде, угодливо изгибались и лепили, как могли, красавицу. А когда стала она мужней женой, Жупел сообразил, что рога у него на голове выросли как бы в задаток...

Но все равно они жили вроде голубков. Апсурда как раз и придумала наречь самую большую многоборскую деревню Столенградом — как будто у других князей города не стольные!

Дружину князь принужден был уважать и пировать с ней за одним столом. Стол был длинный — иные из княжеских доброхотов уверяли, что три версты. Три не три, но челядь валилась с ног, обнося богатырей питьем и едой.

Что уж в этот день праздновал князь Жупел — установить не получится. Убили, поди, кого-нибудь — вот и праздник. Обычное застолье, сытое и пьяное, с песнями про князя и плясками про княгиню, с прочими развлечениями.

Одно развлечение было самое главное и любимое. Его уже давно придумал княжеский старший похабник Фуфлей, и Жупел Кипучая Сера весьма одобрил, а уж как княгинюшка радовалась! А ведь проста была забава, немудряща, проще игры в стукалку. И тратиться на нее не надо было.

Вот она вся: одному из дружинников вместо полагающейся серебряной ложки подавалась деревянная.

ГЛАВА 2

*В холодном сумраке покоя,
Где окружили стол скамьи,
Веселье встречу я какое
В разгуле витязей семьи?*

Велимир Хлебников

Есть с дерева считалось превеликим оскорблением для того, кто привык иметь дело с железом и железом же добывать золото. Оскорбленному оставалось в поединке отвоевать серебряную ложку у кого-нибудь из товарищей, либо наложить на себя руки от сраму, либо...

Князь довольно улыбался и старался разглядеть обиженного подслеповатыми глазами сквозь изумрудную линзу. Линза эта в свое время принадлежала самому царю Навуходоносору, и вавилонский затейник завещал ее тому, кто превзойдет его в пороках и злодействах. Награда сквозь века нашла достойного без всяких затруднений.

Вот и липовая ложка нашла молодого Жихаря.

«Поделом», — шептались иные, а многие боялись, что детина вызовет на бой именно его. А если не выберет, стерпит, то из дружинников пойдет прямо в позорные подметалы...

Княгиня тоже улыбалась. На случай, если богатырь проглотит оскорбление и воспользуется ложкой, она ее три дня вымачивала в яде семибатьюшной гадюки.

Жихарь неуклюже поднялся с лавки на своем дальнем конце. У него еще борода как следует не выросла. Дитина взял ложку двумя пальцами и оглядел самым внимательным образом. Потом наклонился и достал из-за голенища другую ложку — тяжелую, золотую, почти с ковшик — и показал ее всему собранию, подняв за стебель. По стеблю вились причудливые узоры, на черпале были вырезаны колдовские руны. Принадлежать сопляку такая чудесная ложка не могла, наверняка где-нибудь взял в бою, а скорее всего — украл, но не то беда, что украл, а то, что осмелился не подарить владыке своему.

— Вот чем добрые-то люди хлебают! — провозгласил Жихарь. Князь рассмотрел золотую ложку и позеленел, как его изумруд: ложка была побогаче княжеской, да Жупел и не поднял бы такую. — А деревянной — сам жри! — крикнул Жихарь и метнул липовое орудие через весь стол.

Стол был, конечно, не три версты. Легкая ложка не пролетела бы такую долгую меру. А тут Жихаревых сил хватило в самый раз.

Ядовитая деревяшка, гудя и завывая в воздухе, пролетела над братинами с вином, над жареными лебедями и печеными поросятами, над могучими осетрами и палевой стерлядью, над горами черной икры, над заморскими бананами и родной квашеной капустой, над великанскими пышными пирогами двадцати двух видов и родов, над мисками с моченой брусникой, над редькою в меду, над вареными в пиве раками, над студнем говяжьим, над студнем свиным, над студнем куриным (длинный, длинный был стол, чего уж там!), над жареной бараниной с гречневой кашей, над карасями в сметане, над отварными телячьими ножками, над гусями, затаившими в себе яблоки, над киселем из пареной калины, над стогами зеленого лука, над печатными пряниками, над кашей из сладкого сорочинского пшена, над солеными огурцами, чей рассол дожидался завтрашнего утра, над щами, борщами и ухой, над вареными языками, над томленной печенкой...

Но тут стол все-таки кончился и начался грозный князь Жупел Кипучая Сера.

Летающий снаряд угодил ему черпалом прямо в лоб.

Эх, зря пожалел богатырь метнуть золотую ложку, та наверняка сумела бы развалить Жупелу голову, а дружинники хвастались бы потом, что на столе у них сегодня были княжки мозги.

Лоб у князя был хоть и невысокий, но очень твердый, и липа не сдюжила, расколосась как раз на две половинки. Обе они были немедленно похищены на память ближайшими сподвижниками Жупела. Князь в это время потерял сознание. Жихарь недобро оглядел

приостановившийся пир, сел обратно на лавку и в наступившей тишине принялся золотой ложкой шумно хлебать тройную уху.

Первыми, на свою голову, опомнились особые ненавистники Жихаря — Заломай и Завид. Они вскочили и затеяли крутить товарищу руки, причем Завид больше старался насчет золотой диковины. Зато ему и досталось больше, чем напарнику: улетел без памяти в угол и пропустил всю гулянку.

К чести дружины надо сказать, что большая и лучшая ее часть в пленении преступника пока не участвовала, но желающих все равно хватило. Щедро обливаясь кровью и метко плюясь друг в друга выбитыми зубами, верные соратники все же совладали свалить Жихаря под лавку и этой же самой лавкой придавить к полу. Сверху на лавку уселись человек пятнадцать, и на рожках их тотчас же выразилась законная гордость.

Жихарь чуть полежал, собрался с силами, подтянул ладони к груди и выжал над собой лавку со всеми устроившимися. Потом подтянул и ноги (драгоценная ложка была уже за голенищем), страшно крякнул и, напрягая спину, вскочил, продолжая удерживать лавку. Мало того, он вытолкнул ее над головой и стал, перелагая из руки в руку, раскручивать. Как заведено по законам природы, сперва полетели крайние, а потом и все остальные. Двое последних устремились вместе с лавкой над застольем в сторону все того же князя, но не долетели, грохнулись, поломав и столешницу, и не уберегшегося жареного осетра.

Князь очнулся и встал. Его и без того лишаистое лицо все пошло красными пятнами — то ли от гнева и стыда, то ли от яда, пропитавшего липовую ложку.

Снова залегла тишина.

— Кто сказал «позор Многоборья»? — прошипел Жупел.

Вслух, конечно, никто этого не говорил, но, когда много людей думают враз одно и то же, получается все равно что вслух.

— Взять его! — пожелал князь.

Виновато и злобно косясь друг на друга, еще несколько дружинников бросились к оскорбителю, среди них и старший похабник князя Фуфлей. На полу вышел целый курган из тел или, вернее сказать, вулкан, потому что из вершины внезапно взметнулась золотисто-рыжая голова Жихаря.

— Ты смотри — сироту всякий норовит обидеть! — невнятно пожалобился он неизвестно кому и снова скрылся, предварительно выплюнув на пол чье-то неосторожное ухо.

Княгиня Апсурда, трепеща, надзирала за схваткой и указывала, по каким местам следует бить поганца. Князь Жупел с великим сожалением гладил треснувший изумруд.

Только старый мудрый варяг Нурдаль Кожаный Мешок никуда не лез, а молчком сгребал все со стола в припасенный как раз для

такого случая кожаный мешок. Ломти осетрины летели туда заодно со ржаными ковригами и заливались калиновым киселем: суровый воин Севера не без оснований полагал, что в брюхе им все равно суждено соединиться. На застольный грабеж никто не обращал внимания.

Наконец князь, визжа и ругаясь, бросил в схватку и тех, кто до сих пор воздерживался. Жихарь вздрогнул, увидев, как идут к нему, бледнея и краснея, самые верные и надежные приятели, и сил у него сразу поубавилось.

Княгиня Апсурда вытащила спрятанный промежду грудей отравленный кинжальчик и, щурясь, стала целиться. На мгновение перед ней мелькнула красная рубаха Жихаря; кинжальчик помчался на убой, но вопреки ожиданиям княгини вонзился пониже спины мерзопакостному Фуфлею. Яд был такой крепкий, что Фуфлей мигом посинел, распух и больше не жил.

— Поддайся, Жихарь! — уговаривали боевые друзья. — Все равно сегодня помирать!

— Лучше вы сегодня, а я завтра! — сопел Жихарь.

Но сколько ни сопел, а скрутили его — сперва кожаными ремнями, а для верности и цепями.

У замучившейся дружины не хватило даже сил дотащить пленника до князя, пришлось грозному Жупелу самому вставать и ковылять на недлинных ножках.

— А вот и суд мой праведный идет! — обрадовал он всех утончившимся от пережитого голосом.

Воины разошлись вдоль стен, стыдясь глядеть друг на друга. Только старый мудрый варяг Нурдаль Кожаный Мешок жалобно глядел на все еще обильное застолье — в мешок больше ничего не лезло.

— Говори, дубина, кто надоумил тебя оскорбить княжеское величие? — пристал Жупел к богатырю.

Жихарь подумал, сощурил и без того заплывший глаз.

— Да княгиня твоя, — сказал он. — Изведи да изведи постылого — зудила, зудила каждую ноченьку...

— Врешь, — сказал князь, ибо доподлинно знал, что как раз Жихарь-то княгиней брезговал.

— Врешь, — зашипела и княгиня. — Какой ему суд, когда и так все понятно?

— Верно, — сказал Жупел. — Все и так все видели. Словом, за то, что зарезал он лучшего друга, нашего достойного Фуфлея, подлым отравленным ножом, бросить Жихаря прямо в Бессудную Яму на острые осиновые колья!

— Слава! Слава! — одиноко вскричал очнувшийся Завид. Остальные недовольно молчали. Недовольна была и княгиня Апсурда — она

недавно выдумала новую отраву, настой бородавок на крысином молоке, и хотела ее на ком-нибудь опробовать. Потом подумала и решила распусть слух, что молодой воин и вправду был казнен за преступную любовь к повелительнице: может быть, какой-нибудь дурак и поверит. И песню сложит.

...Столенград был обнесен высоким частоколом, и на каждой его тычине насажена человеческая голова. Это, по замыслу князя Жупела, должно на деле показать всем добрым людям силу и мощь Многоборья и связь его с иными народами. Тут были воины всех соседних племен, да и отдаленных хватало.

Далеко не все эти головы были отсечены в честном бою. Говорили, что князь Жупел рассылает по отдаленным землям особых людей, которые попросту выкупают это добро у могильщиков. Да и заморские купцы, приезжая в Многоборье по своим делам, хорошо знали, что будет от владыки всякая помощь и поддержка, если поклониться ему чьей-нибудь головой, желательного редкого вида: чернокожей и толстогубой или, наоборот, желтой и узкоглазой. Почетных и желанных гостей князь усердно водил вокруг страшной смердящей ограды и долго, с отягчающими подробностями рассказывал, где и при каких обстоятельствах заполучил он каждую голову, о нечеловеческой доблести и бешеном сопротивлении бывших головоносцев. При этом Жупел сильно махал руками, пока не уставал. Если же гость-невежа указывал, что вот эта голова, несомненно, женская, князь нимало не терялся и повествовал о свирепых богатырках Бабьей Земли Окаянии, которые в бою стоят десятерых мужиков.

Но голове Жихаря не суждено было украсить собой мертвую городьбу: что за честь держать тут своего же подданного! Поэтому его с великим трудом выволокли через княжий двор на самую вершину горы Чернухи, к Бессудной Яме.

Никто во всем княжестве не знал, что находится на дне этой самой Ямы. Считалось, что туда вбиты острые осиновые колья; да только кто бы лазил их туда вбивать? Раньше случалось, что подпившие дружинники, поспорив, пытались спуститься в мрачный провал на веревке, но обратно не вылез ни один, а сама же веревка неизменно оказывалась пережженной.

— Не мы тебя, Жихарь, ведем — судьба тащит! — оправдывались дружинники.

— Я вас из-под земли достану! — грозился Жихарь.

И могучие бородачи ежились: несмотря на зеленые лета, слава у Жихаря была самая дурная. Много всякого он успел натворить и в бою, и в пиру, и в девичьих светелках.

— Прости, друг! — приговаривали соратники, и многие при этом исходили честными слезами.

На краю Ямы, возле деревянного кумира Владыки Проппа, остановились, чтобы подождать коротконового князя. Кумир был вырезан грубовато, но умело: всякий враз признал бы высокий лоб, добрый взгляд, аккуратные усы и крошечную бородку. Очи Владыки обведены были двумя кружками — без них, верили, он плохо будет видеть. Поклоняться Проппу стали еще в незапамятные времена, такие незапамятные, что никто и не помнил, что это за Пропп такой и зачем ему следует поклоняться. Много чего знали про Белбога и Чернобога, про Громовика и Мокрую Мокриду, да и про Отсекающую Тени рассказывали немало лишнего; некоторые самолично видели издалека Мироеда, а вот насчет Проппа никто ничего определенного сказать не мог, у него даже жрецов своих не было. Знали только, что жил он на свете семь с половиной десятков лет и установил все законы, по которым идут дела в мире. Законов тоже никто не помнил, хотя исполнялись они неукоснительно.

Жихарь взглянул в лицо идолу, вздохнул:

— И ты такой же! Я ли тебе не жертвовал — и новеллы сказывал, и устареллы!

Пропп ничего не ответил, только вздохнул в ответ и, казалось, хотел бы развести деревянными руками, да были они вытесаны заодно с туловищем, и ничего не вышло.

Тут и князь приковылял, а уж за ним, шатаясь под тяжестью вкусного груза, старый варяг.

Жихарь с отвращением принимал объятия и поцелуи прежних друзей, и так детину при этом корежило и воротило, что два сыромятных ремня порвались, да и цепь стала подозрительно потрескивать.

— Нечего рассусоливать, бросайте! — велел князь.

Рыдая в голос, богатыри раскачали Жихаря и метнули в черную бездну как раз в тот миг, как расскочиться цепи. Паскудный Завид стоял несколько поодаль и, трепеща от радости, разглядывал украденную все-таки золотую ложку. Но недолго пришлось ему любоваться: поросшая сивым волосом ручища Нурдаля Кожаного Мешка вырвала добычу из дрожащих лапок.

— Я первый взял! — возмутился Завид. Не говоря ни слова, варяг ударил Завида в лоб, подошел к Яме, склонился, подержал драгоценную добычу двумя пальцами, потом разжал их.

— Ни себе, ни людям! — завозмущались воины.

Нурдаль нехорошо оглядел их всех, считая князя, решительно поднял свой кожаный мешок и отправил его вслед за Жихарем и ложкой.

— Ты бы еще коня его туда скинул, — только и сказал князь. Никто не хотел связываться с Нурдалем Кожаным Мешком, даже сам Жупел Кипящая Сера. Старый варяг первым пришел наниматься в дружину, лучше всех знал воинское дело, боевые обряды и обычаи. Вот и сейчас

получилось, что Нурдаль, хоть и не полностью, исполнил долг перед похороненным заживо бойцом.

Тут и остальные усовестились, окружили Яму, обняли друг друга за плечи и завели погребальную песню:

На красной заре
В Кромешной Стране
Летели три ворона,
Ревели в три голоса:
«Ты судьба, ты судьба,
Ты прискорбная вдова!
Мы не бедные люди —
У нас медные клювы,
Мы не как остальные —
У нас перья стальные,
А заместо глаз
Красны уголья у нас.
Маемся смолоду
От лютого голоду.
Мы твои дети,
Куда нам летети?»
Отвечала судьба,
Прискорбная вдова:
«Я вас, дети, возлюблю,
До отвала накормлю:
За земным за краем,
За синим Дунаем,
На высоком холме,
В золоченой броне
Тело белое лежит,
Никуда не убежит,
Вас дожидает,
Глаз не закрывает.
Ему не на что глядеть,
Ему незачем терпеть,
Ему не о чем тужить,
Ему хватит жить...»

Так примета насчет красных воронов и сбылась.

ГЛАВА 3

А еще один неизвестный, но заслуживающий полного доверия автор повествует о том, как Рыцаря Феба в некоем замке заманили в ловушку; пол под ним провалился, и он полетел в глубокую яму, и там, в этом подземелье, ему, связанному по рукам и ногам, поставили клистир из ледяной воды с песком, отчего он чуть не отправился на тот свет. И несдобровать бы бедному нашему рыцарю, когда бы в этой великой беде ему не помог некий кудесник, верный его друг.

Сервантес

Жихарь слышал, что в смертную минуту перед человеком проходит вся его жизнь, вся как есть, с мельчайшими подробностями, и надеялся, что успеет припомнить начальную свою пору, и родителей своих, и настоящее имя, потому что памятная его жизнь была коротенькая и непутевая, а Бессудная Яма весьма глубока, и хватит ли ему обычных воспоминаний, чтобы долететь до дна, не станет ли скучно и тоскливо по дороге, не завоет ли он в голос, к вящему удовольствию князя Жупела? Орать было стыдно, молчать тяжело. Никаких картин из жизни перед глазами не наблюдалось, а была сплошная чернота. Время растянулось, словно медовая капля, падающая из ковша, ничего не происходило, и богатырь напугался: что, если смерть такая вот и есть — все понимаешь, а сделать ничего не можешь?

Тут он спиной ощутил какое-то встречное движение, легкие уколы, услышал тихое потрескивание, и вот со всех сторон охватила его колючая и душная шуба, и стал ожидать он последнего страшного удара заостренных кольев, но так и не дождался. Тут уже не время замедлилось, а падение, скоро оно совсем прекратилось, и молодца даже подбросило невысоко кверху, а потом гора сухого сена окончательно приняла его.

«Ты смотри — даже колья в яме нельзя оставить без присмотра!» — подумал Жихарь, и тут его с великой силой ударило по спине. Жихарь схватился за ушибленное место, потом, к своему удивлению, нащупал знакомые изгибы золотой ложки.

— Я вам покидаюсь, собачьи дети! — заорал он и вовремя сообразил увернуться — на его место тяжело рухнуло чье-то тело. «Должно быть, Фуфлея-покойника бросили, — решил Жихарь. — Теперь людям и вправду велят говорить, что я его зарезал ядовитым ножом — срам какой...»

Пошарил руками, и оказалось, что у чаемого Фуфлея нет ни рук, ни ног, ни самой головы и вообще это не Фуфлей, а кожаный мешок, от которого вкусно пахло вареным, печеным и даже хмельным.

«Зря старый варяг снеди кинул — дольше буду мучиться», — пригрюнился богатырь, но, как всегда после опасности, в животе забурчало, он развязал мешок, взял прямо сверху жареного гуся и как-то незаметно для себя обглодал до последней косточки. Жить стало лучше, жить стало веселее. Надо было как-то устраиваться, а там, глядишь, и выбирать. Над головой голубел кружок неба. Да и мрачная песня дружинников ласкала ухо — на своих поминках побывать всякому лестно.

На всякий случай Жихарь издал несколько пронзительных смертных стонов, громко пожаловался на остроту кольев и соседство многочисленных мертвых тел и разных чудовищ. Конечно, проверить вряд ли кто осмелится, но если князю заблажит...

Потом темнота надоела богатырю, да и верные товарищи наверху разошлись. «За стол, поди, вернулись, поминать будут», — позавидовал Жихарь и ласково погладил варяжий мешок. По бульканью он определил деревянную флягу с пивом, достал и приложился, поминая себя добрым словом. Питье надо беречь, вовремя вспомнил он. Пора бы и оглядеться.

Жихарь вытащил из-под себя пучок сена, скрутил его особым образом, зажал между ладоней и стал сильно тереть. Такое не всякому по плечу, но молодой воин долго этой хитрости учился у Кота и Дрозда в глухом лесу. Мало-помалу сухая трава затлела, а потом и пламя показалось. Жихарь скатился на землю — было довольно высоко — и удивился: кто же это заготовил тут такую пропасть сена и зачем? Никаких мертвых тел и тем более чудовищ поблизости не валялось.

Яма была внизу просторная, богатырь принялся ходить туда и сюда, внимательно следя, не колыхнется ли пламя. Ходить пришлось долго, то и дело возвращаясь к стогу за новой долей сена. Сверху ведь его свалить не могли, значит, как-то по-другому доставили. Огонь и дым устремлялись вверх, но наконец потянулись и в сторону. Жихарь пошел, куда тянуло, и наткнулся на решетку. Решетка закрывала не какой-нибудь собачий лаз, а добрую дверь.

Жихарь покрутил в руке сорванный замок и сдвинул решетку. Из прохода сильно тянуло холодом.

Сперва он хотел на прощание поджечь стог — дым пойдет вверх, то-то будет там страхов и пересудов! Огненного змея заподозрят! Яма — она и есть Яма, недаром у далеких предков в жаркой стране за Зимними Горами бог смерти так прямо и звался: Яма... Да князь Жупел со страху убежит к тестю в Грильбар!

Но потом подумал: а как не убежит? А как случится новому бедолаге сюда лететь? Жихарь сплел толстый жгут сена, воткнул его в стенную трещину и зажег. Потом, не торопясь, разложил щедрые дары скопидомного варяга и честно поделил пополам, оставив долю грядущему бедолаге. Может, князь с княгинею прямо сегодня сюда еще когонибудь ввергнут? Залез обратно на стог и взбил сено, чтобы мягче было падать. И сверху заметил, что колья тут все же были, но кто-то их выдернул и рядком поставил к стене — добрый десяток.

Богатырь скользнул вниз, выбрал пару кольев: один для факела, другой для драки. Обрывком железной цепи подпоясался — тоже пригодится. Все было готово к походу в неведомую тьму.

Все, да не все. Ведь, если заметят слабый дымок, если Жупел что учует, он же спровадит сюда всю дружину — добывать преступного обидчика. А они увидят ход и кинутся в погоню. Придется погодить.

Колдовать как следует Жихарь, конечно, не умел, но кое-чего нахватался у тех же Кота и Дрозда. Разбойники без чар не живут. Он наковырял глины из стены и с сожалением размочил ее пивом. Из глины он как попало вылепил человечка, стараясь, чтобы тот походил на него самого, но человечек все равно получился страхолюдным. Указательным пальцем лепила проколупал в глиняной головке разинутый рот. Потом прокусил до крови мизинец и смочил кровью лоскуток, не пожалев нарядной рубахи. Лоскуток он воткнул болванчику в грудь, где полагается быть сердцу, слегка полюбовался на свое творение и посадил его на верхушку стога.

Болванчик, не чинясь, начал обрабатывать свою недолгую жизнь: из дырки во рту полились наверх жалобные сетования и причитания, перемежающиеся проклятиями вероломным друзьям. Выражался гли-

няный при этом столь забористо, что многие хулительные слова не были знакомы и самому Жихарю.

Голос, конечно, был мертвый и противный, но чего и ждать от человека, пронзенного осиновыми кольями?

— Не заткнется ведь, пока не засохнет! — похвалил Жихарь сам себя и тронулся в путь.

Коридор был просторный, не пришлось даже нагибаться. Может, предки многоборцев его выкопали в свое время на случай осады, а потом забыли, хотя вряд ли: уж такой храбрец, каков Жупел Кипучая Сера, знал бы наверняка.

Значит, не старые люди рыли; во-первых, за столько лет тут бы все давно обрушилось и осыпалось, а во-вторых, разве под силу человеку проложить такой ровный и круглый ход? Словно огромный земляной червь его проделал, вон и бороздки на стенах...

Искать его теперь никто не будет, а если и увидят, посчитают за умруна: или за ходячего мертвеца, или за живого покойника, или, чего доброго, за бойкий труп примут. Потому что после смерти человеку, если он не желает спокойно в земле отдыхать, только в этих трех видах обретаться и можно. Ходячий мертвец людям без толку и даже опасен, потому что его под землей научили сосать кровь; живой покойник неприятен, поскольку приходит по ночам и вещает самую горькую правду, а кому она нужна; бойкий же труп обязан указывать людям клады, а они, увы, не во всякой местности зарыты.

Людей, конечно, не грех поугатать лишний раз, чтобы не возомнили о себе лишку, только пугателей и без Жихаря хватает. Молодому бойцу редко приходилось сталкиваться с Замогильным Людом, но воспоминания остались самые поганые... Надо было в сене-то порыться, найти сухую полынь, траву окаянную, бесколленную, на всякий случай — умруны ее не терпят...

Можно, выйдя на свет, податься на север и сказать, что послал его старый Нурдаль Кожаный Мешок, и мешком в доказательство потрясти, только ведь и там не мед — зря, что ли, варяг поперся в такую даль искать службы у лютого князя?

Можно податься и на юг — там, за страшной высоты горами, после той самой битвы, в которой погибли чуть ли не все люди на свете, снова поднимаются из руин древние державы, и умелому воину всегда найдется дело, только ведь жарко у них, и сидеть придется, не по-людски скрестив ноги, и на пупок свой пялиться, словно в нем есть что-то хорошее.

Если же пойти на юго-восток, непременно уткнешься лбом в бесконечную стену из обожженного кирпича, охраняющую Чайную Землю.

Перелезть через эту стену — полдела, только что за ней? Раскосые насельцы этой земли ловки драться без оружия, но против доброго кулака не дюжат. Скучно. В один час ложатся, в один час встают, детей зачинают по указу...

А на западе, за чернолесьем, по берегам теплых морей, живет люд богатый и гордый, все прочие племена почитающий дикими и подвластными. Вот туда бы двинуться, обломать им рога.

Но для начала неплохо бы просто выйти из-под земли на белый свет, но ход, как на беду, ведет все ниже и ниже...

Плохо горит осина, а все равно Жихарь разглядел впереди пару зеленых огоньков. Не в добрый час помянул он про Замогильный Люд. И что удивительно, пламени эти глазки вовсе не отражают, сами по себе светятся, словно гнилушки. Кто же это будет из троих возможных?

Жихарь остановился и подождал, пока умрун подойдет ближе. Нет, это не бойкий труп: у того из носу текут бесконечные сопли, если утереть их чистым наговорным платком, тут он тебе в благодарность покажет клад. И не живой покойник, а то бы еще издали начал перечислять пронзительным голосом многочисленные Жихаревы грехи и преступления, пока не застыдил бы до смерти. Стало быть, ходячий мертвец-кровопивец.

Жихарь переложил факел в левую руку, а правой крепко взял основной кол острием вперед. Умрун был недавний, ядреный, на нем еще одежда не успела истлеть; вот оружия не было и не могло быть, к счастью или к сожалению. Волосы белые, а лицо молодое и даже румяное, борода отросла до пояса, ногтей под землей тоже никто не стрижет.

Мертвец и сам остановился и улыбнулся. Зубы у него были уже нечеловеческие, длинные и широкие, и непонятно даже, как они в этом рту помещались. Зубы располагались в два ряда и ходили ходуном: слева — направо, справа — налево. Такому хорошо грызть решетки и кандалы.

Жихарь сделал легкий выпад колом. Ходячий мертвец отпрянул к противоположной вогнутой стенке и как-то ловко принял телом ее изгиб.

— Не любишь, — заключил Жихарь, взял и ткнул колом повеселее и чуть вбок. Умрун скользнул по стенке в сторону — туда, откуда пришел Жихарь. — Иди-иди, — велел воин. — Все равно тебе там ничего не обломится. Нынче умрунов кормить не велено — живым не хватает...

Мертвец стремительно нырнул головой вперед, норовя перекусить кол, но Жихарь вовремя спохватился и треснул его колом по зубам, основательно их проредив. Умрун взвыл и отпрянул.

— Не любишь, — повторил богатырь и продвинулся вдоль стенки вперед. Потом замахнулся факелом: — Во, и огоньку не любишь? Так иди с миром.

Жихарь знал, что ходячего мертвеца нужно, хоть расшибись, держать на расстоянии. Он втянул живот, цепь-запояска ослабла и скользнула в подставленную руку с колом. Эх, нет у человека третьей-то руки, не нарастил!

Зеленые глазки замогильного молодца внимательно подстерегали всякое неверное движение, но не дождались. Точным броском цепь легла поперек прохода, отделив мертвое от живого непреодолимой для умруна преградой.

— А железа-то сильнее всего не любишь, — сказал Жихарь. — Ну и ступай прочь, видишь, я не добыча.

Мертвец согласно кивнул, повернулся и пошел себе дальше, к Бесудной Яме — должно быть, случалось находить там пропитание.

Осиновый кол влетел умруну в спину как раз против сердца. Ключом брызнула едко пахнувшая кровь. Мертвец вскинул руки и обернулся. Зеленые глаза гасли, выразив укоризну.

— Ну, извини, — сказал Жихарь. — Бой по правилам — только для живых. Не оставлять же тебя за спиной — люди узнают, станут дураком дразнить...

Мертвец рухнул мордой вниз. Кол в спине дрожал. Жихарь подумал-подумал да и выдернул оружие: мало ли кто встретится впереди. Хотя, по всем правилам, кол полагается оставить в ране, чтобы не зажила, так то по правилам...

Умрун в последний раз содрогнулся и сдох. Только выбитые зубы подпрыгивали на полу, стремясь к человеку, но железная цепь не пускала. Богатырь подобрал цепь, зубы растоптал в прах коваными сапогами, привел себя в порядок и пошел дальше, а на ходу рассуждал вслух, что в спину, конечно, бить нехорошо, но для умрунов сойдет.

Удаляясь, он нет-нет да оглядывался. Но все было тихо. Богатырь ругательски ругал себя, что вовремя не вспомнил про цепь, а потом сообразил: все правильно сделал, иначе бы не разошлись. Ход вел все вниз да вниз, и это было скверно. Наконец Жихарь воткнул совсем уже коротенький факел в стену, снял мешок, сел и еще подкрепился, мысленно попрекнув Кожаный Мешок за то, что валил со стола все подряд, без выбора. Однако стало полегче. Только и второй кол пришлось зажечь от остатков первого. Вся надежда теперь была на цепь да на золотую ложку в случае ближнего боя.

Между тем глина, в которой проложен был ход, сменилась гранитом, и стало совсем уж непонятно, кто мог долбить себе дорогу в твердом камне.

Никаких следов живого присутствия видно не было, напрасно Жихарь искал по стенам зарубки или надписи. Замогильный Люд тоже не мог построить такое диво, им из земли выкопаться — и то радость.

«Э, да уж не к Господину ли Земляное Брюхо я на обед поспешаю? — опасливо подумал Жихарь. — Он ведь всякую дрянь ест, даже людей...»

Видеть Господина Земляное Брюхо вот уж точно никто не видел, а слышали многие, особенно рудокопы, как он там у себя ворчит, кашляет, жалуется невыносимым голосом на голод и холод, распевает дикие песни, чавкает, набредя на пласт жирной съедобной глины, устраивает постирушки, отчего штольни заливает водой, хрустит, разгрызая кости древних чудовищ, а когда надумает выколотить из этих костей мозг, то земля трясется, ходы обрушиваются и рудокопы пополам с землей летят к Господину Земляное Брюхо в это самое брюхо. Справиться с ним способны только горные карлы, да и то не справиться, а отогнать, выкрикивая нарочито обидное слово, и слово это для человеческого языка никак не произносимо.

Тут Жихарю почудилось, что он и сам слышит где-то глубоко под собой невнятные стенания и пение.

«Поймал, должно быть, гулящего умруна или моим попользовался, — сообразил богатырь. — Сейчас переварит, и начнет у него брюхо земляное пучить, распирает. Земля задрожит, и камень не удержится — тут мне и конец».

Для храбрости герой замахал перед собой факелом и даже запел подходящую к случаю песню, древнюю и жалостную, про то, как погиб в бою единственный у матери сын, а много лет спустя заехал в ту деревню странствующий чародей и стал показывать за деньги живые картинки на белом полотне и как мать увидела сына, размахивающего мечом, и как она потом убивалась... Дальше ходу не было.

Прямо перед Жихарем весь проход занимала чья-то мохнатая задница с тоненьким хвостом. Шерсть была грубая, густая, отливала рыжим. Хвост то и дело молотил по стенам и потолку.

«Не понос, так золотуха, — печально подумал дружинник. — Надо же, напоролся на Индрика-зверя!»

Зверя Индрика тоже мало кто видел, а тем более живого. Ведь известно, что всю жизнь он проводит под землей, умело прокладывая себе ходы, а когда вылезет на белый свет, то сразу же и окаменеет. Поэтому Индрик показывается наружу только темной ночью, а если днем — то лишь когда соберется умирать, наскучив долгим веком. Вот каменных Индриков многие видели на крутых обрывистых берегах северных рек. Северяне зовут Индрика по-своему — Большая Земляная Мышь, хотя от мыши, пожалуй, у него только хвостик и есть.

Жихарь еще подумал, слазил в заспинный мешок, сжевал чуть не половину осетра и принял решение. Сперва он попробовал стегать Индрика цепью, но зверь не обращал на порку никакого внимания и продолжал беспорядочно отмахиваться хвостом.

«От меня так просто не отмахнешься!» — похвалил себя за сообразительность Жихарь и сунул факел прямо в шерсть. Повалил удушливый черный дым, и богатырь чуть не задохнулся, покамест до чудовища дошло, что сзади творится неладное. Хвост бешено замолотил по стенам, так что Жихарь еле сумел схватить его и намотать на руку. Впереди что-то заухало и заскрежетало, и туша начала двигаться вперед — сперва еле-еле, а потом все быстрее и быстрее. Жихарь перешел на бег, стараясь не тянуть за хвост (кто его знает, чем оно кончится!), потом хвост все же натянулся, вырываясь из руки, по стенам вдоль прохода полетела каменная крошка. Пришлось бросить факел и вцепиться в хвост обеими руками. Переставлять ноги тоже стало некогда, Жихарь скользил на пятках по каменному полу и радовался, что обул на пир не нарядные красные сапоги с высокими каблуками, а грубые подкованные бахилы. Да он и не мог явиться на пир в красных сапогах, поскольку пропил их накануне.

Индрик несся все быстрее. Из-под сапог летели искры — сталь на подковках была отменная. Дышать из-за дыма и каменной пыли было невозможно. Богатырь чихал и плакал, все крепче цепляясь за хвост.

— А и славненький же хвостик, жиловатенький, — приговаривал он на всякий случай сквозь кашель переделанное на скорую руку заклинание. — Не износится наш хвостик, не истреплется...

(Он едва успевал замечать, что мимо них пролетают какие-то другие ходы и пещеры, а в некоторых даже виднеются вроде человеческие фигуры. Фигуры махали руками, то ли угрожая герою, то ли приветствуя беспримерное его деяние.)

Тут огонь добрался до какого-то уж такого чувствительного Индрикова места, что зверь прибавил ходу, подковки и подошвы под Жихарем сгорели, черед был за ступнями богатыря, но внезапно все кончилось, и Жихарь со всего маху врезался в пылающую тушу. От удара он отлетел назад, хлопая опаленными ресницами.

— Приехали, — только и молвил герой, выпуская из рук разом обмякший хвост. — До сих пор я только лошадей загонял...

Печально догорели последние завитки шерсти, и Жихарь оказался в полной темноте. Да не такой уж полной: между холкой чудовища и потолком была скудная полоска света. Жихарь по хвосту, как по веревке, поднялся на спину. Индрик был еще теплый, но подозрительно быстро остывал.

«Рыло высунул наружу, каменеет, скотина!» — сообразил герой. На раздумья времени не было. Он спрыгнул на пол и что было сил уперся левым плечом в копченый зад Индрика. Упираясь, он поминал Белбога, Мироеда, Проппа и хитроумного Дыр-Танана. С ними и толкать было сподручнее. «Окаменеет весь, тогда совсем с места не сдвину!» —

страшился Жихарь, а как подумал о том, что придется возвращаться по этому бесконечному ходу, то и дело натываясь во мраке на всяческую нежить, то нашел у себя ровно столько силы, что сумел протолкнуть тяжелую с каждым мигом тушу на два шага. Потом посмотрел вверх и успокоился: «Живот поджать — пролезу!»

Правда пролез, только мешок пришлось снять и тащить за собой. И хорошо, что протискивался с трудом, а то бы с разгона вылетел и свалился прямо в реку: по вековой привычке Индрик-зверь вылез на белый свет как раз посередине речного обрыва. Окаменевшая шерсть ломалась под пальцами. Голова Индрика была вывернута и смотрела в небо. Громадные полукруглые бивни, числом четыре, иступились, истерлись о гранит. Вот как, значит, он под землей ходит: вращает башкой, словно шея у него без костей, а бивни выгрызают дорогу в земле и камне...

На речном берегу лежали круглые серые валуны — на них-то и мог упасть богатырь. Пришлось осторожно спуститься по отвесному склону, цепляясь за малые трещины, щели, корни и стрижиные гнезда.

Оказавшись внизу, Жихарь задрал голову и посмотрел на каменного Индрика.

— Загубил я тебя, брат, — сказал он. — Если бы не я, ты бы еще тыщу лет землю буравил...

Услышав его, каменный зверь подался вперед. Жихарь отбежал подальше, к самой воде. Индрик, словно получив сзади хорошего пинка, вылетел из прохода, грохнулся вниз и снова обдал Жихаря каменными осколками. Только бивни остались целы.

А из пещеры на обрыве высунулась голова на длинной шее. Голова вроде бы человеческая, только очень большая, а шеи такой, конечно, у людей никогда не бывает. Голова клацнула зубами в воздухе и дико завопила, зажмурившись: не терпела, видно, солнца, хоть и на закате.

— Вот и третья смерть меня миновала, — подытожил Жихарь.

Ослепшая голова продолжала раскачиваться над берегом. Богатырь подбросил камень получше, и очень метко бросил. Чуть не выбил глаз, но хитрая голова схватила камень на лету зубами и схрумкала. Жихарь приглядел еще один камень, лучше прежнего, но голова не стала его дожидаться, поспешно втянулась в обрыв.

— Вот так-то лучше, — заметил Жихарь.

ГЛАВА 4

*Витязь
Этот холод окаянный,
Дикий вой русалки пьяной,
Всюду визг и суматоха,
Оставаться стало плохо!*

Велимир Хлебников

Если долго-долго смотреть на полный месяц, можно разглядеть там целых двух человек в довольно интересном положении. Один поднял другого на вилы и задумался: брякнуть оземь или еще так подержать? Жители Чайной Земли, впрочем, усматривают там только жабу и зайца, но это, скорее всего, от узости взгляда.

Кто эти двое — в точности неизвестно, хоть некоторые и утверждают, что родные братья, чего-то там не поделившие. Таким образом, боги постоянно напоминают людям, какие они, человеки, сволочи: двое всего останутся и то между собой передерутся. А на другой стороне, говорят, зрелище еще похлеще, только его до поры видеть не положено...

Так раздумывал Жихарь, уставившись на упомянутое прискорбное изображение, причем двойное: вода в реке текла ровно и спокойно, там и месяц отражался, и все прочие ночные светила, даже беспокойная бродячая звезда Зугель, которая в небе ходит не просто так, а носит вокруг себя кольцо, и разглядеть его может только самый зоркий

человек на свете. Многие кичливо вызывались потягаться за это высокое звание при дворах сильных мира сего: расписывали, какие узоры на этом кольце, какие тайные знаки выдолблены, да только зря. Те, кому положено, знают, что кольцо самое простое, каменное и вовсе даже не цельное, а из отдельных кусочков. Дерзнувших же похвастать необыкновенной зоркостью и простого-то зрения лишают.

При полном месяце человеку ночевать под голым небом негоже. Всякая нечисть и нежить, которая и белым днем не очень прячется, в такую ночь распоясывается окончательно, не ставит ни во что ни охранительный чеснок, ни окаянную травку полынь. Она, пожалуй, и через железную цепь осмелится перешагнуть. Вон как мавки-то в реке плещутся, скоро полезут на берег чесать зеленые свои кудри и просить Жихаря позычить им для этого дела свой гребешок. Гребешок у него за тем же голенищем, что и ложка, но он пока еще не золотой, а все равно жалко. Если дать его наглым и мокрым девкам, они расчесутся и вернутся в реку с миром, а гребень придется выбросить, иначе потом облысеешь. Если же не дать, пожадничать, тут такое начнется...

Мавки вообще-то красивые, такие красивые, какими при жизни сроду не были.

Иные страхолюдины как раз для этого и топятся. Только красота эта обманная.

Бывает, снаружи дом весь покрыт резьбой, а внутри грязь, пыль, плесень. Так и мавка. Повернется к тебе спиной, и увидишь позеленевшие без воздуха легкие, небьющееся сердце, созревшие кишки — такая гадость! Находчивый парень от мавок, правда, может отшутиться, только на это вся и надежда.

Костра Жихарь разводить не стал: уж лучше померзнуть, чем снова попасть Жупелу в лапы. Но когда потянет с реки туман, то за ним могут поползти и все как есть лихорадки: и Трясея, и Огня, и Ледея, и Гнетя, и Грудя, и Глухя, и Ломя, и Пухня, и Желтя, и Корчя, и Глядя, и самая страшная — Огнястра-Невея. Против двенадцати сестричек имеется крепкое, надежное заклинание: помянуть Белого Аспирина да Горького Трациклина, только это тому помогает, у кого и так здоровье хорошее.

Может вылезти погреться под светлым месяцем и сам царь Водяник. Царского в нем только борода, а так просто большая лягушка. Тот любит донимать людей вопросами: «Что у нас без умолку? Что у нас безответно? Что у нас без кореньев? Что у нас чаще роц? Что у нас выше лесу? Что у нас краше свету? Семь без четырех да три улетело — сколько всего?» Ответы известны даже малым детям.

А самого его следует осаживать такой загадкой: «Птица без голоса в гнезде из волоса, сама села, а яйца наружу — кто такой?» Водяник

устроен не как человек и нипочем не догадается, от обиды навяжет на шею камень и в очередной раз утопится, ему не привыкать.

Прогнать всех этих речных обитателей можно очень даже просто и недорого, если окажется под рукой обыкновенный козел. Козла они не любят, да ведь и людям он не больно приятен. На всякий случай козла можно вылепить из глины, только духу в нем необходимого не будет...

Но никто не лез на берег, не пускал из воды шумных пузырей, а мавку по плеску не отличишь от сома или налима. Жихарь задумался, загляделся на светлый диск, который покачивался на воде... Покачивался, покачивался, да вдруг и сдвинулся со своего места, словно лист кувшинки с оборванным стеблем, и поплыл, поплыл по речному стрежню, пока не скрылся за поворотом...

Жихарь помотал головой, поглядел на небо. Все было на месте — и месяц, и звезды. Звезды отражались и в реке, а вот месяц куда-то подевался. Жихарь затаил дыхание и на всякий случай взял в руку камень. Ничего не происходило. Потом на воде появилось светлое пятнышко, стало потихоньку расти, расти и наконец достигло положенного размера. Жихарь облегченно вздохнул и положил камень на место. Но в этот самый миг отражение снова оторвалось от своей невидимой основы и устремилось вслед за предыдущим вниз по течению, в те края, где Месяц называют Луной...

Да, место он выбрал самое дурное. Хотя кто выбрал-то? Зверь Индрик! Значит, будут не мавки, не лихорадки и не царь Водяник, а будет нечто вовсе скверное. Вверх по обрыву в темноте карабкаться не станешь, да и куда? Обратю в Столенград? Верно говорят, что возвращаться — плохая примета: сей же час голову отрубят.

Вода уже теплая, и не раз случалось Жихарю переплывать широкие реки, только не в ночь полного месяца. В воде он делается слаб и незащищен, и, может статься, очередной желтый круг, сорвавшись с предназначенного места, перережет ему шею или грудь...

Правда, если опорожнить кожаный мешок и покрепче его перевязать, можно плыть и на нем. Но тогда придется волей-неволей доесть все припасы, а плавать на полное брюхо умные люди не советуют.

«Никто меня еще пальцем не тронул, а я уже все страхи перебрал, — укорил себя Жихарь. — Сам ведь хвастался гуляющим девкам, что царю Водянику бороду оборвал, и речную тину в доказательство показывал. Вот и нахвастался».

Руки как-то незаметно для него потянулись к мешку, достали оттуда здоровенный печатный пряник и несколько каленых яиц. Созревающие луны продолжали скользить по реке одна за другой, но уже было не так страшно.

«Знать бы, куда они днем-то денутся — пропадут или станут дальше плыть, к Соленому Морю?» — задумался детина. На всякий случай решил о виденном никому не рассказывать, чтобы не засмеяли. Потом вспомнил, что рассказывать никому не придется, и загрустил. Грусть незаметно перешла в дрему, и ласковый голос над ним запел колыбельную, только напев стал как-то странно меняться, а голос опускаться все ниже и ниже, и знакомые слова превратились в чужие, рычащие и скрежещущие, и начали попадаться среди них полузабытые и давно заклятые имена истлевших идолов и околевших чудовищ, и от упоминаний этих застыла кровь...

«Варяги плывут, — сообразил во сне Жихарь. — Только вот почему они ночью плывут, не дурное ли задумали? Видно, все же придется наверх корячиться, предупреждать людей...»

Он открыл глаза, пришел в себя и понял, что поет один-единственный человек и никакой лодки с драконьей головой на воде нет, хотя что-то и чернеется...

Детина вскочил и отбежал под самый обрыв, надеясь, что не заметят.

Неведомый певец плыл посередине реки, озаряемый бледными лучами, плыл он, стоя на стволе вывороченного с корнем дерева. Дивно, при этом он вовсе не перебирал ногами, чтобы удержаться, ведь на круглом-то не очень поплаваешь. В руке певец держал не то посох, не то шест, которым он вроде бы и отталкивался, но этого никак не могло быть — на стрежне самая глубина.

«Водяник», — подумал сперва Жихарь, а зря: певец нимало не подходил на речного царя. Был это высокий и прямой человек в длинном плаще, и плащ бился и развевался, хотя даже малого ветерка не веяло, да и двигалось бревно не скорее, чем вода. Потом стало видно, что развевается не только плащ, но и седые кудри, и длинная борода.

Тут Жихарь признал и напев: жуткое додревнее заклинание, поднимавшее мертвецов из земли, но не всех подряд, а только проклятых, заклеянных, голодных и рабов, с тем чтобы они разрушили до основания весь мир, а затем...

«Замолчи, сдурел ты! — хотел, но не посмел крикнуть богатырь. — И так они спокойно не лежат, чего их будоражить?»

Тут страшная песня сменилась громовым хохотом, и необыкновенная лодка остановилась в воде как раз напротив того места, где таился отважный дружинник.

— Чего скрючился, плыви ко мне! — приказал певец, словно знакомому.

«Хуже не будет», — мгновенно решил Жихарь, но все-таки полюбопытствовал:

— А ты кто?

— Неклюд Беломор! — гордо ответил человек и как бы в доказательство помахал посохом над головой.

Жихарь похолодел, хотя, казалось, холодеть было уже некуда. Знаменитый волхв и чародей, звездослов и звездозаконник лет сто уже считался умершим, как и братец его, Черномор, и юному богатырю не раз случалось во время походов видеть его могилу в самых неподходящих местах. Грозного неклюда боялись и уважали во всех землях, а восточные люди почтительно величали его «Беломор-ханал», что означало «простирающий свою силу от моря до моря». По рассказам стариков, неклюд отличался большой чародейской силой и непредсказуемым нравом: за одно и то же мог и щедро одарить, и руки поотрывать. Другие волхвы и кудесники его боялись и все время норовили погубить, да вот, оказывается, не преуспели...

— Сапоги скидывай, все равно подметки до дыр протерлись! — распорядился у себя на воде Беломор.

«Откуда бы ему знать?» — удивился Жихарь, но сапоги все же снял, набил камнями и зашвырнул подальше от берега — пусть уж никаких следов не останется. Но вот с ополовиненным мешком расставаться никак не хотелось, тем более что пришлось туда спрятать и пресловутую ложку, и охранительную цепь.

В воде было теплей, чем на воздухе. Жихарь сделал несколько шагов, потом сообразил и прошел вдоль берега вверх по течению, чтобы снесло как раз к неклюдовой ладье. Мешок за спиной нисколько не мешал, случалось лезть в реку и в боевом облачении.

Жихарь плыл не спеша, берег силы, погружаясь в воду с макушкой, без плеска, фырка и прочего шума: пусть дед видит, с кем имеет дело. Наконец рука пловца ухватила за толстый корень.

— Не опрокинуть бы тебя, отец! — предупредил Жихарь.

— Лезь, не бойся.

И в самом деле, когда тяжеленький богатырь вскарабкался на комель, толстый конец дерева даже не огруз в воду, да и весь ствол не шелохнулся, будто это был добрый боевой корабль с хорошей осадкой.

Жихарь все-таки воздержался разгуливать по стволу, пристроился тут же, между двумя корнями. Неклюд Беломор стоял к нему спиной и молчал.

— Что же ты ветки-то не обрубил — быстрее бы плылось? — сказал наконец детина, чтобы хоть что-то сказать.

— Потому и не обрубил — спешить надо! — воскликнул неклюд, взмахнул посохом и заголосил.

«То ли у него волосы и борода сами шевелятся?» — недоумевал Жихарь. Песня была другая, скорая и складная. И в лад напеву стали

подниматься из воды и опускаться необрубленные ветви, словно весла. Да что ветви! Корни за спиной у Жихаря зашевелились! Он в испуге оглянулся. За кормом оставался глубокий пенный след. Весь ствол сотрясала мелкая-мелкая дрожь. Летели брызги. Скоро скала, пробитая бедным Индриком, осталась позади. Жихарь крепко вцепился в кору и ждал, что вот-вот улетит назад. Неклюд же Беломор по-прежнему держался прямо и ровно, только плащ его и волосы почему-то перестали развеиваться, хотя как раз теперь-то и стал ударять воздух в лицо, а верхушка ствола даже начала подниматься из воды.

Тут река затеяла делать поворот.

— Не спи на руле! — приказал Неклюд. Песня меж тем продолжалась, словно у старика было два горла.

— А где руль?

— В ручищах у тебя! — не оглядываясь, ответил дед.

И правда, пальцы Жихаря сжимали ровную плашку. Он еле успел сообразить, что к чему, и еле успел сделать необходимое, иначе ствол с разгону вылетел бы на пологий берег.

«На Индрике ездил, на сосновом стволе качусь, — подумал Жихарь. — Еще бы на птице Ногай полетать!»

— Тяжел ты для Ногай-птицы! — рассмеялся Беломор.

Жихарь с тревогой ощупал голову: нету ли в ней какой лишней дырки, если старик все мысли слышит?

Неклюд Беломор на эту думку никак не отозвался, продолжая глядеть вперед, ловко огрел посохом какого-то речного жителя, по любопытству высунувшегося из воды.

Стало светать. Сосна, летевшая по воде, спугнула рыбаков, наладившихся на ранний лов, только рубахи мелькнули. Остальные в редких селениях по берегам еще спали. От воды начал подниматься туман, но и на туман у неклюда нашлась песенная управа — впереди все было чисто, белая пелена возникала уже вдогонку, за спиной. Побледнел и сгинул месяц. Жихарь затылком услышал, что восходит солнце. Неклюд Беломор забеспокоился и стал посохом подбадривать утомившуюся сосну. Пологий левый берег начал ползти вверх, воздвигаться сперва холмами, а потом и скалами, как противоположный. Впереди послышался шум. Берега медленно, но неуклонно сближались,

— Пороги! — закричал Жихарь, только голоса своего он уже не услышал. Детища переложил руль вправо, чтобы пристать к берегу в обычном месте, где все приставали и волокли легкие суденышки волоком. Неклюд обернулся, погрозил кулаком и показал, что надо держать прямо, на самую стремнину. «Все-таки я в Яме напоролся на колья и умер, — решил богатырь. — А неклюд еще того давнее преставился и теперь везет меня к себе в Навье Царство, в Костяные Леса».

Река перед порогом стала совсем узкой. Вода ревела немилосердно. Неклюд Беломор взял посох в зубы и принялся выделывать руками всякие знаки.

Что было потом, Жихарь не мог толком вспомнить. Сосна зависла между двух камней над водопадом. Водяные брызги замерли в воздухе, и ошалевший от страха Жихарь взял повисшую капельку двумя пальцами. Она не растекалась, оставалась прежней и на ощупь была мягкая, точно хлебный катышек.

Сосна, казалось, застыла на месте — но нет, все-таки двигалась, тихо-тихо, как больная. Жихарь опустил руку вниз, но пена не смочила руки, она была упругой, вроде пленки на киселе. Комель сосны, где пристроился молодой беглец, поднимался вверх. Только сейчас детина заметил, что наступила тишина. Древесный ствол вошел в струю водопада и встал в ней почти отвесно. Жихарь откинулся на спину и развел руки назад, цепляясь за ствол; руль он удерживал между колен, только это все равно уже не имело значения.

Неклюд Беломор не изменил положения, как стоял, так и стоял, не падал, словно вбитый костыль, глядел туда, где прямо под ним и перед ним кипела вода.

Ствол по водопадной струе кое-как добрался до нижнего уреза воды и стал погружаться в бело-зеленое месиво.

— Воздуху глотни и рот покрепче запри! — посоветовал дед.

Тугая белая вода понемногу подступила к горлу, дошла наконец и до ноздрей. Жихарь попробовал фыркнуть, выдохнуть — не получилось. Он закрыл глаза. Вода была холодная, но не мокрая. К счастью, воздуха в широкой груди хватило надолго, и, когда сосна, неторопливо вынырнув, заняла прежнее положение, Жихарь смог сделать выдох и вдох.

Тотчас же загудело, заревело за спиной, и сосна полетела на открытую воду. Жихарь сел прямо и потрогал себя. Голова была совершенно сухая.

— Не спи на руле! — гаркнул неклюд. — Правь на остров!

Сроду не слышал Жихарь, чтобы ниже порогов быть какому-то острову, однако же вот он: маленький, лесистый, нарядный, как по случаю слепленный.

Жихарь умело шевельнул рулем, и сосна, совсем было собравшаяся вылететь в быструю протоку, выскочила на остров, бороздя обломленными ветвями песок.

Жихарь с великим облегчением соскользнул со ствола и стал приседать, разминая ноги.

— Помоги сосне вылезти из воды, — распорядился неклюд.

Богатырь выпрямился.

— Отец, — сказал он, собрав всю скупую отпущенную ему природой кротость. — Отец, может, я тебе задолжал чего?

— А как же! — обрадовался Беломор. — Как же не задолжал! Ты ведь живой остался!

— Тому сено виной, — с достоинством сказал Жихарь. — Куча сена, да слабый замок, да старый Нурдаль, да Индрик-зверь...

— Что ты думаешь, трава сама в яме выросла, скосилась и в копну сползлась? Замок сам себе дужку перегрыз? Старый разбойник по доброй воле с мешком расстался? А зверя Индрика соловьиная песня разбудила?

— Сказать-то может любой... — не сдавался Жихарь.

— Вот как! Тогда ступай, плыви на берег, отправляйся на все четыре стороны!

Жихарь хмыкнул, повернулся и вошел в реку по колено. До берега было совсем недалеко. Но из воды высунулись по локоть чьи-то громадные зеленые руки и гулко заплескали в ладоши. Вода закипела, перед богатырем замелькали склизкие чешуйчатые тела, засверкали белесые немигающие глаза, защелкали черные зазубренные клешни, зашлепал по воде длинный хвост с шипами на конце. Жихарь поспешно вышел на сушу, прилачился к стволу и стал тащить его, кряхтя, стеноя и ворча насчет того, что сироту нынче всякий норовит обидеть.

— Ну, хватит с нее, — сказал неклюд. — Дальше сама пойдет. А ты ступай за мной.

И двинулся напролом через заросли тальника. Вернее сказать, это Жихарь последовал за ним напролом, поскольку перед волшебным дедом кусты почтительно расступались, а богатыря старались хлестнуть побольнее.

Избушка, пристроившаяся за тальником под сенью высоченных сосен, непонятно как вымахавших до такой величины на столь малой земле, была довольно убогая. «Не пышно живешь», — с некоторым удовлетворением подумал Жихарь. Над порогом была прибита железная подкова величиной с тележное колесо — о копыте, для нее предназначеном, и думать было боязно. Жихарь переступил порог вслед за неклюдом. Подкова над его головой тревожно дернулась.

— Чует, что ты не с простым сердцем идешь, — заметил Беломор. — Она уже не одному лиходею башку проломил.

Жихарь поежился и ежился потом еще очень долго. Внутри избушка была куда больше, чем снаружи, просторней княжеского амбара, длиннее княжеской конюшни. Со стен свисали пучки трав, связки лука, перца и чеснока. К потолочным балкам подвешены были чучела странных зверей, из которых Жихарь мог узнать (и то по чужим рас-

сказам) только крокодила, василиска и Чудо В Перьях. Василиск вовсе был как живой, даже глаза горели пронзительно. Хоть и не каменил его мертвый взгляд, все равно двигаться не хотелось. А по соседству с василиском уж не человек ли висел?

Завершалась изба большущей беленой печью с двумя устьями: в одном, как положено, виднелись горшки и чугушки, возле другого стояла на столе странной формы посуда, совершенно прозрачная и немислимо тонкая на вид. Никогда бы не поверил Жихарь, что из простого стекла можно сотворить такое.

— Садись, завтракать будем, — указал дед на лавку. Не желая прослыть нахлебником, Жихарь снял мешок и высыпал на стол все, что там оставалось, включая цепь и золотую ложку. Цепь и ложку хозяин отложил в сторону, а остальное месиво брезгливо смахнул в поганую кадучку. Кадучка, тяжело переваливаясь, направилась к выходу. Жихарь с большим уважением глядел ей вслед.

— Жрете что попало, а потом болеете! — сказал Беломор про княжеское угощение.

Собственный его стол был бедный, если не сказать — скудный: тертая редька с квасом, огурцы, лук, еще какая-то толченая трава, ржаные лепешки и обширная миска меду. Жихарь шарил по избе глазами: не висит ли где чей окорок?

— Ты, видно, отец, без хозяйки обходишься, — заявил он вместо «спасибо».

— На здоровье, сынок, — отозвался неклюд. — Кто мою хозяйку увидит, тот трех дней не проживет.

— Неужели сама?.. — Вымолвить имя Жихарь не посмел. Дед печально кивнул. — Бывает, — важно сказал Жихарь.

— Что бывает? — взвился Беломор. — Что бывает? Знаешь, каких трудов мне стоило тебя выкупить? Да если бы ты сто лет подряд за жемчугом нырял — и то бы не расплатился!

— Жаден князь без меры, — кивнул Жихарь.

— Какой князь? При чем тут князь? Ты что, сущеглупый, не понимаешь, у кого я тебя выкупил? Рожу-то не строй! Ты про книгу «Немая Строка» слышал? А про Коркиса-Боркиса?

Богатырь побледнел. Мед из не донесенной до рта золотой ложки капал ему на штаны.

— То-то, что слышал! Теперь слушай и покоряйся. Нынче ты мой со всеми потрохами.

Жихарь совладал с собой, поймал очередную золотистую каплю пальцем и облизал его.

— Думаю я, отец, раз ты меня великой ценой выкупил, значит, я тебе больше нужен, чем ты мне, — и спокойно потащил ложку в рот.

— И кто тебя только взлелеял... — вздохнул Беломор.

— Сирота я, — вздохнул в ответ и Жихарь.

ГЛАВА 5

Много дней спорили мастера о том, как заставить колесо вращаться само по себе.

Вилар де Оннекур

Истали они подвигать каменную плиту в указанное место, и подвигали весьма сильно, и гораздо замучились, и начали вопить, говоря:

— Вот, понимаешь, подвигаем мы эту плиту уже три дня и три ночи, она же пока не сдвинулась и на воробьиный скок. Горе нам, ибо не тянем мы эту плиту во исполнение воли Светона начальника, и велит он нас обломить, и некому нам помочь, так как нет никого на земле, кроме нас и Пославшего нас подальше.

Услышал Мироед, что кто-то гундит, и выехал к людям из норы на лыжах, и стал смущать их, говоря:

— Вот, понимаешь, упираетесь, а пользы нет. Возьму и помогу вам во имя свое. Согласны ли Колесу поклониться и Рычаг применить?

Приступили они к нему и рекли:

— Эй, начальник, ты наш отец, а мы твои чада, понял? Тела наши иссохли, плита же ни с места, словно каменная. Колесу твоему поклонимся и Рычаг умело применим, хоть и не ведаем, кто да что они такие, понял?

И вынул Мироед из бездонного своего заглашника Колесо, и показал, как оно получается, и снова спросил:

— Согласны ли вы, чтобы всякое дело в мире шло, как это Колесо катится и вращается?

И возрадовались они, и возгладели:

— Ей, начальник, согласны мы на Колесе твоём катиться хотя бы даже до конца времен, понял?

И культяпый Мироед возрадовался, ибо знал, что у кольца нет конца, и Рычаг даровал просто, в придачу.

И встал обратно на лыжи, и уехал к себе в нору.

Они же, ликуя, покатали плиту в указанное место, и скоро там были, и остановились, чая награды от Пославшего их подальше.

И явился Светоначальник на Толстомясой Птице в облаке мрака, и поволок на них весь гнев свой, восклицая:

— Вот, понимаешь, я послал вас подальше исполнять волю мою, вы же, силы свои щадя, поддались на искус культяпого Мироеда!

Люди же объяли себя большим страхом и отвечали:

— Ей, начальник, мы о том ничего не ведали по своей простоте и до всего своей головой и ногами дошли, понял?

И запечалился Светоначальник, ибо впервые услышал от них вместо прямой правды кривую враку, и прорек, говоря:

— Вот, понимаешь, отныне все в мире пойдет по кругу да по кривой, я же мнил привести вас к Сиянию своему путем прямым и кратким. Горе вам, племя ленивое и стремное! С этого часа не дожидаться вам Пятого времени года: придет за весной лето, за летом осень, за осенью же снова будет вам зима, ибо не оправдали вы высокого доверия моего, козлы похотливые и волки позорные! Мало того, по прошествии лет снова сотворю я вас из чего попало и снова пошлю подальше за каменной плитой, и опять соблазнит вас Мироед проклятым Колесом, и многожды, многожды это повторится, пока не родится среди вас тот, кто все превозможет...»

Жихарь слышал эту притчу и раньше сто раз — правда, все в ней было совсем не так. Чтобы не выказать себя невеждой, он сплюнул на пол, растер босой пяткой и сказал:

— Ну и что?

Старый Беломор скрипнул молодыми зубами.

— Ты хоть что-нибудь, стыда ради, понял?

— Чего ж не понять? Дело житейское, случай жизненный. Вот только зря он козлами обзывался, за такие слова можно и по шее... И не люблю я этого нового слога: «прорек», «вопросил»... Можно же по-старому, по-простому...

Беломор долго вздыхал, потом решил:

— Ладно. Давай по-другому. Нравится тебе этот мир?

— Чего уж хорошего! — возмутился богатырь. — Ни за что бросают в яму, потом кормят травой, и то не досыта...

— Вот и надо в нем все исправить! — вскричал кудесник, и глаза его засветились, что у кота. — Давно, давно пора! Ой, давно! Давным-давно! И древние книги о том твердят, возьмем хотя бы Коркиса-Боркиса того же, «Доктрину циклов»...

Тут он и в самом деле вытащил на стол небольшую книгу, весьма ветхую. Буквы в ней были мелкие, но такие ровные, что нынешним писцам нипочем так не смочь.

— «...За бесконечный период число вероятных сочетаний будет исчерпано и Вселенная повторится, — горячился старец. — Ты вновь выйдешь из чрева, вновь окрепнет твоя кость, вновь в твои, те же руки попадет та же самая страница, и ты вновь все переживешь, вплоть до своей немыслимой смерти...»

«К чему лишку смерть поминать? Шары бы повылазили у твоего Коркиса-Боркиса, — затосковал Жихарь. — И у тебя заодно. И страницы твоей мне даром не надо, потому что надо мне вот что...»

— Отец, а не найдется ли маленько хмельного? — робко и жалобно вякнул он.

— Мудрость веков надлежит постигать на свежую голову, — огрызнулся Беломор. — Так, теперь обратимся к более свежим источникам. Вот что гласит Аркан Четырнадцатый: «Люди думают, что все вечно встречается, что одно проистекает из прошлого, а другое — из будущего и что время — это множество кругов, вращающихся в разные стороны. Пойми эту тайну и научись различать встречные течения в радужной струе настоящего».

«Жаль, у нас на столе никаких течений, никаких струй», — вздохнул богатырь, а вслух сказал:

— Отец, а когда пьяный мед подолгу стоит, он ведь и прокиснуть может!

Беломор намека не понял, да и не услышал, он не на шутку разошелся, книги сами летели к нему в руки и раскрывались в надлежащих местах. Мудрые слова были Жихарю в основном знакомы — каждое по отдельности, а собранные купно — причиняли голове нестерпимую боль.

— Познай главную тайну! — вскричал старец, и Жихарь наострил уши: «С этого бы и начинал! Чего людей мучать?»

А Беломор продолжал:

— «Мы не знаем, какое сокровище мы ищем: то, которое зарыто нашими предками, или то, которое будет зарыто нашими потомками» — так гласит Аркан Девятый...

— Да хоть сто девятой, — сказал Жихарь. — Да хоть аркан, хоть петелька. Какая разница? Если зарыли люди — значит, надо вырыть...

— И-эх, ничего-то ты не понял, — простонал Беломор. — Вот из-за таких-то нам и суждено вечно бродить по кругу, будто слепая лошадь на крупорушке...

— Так у тебя и крупорушка есть? — обрадовался Жихарь. — Давай кашки заварим, пока печка теплая! Ладно кашки-то на ночь глядя поешь, кишки веселятся...

— Бревно ты, бревно и есть, — чуть не заплакал Беломор. — Я же тебе о судьбах Подвселенной толкую! А ты про кашку да про брюхо свое! Неужели тебе ничего в мире не чудно и не удивительно?

Богатырь прикинул.

— Да меня, отец, всего-то две вещи и удивляют на всем белом свете. — И показал два пальца, чтобы мудрец не сбился со счета. — Первое — это почему на небе горят частые звездочки. А второе — отчего я такой добрый и терпеливый при моей-то тяжелой жизни? Другой бы на моем месте давно всех убил, один остался...

— Глумись, глумись над Категорическим Императивом, — сказал кудесник. — Доглумишься...

— Да я и духа с таким именем не знаю! — отрекся Жихарь, подумав: «Язык наш — враг, а рот — губитель!» И сделал, уж постарался, лицо глупое-глупое, так что даже глаза из голубых стали пустые и прозрачные.

Беломор поглядел в эту пустоту с последней надеждой, потом похоронил ее там и махнул рукой.

— Вижу, что у тебя в уме заостенело все от бездумья! Не обойтись нам нынче без Мозголомной Браги — только наутро уж не плачь!

«Как славно тупорогим-то прикинуться — непременно все, что желается, получишь!» — похвалил себя Жихарь.

Мозголомная Брага жила в прозрачном сосуде и была такая крепкая, что даже ужас. Она не то что из живота — прямо изо рта бросилась в голову и стала кидаться там из стороны в сторону, ломая умственные подпорки и укрепления. Каждое слово, изреченное Беломором, она тут же подхватывала и укладывала, словно кирпичик, на нужное место.

Жихарь не стерпел и согласился на все сразу.

— Поломаем Колесо Кармы! — рычал он. — Заплещем Змею Мировому все бельма Полуденной Росой! И пасть порвем! И время выпрямим! Эх, всех убью, один останусь!

— Вот и молодец, вот и умница, — приговаривал старик.

Ободренный похвалой, богатырь наклонился к Беломору и таинственным образом спросил:

— Дедушка, да ты знаешь ли, кто я? — И, не дождавшись ответа, отправился врать. Тут и Беломору настал черед охать, ахать и дивиться. В самых страшных и ложных местах своего рассказа Жихарь даже хватал кудесника за плечо — не грохнулся бы старый с лавки от испуга.

— Ножки, говоришь, были по колено в серебре, а ручки по локоть в золоте? — не верил Беломор.

— Ага, а во лбу — светлый месяц, по затылку же — ясные звезды!

— И куда же оно все делось?

— Злые люди ободрали, — заныл Жихарь. — Сироту всякий норovit обидеть...

— Тебя обидишь, — хмыкнул старец.

— Дедушка, — не унимался Жихарь. — А где же мой народ, родня-то моя вся где?

— А не было — ты их сам себе придумал.

— Нет, не придумал! Нет, не придумал! Я проверял — все соседи на месте, даже партизаны, а моего племени нет, чужие люди кругом живут...

— Вот видишь. — Беломор решил обратить Жихаревы домыслы себе на пользу. — Это ОНИ у тебя все отняли!

И во гневе указал долгим пальцем в самый темный угол избы.

— Кто? — Жихарь грозно уставился в обвиненное место, ища обрести там своих грозных обидчиков и немедля покарать. Но в углу было темно и пусто, трепетал один клочок набитой пылью паутины, а сам паук, должно быть, давным-давно подался отсюда, где ловить ему было решительно нечего.

— Кульгяпый Мироед всех съел! — объявил старец.

— Как же так? — растерялся Жихарь. — Такая большая была земля... Как это в песне-то поется... А, хоть три года скачи, ни до какого царства не доскачешь... А народу-то, народу!

— Вот Мироед с вашего края прикусывать и начал, — сказал Беломор. — Скоро и до всего остального доберется... Но ты ведь ему воспрепятствуешь, так?

— Истинно так! Истинно так! — подхватил Жихарь и начал воевать тут же, не покидая избы. Заговорили горшки, замелькали ухваты. Чучела под потолком от страха сбились в кучу.

— А ну, стой! — заорал старец, видя разор. — Ко мне, сюда, о Косорот, Косогор, Филиал, Преднизолон!

Протрезветь богатырь не протрезвел, но слегка очухался: «Нашел кого призывать на ночь глядя!»

Беломор достал кусок мела и быстро, не глядя, начертал на столешнице замысловатую фигуру на пять углов. Белые линии засветились, между ними восстали ниоткуда маленькие, но очень противные существа, пучеглазые и скалозубые.

Богатырь решительно полез под стол с твердым намерением не даваться живым.

— Успокойся, дурачок глупенький, — сказал кудесник и выволок Жихаря обратно на лавку. — Наперед помни: пугаться таких не следует, они плоские, живут на две мерки, знают лишь длину и ширину, а о высоте и не помышляют и даже нас с тобой не видят...

— Мы-то их видим! — закрывался руками Жихарь.

— Это уж проекция такая, — развел руками старец.

Гадкие создания шипели, плевались и выкрикивали непонятные, но скверные слова.

— Станешь много пить, они всегда появятся! — предупредил Беломор и рукавом стер начертанное. Поганцы, обиженно визжа, вернулись в плоскую свою вотчину.

Жихарь перевел дух, наполнил самовольно кружку, выпил и словно нырнул в нее, в пустую.

...Утром-то он как следует понял, отчего брага звалась мозголомной. Но лечиться привычным способом кудесник не разрешил, а велел вместо того обежать остров ровно сто и один раз. И потом каждое утро заставлял бегать, а после этого купаться в росе. Последнее считалось занятием красных девушек, чтобы стать еще краше. «Ничего, ничего, пригожесть в дороге не лишняя, — утверждал Беломор. — Красивому многие дороги открыты». Что это за дороги, куда они должны вести, богатырь так толком и не мог вспомнить, а старик только загадочно улыбался и ничего не объяснял.

Жихарь спросил, надо ли по дороге взывать к богам, а если надо, то к каким именно.

— Взывай, хуже не будет, — сказал волхв. — Но сильно на них не надейся, время их выходит, будут только под ногами путаться...

— Вот, к примеру, отец, Проппу-то надо жертвовать или не надо?

Беломор растолковал, что вот Проппу-то как раз жертвовать очень даже полезно, только не нужен ему ни ягненок, ни цыпленок, ни ароматные воскурения, а ничем ты ему так не угодишь, как сядешь у подножия кумира и расскажешь какую-нибудь сказку — новеллу или устареллу.

— Только смотри, — предупредил старец. — Пропп любит, чтобы все сказки были на один лад.

— Так, может, ему одно и то же излагать?

— Нет, так нельзя, не полагается.

— Так ведь и люди же не на один образец!

— Люди, конечно, разные — и лицом, и статью, и возрастом. А вот скелеты у них примерно одинаковые. Так и тут. Мясо разное, а костяк схожий — понял?

Жихарь глубоко вздохнул — про мясо-то не поминать бы! От дедовых травок и корешков он совсем было окочурился, но как-то притерпелся, потерял жирок, и все.

— А уж если такую устареллу вспомнишь, какой он не знает, — продолжал Беломор, — то он тут же обрадуется и поможет!

— А тебе помогал? — сощурился Жихарь.

— Бывало. Как ты думаешь, когда я родился?

Жихарь подумал, загибая пальцы. Выходило много.

— Время Бусово? — неуверенно предположил он.

— Нет, во время Бусово я уже змеям головы отщелкивал, — похвалился старец. — К слову сказать, возьмем тех же змеев — огненных и прочих. Откуда они берутся, когда им, по всем правилам, полагается каменеть в земле? Век их давно ушел, так давно, что тогда и людей не водилось на свете. А вурдалаков подыдем? Ведь они получались, когда человек еще себя от зверя отличить не мог.

— Мы гоняли однажды такого...

— Страшно было?

— Не то слово...

— Это ты еще в вурдалачью деревню не попадал! А волоты — великаны — откуда берутся, чем живут? Он же должен все живое вокруг себя приесть и с голоду помереть, если по науке. Значит, куда-то они уходят, подкрепляются. Значит, мало того, что время ходит по кругу, так оно еще и не по порядку идет. Это как худая крыша в избе — сперва по капле, по капле, а потом как хлынет... А вот когда ты до Полуденной Росы дойдешь...

— Как дойдешь? Богатырю положено ездить верхом!

— С конями у меня пока плохо, — сухо сказал старец.

Вскоре оказалось, что плохо у него не только с конями.

Беломор провел богатыря в особую клеть, где, по мнению старца, хранилось оружие и доспехи, а по мнению Жихаря — ржавый хлам.

— Смазывать же надо! — ревел Жихарь, пачкая руки в грохочущем железе.

— Я больше на Масляное Слово понадеялся, — впервые смутился Беломор. — Кроме того, все доброе уже разобрали...

Жихарь поднялся и худо на него глянул.

— Слушай, отец, — проникновенно сказал он. — Ты сколько человек народу уже в эту дорожку наладил, а? Ты же меня на верную погибель посылаешь!

— Может, и на погибель, — не сморгнул старец. — Только смерти никому не миновать, а твою я уже однажды отсрочил. Что же касается других, так ведь и сеятель одного зерна в борозду не бросает.

Еще пару дней богатырь приводил в порядок снаряжение — выдерживал в масле, чистил, шлифовал, точил, из двух кольчуг кое-как сладил одну, много мучился с мечом и самострелом. Меч был ненадежный, для рукастого воина короткий.

Жихарь тщательно прощелкал его ногтем и услышал ближе к рукояти явную раковину. Должно быть, нерадивый кузнец выбросил скверную работу с глаз подальше, а дедушка Беломор, конечно, обрадовался и подобрал.

Жихарь даже стал иногда покрикивать на хозяина — то принеси да это приготовь. Богатырские капризы Беломор переносил с необыкновенным терпением; однажды только, не прикладывая рук, поднял его на воздух и несколько раз там перевернул.

Доспехи были безнадежно малы. «Раньше и народ помельче водился», — отговаривался старец. Взамен же взялся обучить Жихаря неотразимому удару мечом.

Богатырь и до того был из первых поединщиков в дружине, знал всякие приемы — и «щелчок с довеском», и «на здоровьице», и «как свињи спят», и «громовой поцелуй», требовавший огромной силы, и «поминай как звали», и даже редкий по сложности и смертоубийственности «стой там — иди сюда». Но все они не шли ни в какое сравнение с тем, что показал дед Беломор. А всего-то повернул Жихареву руку каким-то совсем не годящимся в бою образом, так никто сроду и меч-то не держал, и правый бок остается открытым, а вот поди ж ты, как ни крути — нет спасения от этого удара.

Жихарь сначала не поверил, снова изготовил из глины болвана в свой рост, внушил ему этот прием и вооружил палкой. Немало синяков на груди наставил ему болван, так что с досады Жихарь перестал его поливать водой и разломал на куски. Волхв подивился волшебному умению богатыря, дал несколько полезных советов.

Жихарь не уставал напоминать ему про коня. Беломор кряхтел, жался, потом согласился. Откуда эта животина взялась на острове, богатырь понять не мог.

Должно быть, висела на балке среди прочих страховидных чучел, а дед снял ее и размочил живой водой, не иначе. Смущала и масть коня — не гнедая, не вороная, не каурая, не соловая. У хорошего яичного желтка бывает такой цвет, с отливом в красное.

— Ты вот тоже рыжий, — успокаивал волхв.

— Хребтина переломится, — не соглашался Жихарь.

— Выдержит, — утверждал дед. — Все равно я так понимаю, что тебе на нем недолго ездить, это путь пеший...

— Люди станут смеяться, — не сдавался богатырь.

— А ты вспомни, что ответил отважный муж древности Дыр-Танан, когда стал над ним пошучивать пособник коварного Координала!

— А! «Смеется над конем тот, кто не осмеливается смеяться над его хозяином!» — показал память Жихарь.

— Вот видишь. И на худших одрах витязи катались, и ничего, и вошли в новеллы и устареллы так, что колом не вышибешь...

Жихарь пригорюнился и погладил коня. Тот хрипло заржал.

— Так и назову его — Ржавый!

Вечером Беломор отступил от обычных своих правил и устроил ужин со свежим белым хлебом, гречневой кашей и бараниной — откуда что и взялось.

Беломор взял у витязя из рук золотую ложку, долго разбирал на-чертаные руны, шевелил губами...

— Есть охота, — напомнил Жихарь.

Дед вернул ложку, потом сказал:

— Береги ее, не прогуляй. Не знаю для чего, только она тебе крепко пригодится.

Тут за ушами у вечно голодного Жихаря затрещало. Когда наконец последний треск затих в потолочных балках, он спросил:

— Отчего же ты, премудрый старец, нас тут таких нескольких не собрал и враз, дружиной не отправил?

— А оттого, сынок, — ответил дед, — что моя затея не всем по нраву, особенно волшебникам и чародеям. Когда поток времени замутнен, в нем легче рыбка ловится.

— А ты честный, значит, — кивнул Жихарь.

— А я, значит, честный, — подтвердил Беломор. Он еще наговорил о высоких и благих целях Жихаревого похода, только без Мозголомной Браги все опять было непонятно. — Ладно, ума по дороге доберешь, — махнул рукой волхв. — А одного спутника я тебе все же дам, с ним не соскучишься!

И старый Беломор корявым пальцем правой руки начал водить по ладони левой, словно бы объяснял ребенку, как сорока-ворона кашу варила, поминал злодейские силы: «О Агропром, Педикулез, Райсобес!»

У порога послышалось легкое постукивание: цок-цок-цок! Так хорошие люди не ходят!

Жихарь обернулся. К столу подходил здоровенный, ростом с собаку, петух. Глаза у него были с вишню, такие же черные с кровинкой и блестящие, перья красно-золотые с искрой, причем искорки бегали туда-сюда, как живые, а лапы такие крепкие, мохнатые и когтистые, что запросто этот кочет мог бы заповлевать лису или зайца, если бы захотелось ему кровавой пищи. Гордо посаженную голову венчал алый

гребень, зубчатый, словно княжеская корона, алая же борода разделена надвое, по обычаю бывалых варягов.

— Да, понаряднее коня Ржавого... — протянул Жихарь. — Э, погоди, что же я за витязь буду — с петухом-то? Того и гляди, что куроцупом начнут величать. Лучше бы верного пса вот с такой башкой!

И показал обеими руками, какая именно голова у предполагаемой собаки его бы устроила.

— Вот сразу и видно, как ты глуп, — сказал Беломор. — Пес, конечно, хорош, спору нет, а только возьмет Мироед невзрачную сучонку и пустит по вашей дороге — и ищи его свищи! Птица же не человек и не собака, нипочем не продаст. Будет он твоим сторожем, способным поворачиваться в ту сторону, откуда врагу прийти. Своим пением он отгонит нечистую силу: та подумает, что рассвет уже, да и сгинет. Только после неурочного пения всегда дождь идет, уж такое неудобство потерпишь. Есть у петуха и еще одно достоинство. Хочется тебе, к примеру, передать поклон своему князю?

— Еще как хочется!

— Тогда прикажи ему: снеси, мол, Будимир — а его как раз Будимиром звать, — снеси, мол, Будимир, мой поклон князю Жупелу и княгине Апсурде. Он и снесет. И к утру князь на погорелое будет собирать по миру.

— Так он что... Красный Петух, что ли? Тот самый?

— Самый тот. Ну что, хочешь его проверить?

Жихарь размечтался, как будут гореть князь с княгинею, какие у них при этом глупые сделаются личики, а потом и совсем сморщатся... Стало противно.

— Ладно, — сказал он. — Перед дальней дорогой нечего животину зазря томить. Вернусь, тогда и посчитаюсь с князем. К тому же петух не сокол, не горазд летать...

— Уж так-таки и не сокол?

— Вестимо: курица не пти...

Петух Будимир злобно скрипнул клювом.

— А вот пойдём-ка наружу, там и поглядишь...

Вслед за обидчивым петухом они покинули избу. На дворе стояла глубокая темная ночь, даже звезды попрятались за тучами. Старец произнес короткое непонятное слово: «Пуск!»

Петух, громко хлопая крыльями, взлетел с места и оказался над избой, словно облако искр вылетело из печной трубы. Птица сделала несколько кругов над поляной и круто пошла вверх. Восхищенный Жихарь сунул два пальца в рот и заливисто засвистел. Дед Беломор двинул его посохом по затылку.

— Не свисти — денег не будет!

— Их и так не предвидится... — затосковал Жихарь.

Петух, вдоволь нарасовавшись, тяжело рухнул вниз. Богатырь даже ожидал, что он, ударившись о землю, обернется добрым молодцем или чем похуже. Но Будимир остался самим собой. Только вот запах от него исходил какой-то вкусный...

— Он у тебя что — жареный? — страшным шепотом спросил Жихарь.

Даже в непроглядной тьме было видно, как Беломор улыбается. А самому витязю стало не до смеха: петух незаметно подобрался сзади и что было сил долбанул его клювом, куда достал.

— Вот теперь вы с ним породнились, — сказал в утешение старец. — Теперь он тебя не покинет.

Почесывая ударенное и уклюнутое, Жихарь вернулся в избу. Оказалось, что со стола уже кто-то все убрал.

— Ты ложись и спи, — приказал хозяин, — а я буду тебе объяснять, что к чему.

— Во сне? — усомнился Жихарь.

— Во сне. Во сне за одну ночь в голову человеку столько можно запихать, что и за год учения не постигнешь. Пусть душа ночку полетает, постранствует, а когда вернется, обретет в пустой твоей башке целый кладезь премудрости — вот уж, поди, удивится! Да, еще запомни: чужой сон увидеть — не к добру...

Но герой уже храпел, и показывали ему сон отнюдь не чужой: будто сидит Жихарь на самой крыше княжеского терема, оседлав выступающее резное украшение — князек, и пилит он этот князек острой-преострой пилой. Это само по себе неплохо и предвещает худое хозяину терема, только сидит Жихарь на князьке лицом к дому и пилит перед собой. А снизу неведомый человек кричит:

— Остерегись, Жихарка, грохнешься!

— Проходи своей дорогой! — сопит богатырь.

И с последним движением пилы летит вниз, в мягкую пыль, и спрашивает у того неведомого человека неистовым голосом:

— Да ты колдун, что ли?

— Не колдун, а волхв! — сердито ответил Беломор. Оказывается, орал Жихарь не во сне, а на самом деле. — Разница такая же, как между князем и сельским старостой!

Жихарь осторожно потряс головой. Обещанного прибавления в уме не наблюдалось, все как было.

— Не торопись, пусть рассосется, — понял его сомнения дед.

Солнце стояло уже довольно высоко. Петух Будимир при свете дня уже не выглядел таким красавцем, но все равно был хоть куда. Глядя на

коня Ржавого, богатырь только вздыхал. Ржавый был нагружен столь основательно, что для всадника, мнилось, уже не было ни сил, ни места. Заботливый дед навьючил на Ржавого и мешок с припасами, и торбу овса.

Кольчуга, собранная из двух, все равно была коротка. Когда Жихарь натягивал ее поверх белой полотняной рубахи и ватной стеганки, проржавевшие звенья крошились и сыпались. Закрывала кольчуга только низ живота, а положено ей свисать до колен. Ноги же пришлось защитить, как заведено у степных коровьих пастухов, широкими лентами из толстой сыромятной кожи. Кажется, пустяк, но страшен с ней только прямой удар, если чуть под углом — уберезет.

Вот сапоги были ничего, исправные и по ноге, разношенные. Жихарь призадумался над судьбой их бывшего владельца, но Беломор упредил все вопросы:

— Да мои, мои, не сомневайся. Я в них еще под Илион-город ходил воевать. Позвал меня туда Ахила, Муравейный князь. Эх, столько лет протоптались под стенами, столько народу положили. И какой был народ — про любого песню складывай! Взяли город хитростью, в которой побратим мой Улисс не уступал самому додревнему Дыр-Танану.. А из-за чего все затеяли — стыдно и сказать, и вспомнить..

Беломор сплюнул и тем покончил с воспоминаниями младости.

Жихарь с неудовольствием пристегнул к поясу негодный клинок. Вот самострел был неплох, его можно было заряжать прямо в седле, уперев в лук. Хозяин предложил смазать стрелы страшным старинным ядом, но богатырь не дал: в недобрый час и сам оцарапаешься.

Все свои боевые надежды воин возлагал на кистень. Кистень на востоке зовется буздыганом, на западе — моргенштерном, а тут, посередке, как раз кистенем. Жихарь изготовил его собственноручно. Древко вырезал из крепкой дубовой ветки. В круглый торец загнал железный пробой, предварительно продев в него конец той, княжеской, цепи — пригодилась еще раз. Концы пробоя, вышедшие из древка, тщательно загнул вверх и забил, да еще обмотал это место для верности куском полосового железа. Примерился для замаха и укоротил цепь. В последнее звено продев еще один пробой, разогнув его концы в стороны. Вырыл в глине круглую ямку, старательно разгладил ее изнутри. Потом воткнул в глину десятка два толстых чугунных осколков — это у деда Беломора еще давно тому назад простым водяным паром разорвало котел. Что-то там дед мастерил, но вышла промашка. Конец цепи опустил в ямку. Выпросил у хозяина свинца, которым тот запечатывал в сосудах всякую пакость. Растопил свинец в котелке и вылил в ямку, а когда свинец остыл, рывком поднял готовое оружие, покрутил

ежастый шарик над головой и остался доволен: таким запросто можно проломить башку хотя бы медведю. Можно и товарищу, и себе самому, если неумело обращаться. А рукоятку, чтобы не скользила в руке, обернул куском шершавой шкуры, тайно повредив одно из чучел.

Шлем с острым еловцем на конце никак не желал налезать на голову. Пришлось малость приплюснуть, пожертвовав красотой. Жертвовать же буйными кудрями не хотелось. Жихарь гладко зачесал их к затылку и собрал в рыжий беличий хвостик, а хвостик пропустил между краями шлема и кольчужной сеткой, прикрывавшей затылок. Получилась двойная защита, поскольку волосы, даром что тоненькие, в пучке могут пустить вражеский удар скользом.

Щит был простой, легкий: дубовая доска обтянута кожей да сверху наклеено несколько железных блях. У ополченцев такие щиты в ходу, а дружиннику он неприличен.

Жихарь в очередной раз вздохнул, засунул за голенище гребешок и драгоценную ложку и, жалея Ржавого, осторожно полез в седло. Ржавый, к его удивлению, даже не присел. «Он, верно, только с виду хлипкий, а внутри у него такое творится!» — подумал Жихарь. Потом тихонько подъехал к берегу и опасливо глянул в воду. Не было там, в воде, никакого первого щеголя на весь Столенград, не было и опасного в бою молодца, а был простой мужик-ковыряло, напяливший выброшенные добрыми воинами доспехи, чтобы потешить на праздник односельчан.

Тут дело несколько поправил Будимир. Жихарь еще не успел подумать, куда его пристроить — на плечо или за спину, а уж красавец петух без команды взлетел к нему прямо на шлем и смертельной хваткой вцепился в его гладкую поверхность. Жихарь помотал головой, норовя согнать наглую птицу, но Будимир держался твердо, словно его выковыляли заодно со шлемом.

— А что? — сказал Жихарь. — Нарядно, а главное дело — ни у кого больше нету подобного султана!

— Не на свадьбу едешь, — сварливо сказал Беломор. Чувствовал, наверное, вину, что не смог по-людски снарядить парня.

— Отец, а чему же ты меня обучил во сне? — спросил Жихарь. — Как не знал я ничего, так ничего и не знаю...

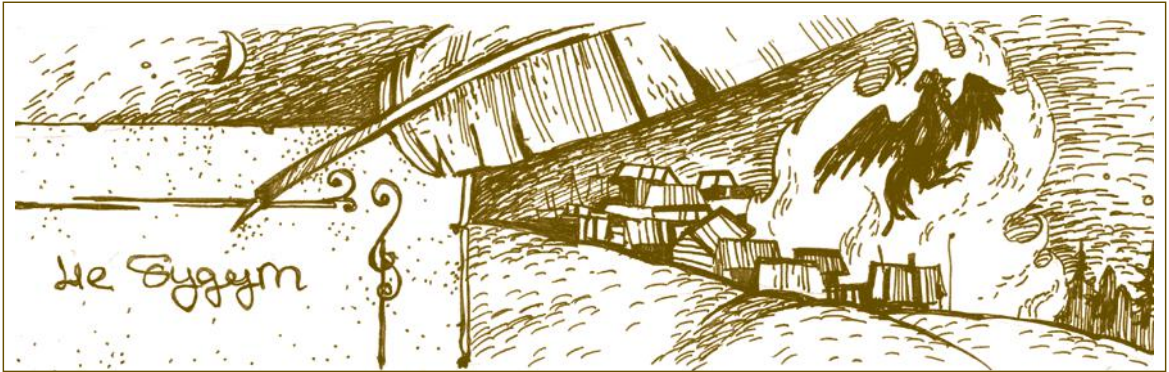
— Так задумано, — ответил старец. — Всю мою науку ты будешь вспоминать в надлежащее время.

После этого приподнялся в воздухе, обнял всадника и зашмыгал толстым носом.

— Не доживу, не дождусь, — приговаривал он.

— Дождешься, отец, — пообещал Жихарь. — Ты же хитрый.

«А я хитрей», — подумал он и, легонько стиснув коня коленями, направил его в тихую и безопасную на этот раз протоку.

ГЛАВА 6

Він кинувся на мене, кусаючись і дряпаючись, поки я, приловчившись, вдарив його обома ногами в груди.

О. Соболев и В. Шпаков

Видно, петух Будимир действовал на речную нечисть не хуже козла: никто из воды не выглядывал, не угрожал, не манил. А плестись вдоль берега пришлось долго — ехать прямо не пускали скалы.

«И почему я пологий-то берег не выбрал?» — удивлялся себе Жихарь. Здесь, на узкой песчаной полоске, любой недонсок мог сверху зашибить его камнем, а потом спуститься и обобрать покалеченного.

— Давай-ка поживее! — хлопнул он Ржавого по крупу и добавил для порядка: — Волчья ты сыть!

Ржавый затрюхал повеселее. Солнце встало в зенит, навалилась жара.

«Будет тебе Полуденная Роса! — приговаривал Жихарь в уме. — Или я дурак, не знаю, что никакой росы в полдень не бывает? Тыщу лет живешь и на тыщу вперед смотришь, а того не понимаешь, что никуда, не знаю куда, я не поеду. Чего я там не видел? Разве что то, не зная что? Мне бы до людского жилья добраться, до первого постоялого двора. Там я этот поганый меч первому же невежде продам за булатный, а деньги проем и пропью. И дедово серебро пропью. И сапоги. Да я и золотую ложку не пощажу!» — ярился он, измучившись островным постом. Вчерашнее угощение только растравило богатырское брюхо.

Поэтому возле первого же распадка, где в реку впадал ручей, он спешился, подкрепился хлебом и повел коня по ручью, хотя идти было трудно. Но уж больно не хотелось двигаться вдоль берега.

В каждом ручье, как известно, водится свой небольшой водяной, и его-то уж с виду нипочем не отличить от простой лягушки, разве что сам скажет. Тут стала одолевать мошкара, и петух Будимир выказал себя с самой лучшей стороны. Он бойко махал крыльями, отгоняя гнус и выхватывая слепней из воздуха, — оберегал человека и коня. А те взмокли.

Не час и не два прошло, прежде чем поднялись они из распадка на ровное место. Здесь через ручей перекинули полустгнивший уже мосточек, и, следовательно, была дорога, точнее, широкая тропа. Возле дороги стоял деревянный кумир Проппа, краска на нем вся облезла и выгорела.

Вместо того чтобы рассказать полагающуюся сказку, новеллу или устареллу, Жихарь мстительно прошипел:

— Обойдесся! — и вскочил в седло.

Лес по бокам становился все реже и реже, пока не сменился травянистым лугом. Пора была уже сенокосная, но тут, видно, на этот счет еще не почесались. Только возле самой дороги валялась маленькая, на дитя рассчитанная коса.

Просто так косу никто не бросит — железо дорогое. Видно, зажиточный был хозяин, если позволил себе выковать нарочитое орудие для наследника, или сам он карла? Коса лежала не так чтобы давно, едва успела покрыться желтоватым налетом. По дороге, должно быть, давно никто не проезжал, иначе обязательно подобрали бы. Рука у Жихаря была длинная, он достал косу, не покидая седла, — пригодится.

Как он и ожидал, впереди показалась деревня, окруженная невысоким земляным валом. Ворота заперты. Никаких дозорных не было, никаких мальчишек, что выпрашивают приворотные гостинцы.

Ленивый Жихарь поддел засов концом меча и сдвинул в сторону. Ворота, завизжав, разъехались внутрь. Тишина. Жихарь постучал рукой по шлему, и Будимир понял, вытянул шею и закукарекал, мысля получить ответ от здешних петухов. Но те то ли помалкивали, то ли вовсе не жили.

Жихарь ехал вдоль улицы. Дома стояли крепкие, целые, неразоренные. Возле иных сушились на кольях сети. Богатырь тронул одну рукой — пересохшая бечева сломалась.

«Зараза!» — похолодел Жихарь. Он осторожно отворил мечом ставню ближайшей избы и заглянул. Там было пусто, на столе стояли кринки и миски с засохшей едой. А так полный порядок, и непохоже,

чтобы люди взяли и снялись с насиженного места в страхе перед мором или нашествием. Во дворах стояли телеги, на стенах сараев висела конская упряжь. Ни одной живой души — ни цыпленка, ни собаки, ни кошки...

Самое большое строение было постоянным двором — об этом говорил висевший над крыльцом треснувший кувшин. Горячий воздух переливался над трубой.

«Хоть кто-то живой», — подумал Жихарь и слез с коня. Дверь была распахнута настежь, тянуло песней на незнакомом языке. Да какой там язык — так, тоскливо мычал кто-то.

— Здоровы были, хозяева! — объявил себя богатырь.

За длинным, крепким и пустым столом в горнице сидели двое. Можно было бы назвать их красавцами, кабы не плоские круглые глаза вроде совиных. Иссиня-черные бороды были тщательно заплетены в косички, волосы тоже торчали во все стороны завитыми пучками. Одеты парочка была в просторные балахоны из зеленого шелка.

— У-у-у! — Они поднялись, и оказалось, что каждый вдвое выше и шире незваного гостя.

— Хлеб да соль, — растерялся Жихарь. Один из близнецов (а были они как раз таковы) показал на совершенно пустой стол и покрутил пальцем у виска.

— Проходи, коли пришел, — сказал другой. Слова он произносил медленно, с трудом, как будто отвык разговаривать. Первый захохотал, и у гостя отлегло от сердца: смеется — значит не мертвяк. — Что бы тебе завтра прийти, — продолжал другой. — Мы бы тебя так уж накормили...

— Опомнись, — сказал первый. — Кто завтра явится, того уж и накормим.

И опять захохотал. Жихарь внимательно оглядел себя: не расстегнуты ли штаны, не болтается ли где какая завязка.

— Тогда я вас угощу, — радушно сказал он, доставая из мешка краюху хлеба.

Один из близнецов вышел из-за стола и прошлепал босыми ногами к двери, поглядел на Ржавого с Будимиром и вроде бы остался доволен. Вернулся, извлек из-за печки кусок пергамента и письменные принадлежности.

— А, вы дорожное мыто собираете! — догадался Жихарь.

— Да, и мыто, и жарено, и парено...

С этими словами оставшийся за столом близнец брезгливо смахнул краюху со стола.

— Князя такого не едят! — объявил он.

— А вы, что ли, князя?

— Мы такие князя, что тебе и не снилось, — сказал один.

— Мы Гога и Магога, — добавил другой и застрочил пером.

Жихарь подобрал с пола хлеб, обмахнул его рукавом, поцеловал и спрятал в мешок. Может, кистень сходить взять?

— Гога и Магога, — сказал он, — водились в прежние года, и то их потом Македонский под гору загнал.

— Все верно, — сказал один, скорее всего Гога. — Пришлось нам временно отступить. Только недавно узнали мы, что твой Македонский надулся вина со снегом, застудил пузо и помер. Мы тоже кое-что соображаем.

— А за что же он вас гонял?

— Македонский-то? — оторвался от писанины Магога. — Конечно, за правду.

— За нее, матку нашу, — подтвердил Гога.

— Мы его в глаза мужеложцем именовали, — уточнил Магога.

Все трое залились смехом.

«Отчаянные ребята, вроде меня, — радовался Жихарь. — Вот бы мне их сманить в попутчики — с такими не пропадешь...»

— А переночевать у вас можно? — спросил он, отсмеявшись. — Дело-то к вечеру..

— Нет, переночевать уже не получится, не дотерпим мы до завтра, — сказал Гога. — Понимаешь, у нас эта деревня вся кончилась, дочиста — хоть шаром кати. Так что пошли на кухню.

От гнева у Жихаря даже хвостик на затылке встал дыбом.

— Вы что думаете, я стряпать буду? Я, богатырь?

— Что ты, что ты! — замахал руками Гога. — Богатыри сами никогда не стряпают!

— Вот иных богатырей самих, бывает, стряпают, — поднял голову Магога. — Нам ведь для людей ничего не жалко, даже самих людей. Зато завтра путник придет — будет чем угостить!

С этими словами он развернул пергамент перед Жихарем. Жихарь буквы-то знал, а в слова их складывать всегда ленился. Но тут то ли страх помог, то ли дедовы ночные уроки сказались, да и написано было крупно:

СИВО ДНЯ ТРИ БЛЮДА
шшы с добрава моладца
канина пиченая
питух жариный

— А завтрашнего путника угостим — значит и на послезавтра пустые не будем! — хвастал Магога. — И послепослезавтра, и на пятый день. А как же! Заведение закрывать нельзя, кушать-то все хотят...

Гога крепко схватил богатыря сзади за руки. Жихарь пнул сапогом назад и вверх, вырвался, кинулся к стенке и достал меч.

— Только подойдите! — сказал он. — Кишки выпущу, намотаю на поганое мотовило... — И добавил растерянно: — Всех убью, один останусь...

— А вот меч убери, — посоветовал Гога и пошел на него, широко расставив руки. — Ибо сказано, что не дано нам погибнуть от руки человеческой... Македонский не управился же...

От души прокляв косорукого Македонского, Жихарь зажмурился и сделал свой неотразимый выпад. Меч брякнул и переломился у самой рукояти: то ли под зеленым балахоном были на Гоге латы, то ли сам Гога был не из людской плоти.

Магога между тем спокойно сидел за столом и украшал пергамент затейливой рамочкой.

Да, кистень остался притороченным к седлу, при богатыре был только недлинный нож. Но и от ножа толку не было — Гога лишь посмеивался, гоня гостя из угла в угол.

— Ты бы лучше не бегал, — убеждал он. — А то невкусный станешь...

— В укусе отмокнет, — не глядя, отозвался Магога. — Если ты, подлец, укус не выпил...

— Как можно! — опустил руки Гога. Жихарь пырнул его ножом прямо в брюхо, но и брюхо было твердое. — Хватит, поиграли, — заключил Гога.

Жихарь, не соображая, что творит, метнулся от него к противоположной стене, с разгону добежал до половины, оттолкнулся ногами и полетел головой вперед. Заостренное навершие шлема вонзилось Гоге в грудь как раз напротив сердца.

Гога охнул, остановился и, причитая, начал крутиться по горнице. Жихарь торчал у него из груди, словно кривой нож-складень. Чуть голова не оторвалась, но вовремя лопнул ремень-подбородник. Оба рухнули одновременно.

Шлем остался торчать в Гогиной груди.

— Сколько можно возиться! — возмутился Магога, поднял башку и увидел кончающегося братца. Магога опрокинул стул и бросился к Жихарю. Жихарь побежал к двери, Магога за ним. Жихарь спрыгнул с крыльца, слыша за собой тяжкое шлепанье.

Конь Ржавый испуганно всхрапнул и метнулся в сторону. Огромный кулак ударил богатыря в спину, он рванулся лицом вниз и сомлел, словно княжеская дочь, чтобы не слышать, как его будут резать, свежевать и пихать в печку. Все это он уже проходил в детстве, но тогда была всего лишь старая ведьма...

...Из тьмы его вывел радостный крик Будимира. Жихарь открыл глаза и увидел траву. Он подрыгал ногами и руками — все было на месте, только спина болела. Жихарь сел и замотал простоволосой головой.

Вовсе никакой не кулак треснул его по хребту. Это была башка великана Магоги. Жихарь взял вражескую конечность за волосы и поднял. Магога еще успел показать ему язык, да тот так высунутым и остался.

Богатырь поглядел на крыльцо. На ступеньках валялось бывшей головой вниз тело Магоги, и крови в этом теле было столько, что конь Ржавый с отвращением поднимал копыта, сторонясь растекающейся лужи.

Жихарь глянул выше. На навесе крыльца сидел петух Будимир, держа в когтях косу. Коса была красной.

Ни Гога, ни Магога не погибли от человеческой руки, ведь нельзя назвать рукой голову в шлеме, и Петуха с человеком не спутаешь.

Жихарь долго сидел, где упал, все еще не веря в спасение. «Не уважил Проппа, дубина, вот и влип! — казнил он себя. — Только как же я с петушком-то теперь рассчитаюсь?»

Он тяжело поднялся и вернулся в избу, захватив на всякий случай кистень. Но Гога не подавал признаков жизни.

Жихарь выдернул шлем из груди — теперь она была мягкая, человеческая. Вытер шлем полой зеленого балахона, яростно пнул обломки меча-подлеца. Потом по-хозяйски прошел на кухню.

Покойные князья пренебрегали не только хлебом, но и крупой. Жихарь нагреб полное решето гречки и вынес на улицу. Будимир тотчас, не выпуская своей маленькой косы из лап, слетел вниз и весело стал клевать. Жихарь еще сходил на кухню, нашел ячменя для Ржавого. Самому есть отчего-то расхотелось.

«У них ведь и оружие должно быть», — думал он, шаря по ларям и кладовкам. Но попадались только тяжелые мясницкие ножи разных очертаний и назначений. Их и в руки-то брать было противно.

Жихарь поставил на место опрокинутый стол. В глиняном пузырьке оставалось еще немного чернил. Жихарь поднял перо и, поражаясь новому умению, начертил на оборотной стороне пергамента несколько строк. Подождал, пока чернила просохнут. С омерзением взял кухонный нож и отсек голову Гоге. Кровь из людоеда уже почти вся вытекла.

Жихарь вынес голову во двор к самому тыну и насадил на кол — все-таки сказалась служба у князя Жупела. Рядом пристроил голову Магоги, а под ними прикрепил пергамент с надписью:

ЭТО БЫЛИ ГОГА И МАГОГА.
ОНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ.

В небе загорались первые звезды. Жихарь схватил обезглавленно-го Магогу за ноги и кое-как затащил в избу, положив рядом с братиком. Долго смотрел, не стоит ли чего прихватить с собой, и решил, что не стоит. Потом спохватился и полез под печку.

— Выходи, дедушка, не надо здесь жить...

Но под печкой молчали. Жихарь нашарил в пыли что-то мягкое и вытянул наружу. Домовой был мертв. Жихарь ласково погладил мохнатое тельце, тронул мозолистые лапки.

— Еще и глаза ему выкололи, скоты, — сказал он и вышел с домовым на руках прочь. Уже почти стемнело. Жихарь положил замученного старого малыша под изгородь. — Посвети нам, Будимир, — попросил он и подсадил отяжелевшего от крупы кочета на крышу. Потом отвязал коня.

Петух зашипел, захлопал крыльями, раздувая бегающие по перьям искры. Сухая дранка скоро занялась, весь двор осветился. Через мгновение пламя стояло столбом, и в этом столбе метался, катался, купался красный петух.

Жихарь вырезал ножом пласт дерна, углубил ямку, положил в нее домового, закрыл пластом и заровнял могилку.

— Следи, чтобы другие избы не тронуло! — предупредил он Будимира. Отважный петух послушно покинул сразу осевшее пламя и принялся склевывать самые бойкие искры на лету.

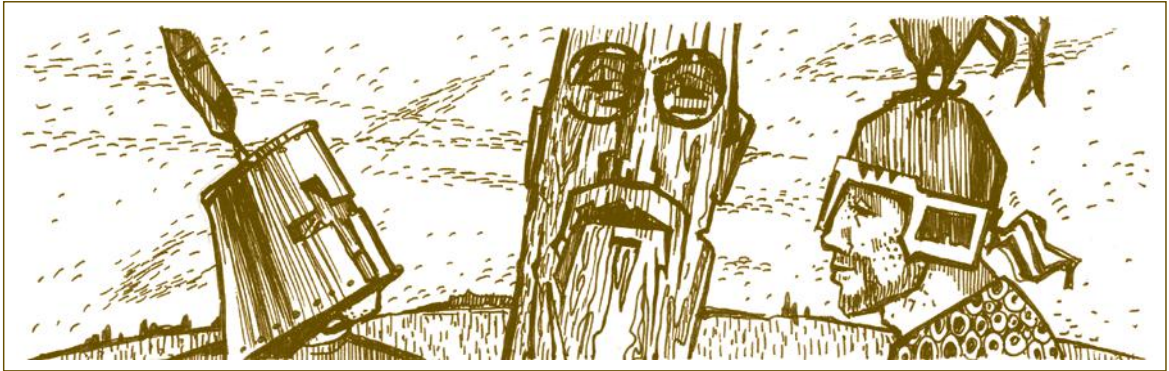
Ночевал Жихарь в телеге, набросав туда прошлогоднего сена. Долго не мог заснуть, глядел на пожарище.

А когда отгорело, со стороны людоедского подворья послышались плач и причитания. Это другие домовые, дворовые, банники и овинники отпевали своего товарища.

Будимир не стал тревожить их своим кукареканьем, пропустил первую побудку. Они поскорбели и разошлись по своим дворам и домам, чтобы дожидаться старых хозяев или новых жильцов.

Скверно было на душе — то ли из-за домового, то ли еще из-за чего.

ГЛАВА 7

Ваша светлость, я покойный дофин!

Марк Твен

Солнце не торопилось вставать над выморочной деревней, и если бы не заголосил все-таки благородный Будимир, то запросто могло бы так и застрять за лесами и горами на вечные веки. Жихарь протер глаза, поднялся и спрыгнул с телеги. Хорошо, что в колодец проклятые братцы не набросали чего попало, удалось и коня напоить, и самому умыться до пояса. Вытереться, кроме рукава, было нечем, а брать полотенце в любой пустой избе не лежала душа: пусть все остается как есть. Пришел черед и отвергнутой людоедами краюхи. Задерживаться здесь было ни к чему. Будимир уже привычно устроился на шлеме.

Проезжая мимо сожженного подворья, богатырь задержался. Выбраться из пламени безголовые Гога и Магога никак не могли, а вот поди ж ты: поверх почерневших бревен серый пепел образовал две фигуры с раскинутыми руками. Жихарь потревожил пепел шаром кистеня. Пепел загудел и стал подниматься в воздух, превращаясь в тучу неисчислимой мошки. Конь Ржавый отпрянул назад, но мошка, покрутившись на высоте бывшей крыши, потянулась куда-то в сторону. Жихарь с досадой вспомнил, что жечь таких злодеев огнем не следует, ведь именно из-за этого мошка и пошла жить на свете.

Головы Гоги и Магоги, торчавшие над плетнем, тоже не остались в прежнем положении: Магога зубами вцепился в ухо Гоге, словно бы казня брата за оплошность в схватке.

— Угомонитесь, изверги, — посоветовал близнецам Жихарь и поехал дальше.

За древней дорога была все такой же заросшей. Вот уже и запаха дыма не слышно. Снова по обеим сторонам тропы поднимался ельник. Уньло и однообразно засвистали птицы. Петух на шлеме сидел тихо, не тревожился. Ржавый шел неслышным ровным шагом. Жихарь решил, что по утренней-то прохладе надо бы ехать побыстрей. Нагайки у богатыря не было, да и не любил он понукать коней, надеялся только на верность и сообразительность. Он несильно тронул бока Ржавого каблуками, и тот послушно перешел на рысь. Следовало миновать лес до вечера, если только у чернолесья вообще есть конец; знающие люди говорят, что оно тянется до Соленого Моря.

Ближе к полудню за поворотом выросло очередное изображение Проппа. Жихарь учел вчерашний жестокий урок и придержал коня. Ржавый явно обрадовался, когда всадник покинул седло, и бодро занялся травой. Будимир тоже решил размять лапы.

Чтобы жертва была верней, Жихарь помазал Проппу губы медом из подаренного Беломором горшочка и только после этого, усевшись поудобнее, стал рассказывать давнишнюю устареллу, героем которой был витязь Как по прозвищу Закаленная Сталь.

Витязь был герой, а вот с князем ему не повезло: злой князь Матрос давал ему поручения одно тошнее другого. Сперва он велел Каку насыпать в тесто Подземельному Батюшке толченой травы махорки, и витязь с большими потерями это исполнил. Потом князь приказал построить к своему граду дорогу, да не простую, а железную. Как и этот приказ выполнил, заморив, правда, работой почти всю свою дружину. Но и этого было мало проклятому Матросу, он выколол витязю глаза и переломал спину, после чего потребовал от бедняги написать книгу — такую, чтобы от нее воины сами, своей охотой рвались в бой. Как Закаленная Сталь справился и с этим делом, но умер, сказав напоследок:

— Жизнь дается человеку один раз, и ту ему по-человечески прожить не дают...

Жихарь затосковал, загорюнился и сам над судьбой исполнительного витязя, а тут сверху послышалось:

— Простите, сэр, но я не вижу вашего собеседника!

Богатырь поднял голову.

Голос раздавался из черного ведра, венчавшего плечи всадника на гнедом жеребце. Латы на всаднике были такие чудные, что Жихарь разинул рот. Туловище его было закрыто сплошным панцирем, как у степной черепахи. Ниже панциря болталось что-то вроде юбки из стальных полос. Руки и ноги воина также были защищены железными

гнутыми пластинами. Мало того, доспехи сплошь были покрыты искусной золотой чеканкой — цветы, птицы и другие хорошие вещи. Рога на шлеме были Жихарю не в диковину, такие у любого варяга есть. За спиной всадника виднелась рукоять меча — должно быть, весьма длинного, у седла висело еще более длинное копье.

«А ведь запросто мог в спину садануть, что же Будимир прозевал?» — подумал Жихарь и ответил:

— А тебе-то что?

— Ничего, добрый сэр, просто я стараюсь узнавать нравы и обычаи стран, через которые проезжаю.

Жихарь понимал не все слова, да и выговор был необычный, но их языки, как видно, не успели еще далеко разбежаться друг от друга.

— Какой я тебе сыр? Я Жихарь...

— Простите, но «сэр» — всего лишь обращение к благородному и уважаемому человеку, которым вы, сэры, вне всяких сомнений, являетесь. Я же, к сожалению, до поры лишен возможности назвать свое имя и путешествую под прозвищем Безымянный Принц. Вы видите, что на щите моем нет вовсе никаких знаков, но, поверьте, мое происхождение...

— Благородное — тогда ладно. Тогда привет. Да сними ты котелок свой — надо глянуть, что за человек.

Безымянный Принц снял шлем и оказался ровесником Жихаря, с каштановыми волосами, темными глазами и начинающейся бородкой. Нос у него был прямой и тонкий, не Жихарева картошка.

Богатырь поднялся и осторожно, не поворачиваясь спиной или боком к собеседнику, встал так, чтобы между ним и Принцем оказался конь Ржавый с кистенем.

— Хорошо, — сказал Жихарь. — А к масти моего коня у тебя никаких вопросов не будет?

«Чего тянуть-то? — мыслил он. — Все равно он у меня как-нибудь да нарвется...»

Всадник задумался.

— Сэр э-э... Джихар, даю вам слово чести: тот, кто однажды увидел вашего скакуна, уж не забудет до самой смерти.

Жихарь долго соображал, это лесть или обида, но в конце концов решил, что Принц ссоры не ищет.

— Неказист конь, да жиловат, — сказал он. — Твой красавец на мыло изведется под вечер, а мой будет себе потрюхивать...

И Принц не оскорбился:

— Да, это несомненное преимущество. А позвольте вас спросить, добрый сэры, куда вы направляетесь?

Жихарь показал вперед по дороге.

— Странно, — сказал Принц. — Я полагал, что вы едете мне навстречу.

— Что ж тут странного?

— Если мы едем в одном направлении, значит, вы должны были ночевать в ближнем селении, а оно недостаточно велико, чтобы нам не встретиться хотя бы на постоялом дворе.

— Ночевал... — проворчал Жихарь. — Тебе бы так ночевать.

И забыл про Беломоровы наказания, рассказал первому же встречному о том, что произошло на постоялом дворе, и не только рассказал, но и показал: бегал, махал руками, заскочил даже на ствол сосны, чтобы наглядней объяснить свой победоносный удар шлемом. Не присвоил он и заслуг Будимира, и сам петух вышел из леса на дорогу похвастаться и косы не утаил...

— Удивительные дела, — сказал Безымянный Принц. — Значит, Гога и Магога?

— Гога и Магога, — подтвердил Жихарь.

— Дело в том, добрый сэръ Джихар, — проникновенно произнес Принц, — что я и сам ночевал на этом постоялом дворе и оставил его в исправном состоянии. И заправляли там не мерзкие людоеды, воистину заслуживающие подобной смерти, а предобрый старик и старушка. Совсем недавно у них произошел поразительный случай: пестрая курица (при этих словах Будимир внимательно склонил голову к рассказчику) снесла очередное яйцо. И представьте себе изумление почтенной пожилой леди, когда яйцо оказалось не простым, а...

— Может, ты в другой деревне ночевал? — с надеждой спросил Жихарь.

Они стали описывать друг другу поселение, убранство и утварь постоянного двора, и все совпало, только у Принца деревня была полна народом и жизнь в ней была ключом.

— А вот на изгороди действительно торчат две тыквы, — сказал Принц. — В них прорезаны дырки там, где у добрых людей располагаются глаза и рот. Вероятно, местные озорники по ночам пугают своих соплеменников, используя горящую свечу...

«Хватит. Напросился», — решил богатырь.

— Выходит, я вру, — сказал он, погладив рукоять кистеня.

— Отнюдь, добрый сэръ! — воскликнул Принц и вскинул стальные руки. — Мир наш полон враждебных человеку сил, и зачастую бывает так, что один видит одно, а другой — совсем другое. Скорее всего, в этой деревне бесчинствуют злые чары. Жаль, что они не решились потягаться со мной...

«Хитер и ловок, но драться не хочет, — подумал Жихарь. — И на том спасибо, нечего по пустякам силы тратить».

— Это они на тебя морок навели, старик, мол, и старушка. А я видел и понимал все как есть.

— Кто может знать наверное? — выкрутился Принц. — Но дозвоьте спросить, сэр Джихар, куда вы направляетесь? Разумеется, вы вправе не отвечать, если это может нанести урон вашей чести...

— Еду туда — не знаю куда, — хмуро отвечал Жихарь.

— Весьма достойное направление, подходящее для всякого благородного воителя, — одобрил Принц. — Я и сам был бы рад побывать в этих достославных краях, но прежде нам надлежит скрестить мечи и преломить копья в честном поединке...

— Вот те на! Чего тянул-то? Мы ведь друг дружке тут много чего лишнего наговорили.

— Тогда бы наш поединок был осквернен личной обидой и предвзятостью, и всякий беспристрастный судья волен был бы подвергнуть его исход сомнению...

— А без обиды чего и драться? — Жихарь поднял на Принца голубые глаза.

— Вы меня не поняли, сэр Джихар, — терпеливо объяснял Безымянный Принц. — Я еду по дороге, нагоняю своего собрата, благородного воителя. Так мыслимое ли дело не скрестить с ним меча и не преломить копья?

— У вас там что, все такие? — спросил Жихарь. — Блаженный ты, на тебя срам руку воздвигать. К тому же меч мой сломался, копья и не было...

— Я всегда вожу с собой запасной меч на такой случай! — обрадовался Принц, отстегнул меч от седла и протянул Жихарю.

Тот принял оружие, вытащил клинок из ножен и присвистнул.

— Не жалко в чужие руки отдавать?

— До сих пор он всегда возвращался ко мне. А собственный мой меч носит гордое имя — Деталь, и мудрые друиды утверждают, что некогда он был частью чего-то большего. Но если вы настаиваете, мы можем и поменяться...

— Та-ак, — сказал Жихарь, любясь узорами на стали. — Ты, Принц, человек богатый: копье готов преломить. А ты на него заработал, на копье-то? Ты его с бою взял? Тебя, небось, в дорогу отец снарядил — вон какое все дорогое. А я эту кольчугу по колечку собирал, понимаешь? Для забавы не играют в смертную игру. Можно друг друга убить и покалечить. Давай-ка слезай, и решим дело на кулаках.

— Отца своего я не знаю пока и матери тоже, — сказал Принц. — Знаю лишь, что были они королевской крови.

— Выходит, сирота, как и я? Так слезай, слезай, сиротка, я тебе скулы-то повыворачиваю...

Безымянный Принц побледнел и с неожиданной для закованного тела ловкостью соскочил с гнедого.

— Не ослышался ли я часом, сэр Джихар? Вы собираетесь бить меня по лицу и еще похваляетесь этим?

— Ну уж там куда придется...

— Да знаете ли вы, сэр, что удар по лицу почитается величайшим оскорблением, искупить которое может только смерть, да и то не всегда?

— Чудак ты человек, — засмеялся Жихарь. — Если я тебе кулаком скулу сворочу, так тем же кулаком и на место поставлю. Синяки можно свести травой бодягой. А отрубленную руку без мертвой воды на место не приставишь, и дырку в брюхе мехом не заткнешь... Значит, не желаешь на кулаках?

— Об этом не может быть и речи, сэр... Но тогда я не знаю, как же нам выяснить, кто из нас сильнее.

— А, ты вот об чем? Так проще простого — померимся на руках. Правда, здесь стола нет. Тогда вон тот пенек сойдет.

Жихарь положил меч, подошел к пеньку, опустился на одно колено и поставил на срез согнутую в локте десницу. После некоторого колебания Принц присоединился к нему. Ладонь у него была поуже и подлиннее Жихаревой, но твердая и ухватистая. Жихарь наскоро объяснил несложные правила и призвал Будимира в чин судьи:

— Который станет мошенничать, он глаз попортит!

Пень был просторный, крепкий — видно, остался с тех времен, когда на месте сосен росли дубы, навидался этот пень, поди, всякого. И дожить бы ему до лучших времен, когда бы не эти двое. Столько силы было в их правых руках, и так долго никто никому не уступал, что деревянное тело пня не выдержало, треснуло и раскололось на две половинки. При этом Жихарь и Принц со всего маху столкнулись головами так, что потеряли сознание.

Петух-судья подошел и вежливенько тюкнул Жихаря в шлем. Богатырь сразу открыл глаза. Из носу текла кровь. Не лучше был и Принц, того пришлось петуху обмахивать крыльями.

— Продолжим? — гундосо спросил Жихарь.

Принц замотал головой.

— Правильно. Пока ничья не взяла. Гляди-ка, кровушка наша на траве смешалась — мы теперь побратимы!

Принц с трудом приходил в себя.

— По закону, — прохрипел он, — по закону, сэра Джихар, для брата-ниа кровь пускают из руки...

— А нос-то чем хуже? Он даже главное! Без руки жить неловко, а без носа вообще стыд и позор... сэра, — добавил он после раздумья.

— Никогда не слышал ни о чем подобном, но, похоже, вы правы, сэра брат, — сказал Безымянный Принц, протягивая Джихарю руку. Оба встали и умылись, поливая друг друга из фляги.

Потом проверили, что стреляет дальше — арбалет или самострел, и вышла победа самострела.

— Ничего, дорога длинная, ты еще себя покажешь, — утешил Джихарь Принца, когда они уже тронулись в путь и Будимир занял положенное ему место на шлеме. — Кстати, растолкуй-ка мне, братка, как ты без имени-то остался?

...Жихарь не ошибся, дорога и в самом деле была длинная, зато повесть у Принца короткая — некий король соблазнил чужую королеву, ребенка же от стыда унесли в лес, где вместо волков его нашли и воспитали тамошние волхвы, именуемые друидами. Старики нипочем не хотели говорить Принцу, кто его отец и мать, дескать, в свое время сам узнает, но воспитывали честь по чести, как царское дитя.

— Видите ли, сэра Джихар, на земле столько королевств, что мудро их объехать до конца жизни, — жаловался Принц. — Я знаю только, что в моей вотчине есть такой особый камень. Когда на него воссядет законный наследник престола, то есть я, камень издаст громкий крик.

— Не беда, найдем твой камень, как его не найти, — сказал Жихарь. — А я просто скажу — сирота я, отца и матери не знаю, и племя мое даже где-то потерялось, и никаких царей-королей я себе в родову силком тащить не буду. Воспитали меня Кот и Дрозд в глухом лесу. Только это не настоящие кот и дрозд. Хотя, правду сказать, у Кота глаза были зеленые и зрачок стрелочный, а Дрозд при случае мог и полететь куда надо. И знаешь, братка, — оживился он, — это даже хорошо, что мы с тобой сироты!

Принц поглядел с недоумением.

— Хорошо, хорошо. Мне Дрозд объяснил, а он все книги превзошел и все языки. И у додревнего мудреца вычитал, что всякий младенец, лелеемый отцом-матерью, только и мечтает, собака такая, как бы батюшку родного порешить, а над матушкой нечестивым образом надругаться. Ну, у чада руки короткие и все остальное, мечты своей он исполнить не может и от этого страшно злобствует, а потом эта злоба в нем живет до самой смерти... А мы, сиротки, добрые-предобрые...

Принц изумленно покачал головой:

- Вот уж не думал, что это учение дошло и до ваших краев...
- Так у вас его знают? — разочаровался Жихарь.
- Можно сказать, рехнулись на нем, сэр брат. Я верно подобрал слово?
- Верно... Значит, правду говорил Дрозд. Эх, какие они вояки были — самому Дыр-Танану под стать!
- О, и вы преклоняетесь перед этим героем? Кстати, сэр брат, ведь Дыр-Танан тоже спервоначалу вызвал троих своих друзей на поединок, а потом на них напали воины злобного Координала, и дружба родилась в сражении...
- Ну, сражений на нашу дорогу хватит, — сказал Жихарь.
- Вы говорите так, словно это вас не радует, сэр брат. Но разве не прекрасно погибнуть на поле брани во имя высоких и благородных целей?
- Верно, — сказал Жихарь. — Лежишь на траве, черева наружу, и голова, заметь, отсеченная, со стороны на все это любуется... Куда как прекрасно!
- Но мудрецы древности учат, что красота может быть и не наружная, она внутри человека...
- Внутри человека кишки, — мрачно ответил Жихарь и загрустил от бесспорной своей правоты.
- Неведомо, до каких высот любомудрия дошли бы всадники, если бы впереди, прямо на дороге, не показался большущий серый валун, украшенный полустершейся надписью:

Прямо ехать — убиту быти.
Налево ехать — женату быти.
Направо ехать — коня потерять.
Дорога за камнем расщепилась натрое.

- Хоть бы раз поймать за руку того, кто вот так вот балуется на дорогах, — сказал Жихарь. — Это ведь не то что кусок мела взял и краткое срамное слово начертал для смеху. Нет, сидел ведь, долбил не день и не два...
- Вы полагаете, сэр брат, что надпись не имеет никакого смысла?
- Сам посудите, — сказал Жихарь. — Долбили это в незапамятные времена. С тех пор, поди, на прямой дороге убивать утомились, на левой — невесты кончились, на правой — коней столько наотбирали, что их и кормить нечем. Давай пока лучше перекусим и подумаем.
- Они слезли с коней. Принц разостлал на траве чистый вышитый платок. Достали припасы.

— Я и говорю — богатый ты, — позавидовал Жихарь. — Вон даже яички каленые, вино...

— Это мне дали на дорогу почтенные старик со старухой на постоялом дворе.

— Так эта еда, наверное, мнимая, — догадался Жихарь. — На тебя ведь там Гога с Магогой морок навели. Они, должно быть, решили одолеть нас поодиночке. Вот тебе и казалось, что все хорошо, пока я там насмерть пластался...

— А внучка? — спросил Безымянный Принц и покраснел.

— Которая внучка?

— Та, что посетила меня на сеновале. Весьма достойная молодая леди. Если бы не верность данному обету, я бы сделал ее своей королевой...

— А я в телеге всю ночь звезды просчитал, — завистливо вздохнул Жихарь.

— Не подумайте дурного, сэр брат!

— Дурного я не думаю, а думаю, что еда все-таки мнимая: ничего в желудке не прибавляется, сосет и бурчит.

— А вино?

Жихарь прислушался к поведению вина внутри себя.

— Вино, кажется, правильное.

Будимир толкся тут же, возле платка, подбирая хлебные крошки, а на яичную скорлупу глядел с упреком.

Прикончив припасы, оба откинулись на траву и стали бесцельно рассматривать небо.

— Помимо Дыр-Танана, — сказал Принц, — я очень люблю устареллы о подвигах Биликида и про верный его меч по имени Кольт. Чарует меня превыспренний старинный слог: «Заткни свою помойную пасть, вонючка Джо, иначе мой верный Кольт проделает в тебе семь симпатичных дырочек!» Умели же красно говорить воители седой древности! Кстати, обратите внимание, сэр Джихар, какой большой орел!

Жихарь пригляделся:

— Где же там орел? Это Демон Костяные Уши!

Принц поднес ко лбу ладонь:

— Да, я, кажется, различаю руки и ноги...

— Эх! — мечтательно сказал Жихарь. — Вот кому позавидовать можно! На воздушях пребывает! Прохладно живет! Они даже песню про себя сложили:

Что нам, демонам:
День работам — два летам!

А доводилось мне его и вблизи видеть. Шел я из кабака вечером. Всю одежду, конечно, пришлось там оставить, у меня такой порядок. Иду переулочками, ладошкой прикрываюсь. Гляжу — стоит. Руки скрестил на груди, нижнюю губу отклячил и глядит на меня как на пустое место. Презирает! Они ведь ни на что больше не годятся, только презирать мастера...

— И как же вы поступили, сэр Джихар?

— По всем правилам вежества: плюнул ему в шары и дальше пошел. Да хоть презирайся ты! Э, э, давай-ка с открытого места уберемся и скатерку побережем — как бы он нам на голову не нагадил в знак презрения!

И точно — Демон у себя на воздухах как-то подозрительно задержался, а действительность самым суровым образом подтвердила опасность богатыря, только в кустах и спаслись.

Безымянный Принц закипел гневом:

— Сэр Джихар, ваш арбалет, вынужден признать, бьет дальше и вернее моего. Позвольте мне позаимствовать его и сообщить сэру Демону о недопустимости подобного поведения.

Тяжелая стрела с гудением ушла в небо. К счастью, Демон Костяные Уши полностью израсходовал свой боевой припас и не мог ответить. Стрела вернулась и вонзилась в дорогу, а вслед за ней плавно опустились выбитые перья.

Потрявоженный Демон тяжело и гулко замахал крыльями, стронулся с места и неторопливо полетел по своим делам.

— На гору Кавказ направляется, — определил Жихарь.

— Вы знаете это наверное?

— Баба у него там, — досказал Жихарь.

Принц подобрал с дороги десяток очень пышных и нарядных перьев и принялся украшать ими свой рогатый шлем.

— Дело, — похвалил Жихарь. — Но все-таки жаль, что ты ему в пузо не попал. Поглядели бы тогда на Демона Поверженного. Мне такого Дрозд на картинке показывал: где голова, где ноги?

Когда же Принц предложил честно поделить добычу пополам, богатырь отказался, чтобы не обидеть петуха.

Из-за окаянного Демона так и не решили, куда направиться.

— Поехали, где коня потерять, — предложил Жихарь. — Вдруг на левой дороге все-таки женят всех подряд?

— Дорогой ценной дался мне конь, — сказал Принц. — Но и жениться, не обретя королевства, я не вправе. Может быть, все же следует поискать славной погибели на прямой дороге?

— А кинем денежку. Только женатая дорога, чур, не в счет!

Так и поступили. Выпало коня потерять.

— Неужто уступим кому своих лошадушек? — сказал Жихарь. — Да заодно и проверим, чей конь резвее!

На Ржавого он, конечно, не надеялся, но все-таки.

Всадники подтянули подпруги, закрепили переметные сумы, вскочили в седла.

Будимир занял свое место на Жихаре и голосом подал сигнал — его опять назначили в судьи. Гнедой и Ржавый рванулись с места. Полетели по сторонам елочка. Гнедой был хорош, но и Ржавый старался — Жихарь свистел, улюлюкал, размахивал кистенем над головой, обещал всех убить, одному остаться. Весь он отдался было бешеной гонке, как вдруг почувствовал, что летит в пустоте над дорогой и со страшной силой на эту самую дорогу приземляется носом в пыль. Будимир еле успел соскочить со шлема и тоже не удержался на лапах, ткнулся клювом.

— Ах ты, волчья съть! — зарычал богатырь и оглянулся на вероломного коня.

Но никакого коня сзади не было, а неподалеку стоял на карачках Принц, не только Безымянный, но и безлошадный. И Гнедой, и Ржавый вместе с седлами, припасами и частью оружия исчезли. Остались только мечи, кистень и самострел Жихаря.

— Что это было, сэр брат? — спросил Принц, снимая за рога шлем.

Жихарь задумался, но в голове стоял шум, и никаких мыслей нельзя было расслышать.

— Так ведь написано, что коня потерять, — сказал наконец он. — У нас зря не напишут.

— Не хотите ли вы сказать, что кони исчезли из-под нас на полном скаку?

— Да вот исчезли же...

Богатырь встал и огляделся в поисках невидимого вора. Но вокруг был все тот же нечастый ельник, и ни одна верхушка нигде не кольхнула, ни одна веточка не треснула. Жихарь внимательно потянул носом.

— Чуешь? — спросил он и побагровел от злости.

— Неужели снова Демон? — принохался и Принц.

— Дегтем воняет! Он всегда сапоги дегтем смазывает!

— Кто смазывает?

— Цыган Мара — первый конокрад на всем белом свете! Как же я про него забыл, не подумал? Вот кто это, оказывается, Мара это, а никакого не волшебство... Есть против него заклятие, сейчас вспомню, хотя что толку теперь...

— Но, сэр Джихар, такое никак невозможно и неслыханно. Увести коня из конюшни или на биваке — это одно дело, но чтобы на полном скаку...

Жихарь сожалеюще поглядел на побратима.

— Ты, братка, со сколько годов на мечях начал учиться?

— Подобно славному Беовульффу — с пяти лет...

— А Мара, — наставительно сказал Жихарь, — уже с трех лет этим делом промышляет. Было время наостриться! Он, я думаю, и у отцов наших коней уводил, и у дедов... Да что там у дедов! Когда человек впервые на лошадь уселся, наверняка цыган Мара тут же ее и угнал!

— Сколько же ему лет? — растерянно спросил Принц.

— Вот и считай! — предложил Жихарь. — Ему, Маре, чего не быть долголетку: никому не служит, в драку не лезет, живет на вольном воздухе... Правда, когда поймают, наверняка тут же и убьют, но поймать еще никому не удавалось. Так что готовься, на первой же ярмарке придется у него выкупать жеребчиков наших за свои же кровные деньги — доказать-то ничего нельзя.

Мало-помалу мысленная муть, поднявшаяся в богатырской голове от удара, стала оседать, оставляя на виду очевидный вывод: идти придется пешком! Эта новость настолько потрясла Жихаря, что он опустился на колени и стал ни за что ни про что молотить кулаками дорогу.

Безымянный Принц совершенно спокойно стоял рядом и запоминал чудовищные проклятия коварному цыгану: пригодится на будущее задирать врагов.

Настрадавшись и оскудев ругательствами, Жихарь тоже успокоился, лишь временами из его широкой груди самоходом прорывалось рычание. А ведь ему-то было куда легче, нежели Принцу в его удивительных доспехах.

— У тебя ноги-то хоть гнутся? — озаботился Жихарь.

Принц присел несколько раз, попрыгал.

— Грохоту много, — поморщился Жихарь. — Вдруг случится подкрадываться тайком?

— Благородный воитель все совершает явно, — возмутился Безымянный Принц.

— Эх, пропаду я с тобой, братка! Ну да пошли.

Будимир легко вспорхнул на его голову, и они тронулись. Было уже далеко за полдень, но жара не спадала. Принц тащил свое рогатое ведро в руке. Жихарь весь груз пристроил за спину. Он тупо переставлял ноги и радовался, что сапоги его сходили под Илион, не трут и не жмут нигде.

Хорошо бы к ночи добраться до жилья. Только вот почему-то не видно, чтобы в этих местах было жилье. На дороге ни конских яблок, ни коровьих лепех, ни кострищ по обочинам. В ельнике раздастся стук, но такой он ровный и размеренный, какого нипочем не припишешь лесорубу. Принц шагал ровно и не жаловался. Жихарь собрался было запеть, чтобы укоротить дорогу, но передумал, потому что места были нехорошие.

— Сказки знаешь? — внезапно спросил он Принца. — Новеллы там, устареллы?

— Думаю, сейчас не время для сказок, сэр Джихар, — ответил побратим.

— Самое время! Видишь, снова возле дороги Пропп стоит. Ему вместо жертвы надо сказку рассказать. Это хорошо помогает. Я вот рассказал — и тебя встретил...

— Странно, — сказал Принц, разглядывая потрескавшееся дерево и пробуя пальцем облупившуюся позолоту. — Там, где я рос, в жертву не Проппу, а Фрэзеру приносили, — он покосился на Будимира, — э... некоторых живых существ.

Будимир на шлеме тревожно переступил лапами.

— Птицу резать не дам, — твердо заявил Жихарь. — Птица наша, правильная. Она иного человека стоит.

— Я вовсе не имел в виду сэра петуха, — заоправдывался Принц. — Может быть, подстрелить этого надоедного дятла?

— И дятла зря не трогают. Говорю тебе — кумир сказки алчет.

Принц явно обрадовался неожиданному привалу.

Сказка его тоже была грустная, с восточным уклоном. Ее герой, славный витязь Бедол-Ага, влюбился, себе на беду, в луноликую царевну Кульгур-Мульгур. И даже дал по такому случаю обет молчания, так что многие считали его глухонемым. Бедол-Ага выполнял самые сумасбродные желания капризной красавицы, даже, случалось, подметал двор. Однажды лунолика потребовала, чтобы витязь очистил ее царство от драконов. Бедол-Ага забрался высоко в горы и, не говоря худого слова, перебил в пещере целый выводок, пожалев только самого маленького дракончика. Дракончик оказался верным и смысленным, бегал за витязем, как собачонка, быстро стал любимцем всего двора.

Но жестокая Кульгур-Мульгур потребовала, чтобы приказ ее был исполнен до конца. Верный витязь повздыхал-повздыхал, накормил последний раз дракончика в трактире, потом пошел на реку, взял лодку, привязал дракончику на шею камень и...

— Лучше бы он ее, сучонку, утопил! — зарыдал Жихарь. Принц не ожидал, что устарелла его возьмем такое действие, и присоединился,

чтобы побратиму не плакать в одиночку. Даже у деревянного Пропша, давным-давно высохшего, пробилась смоляные слезы!

Утеревшись рукавами, они встали и побрели дальше. Жихарь стал расписывать, как он, Жихарь, поступил бы на месте злосчастного витязя и какое надлежащее положение заняла бы при этом царевна Культур-Мульгур.

С некоторыми предполагаемыми действиями Принц не согласился и предложил свои приемы. В жарком, но дружелюбном споре они и не заметили, как на пути снова встал серый валун. Жихарь обошел его и, к своему ужасу, обнаружил читаную уже надпись. Слева и справа к валуну подходили еще две дороги.

— Леший попутал, — уверенно сказал Жихарь. — Мы, оказывается, зря шли — круг сделали. Вот болваны!

— Понапрасну, сэр брат, именуете вы нас болванами. Это совсем другой камень. Вспомните сами: там по бокам был жалкий подрост, а здесь могучие сосны. Там дорога шла под уклон, а здесь поднимается в гору. И наконец, эта надпись выполнена с многочисленными ошибками в отличие от предыдущей.

— Ты приметливый, — похвалил Жихарь. — Все верно. Тут над нами кто-то подшутил. Да это Мара все и устроил, чтобы ловчее было коней воровать! Он точно рассчитал: никто по доброй воле ни помирать, ни жениться не пойдет, рискнет конем. Выбить первую надпись он нанял бродячего грамотея, а эту сам наковырял, как уж там смог... Ну, попадись ты мне, ромалэ! Я тебе чавалэ-то в кровь разобью!

— У иных племен, — сказал Безымянный Принц, — умение красть коней почитается величайшей доблестью, так что сэр Мара по-своему прав, а мы выказали достойную сожаления беспечность.

Они сели, прислонившись к валуну, и стали расписывать друг другу величайшие и достойные восхищения качества украденных коней. Жихарь, к своему удивлению, узнал от себя же, что Ржавый, к примеру, мог перескочить в высоту любое дерево. Петух взлетел на вершину камня и тревожно обозревал окрестности. Потом захлопал крыльями и пронзительно закричал.

— Чует врага! — Жихарь вскочил с мечом в руке.

ГЛАВА 8

*Что за пришелец?
Что бледен твой лик?
Не спал ли ты с трупом?*

Речи Альвиса

По правой дороге к ним неторопливо приближалась довольно странная пара. Вообще-то странным был только один, и то не весь, а половину, поскольку половина эта являлась не человеческой, а конской, хотя и покрытой шерстью телесного цвета. У полуконя было строгое и даже величественное лицо, обрамленное седыми волосами и такой же бородой, а торс мускулистый, как у молодого.

Спутник его отличался довольно плотным сложением, а длинно-полое платье его было шито золотом. На черной гриве его каким-то чудом держался тонкий венец, борода завивалась мелкими колечками. Чернобородый подпирался тяжелым посохом и шел босиком, перебросив связанные сапоги через плечо. Никакого оружия у незнакомцев, кажется, не было.

— Мир по дороге! — воскликнул Жихарь и убрал меч в ножны.

— Привет вам, достойные сэры, — сказал Принц.

— Шалом! — откликнулся чернобородый. — Куда собрались?

— Бредем туда, не знаем куда, — честно признался Жихарь.

— Радуйся, юноша, молодости своей, — сказал человек. — И в дни юности твоей да будет сердцу благо, и ходи по путям, куда влечет тебя сердце...

- Примерно туда и стремимся, — кивнул Жихарь.
- Путники, кто вы, откуда и как ваше имя? — строго прогудел полуконь. — Ложью язык ваш правдивый да не осквернится!
- Это греческий кентаврос, — пояснил человек. — Он всегда так говорит, так что не удивляйтесь.
- Врать нам незачем, — сказал Жихарь. — А по молодости лет мы первые назвать себя должны, это он правильно заметил. Я Жихарь, был ратником в Многоборье...
- Я же зовусь Безымянным Принцем, — сказал Безымянный Принц, — и прошу не счесть эту скрытность за оскорбление.
- Кентавроса в здешних местах именуют Китоврас, — сказал чернородый. — А я всего лишь смиренный царь Соломон.
- Цари пешком не ходят! — хмыкнул Жихарь. — То есть ходят, но только разве по нужде...
- Поставлена глупость на высокие посты, — сказал царь Соломон и похлопал Китовраса по крупу, — а достойные внизу пребывают. Видал я рабов на конях и князей, шагающих пешком, как рабы!
- Хорошо сказано, — вздохнул Жихарь. — Сколько я в жизни начальства ни видел — дурак на дураке. Вот и мы на своих на двоих...
- Позвольте, — вмешался Принц. — Неужели вы тот самый царь Соломон? Можно ли в это поверить?
- Можно, — разрешил царь. — Меня трудно с кем-нибудь спутать. Про меня так и говорят: «Подобного тебе не было прежде тебя и после тебя не восстанет». Ой, многих людей назовут потом Соломонами, но ни один из них не станет царем...
- Отчего же, сэр царь, идете вы не только пешком, но и без обуви? — почтительно спросил Принц.
- Для унижения, — ответил Соломон. — Смирю гордыню. Однако разговоры разговорами, а надо двигаться, иначе будем ночевать под звездами... А если вам все равно, куда идти, тогда пойдемте с нами прямо в Иерусалим!
- А Полуденная Роса в ваших краях имеется? — спросил Жихарь.
- Вот он, — указал царь Соломон на Китовраса, — утверждает, что у них в Элладе есть буквально все. Так я вам скажу, что это наоборот. Горькое вино со смолой и маслины. Наша же земля течет молоком и медом...
- Я про Полуденную Росу, — не уступал Жихарь.
- Полуденная, шмуденная, — проворчал царь. — Зачем она тебе, безумный юноша? Не расточай дни свои на поиски ее, и благо тебе будет... Ибо многие к ней устремлялись, но ни один не нашел. Вот есть у нас медвяная роса, есть мучнистая — от нее садовники стоном стонут...
- Мне бы Полуденную, — тосковал богатырь.
- А про твою Полуденную скажу так: живой собаке лучше, чем мертвому льву...

— Сэр царь, мой друг и побратим сэр Джихар связан неким обетом, который принял на себя и я, хотя и не постигаю его целей, — сказал Принц. — Кроме того, я не совсем понял, — нахмурился он, — кого именно из нас вы отождествляете с собакой...

— Пока что вы вполне живые львы, — успокоил его царь. — Но на избранном вами поприще очень скоро сделаетесь мертвые. Ай, такие приличные молодые люди — зачем вам какая-то Полуденная Роса? И Самсон во всей силе своей не смог бы ее добыть.

— Значит, есть она все-таки? — настаивал Жихарь.

— Немножко есть, — признался царь Соломон. — О ней написано в древних книгах.

— Вот и хорошо, — сказал Жихарь. — Ты, премудрый царь, покажи нам дорогу к ней, а мы будем охранять вас от лихих людей.

Царь пожал плечами.

— До сих пор мы с Китоврасом обходились своими силами, — сказал он и ловко подбросил и поймал заостренный снизу посох. — Но в компании веселее. Как это я говорю: и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется.

Так и зашагали: впереди Принц и Китоврас, позади Жихарь и царь Соломон, чтобы в каждой паре был человек при оружии. Принц и полуконь толковали в основном о лошадях и понятиях чести, которые у кентавроса оказались тоже весьма своеобразными, не хуже странного слога.

Жихарь и царь толковали решительно обо всем, поскольку богатырь желал все знать, а Соломон уже здорово преуспел в этом деле и утверждал, что в mnogой мудрости много печали, так что не стоит Жихарю стараться. Потихоньку богатырь давай выпытывать, отчего и почему царя с Китоврасом занесло в такие далекие края. Соломон сперва уклонялся от прямых ответов, а потом махнул рукой (все равно уже слухи пошли по всему миру) и рассказал.

Соломон затеял построить у себя в Иерусалиме храм, равного которому не было бы нигде и никогда. Задача сама по себе трудная, но и того царю показалось мало: он поклялся, что воздвигнет храм, не прибегая к помощи железа. Ладно, кедровые балки можно обработать и бронзовым теслом, а вот вырубать и обтесывать каменные блоки стало нечем. Тогда и выписал он из Эллады Китовраса, славного чародейным искусством. Сговорились насчет оплаты, и полуконь вручил царю особаго червяка, который умел прогрызать твердый гранит и мог точить его круглые сутки без всякой кормежки, потому что он как раз этим самым камнем и питался.

Камнеед оказался работающим и смышленным, строительство шло к завершению, и Китоврас потребовал положенную мзду. Соломонова казна к тому времени сильно поистощилась, царь начал придирааться

к мелочам и всячески оттягивать расчет. Дело в конце концов дошло до рукоприкладства, и разгневанный кентаврос так наподдал венцено-сному заказчику копытом, что царь улетел на самый край света.

Чтобы не произошло безвластия и смуты, Китоврас принял облик премудрого царя и начал, как уж мог, править. Подданных очень тревожила новая манера владыки изъясняться, да и в судебных делах он стал допускать подозрительную нерасторопность, а ведь как раз судом своим и славился Соломон. И с особенным ужасом пожилой полуконь узнал, что под его начало вместе с престолом перешел и царский гарем, насчитывающий в своих прекрасных рядах семьсот жен и триста наложниц...

— Сил неостанет на то ни человеческих, ни конских! — обернулся Китоврас; он, оказывается, не забывал прислушиваться к разговорам сзади. — Справиться с ними не смог и тучегонитель Кронион! Жен семиста ему мало, давай еще триста наложниц!

— А верно, Соломон Давидыч, ведь многовато, — сказал Жихарь. — Мы вот с Принцем от левой дороги отказались, чтобы до срока в хомут не залезть...

— Он же дорогу избрал, на которой сулили женитьбу, — снова вмешался Китоврас, — так говоря про меня: мол, кому и кобыла невеста!

Царь расхохотался над своей пошлой шуткой.

— Э, семьсот жен, — сказал он. — Если вокруг тебя столько племен и народов, то лучше всего жениться на дочерях владык и вождей, чтобы сохранить мир. Шалом! — Он многозначительно поднял палец. — Когда идет война, невозможно построить не только храм, а даже маленькое отхожее место.

— Мир — дело благое, сэр Соломон, хотя и весьма прискорбное для воина, — обернулся Принц. — Но все-таки триста наложниц...

— А триста наложниц, — снова поднял царь палец, — это чтобы выводить на чистую воду всяких там самозванцев! — и указал на Китовраса.

Расчет хитрого царя оправдался: полуконь очень скоро понял, что от такой жизни откинешь копыта до срока, и, оставив царство на верных людей, отправился якобы в паломничество по путям Авраама. На самом же деле он бросился на розыск улетевшего царя и в конце концов нашел его, как и рассчитывал, на краю света, где всякая земля кончалась и начиналась сплошная соленая вода.

Теперь сотрудники-соперники возвращались восвояси. Они вполне бы могли перенестись в родные края чудесным образом, но царю Соломону заблажило наказать себя пешим и босым хождением. Китоврас решил сопровождать его до самого Иерусалима, чтобы не своротил куда-нибудь в сторону. Жихарь сразу догадался, что владыка израильский избрал такую дальнюю дорогу, мысля отдохнуть от государственных и гаремных забот.

Тут царь Соломон опустился до низменных потребностей и сказал:
— А если и не дойдем до жилья, все равно не беда: я из этого петушка сделаю такое, чего ваша мама никогда не приготовит...

Будимир на шлеме захлопал крыльями и заголосил.

— Птицу резать не дам! — второй раз за день заорал Жихарь. — Мог бы и догадаться, коли премудрый, что петух не простой...

Царь стал извиняться, но Будимир не унимался, кричал и вытягивал шею.

— Да не будет никто тебя есть, — сказал Жихарь.

Но надрывался петух совершенно по другому поводу — впереди и с боков на дорогу выходили неведомые люди. Они были одеты в лохматые шкуры, вооружены короткими копьями и длинными ножами.

— К бою! — рявкнул Жихарь. Царь Соломон заозирался, Китоврас забил копытами, Принц мгновенно достал из-за спины меч.

Без долгих слов один из лохматых метнул копьё в кентавроса, видно, посчитал его самым главным или самым опасным. Царь Соломон крутанул посохом и отбил копьё далеко в сторону.

«Ушлый какой!» — успел подумать Жихарь, а больше ничего не думал, потому что в схватке не думают и надеются только на выучку. Меч показался ему слишком легким, и рука сама ухватила кистень. Несколько копий бесполезно ударили в Принца. Жихаревой голове стало легко — Будимир слетел и принял самое деятельное участие в бою. Колочее ядро кистеня загудело и мягко вошло в незащищенную голову врага. Остальные отпрянули и попали напрямик под удар задних ног Китовраса. Там им тоже пришлось тяжело. Засвистел меч Безымянного Принца.

— Живых не отпускать — других приведут! — скомандовал Жихарь. На него бросился самый дюжий из лохматых, вмиг замахнулся и крепко ухватил за плечи. Шар кистеня ударил его по хребту, и смертельный захват ослаб. Жихарь, не глядя, сразу отмахнул вбок, откуда подал голос Будимир, и угадал: сбоку к нему подбирался один с ножом. Больно ударило в плечо, но кольчуга не подвела.

Тут под ноги Жихарю прикатилась чья-то голова, и он чуть не споткнулся. В руках у Китовраса оказалась нагайка, он ловко хлестал разбойников по глазам. По этой же части промышлял и Будимир, от него так и пыхало жаром, искры летели во все стороны, поганые шкуры затлели. Это испугало нападавших, вышла мимолетная передышка. Жихарь увидел, что царь Соломон совершенно спокойно беседует с четырьмя лохматыми, тычет посохом в небо и в землю, а они внимательно слушают. Но тут ему стало не до царя, набежали еще трое, пришлось взять в левую руку меч. Смертельный прием Беломора действовал безотказно.

— Бить в спину дурно, сэр негодяй! — возмутился кем-то Принц. — Ваша рука недостойна держать оружие! Долой ее!

Внезапно биться стало не с кем. Жихарь бросился на выручку царю, но и там все было кончено: четверо Соломоновых слушателей лежали на земле, попарно пронзив друг друга копьями.

Глаза у Жихаря сделались навывкате, как у самого премудрого царя.

— А, — пожал плечами Соломон, сын Давидов. — Я им немножко объяснил, что все в жизни суета и не стоит продлевать бесполезную жизнь в этой юдоли скорби. В сущности, так оно и есть.

— А целое войско вот так уговорить сможешь? — с надеждой спросил Жихарь.

— Надо попробовать, — отвечал Соломон.

Только тут богатырь выдохнул полной грудью. Китоврас исходил своими труднопонимаемыми проклятиями и просил перевязать руку и поглядеть, что там с копытом. Будимир потерял несколько хороших перьев из хвоста. Один рог на шлеме Безымянного Принца угрожающе согнулся вперед.

— Ну ты молодец, как бык дерешься, — сказал Жихарь. — Брат, хватит тебе без имени шататься — за свирепость в бою нареку тебя Яр-Тур!

— От всего сердца принимаю в дар это имя, сэр брат, — поклонился Принц Яр-Тур. — И родной отец не нашел бы для меня имени лучше. С ним я и взойду на трон.

Царь Соломон достал из складок одежды маленькую деревянную раму, в которую были заключены костяшки, нанизанные на стальные прутики. Он ходил среди павших и на каждого откладывал одну костяшку.

— Герои врагов не считают, сэр царь! — мягко заметил Принц.

— Враги счет любят, — возразил премудрый.

— Ничего они больше не любят, — проворчал Жихарь. — По-дурацки напали, по-дурацки и пали... Будимир!!! — вдруг заорал он. — Не клюй очи — ты не ворон!

— Семнадцать! — провозгласил царь Соломон.

— Это, должно быть, подьяне, они помалу не ходят, — сказал Жихарь. — В этих лесах, говорят, их видимо-невидимо, а царицу их зовут Хватильда. Они давно бы весь мир завоевали, да одна у них беда: никак не умеют коней объезжать, конницу собрать. Мажут волосы медвежьим жиром, а того не понимают, что конь не терпит медвежьего духа. Теперь надо уходить поскорее, пока не подошли остальные. Против сотни и нам не выстоять. Надо только поглядеть у них по сумкам, нет ли еды.

Первым полез по сумкам Будимир и чуть не поплатился: тот, самый дюжий, оставил в себе малость жизни и схватил петуха за глотку. Выручать птицу бросились Принц и Соломон. Яр-Тур отсек страшную лапу, а царь вонзил в грудь врага свой посох. Будимир хрипел и клонил голову набок.

Занялись ранеными. Жихарь оторвал от подола рубахи ленту, царь достал из переметной сумы Китовраса целебную мазь, перевязали полуконю руку. Остатком ленты Жихарь обмотал шею Будимира. Петуха кентаврос бережно посадил себе на спину и предложил спутникам переложить на него часть груза. Соломон хотел было пристроить туда и свои сапоги, но Китоврас запротестовал: уничтожаться так уничтожаться.

— Давайте-ка, господа дружина, бегом, — сказал Жихарь. Его все как-то незаметно признали старшим. — Лучше нам с себя семь потов согнать, чем попасть подлянам в лапы.

— Ваши подляне, насколько я понимаю, все-таки люди, — откликнулся Яр-Тур. — Но поглядите внимательней на наших покойных противников! Пересчитайте хотя бы у них пальцы! Загляните им в глаза — если только можно это назвать глазами!

Царь Соломон охотно извлек свое счетное устройство, только Жихарь запретил тратить время. Солнце клонилось на закат. Бежали легким бегом, а Китоврас при этом подбадривал самого себя нагайкой: видно, конская его половина была себе на уме.

— А вы заметили, сэр брат, — сказал на бегу Яр-Тур, — что из них не вытекло ни капли крови?

По спине богатыря забегали мурашки, и он прибавил ходу.

...Ночевать пришлось все-таки не под крышей — места были не только нежилые, а какие-то запустошенные. Путники сошли с дороги и обосновались на поляне, надежно закрытой со всех сторон кустами. Достали скудные припасы, пустили по кругу флягу с остатками вина — есть захотелось еще сильнее.

— Сэр царь Соломон, — сказал Принц. — Правда ли, что искать вашего правосудия приходят не только люди, но также звери и птицы?

— А куда же еще им прикажете идти? — удивился царь.

— В таком случае, не могли бы вы призвать сюда хотя бы парочку зайцев?

— Хорошенькое дело! — возмутился царь. — Вас вызывают на суд и вас же тут сразу режут и едят... Да и по закону Торы нельзя мне кушать зайчика.

— И костра нельзя разводить, — вмешался Жихарь. — И Будимира чем-нибудь прикройте — чего он светится!

Сторожить взялся Китоврас: он витиевато объяснил, что его четырехногая половина может выспаться за двоих. Его кое-как поняли и согласились. Ночь прошла теплая и короткая. На рассвете петух неуверенно, хрипло, но все же закричал.

— Тихо ты! — тут же проснулся Жихарь. Вот говорят, что богатырский сон очень крепкий, а он вовсе даже чуткий.

ГЛАВА 9

Неспроста же говорят: увидев удивительное — не удивляйся, и оно перестанет быть удивительным.

Повествование о том,
как три Суя усмирили нечисть

Далеко-далеко впереди Красному Петуху откликнулись его обыкновенные собратья.

— Немного до жилья не дошли, — сокрушенно сказал Жихарь. — Зато здесь уже никаких подлян не будет.

Все повеселели, а Будимир, услышав поддержку, вспорхнул на голову безответному Китоврасу и стал кукарекать в полную силу.

— Сэр царь, — обратился Принц к Соломону, — может быть, ваш знаменитый суд определит между мной и сэром Джихаром сильнейшего? Хотелось бы выяснить это до того, как мы окажемся снова среди людей, чтобы каждый из нас мог вести себя соответственно своему рангу.

— Извольте, — сказал царь Соломон, словно век ждал этого вопроса. — Я так думаю, тот из вас сильнее, кто сможет дольше пронести меня по дороге.

Китоврас тут заржал по-лошадиному.

— Но почему именно вас, сэр царь?

— А что, вы предпочитаете нести Китовраса?

Жихаря такие условия вполне устраивали. Метнули жребий. Первому выпало Принцу, меч его и арбалет переложили на кентавроса.

Шлем царь Соломон потребовал оставить, потому что за рога ему будет удобно держаться. Жихарь вызвался считать шаги и пошел сбоку.

Сидеть на железных плечах было, конечно, жестковато. Одной рукой премудрый царь ухватился за рог шлема, другую использовал для потрясания посохом. Китоврас с поклажей и Будимиром поскакал вперед поглядеть, нет ли опасности.

«Это тебе не на коне красоваться, — думал Жихарь про Яр-Тура. — Тут выносливость нужна».

Богатырь рассчитывал без труда победить, потому что Принцезы доспехи в совокупности с рослым и дородным царем составляли вес немалый. Царь ударял босыми пятками по панцирю, понукал. Но и без того Принц двигался ходко. «Не расчухал еще», — успокаивал себя Жихарь. Пыль из-под сапог Яр-Тура вилась столбом.

«Двужильный он, что ли?» — удивлялся богатырь. Царь Соломон затянул песню. Слова были незнакомые, но боевые. Жихарь понемногу освоился и стал подпевать:

— Позади земля родная, впереди пески Синая, на груди мой «могеншлом» наперевес!

Вернулся Китоврас, доложил, что все в порядке, и снова поскакал вперед. Из смотровой щели в шлеме Принца повалил пар. Пар был горячий, и венценосный седок подобрал ноги. Уже и богатырь налегке притомился, а Яр-Тур все топал и топал. Пыхтел он так громко, что других звуков словно бы и не существовало. Но даже и птицы в лесу стихли, наблюдая состязание.

Наконец, к удовольствию Жихаря, шаги Принца стали реже, а царь на его плечах подозрительно закачался. Яр-Тур остановился, медленно опустился на колени и ткнулся рогами в пыль.

Царь перешагнул через его голову, отошел к обочине и вопросительно поглядел на Жихаря.

— Совсем загнал парня, — торжествующе сказал Жихарь. — Привык там у себя, понимаешь, на людях ездить...

— Сколько вы насчитали, молодой человек?

Жихарь разинул рот. Вразумительного ответа он не мог дать по двум причинам: во-первых, путал всегда пятьдесят и шестьдесят, а во-вторых, все равно сбился, отвлекаемый размышлениями о своей неизбежной победе. Богатырь покраснел, замычал и стал что-то объяснять исключительно на пальцах. Снова вернулись Китоврас с Будимиром. Принц Яр-Тур лежал без памяти и не мог дать дельного совета. Наконец Жихаря осенило:

— Раз так, я тебя назад потащу, тогда и считать ничего не надо будет! Не ошибемся!

Царь попробовал было возражать, но Китоврас закивал согласно головой, да и очнувшийся Принц простонал, что не к лицу благородному воителю знать какие-то там числа, а дорога не обманет.

Яр-Тура унесли отлеживаться в кусты, накрыли плащом и еще сверху набросали веток, чтобы никто не нашел и не обидел. Жихарь принудил отнекивающегося царя занять место на богатырских плечах и бодро потрусил назад по дороге. Поначалу все шло хорошо, но скоро он понял, что с детства таскать такие доспехи, как у побратима, очень даже невредно. Потом ему показалось, что правая нога гораздо тяжелее левой, — это дала о себе знать золотая ложка за голенищем.

— Давай, давай, — печально поторапливал царь. На этот раз он уже ничего не пел и, когда миновали место ночлега, тяжелехонько вздохнул, но вздох потонул в богатыревом сопении.

Шесть-семь шагов у соперника Жихарь все-таки выиграл и полетел лицом вниз.

Царь Соломон вовремя успел растопырить ноги и упереться в дорогу посохом, а то бы совсем задавил беднягу.

— Моя взяла, — прохрипел богатырь и закатил глаза. Тут в очередной раз вернулись челноки — Китоврас и Будимир. Петуха царь взял на руки, а Жихаря перекинули через спину кентавроса.

Почтенный полуконь легко поскакал вперед, а царь Соломон огляделся и маленько сжувничал противу своего же обета: оседлал посох и невысоко полетел над дорогой. Конец посоха чертил в пыли загогулины.

— Если бы на нас сейчас напали, — сказал царь, когда вся малая дружина собралась возле Принца, — то нас бы зарезали все равно как маленьких баранчиков. Так что впредь не стоит устраивать подобных состязаний, ведь мы в походе.

Жихарь совсем было собрался поведать Яр-Туру, что победил, но почему-то передумал: «Будет еще время ему нос утереть». Соломон и Китоврас тоже помалкивали: не хватало еще, чтобы двое главных бойцов передрались. При этом царь придумал для Принца такой хитрый ответ, что и Жихарь в него поверил.

На заставе перед поселением возникла заминка, потому что там стояли стражники и требовали подорожный сбор, или мыто. Выяснилось, что лишь у Жихаря есть несколько монет, которые он надеялся употребить на съестное и хмельное.

Кроме того, оказалось, что невозможно определить размер мыта за Китовраса: кто он — конь или же всадник? Петух Будимир немедленно прикинулся зарезанным — вдруг за живую птицу здесь особая плата?

Жихарь стгоряча предложил стражникам вместо денег поубивать их на месте, но стражники возразили и разинули рты, мня поднять тревогу. Вмешался царь Соломон и объявил, что Жихарь — блаженный дурачок, которого ведут лечиться к известному знахарю. Стражники заметили, что дурачкам мечей и кистеней не доверяют в руки. Один из них приглядел себе и потребовал кольцо царя Соломона. Слышавший кое-что об этом кольце Яр-Тур взялся было за меч, но царь, ядовито улыбаясь, снял с пальца украшение и протянул его стражнику.

Лицо у царя сразу же сделалось глупое-глупое, а у стражника, напротив, осветилось разумом неслыханной силы, и даже невеличка голова его явственно затрещала от непривычной умственной работы. Помудревший внезапно мздоимец представил себе неприятности, бывающие обыкновенно от большого ума, и поспешно вернул кольцо владельцу. Владыка израильский снова стал самим собой и начал яростно рядиться. Стражники робко возражали и хлопали глазами. Царь наглядно и убедительно доказал, что в данном случае как раз они сами, стражники, должны еще приплатить путникам за вход в город.

Потом царь смилостивился, подробно изучил расценки, достал свои счета, поцелкал костяшками, велел всем садиться верхом на Китовраса и объяснил, что за трех всадников на одном коне плата получается совсем пустяковая. Замороженные стражники обрадовались и одной-единственной монетке, а стенающий от натуги Китоврас провез своих многопудовых наездников за ворота.

За воротами был даже не поселок, а целый городок. Жители городка весьма удивились, что три с половиной человека и полконя заявили к ним по заброшенной дороге, ведь по ней умные люди отродясь не хаживали.

Жили здесь хорошо, крепко, многие дома зижделись на каменных фундаментах. Посреди маленькой базарной площади бил маленький же фонтан. Струя обретала напор при помощи волосатого детины, который неустанно двигал вверх и вниз какой-то рычаг. К этому рычагу он был прикован толстенной цепью — видно, за нехорошие дела.

Китоврас придал своему величественному лицу совершенно лошадиное выражение и начал хватать зубами клочки сена с чужих возов. Соломон притворно сердился на него, а любопытным отвечал:

— Вы что, коня с руками не видели? Если бы у вас была такая жизнь, как у него, я бы посмотрел, что у вас выросло!

Купили лепешек, сыра, копченостей, а Китоврасу сверх человеческой доли еще и сена. Дети дразнили Будимира:

— Петух с косой подавился колбасой!

Но петух вовсе не давился, поскольку напластал косой свою часть тонкими ломтиками.

— Вот и прокорми такого! — возмущались взрослые.

Путники спокойно поглощали купленное, запивая из фонтана. Жихарь черпал воду своей золотой ложкой, вызвавшей всеобщее восхищение. Только царь Соломон пребольно ткнул богатыря пяткой.

— Из-за этой ложечки, между прочим, нас отсюда могут не выпустить живыми!

Это верно, некоторые рожи в толпе были совершенно разбойничьи.

Между тем два-три грамотея из местных признали в царе Соломоне царя Соломона, а для верности сбегали к мелочному торговцу и притащили лубок «Соломонов суд». Там царь был изображен в профиль, но с обоими глазами, а все равно похож. Толпа загудела. Царь приосанился. Вперед выступил почтенный старец и прокашлялся. Царь понимающе приложил к уху ладонь.

— Здравствуй, премудрый царь. Верно ли мы слышали, что ты горазд судить и рядить?

Соломон величественно кивнул.

— Ты насудишь, — проворчал Жихарь, но Будимир, Китоврас и Яр-Тур дружно его одернули.

— Значит, нам тебя сама судьба прислала, — сказал старец.

На груди у него висела серебряная цепь выборного человека.

— Изволишь видеть, у нас в городе уже третий год идет тяжба. Мы тут пополам поделились, скоро начнем драться.

— Послушаю вас, добрые люди, — кивнул царь.

— Тому два года назад, — начал старец, — у нас умер богатый хозяин. Остались после него два сына — Лутоня да Зимогор с Богодулом...

— Постой, постой, — сказал царь. — Или два сына осталось, или три сына?

— В том-то и дело! Только у Лутони одна голова, а у другого сына две: Зимогор и Богодул. Они требуют себе две трети наследства...

— А как же! — заревели в толпе две глотки.

Горожане вытолкнули вперед двухголового. Головы были одинаковые. Ни одна, ни другая доверия не вызывали.

— Где же ответчик? — спросил царь.

— Хворает, — объяснил староста-старец. — Они все время между собой дерутся. Днем одна голова спит, а другая с братом воюет. Ночью Лутоня уснет, а проспавшаяся голова его опять терзать начинает. Скоро они Лутоню изведут совсем, тогда все само собой решится, да ведь не по закону...

— Не по закону, — согласился царь. — Мало ли у кого сколько голов вырастет! Так никаких наследств не хватит!

— Да-а? — хором возмутились Богодул и Зимогор. — Нам ведь и пищи требуется вдвое!

— Хорошо, — сказал царь. — Дело ваше я разобрал, сейчас буду судить и рядить...

Он поманил к себе Жихаря и Будимира и что-то нашептал им. Жихарь побежал по торговым рядам, Будимир почистил перья.

Пока богатырь бегал, толпа успела разделиться надвое и ожидала решения, чтобы тут же признать его несправедливым и затеять бой. Тут бы досталось всем: и двухголовым, и безголовым, и премудрым, и в перьях, и с конскими копытами.

Подоспевший Жихарь протянул царю свою добычу. Царь подозвал к себе двухголового.

— Вот ты кто? — указал он на левую голову.

— Богодул. Зимогор, — ответили обе враз.

— Так вот, Зимодул, вот тебе смоляной вар. Возьми его в рот, жуй и не смей выплевывать, что бы ни случилось.

В наступившей тишине двухголовый взял у царя липкий комоч. Рука его долго колебалась, в какой из ртов отправить вар, но одна из голов победила, а вторая только напрасно щелкнула зубами. Заиграли желваки на скулах удачливой головы, и скоро варом ей накрепко склеило зубы. Голова мучительно замычала, и тут по знаку царя Будимир лихо взлетел вверх и давай долбить онемевшую голову в самое темечко.

Другая, свободная от вара голова заорала от лютой боли. Царь жестом велел петуху прекратить и спросил:

— Все видели? Все слышали? Больно только одной голове, а кричит совсем-совсем другая! Это о чем нам говорит? Это нам говорит о том, что головы целых две, а душа таки одна! И доля на эту душу тоже полагается одна.

— Верно! Верно! — закричали сторонники Лутони.

— А ведь верно! — отозвались бывшие приверженцы Богодула-Зимогора.

И бросились друг на друга — только не с пинками и зуботычинами, а с объятиями и поздравлениями.

Поклеванная голова кое-как выковыряла вар из зубов, и обе завопили в два голоса:

— Нечестно! Калеку обидели!

Царь Соломон поспешил утешить:

— Зато я с вас и судебные издержки как с одного и того же человека взыщу!

И назвал пеню — такую, что головы Зимогора-Богодула с горя стали колотиться друг о дружку.

Решил внести свою лепту и Принц Яр-Тур:

— Ежели сэры Зимогор и Богодул договорятся промежду собою братски и полюбовно, я мог бы снести лишнюю голову, нимало не повредив другую...

Таким образом в это утро торжище на площади превратилось в судилище, а судилище в свою очередь — в гульбище, но никак не в побоище, чего боялся староста.

На площади уже накрывали столы, и Жихарь надеялся, что золотой ложке будет нынче большое заделье. Староста предложил наперед сводить гостей в баню, а уж потом, намывшись и напарившись, приступить к торжеству. Долго думали, как быть в этом случае с Китоврасом, но Соломон припомнил, что один из владык славной западной державы своей волей ввел не то что кентавроса, а натурального коня, и не то что в баню, а в государственный совет. Это всех убедило.

Принц Яр-Тур воспитывался в тех краях, где моются лишь по великим праздникам в медном котле с горячей водой, а у Соломона во дворце было сразу несколько бассейнов, в том числе и с розовым маслом; ни про какие веники они отродясь не слышали.

Баня была скатана из могучих бревен, полы старательно отскоблены добела.

Сильно запросился в баню и Будимир.

Ему толковали, что там станет он не гордый кочет, но мокрая курица. Он все равно лез, махал крыльями — видно, не хотел оставаться один. Решили посадить его в предбаннике стеречь одежду и оружие. Старостины домочадцы пообещали свежее белье.

Жихарь плескал золотой ложкой на каменку, Яр-Тур шарахался от клубов пара, Китоврас распаривал копыта в четырех лоханях, а царь Соломон наглядно объяснял приятелям, что такое обрезание и какая от него великая польза. Дошел черед и до веников. Принц поначалу счел действия Жихаря за позорное наказание розгами и полез было в драку.

— Гляди! — кричал богатырь, орудуя двумя вениками зараз. — Царю не зазорно, а тебе, вишь, зазорно! Это же лечение!

Временами выходили охладиться в предбанник. Будимир вел себя как-то беспокойно, бегал по углам, тосковал. «Хватит тебе, дурной!» — утешал Жихарь. Париться новичкам понравилось всем, особенно Китоврасу, — здоровье-то у него было лошадиное. А вот царь начал хвататься за сердце.

— Душно мне, — сказал он и принюхался. Тут и Жихарь увидел, что сквозь щели ползет потихоньку сизый дымок.

— Это что еще такое? — возмутился он и торкнулся в дверь. Она не поддавалась.

— Сэр Джихар, — обратился к нему Яр-Тур, — вы не заметили, что за пища была на праздничных столах, за которыми нас якобы ждут?

— Пища как пища, — ответил Жихарь, ударяя в дверь плечом. Дым становился гуще.

— Вы видели миски с кашей из белого сарацинского пшена с изюмом? Мне как-то довелось отведать этого кушанья на тризне степного витязя Одихмантия...

— Ах, так они уже и поминки по нам готовят?! — заорал Жихарь, с разбегу врзался в дверь и еще раз заорал.

— Воистине, лучше пойти в дом плача, чем пойти в дом пира, — сказал царь Соломон. — Никому верить нельзя, особенно людям.

Китоврас отстранил Жихаря и стал выбивать дверь задними копытами — с тем же успехом.

— Бревнами заложили, — прошептал Жихарь. — За что?

Вместе с дымом в баню проникли и тонкие язычки пламени. Дышать сделалось трудно.

— Что творите, изверги! — крикнул Жихарь, а больше кричать ничего не стал: если уж так постарались завалить дверь, значит, намерения у хозяев самые серьезные и ни на какие крики они обращать внимания не собираются.

Царь Соломон опустился на лавку, надел золотой венец и, кое-как отмахиваясь ладонями от дыма, вещал:

— Порвется серебряный шнур, и расколется золотая чаша, и разобьется кувшин у ключа, и сломается ворот у колодца...

Принц Яр-Тур молча рубил дверь мечом. Он понимал, что старания бесполезны, но сидеть без дела не мог.

— Вот и сходили в баньку, — кашляя, подытожил богатырь.

Будимир вышел на середину и стал крыльями показывать людям, чтобы разошлись по сторонам. У Жихаря появилась надежда.

— Слушайте его, слушайте, — сказал он. — Петух дело свое знает.

Будимир растопырил крылья и стал кричать — только не по-петушиному. Тотчас же изо всех щелей потянулись, потекли тонкие струи пламени, они входили в красные крылья, и крылья становились золотыми. Сделалось жарко. Петушиные перья заискрились, заиграли всеми оттенками огня. За стенами трещало. «Хворостом обложили», — догадался богатырь. Трещало и за дверью.

— Славны коварством своим обитатели града, — сурово молвил Китоврас. — Гостя зажарить живьем — в этом ли доблести суть?

Царь Соломон продолжал рассуждать про печальную участь скотов и человеков.

Пламя перестало бить из щелей, но, судя по жару, вокруг них бушевало вовсю. Дым, подчиняясь движениям петушиных крыльев, убирался обратно на улицу. Всякий огонек, проникающий было внутрь, Будимир шугал назад, клевал, костил лапами. И огонь явно его слушался.

Загудело и над крышей. Жихарь потрогал потолочную балку — она была теплая, но не горячая. Жихарь сел прямо на пол и обхватил мокрую голову руками.

Наконец треск прекратился. Будимир подбежал к двери и стал долбить дубовые доски клювом. Китоврас взял своего недавнего седока на руки, развернулся и еще раз попробовал ударить копытами. Дверь вылетела разом, за ней взметнулся сноп искр. Петух выбежал первым, и там, где он взмахивал крылом, почерневшие, истончившиеся бревна, подпиравшие дверь, покорно гасли. Воздух шел в баню горячий, но чистый. Кое-как оделись, натянув доспехи на отсыревшее белье, и побежали к дому старосты. Будимир выразительно размахивал косой.

Дверь в старостин дом Жихарь выбил кистенем. Староста в горнице стоял на коленях и бил поклонь деревянному идолу с настоящими костяными зубами. На шум он даже не обернулся.

Жихарь пнул старосту так, что тот полетел вперед, сшиб с ног идола и получил еще чурбаном по голове.

— Жарко топишь, хозяин, — сказал Жихарь. — Чего с легким паром не поздравляешь?

Староста опрокинулся на спину. Идол оказался у него лежащим поперек груди, словно бы защищал своего молельщика.

— Надлежит иметь уважение к седине, — заявил Принц Яр-Тур. — Позвольте, сэр Джихар, я попросту рассеку его надвое.

— Мягкосердечен ты, братка! — восхитился богатырь.

— Если бы в каком-нибудь из моих городов с гостями вот так поступили, — сказал царь, — то я устроил бы там веселое местечко вроде Содома и Гоморры. Поминай, дедушка, отца моего, царя Давида, и всю кротость его!

Принц выхватил меч и рассек надвое — только не старосту, а идола. Будимир же набросился на половинки и когтями стал расщеплять их на тонкую лучину.

«Видно, соперник ему», — подумал Жихарь и сказал:

— Что это за бога ты себе, милый человек, завел? У добрых людей такого не водится.

Староста ответил стуком зубов. Сквозь стук прорывались слова о каких-то страшных, могущественных чародеях, пришедших издалека и велевших всех пришлых и приезжих отдавать в жертву огненному богу, терзаемому нынче Будимиром.

— Ладно, это все хорошо, ты белье давай! — потребовал Жихарь. — Только помылись как люди, а тут сажа, копоть...

Староста понял, что вот прямо сейчас его убивать не будут, и крикнул слуг. Слуги прибежали бодро, но, увидев гостей нежареными, как-то сникли и отводили глаза. Жихарь внимательно вглядывался в их лица.

«Ненастоящие, — вдруг подумал он. — Настоящих всех перебили, а подменьшей поставили...»

Он рывком притянул старосту к себе за ворот рубахи. В каждом глазу у старосты было по два зрачка. Богатырь оттолкнул нелюдя.

— Уходим отсюда скорее, господа дружина, — сказал он. — Тут все обманное...

Царь Соломон развязал кошель, полученный в награду за суд, опрокинул его и потряс. Посыпались глиняные черепки.

— И белья ихнего не надо, — сказал Жихарь. — Свое забрали — и то ладно... И-эхх! — неожиданно для себя вскрикнул он и наотмашь рубанул старосту мечом.

Хлынули опилки, которыми была набита куча тряпья, а никакой не староста. Вместо слуг стояли по стенам печные ухваты. С треском переломилась над головой матица, посыпалась древесная труха. Рыбий пузырь, которым было затянуто окно, щелкнул и расселся по краям рамы. В окно потянуло холодом.

Погода на улице действительно изменилась: низко-низко надели тучи, имевшие вид побитых великанов; завыл ветер и в печных трубах. Городище было пустым. Ветер хлопал ставнями и незапертыми дверями.

И на площади, недавно многолюдной, не было ни души. На поминальных столах стояли миски с лягушачьей икрой и откровенными нечистотами, дымился в кубках страшный синий настой, он бурлил и норовил выплеснуться, как живой. Фонтан-водомер оказался полуразрушенным зловонным колодцем, а возле него на цепи сидел скелет с плоским и широким, словно лоханка, черепом. В глазницах скелета сверкали два большущих смарагда, но трогать их было совсем ни к чему. Люди исчезли, только в огородах возле каждого дома торчало по десятку и более пугал — больших, поменьше и совсем маленьких. Одно из чучел было двухголовое.

Принц Яр-Тур тронул Жихаря за плечо.

— Отныне верю вам, сэр брат, во всем, — сказал он.

— То-то! — отозвался богатырь. — Я тебе тоже верю, королевич. Прав старый Беломор, пора со всем этим кончать...

Тучи, сталкиваясь почти над самыми их головами, не давали ни грома, ни молний. Среди серо-черной мглы изредка просверкивало багровое солнце. Полетела мелкая водяная пыль.

Ворота на выезде из города оказались сломаны и перекошены, на досках кое-как намалеваны мелом вооруженные стражники.

Дождь усилился. Земля скоро раскисла, и счастье, что дорога за городом тоже сплошь заросла травой, а то идти было бы совсем трудно.

Китоврас оставил свою гордость и предложил царю Соломону место у себя на хребте — после бани и пожара премудрый стал совсем плох. Шли молча, во всякую минуту ожидая любой пакости. От Будимира поднимались струйки пара.

Лес по сторонам дороги становился все выше и чернее. Да еще с левой стороны кто-то заухал. Жихарь повернул голову на звук. Почти на каждом дереве на высоте человеческого роста сидели филин, сова или неясуть. Их немигающие глаза тускло отсвечивали желтым. Жихарь замахнулся мечом, но хоть бы одна пошевелилась.

— Зря ты в Демона не попал, — попенял побратиму Жихарь. — У него крылья знаешь какие большие и плотные? Шли бы сейчас сухие...

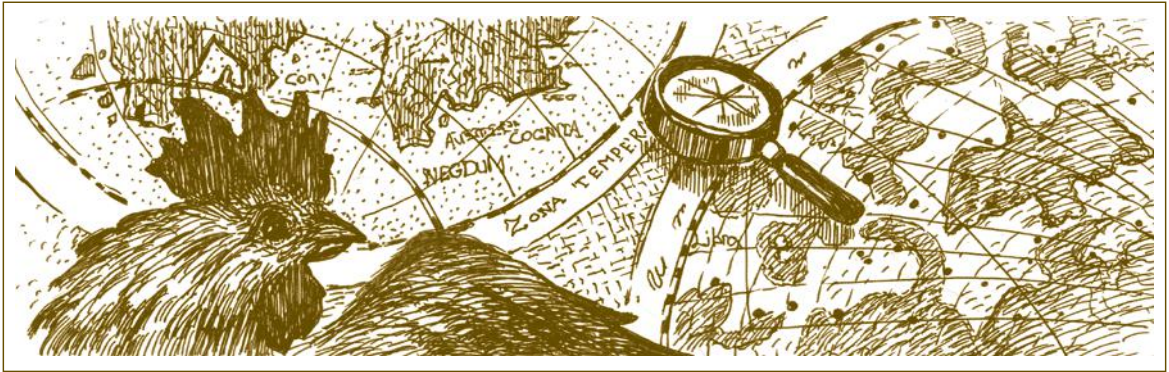
— Я попал, — оправдывался Принц. — Но ведь высоко...

Шагали, пока могли, шагали и сверх того — так хотелось подалее уйти от проклятого места. Но наконец и Китоврас начал припадать на передние ноги.

Было еще не поздно, но совсем темно. Будимир с грехом пополам подсвечивал — ему, мокрому, тоже приходилось несладко.

Кое-как нашли в лесу местечко, где ветви наверху сходились поплотнее, кое-как набрали хвороста и, если бы не Красный Петух, нипочем бы не развели костра. Наломали еловых лап, остатки вина выпоили царю. Все трое сбились возле горячей птицы, накрывшись Принцевым плащом, а царский отдали Китоврасу — он привык спать только стоя.

ГЛАВА 10

На карте этот остров не обозначен — настоящие места никогда не отмечаются на картах.

Герман Мелвилл

Большее всего на свете адамычи гордились древностью своего рода, хотя, если разобраться, от Адама ведь и мы с вами произошли.

Жили они в Нестыграде с незапамятных времен, но сами эти времена очень даже хорошо помнили. Пришли они сюда, в частые леса, из-за непроходимых Зимних Гор, и не по доброй воле, а по причине потопа.

Вот некоторые говорят, что радуга на небе появилась только после того, как воды схлынули. Да это неправда. Радуга и тогда была, но располагалась она совсем не в небе, а даже наоборот: плавала в Соленом Море наподобие длинного-длинного полотенца.

А на дне Соленого Моря, как известно, пробита большая дыра, чтобы лишняя вода сквозь нее стекала. Вокруг дыры постоянно держится бурный водоворот, и умные корабельщики его оплывают подальше, не считаясь со временем, а глупые и торопливые сами виноваты. И вот радуга плавала-плавала веками до тех пор, пока не затащило ее в страшный водоворот. Этому делу, конечно, способствовал Мироед. Он прикинул, что на сухую ему мир нипочем не проглотить, вот Мироед и решил маленько замочить его.

Радуга была большая и заткнула дыру. Вытекать воде стало некуда. Сперва затопило побережье и долины рек, но на помощь пришел

огромных размеров бык по имени Бугай. Он совершенно безвозмездно предложил племени переехать на нем в безопасные места. Племя вместе с пожитками и старыми идолами погрузилось на спину быка и поехало. Вода настигала, и в отдельных местах приходилось даже всем залезать на рога и отсиживаться там.

С едой заботы не было — Бугай такой большой, что от него мясо целыми кусками можно отрезать, и не почувствует. И топливо было — те же старые идолы.

Наконец вода загнала быка на самую высокую вершину Зимних Гор, где солнце было куда краснее, а небо куда синее, чем внизу. Пришлось померзнуть, но это, говорят, лучше, чем захлебнуться.

Тем временем наверху сообразили наконец-то, что на земле творится неладное. Как устроена земля, уже никто толком не помнил, да и обленились высшие силы безмерно.

На счастье, Морской Водяник хватился своего любимого водоворота, поплыл проверить и убедился, что дырка-то заткнута. Донырнуть туда даже он не смог, только голову зря сплющил страшным водяным давлением. Но и сплюснутой головой додумался — мозги к тому времени еще не совсем засолились. Он уговорил Рыбу Камбалу достать затычку, наврав, что Радуга очень вкусная. Одураченная Камбала нырнула как следует, ухватила Радугу зубами, никакого вкуса не почувствовала. В свободную дырку ее чуть саму не уволок, еле убереглась.

Радугу вывесили просушиться на небо, да там и забыли. А культяпый Мироед снова стал от злости грызть пальцы.

Вслед за водами спустился с Зимних Гор и бык Бугай со всем своим населением. Адамычи у него на спине решили не возвращаться в старые места — вдруг поновее имеются? Бугай шел, проваливаясь по самое брюхо в ил и грязь, а наездникам его и тут не нравилось, и там казалось непригоже. Отощавший бык терпел-терпел да и лег там, где остановился.

Пришлось адамычам слезать и обживать. Потоп длился месяца два, так что работать руками они не разучились, осели на новом месте быстро и удачно. А за великую услугу решили наградить быка Бугая, принеся ему в жертву самое дорогое, что только было. Добра они к тому времени еще не накопили, людей терять тоже не хотелось — их ведь и так осталось всего ничего. Вот и вышло, что самое дорогое — это как раз Бугай и есть.

Из мяса его нарезали себе быков и коровок помельче, кости истолкли в муку — скотине же на подкормку, а шкуру напластали тонкими полосами, связали их воедино и получившимся ремнем опоясали обретенную землю. Никакая враждебная сила не могла переступить

через ременную границу — Бугай и по смерти охранял своих подопечных от всякой напасти. Себя тут же поименовали адамычами, а возведенный город — Нестьградом, в знак того, что нет на земле града, подобного ему.

Плодились адамычи быстро, а ременные межи оставались прежними. Самые смелые сбивались в ватаги, уходили из Нестьграда искать себе иные уголья и так потихоньку снова заселили весь обезлюдевший было мир. Стало быть, всякий пришелец приходился им родственником. Его и встречали, как родного.

Никакой стражи адамычи не выставляли и твердо верили, что тот, кто беспрепятственно перешел границу, вреда им не принесет. Жихарь и его спутники, появившись на рубеже, шатались из стороны в сторону и несли околесицу по случаю пребывания в жестокой лихорадке. Принц Яр-Тур утверждал, что ему суждено получить смертельную рану от родного племянника, а какой у него мог быть племянник? Царь Соломон рассказывал самые забавные истории про свое правление, но никто не смеялся. Жихарь, разумеется, выбалтывал все сокровенные тайны своего поручения, полученного от Беломора, — первые слушатели оказались, по счастью, недалеко и простодушны. Одного Китовраса лихорадка не брала, да ведь и его можно было понять, только внимательно вслушиваясь и крепко задумавшись.

Адамычи бросились обихаживать и жалеть пришельцев, поить отварами и отмывать от грязи и ржавчины. Пришельцы не обращали на заботы никакого внимания. С таким же успехом их могли грабить и резать. Но за ременной границей хворобам воли не было, поэтому на третий день все пришли в себя.

Хозяева, как и положено учтивым людям с такой древней родословной, ни о чем не спрашивали и не дознавались. Странники отъедались и отсыпались молчком.

Китоврас, насытившись за столом, шел в конюшню, чтобы набить овсом конский желудок. Мало-помалу он начал рассказывать конюхам о лошадиных болезнях и о том, как их лечить, ведь сама-то лошадь только плакать будет и вздыхать, а объяснить ничего и не может. Будимир, едва обсохнув, сразу же подался по курятникам — учить уморазуму петухов и ухаживать за курами. К царю Соломону воротился утраченный было по дороге живот. Принц и Жихарь после еды выходили во двор княжеского терема — поселили-то их не где попало, а у самого князя Микромора — и там упражнялись, перебрасывая друг дружке здоровенное бревно.

«Не обманете, я ученый, — думал Жихарь. — Это все мне только кажется. Не бывает на свете никаких адамычей, есть одни умруны из

Костяного Леса. И кормят, небось, какой-нибудь пакостью, и князь Микромир — скелетина, и дочка его никаких таких прелестей в теле не имеет, глаза мне отводит...» Временами ему казалось, что он все еще в Бессудной Яме.

Сомнения его разделял и царь Соломон.

— Это невозможно, чтобы так все было хорошо, — говорил он. — Это нас самих нашими же мечтами и морочат...

Но мечты показались Жихарю какими-то куцыми — жрать до отвала и спать без просыпу. Да и Принц Яр-Тур то и дело напоминал в самых неподходящих случаях, что дело витязя — подвизаться, а не тунеядничать.

Царь Соломон, вдоволь откормившись и насомневавшись, предложил князю в награду за гостеприимство рассудить всех по совести и в краткий срок. Но выяснилось: судить здесь некого и не за что — между адамычами не водилось даже семейных ссор. Все здесь было хорошо и ладно. На своих пашнях они ковырялись едва-едва, а жито перло из земли такое, что стороннему человеку становилось дурно.

«Отчего же люди уходят отсюда на иные земли?» — задумался Жихарь и вдруг понял, отчего. Баловаться с бревном надоело.

— Княже, а не надо ли побить кого? — умоляюще вопрошал он хозяина. — Не ходит ли вражина вдоль границ?

— Вдоль всех границ ходит, — соглашался князь, — а переступить их никак не может. Да вот сам погляди!

В княжеской светлице лежал на столе земной чертеж. Жихарь и Принц внимательно изучили его. Соседи у адамычей, прямо сказать, были незавидные — лесные подляне, задиристая Наглия, бездумная Бонжурия, лихие степняки.

Царь Соломон, поглядев на чертеж, ахнул и без слов начал колотить Китовраса посохом по спине. Китоврас вяло отбрыкивался и отмахивался хвостом.

— Я с тебя за каждый лишний шаг вычту! — приговаривал премудрый. — Это же надо — шли в одну сторону, а попали совершенно в другую! Ты забыл, к которому дню нам надо в Иерусалим?

Китоврас прогудел в том смысле, что ременно обутые аргияне всю жизнь этой дорогой пользуются и всегда попадают куда надо. И что муж жестоковыйный, ложной премудростью тщась, сам себе ставит препоны.

Царь успокоился, отложил посох, развел руками.

— Где люди, где кони? — и закатил глаза.

— Добрый у тебя чертеж, — сказал Жихарь князю. — Вот бы срисовать... Но нет, нельзя. Тогда мы будем знать, куда идем, а это не по уговору...

— Можно ли странствовать без цели? — удивился князь Микромир. Был он, как все адамычи, светловолос, дороден и не склонен ни к каким странствиям, тем более бесцельным. — Глядя на вас, опять наша молодежь не усидит дома, пойдет искать иных мест... А чего, спрашивается, ходить? У нас никакой рот не лишней...

— Да, живете крепко, — сказал Жихарь. — И отчего это вам так боги благоволят?

— Так они же все от наших и вышли! — всплеснул руками Микромир.

Царь Соломон ухмыльнулся — у него на этот счет имелись свои соображения.

— Так оно и было, — продолжал князь. — Однажды вышел грозный витязь Световит из дому по малой нужде — поискать себе подвигов, сошел с крыльца и только что сделал шаг, а нога на землю ступить не может — застыла на полдороге, словно под ней ступенька. Он другой шаг сделал — и другая нога оторвалась от земли. Иной бы плюнул и вернулся в дом досыпать, но не таков был Световит. Он и еще раз шагнул, и еще, а перед ним как бы невидимая лестница. Собрался внизу народ, отговаривает, а он топ да топ. В разные стороны ходили наши богатыри, а вверх еще не случалось.

Конечно, кое-кто за ним подался. Но только не у всех получилось. А день был ясный-ясный. Ушло их с десятков, как бы не больше. Световит впереди, все поднимается и поднимается. Вот уже птицы рядом с ним летают. Обернулся, помахал рукой. Потом побежал прыжками и скрылся с глаз. Остальные небоходы тоже попрощались — и за ним. Люди, которые внизу, повалились на колени.

Дня три прошло. Люди совсем ничего не делали — только в небо смотрели. А был среди нас один старец, который мог на самое солнце глядеть не мигая — все равно слепой. Но слепой-то слепой, а разглядел на солнце Световита. Сердится на кого-то, строжится, кулаком грозит и мечом ужасно помахивает. Потом в ясном небе загрохотал гром, засверкало все, и сверху посыпались неведомые существа.

Высоко им довелось падать, в лепешку поразбивались, а по одеждам видно — не наши, и даже головы у некоторых нечеловеческие. Один в кулаке молнию зажал — должно быть, не успел метнуть. Тут мы, адамычи, и догадались, что наши богатыри всех, кто на небе водился, перебили. С тех пор над нами круглый год светит солнце и дожди идут только вовремя. Да ведь Световита всякий знает, у него еще прозвище было — Ярила, а Перун — кузнец бывший, а Олеля с Полелей...

Царь Соломон закусил губу, живот у него колыхался от нутряного вежливого смеха. Китоврас помянул каких-то Космогонию и Титано-

махию. Принц Яр-Тур только мотал головой, собирался что-то сказать, да так и не собрался. У Жихаря тоже слов не нашлось, боялся обидеть хозяина: может, все это и правда. Очевидцы-то все давно умерли...

— Кузнеца Перю особенно жалко, — сказал князь Микромир. — До сих пор ни у кого руки не дойдут коней подковать. Хотя и зачем — земля все равно мягкая...

— А если в поход? — спросил Жихарь. — Мы бы с Яр-Туром взяли всех перековать, да вы бы нам за это коней парочку...

— Не выйдет, — вздохнул князь. — Кони наши по заклятию за рубеж не идут — сразудохнут. Тут и без коней молодежь не удержись...

Снова вернулись к чертежу. По нему выходило, что царю с Китоврасом, если мыслят идти в Иерусалим, надо забирать влево и вниз, к теплому Островитому Морю.

— Пойдем с нами, — снова стал уговаривать царь Соломон. — Я сделаю вас тысяченачальниками. А не понравится, дам самый лучший корабль из настоящего ливанского кедра, и можете себе спокойно грабить страну Офир. Что такое значит Полуденная Роса? Тьфу, и ничего больше. Подумаешь — Полуденная Роса...

— Постой, постой, — сказал князь Микромир и как-то весь подобрался. — Так вот что вы ищете? Значит, старик Беломор так и не отказался от своей безумной затеи?

— Это прямо какие-то дурачки, — сказал Соломон. — Может, хоть ты их отговоришь, у меня уже нет никаких сил...

— И то, — согласился князь. — Зачем вам эта Полуденная Роса? Солнышко светит, девушки водят хороводы...

— Птички поют, — поддакнул Жихарь. — А время ходит и ходит по кругу, и мы вместе с ним... — Тут он понял, что сболтнул лишнее.

— О! — воскликнул царь Соломон. — Значит, надоело вам, что род приходит и род уходит и возвращается ветер на круги своя? Князь, есть ли у тебя зеркало — вызвать старого колдуна на крупный разговор?

Они с Микромиром переглянулись и рассмеялись. Потом князь нахмурился и велел Жихарю с Принцем выйти из терема и побегать с девушками в том самом хороводе и под тем самым солнышком, а когда понадобится, так их позовут.

Девушки племени адамычей действительно нашлись не в огороде, а в хороводе, хотя пора была летняя. Жихарь спросил, кто же будет сорняки полоть, но ему ответили, что здесь слова такого не знают: чему положено расти, то и растет.

— Сожалею я о своей молодости, — сказал Яр-Тур. — Только что нас выставили из совета мужей, на котором, вероятно, решаются судьбы мира.

— Чего зануд-то старых слушать? — удивился Жихарь.

Покружились в хороводе, попели песни, а потом и по березнику решили побегать в догонялки, так что княжеские слуги еле докричались разрезвившихся молодцов.

— Не подумайте дурного, сэра Джихар, — уверил Принц, когда они возвращались к терему. — Будущая королева... Понятия чести... Я соблюдал себя...

— Да я вовсе ничего не думаю, — сказал Жихарь и понял, что мыслей в голове впрямь стало как-то маловато.

На дворе темнело. В княжеской светлице горели толстые желтые свечи. На столе и на лавках лежали старинные свитки и непонятные вещи. Царь Соломон поспешно спрятал что-то за спину.

— Будимира с вами нет? — спросил он и, удостоверившись, что нет, с облегчением принялся догрызать куриную ногу. — Петушок и тот лучше их понимает о жизни, — указал он косточкой на побратимов.

Князь сокрушенно вздохнул.

— Ничего с ними не поделаешь, — сказал он. — Потом они нас же и проклянут...

— Они проклянут нас в любом случае! — вскричал Соломон. — Нет человека, властного над ветром, умеющего удержать ветер, особенно когда этот ветер в голове. Не хотят слушать старших — пусть идут. Пусть хлебнут горя своей золотой ложечкой. Ай, ай, скажут они, а ведь старый Соломон был прав!

— Лишь одолением преград зиждется доблесть героя, — сказал Китоврас, поднимая голову от чертежа. — Славным походом таким не пренебрег бы Геракл.

— Вы правильно поняли нас, досточтимые сэры, — поклонился Принц Яр-Тур. — Ни мой побратим, ни я не собираемся отказываться от своих намерений.

— Да я и то смотрю, — сказал князь. Он разложил на столе три одинаковых на первый взгляд пергамента. Телячьи шкуры, на которых были нанесены очертания земель и держав, были выделаны до полной прозрачности. — Вот перед вами все три мира — Явь, Правь и Навь, — сказал князь. — В Яви живем мы с вами. В Прави обитают боги и вообще высшее начальство. Навь, или Навье Царство, находится у нас под ногами и населена умрунами...

— Это мы знаем! — Жихарь махнул рукой. — Ты дело говори!

— Знаем, знаем! — рассердился князь и пребольно перетянул богатыря своим княжеским жезлом поперек спины.

— В дороге будут учить не палкой, а острым железом, — прибавил царь Соломон.

Удовольствовавшись воспитательным действием, князь дал поддержать жезл оторопевшему от науки Жихарю и наложил три чертежа один на другой.

— Видите — и тут река, и в небе река, и в Нави тоже река, только называются они по-разному. Здесь город, и здесь город, и тут он же...

Разговор начался ученый, упоминали и Коркиса-Боркиса, и самого Ваню Золотарева, и всякие непонятные слова. Жихарь прислушался: не скажется ли ночной урок старого Беломора, но понятнее не стало. А особенно обидным было то, что в споре принимал участие и побратим — он изредка и робко вставлял словечко-другое, и мудрецы не принимали его на смех.

Разговор шел все о том же, о колесном ходе времени. Не без интереса Жихарь узнал, что, оказывается, всякий город на земле воздвигнут на своих же собственных развалинах, а грозные заклинания и расклинения станут детскими считалками, чтобы со временем вновь набрать магическую силу. Потом князь Микромир хватился какой-то точки и собрался ее вычислить.

Для этого он, кряхтя, нагнулся и достал из-под стола нечто вроде сажени, которой землю меряют, только поменьше. Рейка, соединяющая обе части устройства, была не прямая, а полукруглая, да еще со щелью и на винте, так что одна из планок могла свободно ходить.

— Циркулюс! — похвастался познаниями Принц. Князь одобрительно глянул на него и стал прикладывать циркулюс к чертежам и так и эдак. Царь Соломон досадливо крякнул и попытался отобрать прибор у князя с целью добиться гораздо больших успехов. Они тянули каждый за свою деревяшку, осыпали друг друга весомыми словами и стремительно падали в глазах молодежи и кентавроса. Но тот не попустил, вырвал циркулюс у спорщиков, пока не сломали.

— Тщетно пытаетесь вы обрести надлежащую точку, — сказал он. — Зрите же, как поступать славный Эвклидос учил!

Ну, с Эвклидосом-то и дурак точку найдет, только оказалась она далеко за пределами чертежей, на белой льняной скатерти. Такой итог заставил всех разинуть рты, и совсем было хотели поднять Китовраса на смех, как в светлицу влетел, распахав крыльями стражу, петух Будимир. Он в мгновение ока очутился на столе и стал долбить новообретенную точку. В скатерти образовалась дыра, полетели деревянные брызги из столешницы.

— Птица врать не станет, — робко промолвил Жихарь и почесал наказанную спину. — У нее голова маленькая, чтобы врать.

— Совершенно верно, — сказал царь Соломон. — Петух умен, а мы с вами должны разодрать одежды и посыпать головы каким-нибудь там пеплом. Ведь кончилась-то не земля, а человеческое знание о ней!

— Меня учили, сэр царь и сэр князь, — сказал Принц Яр-Тур, — что за Чистым Морем лежит некая обширнейшая страна. Друиды установили это по полету птиц. Какие-то кольца на лапках... — он смешался. — Впрочем, я всего лишь воин...

— Нурдаль Кожаный Мешок наверняка ходил туда в молодости, потому что он везде бывал, — поддержал Жихарь. — Но он помнит только про то, что там награл, а какая земля, кто на ней живет — не добьешься. Уж кто-нибудь да живет, коли их можно грабить... Миктлан, — вдруг сказал он и напугался незнакомого слова. — Полуденная Роса в стране Миктлан, в Адских Вертепах...

Откуда этот самый Миктлан объявился в голове, богатырь ведать не ведал. Он закрыл глаза и явственно почувствовал, как нож вспарывает его грудь, а когтистая рука вырывает оттуда сердце. Над ним склонилось костистое раскрашенное лицо, голова убийцы венчалась высокой причудливой прической — волосы навсегда были скреплены засохшей кровью. Глубокий бас причитал:

Полные печали,
Остаемся мы здесь, на земле,
Где та дорога,
Что ведет нас в Миктлан,
В место нашего спуска,
В страну лишенных плоти?
Есть ли там действительно жизнь,
В этой стране загадок?

— Вот что значит бегать за девушками, вот что значит проявлять неводержанность!

Последние слова насчет девушек, впрочем, произнес не кровавый злодей, а хозяин гарема на тысячу голов. Царь прикладывал ко лбу Жихаря холодную мокрую тряпку, сам богатырь разлегся на лавке.

«Только падучей мне и не хватало!» — опечалился он.

— Как вы себя чувствуете, сэр брат? — спросил Принц. — Мне бы не хотелось отправляться в страну Миктлан одному. Судя по тому, что вы говорили, это довольно скверное место...

Жихарь сорвался с лавки.

— А что я говорил?

— То и говорил, что нечего туда ходить, — строго сказал князь Микромир.

— А я так думаю, что нет нужды ходить так далеко, — сказал премудрый Соломон. — Спуски в Адские Вертепы встречаются и в других местах, нужно только спрашивать.

— Все-таки в стране Миктлан есть где разгуляться доброму мечу! — воскликнул Яр-Тур. — Ваше видение вопиет! Мы отучим их мазать волосы кровью!

— Так вы тоже это видели? — ужаснулся Жихарь.

— И видели, и слышали, — сказал царь Соломон. — Такое сильное видение было у тебя, что и нам немножко досталось.

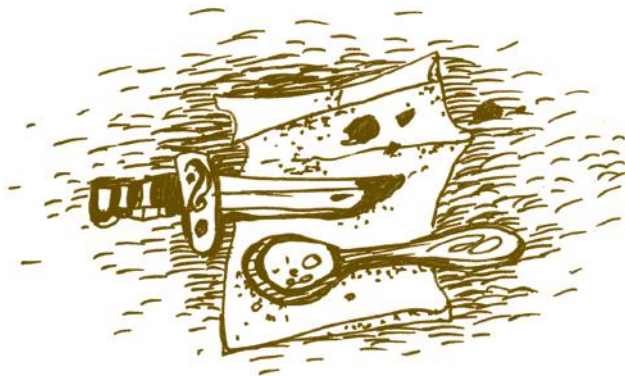
Он подумал и добавил:

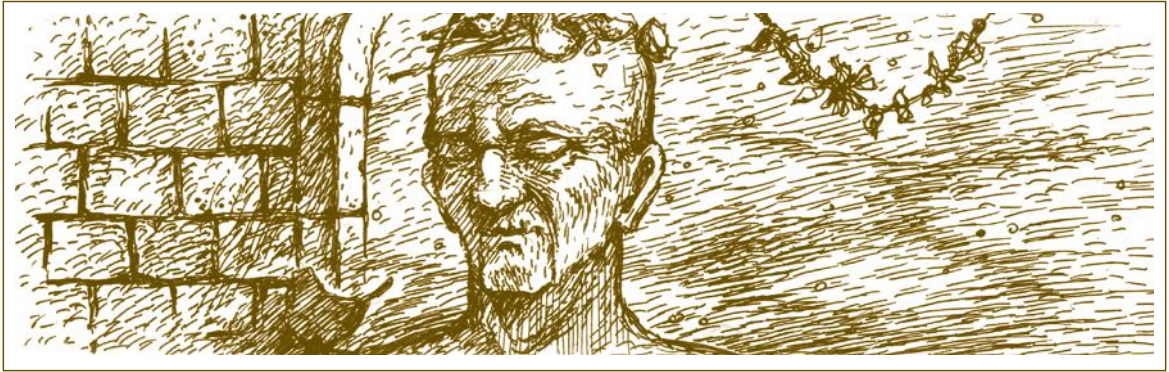
— Вот как силен яд Полуденной Росы. Можно себе представить, что там творится! Истинно, ступайте со мной — там вы спокойно проживете жизнь, а по грехам своим попадете в случае смерти прямо в Шеол, где тоже таки не сахар, но все-таки... Ваш Мидгардорм еще не скоро проглотит себя целиком — вот чего наш Левиафан никогда бы себе не позволил! Зачем вам брать на себя то, от чего давно отступились и мудрецы, и герои? И потом, если у вас все получится, хорошо я буду выглядеть со своими стихами про возвращающийся ветер...

— Где наша не пропадала! — решил про себя Жихарь.

— А я знаю, где она не пропадала? Вы спятили, гоим, и старый Соломон спятил вместе с вами... Ему хочется уже стать молоденьким царевичем и чтобы все кричали: «Самсон побил тысячи, а Соломон десятки тысяч!» Только вот почему-то ему еще хочется умереть в своей постели, а до нее идти и идти, причем в другую сторону...

Царь медленно осел на лавку и погрузился в бездну своей премудрости — только часть головы над золотым венцом и была видна.

ГЛАВА 11

Мудрец, покидающий нас, лучше, чем примкнувший к нам дурак.

Аль-Ахнар ибн Кайс

Выспаться как следует не удалось — ни странникам, ни всему безмятежному Нестьграду.

Оказывается, Будимир остался сильно недоволен голосистостью здешних петухов и вздумал дать им урок. Ученики тянулись за мастером и кричали как резаные.

«Задавить бы тебя», — неблагодарно думал Жихарь. Даже Принц Яр-Тур спросонья забыл о приличиях и произнес несколько бранных, по его понятиям, слов. Царь Соломон зевал с завываниями, а князь Микромир и вовсе не ложился, собирая гостей в дальнюю дорогу.

По счастью, не все мастера у адамычей ушли на небо, нашлось кому починить кольчугу, выправить латы, наточить мечи, изготовить запас стрел.

Хозяева всячески извинялись за то, что не в силах дать странникам коней.

— У нас даже сам цыган Мара не умел угнать! — говорили они с известной гордостью. — Уморить многих уморил, а угнать ни одного не вышло.

Китоврас услышал славное имя, поведал о том, что знаком с цыганом и что Мара, впервые с ним, Китоврасом, встретившись, чуть не

тронулся умом: угонять или не угонять? Зайдет сзади — вроде надо, зайдет спереди — какой же это конь с бородищей-то?

— Если по дороге цыган вам в руки попадет, — советовали знающие люди, — так вы его не отпускайте и бейте, пока не откроет Главную Цыганскую Тайну. Тому, кто ее узнает, всегда будет удача и достаток. Только упрям этот Мара...

— Лишь бы на нас навернулся, — мечтал Жихарь. — Я у него не только тайну — порты последние заберу.

На прощание князь Микромир провел их по всему Нестьграду, расположенному вокруг чистого озера, сводил в храм Бугая — у входа были вкопаны в землю бычьи рога ростом в пять человеческих ростов, настоящие, те самые.

— А в храме, — понизил голос хозяин, — сидит знаменитый отшельник и пустынник Самамура — он из тех, кто на Бугае приехал.

— Так сколько ему лет? — ахнул Жихарь.

— До сих пор терпит! — сказал князь. — Да вы сами гляньте.

Отшельник Самамура помещался в стенной нише. Темно-коричневая кожа обтягивала острые кости, глаза были залеплены пылью. В одной руке он держал краюху хлеба, и давно, видно, держал, так что ногти далеко проросли сквозь хлеб. В седых, торчком торчащих волосах застряли пестрые скорлупки — кто-то вывел у него прямо на голове птенцов или змеенышей. Ноги у отшельника были переплетены не пойми как.

— Да он живой ли? — усомнился Жихарь, с опаской склонился к груди отшельника и послушал. Слушал долго, шея даже затекла, а дождался одного-единственного удара. — Деда, деда! — зашумел богатырь. — Не время спать — время вставать! Конец света проспишь!

И собирался для верности хлопнуть отшельника по спине.

Микромир перехватил руку.

— С ума сошел — всех можешь погубить! Ведь во всей Подвселенной, если по совести сказать, один только этот гуру Самамура и существует, остальное же — и Явь, и Правь, и Навь — ему только снится. А когда проснется — вот тут-то и будет конец света! Мы, то есть предки наши, его так на Бугае спящим и везли. Так что пусть еще подремлет...

— Пусть, — шепотом согласился Жихарь.

— Все никак не соберемся замуровать его от греха подальше, — зевнул князь.

«Вы много чего не соберетесь», — подумал богатырь.

Царь Соломон снял свое кольцо и долго разглядывал сквозь него отшельника, а Китоврас благоговейно опустился на передние ноги.

— Вы берегите старичка-то! — покровительственно заметил Жихарь, желая оставить за собой последнее слово.

Князь фыркнул и погнал всех из храма на свет.

— Что это у вас под глазом, сэр брат? — спросил Яр-Тур.

— А что? — встревожился Жихарь и пощупал в указанном месте.

— Кто-то... — Принц поискал нужное слово. — Кто-то ударил вас, сэр Джихар? И вы стерпели? Этого нельзя так оставить!

На самом деле не выспался богатырь вовсе не из-за петухов, но, куда он бегал ночью и чем все это кончилось, он не хотел говорить даже себе самому.

Можно было по привычке ответить, что в темноте ударился о поленницу, но беспечные адамычи вовсе не заготавливали дров, у них, поди, и зимы-то не было.

— Это он, — сообщил Жихарь Принцу на ухо и показал большим пальцем за спину, на храм. — Это дедушка сушеный меня своим незримым духовным кулачищем поучил за дерзость.

— А я уж было подумал, что местные витязи осмелились, — облегченно вздохнул Принц.

«Из-за каждого сарафана мечами махать — мечей не напасешься», — подумал богатырь, но вслух почему-то заметил, что вкладывать в кулак железку — последнее дело.

На княжеском дворе их ждало еще одно испытание. Господа кузнецы, нимало не уставшие от ночной работы, развлекались тем, что попеременно били друг друга в голову Жихаревым кистенем и громко смеялись особо удачным ударам.

Чугунные осколки оставляли на кузнецовских головах только легкие царапины, а вот свинцовый шар сплюснулся по бокам и стал похож на игральную кость.

— Вы мне всю бирюльку сломаете, — сказал Жихарь. — Я ее нарочно сделал своему младшенькому на потеху — ему-то она как раз по руке.

Смущенные кузнецы вернули кистень владельцу, а Яр-Тур вытаращил глаза и сказал:

— Сэр Джихар, я и не знал, что у вас есть наследники...

— Кий, Щек и Хорив, — с ходу придумал имена мнимым сыновьям богатырь. Он посмотрел на кистень и порадовался, что адамычи встретили их с миром и с миром же провожают.

Несколько молодых воинов с юными женами и невестами решили воспользоваться случаем и покинуть Нестьград — дескать, нужно проводить пожилых царя и кентавроса.

— Да мы недалеко, — уверяли они князя Микромира.

— Знаю я ваше «недалеко», — отвечал он. — Давайте уж как следует попрощаемся.

— Места у нас жаркие, — предупредил царь Соломон. — Вверх по Нилу-реке есть где поселиться. Но солнце там такое, что вы же совсем почернеете и станете носить золотое кольцо в носу..

— А нам, адамычам, все равно — что на жаре, что на льдине, — отвечали отходчики. — Кабы мы не ходили, вся земля до сих пор пустая стояла.

— Дело хорошее, пусть проводят, — сказал Жихарь. — А то на дороге мало ли кто привяжется: «Почему на четырех ногах? Почему нос горбатый?..»

— Ох, слоники наши, слоники, — вздохнул Соломон. — Ох, львы наши рыкающие, вы совсем пропали..

— Слоников не обижайте — оставляйте на развод! — велел Жихарь на всякий случай, потом спросил, каковы слоники.

Царь объяснил, показывая руками высоко и широко.

— А слоники добрые? — спросил Жихарь.

— Подобрее некоторых, — сказал Соломон.

— А я еще добрее! — объявил Жихарь и протянул царю золотую ложку на память.

Но царь Соломон предпочел железный гребешок.

— Когда вернусь в Иерусалим, жены и наложницы сразу же закричат: а что ты нам привез? А вот что, отвечу я и кину им в толпу гребешок. Пока они будут его делить, я успею как следует отдохнуть с дороги..

— Они что, гребешков не видели? — удивился Жихарь.

— Дорог не подарок, а внимание, молодой человек..

Тогда богатырь предложил тот же дар князю Микромиру.

Князь замахал руками:

— Не приму, не приму! Она вам еще пригодится, это не простая ложка: ею любое горе можно расхлебать! Да потом, кажется мне, что это вовсе не ложка.. Хороша ли она в деле?

— Тяжела даже для моей руки, — сказал Жихарь. — Течет, пузыри пускает. Хлебать ей несподручно, держу только для славы или пропою.

— Дай-ка я проверю, — ликующе сказал князь и по-молодому полетел к себе в терем.

Царь Соломон долго толковал с Китоврасом, потом подошел к Жихарю и протянул тростинку, заткнутую с обоих концов.

— Мы тут посоветовались, — сказал он, — и есть мнение: что это мы, два первых в свете мудреца, будем ссориться из-за какого-то червячка? Он свое дело сделал. Камнеда зовут Шамир, и он прекрасно прогрызет для вас стену в любой темнице. Только по дороге не забывайте подкармливать и следите, чтобы Будимир его не скушал — тогда конец обоим..

Вернулся князь Микромир.

— Это что угодно, только не ложка, — сказал он. — Я развернул стол с чертежом так, чтобы восток совпал с солнцем, так стебель стал показывать на то самое место. Теперь вам не о чем беспокоиться: поставили ее на ровное место и определили свой путь. Ложка эта досталась тебе неспроста, и я даже не хочу спрашивать откуда.

Жихарь и Яр-Тур, не сговариваясь, низко поклонились своим старшим спутникам и князю, после чего увлечены были за стол — присесть на дорожку.

Прощались весело, а расходились в печали. Даже Будимир на шлеме нахохлился.

— Скучно без них будет, — вздохнул Жихарь. В животе бодро бурчало расстанное вино.

— Не оглядывайтесь, сэр брат, — сказал Принц. — Честно говоря, я опасуюсь, не обман ли и это.

— Да ты что! — И Жихарь полез на всякий случай в суму. Золотые монеты, лежащие там, таковыми и остались.

— Эй, погодите! — раздалось позади. Их нагонял дюжий парнище из местных в одной длинной рубахе до пят, даже штаны ему надеть было лень. Когда он приблизился, стало видно: нос у парнищи такой толстый и распухший, что даже глаза вытянулись вперед и стали по бокам, как у лошади.

Жихарь потрогал у себя под глазом и удовлетворенно хмыкнул. Они обнялись как старые знакомые.

— Ты вернись, — предупредил парнище. — Сделал дело и возвращайся. Сестра сказала, что ждать будет.

— А как же! — с превеликим жаром вскричал богатырь.

— И вот еще что, — сказал парнище. — Как пойдете, помните, что леший наш лют и обидчив, про него не говорите плохих слов и даже вовсе не поминайте. Иначе он вас не то что в другое место заведет, а куда похуже. Место, может, будет и то самое, только все в нем станет по-другому. Тогда возвращайтесь назад, след в след, винитесь — может, и простит.

Он пожелал доброго пути и умчался в счастливый Нестыград, а Жихарь и Яр-Тур остались на месте.

— Станный какой-то человек, — заметил Принц.

— Станный, — кивнул Жихарь. — Сперва по роже бьет, а потом разбираться начинает...

— Что такое рожа, сэр брат? — насторожился Принц.

— Растение такое, вроде льна. Его раньше бьют, потом треплют...

— Бить растение? — пожал плечами Принц. — А знаете, сэр брат, что за мысль пришла мне в голову?

— Не знаю, не ведун...

— Вот вы все ищете свой народ, свое племя, как и я. Так вот, здешние жители кажутся мне до удивления похожими на вас...

— Что ж ты раньше молчал! — ахнул Жихарь. — Ну-ка, надо вернуться и спросить наверняка.

— Дурная примета, — покачал головой Яр-Тур.

— А мы сделаем вид, будто что-то забыли, — схитрил Жихарь.

И они сделали несколько шагов за поворот и оказались на пустынном берегу круглого озера. В озере отражался блаженный Нестьград — высокие избы светились нестаряющимися и нетемнеющими бревнами, уютный княжеский терем, высоченные рога у входа в храм Бугая, где спящий отшельник держал своим сном мироздание. Отражаться-то он отражался, а вот на земле-то его не было. Адамычи бродили вниз головой по опрокинутым улицам и не обращали на пораженных странников ни малейшего внимания.

— Вот тебе и Нестьград, — выдохнул Жихарь. — Не зря, значит, Китоврас его по-своему Утопией называл. Утопия и есть.

ГЛАВА 12

*Прогудели три гудочка,
Все с работы идут,
А чекисты в это время
На облаву идут.
В этой маленькой облаве
Пантелеев пропал.
Окруженный мусорами,
Он в лягавку шагал.*

Песня

Отдохнувшие ноги топали бодро, в звоне доспехов обнаружилась даже какая-то веселость и бесшабашность. Если на обочине показывалась нарядная шляпка мухомора, петух обязательно слетал с Жихарева шлема и срезал гриб косой — были у него, видно, с этой отравой какие-то счеты.

— Сколько же нам идти, сэр брат? — размышлял Принц.

— Сорок дней и сорок ночей, — не раздумывая, ответил Жихарь.

— А потом?

— А потом далее тронемся! — захохотал богатырь.

Яр-Тур призадумался.

— Никак не могу определить, сэр Джихарь, — сказал он, — когда вы шутите, а когда говорите всерьез, и оттого не знаю — обижаться мне или нет.

— Не обижаться, — посоветовал Жихарь. — На дураков не обижаются.

— А разве вы... это самое?

— А как же, дуракам — счастье. Ведь богам тоже обидно, если кто-то умнее их. Старый Беломор мне так и сказал: посылал, мол, я в эту дорогу многих умников, только все они на пути стали задумываться — куда, зачем, почему. И все пропали. Соломон-то что говорит? «В mnogой мудрости многая печаль». То-то он и шляется по свету вроде нас, да еще босиком...

— Да, к слову, — припомнил Яр-Тур. — Я все как-то не решался напрямик спросить у самого сэра Соломона, все же он пожилой человек и тем более царь, я боялся показаться неучтивым...

— Выкладывай, выкладывай, — сказал Жихарь. — Передо мной-то чего крутить?

— Разумеется, я проникся к нему уважением, равно как и к сэру Китоврасу, но меня смущает одно обстоятельство. На первый взгляд это мелочь, недостойная внимания, но когда вдуматься...

— Мечом ты шустрее орудуешь, — сказал Жихарь.

— Да я, сэр брат, попросту хочу обратить ваше внимание, что царь Соломон жил и царствовал еще в незапамятные времена — и вот мы с ним делим тяготы похода и пожинаем плоды гостеприимства. Не странно ли это? Да и кентавросов, по слухам, давным-давно истребил перебравший хмельного добрый сэр Геракл...

— Дерьма-то! — отмахнулся богатырь. — Вот еще нашел заботушку! Во-первых, для того мы с тобой и пошли в поход, чтобы всякому жить в свое время. Во-вторых, когда бы ни жил — лишь бы человек хороший был... Да ведь не покойники же они, не умруны: пьют, едят, смеются, спят. Ты, брат, живого мертвеца еще не видел?

— Вот эта самая рука, — помахал упомянутым членом Принц, — исторгла останки загробной жизни из четырех и более вурдалаков!

— Вот видишь! — нашелся Жихарь. — Значит, сам должен понимать. Они вообще долго живут. Соломон, тот, наверное, особую настойку принимает, да и нам не мешает освежиться...

Такое рассуждение Жихаря повергло Яр-Тура в растерянность, и он безо всяких выставил флягу.

Освежились как следует на ходу.

— А что, сэр брат, — оживился Яр-Тур. — О какой опасности предупреждал нас этот забавный здоровяк без штанов?

— Насчет лешего. У вас что, в лесах никого не водится?

— В лесах водится всякое, сэр Джихар, простолюдины ходят в чащу с большой опаской, но к лицу ли воителю остерегаться простой лесной нечисти? К тому же мы с ног до головы в железе.

— А хотя бы и в железе. Леший — начальник над всеми деревьями и зверьями, без его разрешения в лес и заходить не стоит. Но мы

идем себе по дороге, и ладно. Леший... Он перед зимой-то знаешь как бесится? Ой-ой!

— И на кого же он похож?

— Это трудно сказать. То он ростом с траву, то высотой с сосну, а обычно — простой мужичок, только кафтан у него запахнут на правую сторону и обувь наоборот. Глаза горят зеленым огнем. Встречному старается прикинуться человеком, но легко его разоблачить, когда глянешь через правое ухо коня. Да мы, на беду, пешие...

— Вы боитесь его, сэр Джихар? — засмеялся Принц и погрозил богатырю пальцем. Лицо у Яр-Тура было все в красных пятнах.

«Пить-то не обучен», — вздохнул Жихарь, а вслух заорал:

— Кто? Это я-то? Лешего-то? Мохноногого? Боюсь?

— Похоже на то, сэр брат! — развел руками Принц.

— Вот как я его боюсь! — С этими боевыми словами Жихарь сошел на обочину и давай рубить мечом сосну. Так деревья не валят, и меч скоро завязился в стволе, еле вытащили вдвоем. — Вот как я его боюсь!

Будимир на шлеме предупреждающе затопал лапами.

— Ты тихо там сиди, пока везут! — прикрикнул Жихарь. — Много вас таких, любителей на голову сесть! Топором, конечно, сподручнее, — обратился он к Принцу. — Я к топору да лесу привык с малых лет, знаю все законы. Бывало, уйду на деляну — полдня пути, навалю стволов сто или больше и домой, в избушку к Коту и Дрозду. А топор, чтобы лишней тяжести не таскать, ка-ак кину вперед себя! Прихожу — он над дверью торчит...

— А вы не боялись, сэр Джихар, зарубить таким образом своих приятелей?

— Так они в избе под лавку забились, наперед знают, что старший братец возвращается...

— Удивительно, — сказал Яр-Тур. — Раньше вы утверждали, что эти Кот и Дрозд вас воспитали и взлелеяли...

— Так ведь в жизни-то всякое бывает! — не растерялся богатырь.

— Это верно, — вздохнул Принц. — Помнится, мне мой наставник тоже как-то велел натаскать побольше воды, так поверите ли, что самая обыкновенная метла при надлежащем заклинании...

Принц умолк, остановился и поднял что-то с обочины.

— Подкова, что ли? — обрадовался Жихарь.

Яр-Тур протянул открытую ладонь. На ней лежал осколок зеленого стекла. Жихарь взял осколок и посмотрел на свет. Стекло было такое чистое и прозрачное, словно и не стекло, а смарагд.

— А вон еще, — указал Принц. — Должно быть, здесь проходил богатый обоз. Как вы думаете, это серебро?

Он поднял и показал богатырю тоненький сморщенный листочек, с виду и вправду серебристый.

Жихарь не поленился опуститься на четвереньки и внимательно оглядеть дорожную пыль.

— Чудной какой-то обоз, — сказал он. — Телеги-то, видно, волоком тащили — дорога не ископычена. А колеса, колеса!

Следы колес были шириной в добрую пядь, к тому же покрыты узором в елочку.

— А это что такое?

На сей раз в руке у Принца была белая палочка, мягкая, словно из бересты, обугленная с одного конца, набитая мелкой сухой травой с противным запахом.

— Ну, это волхвы жертвенный дым воскурjali! — определил Жихарь, а сам подумал: «Кабы так!» Он уже сообразил, что начали сбываться предостережения возможного шурина, но виду показывать не хотел, потому что вино внутри было очень крепкое и бесстрашное. — Выбрось эту дрянь, да пойдем себе дальше, — посоветовал он побратиму. — Или, может, боязно?

— Другому бы дорого стоили эти слова, — сказал Принц, выкинул странные находки и догнал богатыря. Они шагали плечом к плечу и вовсе не обращали внимания на то, что петух Будимир тревожно, порлиному клекочет...

Вокруг становилось все хуже и хуже. Вот уже и сосенки начали расти не как попало, а ровными рядами, и небо внезапно потемнело, из полуденного сделалось вечерним, и среди деревьев замелькали подозрительные по яркости огоньки. «Посмотрим, кто первый повернет!» — подбадривал себя Жихарь и вдруг споткнулся — в ногу что-то пре-больно кольнуло.

— Пожалел добрых сапог, старый сквалыга, — пожаловался Жихарь, остановился и подогнул ногу, чтобы посмотреть, велик ли обуви урон.

На него глянула босая ступня, а в руке остались истлевшие кожаные ошметки. Богатырь выпрямился. Стало как-то не по-хорошему легко и свежо.

Еще бы не свежо — голому-то! Да, стоял Жихарь нагишом и по колено в куче мусора, бывшей вот только что кольчугой, одеждой, сапогами, мечом, кистенем, припасами, самострелом. Будимир покинул непокрытую рыжую голову и слетел на дорогу с самым осуждающим видом. Своей боевой косы птица тоже лишилась.

— Не празднуете ли вы труса, сэр брат? — донеслось спереди.

Жихарь поглядел на побратима. Принц Яр-Тур тоже не имел на себе ничего, кроме ржавчины, покрывавшей его с ног до головы.

— Сироту всякий норовит обидеть, — с достоинством ответил Жихарь и отряхнулся. — А только голяком я подвизаться не намерен. Это же надо, какая подлость! Конечно, культяпый Мироед прослышал о нашей непомерной доблести и поберегся, похитил порты дорогие и мечи харалужные...

Принц ничего не ответил, и Жихарю показалось, что побратим истово молится и бьет поклоны невидимому богу. На самом же деле он рылся в окружающем ветхом барахле.

— Вот костяные пластинки с ножен, — похвастался он. — Вот золотая канитель. О, вот и фляга, целехонька!

— Где фляга? — не поверил и подбежал Жихарь.

Фляге ничего не поделалось, только смоляная пробка закаменела. Жихарь отбил ребром ладони горлышко, запрокинул глиняный сосуд, но в глотку ему посыпались только сухие бурые пленки.

— Говорил же тебе — опростать надо, зла не оставлять, — сплюнул он. — А ты — побережем, побережем! Ну, я им устрою!

— Кому, сэр брат?

— Ворам этим! Ноги выдерну!

— Боюсь, что вам придется, сэр Джихар, выдергивать ноги у самого Времени, — вздохнул Яр-Тур. Он был чумазый, как степняк, — тот ведь никогда не моется, страхась смыть счастье. — Наши вещи, к сожалению, отнюдь не исчезли. Они просто-напросто состарились. Мне случалось находить древние клады... Да, что с вашей чудесной ложкой?

— Небось золотая, — сказал богатырь и вдруг всполошился: — Будимир! Не трожь жуколицу — она полезная! Царь не велел!

Камнеед Шамир тем временем выкарабкался из ржавых лоскутьев и стал доступен петуху. Будимир немедленно этим воспользовался и ухватил камнееда клювом. Отобрать Шамира богатырь уже не успевал, но петух бережно спрятал червя под крыло и уставился на хозяина: чего, мол, базлаешь?

— Повернем назад? — насмешливо спросил Принц.

— Повернем, — неожиданно согласился Жихарь. — Потому что все равно нас леший заплутал.

— Но ведь дорога-то никуда не исчезла!

— Дорога, верно, не исчезла, только вот вспомни, нас же предупреждали не обижать лешего. Он и завел... Повернем, но только не сразу, а пройдем сначала вперед и добудем себе одежду и оружие — ограбим кого-нибудь.

— Отчего же ограбим, сэр брат? Разве мы грабители? Разве прилично, если впереди нас побежит худая слава? Ведь золотые монеты невредимы! Мы попросту купим все, что хотим, в первой же лавке...

— Ай, ай, а ведь старый Соломон был прав, — сказал Жихарь. — Только как же мы выйдем к людям в одной наготе? Нынче ведь не русалий день — голышом бегать...

— Ну, мы скажем, что нас раздели разбойники, — начал Принц и прикусил язык.

— Срамись один, а я подожду.

— Тогда мы дадим денег какому-нибудь прохожему и попросим сходить в лавку его...

— Вот еще дитя на мою голову навязалось! Так он и пойдет в лавку, твой прохожий! Он прямо в кабак пойдет и все просадит за наше здоровье! Давай лучше прикинемся погорельцами — их все жалеют и относятся с понятием.

— Будь по-вашему, брат...

— Деньги-то в лопух заверни! — наказал Жихарь, поманил к себе петуха, взял его на руки и понес впереди себя, чтобы хоть как-то прикрыться. Ложка примостилась под мышкой и не падала, словно прилипла к телу.

Двинулись в сторону золотых огней.

— Главное дело — разговоров лишних не заводи, — наставлял Жихарь по дороге.

Лес внезапно кончился, и странники оказались перед высокой крепостной стеной из желтого кирпича. Строений такой высоты видеть им не доводилось. Только странной казалась крепость: в ней было полно окошек чуть ли не до земли, и во многих окошках горел яркий свет, а из некоторых слышалась даже удивительная музыка, гулко и часто бил барабан.

— Гуляют люди, — вздохнул Жихарь. — Свечи, видно, здесь очень дешевые.

— Никакие свечи не в состоянии... — Яр-Тур стучал зубами — только вряд ли от холода.

— Во напильсь! — послышался откуда-то сверху старушечий голос.

— Молчи, ведьма! — вскричал Жихарь, но тут же поправился: — А скажи-ка, бабушка, нет ли поблизости лавки?

— Чего вы шляетесь в ночь-полночь? — не унималась наверху невидимая старуха. — Я вот сейчас позвоню куда следует...

— Мы тихонько, бабушка! — испугался Жихарь. А то ведь сдуру начнет бить в колокол и всех всполошит!

— Мать на трех работах пластается, а они с дружкой голые бегают! Добро бы с девкой! Последние штаны рады пропить! Хоть бы вас скорее в армию забрали, может, убьют там, и правильно сделают! Чего над петухом вытворяешь, изверг?

— Он мне жизнь спас! — возмутился Жихарь.

— Вот и зря, что спас. Идите спите, срамцы, пока за вами не приехали...

— Старая леди нас с кем-то пугает, — сказал Принц.

— А, толковать с ней, — махнул головой Жихарь. — Сейчас найдем настоящего человека и спросим...

Только спросить было не у кого, возле дома не водилось ни души — должно быть, по случаю позднего времени. Они зашли за угол крепости. Земля здесь была плотно убита и напоминала серый шершавый камень. Дорога пошла вниз, мимо больших железных, судя по стуку, ящиков. Запах от ящиков шел худой, да там и был всякий пестрый мусор. По пути попало еще несколько крепостей, только поменьше: не девять рядов окон, а только пять. Навстречу кто-то шел, но, увидев побратимов, шархнул в сторону и пропал в темноте.

— Не бойся, добрый человек! — взывал Жихарь, но добрый человек все равно боялся.

За строениями тоже была дорога, ровная и гладкая, и по этой дороге, сверкая глазищами, промчалось нечто большое и страшное, так что они еле успели укрыться в тень.

— Без копыя такого не одолеть... — загрустил Принц.

— Будет, будет тебе копые, — сказал Жихарь. — Тут людей живет полно, невозможно без лавки... Да вот не она ли?

В небольшом домике без окон и с железной дверью тихо и низко гудело. Жихарь постучался в дверь. Ответа не было.

— Это не лавка, сэр брат, — простонал Яр-Тур. — Здесь обитает сама Смерть! Вот ее знак!

Жихарь поднял голову — голые-то обычно глаза в землю прячут. Рядом с дверью на стене прибили тонкую белую дощечку, а на дощечке красовались черный череп, пересеченный красной молнией, и какие-то буквы.

— На лавку не похоже, — согласился богатырь. — Пойдем дальше. Вон как они тут устроились, ты гляди-ка... Посадили Курносую под замок и живут всласть!

Восхваляя отвагу и сметку здешних людей и ругательски их же ругая за разбросанные всюду осколки, Жихарь уверенно двигался вперед, словно бегал в эту самую лавку с детства. Яр-Тур то и дело оглядывался на тюрьму Смерти.

Руки его были заняты золотыми монетами, так что в случае нападения мог бы и оплошать. Но нападения не произошло, а лавка нашлась.

Это было невысокое сооружение, обитое голубой жестью, большие окна закрывались жестяными же ставнями, оставалось лишь малое оконце — голове пролезть. Дверь закрывалась на задвижку, но эта

мелочь не остановила Жихаря. Задвижка внутри жалко крикнула и отлетела.

Сидевший за прилавком торговец в испуге вскочил, нагнулся и направил в неожиданных гостей какой-то причудливый самострел. Стрелы в нем не было, только две короткие трубки, соединенные вместе, глядели на витязей.

Торговец двигался на редкость неуклюже и медленно, и Жихарь, отбросив петуха с ложкой, метнулся к нему и отобрал чудной самострел. Торговец по виду был ровесником пришельцев, с такой же беспорядочной бородкой и в ярком, словно бы надутом изнутри, коротком кафтанчике.

— Вы же на той неделе наезжали! — возмущался торговец. Будимир уже по-хозяйски расхаживал по углам, приценивался.

— Не тревожьтесь, добрый сэр лавочник, мы заплатим, — сказал Принц и показал полные пригоршни золота.

— Форины! — обрадовался торговец. — Золотишко хорошо, а зелье лучше! Баксы есть?

Потом попробовал монетку на зуб и остался доволен, сделался вежлив, хотя и поминал матушку через слово. Начался торг.

Почему-то всякий товар в лавке оказался ценою ровно в одну монету, но хорошо и то, что одежда нашлась всех цветов и размеров. Предложенные торговцем штаны Жихарь с негодованием отверг:

— Ты их что, в трех щелоках варил?

— Варенка в натуре, — отвечал торговец.

Жихарь все-таки примерил и нашел, что слишком тесные, а мотня маленькая, в походе тяжело. Свой выбор он остановил на просторных расписных портах чуть ниже колена, потом приглядел тонкую черную рубаху в обтяжку, без ворота и с короткими рукавами. На рубахе нарисованы страшный мертвец и другие мерзости. После богатырь велел подать кожаный камзол, попробовал на разрыв и остался доволен.

А вот обуви пришлось перебрать достаточно. Обычные высокие сапоги были безнадежно малы и предназначались для девок. Впору Жихарю оказались только легкие белые башмаки со шнурками. Он с сомнением повертел один в руке, пощелкал подметку, вздохнул и обулся. Ноге стало хорошо.

— Годится! — решил Жихарь.

Но торговец, как видно, решил выманить все золотые. Он предложил Жихарю колпак из мягкого войлока с широкими загнутыми полями и даже подвел к зеркалу, какого не было и у княгини Апсурды.

Пока Жихарь одевался, Яр-Тур бдительно следил за торговцем — не устроил бы какой пакости. Потом они с богатырем поменялись ролями. Принц выбрал отброшенные побратимом вареные порты,

кружевную красную рубаху («Это же бабская!» — напрасно кричал торговец) и такую же кожаную одежду, как у Жихаря. На голову ему приглянулась шапочка с большим козырьком.

Жихарь понимал, что оделись они скорее не для похода, а для нарядности, и деньги кончаются, а до оружия еще дело не дошло. Да и не было здесь оружия. Поломавшись для порядка, торговец протянул им две рукояти от ножей. Жихарь вопросительно и грозно глянул на него.

— Вы с дурдома, чо ли? — спросил торговец и нажал на какой-то выступ.

Выскочило и лезвие — коротковатое.

— Сойдет, — решил Жихарь. — Не нож бьет, а рука.

Выманив две серебрушки, торговец смягчился и от себя добавил невиданной красоты бутылку с зеленым зельем. Жихарь убрал бутылку в карман.

— Разорили вы меня, — довольно приговаривал торговец.

Отдавать ему самострел Жихарь не спешил.

— Я его лучше на крышу закину — потом достанешь. А то знаю я вас, купцов, вы мастера в спину стрелять.

Он приложил самострел к плечу, направил его в малое оконце и нажал на оба крючка — интересно же, что оттуда вылетит.

Грянул гром, стекло разлетелось, на улице кто-то заорал.

— Ну, козел, — сказал торговец. — За стекло еще пару монет давай... А, вон у петуха ложка! Плати ложку, дурила!

Жихарь и Принц опасливо поднялись с карачек. Жихарь швырнул громовое оружие в угол и потянул побратима к двери. Торговец ругался вслед, но как-то вяло, для порядка.

— Ложку тебе еще, — ворчал богатырь. — Обойдесся!

Свет, кинувшийся им в глаза, был такой нестерпимый, что люди закрылись руками, а Будимир — крыльями. Сияние исходило из двух небольших светил. Но ведь и в лавке было светло, так что глаза быстро обвыкли.

Прямо перед ними стояло давешнее чудовище, промчавшееся по дороге. Рядом с чудовищем ухмылялись двое молодцев, облаченные в серую одежду и в нелепых шапках. В руках молодцы держали длинные черные дубинки, с пояса у каждого свисали маленькие блестящие оковы для рук. Третий сидел прямо в голове у чудовища и что-то говорил непонятно кому.

— Вы чего, чего? — забеспокоился Жихарь. Драться было нечем, с ножиком на такую махину не попрешь.

— Это здешняя городская стража, — прошептал Яр-Тур. — Убьемте их поскорее, сэр Джихар, и угнетенные благословят нас...

— Все бы тебе убивать, может, договоримся...

Договориться не пришлось, хотя стражники вступили в разговор весьма охотно.

Один из них был носатый, другой — вовсе носатый. Только понять их было трудненько, особенно маленького, чернявого, с усиками.

Маленький, не спросив, отчего-то решил, что богатыря зовут вовсе не Жихарь, а Билят.

— Ты, билят, стрелял? — спросил он. Билята Жихарь знал по недолгой дорожной стычке. Тот был младшим сыном чих-ордынского хана и никак не походил на Жихаря: голова что пивной котел и весом, как выяснилось в итоге встречи, не меньше трех пудов. Богатырь на всякий случай отперся. Маленький напустился на Принца:

— Ты, билят, стрелял?

Это было и вовсе непонятно.

— Негоже простолюдинам задавать вопросы без разрешения, — сказал Яр-Тур. — Ступайте к своему владыке и скажите, что благородный воитель желает преломить с ним копье.

И протянул руку столь повелительно, что стражники чуть было не помчались передавать гордый вызов, но вовремя опомнились.

— Ну что, билят? — обратился маленький к своему напарнику. — Берем их?

— Берем, билят! — радостно закричал другой, и они бросились на побратимов. То есть это стражникам показалось, что они бросились, но для Жихаря и Принца противники двигались чересчур неторопливо, как будто в воде. Дубинки скоренько оказались в суровых руках побратимов и обрушились на недавних владельцев.

Маленький, лежа на земле, добыл откуда-то из-за пояса совсем небольшой самострел и прицелился в Жихаря. Но тот уже знал, какая это опасная снасть, кончиком дубинки приложил стражника по руке. Носатый завыл, самострел отлетел в сторону.

Третий, прятаящийся во лбу чудовища, закричал и задергался. Чудовище взревело.

— Сейчас убежит! — догадался Жихарь. — Братка, оно не живое, это просто телега такая!

Не стовариваясь, да ведь и времени на то не было, оба подскочили к чудовищу-телеге сбоку, подхватили, крикнули и с грохотом завалили набок. Третий стражник внутри телеги грозил незнакомыми, но страшными именами, чуть ли не самим Ваней Золотаревым.

Вокруг стали собираться какие-то люди, но никто из них не спешил пособить стражникам, наоборот, один даже принял сторону побратимов, воскликнув:

— Бей ментов поганых!

— А-а, так это поганые? — в гнев закричал Жихарь. — Снова повадились на нашу землю, пока Святогор отсыпается? Уж не придется вам больше сиротить малых детушек. Всех убью, один останусь!

Он совсем уже собирался добить поверженных врагов, но Будимир взлетел ему на шляпу и сквозь войлок замолотил по макушке. Богатырь не успел обидеться — страшная мысль зародилась у него в мозгах и тут же вылезла ртом:

— Братка, нам тут нельзя оставаться! Это место совсем чужое! Бежим назад по своему следу, а то пропадем!

— Я все же настаиваю, сэр Джихар, чтобы эти ничтожества доложили здешнему королю о нашем прибытии...

— Делай, как велю, сэр дубина! Командовать в своем государстве будешь, а здесь другие порядки. Бежим!

Будимир вытянул шею и грозно, хрипло закричал. Принц внял кукареканью разума. Они помчались назад, в сторону домов-крепостей и леса. Пробежали мимо гудящей хоромины.

«Вот выпустят по такому случаю Курносую и пошлют за нами в погоню!» — думал Жихарь.

— Повторяй за мной: шел, нашел, потерял! — приказал он Яр-Туру. — Так всегда надо делать, когда леший заморочит...

Несколько собак разных пород и размеров устремились за беглецами в лес. Собаки, на счастье, не хватили за ноги, только брехали почему зря. Жихарь на ходу угощал их дубинкой — все же оружие, да какое ловкое!

— Шел, нашел, потерял! Шел, нашел, потерял!

Добежали наконец и до дряхлых лохмотьев на дороге. Жихарь остановился.

— Батюшка лесной хозяин! — обратился он в темноту. — Ты нас прости уж, дураков! Это мы друг перед другом в храбрости мерились после вина, а тебя вовсе не хотели обидеть!

В кустах что-то недовольно заурчало — то ли собака, а то ли сам лесной хозяин. Жихарь опустил на колени и побратима сильно дернул за ногу: винись!

— Э-э... Воистину, добрый сэр Леший, мы были неразумны и самонадеянны, мы забыли о вашем возрасте и высоком положении, мы вели себя недостойно. Это я затеял глупый спор, а брат мой, достойный сэр Джихар, просто не хотел уступить...

— Не слушай его, батюшка: вина моя! Эх, не догадался я в лавке для тебя красные штанища прихватить, ты ведь их любишь... Но ты же и вино любишь! Мы тут для тебя припасли, не побрезгуй нашим угощением...

С этими словами богатырь достал красавицу бутылку и метнул ее в кусты, на урчание.

Все же это была не собака. Собаке нипочем бы не откупорить такую бутылку и уж тем более не осушить из горлышка с громким бульканьем.

— Кажись, хорошо пошла! — прошептал Жихарь. Бутылка вылетела из кустов, сверкнула в лунном свете и упала в пыль. Жихарь достал ее, вытряхнул на ладонь несколько капель и лизнул.

Потом пропел самым ласковым голосом:

— Вкусно тебе было, батюшка?

— Вку-усно... — прохрипело в кустах.

— Можно нам пойти своей дорогой?

— Мо-ожно...

— Так и пошли!

Они сделали несколько шагов, часто оглядываясь. Огни позади не исчезли.

— Я не прощу себе, коли не увижу сэра Лешего собственными глазами! — И Яр-Тур устремился в кусты.

— Куда, братка? Не серди его! — Жихарь побежал следом, желая остановить дерзкого, но не успел. Принц с великим почтением разглядывал валявшегося на траве Лешего.

На этот раз лесной хозяин прикинулся не пнем-корягой, не добрым стариком в зеленом кафтане, а мелким мужичком-забулдыгой. Леший старательно храпел, рядом с ним лежала пара пустых бутылок, но куда им было до подаренной!

— Дедушка, — тихонько позвал Жихарь. Леший не ответил, только переложил себя со спины на бок и перестал храпеть. — Значит, врут про него, даром говорят, что он сорокаведерную бочку может осушить...

Побратимы вернулись на дорогу. Колдовские огни города все еще были на месте. Жихарю стало тревожно.

— Никогда бы не подумал, что лесной хозяин выглядит именно так, — сказал Принц.

— Точно. Зря угощение стравили... А вот поучу-ка я его дубинкой, пьяницу!

— Вряд ли это поможет вернуться нам на путь истинный, сэр брат. Лучше повернемся лицом к опасности и приготовимся встретить смерть с оружием в руках. Пусть это даже не мечи, а дубинки ничтожных хамов...

Смерть неслась им навстречу — та же самая или другая, подобная волшебная телега ревела, ослепляла, пылила. На крыше повозки мигал синий огонь, в воздухе стоял жуткий вой с переливами.

— По кустам бегать не собираюсь, — сказал Яр-Тур.

Жихарь такое намерение имел, но и уступить побратиму ни в чем не собирался.

— Обратаем и этого. Бьем по глазам, потом перевернем. Сейчас он, конечно, осадит..

Но телега продолжала мчаться прямо на них. Богатырь понимал, что пора броситься на обочину, а Принц стоял как вкопанный и бормотал заклинания. Жихарь никаких заговоров против самоходных телег со стражниками не знал и утешался так:

— Ничего, ничего, сейчас все и кончится. Сейчас мы очутимся по делам нашим среди славных героев. Узрим и Валигору, и Валидола, а повезет — и самого Ваню Золотарева..

Время для бегства еще оставалось, но гордыня превозмогла.

А для смертного часа прибереглась у богатыря дума и вовсе не глупая: «Не навалить бы в новые штаны, а то на небо ни за что не пустят...»

Мышцы живота сжались до каменного состояния, а удара не последовало.

Колдовская повозка пронеслась сквозь отважных побратимов, мелькнули перекошенные лица стражников. Жихарь мигом повернулся на пятках. Вой прекратился. Повозка остановилась и пропала. Некоторое время помигал еще синий огонек, но и он растворился в воздухе.

— Вы трусы, добрые сэры! — кричал вслед Яр-Тур. — Немедля вернитесь, дабы принять позорную смерть от благородной руки!

— Чего с них взять? Ты же слышал — менты поганые! — сказал Жихарь и почувствовал, что теперь-то вот убежать в кусты никак не помешает, особенно в новых штанах.

ГЛАВА 13

Страшно закричал мертвец и уже хотел было вонзить в парубка желтые зубы свои, как вдруг неизъяснимая тишина снизошла на всю землю, и, плача крепкою казацкою слезою, старый Перебендя, да Явтух Сиромаха, да Чумаченко, да Нетудыхата, да другой Чумаченко, да и весь незамаевский курень обнялся, свился в клубок и, славя запорожское льцарство, покотился так далеко, что более никогда уж не возвращался.

Неизвестный Гоголь

— Все-таки правильно мы дальше не пошли, — рассуждал Жихарь, когда страшные места оказались далеко позади.

Отступить в легкой обуви было даже и не обидно. Только ночевать все равно пришлось в лесу. Богатырь отказался от помощи Будимира и с удовольствием показал побратиму свое умение обходиться без огня. Вскоре они уже безмятежно толковали у костерка.

— А я полагаю, что в сей неизвестной стране мы смогли бы совершить немало славных дел и посрамить малoverов, — возразил Принц.

Дурацкая, по мнению Жихаря, шапочка была ему тесна, он долго мучился, пока не разобрался с ремешком на затылке.

Жихарь лениво сдвинул свою шляпу на лоб.

— Нет, я так не думаю, и вот почему. Ладно, самоходная повозка, конечно, дело удивительное. Таковую у нас могут из волшебников устроить человека два, от силы три, да и у вас не больше. Заметь, что нужно

в этом случае волхву сразу несколько заклинаний твердить: чтобы колеса вертелись, чтобы огни горели и чтобы вой раздавался. Но кто в повозке-то сидел? Разве неклоуды, умудренные сединой? Стражники там сидели, а стражники, брат, это народ сам понимаешь какой.

— О да, увы и ах! — сказал Яр-Тур. — Эти наемные мужланы таково тупы, что зачастую не в силах отличить доблестного деяния от гнусного нарушения законов. Они так и норовят ввергнуть благородного воителя в узилище, а потом удивляются, недосчитавшись руки либо самой головы.

— Вот-вот. Если допустить, что все стражники там суть могучие колдуны, то каковы же волшебники? О том и помыслить ужасно. А если стражники обыкновенные, то какой же дурак им самоходные повозки доверяет? Нет, сэр брат, ну-ка такую страну куда подальше. А дырбойные снасти вспомни! Это же совсем срам! С такой штукой любая мразь может положить опытного бойца, хотя бы и нас с тобой. Одна радость, что ходят они как вареные...

— Позвольте добавить, сэр Джихар. Я полагаю, что они там у себя просто-напросто обленились, утратили способность двигаться скоро и ловко, как подобает настоящему воину. Из-за повозок они разучились бегать, а при громовом оружии нет нужды в боевых искусствах. Темный ужас охватывает меня при мысли о том, что случилось с нашей одеждой и поклажей... В таком случае должны были исчезнуть и наши обновы, ведь их еще не сделали...

— Или уже не сделали, — сказал Жихарь. — Для того и воюем, брат, чтобы все годы и времена шли один за другим, а не вперемешку. Но, чур, об этих делах лучше не говорить.

Они еще крепко поспорили насчет того, какой клинок лучше — листовидный или карпоязычный, потом Яр-Тур заявил, что Жихарь в этой шляпе — вылитый Биликид, только без меча Кольга.

Заснули, не заботясь о страже, — Будимир был птица надежная. Камнеед угрелся у него под крылом, а может, они тоже побратались.

Утром Жихарь спросил Яр-Тура:

— Слушай, ты не знаешь, кто такая Салтычиха?

— Скорее всего, леди...

— Ясно, что не мужик. А точнее?

— Мне не встречалась женщина с таким именем.

— А мне сегодня во сне встречалась. Я не орал? Снилось мне, что эта самая Салтычиха меня бьет, мучает, за косы таскает...

— Простите, сэр Джихар, за что таскает?

— За ко... А-а! Вот горе — чужой сон увидел!

— Что ж из того, сэр брат? Причудливые видения часто посещают спящий разум, особенно в пути. Мне, к примеру, нынче привиделось,

что я еду верхом на жалкой кляче, на голове у меня вместо шлема какое-то дурацкое оловянное блюдо, оруженосец мой вообще сидит на осле, пьяный и пузатый, а впереди возвышается сооружение вроде конической башни, украшенной четырьмя вращающимися лопастями... И я, представьте себе, со всей возможной яростью мчусь на эту постройку с копьём наперевес!

— Дивен твой сон, а все равно не к добру...

Но покауда все было хорошо. Лес по обеим сторонам дороги был редок и не мог скрыть возможную засаду. Под ногами не валялись большие непонятные вещи, облака не омрачали неба. И очередной кумир Проппа у обочины ласково улыбался, словно бы таинственный дедушка говорил: «Нуте-ка, батенька, послушаем, что вы нам тут наплетете...»

Жихарь причесался пятерней, застегнул одеждую обновку на прехитрый замок, как учил торговец, и приблизился к идолу.

— Это было давно и неправда, — начал он, как полагается, но не постарался, а стал излагать первое, что пришло в голову. К сожалению, это оказалась волына. Волына вроде бы похожа на устареллу или новеллу, только длинная и скучная. Жихарь в свое время купил ее у бродячего рассказчика, польстившись названием: «Битва в пути». Никакими битвами там и не пахло, не было даже доброй драки, а просто какие-то кузнецы и прочая мастеровщина в какой-то необъятных размеров кузнице клепали то ли бегучие плуги, то ли ползучие бороны и все спорили, какую железку к какому месту приладить. Было там и про любовь, но герою так ничего и не обломилось.

На память Жихарь не жаловался, помнил имя даже последней кладовщицы, так что волына получилась особо длинная. Яр-Тур и Будимир попросту уснули, а Пропп недовольно поскрипывал.

— А кто слушал — молодец! — кое-как закончил повествование богатырь и заискивающе поглядел на Проппа.

Надеясь, что всемогущий слушатель пошлет большую удачу хотя бы за величину волыны, побратимы бодро пошагали дальше. Завели легкий и веселый разговор насчет того, что борода плохо растет. К слову сказать, очутившись в обществе Соломона и Китовраса, Жихарь, чтобы не показаться сопленосым юнцом, прибавил себе число годов до тридцати и сделал это с такой страстностью и убедительностью, что даже честнейший Принц сломался и тоже чуть ли не удвоил свои лета.

— Оттого у нас с этим делом беда, что мы бородового прогневил, — сказал Жихарь.

— Это еще кто такой?

— Как же ты не знаешь? В лесу главный — леший, в реке — водяной, в дому — домовый, в бане — банный, в овине — овинный, в поле — полевой, в любовном деле — половой, во дворе — дворовой, в бороде — бородовой!

— Первый раз слышу...

— Какие твои годы! Бородовой, он живет где? Да у тебя на бороде! Он мелкий, вот ты его не видишь. Он вокруг каждого волоска ходит с заступом и окучивает, чтобы бодрее рос, а если ему угодать, то вырастет борода кучерявая, как девки любят...

— И как же он выглядит, сэр Джихар?

Жихарь стал многословно и витиевато объяснять строение, перечислил семь признаков и девять качеств бородового и сыпал пустыми словами до тех пор, пока до Принца не дошло: толкует сэр брат про самую что ни на есть обыкновенную вошь, какие и по королевским кудрям запросто хаживают. Яр-Тур сперва обиделся, но потом не выдержал и впервые за время побратимства расхохотался.

Пока Принц вытирал слезы, вылезшие сквозь смех, богатырь углядел на дороге засохшую коровью лепешку и обрадовался ей, как дорожному самоцвету:

— На-ка вот! Снова к людям идем! Прибавь шагу!

Прибавить прибавили, но других признаков жилья больше не попадалось. Пели кое о чем птицы, пригревало солнышко, но не жарило, в пыли оставались весьма приметные рубчатые следы нарядных обновок-обувов, а с обеих сторон на дорогу выезжали из редколесья с копьями наперевес темнолицые большеголовые всадники на мохнатых лошадаках. Самое время было затянуть бесконечную песню о том, как служили два товарища, и Жихарь набрал уже полную грудь воздуха для запева, но кто-то вместо него громко произнес:

— А... А-а... А-а-а...

И чихнул.

«Вот все опять и кончилось», — подумал Жихарь.

Пели кое о чем птицы, пригревало солнышко, но не жарило, в пыли оставались весьма приметные рубчатые следы нарядных обновок-обувов.

Чих-орда пошла в свой очередной набег.

Числом она заметно уступала другим кочевым племенам — и Бабай-орде, и Колупай-орде и Держим-орде, но была куда грозней, опасней и богаче иных степняцких полчищ. Это про чих-ордынцев сложили поговорку: «Видели, как на коня садился, да не видели, как ускакал». В самом деле, ни живущие в Многоборье, ни обитатели Наглии, Бонжурии и Неспании не могли похвалиться тем, что видели Чих-орду на походе. Как и каким образом преодолевали невелички всадники огромные расстояния, навсегда осталось загадкой. Сегодня они осаждали Столенград, а завтра их уже видели на побережье Островитого Моря. Не обременяли себя чих-ордынцы ни запасными конями, ни семьями, ни обозом — налетели, схватили и сгинули.

Разумеется, Яр-Тур тоже увидел всадников, но никакой тревоги перед побратимом не выказал, не оглянулся, даже головы не повернул, сказал только:

— Замечу вам, достославный брат, что добрый сэр Будимир бывает порой удивительно беспечен и ненаблюдателен для своего высокого положения и предназначения.

— Ладно ему там, на новой шапке, угрелся, — хладнокровно оправдал богатырь пернатого спутника, а шагу не сбавил. — Хорошо бы он там яйцо снес. Из петушиного яйца, как известно, нарождается василиск. Мы бы его выкормили и ходили себе потом, врагов страшали...

«А чего дергаться-то? — думал он. — Ни мечей, ни доспехов. Любой из немытиков кидых копьем — и все».

— Далеко этим клячам до моего Гнедого, — рассуждал Принц. — Говорят, впрочем, что они отличаются невероятной выносливостью, да в нашем положении не стоит привередничать...

«Орел, — с гордостью помыслил о друге Жихарь. — Орлом и померет — заодно со мной».

— Богатыри с погаными ведь как поступают? Главное дело — сдернуть одного с коня. А там ухватил его за ноги и давай помахивать на все стороны, прокладывать улицы да переулочки.

— Неплохо также выворотить с корнем могучее дерево, лучше всего дуб, — подхватил Яр-Тур. — Но здесь какой-то чахлый подлесок...

Всадники впереди все выходили и выходили на дорогу, а что творилось сзади — неизвестно. Все они держались молчком, потому что в Чих-орде разговаривают только начальники.

— А вон, гляди, белый шатер ставят для Чихана, — показал Жихарь. — Шатры у них прочные и такие тонкие, что влезают в дорожную суму... Вот дознается Чихан, кто я такой, скажет: а не тот ли это Жихарь, что убил сына моего любимого, Билята, и похитил с мертвого тела алтын-хлебал — золотую ложку?

— Вы действительно убили его сына, сэр Джихарь?

— Не без этого...

— Но, разумеется, в честном поединке?

— Честнее не бывает...

— В таком случае вам не о чем тревожиться! Наверняка сэр Чихан пожелает сразиться с вами самолично либо, если он стар и немощен, пошлет другого сына. Случится славное ристалище, и вы, несомненно, одержите верх, а ежели воинское счастье отвернется от вас, то будет кому отомстить, не сомневайтесь. Все не так уж плохо!

— Да? У него этих сыновей как нерезанных собак! Хотя и не станет никто с нами поединствовать — натянут тетивы и сделают из нас два ежика.

— Неужели это племя так низко пало? Не верю и обращусь к их чувству чести высоким слогом вызова героев седой незапамятной старины...

Яр-Тур повернулся в сторону шатра и вскричал:

— Ублюдки, педики, задницы, бычье дерьмо! Вы имеете право не отвечать на вопросы, сделать один звонок и получить бесплатного защитника, если вы не в состоянии нанять его!

Чих-орда не выказала никаких чувств. Жихарь тоже остался в недоумении:

— Какие-такие звонки, защитники? На что им защитники, это нам они нужны...

— Не знаю, просто этот вызов передается из поколения в поколение...

— С ними не так надо. — Жихарь распрямил плечи, приложил руки ко рту воронкой и заорал: — Вы что здесь, ребята? В баню поехали?

Ни звука не проронили всадники, только ропот прокатился от скрежета тысяч зубов: нет для степняка страшней оскорбления, чем признать его едущим в баню.

Рядом с белым шатром появилась тоненькая фигурка в золотой шапке и прокричала несколько слов. Копья уперлись в спины побратимов.

— Дубинки славные, но короткие, — сказал Жихарь. — Вот оно в чем дело. Они на кого-то напасть хотят и побаиваются, а нас погонят вперед, вроде передового полка. Степняки вообще бесстрашные, только сильно всего боятся и поэтому толкают впереди себя пленников...

— Так мы пленники? Вот новость!

— Они, знать, торопятся: не допросили нас, не обшарили, чуют впереди хорошую добычу. Значит, так. Когда покажется их враг, нам нужно что есть сил рвануть ему навстречу, чтобы раньше их стрел пробежать, а от ордынских уйти. Сумеешь?

— В таких башмаках, сэр Джихар, я обгону любую стрелу. Но прилично ли показывать неприятелю спину?

— Так на другого-то неприятеля мы грудью пойдем! Они ведь ничуть не лучше.

— А вдруг то благородные воители?

— Лишь бы не ходячая крепость...

Кочевники позади перестраивались в боевой порядок: раздавались короткие команды, ржали кони, звякало оружие. Когда Жихарь попробовал оглянуться, получил древком копья по шее.

— Ну, золотой гребешок, — сказал богатырь Будимиру, — проспал врага, так держись крепче или улетай подальше...

Будимир сердито заквахтал, как бы напоминая, что не покидал товарищей и в худшие времена.

Конница за спиной, кажется, урядилась, и высокий визгливый голос предводителя выбросил в небо грозный боевой клич орды, знакомый всему свету:

— Мала-мала батурай!

— Мала-мала батурай! — подхватили воины, и острия копий больно ткнули в спины друзей, повреждая новенькие кожаные одежды.

Бежали долго, до одышки. Дорога начала подниматься в гору. Никакого противника впереди не было, и Жихарь уже решил, что степняки просто-напросто хотят загнать их до смерти и растоптать копытами, но тут из леса на дорогу выбежало такое, что копыта погонял враз опустились, а волосы у всех без исключения поднялись дыбом. Будимир яростно заголосил, но видение не исчезло.

В боях и походах Жихарю приходилось уже встречать и щетинистых Позорных Волков, и пятнистого Кайфоломщика, и безжалостное Чудо В Перьях, и Треклятого Алгимея высотой с терем, да и нынешний поход был богатым на опасные столкновения. Но в те прошлые времена с ним всегда оказывался кто-нибудь из старших товарищей, навывших обращаться со страшилищами. Уж на что явился ужасен Всадник Белая Епанча, у которого под этой самой епанчей ничего не было, даже тела, а и того Дрозд ухитрился проколоть ржаной соломиной.

Но нынешняя тварь не походила ни на что. Вроде и не такая большая, а глядеть на нее не хотелось.

Сначала Жихарь подумал, что перед ним паук: шесть ног, по три с каждой стороны. Но только не ноги это были, а человеческие тела, по пояс торчащие из мохнатого туловища. Ловко перебирая по земле руками, они двигали тварь вперед. А то, что богатырь принял за глаза, оказалось двумя людскими головами. Головы открывали рты и показывали длинные синие языки. Из пасти, расположенной под глазами-головами, торчали тонкие прозрачные клыки. По краям пасти торчали хватательные пучки рук. На спине страхоила лежали, образуя крест, два голых тела. Они шевелились, но не падали, будто вросли в черную шерсть. И хвост этой гадины тоже был человек, и человек тот держал в руках здоровенный железный крюк и мотался туда-сюда.

— Разбегаемся в разные стороны, — прошептал Жихарь.

— Ни за что! — воскликнул Яр-Тур и сразу пояснил: — Сэр брат, у меня отнялись ноги.

Лица у тел, составлявших чудовище, были тупые, ни мужские, ни женские, словно вылепленные кое-как из глины.

«Оно их всех съело, но не совсем, и вырастило себе руки-ноги, — думал Жихарь. — И нас проглотит и тоже использует. Куда же меня определяют, в какие части?»

Он засмеялся и пришел в себя. И понял, что нужно делать. Не напрасными были ночные уроки деда Беломора. Старый неклюд, конечно, своих мозгов ему не передал, а вот собственную Жихареву память укрепил и взбодрил неведомым способом. Жихарь начал раз за разом

повторять то же самое слово, которое повторял дед на водопаде. Медленное Слово, останавливающее все вокруг:

— Рапид, рапид, рапид, рапид...

Жихарь плюнул и, когда слюна повисла в воздухе, сообразил: получилось. Можно было уже не торопиться, но Принц, взмахнув ментовской дубинкой, бросился вперед, на какой-то миг закрыл от богатыря пасть чудовища и вдруг осел на дорогу. Жихарь приказал себе сдержаться и повторил заклинание еще несколько раз. Потом достал из кармана выкидной нож и подошел к твари.

Он не знал, где у чудовища сердце, где что, поэтому пришлось резать все подряд. Для начала он обошел замершую тушу, погружая лезвие поочередно в спину каждого из человеко-ног. Затем прикончил того, который был за хвостом с крюком. Вернулся назад, к бесчувственно лежащему Яр-Туру, и перерезал глотки у глаз-голов. Секущими ударами по сухожилиям обезвредил руки-хваталки — осторожно, чтобы в отличие от Принца не коснуться клыков.

Оставались те двое на спине. Шерсть была жесткая, колючая и, возможно, тоже ядовитая. Лежащие на спине и вправду были не мужики и не бабы. Богатыря стало мутить. Вместо доброго боя он сам себе доспел мясницкую работку. Хорошо еще, что кровь не брызгала, а неторопливо выползала на белый свет из ран и порезов. Жихарь повторил заклинание и поклялся, что не вспомнит его больше ни при какой битве. Если уж перед такой нечистью совестно, то как же с обычными людьми? О побратиме он старался до поры не думать. Клыки на всякий случай обломал дубинкой — била она как надо.

«Вроде все», — решил богатырь, подхватил Яр-Тура под руки и уволок подальше в сторону. Действие Медленного Слова закончилось, лапы подогнулись, мохнатое брюхо подняло кучу дорожной пыли, кровь хлынула во все стороны.

«Теперь пусть что хотят со мной, то и делают, — подумал Жихарь. — Не стану же я до ночи безнаказанно резать степняков. Я же тогда еще хуже этого страхоила выйду...»

Чих-орда ожила, убедилась, что опасность лежит зарезана, и, забыв навсегда про Жихаря с Принцем, заорала свой «батурай», завизжала и помчалась вперед по дороге, прямо через ужасную тушу. Было степняков много, а пролетели они быстро. Видать, цель была недалеко, если бросили даже ханский шатер.

ГЛАВА 14

И они подобрали его и похоронили, ибо ничего больше с ним нельзя было поделатъ.

Роман о Тристане и Изольде

Воину не стыдно плакать над погибшим товарищем — стыдно не плакать.

Впереди затихли, враз оборвавшись, воинственные вопли Чих-орды. Постепенно улеглась обратно на дорогу пыль, а елочки и сосенки по обочине стали серыми.

— Поторопился ты без меня в Костяные-то Леса, братец, — приговаривал Жихарь — не упрекал, а просто так полагалось. — Нам бы прилично было головы вместе сложить...

Белый шатер, брошенный кочевниками, был пуст. Ни ханского оружия, ни награбленных драгоценностей. На простом глиняном блюде каталось несколько жалких кругляшков твердокаменного овечьего сыра.

«Вот тебе и тризна», — заметил Жихарь, раздавил один шарик в руке, высыпал крошки Будимиру. Сперва богатырь подумал, не сжечь ли тело побратима заодно с шатром, как делают иные народы, но потом все же решил не поддаваться легкому искушению и совершить похороны как полагается, со всеми возможными почестями.

Никаких заступов кочевники с собой не возили, и Жихарь, поковырявшись в бесполезных мелочах, нашел коротенькую костяную лопатку — ею, должно быть, чесали спину.

Богатырь вышел из шатра с лопаткой и небольшой подушкой — ее он подложил Принцу под голову, чтобы удобнее было ждать, когда выйдет могила. Место для нее он выбрал на склоне.

— Прости, брат, что не могу снарядить должным порядком, — говорил он, делая зарубки в земле. — Отправляю тебя в дальний путь без доброго коня, без воинского доспеха. Но ты ходишь пешком уже, должно быть, привык, а для умрунов и ножа с дубинкой довольно. Вот и нашел ты свое королевство — три аршина в длину.

Яр-Тур не перечил — должно быть, такой размер его вполне устраивал. Полетели первые комья земли. Будимир не принимал в работе никакого участия и вообще был как-то подозрительно равнодушен. «Мозги-то у него с горошину», — оправдывал петуха Жихарь.

— Человек ты был правильный, — продолжал богатырь, умывая слезой запыленное лицо. — Значит, попадешь в Правь, на небо. Там передай всем от меня низкий поклон, скажи, чтобы скоро ждали. Попеняй светлому Яриле, что весна в нынешнем году была поздняя, еле дождались. Чтобы такого больше не повторялось. Дажьбога увидишь, вели работать, и Перун чтобы не дремал: в дороге без дождя хорошо, а в поле не очень. Та-ак.. Насчет князя Жупела я сам нажалуюсь, когда там буду.. Да, вот еще, не забудь повидать там Леля. Его сразу узнаешь: молодой и кудрявый, на голове из хмеля венки. Ему передай, что иные девушки стали нынче сильно жадны и требуют за любовь какие-то там подарки. Это не дело. Я не Коляда, чтоб подарки раздавать. Жалко, что нет с нами собаки: я бы ей голову отрубил и бросил в могилу, чтобы показывала дорогу на тот свет. У собак это хорошо получается. Ну да ты грамотный, сам доберешься. Встретится тебе на пути старая старуха, станет предлагать зеленое вино. В глотке у тебя сухо, как водится перед смертью, но ты от вина откажись, брось в старую ведьму полынной травкой — я сейчас за ней Будимира пошлю. Конечно, неплохо бы могилку покропить петушиной кровью, только ведь Будимир для нас не петух, а боевой товарищ..

Будимир покосился и от греха подалеже побрел в лес искать полынь.

— После старухи встанет перед тобой воин с двойной секирой и в два человеческих роста. С ним ни слова не разговаривай, бей промежду глаз дубинкой и ножом в живот, как я учил. Если ему поддашься, угодишь в Навье Царство, как после старухино угощения. Но ты не поддашься. Третьим будет жрец не нашего бога. Голова у него баранья, значит, и толковать с ним не о чем. Но я тебе пальцы на левой руке, пока не закаменели, сложу кукишем — это у них вроде пропуска. Далее встанет на пути заплечных дел мастер Кудерма — весь в красном, словно от рассыпной рожки лечится. С тем разговор короткий, но только руками

к нему не прикасайся и пинай прямо ногой в низ живота... Да ты слушаешь ли? Неужели ваши друиды покойника так просто в землю пихают и не растолкуют, как ему дальше быть? Когда Кудерма не стерпит боли и согнется, выдернешь у него точно с макушки зубами три волоска...

— Я не думала, что моего брата станут погребать столь варварским способом, — раздался тихий и нежный голос.

— Отстань! — огрызнулся Жихарь. — Не до тебя!

Но все-таки отложил лопатку и оглянулся. На дороге стояла легкая, из прутьев сплетенная повозка, запряженная двумя беспросветно черными конями. Из повозки вышла девушка.

Этого добра Жихарь повидал не хуже царя Соломона, но тут забыл и про беду, и про обряды. Он еще и разглядеть как следует не успел светлого ее лица, а знал уже и чувствовал наперед, что падает прямо на душу нелюдская тоска, что теперь и горе не страшно, и победа не в радость, и дела напрасны, и не остудит зима, и не согреет лето, и вода не унесет жажды, и земля не успокоит, и ветер не освежит, и не опалит огонь. Тем более что с ним уже сто раз такое бывало.

— То, что Рыбы пожрали Овна, еще ни о чем не говорит, — сказала девушка. Губы ее при этом не шевелились, а голос шел со всех сторон. — Лучше зарой свою нелепую яму, мальчишка, и перенеси тело моего брата в повозку. Он ушел до назначенного срока, и кое-кто за это заплатится...

Ее длинное и узкое платье казалось сшитым из того же вещества, что и кони, — ни одной складки нельзя было разглядеть, ни одного отблеска, и тем посрамлялось висевшее высоко в небе солнце, бессильное пробить эту черноту.

Разбросанные по платью бледно-зеленые жемчужины образовывали какой-то строгий узор. Если долго его рассматривать — а именно это Жихарь и делал, не осмеливаясь еще раз поглядеть в лицо, — в голове все начинало ходить ходуном и в сон тянуло...

Тревожно заорал петух. Пришелица недовольно передернулась и на мгновение как бы расплылась в воздухе, но тут же вновь обозначилась.

— Сверни шею дерзкой твари, — потребовала незнакомка, и богатырь наконец пришел в себя.

— Что вы все до птички докопались? — заворчал он и полез вон из ямы. — Ты кто такая?

— На зеленых валийских холмах меня зовут Морриган... — она даже вроде улыбнулась, но на Жихаря такое имя не произвело никакого действия.

— Вот что, девка, — сурово сказал он. — Ты над покойниками причитывать горазда?

— Что-о?

— Над покойником полагается причитывать, — объяснил Жихарь, весьма довольный, что озадачил красавицу. — Ну, еще надобно волосы распустить, ро... личико то есть, расцарапать, хоть и жалко, и голосить жалобно-жалобно — так, чтобы даже камень прослезился...

— Я сама знаю, как проводить брата. Делай, что я велела, и не говори лишнего.

— Да знаешь ли ты, каков был при жизни Яр-Тур?

— Как! Он узнал свое имя? Откуда?

— От меня, конечно. Так вот о деле — ведь недаром же... — богатырь торопливо зашарил по карманам. — Смотри! — Он покрутил в воздухе золотой ложкой. — Алтын-хлебал! Ни у кого такой нет! Ее у меня сам царь Соломон выклянчивал, в ногах валялся.

Загадочная Морриган закрылась от ложки обеими руками, будто увидела давно подошедшую крысу.

— Почему... Почему у тебя в руке ваджра? — спросила Морриган, и в голосе ее что-то надломилось и задребезжало.

— У, тут рассказывать — на трех возах не увезешь, только не время, — сказал Жихарь. — Оплакать-то человека надо или как? Тем более ты сестрой себя объявила. Я тут весь уже на слезу перевелся, а ты хоть бы подошла, брата на прощание поцеловала...

— Его найдется кому поцеловать, — сказала Морриган, и от этих слов стало Жихарю жутко, как в тот раз, когда спросил он у деда Беломора про хозяйку. — А теперь я узнала тебя, Рудра, Красный Вепрь Неба... Ты вернулся с ваджрою в руке, чтобы еще раз поразить змея Шешу?

— Никого я не хочу поражать, а тебе друга не отдам, — объявил богатырь. — Подумай своей прекрасной головой: ну куда ты его повезешь? Ведь жара, вас мухи заедят...

Одним движением он расстегнул куртку и ударил себя в грудь кулаком — чуть ребра не проломил.

— Не отдам! Мы с ним побратались, а ты неведомо кто! Так из лесу любая шишига выйдет, скажет, что брат, а сама потом косточки обгложет...

Она впервые открыла рот и расхохоталась. Смех был тонкий и красивый, но, когда он отзвучал, стало значительно лучше.

— Ты езжай своей дорогой, — сказал Жихарь. — И коней забери, не надо мне их, пусть на них цыган Мара катается...

— Однажды он попробовал, — сказала она и стала медленно приближаться к богатырю. Платье ее по-прежнему оставалось неподвижным, и было непонятно, как она там, под тканью, двигается. — С тех пор его племя и скитается по земле...

Морриган придвигалась все ближе и ближе. Голова у Жихаря стала совершенно мокрой, и в нее не приходили никакие подходящие к случаю заклинания. Лишь почему-то припомнился простой и всем известный любовный заговор: «Я гляжу ей вслед — ничего в ней нет, а я все гляжу, что-то нахожу...»

Она подошла вплотную, протянула хрупкую руку и стала водить пальцем по рисунку на рубахе. Жихарь закрыл глаза и потянул носом. Ничем от нее не пахло — ни мертвым, ни живым.

— Как странно искажены эти руны, — сказала она. — Можно подумать, они начертаны тысячелетия назад. Здесь написано «железная дева» или что-то в этом роде. Кто она тебе? Она твоя покровительница?

«Что же Будимир помалкивает? — подумал Жихарь. — Лучше я подхвачу братку да побегу в лес — в таком платье не больно-то догонит. Хотя это, конечно, полный позор...»

— Какая там покровительница, — сказал он, стараясь не сорваться на крик. — Просто мне эта рубаха приглянулась: тут и головушка мертвая, и другие страшили — не всякий и полезет. Да, — оживился он, мысля отвлечь красавицу. — Ты не знаешь, что за тварь мы с Яр-Туром завалили?

Морриган даже не оглянулась на дорогу, где валялось в пыли растоптанное чудовище.

— Ах, это? — Она положила ему на грудь ладонь. — Это лишь у вас в глуши могло сохраниться нечто подобное. Была некогда такая игра, игроки делились на отряды по одиннадцать человек, и те, кто проигрывал... Впрочем, это неинтересно...

Ладонь, ни теплая, ни холодная, гладила его грудь, и богатырь со стыдом услышал в себе вовсе неуместное при разверстой могиле чувство. «Заморочила!» — еще подумал он и протянул вперед руки. Пальцы не ощутили никакой ткани.

А всего остального он уже не помнил до тех пор, покуда не услышал из немереной дали знакомый голос:

— Успокойтесь, сэра Джихар! Я, оказывается, жив, и не стоит вам так отчаиваться и колотиться всем телом о землю... Или вы, может быть, решили этим упражнением укрепить мышцы рук?

Жихарь шумно выдохнул, открыл глаза, понял и увидел, что под ним действительно рыхлая земля, а очертания стройного тела на ней стремительно осыпаются и пропадают...

Рыжие краснеют легко, охотно и по любому поводу. Богатырь вскочил и спешно привел себя в порядок.

— Не устаю удивляться причудливым обычаям отдаленных стран и народов, — продолжал живехонький Принцев голос. — Должно быть, ваш похоронный обряд связан с плодородием земли...

— Чтоб ты сдох! — жалобно сказал Жихарь. — Ты откуда?
Лицо Яр-Тура оставалось еще бледным, и ноги не держали, но глаза горели веселым блеском.

«И этот меня на сеструхе приловил, срам какой!» — охнул Жихарь и начал оправдываться:

— Это она сама, правда. Хочешь, земли съем? — И потащил в рот добрую горсть. — Я ей говорил — нехорошо, если мы побратимы, значит, она и мне сестра... Куда там!

— Кому вы говорили, сэр брат? — встревожился Принц.

— А у тебя сестра есть? — ответил Жихарь вопросом на вопрос.

Царь Соломон три вечера убил на то, чтобы обучить богатыря этому нехитрому приему, успешному во всякой словесной стычке.

— Какая сестра? — Яр-Тур, видно, тоже кое-что усвоил. — Я не уверен до конца и в собственном существовании, а вы говорите — сестра.

Жихарь облегченно выплюнул землю.

— Да это я так — разморило на солнце, вот и почудилось. Не обращай внимания, это меня полуденница морочила. Ты лучше рассказывай, как там.

— Не понимаю...

— Ну, куда ходил, кого видел, пригодились ли мои советы...

— Я по собственной неосторожности напоролся на клык нашего противника — вот и дыра на штанах, и кровь... А больше ничего не помню. Видимо, этот яд не убивает. И теперь я лишен возможности разделить с вами честь победы...

— А вот это ты зря. — Жихарь остался довольнехонек, что Яр-Тур ничего не видел. — Ты, прежде чем свалиться, оторвал ему голыми руками те головы, которые вроде глаз, а мне осталось только добивать.

Жихарь вытаращил глаза и смолк — на могильной земле валялось несколько жемчужин с черного платя.

— А куда подевались всадники?

— Вот этого не скажу. Полетели вперед, только пыль поднялась. Мы им, получается, дорогу открыли. Должно быть, невдалеке город или селение. Чих-орда зря коней не мучает, появляется сразу под стенами и идет на приступ.

— Отчего же не слышно звуков битвы?

В самом деле, с горы, куда уходила дорога, не доносилось никакого шума, не поднимались клубы дыма.

— А давай сходим и посмотрим, — предложил Жихарь, стремясь увести Принца с этого места, где на дороге оставались следы волшебной повозки — ниоткуда возникшие и в никуда обрывавшиеся.

— Извольте, сэр Джихар, — сказал Яр-Тур. — Хотя ноги, надо признаться, словно деревянные.

— Держись за меня, — сказал Жихарь и свистнул Будимира. Ему стало все равно, напорются ли они вновь на Чих-орду или ее противников. Хотелось есть, пить и выспаться как следует.

Пройти пришлось немного, шагов двести или чуть более. Ископыченная дорога обрывалась круто вниз, в пропасть. Дна у нее не было видать из-за клубившегося внизу тумана, да и противоположного края за тем же туманом не наблюдалось. Разлом тянулся и влево и вправо, насколько глаз досягал.

— Не припомню, чтобы на чертеже было нечто подобное, — сказал Принц.

Далеко впереди, если как следует взглядеться, сверкали белые пятна — то ли вечные снега на горных вершинах, то ли облака, освещенные снизу солнцем. Но солнце на закат пока еще не собиралось.

Жихарь осторожно лег на живот и заглянул вниз, потрогал землю и камни.

— Корни еще не успели высохнуть, — объявил он. — Словно земля только что провалилась — без стуку, без грюку... Все вранье! — внезапно решил богатырь. — Это не пропасть, а одна только видимость. Чих-орда уже давно ускакала по дороге, а нам оставила этот морок, чтобы мы не пустились в погоню.

— Ни одному человеку на свете, — сказал Яр-Тур, — не позволю я приуменьшать наших бойцовских достоинств, но и преувеличивать их до такой степени вряд ли разумно.

Жихарь встал, выворотил из земли хороший камешек и, размахнувшись, швырнул его наугад. Камень погрузился в туман, и долго еще ничего не было слышно, потом раздался тупой удар и неожиданно громкий, переливчатый визг.

— Попал! — обрадовался богатырь. Но всякое желание проверить, подлинная ли пропасть, у него исчезло. — Все понятно, — сказал он. — Это Мироед не утерпел, не дождался своего часа, отхватил кусок земли. Братка, покуда твоя душа летала, так ни о чем таком не слышала?

Принц побледнел, хотя бледнеть было вроде уже некуда.

— Там темнота, тишина и ничто, — пробормотал он наконец.

Тут уже и Жихарь спал с лица.

— То есть как? Ты что хочешь сказать? Что вот убьют меня, похоронят — и все? И я ничего не увижу и не услышу, отца с матерью не узнаю?

Принц тяжело вздохнул:

— Похоже на то, добрый сэр брат.

От такой лихой мысли Жихаря снова потянуло прыгнуть в разлом и проверить, чтобы уж сразу, да не дал Будимир: взлетел на шляпу, стал бить крыльями по лицу.

— Эй, эй, чего дерешься? — пришел в себя Жихарь и тут же вывел из головы утешную мысль: — Так ты, друг, не по-настоящему умер, вот ничего и не было! А которые всерьез ходили на тот свет, другое говорят...

Утешение было слабое, ненадежное: Жихарь ездил в дружине с двенадцати лет, и покойников видал-перевидал, и Принц совсем недавно лежал мертвее мертвого... «Да мы уже в Навьем Царстве, — в который раз подумал богатырь. — А там если еще умрешь, так точно ничего не будет...»

Чтобы отвлечь голову, он достал золотую ложку и положил ее на плоское место. Стебель устремился прямо в сторону пропасти.

— Не обойти, значит, ее, — сказал Жихарь. — Нашей дорожке край вышел...

— Как хотите, сэр брат, — сказал Яр-Тур, — а я назад не поверну.

— Да никто назад не собирается. Я только говорю, что не обойти нам ее.

— Мы сплетем веревку, — оживился Принц и вдруг помрачнел: должно быть, видел там не только темноту.

— Могила не годится оставлять пустой, — вспомнил Жихарь. — Нужно похоронить в ней кого-то другого и зарыть. Иначе она все время будет тебя ждать, а ты о ней думать и спотыкаться на ровном месте.

— Брат, уж не собираетесь ли вы зарыть какого-нибудь несчастного прохожего?

— Вовсе не обязательно человека. Будимир, хороший мой, ты бы поискал кого подходящего.

Петух неохотно слетел со шляпы.

— Хуже нет на живого могилу оставлять...

— Может быть, бросить туда чудовище?

— Нет, пусть страхоила птицы растащат...

Ходил Будимир недолго и недалеко, нашел на дороге раздавленную копытом полевую мышь. Жихарь торжественно раскачал убиенного зверька за хвостик и бросил в яму, а потом нашел костяную лопатку и принялся кидать землю, приговаривая:

Из-за леса, из-за гор
Едет старый Святогор.
Не на добром на коне —
На неструганом бревне.
Он без носа, без ушей,
Полна пазуха мышей.
Мышки плачут, а ползут,
Тело белое грызут.
Одна мышка околела,
Всему миру надоела.

Стали мышку хоронить,
Она стала говорить:
«Вы не бейте меня в лоб,
Не валите меня в гроб,
Я накрашусь, наряжусь,
Добрым людям пригожусь:
Стану горе горевать,
Стану в поле полевать.
Буду пряжу я сучить,
Красных девушек учить
И старухам на корысть
Светлый месяц буду грызть,
Воды чистые мутить,
Шутки смертные шутить.
А поганым на беду
Лихорадку наведу,
Чтобы ложку сирота
Не тащил бы мимо рта...

Принц присоединился к побратиму, и вдвоем они скоро закидали яму.

— Эх, помянуть нечем, — пожалел Жихарь. — Хотя... Давай-ка у ордынцев еще в шатре посмотрим.

— Вот подлинные храбрецы! — воскликнул Принц. — Как дружно они бросились в пропасть по приказу вождя!

— Вам, королям, только таких дураков и подавай, чтобы в любую дыру кидались по приказу. Да и почему ты знаешь: может, был там и мост, только не для нас? Или земля им вслед обрушивалась? Дело темное...

— Непонятно, почему они не оставили стражу ни при нас, ни при шатре, — сказал Яр-Тур.

— Ну, это-то как раз понятно, ты Чих-орды не знаешь. Она может ходить только в полном составе. Вот ты же не можешь переложить руку с одного колена на другое, чтобы, скажем, мизинный палец на прежнем месте остался? Так и они, всегда вместе, такой порядок.

— Пойдите, сэр брат, — сказал Принц. — Помните, вы говорили, что сын сэра Чихана убит вашей рукой. Стало быть, он пребывал отдельно?

— Вестимо, отдельно. Я его нарочно стерег. Он ведь захотел отроиться от главной орды, свою завести. Они, знаешь, живут пчелиным обычаем; чтобы образовать свой рой, всегда уходит младший сын. Тут уж, люди, не зевай, бей, покуда не размножился. А плодятся они, ты и не поверишь как...

Когда Жихарь был еще маленьким Жихаркой, его пестуны Кот и Дрозд держали при лесной разбойничьей избушке пасеку, так что про пчел богатырь знал очень много. А Принц не успел как следует разглядеть пленителей, вот и верил всему.

— ...и вылазят оттуда один за другим, сразу взрослые и на конях, даже при оружии! Глаза, если ты заметил, у них навькате, и не глаза даже, а черные бельма в сеточку...

Принц только головой мотал.

— В первое-то время все люди сами не знали, как жить на земле, — объяснял Жихарь. — Вот и смотрели на всяких зверей, и тянулись за ними. Кто-то взял в пример волка, кто-то медведя, кто-то подколодную змею. А пращурам Чих-орды приглянулись пчелы: дружные и всегда с медом. Только Чих-орда вместо меда копит золото. Вот бы нам это золото добыть! Там его столько, что за него нам Полуденную Росу сюда сами принесут, и еще сдача останется. Слышал ведь, откуда у меня золотая ложка?

— Откуда? — Чего он там слышал, в смертную-то минуту.

— У царевича Билята забрал. А больше у мертвых ничего брать не буду. Из-за нее все и началось. Тоже мне, ваджра! Удивлялся еще: на что ему такая большая ложка, у них и рты почти заросли, стали вроде хоботков...

— Тогда понятно, почему они испугались чудовища, ведь оно похоже на паука!

— Было похоже, — поправил богатырь. — Про мертвых всегда нужно говорить «был», а то встанет от неосторожного слова. Я, например, этим бродячим умрунам всегда удивляюсь. Казалось бы, выкопался из могилы — радуйся ясному солнышку и доброй чарке. Нет, они норовят живых людей грызть и душить...

— Должно быть, ТАМ с ними что-то происходит такое страшное, что они не терпят живого, — предположил Яр-Тур.

— Да ну? Расскажи-ка! — потребовал Жихарь. — А то станем ночевать, а ты меня в полночный час задавишь...

Рука Принца заплясала у пояса в поисках меча.

— Да я же смеюсь! — Богатырь на всякий случай отскочил. — Ты со своими друидами шуток не понимаешь. Как же ты королем-то будешь? Всех шутов переказнишь и от тоски околеешь! Да будь ты настоящим умруном, Будимир тебя давно бы разоблачил и рассыпал в прах... Уймись, братка, нам и так тяжело!

Тяжело-то тяжело, да не очень. Будимир нашел бьющий на склоне родничок. Размачивали каменный ордынский сыр и помаленьку жевали, раскидывали мыслью туда-сюда, как преодолеть нежданную преграду. Сильно грамотный Принц рассказал историю про Икара.

— Вот дурак, — пожалел греческого юношу Жихарь и тут же признался себе, что и сам бы не утерпел пихнуть в солнце кулаком.

Он порылся в памяти, вдруг неклюд Беломор заронил туда и тайное Летучее Слово, но обнаруживались только жалкие ошметки этого сложнейшего заклинания: «Если б кто на спину мне бы присобачил два крыла...» Они приподняли богатыря от силы на два пальца.

Принц сказал, что знает особые травы, из которых можно приготовить подходящую для полета мазь, но не уверен, что травы эти здесь произрастают.

Да и сам полет, как считают мудрейшие из друидов, происходит целиком и полностью в голове намазанного.

Оба то и дело заискивающе поглядывали на петуха — не возьмется ли за перевоз? Но Будимир на эти взгляды только крутил кончиком крыла у виска.

— А Шамир? — предположил Принц. — Он бы мог прогрызть нам путь к самому дну пропасти...

— А мы тем временем заложим тут город, покорим под ноги окрестные племена и начнем владеть и княжить... — сладким голосом убил мечту Жихарь и тут же предложил приманить Демона, оседлать его и так лететь.

Дело шло к вечеру. Решили на ночь устроиться в ханском шатре («Юрта называется!» — пояснил Жихарь). Выкинули вонючие кошмы, полюбовались, пока свет позволял, узорами на обнаружившемся ковре. Нашелся и бурдюк с перебродившим молоком. Принц даровой выпивкой побрезговал, а Жихарь, зажмурив глаза и зажав нос, пригубил.

— После бани сойдет, — сказал он и глубоко задумался. — Да, хорошо бы в баньку. Полубилась тебе банька — не та, предательская, а настоящая, у адамычей?

— Когда в мои руки попадет тот, по вине которого я лишен семьи и престола, — сказал Принц Яр-Тур, — он у меня не получит легкой смерти и сполна узнает, что такое веник!

— Вот все вы, короли, такие — мучители. Каменки у нас нет, зато есть Будимир, птица на все случаи жизни. Жару от него может быть побольше, чем от иной печки...

Будимир кочевряться не стал и, пока побратимы у родничка наполняли кожаные ведра, начал поддавать жару. Когда Жихарь и Принц вернулись с водой, юрта над землей аж подпрыгивала. Жихарь долго-долго глядел на эти пляски тонкого купола, а потом заорал:

— Будимир! Отдыхай, береги силы! И этого хватит!

И добавил, поворотившись к Принцу:

— Глупый был твой Икар, да и батюшка его Дедал не лучше. Охота была крыльями махать, руки портить! Далеко им до некоторого младого витязя. Завтра же будем на той стороне пропасти!

ГЛАВА 15

*На воздушном океане,
Представляя Главный штаб,
Тихо плавают в тумане Бутенюп и Глазенап!*

Старинная солдатская песня

Завтра не завтра, а на третий день после многочисленных неудачных попыток, ушибов и синяков юрта, опутанная веревочной сетью и подогреваемая изнутри отдохнувшим и откормившимся Будимиром, неторопливо поднялась в небо.

Побратимы из сосновых жердей и ковра соорудили себе нечто вроде ненадежного помоста и старались по возможности не смотреть вниз.

— Высоко мы, окаянные, забрались, — сказал наконец Жихарь. — Как-то падать?

— Сэр брат, я чувствую себя птицей! — восторженно воскликнул Принц. — Никому доселе не удавалось такое! О нас будут сложены песни и баллады!

— А вот это сомнительно, — сказал Жихарь и глянул-таки одним глазом вниз.

Там, в земном разломе, клубился дым, снизу тоже шел горячий воздух и поднимал летучую юрту все выше и выше. — Если нас снизу кто и увидит, все равно не разглядит. А и разглядят, так подумают, что это

не Жихарь с братом, а два совсем других человека. Ишь, скажут, что старый Беломор с Черномором учудили! Совсем из ума выжили!

Сверху и снизу припекало, с боков холодило — так недолго и прострел схватить.

— Мы можем запеть боевую песню, — предложил Яр-Тур. — И по ней нас всякий признает.

Принц мечтать мечтал, а за веревки-то держался обеими руками и лицом позеленел. Хотелось поблевать, да нечем было.

— Жаворонок нашелся, — проворчал Жихарь, но все-таки собрался с силами и завел подходящую песню:

Шел со службы смелый воин,
Громко плакал и рыдал:
«Почему же я не сокол
И ни разу не летал?
Почему заместо крыльев
Руки-крюки у меня
И не маховые перья —
Харалужная броня?
Кабы стал я этой птицей,
Сизым соколом сиречь,
Я б родимые границы
Смог надежнее беречь!
Я б оттуда, с поднебесья,
На врага бы мог плевать
И его косые бельма
Норовил бы поклевать...

Песня была шутейной, оттого и кончилась плохо: герою ее помнилось, что он и вправду летит, а на деле оказалось, что летел он с печки на пол караульного помещения, где и познал позор и насмешки товарищей.

— Нечего сказать, боевая песня, — сморщился Яр-Тур.

— Придумай лучше, — пожал плечами Жихарь.

Принц помолчал, бесстрашно уставился вниз. Дым в разломе начал редеть, и в разрывах его виднелись довольно странные и нехорошие вещи, и даже люди какие-то вроде бегали на трех и более ногах.

Это зрелище почему-то вдохновило Принца. Голос у него был по-лучше Жихарева, хоть и не такой громкий. Пел побратим по-своему, и Жихарь понимал слова с пятого на десятое. Но тоже это была песня не боевая, а про доброго молодца, который ждет в каменном застенке

лютой казни за то, что зарезал свою же возлюбленную и что все в мире так делают, да не все попадают.

Песня достала богатыря до самого сердца, исторгла непрошенные слезы. Он утирал глаза рукавом, а потом устыдился, встал во весь рост и, подойдя к краю помоста, помочился, норовя угодить в какую-то ему одному понятную цель.

— На ветер не поправился, — осудил он сам себя и застегнулся.

Этакого геройства Принц потерпеть не захотел, но и повторять подвиг побратима счел неприличным. Будущий король вылез еще дальше и стал карабкаться по веревочной сетке вверх, даром что шелк был обжигающе горячий. Жихарь в лихом и бессознательном прыжке успел ухватить его, падающего, за штаны. Они оказались на диво крепкими, торговец не обманул. Сгоряча богатырь заехал Принцу по скуле, и Яр-Тур даже не заметил этого!

— Я пытался поймать птицу за крыло, — объяснил он, когда вспомнил наконец человеческие слова.

— Ты лучше тут, в середке, ютись, — посоветовал Жихарь. — Мы еще летать не обвыкли, нам с птицами спорить рановато. Ничего, дай срок — начнем орлов имать, хватать, свяжем на низку, и пусть нас по воздуху тянут, как бурлаки, в нужную сторону. А то ведь несемся без руля, без ветрил, может, нас назад тянет, а я там ничего не забыл.

Он достал золотую ложку и сверился. Ничего, терпимо, ветер нес их пока в надлежащем направлении, разве чуть сносило на закат.

— А знаешь, какая птица самая редкая?

— Видимо, феникс, — ответил Принц.

— А вот и нет. Самая редкая птица — гоголь. Она вроде утки. А знаешь почему?

— Почему? — устало спросил Яр-Тур.

— А потому что реку Днепр перелететь не может. Дунай — запросто, Итиль — нечего делать, а Днепр — ну никак. Долетит до середины — и бултых в воду. Оттого и редкая.

— А вот мы перелетели разлом!

Так оно и было. Противоположный край чудовищной трещины проплыл под ними, но дальше было нисколечко не лучше. Судя по чертежу, должна была уже начаться Бонжурия — страна обжитая, богатая дорогами, возделанными полями и виноградниками.

Но внизу тянулась бесконечная каменистая пустыня, вернее — пологий склон, образованный гранитными складками, словно тесто, убежавшее из квашни и застывшее, заветрившееся на воле.

Тут и там в камне торчали черные стволы деревьев.

— Будимир! — крикнул Жихарь. — Поддай жару, полетим за облака, а то смотреть тоска берет!

— Петух устал, сэр Джихар, — сказал Принц.

— Устал? — возмутился богатырь. — Не ты ли ему два ведра дождевых червей скормил?

— И все-таки!

— Как-то внизу нехорошо... — затосковал Жихарь.

— Боюсь, что лучше не будет, сэр брат... Смотрите, смотрите!

Жихарь повернулся в указанную сторону. Там стремительно росла, приближаясь к ним, какая-то темная туша.

— Демон! — первым догадался Жихарь. — Эх, не надо было его тогда стрелой задевать!

Демон Костяные Уши был уже близко и двигался скоро, хотя черные его крылья ходили вверх и вниз неторопливо. Руки Демона хищно извивались. Молочно-белое лицо небесного изверга ничего доброго не выражало, даже привычного презрения на нем не было; только неслышные проклятия вырывались из перекошенной пасти да сверкали здоровенные клыки.

— Бабу свою на Кавказе приголубил, а она, как по твоей песне, и померла, — сказал Жихарь. — Вот он теперь ищет, на ком зло сорвать. Эй, ты, пошел вон! Мы летим себе и летим, и ты лети!

— Когти у него, однако! — воскликнул Принц.

— Ты нож метко меташь? Хотя что это за нож, баловство одно...

Демон был уже совсем близко. Он не стал рвать веревки и добираться до побратимов, от которых в близком бою недолго было и схлопотать, он сразу метнулся к верхушке юрты и вспорол удивительную ткань страшными когтями. Раскаленный воздух плеснул ему в лицо, черные глаза Демона враз побелели и вылезли на лоб, он вырвал когти, полетел спиной вниз, крылья вывернулись из суставов, и грозный враг, кружась и завывая, пошел на свидание с землей-матушкой.

— Наша взяла! — рано порадовался Жихарь, поскольку летающей юрте тоже пришел конец, как ни старался Будимир. Все сооружение, дымя, тоже устремилось к земле, хотя и не так быстро, как Демон.

— Прощайте, сэр Джихар, — сказал Яр-Тур. — Вы были верным и надежным товарищем и, уповаю, получите достойную награду по смерти.

— Обожди, — засопел Жихарь. — Обожди прощаться...

Каменная равнина была все ближе. Будимир наверху что-то колдовал, кричал по-своему. Жихарь тоже попытался было вспомнить Медленное Слово, но ведь сам же дал опрометчивую клятву...

И он вспомнил Слово — сразу же, как пришел в себя. Спину страшно ломило. Богатырь открыл глаза.

Принц Яр-Тур сидел на камнях, держа в руках жалкого, почерневшего петуха. Жихарь пощупал, на месте ли ложка. Он был уверен, что как раз ложка и спасла — все-таки ваджра!

— А где этот?

Принц мотнул головой в сторону. Жихарь поглядел и увидел кучу перьев, из которой торчала голова с выпученными глазами. Рядом долевала юрта.

— Летаешь хорошо, а сесть не умеешь! — поучающе сказал богатырь Демону.

Демон не ответил — то ли презирал, то ли от удара лишился и без того невеликого разума.

— И возразить нечего, — подытожил Жихарь и попробовал подняться на ноги.

Вышло кое-как, но кости, кажется, были целы. Жихарь осмотрелся. Повсюду было одно и то же — каменные наплывы и черные стволы кривых деревьев. Небо затянула туманная дымка, отчего солнце стало ровным кругом.

— Здесь нет ни еды, ни питья, — хрипло сказал Принц. — Сэр Будимир, наш спаситель, совсем плох. Он холодеет и, если мы не найдем воды...

— Давно за мной должок, — согласился Жихарь, подошел к побратиму и принял у него петуха. Будимир стал какой-то невесомый. Жихарь достал из кармана хитрый нож.

— Как можно, брат, — простонал Принц, пробуя встать. — Зарезать того, кому мы обязаны жизнью, и не раз...

— Я же сказал, должок за мной, — ответил богатырь и полоснул себя по руке. Брызнувшую струйку он направил петуху в бессильно разинутый клюв. Ладонью услышал — глотает.

Сердце у Будимира вдруг забило сильно, как человеческое. И развеялась дымка над головой, и на солнце стало нельзя смотреть.

— Я давно догадался, — сказал Жихарь и кивнул на светило. — В петухе нашем помещается сам Ярило. То есть воплощается. Сдохнет Будимир — и наступит вечная ночь.

Принц подполз к ним на коленях и запел старые, старые, позабытые священные слова гимна: «Солнце взошло, солнце взошло, и я говорю — все хорошо!» Гимн этот, по слухам, сочинила знаменитая Лилипутская Четверка.

Помогла и кровь, и молитва. Петух вырвался из Жихаревых рук, выбрал камень повыше, взлетел и радостно заорал.

— Перевяжи, брат, — попросил Жихарь.

Яр-Тур перемотал ему руку обрывком ткани, перетянул для верности ремнем, потом встал и пошел к другому раненому.

— Сам оклемается, — проворчал богатырь, но тоже встал и направился к Демону. Интересно же было, где у Демона что осталось после такого падения.

Печальный дух изгнания приходил в себя: бельма с глаз сползли и красные зрачки злобно уставились на сердобольного Принца.

— Все кости переломаны, — вздохнул Яр-Тур.

— Как же ты не знаешь? — изумился Жихарь. — Ты, брат, видно, за девками бегал, пока друиды твои дело говорили. Ведь у Демона, как всем известно, костей вовсе нет, одни уши костяные, потому что настоящие у него отрезал на память Дыр-Танан, а как бы даже не сам Ваня Золотарев.

— Как же он без костей может двигаться и тем более летать?

— Устройство такое: он от презрения наливается кровью и становится твердым...

— Вот как, — сказал Принц и с отвращением отбросил гибкую, как змея, руку.

— Значит, сэр Демон, в сущности...

— Вот именно! Только неизвестно чей...

Оба расхохотались, отчего поверженный совсем скукожился.

— Однако же не дело бросать его тут на верную погибель, — заметил Принц.

— Верно, прикончить надо...

— Я имел в виду совсем другое. Для воина дело чести — оказать помощь побежденному противнику.

— Ну, мы его, скажем так, не побеждали — пострадал от собственной глупости и злобы.

— Что же с ним делать?

— Ему, чтобы подняться и взлететь, надо кого-нибудь сильно презирать, — объяснил Жихарь. — А мы для этого дела не годимся — вон мы по сравнению с ним какие brave!

Богатырь выпятил грудь и охнул от боли.

— Ой-ой-ой! — закричал он. — Бедные мы, горемычные! Коней у нас нет, одеты во что попало, люди увидят — станут смеяться, а мы и наказать насмешников не сможем: ни оружия нет, ни доспехов! Помирать нам тут горькой смертью! А голубчик наш расправит крылышки соколиные и полетит в высокие небеса! А мы поплетемся, маленькие и жалкие, по убогой земле, по каменной стране!

Принц даже испугался:

— Да что это с вами, сэр Джихарь? Разве пристало бойцу такое малодушное отчаяние?

— Помалкивай! — шепнул Жихарь. — Это ведь я так его врачую! — И продолжал: — Увы, увy нам, несчастным, бесталанным! Увы сиротам

убогим! Нас ведь всякий норовит обидеть, а мы утрем только сопельки да поплачем тихонечко в уголку! Ничего-то мы толком не умеем, грамоте не знаем, никоторому ремеслу не обучены! Помрем скоренько — никто слова доброго не молвит, песенки печальной не сложит!

Такое нарочитое самоуничижение возымело желаемое действие: глаза Демона загорелись самодовольным блеском, спина оторвалась от камня, он начал подниматься всем телом, словно ветка, стряхнувшая снег.

— Вот видишь! — восхитился Жихарь. — А ты говорил!

Хотя ничего Яр-Тур не говорил.

Между тем Демон возвысился надо всем окружающим, поглядел на побратима сверху и скривил губы в гримасе такого нечеловеческого презрения, что Жихарь и впрямь почувствовал себя ничтожнейшей из тварей.

Демон торжествующе похлопал костяными ушами, взмахнул крылами и устремился ввысь, не забыв при это плюнуть в своего спасителя.

— Сэр, да вы скотина! — вскричал Принц Яр-Тур.

— Хрен с крыльями! — помог ему Жихарь.

Но горделивый дух уже не слышал этих обидных слов, он поднимался все выше и выше, подпитываясь презрением не только к этим двум сиротам убогим, не только к их жалкой птичке, но и к земле, небу, воде и огню.

Полет его был так легок и стремителен, что даже оскорбленные побратимы залюбовались.

— Отчего же ваш мудрый сэр Беломор не отправил в поход за Полуденной Росой, скажем, того же Демона?

— Оттого, что демоны много глупее человека.

— Пока что глупцами выгядим мы, — сказал Принц. — Потому что примерно половина из того, что вы тут ему про нас наговорили, — святая правда.

ГЛАВА 16

Если рыба утомилась, хвост ее краснеет. Хвост леща от природы белый, а теперь он стал красным, значит, усталость его весьма велика.

Комментарии к «Ши Цзин»

Побратимы умирали, а Жихарь, так тот считал, что давно уже умерли, не по первому разу, и гуляют сейчас где-то на подступах к Костяному Лесу.

Конца каменному склону не было. А может, и был, только не проглядывал за туманом, павшим внезапно и, как оказалось, навсегда.

Побратимы умирали, но виду друг другу старались не подавать, переставляя ноги. Жихарь все чаще останавливался, доставал золотую ложку, ставил на камень поровнее и сверялся по черенку, верно ли идут.

— А в доспехах, я чаю, было бы тяжелее, — утешался он.

Туман был жаркий и душный. Давно сжевали последние крошки соленого сыра, а утолить жажду было нечем, даже сок черного кустарника не годился, кусал и щипал язык.

Будимир находил себя не худо, шел своими лапами, но к просьбам спутников прокукарекать не в срок и тем вызвать спасительный дождь пребывал глух.

— Посмотри, кто с тобой возиться станет, когда мы сдохнем, — грозился богатырь, но без толку.

Яр-Тур шагал молчком, а вдруг и шаги его Жихарь перестал слышать. Обернулся и увидел, что побратим никуда за ним не идет, а лежит ничком.

— И то верно, давай ночевать, — согласился Жихарь и расположился невдалеке.

Ночевать, правда, было затруднительно, поскольку солнце, в тумане представшее размытым светлым пятном, как застряло в зените, так на закат и не собиралось.

В трех шагах ничего не было видать, никакого шума ниоткуда не слышалось, и камни-то под ногами были все одинаковые. Лежали молча, и сон не шел, и отдых был не в отдых — что перед вечным-то отдыхом отдыхать!

— Сэр Джихар, — Принц нарушил молчание. — Какие-то странные и причудливые существа, мнится, окружают меня! Они невелики ростом, но значительны числом.

— В пупырышках? — не размыкая глаз, спросил Жихарь.

— Их трудно разглядеть, сэр брат. Знаете, так бывает, когда запорошишь глаза...

Жихарь вздохнул.

— Значит, мы с тобой где-то мнимых понарошек подхватили, не убереглись, — сказал он. — Но теперь уж все равно.

— Не будет ли от них вреда? — затревожился Принц.

— Вреда нет, только перед людьми неудобно. Увидят, скажут: такие молодые, а уж мнимых понарошек подхватили. К счастью, никто не увидит и ничего не скажет.

— Скажите честно, брат, они являются на одре смерти?

— Не обязательно, бывает, и с перепою, и еще много от чего. Помнится, гуляли мы целую неделю с Чурилой и Посвистом. Продрал глаза, как деньги вышли, гляжу — бегают уже по друзьям моим любезным!

— Они пьют кровь?

— Нет, на что им наша кровь! Они просто мнятся, только и делов. Лежи да помирай спокойно.

— Я не привык встречать смерть сложа руки.

— Снова скажу: вольно нам, дуракам, было Демона задирать, — заметил Жихарь, хотел было плюнуть, а нечем.

— Таков уж мой обычай, — сурово сказал Принц. — Может быть, поднимемся, сэр брат, и вступим промежду собою в смертную схватку, хотя бы и на дубинках, дабы каждый из нас пал от руки достойного противника, а не окошел, подобно псу?

— Как ногами идти, так тебя нет, а как драться — вот он ты! — рассмеялся Жихарь. — Да нет, не стоит друг другу последние часы портить.

Будимир — птица непростая, он будет жить и должен передать весточку старому Беломору, дескать, не прогневайся, премудрый волхв, помираем на походе, до цели и близко не добрались, ищи героев получше нас разомкнуть проклятый круг времени...

— А такой ли уж он проклятый, сэр брат?

— А жизнь вообще проклятая, так пусть хоть не повторяется, один раз побудет — и хватит...

— Не натворим ли мы таким образом нового зла?

— Мы, — сказал Жихарь, — похоже, ничего уже не натворим.

И потерял сознание, а может, просто уснул. Спать на жаре — последнее дело, а помирать и того хуже.

Очнулся он оттого, что сверху повеяло холодом и вроде бы зашумели невидимые крылья. Принц был уже на ногах, крутил вокруг себя дубинку, отбивался от кого-то.

— Демон, — сообразил Жихарь. — Прилетел порадоваться нашей беде.

Демон услышал, захохотал, он был где-то рядом — в тумане звуки ходят непонятно.

Демон со свистом рассек, разогнал туман, очень ловко пролетел почти над самым камнем и на лету развернул что-то вроде ковра, потом завыл, вой поднялся вверх и скоро вовсе пропал.

— Новое коварство, сэр Джихар! — вскричал Яр-Тур, отбиваясь дубинкой от мнимых понарошек. — Видимо, он решил приблизить нашу скорбную кончину с помощью ядовитой отравы!

— Какой отравы? — тоскливо сказал Жихарь, подошел на карачках к побратиму и все увидел.

На камнях была расстелена черная накидка из овчины — такие обычно носят пастухи в горах. На овчине бережно расставлены блюда с жареным мясом, белым сыром, всякой зеленью, запотевшие фляги и кувшины. И ни крошки на овчину не просыпано, ни капли не пролито!

— Мерзкая тварь думает, что мы набросимся на это ложное великопение и погибнем в страшных судорогах! — негодовал Принц. — Вотще! Мы не так глупы!

Жихарь, не чинясь, ухватил с блюда рыжий лохматый плод и впил в него, едва не обломав зуб о косточку. Потом потянулся за пучком лука.

— Садись да жри, — неразборчиво сказал он. — Это не яд, это у Демона совесть прорезалась — все же мы его на крыло поставили.

Рука Принца потянулась к блюду и на некоторое время замерла.

— Никак боишься? — спросил Жихарь самым невинным голосом.

Яр-Тур сверкнул глазами и набросился на баранью ногу.

— Надо съесть все зараз, — говорил Жихарь между глотками. — Иначе наши мнимые понарошки все подметут и от еды сделаются настоящими — вот тогда наплачемся... Э, да тут не только вода, но мы в жару пить не будем чистое, станем разбавлять... Ай да Демон! Правда, он кого-то обездолил, голодом оставил...

— Так мы едим краденое? — поперхнулся Принц.

— Когда же это воин свое-то ест? Ты давай, давай, а крошки петуху скармливай, нечего мнимых-то распеваживать...

Съели и выпили все, только флягу с водой богатырь схоронил за пазуху. Теперь можно было и поспать.

— Ты мне башку-то на плечо не пристраивай, — сказал напоследок Жихарь. — Помнишь, поди, что Соломон Давидович про Содом-то с Гоморрою сказывал? Вдруг наверху что дурное подумают да и окатят горячей смолой?

Покудова спали беспечно, туман развеялся, но ничего хорошего не открыл. В сотне шагов впереди поднималась и уходила, кажется, прямо в облака почти отвесная гранитная стена. Она тянулась и вправо и влево.

— А мне казалось, мы перелетели через земной разлом, — упавшим голосом сказал Принц.

Жихарь ничего не ответил, размотал с пояса обрывки веревок, прихваченные с места падения, принялся расплетать концы и соединять в единую бечеву.

— Как же ты крепости собираешься воевать, королевич? Там ведь стены еще круче, к тому же обливаются кипятком и горячими щами!

— Крепостные стены, по крайности, имеют видимую вершину, — изрек Принц и кинулся с разбегу на скалу. Поднялся, цепляясь за что попало, на три своих роста, потом не удержался, полетел, откуда пришел.

— Взялся хорошо, — оценил Жихарь. — Да ненадолго хватило.

Он поглядел на солнце, которое, казалось, решило обосноваться в зените на вечное жительство.

— Напрасно, сэр брат, полагаете вы, что мне не случалось взбираться на крепостные стены. Но у штурмующих всегда при себе осадные лестницы, а ежели таковых не оказывается, воины из горных племен искусно вбивают колышки между каменных глыб либо кирпичей. Здесь же я не вижу даже трещин в достаточном количестве...

— Колышки, говоришь? — Жихарь без веры посмотрел на корявые черные деревья, потом все же решился, подошел к одному и стал рубить ножом. Но от захвата деревце выдернулось из камня легко, у него даже не было корней — так, просто трубка, неведомо как укрепившаяся в камне.

Древесина оказалась твердая, а ножи — дерьмовые, но все равно колышков нарезали множество.

— А, я догадался, сэр брат! Вы собираетесь использовать дар царя Соломона!

Ни о чем таком Жихарь до этих пор не помышлял, просто хотел на всякий случай нарезать колышков побольше, но думу побратима тотчас ухватил и присвоил:

— Угадал, королевич! Он всю дорогу под крылом Будимира спасался, пусть-ка нам тунядец дырки буровит под колышки! У него хорошо должно получаться, ведь мы его, считай, так и не кормили.

Заспанный камнеед Шамир вылез на свет без видимой радости.

Устроили так: Будимир привычно взлетел Жихарю на шляпу, держал червяка в клюве и направлял в нужные места. Ему их даже показывать не приходилось, вот тебе и ум с горошину! В получившуюся дырку Жихарь нижней частью ладони загонял колышек. Следом карабкался обвязанный веревкой Принц. Другой конец веревки был у богатыря, и тот, когда надо, обматывал веревку вокруг колышка, чтобы можно было подтянуться.

Помаленьку они оказались на такой высоте, что отступать стало поздно, сил бы не хватило, а сколько еще карабкаться вверх, неведомо.

Камнеед быстро насытился и теперь гнал камень просто сквозь себя, обдавая побратимов гранитной пылью. Принц предусмотрительно собирал за собой использованные колышки, вот и они стали пригождаться по другому разу, жаль только, что сил-то уже не осталось.

— Рассказывали мне, что в горах порой приходится вот так прямо и ночевать на скале, на весу, — сказал Жихарь. — Но к этому нужна привычка.

Немилосердно палило полуденное светило, потные лица закрылись каменными масками из пыли.

«Когда сорвусь, тогда и сорвусь, — думал Жихарь. — И братку за собой потяну. А если он первый не выдержит — что ж, я в обиде не буду». Вниз он не глядел и, сколько прошло времени с начала подъема (да и шло ли оно вообще здесь, это время), не знал.

— Сэр Джихар, — послышался под ногами голос Принца. — Как вы полагаете, мнимые понарошки все еще сопровождают нас?

— У меня только две-три ползут, — обнадежил Жихарь. — Остальные отпадают помаленьку.

— А щекотать они не начнут?

— Я же тебе сказал, они только мниться могут. Ну и жрать еще в три горла. Не вздумай смотреть вниз!

Яр-Тур же, видно, решил, что побратим снова испытывает его королевскую храбрость, взял вниз-то и глянул.

— Брат, мы даром лезем: либо поверхность земли поднимается вслед за нами, либо скала под нашей тяжестью проваливается вниз!

«Вона как!» — испугался Жихарь, а вслух сказал:

— Это я заговор применил, чтобы нам с тобой высоты не бояться. Сам помысли, велика ли мы тяжесть против горы?

Если успеет он вспомнить и сказать Медленное Слово, то падать они будут не спеша и вполне могут уцелеть. И что? Околевать там, внизу, от голода? Демон же не нанялся им ежедневно пищу носить!

И вдруг богатырскую голову обнесло холодом и тьмой. Будимир тихонько захрипел — ключ-то он не мог открыть. Руки Жихаря нащупали кромку скалы, он осторожно, чтобы не стряхнуть Принца, подтянулся и лег грудью на ледяной гранит. Потом добыл из пропасти ноги и вытащил на веревке побратима.

Здесь была ночь. Они поглядели вниз. Там все заливал яркий свет, можно было даже рассмотреть уцелевшие деревца и крупные валуны. Но сюда этот свет почему-то не доходил. Здесь, на голой скальной площадке, висели над головой здоровенные, с горошину, звезды, а полная луна была так близко, что впору доплюнуть.

От побратимов валил пар. Стало зябко.

— Замерзнем мы здесь, — пожаловался Жихарь.

— Боюсь, что не успеем, — негромко отозвался Яр-Тур. — Он, кажется, нарочно тут сидит и поджидает нас.

— Кто поджидает?

— Разуйте глаза, сэр брат! Видите вход в пещеру? А того, кто сидит у входа, различаете?

— Камни навалены, дерьма-то.

— Камни? Сэр Джихар, да ведь перед нами самый настоящий варкалап!

ГЛАВА 17

*Чудовище — жилец вершин
С ужасным задом,
Схватило несую кувшин
С прелестным взглядом.*

Велимир Хлебников

Среди волхвов, друидов и прочих ученых людей попадаются еще такие недалекие умы, которые возводят родословную варкалапов к троллям и волотам. Ошибка непростительная, хотя вполне понятная, ведь троллей-то чаще всего встречают в окаменевшем состоянии, а выдавших живого и подвижного тролля на свете не так уж много. Тролли свидетелей не оставляют.

Варкалапу же нет никакой нужды каменеть, поскольку он и без того каменный. А волот — это, считай, тот же самый человек, только очень большой да дурной.

Некоторые, впрочем, связывают варкалапов с гримтурсами — это уж совершенная глупость. Ведь гримтурсы ледяные и пуще всего опасаются расколоться при падении либо при пристрастном дознании.

Варкалап не боится вовсе ничего, просто ему нелегко спускаться с гор, да нет и нужды. Из камня он рождается, камнем кормится, среди камней, должно быть, и помирает, только дожидаться его смерти трудненько. Варкалапы бродят по горам от начала времен и редко уходят на покой.

Людей они не едят, а вот поиграть с ними любят — как кошка с мышью. В горах ведь скучно. Только варкалап не понимает, что человек против него хрупкий, и скоро заигрывает его до смерти. Любит отрывать руки и ноги.

В запретной для обычного человека «Книге о вымышленных существах» высокоученейшего Коркиса-Боркиса даже буквы одна страшнее другой, а уж складываются они в такие ужасные слова, что и не придумаешь. Книга эта советует капнуть варкалапу на самое темечко вытяжкой из желчи молодого одноглазого, однорукого и одноногого арапа, только что осквернившего восьмидесятитрехлетнюю девственницу. Варкалап обязан при этом мелко затрястись и в муках погибнуть. Но проверить в деле такой надежный способ никому не удавалось: то арап убежит на одной ноге, то девственница не соблюдет себя до срока.

Книги сей Жихарь, понятно, не читал, просто всплыли в памяти наставления старого волхва. Вот он и посоветовал побратиму:

— Ты от края-то далеко не отползай. Когда он нас примется ловить, так мы сразу прыгнем назад, в бездну, чтобы уж не мучаться...

Принц гордо фыркнул. Жихарь снял с головы петуха.

— Уходи, брат Будимир, ты нам довольно послужил. И камнееда уноси, не оставляй.

У входа в пещеру затлели два синих огонечка — твердокаменный ленивец открыл глаза.

— Только бы не вздумал загадки загадывать, — сказал богатырь. — У меня на холоде голова не работает.

— Не может достойный сэра Шамир проточить ему утробу?

— Да уж как-нибудь они, видно, оплатят за нас, — решил Жихарь.

Во время подъема он так часто повторял про себя Медленное Слово, что оно, видать, все поистрепалось об острые края памяти и выскользнуло в пустоту. Да и не успел бы он ничего сказать, потому что каменные лапы метнулись вперед с неожиданной быстротой, схватили друзей и потащили на каменную грудь.

Ребра богатыря трещали, и треск этот далеко разносился в морозном воздухе. Наконец страшные пальцы разжались, варкалап посадил побратимов на ладонь и стал осторожно трогать пальцем. Каменные губы при этом вытянулись дудкой, каменный язык заходил туда-сюда, издавая гулькающие звуки.

Принц, выбиваясь из сил, колотил пленителя бесполезной дубинкой. Она попросту отскакивала.

— Ы, ы, ы, — сказал варкалап.

Жихарь поглядел вниз. Верный Будимир не улетел далеко, он даже подпустил жару в перья, чтобы друзья видели его в темноте и надеялись.

— Подпеки ты его сзади, что ли! — крикнул ему Жихарь, но у петуха, видно, другое было на уме. — Отпусти нас, дурила каменная! — заорал Жихарь на варкалапа. — На что мы тебе сдались?

Шершавый холодный палец с необычайной нежностью и осторожностью коснулся его щеки.

— Тю-у, тю-у! — сказал варкалап и добавил что-то совсем непонятное. Яр-Тур тихонько вскрикнул.

— Все дело в наших лицах, сэр Джихар! Я разобрал кое-какие слова. Он не сделает нам дурного...

Тут Принц заметил, что сам-то все еще лупит варкалапа дубинкой, и прекратил это дело.

— В каких таких лицах?

— Мы с ног до головы покрыты каменной пылью, — зашептал Принц (боялся, видно, что варкалап тоже его поймет). — Он принимает нас за детенышей, за маленьких варкалапчиков...

— А-а, — сообразил Жихарь, опрокинулся на спину, стал сучить ногами и руками, агукать самым гнусным образом. Великан этому чрезвычайно обрадовался и стал легонько подбрасывать пленников на ладони, баюкать, чтобы не плакали. Да ведь не в колыбельке дело было, чуть кости не переломали. Жихарь прикусил язык. Наконец каменный пестун угомонился и стал просто раскачивать ладонь туда-сюда. И загудел каменную же колыбельную.

— Кажется, он не собирается нас убивать, — определил Принц.

— Зато мороз нас убьет. Но замерзать, говорят, даже приятно и незаметно...

Яр-Тур вскочил, стал прыгать на месте и обнимать себя, чтобы согреться. Варкалап бережно, но неодолимо положил его пальцем обратно и даже вроде прищипнул.

— А вот сейчас, — сказал богатырь, — как достанет он каменную титьку да как начнет нас кормить...

— Но, сэр Джихар, — возмутился Принц, — разве варкалап не мужского рода?

— Они двуснастные. Китоврас таких гермафродитами зовет.

Видно, варкалап и точно разумел человеческую речь. Полез свободной рукой за пазуху, покопался и добыл из себя нечто вроде каменной груди, только сосок был с человечесью голову.

— Благодарим вас, сэр Варкалап, но мы пока не голодны...

— Да ты только вид сделай, — зашипел Жихарь. — А то станет у него молоко в грудях гореть, он и осерчает.

В воздухе разносился резкий незнакомый запах.

— Вы правы, сэр брат. Эта жидкость действительно должна гореть, ведь на ее основе готовится ужасный греческий огонь. У нас ее зовут каменным маслом.

Скоро натекла целая лужица. Жихарь нарочито громко причмокивал, хвалил варкалапово молочко, потом додумался.

— Будимир! — закричал он. — Лети к нам, может, выручишь! А убежать потом всегда успеешь...

Будимир подчинился и вспорхнул наверх. Жихарь ухватил его за ноги и стал трясти из стороны в сторону, а языком изображал, как будто перекачивается сухой горох, — пробовал выдать Красного Петуха за младенческую погремушку.

Варкалап умилился такому сообразительному детенышу.

— Запали каменное масло, — попросил Жихарь. — А то ведь заколеем вконец...

Он поднес, играючи, петуха к лужице. Будимир небрежно чиркнул крылом, и на ладони варкалапа засверкали красные языки.

— Теперь держись, — сказал Жихарь всему отряду. — Неведомо, как это ему поглянется. Может, прихлопнет нас другой ладошкой...

Но варкалап, казалось, ничего не чувял — камень разогрелся, стало повеселее.

Наконец побратимы совсем согрелись. Варкалап сидел не шевелясь, уставился на огонь.

— А теперь, — не разжимая губ, сказал Жихарь, — теперь мы попробуем спуститься вниз и добраться до пещеры. Ему туда не пролезть — я прикинул. Да и все равно бежать больше некуда.

Будимир понимающе унял все искорки на перьях и занял свое место на шляпе.

Спускались осторожно, благословляя бесшумную обувь. Завороженный пламенем варкалап даже не дрогнул. Достигнув площадки, они не рванули с ходу — все равно ведь успеет перехватить, если захочет, — а пятились не торопясь, достигли входа и продолжали отступать в темноту все так же медленно, пока Жихарь не сказал:

— Ну, теперь ему не дотянуться.

Сначала они подумали, что начался горный обвал. Потом сообразили — это ревет пораженный в родительских правах варкалап. А может быть, его припекло как следует или молоко в грудях загорелось, как предсказывал Жихарь, только забушевал гранитный гермафродит, заплакал, забился башкой о скалу.

— Смотри ты, чувствительный какой! Завалит он нас тут, тварюга...

— Это не беда, — заявил Принц. — Здесь такой ужасный сквозняк, что наверняка есть другой выход. Нам остается только бежать вперед, а сэр Будимир со свойственной ему любезностью осветит нам путь.

И недолгим оказался этот путь сквозь каменную толщу, никто по дороге не приставал, не завывал и не пугал, прячась за поворотами. Будимир сиял ровно и надежно. Но на свет выходили все равно с опаской, хотя там ничего страшного не было.

Впереди расстилалась зеленая равнина, кое-где потревоженная невысокими холмами. Солнце светило как надо, никакой туман глаза не препятствовал, высоко над головами трепетал не окаянный Демон, а просто жаворонок. «Проскочили», — подумал Жихарь, но через плечо все-таки плюнул.

— А где же горы?

Но никаких гор не было. На том месте, где они, как им казалось, вышли из пещеры, стоял Пропп, вроде бы недавно вытесанный со всем возможным тщанием, и так-то ласково улыбался.

— Привал, — объявил Жихарь. — Поклонимся дедушке сказкою. Так и быть, пожертвую самую заветную — берег для большого застолья, для почетного пира, да уж ладно...

На самом же деле новеллу Жихарь же и сочинил.

— Было это давно и неправда. Жил на свете богатырь. На мече не из первых, на коне других не лучше, силы заурядной. Одно только и отличало его от прочих — лютость и ярость до женского рода.

Его так и прозвали за это — Хотен Блудович. Никому не было от него проходу — ни пресветлой княгине, ни деревенской дурочке. Ходил промеж дворов, промеж городов, собирал сладкую свою дань. Его уж и учили, и били, и в темницу сажали, а все напрасно. Один раз даже связали, охолостили поганым ножом, так веришь ли — выросло новое хозяйство, лучше прежнего. У него ведь все ведьмы и ворожеи в подругах были. Ходил, ходил Хотен Блудович по всей земле, из края в край. В Испании, к примеру, его, не чинясь, именовали — дон Хуан.

Путешествовал он, значит, метался и вдруг прослышал, что в некоторой земле в хрустальном гробу спит невиданная красавица. Это его и уязвило — всех неспящих-то красавиц он уже на десять рядов перебрал. Зажглось у него ретивое, белый свет не мил, не ест, не пьет, глядеть ни на кого не хочет. Дай да подай ему зазнобу из хрустального гробу.

Едет он, едет, то у ясного солнышка дорогу пытается, то светлый месяц вызывает по этому же делу, а то и к вольному ветру привяжется: укажи, покажи. Они бы и рады от зануды избавиться, а сказать-то нечего. Так, для порядку сокрут что-нибудь. Едет. Борода уже по грудь выросла, добрый конь на ходу пал. Пешком ползет, все равно как мы!

На какой-то день входит в темный лес. В лесу, сам хорошо знаешь, избушка на столбах, на собачьих пятках, в избушке старая старуха, да

такая противная: нос в потолок врос, титьки на клюку намотаны, сопли через порог текут...

Ну вот, видишь, даже побратиму моему вчуже худо сделалось, а каково же Хотену Блудовичу? Но перемога, поклонился вежливо: пособи, бабушка, моему горю. Пособлю, говорит старая карга, только полезай за это ко мне на полати, в кольцо со свайкой играти!

Не стерпел Хотен Блудович, стянул ее за волосы редкие на пол и давай охаживать ножнами: вот тебе кольцо, вот тебе свайка, вот тебе ступа, вот тебе толкач! Взмолилась старая о пощаде. Помиловал ее любово-страстный богатырь, и указала она ему дорогу. Иди, говорит, прямо в лес, а в лесу ругай во весь голос лешего. Леший обидится, заведет тебя неведомо куда, а тебе того и надо! Там и лежит твоя любушка, словно маков цвет.

Не соврала старая — это мы тебе с побратимом можем подтвердить, сами в тех страшных краях побывали. Только мы при этом лишились всего, а Хотен Блудович как-то выкрутился, пришел в те места честь честью.

Смотрит — площадь, да такая красная, пригожая! Каменные дома, стена из красного кирпича! Люди одеты по-чудному, вот как мы, говорят еще того хуже, а вдоль стены народ один за одним в череду стоит: мужики, бабы, малые дети. И заходят по одному в склеп, а у дверей стоят стражники с короткими копьями, вроде живые, а вроде и неживые. Стерегут, чтобы народ валом не валил.

Ну, Хотен Блудович не стал себя невежей выказывать, встал в хвост, стоит, терпит, не знает, куда по нужде пойти. Смотрит на соседей и думает: «Стойте, стойте, дурачье! Зря ведь стоите! Не знаете того, что следует хрусталь богатырским кулаком разбить да красавицу поцеловать! Нецелованная-то она у вас весь век беспробудно пролежит!»

Ну, кое-как дождался своей очереди. Тут у него меч отбирают, с мечами, говорят, нельзя. Ладно. Входит в склеп. Кругом темно, один только гроб хрустальный светится. И лежит в этом гробу не красная девица, а малый мужичок. Желтый такой, все на него молчком любуются. «Опять дураки! — думает Хотен Блудович. — Не понимают того, что красавица заколдованная, потому и кажется мужичонкой! Ничего, я чары-то живо с нее сниму!»

Растолкал всех, бросился на гроб. «Ты вставай, вставай, моя суженая!» — приговаривает. Налетели на него стражники, скрутили, связали, ну да и он кое-кого здорово помял. Отвели его сперва в темную темницу, потом к немилостивому судье. В том царстве строго было! И послал его немилостивый судья в дремучий лес деревья валить... Ну, там он как-то с лешим договорился, ублажил его, помог ему лесной хозяин домой воротиться...

Только с тех пор переменился наш Хотен Блудович: уж не глядит он ни на княжеских дочерей, ни на сенных девок, а чуть заметит кого маленького да лысоватого, вроде того, что в гробу видал, — догоняет, обнимает, целует. Все надеется чары развеять. Вот ведь как бывает!

После этого Жихарь поглядел на Проппа: не, вздумай, мол, хоть и каменный, сам туда соваться!

Яр-Тур уже оклемался от ужасного образа старухи и заметил:

— Мне кажется, сэр Джихар, что ваш приятель сэр Хотен Блудович попал в страну Кем или Миср. Именно там в гигантской каменной гробнице покоится царь Фараон. Пограбить эту гробницу было немало охотников, а вот целовать...

— Это же новелла! — обиделся Жихарь. — Вечно ты испортишь... Ну да пошли, авось даст Пропп гладкую дорожку.

Дорожку Пропп дал скоро — она вилась в траве и пропадала за холмами. Будимир соскочил со шляпы и побежал промять лапки.

Жихарю все не удавалось завести песню, не удалось и на этот раз.

— Смотрите, сэр брат, кажется, ваш Пропп и впрямь шлет нам удачу! Да, он не слабее нашего Фрэзера! — сказал Яр-Тур.

И указал рукой.

Жихарь присмотрелся. Далеко впереди виднелись три фигурки: по краям большие, а в середине поменьше.

Прибавили ходу.

— Мужик ведет в поводу двух коней! — обрадовался Жихарь.

— Но нам, увы, нечем заплатить...

— Какой щепетильный! Только неужели ты своего Гнедого не признал? А ведет их не просто мужик — цыган Мара нахально ведет наших коней прямо на конскую ярмарку. Надо успеть перехватить. А то вдруг он их уже отпежил?

— Как? — вскричал Яр-Тур. — Неужели злой конокрад столь далеко зашел в своих пороках?

— Да ты не хуже Хотена Блудовича, тоже только об одном и думаешь! — ослабилась Жихарь. — Отпежил — значит, пятен на бока наставил особыми припарками, чтобы стали кони пегими... Теперь тихо! Только бы его не спугнуть!

Побежали бесшумно, пригибаясь в высокой траве. Вскоре красная рубашка цыгана явственно нарисовалась впереди. У Мары на душе было легко, как у Жихаря, но Жихарь не успел затянуть песню, а Мара успел и, кроме звонкого своего голоса, ничего не слышал. Ни Гнедой, ни Ржавый тоже на погоню внимания не обратили либо сообразили, что не чужие люди настигают, а родные хозяева.

— Брат, — выдохнул Принц, когда цель оказалась близко, — настал, видно, мой черед показать толику чародейного искусства. Наши друиды преуспели в борьбе с конокрадами...

И забормотал по-своему. Потом выпрямился во весь рост и гаркнул:

— Остановитесь, сэр Мара, презренный вор, и дайте нам подробный отчет о своих действиях!

— Болван! — заругался шепотом Жихарь, но Мара уже услышал, дернул рукой, чтобы стряхнуть с нее один из поводьев, но повод не отстал от руки, а кони шарахнулись в разные стороны, чуть не разорвав похитителя. — А, Липкое Слово знаешь! — зауважал побратима Жихарь.

Они не спеша подошли к метавшемуся, распятому на поводьях цыгану и занялись конями. Коню, узнав хозяев, ржали и ласкались. Мара только сверкал огромными черными глазищами и белыми зубами да шипел: то ли слов не знал, то ли от страха отшибло ум. Его ведь еще ни разу не поймали!

Жихарь подтянул подпругу, проверил седельные мешки.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Еда в мешках не тронута, словно он только сегодня лошадок из-под нас свел...

— Да, сэр Джихар, и этот чудесный цветок, сорванный мной на поляне, где мы впервые столкнулись с Демоном, не завял... Но что же мы будем делать с этим разбойником?

Жихарь легко — без доспехов-то — вскочил в седло.

— Вот что, братка, — сказал он и яростно стал подмигивать Принцу. — Однако дорожки наши расходятся. Мне вон туда, а тебе совсем в другую сторону...

— Неужели я чем-то оскорбил вас или оставил в трудную и злую минуту?

Жихарь мигал, делал страшные рожи, стучал себя по голове и тыкал в цыгана пальцем, покуда Принц не сообразил:

— А-а, вы совершенно правы, сэр Джихар. Конечно, поврозь мы вернее достигнем цели. Да и общество ваше, признаться, стало меня тяготить...

— А уж как ты-то мне надоел... — сказал Жихарь и тронул Ржавого пяткой.

Ржавый пошел в одну сторону, а Гнедой в другую. Цыган заорал. Руки у него были длинные, но не шире же степи! Мара попытался напрычься и не дать себя разорвать, да где же ему с конями тягаться!

— Не спорю, это жестоко, — сказал Принц. — Но как еще отвадить охотников до чужих лошадей!

Цыган визжал и ругался.

— Ведь мы первые его поймали, — рассуждал Яр-Тур. — Во всех градах и весях за голову сэра Мары назначена щедрая награда. Вы представите свою половину цыгана, я свою, и мы еще окажемся в двойном барыше!

— Смотри-ка, не так ты и прост, братка! — удивился Жихарь. — Хотя ты, Мара, конечно, можешь откупиться...

— Никаких поблажек! — воскликнул Принц.

— Можешь откупиться, коли поведаешь нам Главную Цыганскую Тайну!

— Ах, я и забыл, — сказал Принц. — Благородные адамычи и в самом деле советовали...

Ржавый и Гнедой съехались. Мара, почуяв слабину, начал торговаться, предложил вместо Главной Цыганской Тайны открыть разные другие свои секреты: как пежить коней негашеной известью, как подмлаживать им долотом зубы, как надувать сзади через полую трубку, чтобы казались покупателю сытыми и пузатыми.

— Ничего ты, Мара, не понял, — сказал Жихарь. — Поехали, брат, розно!

— Эй, эй! — тревожно зашумел Мара.

— Вот тебе и «эй». Умел воровать — умей и ответ держать. — Жихарь говорил так, словно сам сроду ничего чужого не брал. — Давай послушаем.

Цыган скрипнул зубами и согласился.

— Знайте же, лживый сэра Мары, — сказал Принц, — что мое заклятие спадет лишь в том случае, если вы скажете нам верные слова. Вы сами поднаторели в чародейных делах, и вам ведомо, что человека обмануть можно, заклятие же — никогда...

— Просим покорно, наступив на горло, — добавил Жихарь.

Мара вздохнул. Он долго кряхтел, тужился, собирался с духом, но в последний миг осекался и боязливо оглядывался по сторонам — опасался, видно, своего цыганского бога. Побратимам уже и ждать надоело.

— Не договорились, словом, — подытожил Жихарь и хотел тронуть коня, но тут Мара что-то прошептал.

— Чего-чего? — склонились к нему побратимы.

— КРАДЕНАЯ КОБЫЛА ДЕШЕВЛЕ КУПЛЕННОЙ! — повторил Мара, и тотчас же его руки стали свободными — правда, растянулись они так, что достигли земли.

— Не соврал, — растерянно сказал Принц.

— Вот так тайна, — сказал Жихарь. — Да это любой дурак знает!

— Дурак не дурак, — сказал Мара, махая вольными руками, как птица, — знает не знает, а только вот вам вся наша страшная священная тайна. Уж какая есть.

Побратимы поглядели друг на друга, как малые дети, у которых злой парнище отобрал пряник. Они даже забыли хотя бы поучить конокрада дубинками для порядку.

А вольный цыган уже толковал им про дальнюю дорогу — через какие города она идет да куда еще ведет:

— Впереди Сафат-река, невелика, да глубока. Бродов нет, есть три перевоза. На первом в уплату отрубают левую руку, на втором — правую, на третьем просят голову. Еще есть мост. Так и называется: Мост Двух Товарищей. Но по нему не всякий может проехать, а только если свято и нерушимо блюдет правила дружества...

— Это нам подходит, — весело сказал Жихарь. — Ну, кажи дорогу, лиходей.

Мара бодренько побежал вперед, время от времени помогая себе руками.

— Не прогадал, окаянный, — кивнул Жихарь. — Вон мы какие халки ему вытянули. Теперь все кони его будут!

ГЛАВА 18

*Будем мы сражаться в поле,
На поляне будем биться!
На дворе ведь кровь краснее,
На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней!*

«Калевала»

Мост был сложен из таких больших каменных глыб и так основательно, что текущая под ним речушка Сафат была почти и не видна, и не было, кажется, нужды городить тут такое строительство, не по чину был мост реке. Жихарь знал, что на таких вот древних мостах можно было встретиться со множеством заклятий, наложенных каменщиками для тогдашних нужд, а нынче никчемных и даже вредных.

Поспевая за проклятым цыганом, чуть не загнали коней, и надо было им дать остыть перед водопоем. Обидно ведь будет — обрести да тут же загубить.

Мара услужливо вытирал конские бока пучками травы, пока спешившиеся побратимы важно обсуждали, к чему в глухом месте такой мост да кем построен. Под мостами, говорил Принц, живут зеленые гоблины, у них щелястые головы и ненасытные пуза. Ладно гоблины, отвечал Жихарь, а ну как поселилась там Мокрая Мокрида или Девчачий Пастух?

— Будимир, — позвал Жихарь. — Выручи еще разок, погляди, не водится ли там кто лихой. Ты ведь горазд нечисть гонять! А мы тебе червячков накопаем.

Накопать, правда, не успели — петух вылетел из-под моста, заходясь в крике. Побратимы взялись за дубинки.

— Побереги коней! — крикнул Жихарь цыгану.

С одной стороны из-под моста вперевалку вышел гусь, с другой свинья. Казалось бы, чего жаловаться: вот идут завтрак, обед и ужин. Только вот свинья была с доброго быка, да и гусь мало в чем ей уступал.

— Вот почему — Мост Двух Товарищей... — прошептал Жихарь.

— Почему, сэр брат?

— Потом объясню, как живы останемся. Бей ты лапчатого, а я с кабаном разберусь. Берегись только, видишь, у него полон клюв зубов!

Гусь вытянул шею длиной с конское тулово и зашипел. Яр-Тур с дубинкой и ножом кинулся на него, а свинья — свинья и есть, не стала дожидаться, сама налетела на Жихаря, норовя подмять. Жихарь уворачивался как мог, лупил дубинкой по глазкам, тыкал ножом, но шкура была толстая и в колючей щетине.

— Вот так тебя! Это не в помоях рыться!

Свинья отбегала и снова неустанно с визгом налетала, прикончить ее враз не было никакой возможности, ладно хоть рогов у нее не было. Жихарь уже притомился и обиделся, что придется погибнуть в схватке не с Мировым Змеем, а с поганой свиньей, даром что большой. Тупое рыло моталось перед ним, блестели красные глазки. Пот заливал лицо.

— Скоро я покончу с ним и приду на помощь, сэр брат! — время от времени обещал Принц, да все не приходил — видно, и гусь был не прост.

За спиной хохотал, заливался цыган Мара, приставленный к лошадям. «Зря мы его не располовинили», — подумал Жихарь и вдруг понял, что сражается он вовсе не с колдовской свиньей, а с побратимом. Жихарь успел удержать руку с ножом, но Принц, казалось, ничего не видел, и дубинка его летела богатырю повыше уха. Летела, летела и прилетела.

...У живых свое солнце, у мертвых свое — называется месяц. Он, белый-белый, приглядывает сверху для порядку, ладно ли лежат господа умруны в сырой земле, не шевелится ли какой. А хоть бы и зашевелился, все равно ничего месяц поделает с ним не сможет, потому что лучи у него слабые, бледные, холодные. Вот и сейчас у моста через Сафат-реку смотрел он на побитую ратную силу. Но воины полегли здесь давно, уже и кости успели побелеть, уже и воронам это место было ни к чему — все, что можно было, вороны получили.

Один, правда, прилетел, дурак, поверив слухам, что у Сафат-реки валяются двое богатырей. Одни говорили, что свежеебитые, другие — что еще даже живые. Ворон прилетел, обрадовался, разогнался поклевать молодецких очей, да не тут-то было.

Закричал, забрызгал искрами страшный Огненный Кур, налетел на черного поганца, опалил взмахами золотых крыльев и прогнал далеко в степь.

Шум и крики разбудили Жихаря, но богатырь не сразу поверил, что живой.

— Знаем мы таких живых, — сказал он вслух. — Пока лежишь — все ничего, а как встанешь — отвалится рука либо нога, а то и брюхо все распластано.

— Я тоже не могу подняться, сэр Джихар, — отозвался Яр-Тур. — Из меня, кажется, вытекла вся кровь — вы сумели задеть ножом главную жилу. Правда, наш хранитель петух успел вовремя прижечь рану, и примерно с кружку все-таки осталось. Но при малейшем движении кружится голова.

— Я не виноват, братка. Оба мы не виноваты, это мост такой. Вот если бы махались мы не детскими ножичками, то надежно бы друг друга поубивали...

— Я понял, — сказал Принц. — Чары этого моста пробуждают в человеке все злые чувства и обращают мимолетную неприязнь в лютую ненависть... Лошадей наших, разумеется, нет.

— Я же их на попечение цыгана оставил. А он нарочно привел нас к этому мосту. Ведь сироту всякий норовит обидеть.

— Кстати, вы обещали мне объяснить насчет гуся и свиньи...

Жихарь назвал поговорку.

— Странное выражение, — решил Принц. — Сколько раз я видел, как на подворье у зажиточного земледельца рядом разгуливают и свиньи, и гуси. В обнимку, конечно, не ходят, но все же...

— Поговорка всегда права. Вот я не люблю, например, ни царей, ни королей, ни князей, старосту вижу — и того не люблю. А ты Принц, хоть пока и без королевства. Вот оно и проявилось, это зло.

— Значит, и я не смог в себе до конца побороть презрение к простолюдинам, — повинился Яр-Тур. — Отныне буду еще более воздержан в словах и мыслях.

— Дай-ка я тебя лучше перевяжу, — сказал Жихарь и, стая, поднялся, да чуть не упал назад. В голове гудело, в ухе стучали молоточки, левый глаз почти не видел, заплыл.

Пока перевязывались, пока смачивали водой раны и ушибы, появился Будимир.

Он начал беспокойно бегать вокруг, потом пролетел к мосту и замахал крыльями, как бы приглашая перейти на другой берег.

— Ну да, — сказал Жихарь. — Сейчас опять вылезут гусь да свинья, тут мы друг друга окончательно добьем.

Огненный Кур закричал на весь свет.

— Верю, верю, — сказал Жихарь. — Но сперва мы посмотрим, нельзя ли чем поживиться у побитого войска. Вот же глупые — порешили сами себя... Стой, а почему мы их сразу не увидели?

— А их и не было вовсе.

— Ну да, нарочно для нас привезли сто возов костей...

Они походили среди погибших, раздвигая белые кости, но, видно, до того здесь не один грабитель побывал: ни доспехов, ни меча доброго найти было нельзя. Один сломанный лук, правда, валялся, им побрезговали. Жихарь взял его и покрутил в руках — нельзя ли наладить.

Яр-Тур поднял с земли хорошо сохранившийся череп и тут же чуть не выронил.

— Бедный Принц, — сказал череп. — Ты ведь знал меня при жизни, не раз смеялся моим остроумнейшим выдумкам, а я тысячу раз таскал тебя на спине, будучи шутком при дворе твоего царственного родителя.

— При большой потере крови всегда так бывает, — успокоил себя Принц. — Извините, сэр Мертвая Голова, но вы меня, очевидно, с кем-то путаете. Увы, рос я вовсе не при королевском дворе, как мне бы полагалось по чину, а в мрачных обиталищах друидов...

— Возможно, — равнодушно изрек череп. — Без глаз я, ребята, как-то плоховато вижу, а из-за отсутствия мозгов постоянно обозначаюсь. Это же не я должен говорить, а тот, кто меня поднимет...

Яр-Тур бережно вернул череп на землю и сделал рукой охранительный знак.

— Мы похороним вас как положено, сэр шут, — предложил он.

— Хоронить — так всех, — ответил справедливый череп. — А у вас и без того нет сил. Послушайте петуха и переходите через мост. Если вы остались в живых, значит, чары разрушены. И вы убедитесь: на той стороне есть что охранять.

— Откуда же ты про петуха знаешь, мертвая головушка? — поинтересовался Жихарь. — У тебя же глаз нет...

— У меня и ушей нет, но ваша птичка так орет, что и мертвый услышит... Давайте, давайте, пока мы все тут не поднялись, а то народ у нас всякий...

Они попрощались с душевным черепом и двинулись вслед за петухом. Будимир бежал легко, подлетая, но вот под ногами побратимов камни моста начали хрустеть и крошиться, разбрызнулись трещины.

— Давай-ка, брат, ходу, — сказал Жихарь и подхватил Принца под руку. Они кое-как преодолели мост, когда единственная его опора

посередине реки с сухим грохотом обрушилась, а вслед за ней полетело в воду все остальное. — Маленько живые! — наконец-то убедился Жихарь. Оглянулся.

На покинутом берегу застучало, заскрипело — павшее воинство поднималось.

Скелеты возмущенно размахивали костями, потом как-то урядились и принялись за работу, благо лопатки у каждого были свои.

— Ничего не поделаешь — самим себе приходится могилу рыть, — сказал Жихарь. — Вот если бы это мы их похоронили должным образом, они бы потом в трудный час пришли к нам на подмогу.

— Обойдесся, — неожиданно сказал Принц. Жихарь ахнул.

На том берегу, чтобы дело шло повеселее, завели песню, но слов, по счастью, было не разобрать.

— Реку им не перейти — умруны текучей воды боятся. Только вот что же за мостом стерегли товарищ гусь и товарищ свинья? Уж не клад ли?

— Золото нам здесь ни к чему, — сказал Яр-Тур. — На худой конец, есть ваша удивительная ложка...

— А где она? — заорал Жихарь, и зря — ложка была при нем.

Полный месяц как раз проморгался от набежавшей тучи и осветил обширную поляну. Травы вокруг вообще хватало, но это была как бы поляна посреди степи — четко очерченный круг сочных, ярко-зеленых стеблей.

— Вот оно что! — протянул Жихарь. — Так тут, значит, Рясное Место, Разнозельная Делянка!

— Круг Деметры! — воскликнул Принц. — Вот это удача! И как раз в полнолуние!

Оба — откуда и силы взялись — кинулись к поляне. Будимир уже с достоинством расхаживал в самой середине, кое-что поклевывал. И камнееда выпустил из-под крыла — тому тоже здесь попасться полезно.

— Да не топчись ты ножищами-то! — прикрикнул богатырь на побратима и опустился на колени. — Вот и сон-трава! Правда, мы и без нее храпим неплохо, но потом пригодится. Вот листочки дырявые — прострел-трава, с ней стрела пробьет любую броню... Эх, не попалась ты нам раньше, плакун-трава! От нее демоны в три ручья ревут, хуже детей. Ты с корнем, с корнем копай, в корне вся сила... Да не ножом, руками, кто же плакун-траву железом добывает? Вот травка Царевы Очи — тебе полезно будет... Ага! Одна, две, три, четыре... Стручок о девяти горошинах!

Про такой стручок Яр-Тур не слыхивал.

— Это оттого, что ваши друиды слабы против наших волхвов и ведунов, мнят о себе, а дела не знают. Вот, допустим, увязалась за нами конная погоня...

— Остановимся и примем бой! — воскликнул Принц.

— Ой, много ли мы с Чих-ордой навоевали? Ну ладно, сотня верховых за нами бежит. Тогда ведь мы что делаем? Зарываем стручок о девяти горошинах посреди дороги или даже не зарываем, а так, пылью присыпаем... У них кони встанут и дальше не пойдут, хоть до кости стегай. А возы и телеги и вовсе перевернутся на ровном месте кверху колесами...

Долго они еще ползали по Разнозельной Делянке, искали и находили преудивительные травы, объясняли друг другу их свойства и достоинства, и Жихарь все-таки признал, что Принц тоже кое-что смыслит.

— Я еще одну травку поищу, — сказал он. — А ты тоже не сиди, ищи. Вот, пожуй стебель одолень-травы, от него новая кровь нарождается в теле. Только если попадется тебе корешок, похожий на малого человека, ты его не тревожь — разорется так, что мы замертво рухнем.

— Да что я, сэр Джихар, мандрагоры живой не видел? — обиделся Принц.

— Это я так, на всякий случай, — успокоил его Жихарь. — Да, жалко нож, но придется загубить...

И стал острым лезвием обкашивать траву вокруг себя.

— Поздно заготавливать сено, когда коней увели, — усмехнулся Принц.

— Обожди, увидишь, поздно ли, рано...

И тут блестящее лезвие со звоном сломалось.

— Есть! — И Жихарь потряс пучком зелени в кулаке. — Нашлась!

— Что — нашлась?

— А разрыв-трава — ножик-то сломался!

— По-моему, тут все травинки одинаковые...

— Все, да не все! Пойдем к реке, я тебя научу, как разрыв-траву отделить от прочих.

Они спустились к воде, и Жихарь кинул в поток свою добычу.

— Видишь, простая трава по течению поплыла, а вот этот стебелек, заметь...

— Зацепился за что-нибудь, сэр брат!

— Нет, ты гляди, он против течения идет. — Жихарь выхватил строптивый стебель из реки. — Вот тебе и разрыв-трава. Теперь любая казна будет наша, любой замок и засов нипочем...

— У нас эту траву ищут и находят по-другому, — сказал Принц и стал объяснять, как именно.

ГЛАВА 19

Да будет вам известно, что я, с порога отказываясь от всяческого обсуждения, присоединяюсь к мудрому старинному взгляду, согласно которому кит — рыба, и призываю святого Иону засвидетельствовать свою правоту.

Герман Мелвилл

— Нет, все-таки правильно, что травка-перелет растет редко и по-малу, — сказал Жихарь, когда Принц, выплюнув из трубки очередную горошину, догнал его. — Иначе люди вовсе разучились бы ходить, у них бы ножки отсохли. Или поулетали все отсюда к зеленой бабушке...

Побратимы плыли над степью — невысоко, над самыми верхушками желтеющих трав. Все утро ушло на то, чтобы освоить новый способ передвижения. Оба откусили по малой доле стебелька — так, чтобы тело только-только утратило вес.

Сперва пробовали загребать руками, как в воде, но получалось медленно и неуклюже. Так и до старости не доберешься к горам, возвышающимся за равниной. Жихарь в сердцах плюнул, и его сразу как будто кто толкнул вперед по воздуху.

Сообразив, что так никаких слюней не хватит, богатырь подплыл к месту ночлега и стал отбирать дикий горох и складывать в карман. Потом выломил полый стебель дурноцвета и сделал себе с Принцем

две трубки. Теперь двигаться можно было быстро, как конь на рысях. Будимир летел впереди, пугая перепелов, и следил за опасностью.

— А я ведь эту травку как узнал? — продолжал Жихарь. — В малолетстве моем приходилось мне и пастушить. И вот один раз белая корова где-то перелету нажралась и взлетела. Я за хвост успел ухватиться, а она все выше поднимается. Струсил, отцепился, чуть не поломал ноги. На корову в небесах сейчас же налетели всякие ясные соколы. Она от страха и сдохни и грохнись об землю в лепешку. Гоню стадо домой — плачу, ведь хозяин теперь убьет...

— И чем же это кончилось?

— А ничем. Я сам его убил. Не обижай сироту!

— Сколько же вам было лет, сэр брат?

— То ли девять, то ли десять.

— И как же вы с ним справились?

— Ха! Да еще о пяти годах я справился с Ягой-бабой, поедучей ведьмой! Неужели не слышал? Давай-ка ходу прибавим!

Они долго летели в полном блаженстве оттого, что не приходится переставлять ноги, говорили о том о сем. Принц вспоминал книжную премудрость.

— А еще там говорится так: «Благороднорожденный подтверждает свою добродетель активным испытанием силы, ловкости, отваги, либо также хитроумия, мудрости, находчивости, либо богатства и щедрости. Либо, наконец, состязанием в слове, то есть заранее восхваляя либо заставляя поэта или герольда прославлять ту добродетель, в которой он хочет превзойти соперника...»

— Правильно говорится. Сам себя не похвалишь — ни одна собака не похвалит.

— Знаете, сэр брат, — сказал Яр-Тур, — перед сном я не удержался и отведал-таки траву Царевы Очи.

— Ну и как? — оживился богатырь. — Как травка-то?

— О, я тотчас же возомнил себя на троне! Ко мне со всех сторон подходили отважные воины, сметливые торговцы и трудолюбивые пахари, ища моего суда. И я отправлял закон, дивясь своей прозорливости и премудрости...

— Видишь, какая полезная травка! Вот придет твое время, залезешь на престол, а уже кое-какие навыки есть! По мне же, все эти премудрости хоть провались, меня туда на аркане затянуть нельзя...

— Так ведь и я не ищу власти ради власти! Во-первых, у меня долг перед отцом и королевством. Во-вторых, моя держава будет не похожа на другие.

— Ой ли! Все государи так обещаются, а потом такое начинают вытворять...

— Нет-нет, я соберу самых благородных, самых достойных, посажу за один стол с собой и буду лишь первым среди равных. Я установлю строгие правила для своей дружины, и всякий, кто оставит человека в беде, обидит слабого или нанесет в поединке бесчестный удар, заплатится изгнанием...

— Ну, мне за твоим столом точно не сидеть. Я ведь в бою не разбираю, какой удар честный, а какой так себе. Да и равенства за царскими столами не бывает — я же тебе рассказывал, что со мной все как раз на пиру и началось... Начнут спорить, кому на ближнем конце сидеть, кому на дальнем, слово за слово, и передерется твоя благородная дружина.

— Это верно, — загрустил Принц. — В самом деле, как же мне их рассадить, чтобы никого не обидеть?

— Вот уж это проще простого. Ты и стол вели сделать не как у людей — круглый. У круга ни конца нет, ни начала, не будет и обиды.

— Великолепно! — воскликнул Яр-Тур. — А людей я стану подбирать подобных вам по верности и доблести.

— Круглый стол сколотить не диво, — сомневался Жихарь. — Диво переделать тех, кто за ним будет сидеть. Одного оскорбляет неравенство, другого — равенство...

— Это вы единственно из вредности говорите, сэр брат. Мой Круглый Стол войдет в легенды...

— Вот-вот. Будет что дедушке Проппу рассказать. Батюшки мои, жрать-то как охота!

К счастью, здесь водились суслики с доброго поросенка.

На следующий день, когда до гор оставалось рукой подать, кончились стебельки перелет-травы. Задремавшие на лету побратимы, добром поминая сусликов, опустились на землю. Но легкость в теле оставалась, можно было еще бежать и бежать, то есть совершать далекие прыжки. А когда и последние капли волшебного зелья утратили силу, ноги показались неподъемно тяжелыми.

— Разбаловались мы, брат, — вздохнул Жихарь. — Какие, однако, странные тут горы — никаких предгорий, встают из земли, как будто их великаны навтыкали.

— Когда я думаю о величии дела, которое нам предстоит, — вдохновенно сказал Яр-Тур, — то даже встреча с варкалапом кажется мне мелкой и незначительной.

— Фараон гордился, да в море утопился, — напомнил богатырь. — Может, там такой дяденька сидит, который варкалапов на ладошке нянчит. Возьмет и раздавит нас — не со зла, сослепу.

— А возможно, это и развалины древней крепости — я читал о таких...

Тут и камень был какой-то особенный — влажный, ноздреватый, в мелких красных прожилках, как на пьяном носу. Камнеед, например, его жрать не стал. И пахло нехорошо.

— Мы неразумно потратили траву-перелет, — вздохнул Принц. — Лучше бы как раз эти горы перелететь. Не забывайте, сэр Джихар, у нас все еще нет доброго оружия. Видите проход в скале? Вдруг это лабиринт, а в середине его притаился и поджидает нас неведомый враг?

— Ты, брат, гляжу, норовишь вовсе без врагов прожить...

Яр-Тур покраснел и ринулся в пролом.

Должно быть, это и вправду были развалины старой крепости, но такие древние, что стали уже частью природы. Жихарь догонять отважного Принца не стал, шагал ровно, размеренно, а Будимир, видно, приуныл и струхнул — все время ошивался возле ног, мешал ходу.

Хуже всего было то, что ни справа, ни слева нельзя осмотреться — черный камень до небес. Жихарь вытащил дубинку и шел, хлопая себя по ладони. Он вспомнил, что именно так делали менты поганые — колдовали, поди, по-своему.

Убегал вперед Принц красный, вернулся Принц бледный.

— Приготовьтесь, сэр брат, принять неравный бой.

Жихарь не стал выяснять подробности, кивнул.

Через несколько шагов они увидели врага. Необъятная туша словно застряла между скал — старая замшелая шкура, когтистые передние лапы толщиной с тысячелетний дуб, длиннющая шея, бородатая голова и большие человеческие глаза.

Побратимы остановились.

— Может, попросим достойного Будимира ослепить чудовище?

— Ну ты прямо палач какой-то! — рассердился Жихарь, бросил дубинку, раскрыл руки и заорал, шагая вперед: — Дедушка Святогор! А вот и я! Свиделись все-таки!

Он подпрыгнул и повис у чудовища на шее.

— ...Разве не знаешь ты, что в старые годы все богатыри как раз такие и были?

— Я слышал немало о великом сэре Святогоре и его неслыханной силе, — ответил Принц, которого все еще пробирала дрожь. — Но всегда полагал его человеком огромного роста.

— Чудак ты! Сам посуди, устоит ли такое тело на двух ногах? Как же ему не подпираться хвостом? А кости старых богатырей ты, поди, видел, так что спрашиваешь? Нынче богатыри иные, вот как мы с тобой...

— Да, — сказал Принц. — Возможно. Ведь великий Беовульф тоже был скорее медведь, чем человек. Но вы, кажется, понимаете его речь? Я разбираю лишь отдельные слова, и, по-моему, старик в беде.

— Да еще в какой беде-то — упавшей скалой перешибло самую хребтину. Это, как мы и думали, не горы, а древняя богатырская застава. Он пришел сюда умирать, как и собирался. Думал заснуть спокойно и навсегда, а теперь терпит муку.

— Что мы можем для него сделать?

— То, что один воин для другого. Вот когда меня неизлечимо ранят, а я попрошу у тебя последний удар — откажешь?

Принц смешался.

— Можно было бы угостить его сон-травой, — соображал богатырь. — Но ведь ее у нас всего ничего, а ему копен десять надо, не меньше...

Святогор с хрустом поднял веки и вытолкнул из себя несколько слов, таких же тяжелых и замшелых.

Жихарь выслушал его, кивнул, взял побратима за руку и подвел к голове Святогора.

— Вот, — поклонился Жихарь и королевичу шею согнул. — Вот мой побратим, называется королевич Яр-Тур. Мы с ним на крови поклялись делить все пополам...

— Что вы собираетесь с ним делать? — шепнул Принц.

— Стой да молчи! Дедушка, тыдохни-то вполсилы, чтобы нам не перебрать, сам понимаешь.

Святогор приподнял голову над камнями, приблизил ее к самым лицам побратимов и фыркнул из ноздрей белесым паром. Запаха у пара не было.

— Дыши глубже, — велел Жихарь Принцу. Яр-Тур все еще ничего не соображал.

...Они легко взобрались наверх, так же легко наломали скал и стали сбрасывать их вниз, возводя над старым Святогором полагавшийся ему по богатырскому чину курган. Жихарь, волоча к вершине громадную глыбу, даже не запыхался.

— Он не мог умереть, не передав кому-нибудь свою силу, — объяснил Жихарь. — Не всю, конечно, иначе мы бы по горло ушли в землю. Так, а этот валунчик сюда положи. Вот и похоронили по всем правилам...

Яр-Тур никак не мог прийти в себя от внезапно обретенной силы, разглядывал руки и ноги, словно чужие.

— Терпи, — сказал Жихарь. — Теперь другая жизнь начинается. Придется, к примеру, больше есть и пить...

— Сэр Джихар! — обрадовался Принц. — Да ведь с такой силой меня уж наверняка признают королем!

— Ну, кто о чем, а вшивый о бане! Жалко, нечем тризну справить. А про еду я всерьез. Нам, сильно могучим, голодать никак нельзя — скоро свалимся и мизинным пальцем не двинем. И любой отрок спокойно зарежет.

— Я давно знаю, что за все нужно платить...

— Это хорошо, что знаешь,

И они, возрыдав над старым богатырем по обычаю, спев про трех воронов, пошли дальше, пинками расшвыривая валуны, и шли ходко, Будимир не поспевал. Жихарь сжалился над петухом и посадил обратно на шляпу. Теперь петух даже сам-друг с камнеедом для него ничего не весили.

ГЛАВА 20

*Ох вы, мужчины,
Вы — скотины,
В вас азиатские глаза,
Вы девок любите словами,
Но своим сердцем никогда.*

Песня

Бух! Бух! — колотили землю богатырские ноги. Легкая обувка от ударов страшной силы очень быстро разлетелась на куски, и теперь за названными братьями оставались глубоко впечатанные босые следы.

— Ох, не вынул бы худой человек, не нашептал бы! — горевал по этому поводу Жихарь. Но причин для горевания было куда больше. Кровь бежала по жилам с таким шумом, что, наверное, и посторонний бы услышал. Очи с трудом ворочались в глазницах. «Перебрали все-таки, пожадничали», — думал богатырь.

Яр-Туру было, судя по виду, не легче. Трещали и расходились по швам кожаные кафтаны. И с каждым движением все сильнее и сильнее хотелось есть...

— Стой, братка! — скомандовал Жихарь. — Нам теперь, должно быть, лучше ползти ползком или даже котма катиться. Прости. Кажется, я глупость сделал и тебя втянул...

— Почему же глупость? Всякий мечтал бы о подобной силе.

— Размечтался! Скоро наши тела сами себя жрать начнут. Вон у тебя щеки-то как ввалились... А я все вроде как положено делал. Нам

ведь теперь с собой целый обоз харчей надо гнать, чтобы выжить. А здесь какой обоз?

Жихарь молнией метнулся в сторону и выхватил из травы зазевавшегося суслика-байбака — здоровенного, по колено, без труда освежевал и сунул Будимиру на скорую руку поджарить.

— Сэр Джихар, кажется, мы съели его с костями... — растерянно сказал Принц через малое время.

— Да? — Жихарь удивился и огляделся. Костей точно не было.

— Поднимемся на пригорок, — предложил Принц. — Будем лежать и ждать, не пройдет ли кто мимо.

— Людоедство — дело худое. — Жихарь вспомнил Гогу с братом.

— Я имел в виду... Ну, скажем, седельные сумы с провизией, — смутился Яр-Тур. — А конину есть мне уже приходилось.

Они взошли на пригорок и огляделись. Кое-где в полях темнели лесные острова. На небе ничего не было, кроме одного разве солнца. Огненный Кур похаживал в траве, выдергивал приглянувшихся букашек. Камнеед Шамир тоже разживался редкими камешками. Им-то было хорошо.

— Только не будем говорить о еде, сэр Джихар, — сказал Принц и громко сглотнул слюну.

— А о чем еще говорить?

— Обо всяких ученых предметах, о подвигах героев, о доблестях мужей, о славе полководцев... О старинных книгах в конце концов...

— Читал я одну в детстве. Не сам, конечно, а Дрозд мне читал, он знал многие языки и наречия. И называлась она «Толкун-книга»...

— И о чем же она?

— Да как сказать. Там, понимаешь, трое недомерков бегают по всему свету, ищут, куда пристроить волшебное кольцо, чтобы не досталось оно Мироеду. Там и люди были, и лесные, только эти недомерки всех обошли — и царей, и королей, потому что были горазды пожра... Ой, а может, и нет, я до конца не дослушал, большой уже вырос.

— О-о! — воскликнул Принц. — Вам повезло, сэр брат! Это же знаменитая запретная «Сага о Кольце Власти»! К сожалению, не многие смогли дочитать ее до конца, не повредившись в рассудке. А те, чей разум оказался не столь крепок, стали наряжаться в одежды героев, мастерить деревянные мечи и щиты, бегать по лесам и полям на потеху добрым поселянам. Неужели у вас допускается читать такое даже в детстве?

— Дети тоже люди...

Кто знает, сколько разговоров было бы переговорено на этом холме-кургане-пригорочке до тех пор, как названным братьям окочуриться, но только Будимир дал тревожный знак.

Жихарь приподнялся на локте. Прямо к ним по траве мчались десятка два всадников. Жихарь толкнул Принца в бок. Тот поглядел осоловевшими глазами и махнул рукой — его даже на подвиги уже не тянуло.

Всадники приближались. Кони у них были хороши, стройны и в одну соловую масть, но богатырь сразу отметил, что при нынешней силе их с Яр-Туром такие лошадки не сдюжат.

Всадники были закованы в кое-как залатанную броню, вооружены луками и саблями, румяны и безбороды — борода у бабы нипочем не растет, если это, конечно, не Яга-баба.

— Вот нас куда занесло — в Окаянию, бабью землю...

— Как известно, они подвергают мужчин изощренным пыткам, — бесстрастно отметил Принц.

Побратимы нехотя поднялись.

— Здорово, красавицы! — гаркнул Жихарь, стараясь перекричать бурчание в животе.

Красавицы помалкивали.

— На женщин производит впечатление учтивый и галантный старинный слог, — сказал Яр-Тур, показал всадникам выставленный палец на правой руке и воззвал: — Хай, малышки, как насчет перепихнуться?

Но и старинного слога здесь не жаловали — свистнул ременный аркан, затянулся вокруг богатырских плеч и сразу же лопнул; тотчас десяток петель взметнулись в воздухе и попали куда надо, но и они не выдержали перенятой у Святогора мощи.

Конные красавицы не растерялись, дружно взялись за луки и натянули тетивы.

— Глаза побереги, — посоветовал Жихарь и закрыл лицо руками.

Стрелы вонзались в тела побратимов, портили одежду (точнее, лохмотья), но от соприкосновения с каменными мышцами раскальвались, расщеплялись пополам. Стрел было много, бабы попались упорные. Когда опустели колчаны, всадницы взялись за сабли, тупя их и ломая. Помаленьку обрывки одежды слетели с Жихаря и Яр-Тура, на телах же не наблюдалось и царапины.

В отчаянии предводительница отряда попробовала смять Жихаря конем, но туго пришлось именно коню.

И тогда красавицы в гневе побросали бесполезное и поломанное оружие, стали шумно рыдать и голосить. Жихарь пробовал их утешать, осторожно глядя по голове (отчего шлемные ремни лопались), а Яр-Тур, забыв учтивость, сорвал у одной из врагин седельную сумку, нащупал в ней ковригу хлеба и стал жадно отрывать зубами куски —

вместе с кожей сумки. Потом опомнился и с величайшими извинениями протянул названому брату его долю.

...Встречать пленников вышел весь город. Хотя шли они по доброй воле, маленько подкрепившись: коня, который расшибся о Жихаря, пришлось прирезать, зажарить и съесть почти целиком. Женщины с ужасом глядели на непобедимых чудовищ, потом стали упрашивать их пройти в город, иначе им, дозорным, несдобровать.

Частокол вокруг города был набит кое-как, походил на гребень с выломанными зубьями, дома располагались в беспорядке, срублены были, видно, на скорую руку или же в полной темноте: заугольные бревна торчали не вровень, окна прорубались в самых неожиданных местах, ступеньки на крылечках были разной высоты.

— Руки бы плотничкам поотрывать, — ворчал Жихарь.

Не все насельницы града ходили при оружии — большинство вырядились в яркие сарафаны, бегали малые девчужки.

— Глядите, сэр Джихар! — воскликнул Яр-Тур, хватая побратима за руку (другому бы кость сломал). — Верно говорят, что они отрубают руки мужчинам!

Из-за очередной избы вышел невысокий мужичок в накидке до пят, и вся фигура его была треугольной. Мужичку было хорошо от выпитого.

— Вот поедим досыта и посчитаемся с ними за мужиков, — пообещал Жихарь.

Штанов на нем почти не осталось.

На кособокое крыльцо самой большой избы вышла здешняя царица или княгиня, дородная, срослобровая, в панцире искусной работы — явно не здешних мастеров.

— Не будем унижать ее, брат, — попросил Принц. — Все-таки царственная особа.

— Все вы, голубая кровь, друг за дружку стоите, — ответил Жихарь. — Только почему же они мужикам заодно и ног не отрубают? Чего прощ — подвесила на крючок и пользуйся...

Княгиня заговорила. Принц не понимал ее вовсе, а Жихарь — через два слова на третье.

— Предлагает нам здесь княжить, — перевел Жихарь. — В награду за то, что мы убили страшного зверя в горах.

— Это они о достойном сэре Святогоре?

— Дак если дуры. Но пусть лучше думают что хотят, лишь бы накормили сперва.

Княгиня продолжала речь, заламывала мощные руки, показывала то на Принца, то на Жихаря, делала зверское лицо.

— Ах ты гадина! — возмутился Жихарь. — Хочет, чтобы мы с тобой сошлись в поединке за княжий престол! Еще чего! А знаешь, братка, чем тебе свое королевство искать, может, здесь и закоролевствуешь?

— Во-первых, — сказал Яр-Тур, — я поклялся пройти с вами весь путь до конца, а чего стоит король, нарушающий собственные клятвы? Во-вторых, чужого мне и даром не надо.

— Все-таки ты дитя, — вздохнул Жихарь и стал требовать еды, для верности широко разевая рот и щелкая себя по кадыку.

Бесстрашные воительницы (Яр-Тур называл их амазонками) сразу все сообразили и стали вытаскивать прямо на улицу кособокие столы и ненадежные лавки.

Лавки не выдержали тяжести побратимов, пришлось для них выкатить колоды, на которых мясо рубят. В избах задымили печи. Сложены печи были тоже кое-как, поэтому дым валил больше из окон, чем из труб. Будимира щедро кормили зерном и знакомили с местными курочками. Камнеед избавился от петуховой опеки и скромно обгрызал брошенный посреди улицы мельничный жернов.

Вскоре к столам потянулись красавицы, неся на вытянутых руках громадные блюда. Треугольные мужички ловко катили ногами дубовые бочки. Жихарь рукой позвал мужичков к себе за стол. Амазонки возмущенно загалдели, но Принц, уже отхлебнувший из бочонка через край, погрозил им пальцем.

Одних поросят съели около сотни.

Жихарь все удивлялся, как быстро и незаметно опорожняют его искалеченные сотрапезники кружку за кружкой. Вроде бы зубами за край не хватают, не запрокидывают, как обычно, а кружка куда-то исчезает и ворочается порожней.

Общий язык с мужиками нашли скоро, и чем больше пустых бочек откатывалось, тем ясней и понятней этот язык становился. Наконец, когда уже вот-вот готово было наступить полнейшее понимание, Жихарев сосед, самый здесь крупный и достойный муж, отвалился на спину и рухнул.

— Не было молодца побороть винца, — вздохнул Жихарь (а поглядеть на такого он мечтал всю жизнь). Он поднялся, чтобы отнести нового приятеля в покойное место, подхватил его, как перышко, на руки и тут почувствовал что-то неладное. Содрал с пьяного накидку и... — Ха, братка, да никто им рук не отрубает! Гляди!

Принца, несмотря на силу, вино все-таки достало, он без удовольствия оторвался от пирога с грибами и глянул.

Руки-то у мужика были, только вот росли они из того же самого места, что и ноги.

Прочие мужики давай плакать и рассказывать побратимам о лютой беде своего племени. Оказывается, в старые времена здешние мастера славились на весь свет — не было нигде таких кузнецов, плотников, оружейников, шорников, гончаров, столяров, рыбаков и прочих умельцев.

Им и завидовали все на свете. А потом завистники сговорились и наняли сразу двенадцать драбаданских колдунов. Колдуны тихонько подкрались ко граду и ворожили двенадцать ночей подряд, отчего руки у мастеров переместились на это самое место.

И таким крепким было заклятие, что и дети мужского пола стали рождаться с тем же пороком. Поэтому все ремесло, в том числе и воинское, а потом и вся власть в племени перешли к бабам — не от хорошей жизни.

Мужички рыдали и жаловались, но Жихарю отчего-то показалось, что в душе они положением своим довольнешеньки, так как почти никаких обязанностей не несут, а пить им дозволено в утешение за калечество от пуза.

«Маленько бы и я так пожил», — заметил про себя Жихарь.

Когда последний из племенных мужей не сдюжил вина, места их на лавках немедленно заняли самые пригожие девушки. Они толком не ели, не пили, лишь подперли щеки кулачками и, пригорюнившись, любовались побратимами.

Тут голод покинул Жихаря, он стал перемигиваться с девушками и на пальцах показывал, как сильно он их любит. Девушки с понятием вздыхали.

Принц Яр-Тур бледнел-краснел, бледнел-краснел, а потом дико заорал:

— Не подумайте дурного, сэр Джихар!

С этими словами он легко вытащил из-за стола двух ближайших молодок, сунул их себе под мышки и побежал со своим драгоценным грузом куда-то вдоль по улице.

— Однако падок ты, брат, на полые места! — крикнул ему вслед Жихарь, и тут его самого добрый десяток девиц кое-как выволок из-за трапезы и повлек на ближайший сеновал.

...Святогоровой силы — ну, не всей, конечно, — хватило на три дня. А потом названные братья стали замечать, что захотелось им отдохнуть одним, без прекрасного окружения. На рассвете четвертого дня оба тихоньку скрылись от подруг и встретились в кустах у реки.

— Нашел себе королеву? — первым делом спросил Жихарь.

Принц помотал головой.

— Вот и я тоже. Никого ты не обидел, не обошел?

Яр-Тур опять помотал головой.

— Молодец. А то они друг дружке очи повыцарапывают. Зато теперь тут народятся здоровые дети, пойдет добрая жизнь...

— Интересно, сэр брат, отчего же они раньше не догадались прибегнуть к помощи странников вроде нас?

Жихарь потянулся довольно, со вкусом, как отсевшийся земледелец.

— Обыкновенный странник здесь бы еще в первую ночь удавился или повесился. К тому же люди боялись ходить в эти места из-за Святогора — кто же теперь помнит, каковы были старые богатые. А вот лишнюю силу мы извели — это хорошо.

Принц сжал кулак. Камешек в кулаке треснул, но не искрошился в мелкий песок, как еще недавно.

— Все-таки жаль...

— Не жалею. Обожрал бы свое королевство, пустил по миру... Кроме того, сила осталась все же немалая. Охти мне, заметили нас...

Яр-Тур вздрогнул. С криками и причитаниями к ним приближалась толпа амазонок. Впереди поспешала княгиня. Она шумела пуще всех.

— Все-таки требует, чтобы один из нас тут воцарился, — сказал Жихарь. — У них так записано в преданиях... Делов-то! Отговоримся! Вот я сейчас начну врать, а ты подвирай, совестишься подвирать — помалкивай...

Жихарь поднялся, поклонился бабам и сказал:

— Простите, красавицы, на невольном обмане — пошли на это из одной любви к вам! А поразил чудовище и похоронил его под скалами наш вождь и учитель — великий цыган Мара!

Женщины загалдели — видно, Мара отличился и тут. На лицах красавиц выказалось сильное сомнение.

— Государь наш Мара только из скромности прикидывается простым конокрадом, — продолжал Жихарь. — Такой уж на него был наложен зарок, но нынче все сроки вышли. Он выслал нас проведать, кто тут живет. Теперь мы ему непременно доложим, что его ждут с нетерпением. Подождите, вскорости он сам к вам пожалует во главе несметного войска...

Но окаянные бабы ждать не захотели, вскочили на коней и помчались в разные стороны искать вождя владыку.

— Вы его сразу узнаете: рубаха красная, а руки длинные! — посоветовал им на дорожку Жихарь и добавил: — Ох, несдобровать Мару! В Адских Вертепах и то сыщут!

...На прощания и расставания ушло еще два дня. Наконец Жихарь понял, что пора и честь знать, иначе вся Святогорова сила до капельки утратится на перинах и сене.

В промежутках между объятиями чинили доспехи (тут и кузня была), нашли пару старых, но худо-бедно годящихся мечей. Одна была беда — кони от побратимов шарахались, не вынося Святогорова духа.

— Видно, так до Полуденной Росы пешком и дотопаем, — вздохнул Жихарь, достал золотую ложку и определил направление. Молодки, не пожелавшие искать цыгана, завздохали и заплакали, увидев, куда показывает стебель. — Чего ревете? Мы же непременно вернемся! — обещал богатырь. — Чего в той стороне такого страшного?

Из сарафанной толпы вышла старая-престарая бабушка. Жила она долго и говорила поэтому вполне уверенно:

— Лучше бы я, добрые молодцы, вас удавила своими руками, чем отпускать в те края, в злочародейный Драбадан!

Ну, тут и у Жихаря личико вытянулось.

— Вы никак боитесь, сэр брат? — обрадовался Яр-Тур.

— Если и боюсь, так за тебя, — нашелся богатырь.

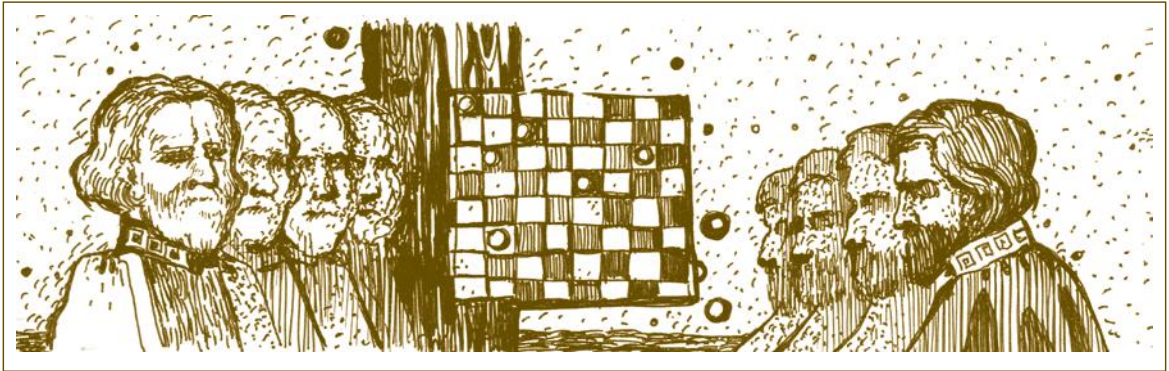
— Сколько же нам еще идти, сэр Джихарь?

— Да ты что, совсем память со своими девками заспал? Я же говорил — сорок дней и сорок ночей!

— А потом?

— А потом дальше пойдём!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Правый сапог он надел на левую ногу, левый сапог он надел на правую ногу, повернулся и прочь он пошел.

Исчезновение и возвращение Талепинуса

За пределами света, на краю седых небес произрастает дерево, вышиной равное самой высокой горе. На ветвях этого дерева вместо листьев растут живые головы, их ровно столько, сколько на свете людей, и каждая говорит и говорит свое, пока не упадет с ветки вниз, обозначив конец чьей-то жизни.

Если кому повезет попасть в те места, он может попытаться залезть на дерево, отыскать такую голову, чтобы в точности походила на его собственную, и узнать от нее, что случится в его судьбе и как можно избежать горя, болезни или бедности.

Но такое большое это дерево и так много вещей голов на нем произрастает, что можно разыскивать свою до самой старости, если, конечно, не успеешь состариться, добираясь на край седых небес.

А если и не состаришься, сумеешь найти свое подобие, так тоже толку немного, ведь головы вещают все враз, шум стоит, как на тысяче ярмарок, ничего не услышишь и не поймешь.

Поэтому никто туда и не ходит.

И непонятно, кто это дерево посадил и с какой целью, поэтому хватит о нем.

...Побратимы шли, проклиная окаянских сапожников.

— Не беда, сэр брат. — Временами Принц делался весьма ехиден. — Скоро подрастут ваши сыновья, вот они-то и станут добрыми чеботарями...

— Мои станут чеботарями, — невозмутимо отбивался Жихарь, — а твоих вот едва ли выучат чистить отхожие места. Одно им только заделье и подойдет: пособлять повивальным бабкам, перекусывая пупки...

Побратимы переругивались не со зла — просто шагать в Драбадан молчком очень страшно. Будимир и тот не петушился и не покидал новой Жихаревой шляпы — войлочной, с широкими загнутыми полями.

— Не повредило бы нам поклониться Проппу, — сказал Принц.

— А, признаешь, что Пропп-то покрепче вашего Фрэзера будет, — сказал Жихарь.

Но ни одного истукана им по дороге не попало. Мало того, встречались время от времени заросшие ямки или пеньки подрубленных столбов.

— Повывковыряли они всех наших идолов, — определил Жихарь. — Тут свои порядки.

Листья здешних деревьев трепетали без ветра, птицы пели печально, как на тризне. Побратимы то и дело ощупывали на себе многочисленные обереги, повешанные недавними возлюбленными: лягушачьи косточки, черепа нетопырей и просто дырявые круглые камушки.

Против славы драбаданских кудесников все это было прахом.

Жихарь нагнулся, подобрал на счастье подкову («Богато живут!») и, завязав ее узлом, передал спутнику. Принц без труда развязал.

Мучили подкову, пока не переломилась надвое.

Тут и дорога надумала раздвоиться. Никакого указательного камня у развилки не наблюдалось. Жихарь достал подаренную за жаркую любовь монетку с ликом неведомого владыки и подбросил. Выпала левая дорога, поэтому пошли по правой.

Богатырь то и дело косился налево: вдруг там лучше, а потом...

— Глянь-ка, брат: вон мы и сами идем!

Принц глянул. За невысокими деревьями, точно, остановились двое, во всем подобные побратимам, вплоть до петуха. Оба Будимира обиделись и громко заорали, а люди на левой и на правой дорогах стояли, разинув рты.

— Эй, вы! — окликнул Жихарь, и крик вышел двойным, равно как и петушинные вопли.

Жихарь махнул рукой на пару с двойником.

— Это нас драбаданцы с ходу начинают морочить. Давай не будем на них пялиться, пойдем своим путем.

К такому же решению, видно, пришли и левые побратимы.

Дороги расходились все дальше, скоро и двойников не стало видно.

— Встретить двойника — к смерти, — сообщил Принц.

— Да уж не к добру, — согласился Жихарь.

Дорога пошла вверх, на холм.

— Замучились бы мы в доспехах, когда бы не Святогорова силушка, — сказал Жихарь.

— Сейчас глянем сверху и увидим, что нас ждет, — откликнулся Яр-Тур.

На вершине зеленого холма стояло одинокое дерево, словно нарочно посаженное, с высоким голым стволом, только на вершине раскинулась густая шапка зазубренных листьев. Под деревом сидели двое в нарядных атласных одеждах, обратясь лицом друг к другу. На побратимов они и не глянули.

— Сдается, оружия у них никакого нет, — сказал Жихарь.

— Страшнее другое, сэр брат, оглядитесь!

Жихарь посмотрел и охнул. Вся равнина, сколько хватало глаза, вспучивалась тут и там точно такими же холмами, и каждый венчался точно таким же деревом, и возле каждого дерева сидели двое в нарядных атласных одеждах, а к ним с опаской приближались бесчисленные Принцы и Жихари.

Жихарь опять помахал рукой, и жест его повторили все двойники. Шагнул вправо, влево — то же самое.

— Понятно — здешние чародеи воздвигли здесь множество огромных зеркал, чтобы сбить нас с пути.

— Значит, мы для них серьезные люди, — сказал Жихарь. — Только нет здесь никаких зеркал. Во-первых, стекло страшно дорогое, а вторых, я десницей помахую, и подраг мой тоже десницей.

— Подраг? Десницей? — не понял Яр-Тур.

— Ну, двойник, подраг — слово «подражать» знаешь? А десница у нас будет правая рука.

— Вот как... И что же делать?

— Обернем все себе же на пользу. Соберем всех наших подрагов вместе — они сейчас об том же толкуют — и пойдем большой грозной дружиной. Тогда нам никто не страшен!

Принц представил себе это дело и замотал головой.

— Ничего не выйдет.

— Это почему же?

— А потому, любезный мой сэра, что вот мы с вами идем какую уже неделю и в основном прекрасно уживаемся, если не считать прискорбную стычку возле моста. Не то будет, когда каждый из нас встретится лицом к лицу с самим собою, да еще многожды повторенным. Мне, например, другие претенденты на престол ни к чему — и без того, чаю,

дорога к трону окажется весьма тернистой. А вы, достойные сэры Джихары, непременно передеретесь между собой.

— С какой стати?

— Вы чрезвычайно противоречивый человек, сэр брат, и в каждом из вас обязательно начнет проявляться какая-нибудь одна черта, неприятная другим Джихарам... Я уж не говорю о сэре Будимире — тут полетит столько перьев, что мы до конца жизни сможем торговать подушками и перинами.

Жихарь стиснул зубы и задумался так, что стало заметно.

— Точно, — сказал он. — Иной раз, бывает, так бы и дал сам себе по зубам. Особенно если за дело.

— Вот я и говорю. Но тревожит меня другое. Раньше я думал, что подобное место может существовать только в неразгаданных трудах древних философов, а оно, оказывается, есть на самом деле...

— Что за место? — насторожился Жихарь и взялся за меч.

Схватились за оружие и все остальные рыжие богатыри.

— Древние именовали его «Дурная Бесконечность...» — прошептал Принц.

— Вона как... — шепотом же ответил Жихарь. — И что же, нам тут теперь до смерти скитаться?

— Не знаю... Возможно, эти достойные господа подскажут нам что-нибудь.

Побратимы подошли к сидящим. Оба незнакомца были уже в летах, в бородах, при морщинах. На одном был золотистый атлас, на другом серебристый. Между ними на плоском камне лежала доска, расчерченная черными и белыми полями. На доске стояли шашки — золотые и серебряные, под одежду.

— Играют в тавлеи, — шепнул Жихарь. — Я тоже горазд. А ты?

— Случалось, — ответил Яр-Тур. — Только вот такой странной игры видеть не приходилось...

И верно — золотые шашки стояли на белых полях, а серебряные на черных. От того, что игроки двигали своих пехотинцев в разных направлениях, ничего доброго не происходило: оба играли как бы каждый в свою игру, не поражая фигур противника и не теряя своих.

— В Дурной Бесконечности, — сказал Принц, — как раз и должно быть таким развлечением. Клянусь честью, если бы они метали кости, каждый раз выпадало бы равное число.

— Да, — сказал Жихарь. — И сказку тут рассказывают все время одну и ту же — про белого бычка...

— Вы тоже изучали философию, сэр брат? — оживился Яр-Тур.

— Не пальцем делан, — напомнил богатырь. — Вот ты, братка, понимаешь, о чем они говорят?

Игроки говорили — вернее, повторяли одно и то же.

— Первична, — молвил один, двигая шашку.
— Нет, вторична, — возражал другой и делал встречный бесполезный ход.

— Первична!
— Нет, вторична!

Но драться почему-то не лезли. И не надоедало же им! Зато быстро надоело Жихарю. И всем остальным Жихарям.

Богатырь наклонился, тяжелой лапой смешал все шашки на доске и проворно расставил их в надлежащем порядке. Игроки с испугом глянули на него, потом всплеснули руками и стали передвигать шашки с большой поспешностью, забирая у противника по две, по три зараз.

— Теперь другое дело. — Жихарь выпрямился и удовлетворенно присвистнул. Не было уже ни вблизи, ни вдали никаких иных возвышенностей, кроме этого холма, и лишних людей тоже не было — все сгнули.

Игроки пожали друг другу руки, посмотрели на побратимов и, не поднимаясь, начали отвешивать им земные поклоны.

— Не за что, — скромничал Жихарь. — Вам бы это даже малый ребенок мог подсказать. Вы кто, люди добрые?

— Пилорама, — сказал игрок, которого звали Пилорама.
— Вшивананда, — сказал игрок, которого звали Вшивананда.

Представились и побратимы, причем Принц наступил Жихарю на ногу и свирепо прошипел, что и-то, молодым, надлежало назвать свои имена первыми.

— Простите, отцы, за невежество, — тут же повинулся Жихарь. — А вы кто будете?

Пилорама и Вшивананда поглядели друг на друга с недоумением и развели руками.

— Да вот играем... — сказал Пилорама.

А по глазам его видно было, что не имеет он, Пилорама, и малого понятия о том, кто он такой и что тут делает.

— А что вы тут делали? — не унимался Жихарь.

Принц опять напомнил ему, что вопросы должны задавать старшие, но у игроков, видно, лишних вопросов не было.

— Спор наш весьма важен в онтологическом смысле, — сказал Вшивананда в золотистых одеждах. — Как, по-вашему, материя, она первична или вторична?

Безымянный Принц охотно принялся высказывать свое просвещенное мнение на этот счет, а Жихарю и сказать было нечего. Он пораскинул умом и подумал, что драбаданские колдуны решили поставить двоих самых умных сторожевым постом, но от великого ума часовые Пилорама и Вшивананда забыли о своих обязанностях и предались бесплодным умствованиям. «Были бы вы помоложе да

попались бы мне на службе — пропали бы вы у меня на самых черных работах», — решил он.

Умный спор между тем опять пошел по кругу:

— Первична!

— Вторична!

— Это как посмотреть! — восклицал Яр-Тур.

Тут Жихарь с тревогой заметил, что на равнине там и сям начинают потихоньку прорастать бугорки.

— Хватит! — рявкнул он. — От ваших разговоров мы опять угодим в эту... которая дурная!

Спорщики замолкли. Бугорки разгладились.

— Пойдем отсюда быстрее, — сказал Жихарь. — Видишь, и Будимир тревожится.

Значит, все-таки застава это, но хитрая.

— Прощайте, достопочтенные старцы, — сказал Принц. — С большим удовольствием продолжил бы наш разговор, но время не ждет.

— Как раз у нас-то время и ждет, чтобы наступить в надлежащее время, — сказал серебристый Пилорама.

Тут его сопернику пришел в голову другой, не менее важный вопрос:

— Скажи мне, отчего солнце вечером бывает красным?

— Я скажу тебе, потому что оно смотрит в ад, — отвечал Пилорама.

— Скажи мне, отчего солнце вечером бывает красным? — не унимался золотистый Вшивананда.

— Отцы, милостивцы, — взмолился Жихарь. — Помолчите, пока мы не уйдем подальше... Или нет, я вам самую хитрую на свете загадку подкину: бабушкин внучатый козлик тещиной названной курице кем приходится?

Лица у спорщиков вытянулись, начали они разбирать Жихареву загадку по всем косточкам.

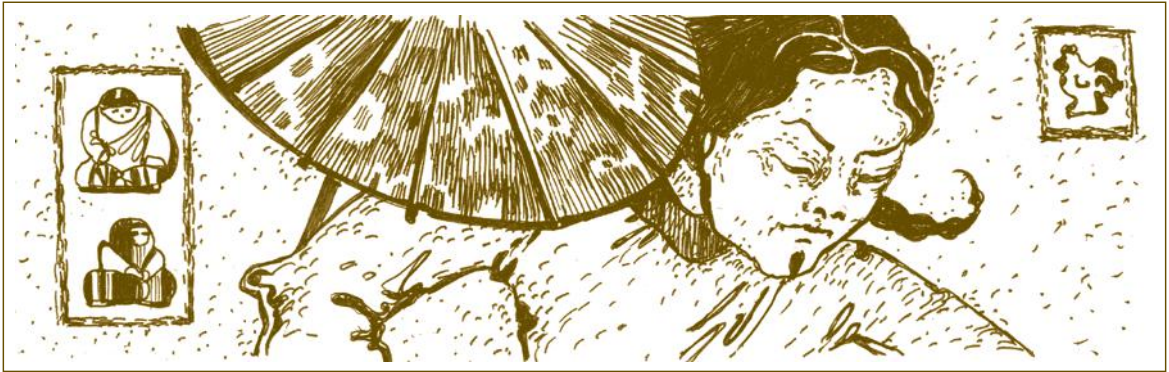
— Уходим, уходим, — торопил Жихарь. — А то как у них на доске пойдут одни ничьи, так мы отсюда никогда не выберемся...

Они сбежали с холма и помчались по равнине, то и дело оглядываясь, пока одинокое дерево не исчезло за горизонтом. Тут побратимы остановились и отдышались.

— Все-таки подлинно мудрые люди эти сэр Пилорама и сэр Вшивананда, — заметил Принц.

— Убивать пора, — согласился Жихарь.

ГЛАВА 2

Человек не должен зависеть от длины своего меча.

Миямото Мушаши

Жихарь ожидал, что на границах Драбадана будут стоять и настоящие, могучие заставы, что в перелесках затаятся зоркие разъезды, но ничего такого не было, и от этого становилось еще страшнее. Что-то ужасное должно скрываться за такой беспечностью!

— Ладно и то, что денег за проход не берут! — утешался богатырь.

— Не таковы предстанут рубежи моего королевства, — заявил Яр-Тур. — Ни один враг не осмелится переступить их, не заплатив соответствующей мзды!

Видно, безденежье и его доконало.

— Правильно сказал тебе премудрый Соломон: «Что вы, молодой человек, носитесь со своим королевством, как дурень с писаной Торой!»

— Ему легко говорить — он самодержец в своем праве.

— А, вон и лесной остров! — обрадовался Жихарь, тыча пальцем вдаль. — Посидим, отдохнем. А то нас тут, на чистом месте, всякий увидит и всякий обидит...

Но Будимиру лесной остров чем-то не понравился. Петух запел, только напев был удивительный и незнакомый.

— Войдем на остров с двух сторон, — решил Жихарь.

Пошли розно, для порядку таясь за невысокими елочками. Ничего живого в лесу не водилось.

— Помолчи! — предупредил Жихарь своего пернатого стража.

Елки начали редеть, и вскоре показалась полянка. Жихарь ступал бесшумно, и старания его оправдались: человек, сидевший посреди поляны спиной к нему, даже не пошевелился. То ли глухой был, то ли бесстрашный.

Жихарь увидел, что с другой стороны на поляну выходит, не скрываясь, Яр-Тур, и махнул предостерегающе побратиму рукой: мол, я тебя вижу, а ты меня как бы не замечай, вернее будет.

Спина у незнакомца была довольно широкая и крепкая, обтянутая черным шелком. По шелку вился вышитый желтым чешуйчатый змей с бородой.

— Приветствую вас, достойный сэр! — громогласно объявил Принц. — Думается мне, что давно приспела нам с вами пора скрестить мечи и преломить копья!

«Нейметса ему! — возмутился Жихарь. — Вот сейчас этот кудесник превратит его в белую красноглазую мышшь...»

Незнакомец с места прынул вверх на человеческий рост, приземлился на полусогнутые ноги, выбросил в сторону правую руку, словно бы принимая вызов, но рука была пустая и только делала вид, что держит клинок.

— Я не дерусь с безоружными... — начал Яр-Тур, но досказать не успел.

Незнакомец одним прыжком достал его и сделал выпад пустой рукой. Яр-Тур привычно закрылся щитом и поступил верно: зазвенела сталь и кое-как слаженный бабьими руками щит раскололся.

Жихарь ахнул, но остался на месте: вмешаешься — не оберешься обиды от побратима. Богатырь углядел, что из-под черной причудливой шапки чужака спускается на спину черная косица.

«Баба в штанах, последние времена пришли!» — ужаснулся он, словно бы и не в Окаянии недавно гостил.

Но кем-кем, а бабой незнакомец не был. Он стал теснить Принца к деревьям.

Меч Яр-Тура сам по себе звенел в свободном воздухе, то и дело сталкиваясь с невидимым клинком. Потом с жалобным стоном преломился.

Никогда богатырь о подобном оружии не слышал, но в смертную для Принца минуту, видно, пришли из ниоткуда в ум сонные наставления Беломора. Жихарь выскочил на поляну и крепко придавил ногой к земле тень, которую отбрасывал незримый меч чужака.

Незнакомец устремился со всей силой вперед, чтобы нанести последний колдовской удар, но из-за Жихарева вмешательства утратил

равновесие и полетел носом вниз. Богатырь пал ему на спину и стал отбирать незримый клинок, остерегаясь, чтобы не порезаться. Клинок в руке чужака мотался туда-сюда — это было видно по скашиваемой жухлой траве.

— Так нечестно, сэра Джихар! — заорал Яр-Тур.

Будимир слетел со шляпы и немного поклевал врага, одобряя тем самым действия хозяина.

— А колдовским оружием биться честно? — возразил Жихарь.

Он уже отобрал чародейный клинок и, сидя верхом на лягающем противнике, лихо рубил воздух. Меч был хоть и мнимый, да тяжеленький.

Пока он торжествовал победу, незнакомец так ловко и сильно мотнул головой, что косичка, тоже неожиданно тяжелая, оплела Жихарю шею и стала давить. Глаза богатыря полезли наружу, а Принц попросту растерялся от наглости побежденного. Жихарь хрипел. Он со зла решил отрубить хитрым мечом чужую башку заодно со зловредной косицей, но потом пожалел поверженного и попросту приласкал его свободным левым кулаком.

— ...Жаль, что вы убили его, сэра брат, — сказал Яр-Тур. — Немало полезного мог бы он поведать нам о нравах и обычаях драбаданских.

— Ничего бы он не поведал — он и сам в Драбадане чужой, — сказал богатырь. — Пришелец из Чайной Страны, по роже видно.

Пришибленный был молод, желт лицом и раскос глазами. Глаза, как ни странно, продолжали блестеть.

— Да не так уж я его и убил, хоть и перестарался. Дай-ка воды! И чего ты, дурной, на людей бросаешься?

— Хотел бы узнать ваши светлые имена, — произнес чайнец мягким и тонким голосом.

— Живой! — убедился Жихарь. — Тогда знай: поднял ты свой подлый и лиходейный меч на королевича неведомой страны, преславного Яр-Тура. А я побратим его, знатнейший воевода Жихарь из Многоборья, поразивший в смертном бою самих Гогу и Магогу.

— Давно слышал ваши имена. А теперь посчастливилось встретить вас! — заявил незнакомец. — Я же — Лю Седьмой, бедный монах, бредущий по свету под дырявым зонтиком!

С этими словами он извлек из травы и раскрыл над головой зонтик. Зонтик и вправду был дырявый.

— Это где же ты наши имена слышал, Бедный Монах? — озадачился Жихарь.

— Так полагается говорить при встрече с незнакомыми людьми, — отвечал Лю Седьмой. И добавил: — Таланты ваши выше неба и глубже моря!

— Оно так! — согласился Жихарь. — Но об этом пока мало кто знает.
— В пути нам чаще встречались призраки и чудовища, нежели люди, склонные к распространению слухов, — добавил Яр-Тур.

Жихарь развязал заплечный мешок, достал подорожные гостинцы, настряпанные руками многочисленных возлюбленных. Лю Седьмой тоже полез в котомку, где было немало чудес.

— Разве такое едят? — испугался Жихарь.

— Кушанье называется «Битва тигра с драконом», — улыбнулся Лю Седьмой.

— Боюсь, что битва эта и в животе продолжится. А нет ли лучше вина?

Лю Седьмой немедленно вытащил глиняный жбан.

— Когда великий мудрец занимается незначительным делом, он им тяготится и невольно тянется к вину, — оказал Бедный Монах.

— Да ты хороший человек, правильный! — обрадовался богатырь.

Вино было непривычное, но крепкое. Оно быстро исторгло из обратимов их нехитрые сиротские истории, которые Лю Седьмой выслушал со вниманием и почтением.

— Воистину схожи судьбы великих людей! — объявил он. — Некогда в провинции Шао-дябань жила супружеская пара, неустанно возделывавшая рисовые поля и молившая небо о ниспослании наследника в течение пятидесяти лет. Небо вняло их просьбам, и вот однажды на исходе правления под девизом «Целомудрие и животноводство» почтенный земледелец вышел на рассвете из своей скромной хижины, чтобы в очередной раз сжечь свиток с прошением Госпоже Великой Бабушке. На самом пороге своего жилища он увидел повитого желтым императорским шелком ребенка. У младенца не было ни головы, ни рук, ни ног, ни глаз, ни ушей, ни прочих отверстий, что, несомненно, указывало на его божественное происхождение...

— Эй, погоди! Как же дед догадался, что это младенец, а не беглый Колобок?

— Так ведь молили-то о младенце!

— А ты здесь при чем?

— Я и был тем самым божественным ребенком.

Жихарь и Яр-Тур с недоверием осмотрели сотрапезника: вроде все на месте...

— Причитания моих приемных родителей настолько растрогали Небо, что оттуда спустился Гао Железное Око с теслом и буравом в руках. Он придал моей бесформенной сущности надлежащие очертания, и тогда почтенные старики увидели, что тело мое поросло рыжей шерстью, а зрачки квадратные...

Жихарь обхватил голову Лю Седьмого руками, а Яр-Тур пальцами расширил узкие глазки.

— Все верно — зеница словно игральная кость! — вздохнул Жихарь и отпустил голову рассказчика.

— Прошло три года, — продолжал Бедный Монах, — и я изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Видя такую выдающуюся ученость, жители деревни собрали денег и отправили меня в столицу сдавать экзамен на звание чиновника. Уже тогда знал я наизусть восемьдесят три особенности и сто сорок четыре исключения, безошибочно излагал «Книгу о ненаписанном», сложил стихотворение «Пробираясь сквозь заросли конопли, забиваю косяк в ожидании друга»...

— Вы владеете искусством стихосложения?! — воскликнул пораженный Принц.

— С помощью скромных способностей достиг небесного совершенства, — поклонился Лю. — Среди титулов, которые стяжал недостойный, есть и звание Полководца Литературных Достижений.

— Тогда сказывай! — велел Жихарь.

Лю Седьмой вскинул особым образом руки и возгласил:

Под горою Мышань
Расцвела конопля молодая.
Дикий гусь пролетел,
Устремляясь печально на Юг.
У заставы Хунань
Я в беседке сажу, ожидая,
Не приедет ли с Запада Верный, испытанный друг.
Мы бы выпили чашу
Вина чужедальнего Юга
И забили косяк
Из пыльцы молодой конопли.
Но дорога пуста.
Ни врага там не видно, ни друга.
Только гусь одинокий
И стонет, и плачет вдали!

Некоторое время восхищенные побратимы молчали, сопереживая гусю. Лю Седьмой осторожно спросил, поняли его друзья или нет.

— Конечно, добрый сэръ Лю! Язык поэзии понятен во всем мире!

— Славная какая Чайная Страна! — похвалил незнакомую землю Жихарь. — У вас в одночасье и конопля цветет, и гуси на зиму улетают —

здорово живете! Только я одно не понял: какой такой косяк ты мечтал забить и куда?

— В глубокой древности, — распевно сказал Бедный Монах, — ни один мудрец или поэт не мог миновать конопляного поля, чтобы не забить косяк-другой. Ныне обычай этот утрачен, ибо забыта самая его сущность. Некоторые пробовали, правда, прибавать мешочки с конопляной пылью к дверным косякам, но из этого ничего не вышло.

— Может быть, имелся в виду косяк гусей? — спросил Яр-Тур.

— Нет, — вздохнул чайнец. — Стихи слагают лишь про одинокого гуся.

— Да пусть себе летит, — отмахнулся Жихарь. — Ты рассказывай, что дальше-то было.

— В учении я преуспел и вскорости обогнал великовозрастных юношей. Особенно сдружился я со студентом У Дэ, приехавшим меня вот к этому рисовому вину. В пятилетнем возрасте я уже мог перепить прославленных полководцев. А старший товарищ мой не уберется. Когда он лежал возле винной лавки, забывшись мечтательным сном, двое студентов из числа неуспевающих учинили над ним жестокую насмешку: на лбу нарисовали древесного краба, совокупающего с уездным начальником из Циндао, а за каждое ухо воткнули пучок перьев... Когда злосчастный У Дэ проснулся, отчаянию его не было предела. Не в силах перенести позора и желая наказать обидчиков, он повесился невдалеке от их жилища...

— Вот так наказал, — усмехнулся Жихарь. — Я бы таких друзей сам напоил до полусмерти да утащил отсыпаться на погост — то-то было бы им страху среди ночи...

— Студент У Дэ поступил согласно велениям Неба, — развел руками Лю Седьмой. — Тогда я по малолетству этого не понимал, вот и пришел в такой сильный гнев, что позеленел и на три дня потерял сознание.

— Но вы, надеюсь, разочлись с обидчиками? — забеспокоился Принц.

— Не хотелось мне убивать живых людей, но пришлось! — воскликнул Бедный Монах. — Духом я тогда был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил лишь при попутном ветре...

— Маленький да еще пьяный, — улыбнулся богатырь.

— И тогда я пошел к Совершенному мудрому Шэну и начал рьяно, будто в поисках потерянного сына, бить во все неподвижные и переносные барабаны. Учитель Шэн вышел и спросил о моей беде, а потом предложил три меча на выбор. Первый звался Закаленный При Свете Дня, был он совершенно невидим, и тело не ощущало его удара. Имя второго звучало как Закаленный В Сумерки — его и увидеть можно

было только в сумерках, и для врага он также был безвреден. Третий меч носил имя Закаленный Во Тьме. При свете дня видна его тень, блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, и к лезвию кровь не пристаёт.

— Толку от такого меча!

— Слушай дальше. Взяв меч, я отправился к старшему из обидчиков, которого звали Вэй Черное Яйцо. Он валялся под окном пьяный. Я трижды разрубил его от шеи до поясницы, но Черное Яйцо не проснулся, и я поспешил уйти. Но у ворот встретил его дружка, Гүна, Мешающего Бежать, и трижды рассек его, будто воздух. Гүн засмеялся: «Чего это ты машешься, маленький Лю?» Я, тяжело вздыхая, пошел к себе.

Проснувшись, Черное Яйцо стал пенять своему приятелю, что оставил его, пьяного, без одеяла: заболело горло, заломило поясницу. То же самое почувствовал и Гүн, Мешающий Бежать. Он догадался, что маленький Лю сокрушил их обоих, но было поздно. К вечеру злодеи скончались в страшных мучениях.

— Для незащитного ребенка такое оружие в самый раз, — сказал Яр-Тур. — Но пристало ли использовать его мужчине и воину?

Они с Бедным Монахом затеяли спор — что воину пристало, а что наоборот, и Жихарь успел задремать.

— Жаль, сэр брат, что прослушали вы рассказ доброго сэра Лю о его вере, именуемой Дзынь! О, какой удивительной дорогой пошли любомудры Чайной Страны! Они усматривают во всем лишь два начала: Сунь и Вынь, первое из которых обозначает совершенную наполненность, а второе — совершенную же пустоту... Непостижимо!

— Чего уж тут не понять, — сказал Жихарь. — Дело молодое. А вот что ты, приятель, в Драбадане забыл?

Бедный Монах поклонился.

— В познании я, Лю, подобен червяку в жбане с уксусом, — сказал он так, что у Жихаря от оскомы свело скулы. — Прослышав о мудрецах и волшебниках этой страны, я пришел поучиться у них и посостязаться на путях Дзынь. Мечтаю получить из их уважаемых рук очередное звание и диплом. На этой поляне сижу, ожидая прихода тех, кому послал вызов.

Жихарь срочно засобирался.

— Мы, понимаешь, идем сторонкой, чтобы обойти колдунов, а ты сам к ним в лапы лезешь! Пойдем, королевич, а тебе за вино спасибо...

— В самом деле, сэр Лю, — согласился Принц. — Мы всего лишь воины, владеющие жалкими начатками магии. Мы не то чтобы боимся здешних чародеев — они нам просто не нужны, зато могут стать досадной помехой...

— Взялся за ум, — похвалил Жихарь побратима на свою голову — Принц услышал в его словах насмешку.

— Нет! — переменялся Яр-Тур. — Мы не вправе оставлять сэра Лю в одиночестве перед лицом явной опасности!

Бедный Монах еще раз поклонился:

— Ничтожный и впрямь рассчитывал на вашу помощь...

Жихарь вопросительно поглядел на Будимира. Петух подошел к Лю Седьмому и приласкал того крылом.

— Ослепительный феникс нередко таится в убогом курятнике, — и Лю в третий раз поклонился. Потом подошел к побратимам и приобнял их.

Жихарь почувствовал, что летит куда-то вниз, а Бедный Монах, напротив, устремляется к небу. Богатырь хотел рвануться отсюда подальше, но не в силах был дрогнуть даже мизинцем. Увядшие травы встали в его рост, их стебли превратились в могучие гладкие стволы. Прямо перед собой он увидел Яр-Тура, но уже переодет был побратим в красивый синий халат и качал головой туда-сюда. Жихарь тоже попробовал, и у него получилось. Жаль только, рот не раскрывался, чтобы высказать Бедному Монаху всю как есть про него правду.

А Лю Седьмой поднял с земли двух фарфоровых болванчиков и перенес на открытое и возвышенное место.

— Отсюда уважаемым будет лучше видно, — пояснил он.

ГЛАВА 3

*А человек пусть не ходит
Мерзким путем колдовства,
Пусть он плюет на него!
Все пусть плюют на него,
На колдуна да плюют,
На колдовство да плюют!*

Лувийский ритуал

Драбаданских колдунов была сотня без одного: сотого, чтобы не портил магическое число, на скорую руку превратили в корявый пенек, и Жихарь даже пожалел бедолагу, ведь у Жихаря-болванца хотя бы уши и глаза были нарисованы, а у пенька откуда глаза?

Простора для дум в фарфоровой головенке было куда меньше, чем в человеческой костяной, и ходили думы там тяжело, впритирочку, цеплялись друг за дружку и надолго застывали на одном месте.

«Если я мыслю, — туго соображал богатырь, — следовательно, я...» А что «я» — додуматься не выходило, поэтому он решил просто смотреть и слушать, поскольку делать больше было нечего.

На вид страшные колдуны — люди как люди, разве что мелькнет часом шестипалая лапка с перепонками или подмигнет с покатоного лобика третий глаз, или пробегут в миг волнения по толстой морде ярко-красные мурашки. Одеты тоже неброско, в халаты из человеческой

кожи, в накидки из косточек пальцев, а вместо шапочки норовят натянуть чужой череп, да чтобы глазницы светились. А так люди как люди.

Колдуны расселись по краям поляны. На Лю Седьмого они до поры вовсе как бы не смотрели — садились по чинам ли, по старшинству ли. Иногда ругались, оживляя собрание снопами разноцветных искр.

К удивлению Жихаря, оказалось, что в Драбадане вовсе не водится царя, короля или хотя бы князя. Каждый год самые сильные колдуны собирались на Совет Нечестивых, чтобы избрать Всем Злым Деламам Начальника и повиноваться ему во всем до следующих выборов.

Нынешний начальник носил гордое имя Храпоидол и был нестарым еще мужиком высокого роста с весьма запущенной бородой. В бороде водились всякие змеи и сколопендры, да хозяину до этого дела не было.

Первым делом воззвал он к своим богам:

— О владыки Беспредела и Ералаша — Мироед, Супостат, Тестостерон! О вы, унесенные ветром, отягощенные злом, утомленные солнцем, поднявшиеся из ада, потерпевшие кораблекрушение, нагие и мертвые, павшие и живые, без вести пропавшие, без вины виноватые, опоздавшие к лету, нашедшие подкову, неподдающиеся, непобежденные! Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы! Звери алчные, пиявицы ненасытные! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Он долго так разорялся, пока не перечислил всех, кого полагалось.

Потом драбаданские колдуны стали по одному выходить и докладывать, кто как за год успел напакостить по всему миру и во всех временах.

Один поведал, как занимался лютым вредительством: поджигал стога и амбары, подкапывал железные дороги, заражал скотину дурными болезнями, сыпал в масло на маслобойках толченое стекло и гвозди, продавался иноземным державам, устраивал смуты и заговоры, но главное дело — за все это осудили на смерть совсем других людей.

Другой подсказал ученым людям разводить мелких мушек, и ученых за это тоже крепко наказали, да еще и обозвали мухолобами-человеконенавистниками.

Третий решил уморить жителей страны Неспании, для чего наложил на их поля особое заклятие; заклятие подействовало на славу; целых семь лет мак не родил, а голода, к вящему удивлению колдуна, все равно не было. Но он потом еще что-нибудь придумает.

Четвертый изыскал способ гасить звезды на небе — правда, пока лишь в уме. Для этого следовало вывести Число Волка, но по слепосерости своей колдуну не удалось углядеть и сосчитать пятна даже на одной-то звезде. Зато теперь открыта дорога молодым и глазастым...

Скоро фарфоровая головка Жихаря вся забилась чужими словами. Больше не лезло, и нужно было поскорее все забыть, чтобы дать простор собственному разумению.

Покуда прояснялось богатырское понятие, дошел черед и до Лю Седьмого с его нижайшей просьбой. Бедный Монах, кажется, сообразил, что попал в нехорошее место и в дурное общество, но лица терять не хотел, хорохорился и ерепенился.

Из широкого рукава его халата вылетел не очень большой, но нарядный желтый дракон со сверкающей гривой и усами. Дракон выписывал над головами собравшихся разнообразные мудрые фигуры. Тогда драбаданские колдуны со злости напустили на дракона множество мелких и безобразных летучих мышей, а те, понеся значительные потери, растащили золотого красавца на куски.

Лю Седьмой не растерялся, сотворил под собой белое облако и поднялся над поляной, разбрасывая вокруг себя потешные огни. Закружились в небе голубые и разноцветные колеса, заплясали северные сполохи.

В ответ колдуны Драбадана вооружились какими-то продолговатыми сосудами, стали рассеивать из них морозную пыль и быстро погасили весь этот праздничек, а против Бедного Монаха выставили своего поединщика. Поединщик был почти голый, намазанный маслом и с одним глазом посреди лба.

«Расколдуй меня, дурила! — кричал неслышно Жихарь. — Я этого обормота на раз пришибу!»

Но Лю Седьмой и сам управился: первым делом, подпрыгнув, он с пронзительным криком носком башмака вышиб поединщику глаз, а потом уж делал с ним что хотел. Поверженный силач укрылся под юбкой ближайшей ведьмы.

Посрамленные чародеи посоветались, соорудили наспех в воздухе две громадные чьи-то ладони, и лапищи эти стали гоняться за Бедным Монахом по всей поляне, норовя прихлопнуть его, как моль. Лю Седьмой долго и успешно уворачивался, но потом ему это все надоело, он вытащил из бездонных своих рукавов кисть и в два приема намалевал на одной ладони поперечную черту, а на другой — крестик. Когда лапищи в очередной раз схлопнулись, между ними сверкнула молния, и все колдовское устройство сгнуло, а в воздухе повис черный бублик.

Храпоидол воздел руки кверху, предлагая передохнуть.

— Мы убедились в твоих возможностях, мастер с Востока, — сказал он нарочито вежливо. — Осталось еще одно испытание — сможешь ли ты неживое учинить живым?

— Ничтожный упражнялся в этом искусстве в течение трех царствований у отшельников с горы Куньлунь, — и снова по своему обычаю Лю Седьмой поклонился — видно, не боялся, что спина переломится.

«Хоть ты и Седьмой, а дурак! — вдруг подумал фарфоровый Жихарь и отметил, что слова эти пришли откуда-то со стороны. — Разве же можно этим поганцам верить? Бить надо, пока не опомнились!»

Но тут Лю Седьмой указал на него и на Яр-Тура.

— Перед вами изображения двух воителей древности — богатырей Вэнь Шу и Ночжа, — сказал он. — А вот и третий их товарищ, известный Луаньяо, в образе петуха. Сейчас я прикоснусь к ним чудесным мечом и...

Увеличиваться в размерах оказалось делом болезненным, и Жихарь чуть не заорал, покуда все печенки-селезенки не стали на место.

А Яр-Тур не выдержал, рявкнул:

— Что за дурацкие шутки, сэр Лю?!

Голова Принца при этом продолжала качаться с боку на бок.

— С виду похожи на живых, — сказал Храпоидол. — Но нужно убедиться, вправду ли они живые.

— Не шевелитесь, — тайком шепнул побратимам Бедный Монах. — И не сердите чародеев попусту.

И стали подходить драбаданские колдуны, трогать и щупать Жихаря и Яр-Тура, а один столь оказался любопытен, что насмелился пересчитать у Жихаря зубы во рту, но в итоге пришлось ему пересчитывать собственные пальцы, отмечая их убыток.

Не повезло и тем, кто попробовал погладить Будимира, — на этом деле они крепко обожглись.

— Мы вполне убедились, — поспешно сказал Храпоидол. — И мы безмерно благодарны тебе, мастер с Востока, что ты осчастливил нашу землю своим посещением да еще привел с собой двух молодых воинов и священную птицу. Кровь мудреца, героя и петуха — этого вполне достаточно, чтобы вызвать из бездны Беспредела даже самого Мироеда...

— Это он к чему? — насторожился Жихарь и вспомнил, что у Яр-Тура в ножнах сломанный меч.

— Пусть извинят меня высокочтимые мудрецы Драбадана, — зазвенел доселе мягкий голос Бедного Монаха, — но не в обычаях стремящихся к знанию такие поступки. Недаром сказал Совершенномудрый Лохань: «Оправляться перед изображениями богов — значит нарушать волю Неба...»

— Не ждал я такого вероломства от драбаданских друидов! — воскликнул Принц. — Состязание было честным, и сэр Лю как чародей на голову выше любого из вашего вшивого сброда!

— Все по уму, — поддержал Жихарь. — Заработал косоглазенький свое звание, давайте ему положенную отлику...

— Вас-то кто спрашивает, мешки с костями? — удивился Храпоидол. — Да, мастер с Востока умудрен, но со всеми разом ему не спра-

виться. Мы, чародеи Драбадана, давно поняли, что вся сила — в купности и массовидности, этому нас еще сам старший Калиф-Тиф учил, а уж он знал в общем деле толк...

Жихарь перебирал в уме собранные на Разнозельной Делянке травы — ни одна сейчас помочь не могла, и рука сама потянулась не к мечу, но к золотой ложке.

— А вот это — отдай! — поспешно потребовал главарь. — Это тебе ни к чему, все равно ты с ней обращаться не умеешь...

— А тебе почем знать? — ощерился Жихарь. — Я самый первый не-клюд на все Многоборье был!

— С тобой у нас даже последний ведьмачишка управится. Ну-ка, Ешкин Кот, покажи ему!

Из кольца колдунов наружу выпихнулся ведьмачишка — должно быть, и вправду последний, потому что хуже и гаже его тут не было, даже при таком выборе.

Жихарь поднял золотую ваджру над головой, но, что надлежит говорить и делать, конечно, не знал. Тут и Медленное Слово не поможет — живо это слово растерзают на мелкие звуки здешние лиходеи.

Между тем ведьмачишка приближался, наставив на Жихаря корявый невымытый палец с четырьмя суставами. Ведьмачишка долго шипел, готовился, наконец изронил тонким голосом:

— Юэсньюсэндурлдрипорт!

— Да подавись ты словом этим! — гаркнул Жихарь и ложкой показал на оскорбителя.

Ведьмачишка охнул, схватился за крупный кадык, захрипел; и не долго хрипел, умертвился.

Драбаданские колдуны охнули.

«Вот оно как! — обрадовался Жихарь. — Теперь терпите!»

Он ложкой ткнул в сторону первого приглянувшегося колдуна:

— У того лопнет глаз, кто не любит нас!

Глаз взял и лопнул.

Колдуны разом забыли про свою хваленую купность, стали каждый себя ограждать тайными словами и знаками, а богатырь залютовал:

— Раздуй того живот, кто неправдой живет!

— Сип тебе в кадык, типун на язык, чирей во весь бок!

Еще пара колдунов завывала от боли.

— Чтоб тебя пополам да в черепья!

— Ступай пропадать; отойди да провались!

— Чтоб тебя повело да покорило!

Жихарю словно кто подсказывал, кого из толпы надо покарать покруче, а кому и послабление сделать.

— Чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!

— В поле тебе лебеды да в дом три беды!
— Чтоб твой двор заглох, и крыльцо травой поросло, и никто бы к нему дороги не торил!

— Будешь много колдовать — поломается кровать!

Еще несколько врагов покинули поляну с воплями: побежали восстанавливать разоренные Жихаревым словом хозяйства. Яр-Тур глядел на побратима с восхищением, Будимир подбоченился от гордости, а Бедный Монах кружился в мудреной пляске, которая тоже действовала на драбаданцев самым пагубным образом.

Из поредевшей толпы вырвался великан покрупнее давешнего одноглазого поединщика и полез на богатыря, но и на великана доброе слово нашлось:

— Озеро тебе в рот!

Великан мгновенно раздулся, лопнул, и потоки воды с карасями и лягушками окатили драбаданцев, все еще пытавшихся оказать противодействие, — Жихарь почувствовал во всем теле страшный зуд.

«А ну-ка я их усыплю!» — решил он и заорал совсем не колыбельным голосом:

Спи, дитя, во мраке ночи,
Дай и мне поспать!
Твой отец — простой рабочий
И батрачка мать!
Много, много пострадали
Мы за жизнь свою,
Да и ту давно отдали
В классовом бою!

Но то ли запел он неласково, то ли происхождения колдуны были другого, только спать они не повалились, стали кучковаться и шептаться, и от этого шепота у богатыря что-то вступило в поясницу, да больно!

Он рассерчал и решил покончить со всеми разом:

Ай чи-чи, ай чи-чи,
Полетели кирпичи,
Полетели, полетели —
На головку сели!

И сам едва успел увернуться от удара сверху. Принца же и Будимира защитил от кирпичного града Бедный Монах своим дырявым зонтиком.

Головы у многих колдунов оказались на диво прочными, но заклинать они уж более не пытались.

И тут как будто невидимая лапа сжала богатырское сердце — про главного-то колдуна он забыл! Только и хватило сил повернуться к нему.

Старик, старик, старик,
Борода твоя горит!

Храпоидол стал шлепать руками по пылающей бороде, а сердце у Жихаря отпустило.

— Ладно, — сказал Жихарь. — Берег я эти слова для лютейшего врага, да, видно, такая твоя доля: чтоб тебе ежа против шерсти родить!

Долго, долго катался Всем Злым Деламам Начальник по сухой траве — орал, верещал, винился, каялся, но ведь у ежа никакая не шерсть, а колючки!

Лю Седьмой визгливо хохотал, а сердобольный Яр-Тур хотел было добить несчастного кинжалом, но тут из-под хламиды Храпоидола выкатился здоровенный ежик и сразу же деловито и шумно потопал в лес: на носу зима, а ничего еще не заготовлено!

— Воистину, вы князь чародеев! — не упустил случая поклониться Лю Седьмой.

Жихарь покраснел.

— Да ну, куда мне. Это же просто поговорки ругательные, только ложка им силу дала...

— Не ложка, высокочтимый, а чудесный жезл Жуй!

Такое название Жихарю не понравилось: ваджра лучше, хоть и неведомо, что это слово означает.

Тем временем оправившийся роженик вытащил прямо из земли кривую трубку вроде дверной скобы и стал в нее жаловаться и взывать:

— Айн, цвай — полицай, драй, фир — гренадир...

Слова были незнакомые, но все равно Жихарь понял, что вызывает главный колдун на подмогу стражников и военную дружину.

И не замедлила явиться дружина.

От заклинаний и прочего устал Жихарь как собака, и вовсе не хотелось связываться ему с доброй сотней варягов, словно только что покинувших боевую ладью. Он хотел было снова за ложку взяться, но Яр-Тур остановил его:

— Сэр брат, бесчестно прибегать к магии в схватке с такими же воинами, как мы сами!

— Вот блаженный, — вздохнул Жихарь, но ложку спрятал.

Варяги были как на подбор — толстомордые, отдохнувшие. Неплохо им жилось на драбаданских харчах.

Колдуны быстренько попрятались за широкие спины защитников, в том числе и главный — Храпоидол.

Вышел вперед предводитель дружины — дородный мужик с усами до пояса, красноносый и веселый.

— Не по нраву мне такая битва, — сказал он. — Никогда еще люди ярла Брюки Золотой Лампас не выходили против троих, но только состоим мы на службе у конунга Драбадана и ходим в его воле. Сдавайтесь добром.

— Никогда! — вскричал Яр-Тур и выхватил обломок меча.

— Сейчас я построю уважаемых в боевой порядок, именуемый «Восемь ворот на золотом замке», — предложил Бедный Монах, — и никакой враг не сможет прорвать наш строй.

Жихарь на всякий случай пересчитал своих. Все равно выходило трое, с Будимиром и камнеедом — пятеро.

— Шире рыла не плюнешь, — сказал Жихарь. — Но ведь они нас колдунам отдадут, так что легче помереть. Послушай, ярл, а не знавал ли ты Нурдаля Кожаного Мешка?

— Мой наставник в мечном бою, — отозвался ярл Брюки.

— И мой! — обрадовался Жихарь. — Давай-ка поглядим, кто у него лучше научился?

— Такие, как ты, малый, у нас не имеют еще голоса на тинге, — проворчал варяг. — Но только, когда ты проиграешь, вы все честью сдадитесь — идет?

Храпоидол выскочил и заверещал, что, мол, нечего разводить всякие поединки, а забивать надо пленников в колодки и доставлять куда следует...

Принц и Лю Седьмой тоже потребовали себе противников, но решили варяги для начала лишний раз убедиться в доблести своего предводителя.

— Вы этого старого козла не больно слушайте, — сказал Жихарь, доставая меч. — Он тут у нас недавно ежа родил...

— Вот как? — изумился ярл Брюки.

— Против шерсти, — уточнил богатырь.

— Ложь и клевета — поруха чести воина, — нахмурился ярл.

Тут прокричал Будимир, и на поляну из леса выкатился запыхавшийся ежик. На колючки он успел уже насадить множество высохших грибов.

Варяги внимательнейшим образом осмотрели ежика, передавая его из рук в руки, и постановили признать Жихареву правду, а колдуна-родителя стали вслух презирать за недостойный для мужчины проступок.

Все это, однако, не исключало поединка.

Поначалу полагалось обменяться боевыми кличками.

Жихарь привычно провозгласил:

— Эх, всех убью, один останусь!

Да так грозно, что вся дружина поежилась. Ярл же Брюки Золотой Лампас выкрикнул нечто несуразное:

— За Одина, за Фафнира! Умри, но сдохни!

Стали рубиться. Школа Кожаного Мешка дала о себе знать: всякий удар отражался успешно, и получалось вроде той бесконечной игры в шашки, что вели на холме мудрецы Пилорама и Вшивананда.

Применять же прием старого Беломора богатырю отчего-то не хотелось, ведь в этом походе поражал он только всякую нечисть и нежить, а правильного человека ни одного не убил до смерти, лишь грозился.

Тут пожилой ярл стал задыхаться.

— Понимаешь, — хрипел он в промежутках между ударами, — если мы нарушим уговор, то тут же все обратится в диких гусей...

— Небось, не обратится, — уверял его Жихарь. — Да и плохо ли вольной птицей летать? Косоглазенький про вас красивую песню сочинит...

Решили сделать передышку.

Ярл Брюки извлек из-за пазухи сушеный мухомор и стал его с жадностью грызть, чтобы набраться боевого безумия. Мухомор, видно, был старый, настоящего безумия не получилось, но дух у предводителя варягов поднялся.

— Где мой сладкоголосый скальд Хрюндиг Две Колонки?

Из варяжского строя вышел долговязый нескладеха со струнным инструментом.

— Не успеет скальд сложить и сказать краткую вису, как я поражу тебя в самое сердце!

Скальд, видя усталость вождя, поторопился мыслями и запел:

Варум ди медхен
Либен ди зольдатен?
Дарум зи хабен
Бомбен унд гранатен!

Виса была очень древняя, но не очень длинная, и за это время Жихарь нашел выход своим сомнениям: трижды поразил ярла Брюки Беломоровым приемом, но не до смерти, а просто так, отметился три раза на груди удивленного противника, в последний миг отнимая меч.

Ярл Брюки взбесился без всякого мухомора:

— Не позорь мою седину, щенок, бей как следует!

И тут чей-то зычный и знакомый голос провозгласил:

— Кончай хвастаться! Бросай оружие! Вы окружены!

ГЛАВА 4

Бедная мама, боюсь, она помешалась, ведь она родила так много детей!

Брайан Олдисс

Раздавать имена — тяжелое дело.

Каково же было первому человеку на свете, ведь все-все полагалось отметить ему соответствующим словом. Должно быть, не один год потратил.

Даже одному-единственному ребенку дать имя — и то намучишься, станешь призывать на помощь родню, друзей и просто знающих людей.

А если детей, к тому же сыновей, много побольше сотни, хотя и меньше двухсот? А под рукой ни опытного старца, ни толковой старушки?

Правда, предложил свои услуги Лю Седьмой, но имена у него были из Чайной Земли: Мяо да Ляо, Тянь да Шань.

— Не котяткам клички подбираем, а родным сыновьям, — отказался от такой помощи Жихарь.

Да, родимые сыновья прервали схватку богатыря с ярлом Брюки Золотой Лампас. Варяги сначала собирались броситься в бой — безнадешный, поскольку войско пришельцев было конным. Варяги опасались нарушить клятву, данную драбаданским колдунам.

Вот тут-то и пригодился Лю Седьмой.

— Насколько я понял, здешние мудрые законы предписывают в урочный час переизбирать председателя собрания, чей срок полномочий закончился. Но переизбранию помешало коварство и злонравие. И теперь в Драбадане началось правление под девизом «Непорядок и безначалие», когда никакие правила и клятвы не имеют силы.

— Я тебя все равно уничтожу! — кричал посрамленный Храпоидол.

— Да ты все еще живенький! — обрадовался Жихарь. — Смотри у меня, приятель: нехорошо ежику быть одному, ему невесту родить надо...

Храпоидол в испуге заткнулся.

Ярл Брюки не успокоился:

— Губить своих людей понапрасну я не стану и колдунов, как всякий воин, терпеть не могу. Но тогда кто же нам выплатит жалованье?

— Не печалуйся, — сказал Жихарь. — Первое дело — потрясите чернокнижников как следует, второе — ступайте к ним в город и возьмите, что приглянется.

Варяги ни на миг не усомнились в праве Жихаря судить и рядить, схватили неразбежавшихся драбаданских чародеев, перевернули, начали трясти и вытрясли немало хорошего. Но дружина ярла Брюки от этого лишь распалилась и с радостными криками помчалась за новой добычей. Впереди всех летел длинноногий скальд Хрюндиг Две Колонки.

Войско, пришедшее на помощь побратимам, расступилось и пропустило несостоявшихся противников.

Войско это делилось на две части: половина витязей походила на Жихаря, а половина — на Яр-Тура.

Ни богатырь, ни Принц, ни умудренный знаниями Лю так толком и не поняли, что же случилось в бабьей земле Окаянии после того, как любвеобильные побратимы ее покинули.

Лю предположил, что, покуда Жихарь и Яр-Тур беседовали с игроками на холмах Дурной Бесконечности, в Окаянии прошли годы и годы, дети успели подрасти, и счастливы его уважаемые друзья, запасшиеся на старость таким обилием почтительных и покорных сыновей.

Яр-Тур ничего не думал, он шевелил губами, ведя счет своим поткам, и загибал пальцы на руках.

Жихарь полагал, что все-таки собрались на холмах их двойники, обзавелись лошадьми и поехали вдогон, только вот не во всем подобны они ему и Яр-Туру: так, сходство между отцом и сыном, не более.

Сами же сыновья, в особенности Жихаревичи, дерзко и совсем не почтительно утверждали, что родились благодаря Святогоровой силе сразу же после росстаней, росли не по дням, а по минутам, быстро

овладели речью и воинским ремеслом, но вот беда — имя сыну должен давать отец, а Жихарь и Принц нахально бросили своих отпрысков на посмеяние окаянским колчеруким мужичкам.

— Батюшки-светы, они ведь байстрюками нас дразнили да бастардами, — плакался очередной рыжий детина. — Сколько ж можно терпеть? Батюшко, слышишь ли ты?

— Слышу, сынку, — отвечал Жихарь. — Не глухой. Смотри-ка, детство ваше, как ты говоришь, и дня не длилось, а уж успели настрадаться! Потерпите, не маленькие, вон Яр-Тур сколько лет без имени проходил, и ничего, не треснул!

Жихарь держался твердо, но внутри был растерян, как и любой человек, внезапно узнавший, что у него такая пропасть сыновей, причем ровесников.

Яр-Тур, напротив, был весьма доволен:

— Сэр Джихар, да вот же оно — мое королевство! Сыновья, унаследовав мои доблести, несомненно, отыщут родную вотчину, а уж тогда пошлют за мной. Кстати, моих, не в обиду вам будь сказано, человек на семь побольше.

Жихарь не растерялся:

— Так у тебя, наверное, близнецов несколько пар, а то и тройняшек. У них обычно ум и сила на двоих, на троих...

А сыновья не унимались:

— Батюшки-светы, поименуйте нас!

Но сперва такую ораву следовало накормить. Выпотрошенные варягами колдуны разбежались, да и прибегать к их услугам не стоило: еще угостят лягушками да червями.

Жихарь отрядил своих потомков в город за припасами. Но все вкусное уже сожрали или утащили варяги, и посланцы вернулись, привезя только несколько телег, нагруженных мешками с овсом.

При виде овса Яртуровичи оживились, стали чистить зерно и запаривать его в котелках. Жихарь поморщился.

— Овсянка, сэр Джихар, — сказал Принц, — есть величайшее благо для человечества. Будучи съедена поутру, она придает юношескому характеру необходимую твердость, благоразумие и понятие о чести. Народ, питающийся овсянкой, сможет в конце концов основать империю, в которой никогда не заходит солнце.

— Что ты говоришь! — удивился Жихарь. — А ржать они у тебя вместо того не начнут?

Сам он вздохнул, велел сыновьям срубить и ошкурить могучую сосну. Потом направил на ствол золотую ложку и сказал:

Ты, бывало, украшала
Корабельные леса,
Но мою волей стала
Не сосна, а колбаса!

Сделалось по его слову, и Жихарь соизволил первым произвести пробу. Колбаса сохранила годовые кольца и здорово отдавала смолой, да и жевалась с трудом.

— Мясники да копильщики — известные воры, — утешил Жихарь свое потомство. — Все равно они в колбасу что попало пихают — может, те же опилки. Кушайте, детки, не стесняйтесь. Именоваться завтра будем!

Назначили на ночь дозоры и устроились спать. Богатырь спросил у кого-то из своих:

— Коней где взяли?

— Царь наш научил, великий Мара...

— Поймали все-таки цыгана! — ахнул Жихарь. — Ну и как он там царствует?

— Как, как! То ли сам не знаешь? Сидит на троне в кандалах, чтобы не убежал на волю. Научил баб гадать и воровать у соседок курей. У него и дети завелись, но они еще в пеленках...

— А вы, стало быть, взрослые? Ничего, я завтра с вами разберусь...

Жихарю хотелось перед сном разобраться и с Бедным Монахом — зачем он перекинул их с Принцем в фарфоровых болванов, — но лень превозмогла богатыря и повалила набок рядом с теплым Будимиром. У петуха кто-то из Жихаревичей попробовал украсть перо и поплатился.

Бедный Монах запросто мог удрать от возможной расправы, да почему-то остался.

На холодной заре Жихарь поднялся и нашел дозорных спящими. Он стал учить ослушников бдительности, и от их воплей поднялось все войско. Кое-кто попробовал вступить за наказанных братьев с криком «Кучей и отца легче бить!», и случиться бы хорошей драке с неведомым исходом, но дело поправил Лю Седьмой. Сперва он для порядка пустил в небо дымного дракона, а в наступившей тишине сказал, что непочтение к родителям считается самым тяжким преступлением в Поднебесной, за какое полагается четырнадцать разрядов казней. Казни были такие свирепые, что все заслушались и забоялись.

— Семена бамбука со мной, — сказал Бедный Монах, — и, если уважаемые отцы пожелают, можно подвесить пару наглецов, чтобы посеянные под ними стебли бамбука проросли сквозь преступные тела...

Жихарь поглядел на иней, забеливший траву, усомнился и решил на первый случай простить обормотов.

После скудного завтрака началась раздача имен. Жихаревичей и Яртуровичей развели, построили и пересчитали, причем богатырь опять перепутал пятьдесят и шестьдесят.

Принц повелел каждому из сыновей своих подходить по одному, становиться на одно колено, а сам он мечом, одолженным для такого случая у Жихаря, ударял отпрыска по плечу.

— Вы будете зваться сэр Адальберт...

— Вы будете зваться сэр Алфред...

— Вы будете зваться сэр Алджернон...

— Сэр Аллан...

— Сэр Арчибалд, и втяните живот...

— Сэр Обри, и выпрямите спину...

— Сэр Банкрофт...

— Сэр Бертрам...

— Сэр Бернар... Что вы говорите? На собаку похоже? Никогда не слышал о такой собаке...

— Сэр Каньют...

— Сэр Кларенс...

— Сэр Фергус...

— Сэр Форд...

— Сэр Грегори...

— Сэр Гавейн...

— Сэр Гилберт...

— Сэр Гордон...

Жихарь со своими не церемонился: вместо легкого удара мечом всякий представитель рыжего воинства получал прозвище вместе с хорошим подзатыльником.

— Ты спал на карауле? Беспута тебе имя...

— О, глаза умные — будешь Путятя...

— Ага, а ты, щетинистый, — Бородуля...

— Ты первый утром вскочил — Будило...

— Ты — Вешняк, даром что сейчас осень...

— Ты — Ворошило, будешь полки водить...

— Ты — Кокошило...

— Ты — Глазыня, помню матушку твою, привет ей передавай...

— Ты будешь Гарус...

— Ты — Деревяга...

Яр-Тур не иссякал — память-то королевская:

— Сэр Грэхем...

- Сэр Гай...
- Сэр Гамлет, и не раздумывайте в строю...
- Сэр Хьюго...
- Сэр Хамфри...
- Сэр Айзек, где вы успели сломать нос?..
- Сэр Джойс...
- Сэр Кит...
- Сэр Кеннет...
- Сэр Ламберт...
- Сэр Ланцелот... Не нравится? Ах, говорите, что есть уже воитель с таким именем? Что ж, в таком случае — сэр Лайонелл, и будьте в битве подобны льву...
- Сэр Магнус...
- Сэр Малькольм...
- «Смотри, как чешет!» — восхитился Жихарь и продолжал:
- Сэр Догада... Тьфу ты — просто Догада!
- Тебе имя Докука — больше всех галдел...
- Тебе — Дубонос...
- Тебе — Дурло... За что? А чтобы рот разинутым не держал!
- Ты зовись Жибор, почти тезка...
- Ты — Жулист... Не бегай глазами, прямо гляди!
- Ты — Заруба...
- Ты — Звонило...
- Ты — Зеленя...
- Сэр Морган...
- Сэр Мортимер...
- Сэр Мердок...
- Сэр Невилл...
- Сэр Норман...
- Сэр Оуэн...
- Сэр Патрик...
- Сэр Перси...
- Сэр Реджинальд...
- Сэр Роджер, и не скальтесь — ничего веселого здесь нет!
- Сэр Рональд...
- Сэр Рейган...
- Сэр Соломон...
- «Эх, опередил!» — пожалел Жихарь и тотчас же вспомнил другого попутчика:
- Ты будешь Китоврас... Никакая не конская кличка!
- Ты — Корепан...

— Ты — Коротай...
— Ты — Лепило...
— Ты — Лытай, все равно от дела будешь лытатать...
— Ты — Матора, дубина то есть, — не за ум, а за силу — славно ты мне заехал...
— Ты — Милюк...
— Ты — Мотовило...
— Ты — Незван, хотя все вы тут незваны и нежданы...
— Ты — Неклюд, будешь науки превосходить...
— Ты — Немир...
— Ты — Ненарок...
— Сэр Тимоти...
— Сэр Тристан...
— Сэр Вивиан...
— Сэр Уилфрид...
— Сэр... А, вы кончились, хорошие сэры сыновья, за что вам большое спасибо!

Жихарь поторопился:

— Повирало, Погиблик, Полелюй, Рокот, Татище, Угомон, Фартило, Хватило, Чудило, Шебарша, Щеголь, Эндогур, Юшка, Ярыга! Расчет окончен!

После этого побратимы пошли отдыхать у жбана с рисовым вином, а поименованные сыновья — кичиться друг перед другом обновками.

— Мастер ты! — с уважением сказал Жихарь. — Какие имена-то все ладные, один Алджернон чего стоит! О, был бы я Алджернон, так весь свет по кирпичику бы разнес! Только вот два имени мне не понравились — Гавейн да Тристан.

— Вы очень внимательны, дорогой брат. Но чем же плох, к примеру, Тристан?

— На понос похоже.

Яр-Тур скривился.

— Заметив, что этот юноша чем-то озабочен, я его и назвал Тристан, что значит — грустный, печальный...

— Да загрустишь при такой болезни...

— А вот мне как раз показалось, что именно вы даете своим наследникам какие-то насмешливые прозвища, а не славные имена, от одиного звука которых вострепещут враги.

— Враги пускай не от имен трепещут — от молодецких ударов. Вот ты ученый, а про книгу «Ономастикон» и не слыхал. Все мои прозвища оттуда! Это же нарочно делается, чтобы злые духи младенчика не изурочили. Я ведь каждому из деток на ухо говорил тайное, настоящее

имя, а вслух — прозвище. А у вас, видно, имя дают одно, явное, и потом удивляются, отчего это дитя чахнет! Жихарь, между прочим, тоже прозвище, и не очень хорошее — ведь жихарем, бывает, кличут и запечного усатого жука...

— Ну, наши дети не такие уж и младенцы.

— Это ты верно сказал.

Еще бы не верно! Всю сыновнюю ораву надо было чем-то занять, а то они уже начали беситься от безделья, овсянки и сосновой колбасы.

Яртуровичи, например, отобрали у Бедного Монаха его дырявый зонтик и чуть не сломали, изучая его устройство. Не иначе, собрались жить в краю, где дождь хлещет без передыху.

Потом Яртуровичи же оторвали у кого-то из убиенных колдунов голову, поделились надвое и стали перебрасывать эту голову друг дружке пинками ног. В игре, как водится, начались ссоры и потасовки.

Разгневанный Яр-Тур отобрал у детей и зонтик, и голову.

— Я приказал им отныне разговаривать только о погоде, — заявил он, вернувшись. — Тогда не будет повода для размолвок.

Жихаревичи же, напротив, сидели тихонечко, кучкой, и богатырь заподозрил неладное:

— Мать честная — бражкой тянет! Уже бражку успели завести!

И побежал бороться с хмельной напастью. Борьба была долгая и трудная — воротился пошатываясь.

— Надеюсь, вы наставили их в законах, сэр Джихар? Ведь вашим тоже предстоит основать державу!

— Наставил, — вздохнул Жихарь. — Кому под левый глаз, кому под правый. Я им слово — они десять. Я говорю: пьяный не воин и не работник. Они мне: пьян да умен — два угодя в нем. Я говорю: краденое счастья не приносит. Они: от трудов праведных не наживешь палат каменных. На всякую мою поговорку у них своя отговорка. Ну да ладно, как-нибудь да урядятся. Завтра возьмем у них лошадок покрепче, мечи понадежнее...

— Как завтра, сэр Джихар? Как раз завтра я хотел им преподать наставление о правах человека и обязанностях простолюдина, а потом выработать регламент Круглого Стола — о, я не забыл ваш бесценный совет! Послезавтра с утра мы учимся играть в бридж, вечером у нас скачки на Кубок Большого Дерби в Саутгемптоне. Днем позже у нас заседание в Адмиралтействе, вечером же идем на премьеру в театр «Глобус»...

— Так ты что, жить здесь собрался? Нам, по-моему, кое-куда сходить надо, кое-что найти и кое-что сделать. Давай-ка отойдем подальше, я тебе пару слов скажу.

Побратимы отделились на сколько следовало и уселись под кустом. Жихарь поделился отнятой у детей изо рта брагой («Добрый старый эль!» — оживился Яр-Тур), но сам он от хмеля становился все трезвее и задумчивее.

Принц вслух грезил о славе своего королевства, фундамент которого был заложен на сеновалах Окаянии, замыслил освободительные походы и очень справедливые войны. Походов и войн было много, богатырь устал ждать.

— Намечтался, королевич?! — рывкнул он наконец.

— Отчего же и не дать волю воображению, не распорядиться будущим...

— А мне сдается, что это нами кто-то распоряжается! Не верю я, брат, ни в долгие годы, ни в скорые роды. Ребята, конечно, на нас похожи, не спорю, но разве мы сами таких раздолбаев вырастили бы?

— Зато мы сберегли средства, необходимые на их воспитание и обучение, — возразил Яр-Тур.

— Где же сбереженное — без гроша маемся! Нет, не нравится мне все это. Сын отцу не должен быть ровней, это против всякого порядка...

— Вот уж не думал, что вы такой приверженец Порядка!

— Запомни, братка, я не за Порядок и не за Ералаш, я сам за себя. Только ведь дальше еще хуже будет, еще сильнее все на свете перемешается. Пока мы прохлаждаемся, Змей наш Уроборос, похоже, заглотил свой хвост по самую репицу...

— Не представляю, где это у змея репица... И мы бросим тут, в чужом краю, этих бедных недоумков? Увы, сэр Джихар, мои сыновья, признаюсь, немного туповаты... Что вы хотите — безотцовщина!

— Зато мои — вострей некуда! На ходу подметки режут! Любой за стол сядет и один семерых до смерти заврет! Может, они тоже, как в предательском городе, и не люди вовсе, а... Ложка! — страшно закричал он. — Ложка где?! Где моя верная ваджра?! Куда ложку дели, сволочи?!

До Яр-Тура дошло, что дело серьезное.

Побратимы помчались к стоянке, добежали быстро, только никакой стоянки на поляне уже не было. Дымились кострища, стояли пустые телеги, на которых приволокли овес, но все Алджерноны и Незваны, Реджинальды и Зарубы сгинули.

Только топот множества копыт пропадал где-то вдали...

— Я же говорил... — завыл Жихарь. — Бежим, может, догоним еще! Куда мы без ложки-то?

— Уважаемые Жи Хан и Яо Тун ищут чудесный жезл Жуй?

Бедный Монах как сидел на одном месте, так и сидел, ласково расправляя перья на Будимире.

— Вот он. Увы, один из молодых людей по дерзости и глупости решил его присвоить.

— Надеюсь, это не мой потомок? — вскинулся Яр-Тур.

— Признаться, я не заметил, — опустил глаза Лю Седьмой. — Да и какая разница? Главное — жезл Жуй вырван из неумелых рук и возвращается к законному владельцу.

Жихарь расцеловал ваджру, а потом и ее спасителя.

— А куда же наши деточки делись? Чего это они вдруг надумали удрать?

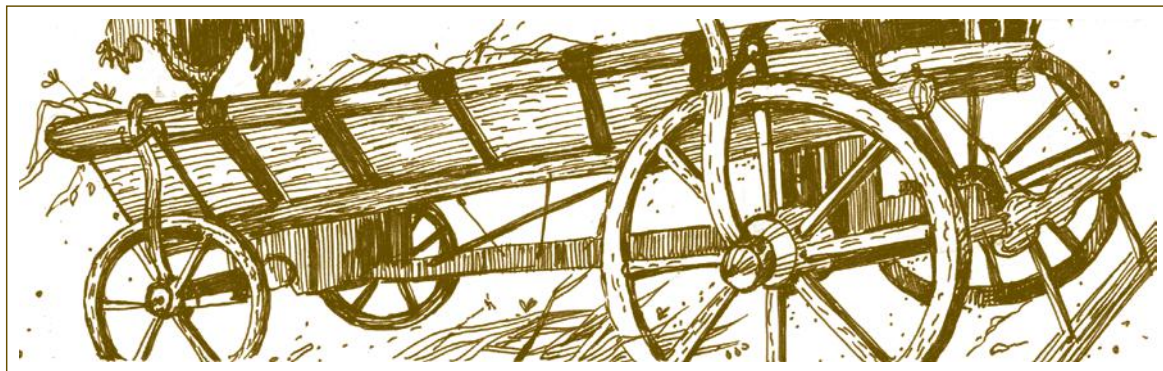
— Позвольте доложить все по порядку. Когда я попытался урезонить расшалившихся после вашего ухода юнцов, они выказали крайнее презрение, стали меня дразнить и оскорблять. Одни кричали мне: «Чин-чин-чайнамен!» и требовали, чтобы я постирал им одежду. Другие почему-то спрашивали меня: «Ходя, соли надо?», хотя ни в какой соли я не нуждаюсь. Видя столь явное отклонение молодых людей от пути Дзынь, я решил проверить, подлинны ли они существа или же призраки и бесы.

— Вот видишь, он то же подумал! — сказал Жихарь.

— Для проверки применяется собачья кровь. Она у меня всегда с собой в тыкве-горлянке. Но не успел я извлечь из тыквы пробку, как все войско, словно по приказу Полководца Южного Дворцового Крыла, вскочило на коней и помчалось прочь, образовав при этом боевой порядок, именуемый «Два берега у одной реки»... Так я и не узнал того, что хотел. Может быть, призраки почуяли губительную для них жидкость, а может быть, молодые люди убоялись сурового отцовского наказания и бросили беспомощных престарелых родителей на произвол судьбы. Я непременно составлю об этом возмутительном случае докладную на имя Сына Неба, и он прикажет разрезать негодяев на тысячу кусочков в течение трех месяцев...

Жихарь и Яр-Тур тоже никогда не узнали — то ли они попались в очередной обман, то ли и вправду стали прародителями двух великих народов.

ГЛАВА 5

*Большую телегу вперед не пускай —
Сам будешь в пыли и песке.
Не думай о многих печалях своих —
Лишь сам изведешься в тоске.*

Ши Цзин

— Да, сэр Джихар, не успели мы и оглянуться, а сыновья наши ушли в бой за свои державы, — вздохнул Яр-Тур.

Он и сам как-то мгновенно переменялся: приобрел и королевскую статью, и властный голос, и борода погустела, и глаза начали то и дело метать молнии, и доспехи, убогие и залатанные, заблистали серебром и золотом. Такому герою зазорно метаться по свету в поисках неведомо чего, ему лишь на престоле восседать и движением руки приводить в трепет сопредельные племена.

А Жихарь остался самим собой:

— Разве о таком народе я мечтал, разве такую страну искал?

— Каков же ваш народ, сэр брат, и какова страна?

— Нетрудно сказать. Молодые у нас все как один добрые, а девицы — красные, мужи — доблестные, жены — верные, старцы — премудрые, старушки — сердобольные, дали — неоглядные, леса — непроходимые, дороги — прямоезжие, города — неприступные, нивы — хлебородные, реки — плавные, озера — бездонные, моря — синие, рыбки — золотые, силы — могучие, брови — соболиные, шеи — лебе-

диные, птицы — вольные, звери — хищные, кони — быстрые, бунтари — пламенные, жеребцы — племенные, зерна — семенные, власти — временные, дела — правые, доходы — левые, уста — сахарные, глаза — зоркие, волки — сытые, овцы — целые... Да что говорить, все равно не поймешь...

— Осмелюсь заметить, что уважаемый Жи Хан весьма точно описывает времена правления Желтого Государя, когда вся Поднебесная благоденствовала и процветала, — обозначил себя Лю Седьмой.

С богатыря все грезы мигом слетели. Он приподнял Бедного Монаха над землей.

— Скажи, дяденька, мы тебе разрешали над нами колдовать?

— Бедный Монах не имел времени объяснить уважаемым...

— Оставьте его, сэръ Джихар, — вмешался Принц. — Еще неизвестно, как бы обернулось дело без него. Не забудьте и то, что именно он отнял у нахального юнца золотую ложку.

Жихарь вернул чайнеца на землю.

— Готов сопровождать уважаемых до любых пределов земли, — предложил Лю Седьмой. — Умею гадать на черепашем панцире, вырезать из бумаги людей и зверей, не говоря уж об отвлеченных понятиях. Буду требовать, чтобы в попавшихся нам на пути городах и селах уважаемым подносили для питья кровь белого лебедя, а для омовения ног — коровье и лошадиное молоко... Знаю также все придворные церемониалы и свойства трав...

Богатырь вспомнил о дальнейшем пешем пути и загрустил.

Над поляной выл холодный ветер, натягивал темные тучи, сулившие первый снег. Беспольные телеги выставили оглобли в разные стороны.

«Вот в наказание запряжем косоглазого — и пусть тащит!» — подумал Жихарь, но сразу же другая, чудесная дума осенила его.

Если из двух телег собрать одну, но не простую, а такую, у которой задние колеса много больше передних, она ведь станет катиться сама собой, как бы с горки! И не надо никаких чар и заклинаний! И как это люди по темноте своей до такого сами не додумались, коней томили?

«Безмозглые!» — подумал Жихарь про всех, кроме себя.

Драбаданские телеги были, по счастью, разной величины. Богатырь без труда поменял колеса на двух телегах по своему замыслу и отошел в сторонку, но недалеко: вдруг покатится так быстро, что и не догонишь?

Яр-Тур и Бедный Монах наблюдали за его делами с интересом, но без всякого понимания в глазах. Да и куда им?

Преображенная телега с места не трогалась.

«Первотолчок нужен!» — догадался Жихарь и сильно, обеими руками двинул повозку вперед.

Да, обычному человеку так не толкнуть, докатилась чудесная телега почти до деревьев и остановилась.

Будимир первым понял, в чем дело, он захлопал крыльями и глумливо закукарекал.

Тут и Яр-Тур с новым знакомцем догадались, что Жихарь посягнул на вечное движение. Они обменялись ядовитыми улыбками, а потом, не удержавшись, рухнули на землю.

— Говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусяного яйца — это по силам лишь наседке из Лу! — выкрикнул Бедный Монах и снова забился в припадке веселья.

Богатырь оставил телегу и пошел на спутников, потрясая сжатыми кулаками, но не дошел.

«А ваджра-то на что?» — вспомнил он и вернулся на место, заметив скупое и холодно:

— Дуракам половину работы не кажут!

Но все равно провозился с повозкой до полудня, покуда не догадался использовать золотую ложку в качестве шкворня. Телега покорно завращала колесами и вдруг рванула с места — еле успел задержать и вытащить ваджру.

Насмешники прикусили языки.

— Так-то! — сказал Жихарь.

— Я читал, что Ле Защита Разбойников проделывал нечто подобное с бумажной колесницей, — сказал Бедный Монах. — Но чтобы подчинить себе дерево... Воистину Жи Хан незаметно для себя овладел всеми путями Дзынь и способен покорить восемь сторон света!

— Ладно, что про дерево напомнил, — молвил Жихарь. — Нарубили бы уж давно дров, пока я тут пластаюсь, да костерок развели — околеем ведь. Вон пенек торчит...

Лю Седьмой услужливо достал из рукава причудливого вида бронзовый топорик и поспешил к указанному пню.

Пронзительный вопль потряс деревья. Жихарь и Яр-Тур мигом оказались возле пня, готовые к любому нападению. Бедный Монах виновато разводил руками.

— А-а, — вспомнил Жихарь. — Колдуны же одного своего в пенек обратили — было такое?

Он достал золотую ложку и коснулся середины пня. Богатырская рука подлетела вверх, поскольку и сам пенек вырос и предстал высоким смуглым человеком, горбоносым и в черном плаще.

Человек сделал шаг вперед и сморщился, припав на раненную топором ногу, а потом неожиданно запел, да такую скверную песню:

Бездна бездну призывает,
Рот широко разевает,
А когда разинет рот,
Похваляючись, поет:

«Раньше я жила темна,
Холодна и голодна,
А с тобой мы — ам да ам —
Мир поделим пополам.

Что вверху и что внизу —
Все сметелю, все сгрызу.
Что внутри и что вовне —
Все съедобно, все по мне».

Бездна бездну обманула:
Между глаз ей звезданула,
И осталась одна
Бездна бедная без дна...

Любой бы догадался, кто таков этот певец, но только не Жихарь. Потому и спросил:

— Ты кто?

— Какое из моих имен ты хотел бы услышать? — Голос у бывшего пенька оказался низкий и раскатистый.

— Настоящее, — потребовал богатырь.

— Если, конечно, вы не стыдитесь его, сэр колдун, — добавил Принц.

— Все беды происходят из-за ложных имен, — заметил Лю. — И для того, чтобы изменить нравы, необходимо восстановить истинные имена...

— Напрасно избрал я на этот раз шкуру драбаданского шарлатана, — сказал хромой. — Хотелось бы предстать перед вами в подлинном виде, но, увы... Эти болваны, как всегда, все испортили и перепутали, а вы двинетесь дальше, навстречу своей бессмысленной судьбе...

Глаза у хромого были разные: один зеленый, а другой просто дырка.

— А ты нас, стало быть, остеречь захотел? — спросил Жихарь.

— Да нет же! — радостно вскричал хромой. — Я никогда не мешаю людям шагать навстречу гибели, наоборот, всеми силами рад способствовать этому...

— А расколдоваться сам не мог, — ухмыльнулся богатырь.

— Это пустяки. — Хромец махнул рукой, и Жихарь заметил, что пальцы у него коротенькие-коротенькие — меча не ухватят.

— Демоны и духи поднаторели в искусстве обмана, — сказал Бедный Монах. — Но настоящего знатока им не провести. В вас, почтенный, всякий узнает Хуньдуня — того самого, что в образе красного перца обольщает девушек в сумерках.

— Ну и как, получается? — оживился богатырь.

Хромой только пожал плечами, а Лю Седьмой продолжал:

— В книге «Шэнь и Цзин», повествующей о чудесном и необычайном, про Хуньдуня говорится следующее: «Он похож на длинношерстую собаку с медвежьими лапами, но без когтей. У него есть глаза, но он не видит, ходить не умеет, есть уши, но он не слышит, зато чувствует приближение человека. В брюхе у него нет внутренностей, есть лишь прямая кишка, и вся пища проходит насквозь. На добродетельных он кидается, к злодеям льнет».

— погоди, погоди, — сказал Жихарь. — Какая прямая кишка? Какая собака? Ты чего городишь? Человек как человек, хотя, конечно, плохой, надо бы его потрясти и расспросить...

— Руки короткие, — сказал хромой.

— А поглядим, — ответил Жихарь и протянул к хромому отнюдь не короткие свои десницу и шуйцу. Но до тощей кадыкастой шеи почему-то не достал, сделал шаг вперед — и опять не достал, хоть и не двигался с места расколдованный пенек.

Уже вплотную приблизился к нему Жихарь и только сейчас заметил, что богатырские его ладони растут почти что прямо из плеч, а куда делось все остальное — неведомо.

Больше всего на свете боялся Жихарь остаться калекой, поэтому отскочил на прежнее место и сразу же почувствовал, что руки вытянулись на положенную им длину. Он облегченно помахал возвращенными конечностями.

— С мечом произойдет то же самое, — предупредил хромой дернувшегo было Яр-Тура.

Яр-Тур смутился и сказал, что никогда не напал бы на безоружного.

— А пинка тебе дать — ноги короткие? — на всякий случай поинтересовался Жихарь.

Хромой печально кивнул.

— Я берусь изгнать Хуньдуня после соответствующей трехдневной церемонии, — вызвался Лю Седьмой. — Но для этого нужно взять пла-

стинку из красного агата, двести лян серебра, четырнадцать гонгов из чуской бронзы и барабан, на который натянута кожа старшего чиновника Палаты Принятия Мер и Весов...

— Сейчас! — пообещал Жихарь. — Сейчас побегу доставать тебе твой барабан...

— Да я и сам уйду, — сказал хромой. — Ваше общество мне быстро надоело. Но неужели никто из вас не попросит у меня хотя бы вечной молодости?

Лю Седьмой вежливо улыбнулся:

— Благодаря воздержанию и неустанным упражнениям провожаю вот уже семьсот двадцать первую осень...

— А я его, Бедного Монаха, еще мальцом на руках нянчил! — не растерялся Жихарь.

Яр-Тур заколебался, но богатырь его живо осадил:

— Народ не поймет! Чего это, скажут, наш король не стареет, не матерееет? Должно быть, упырь! Так вот, скажут, кто нашу кровушку-то пьет! И конец королевству!

И Принц не мог с ним не согласиться. Хромой вздохнул, повернулся спиной и зашагал прочь.

— Эй, что взамен-то попросишь?

Хромой не отвечал, только вроде бы стал меньше ростом. Но, приглядевшись, Жихарь понял, что фигура в черном плаще с каждым шагом все глубже уходит в землю, как в воду.

Когда же черный клубок окончательно скрылся в траве, богатырь сказал спутникам:

— Рты-то закройте — простудитесь, а я за вас отвечай. Больше о нем не вспоминаем и не говорим, а садимся в телегу и едем!

Перекусили, приложились к неубывающему жбану, набросали в телегу сосновых веток, сверху прикрыли мешками из-под овса. Будимир сел на торчащую оглоблю, ко второй оглобле Бедный Монах прицепил на диво звонкий колокольчик — и поехали.

Ехали без дороги, зато все быстрее и быстрее, ехали молчком, чтобы не остаться без языка на ухабах. Телега, ведомая ваджрой, сама правила и поворачивала. Скоро осталась позади поляна. Лес то густел, то редел, то совсем пропадал, а что в этом лесу делалось, разглядеть было нельзя — так быстро ехали.

Жихарь поднялся во весь рост и радостно заорал что-то бессмысленное, заглушая колокольчик.

Промелькнули какие-то развалины, из развалин поднялась потревоженная стая птиц. Потом пошли сжатые безлюдные поля, показались и домишки, но все они как бы отлетали, отворачивали в сторону. Ветер

свистел и леденил головы. Солнце уже снарядилось на закат, когда впереди показался город, обнесенный мощной крепостной стеной.

— Сейчас ворота вышибем, насквозь пройдем! — посулил Жихарь притихшим спутникам. Будимир не усидел на передовом месте, попросился на руки к Яр-Туру. Лю Седьмой прятался от ветра за спиной Принца. — Всех убью, один останусь! — криком предупреждал Жихарь горожан об их нелегкой судьбе.

Но город, что удивительно, шарахнулся куда-то вбок, хотя телега и не думала сворачивать. Стражники на стенах в ужасе попрятались за зубцами.

— Видали? — кричал Жихарь. — Видали, как посторониваются и дают нам дорогу другие народы и государства? Косятся, конечно, да посторониваются — жизнь каждому любя! И-эххх! — продолжал он. — Жаль, нет коней — я бы про них песню спел...

— В самом деле, сэр Джихар, мы довольно нелепо выглядим в незапряженной повозке и подобны теперь печальной памяти ментам...

— Если гордый — пешком ходи!

Сколько еще народов и государств посторонилось — было уже не видно, так как наступила ночь. Жихарь не хотел передохнуть и голосом гнал телегу вперед и вперед.

Телега мчалась как бы по гребню горы, потому что справа и слева было звездное небо — и ничего больше. Луна предстала полная и огромная, и сразу стало видно, какая она там пустая, печальная, рябая и корявая.

И вдруг как будто снежный вихрь пронесся над головами. Собачий лай, улюлюканье, рев охотничьих рогов заглушили даже вой ветра.

Жихарь запрокинул голову и увидел прямо над собой огромное конское копыто, потом другое. Копыта опускались беззвучно, потому что в воздухе топот не ходит, а земли они не касались. За первым конем показался другой, богатырь успел рассмотреть снизу подошвы сапог, втиснутых в стремя. Потом, обгоняя коней, понеслись в небе и ловчие псы — длинные и острые, как осетры, только с пушистыми хвостами.

Все это было словно выложено живой снежной крупой на синем шелке.

Задыхающийся песий лай перемежался громовыми ругательствами и почему-то женским смехом.

Великанская белая всадница слегка наклонилась в седле и взмахнула хлыстом. Кончик хлыста, собранный из множества острых льдинок, резанул Жихаря по лицу. Он схватился за щеку и почувствовал, как под пальцами наливается рубец, а когда вновь поднял голову, увидел

только хвост последнего небесного коня, а на коне сидел задом наперед безобразный карлик и показывал богатырю обидные вещи.

— Вперед! Быстрее! Шибче! — приказал Жихарь телеге. — Догнать! Перегнать! Запороть!..

Повозка ходу прибавила, да так резко, что Жихаря опрокинуло назад, и он едва не вылетел, но успел ухватиться за Принца, намертво вцепившегося в боковую жердь.

— Дикая Охота, сэр брат! — крикнул Принц и поперхнулся снегом. — Все живое должно уступать ей дорогу!

Богатырь разозлился:

— Дикая, говоришь? Ничего, я их живо приручу! За ними, я сказал! Вверх!

Тележные колеса, большие и малые, оторвались от земли. Яр-Тур и Лю Седьмой пытались увещевать Жихаря, но ветер сделался столь плотен, что человеческие слова в нем распadaлись на куски. Богатырь и сам не слышал и не понимал, что он там орет, кому, а главное — зачем.

Страшная тяжесть пригнула ко дну телеги всех троих, сплюснула лица, сдавила ребра. Впереди — уже не вверху, а просто впереди — снова показалась Дикая Охота, и давешний карлик, завидев погоню, испугался, развернулся в седле как положено и пришпорил своего скакуна. Карлик-то он был карлик, но не для людей, поскольку мог бы, пожалуй, наломать бока даже варкалапу.

Телега без труда обогнала карликова коня и полетела дальше, только подпрыгивала, наезжая на собачьи лапы. Собаки визжали, но продолжали, не оборачиваясь и вытянув вперед рыбки морды, преследовать невидимую жертву.

А потом и вся Охота — и кони, и люди, и псы — тоже приняла в сторону, пропуская безумную телегу с безумным возничим.

Жихарь оглянулся и погрозил кулаком:

— Попомните меня!

ГЛАВА 6

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, как свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель Вселенной? — спросил Странник.

— В ней звучит тьма ладов, и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все вещи звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?

Даосская притча

— **В** Поднебесной, — нараспев сказал Лю Седьмой, — никто не осмелится устроить охоту прямо в небе, не испросив на то разрешения в Канцелярии Воздушных Путей, заверенного золотой печатью Левого Ночного Министра.

— Если мы останемся живы после предстоящей ночи — а я в этом сильно сомневаюсь, — подал голос Принц, — буду рассказывать об этой гонке детям и внукам.

Жихарь валялся на холодном песке лицом вниз и старался ничего не слышать. Нынешней ночью он по глупости и дерзости пустил прахом весь предыдущий путь и отрезал свой маленький отряд от цели.

...Обогнав Дикую Охоту, телега еще прибавила ходу, покуда не показался впереди сам преследуемый. Это был здоровенный заяц, который еще не успел перед снегом сменить шкуру. Размером заяц был

с доброго теленка. Жихарь на ходу сгреб его за уши и затащил в телегу. Заяц был живой, но очень холодный, он сам дрожал и людей морозил.

Жихарь велел телеге остановиться и потихоньку подгрести с неба на землю. Вовремя велел, так как под ногами оказался морской берег. Богатырь собирался здесь дожидаться рассвета, а потом лететь через море на той же телеге. Жаль, что она раньше не подвернулась под руку. Хотя ведь подворачивалась — на постоялом-то дворе Гоги и Магоги. Но тогда Жихарь был еще молодой и глупый.

Вместо рассвета они дождались Дикого Охотника, Дикую Охотницу, Диких Доезжачих да Диких Егерей с Дикими же Псарями. Всадники-великаны окружили жалкую телегу. Разгневанные Охотники орали что попало.

Жихарь добром отдал им зайца, так его этим же зайцем навозили по морде. Бросаться на обидчиков с мечом было бесполезно: снежную крупу не ранишь, не окровавишь.

Никто и никогда не должен был догнать зайца — в том-то и заключалась вся суть Дикой Охоты. Егеря предложили загнать дерзкую мелюзгу в море и, подхолодив воду, заключить в ледяные глыбы. Дикая Охотница желала расправиться с мерзавцами наиболее обидным для мужчин способом. Дикий Охотник никаких слов, кроме ругательных, попросту не знал.

К счастью, пойманный заяц внезапно вступился за поимщика и сказал, что он, заяц, не железный и что ему давно уже пора линять, поскольку наступила зима и его, зайца, место должна занять сменщица — саламандра. Отдохнула, небось, пока всю весну, лето и осень за нее отдувались овца, дракон и он, заяц! «А то ведь вы меня знаете!» — пригрозил он охотникам и по-человечески вскочил в седло услужливо подведенного карликом скакуна.

Тут Дикие Егеря зашумели, что саламандру будить, пока сама шары не продерет, себе дороже, и тяжелый палец Дикого Охотника указал на Жихаря.

Будимир ничем помочь не мог или не хотел, только глядел осуждающе.

Тут Жихаря осенило:

— А телегу берите гонять! Видели, она какая резвая?

Дикая Охота посоветовалась и высказала сомнение в том, что телега будет им подчиняться.

— А куда же она денется? — заверил Жихарь. — Правда, она, как и вы, при дневном свете не летает, только ночью.

Он долго объяснял чудесное устройство телеги, а сам тем временем подменил золотую ложку железным шкворнем. Хотя и шкворня было богатырю жалко, ведь им так хорошо головы проламывать!

Охотники мужского пола легко поверили Жихарю, подхватили бесполезную телегу, зато...

— Сидите здесь и ждите следующей ночи! — велела Дикая Охотница. Она была очень красивая, но такая большая, что никакая красота не помогала. — Если мы обнаружим обман, мы вернемся и будем гонять вас по всему небу, пока мясо не отвалится от костей. Да вы и так никуда не денетесь — позади болота, впереди — Стоячее Море...

Дикая Охота позвала за собой и Будимира: числился у них петух, видать, своим, но Огненный Кур замотал головой, отнекиваясь.

...Жихарь валялся на холодном песке лицом вниз. Стоячее Море оказалось вовсе не морем стоячей воды, которое он предполагал пересечь на самоходном плоту.

Просто оно не лежало, а стояло, словно невообразимые руки ухватили его вместе со дном и глубинами, как лист жести, и загнули этот лист под прямым углом. А морские воды противу всякого ожидания и законов природы не хлынули вниз и не затопили окрестные страны. Они встали сплошной водяной стеной от земли до неба.

В эту стену можно было погрузить руку, и рука становилась мокрой. Жихарь даже разделся и, дрожа от холода, вошел в стену, и соленая вода приняла его. Он оттолкнулся от берега, начал яростно грести руками и поднялся было вверх на несколько саженей, но потом собственная тяжесть потащила его назад.

И солнце взошло не из-за окоема, а из-за этого моря, прочертив на нем стоячую красную дорожку.

Поначалу богатырь думал как-то сладить с этой бедой, размахивал золотой ложкой, приказывал воде лечь как положено, но здесь, видать, требовалось что-то посильнее ваджры.

— Силы жезла Жуй потрачены в скачках, — сказал Лю. — Теперь придется ждать, пока они не восстановятся.

Жихарь упал на колени перед мокрой и соленой преградой, жалобно пискнул:

— Берег-батюшка, водица-матушка...

— Это бессмысленно, сэр брат, — хмуро сказал Яр-Тур. — Просто силы Ералаша в этом месте начали сворачивать наш мир, как лепешку.

— А вот с Дикой Охотницей я бы и сам не отказался зверя погонять, — невпопад отозвался Жихарь.

— Брат, да ведь вы по сравнению с ней, простите, не более суслика!

— Молодой, глупый, — вздохнул Жихарь. — Не в росте дело, а в молодецкой удали. И как тебе можно королевство доверить — непонятно! Ох, наплачемся мы с такими государями!

Он поднялся, взял клинок, отошел подальше и стал ударами голой ладони загонять черен меча в песок.

Поняв, к чему он клонит, Яр-Тур и Бедный Монах разом вскочили.

— Не подходите! — рявкнул Жихарь и рванул на груди кольчугу. — Я все дело загубил — мой и ответ! Прости, брат, что всю дорогу над

тобой строил насмешки. Прости и ты, чайный человек, что вовлек тебя в чужую беду. Прощай, Огненный Кур, случилось мне забывать, что ты не простая птица.

— Уважаемый Жи Хан обязательно должен перед дорогой во тьму выпить жбан рисового вина, — улыбнулся Лю Седьмой.

Жихарь погрозил пальцем:

— А то я не знаю, что он неубываемый!

— Сэр Джихар, — сказал Яр-Тур. — Клицу ли вам такое малодушие?

— Ты, брат, за одно свое королевство ответчик, а я за весь белый свет!

— Но я же поклялся идти с вами до конца...

— Вот он и конец — не видишь?

— Извините, — сказал Бедный Монах. — В таких случаях принято исполнять погребальную песнь на мотив «Снова провожаю Пэя из шта-та министра, ссылаемого в область Цзичжоу».

— Мне уже пели, — сказал Жихарь и отступил от клинка на полтора шага — чтобы точно в грудь.

Бедный Монах вытащил из рукава флейту и заиграл.

Напев не походил на прочие, слыханные Жихарем на пирах и в походах. Лад был какой-то чудной, резкий и отнюдь не печальный, хоть и не плясовой. Задушевный оказался лад и такой пронзительный, что богатырь забыл о своем смертном деле и стал слушать. Флейта пела не только обо всей человеческой жизни, но и о том, что будет потом, а главное — о том, что было раньше. Голова у богатыря сделалась ясная-ясная и даже, наверное, прозрачная. Все мысли и воспоминания, скрытые и явные, развернулись узорчатой скатертью. Все теперь было понятно, и сразу же явился стыд перед спутниками — надо же, какой балаган устроил...

Жихарь шагнул к мечу, двумя пальцами вытащил его, перевернул и снова загнал в песок. Крестовидная тень меча пала вперед, обозначив, что уже далеко за полдень.

Лю Седьмой прекратил играть и хотел спрятать флейту обратно в рукав, но богатырь жестом попросил посмотреть удивительный инструмент.

Флейта была тяжелая, железная, сплошная, без отверстий. Богатырь на всякий случай попробовал дунуть в нее — ничего, ясное дело, не вышло.

— А как же у тебя получается? — пристал он к Бедному Монаху.

— Если ежедневно заниматься в течение двухсот лет, — осклабился Лю Седьмой, — то непременно достигнешь желаемого.

— Двести лет... Тебе-то хорошо... — сказал Жихарь и задумался.

— Может быть, мы напрасно не попросили у этого незнакомца вечной молодости? — спросил Яр-Тур.

— Не следует принимать ничего из черных рук, — посоветовал Бедный Монах.

— Теперь я все понял! — заорал Жихарь, да так громко, что Будимир всполошился, а Принц и чайнец вздрогнули. — Мы же не первый раз идем и, может, не последний! Все равно дойдем куда надо!

Бедный Монах благосклонно кивнул.

— Много, много раз подлинный мастер кладет клинок на наковальню, покуда не выйдет меч, достойный непобедимого полководца...

— Вот и я о том! Все на свете ходит по кругу, так? И сколько раз этот круг обернулся — неведомо, а надо полагать — бессчетно. И каждый из нас прожил столько жизней, сколько оборотов сделало время. Но есть люди... — Жихарь замялся, подыскивая нужное слово.

— Люди, менее подверженные этой силе, — подсказал Принц.

— Мудрец — тот, кто достиг центральной точки Колеса и остается привязанным к «Неизменному Среднему», пребывая в неразрывном единении с Истоком, участвуя в его неподвижности и подражая его бездействующему действию, — уточнил Лю Седьмой.

Жихарь ничего не понял, и вообще у них в дружине за такие слова били морду, невзирая на возраст, но подтвердил:

— Точно! И старый Беломор среди этих людей, и мы с вами... Остальные-то живут по привычке, из раза в раз одно и то же делают, а есть дурачки, которым больше всех надо... Но теперь мне волшебная дудка помогла все вспомнить. В первый раз меня ведьма еще маленьким зажарила и съела — я тогда не догадался попросить, чтобы она показала, как в печку лезут. Во второй раз погиб я в схватке с царевичем Билятом за золотую ложку. В третий — помер на кольях в Бессудной Яме. В четвертый — одолели меня Гога и Магога. В пятый — прости, брат, убил я тебя при первой встрече, но и сам истек кровью. В шестой — сгорели мы все в коварной бане. В седьмой — заковали нас поганые менты и отправили на каторгу, а при побеге прикончили из громовых самострелов. В восьмой — растоптала нас конями Чих-орда... Потом раздавил варкалап... Потом колдуны замучили... Это я еще не все перечисляю, а через два раза на третий! Но с каждым разом мы хоть на шаг да ближе были к цели! Значит, если не сейчас, так на следующем обороте непременно доберемся и до Полуденной Росы...

— Лучше бы сейчас, — вздохнул Яр-Тур.

Бедный Монах глазел на Жихаря с веселым сожалением.

— В следующий раз, — сказал Жихарь, — я нипочем не стану связываться с Дикой Охотой.

— Сомневаюсь, сэра Джихар. Натура ваша вряд ли изменится...

— Это так, — затосковал Жихарь. — Но ведь не обойти нам Стоячего Моря, все равно догонят...

— Простите, уважаемые, — вмешался Лю Седьмой, — но у нас в Поднебесной никого не возмущает круговое движение нефритового

диска Пи, каковое движение вы, как я понимаю, собираетесь нарушить. Чем плох существующий порядок и как вы узнаете, что он изменился?

У богатыря снова не нашлось нужных слов, и он выжидательно поглядывал на ученого Принца.

— Мои рассуждения могут показаться высокому сэру Лю детским лепетом, — сказал Яр-Тур. — Но с каждым оборотом прошлое и будущее все чаще и чаще соприкасаются между собой. В конце концов из радужных струй образуется единый серый поток Акаши, и всякое движение прекратится вовсе. День рождения человека и день его смерти станут одним и тем же днем...

Тень меча на песке стала еще длиннее.

— Брат мой объяснил все как есть, — сказал Жихарь. — Дальше я сам скажу. Все верно: если ничего не делать, то будет не время, а каша. Зато, когда Змей увидит Полуденную Росу, он так удивится, что разинет пасть. Хвост и выскочит. Потом он его, конечно, снова заглотит, но будет поздно — успеет взойти звезда.

— Вы ничего не говорили мне о звезде, сэр брат! — осуждающе сказал Яр-Тур.

— Не положено, вот и не говорил, — огрызнулся Жихарь. — А когда взойдет звезда, наша работа кончена: хоть пляши, хоть народ смехи, хоть ложись помирать. Дальше люди сами за все ответчики, хотя никогда так не бывает...

— Звезды загораются и гаснут согласно установленному порядку, — сказал Лю Седьмой.

— Эта без всякого порядка загорится. Мало того, она еще начнет двигаться по небу, — похвалился Жихарь деяниями будущей звезды. — И в том месте, где она остановится...

— Сэр Джихар, никто не тянет вас за язык! — Яр-Тур предостерегающе вскинул руку.

— Тебе не угодишь! Да и потом — все равно же помирать всем, — сказал богатырь, понимая, что сболтнул лишку.

— Может быть, нам все-таки удастся одолеть Дикую Охоту! — вскричал Принц. — Должно же у нее быть слабое место!

— Будь мы в Поднебесной, я бы попытался остановить дерзких демонов особым императорским указом, — вздохнул Бедный Монах. — Но, боюсь, они не разберут знаков, начертанных красной и черной тушью,

— Будимир, — сказал Жихарь и опустился на колени, обняв ладонями рукоять меча. — Они же все холодные — и Дикий Охотник, и баба его, и холуи, — может, ты их растопишь, поднатужишься?

Будимир важно подошел к хозяину, задрал голову и запел, растопырив крылья. На песок упал пушистый зеленый шар.

— Что это? — с тревогой спросил Принц. — Где камнеед Шамир, которого нам столь неосмотрительно вручил сэра Соломон? Как мы теперь перед ним отчитаемся за волшебного червя?

— Ох, никак не отчитаемся, — сказал Жихарь. — Червяку пришла пора окуклиться. Что-то из него выйдет? Мы, поди, не дождемся. Василиск? Да на что нам василиск, и без него тошно...

Лю Седьмой склонился в три погибели и внимательно осмотрел кокон.

— Как верно сказал Вэнь Чань перед тем, как палач распилил его на две части, «куколка предшествует цикаде. Изменяются очертания — и возникает цикада...»

— Цикада нам тоже ни к чему. Уж лучше тогда василиск. Поглядим ему в глазыньки, окаменеет — пусть тогда Дикая Охота побесится!

— Сэр Будимир никогда и ни при каких обстоятельствах не делает ничего просто так, — объявил Принц.

— Смеркается, — сказал Бедный Монах. — Я бы посоветовал уважаемому Жи Хану воспользоваться жезлом Жуй — сколько-то силы он успел набрать.

Жихарь послушно достал золотую ложку, но сначала по привычке положил ее на песок — определить дальнейший путь.

Ложка сперва металась туда-сюда, а потом неожиданно встала на стебель и так застыла.

— Значит, нам что — яму копать? — упавшим голосом сказал богатырь. — А чем? И когда? Времени-то почти не осталось...

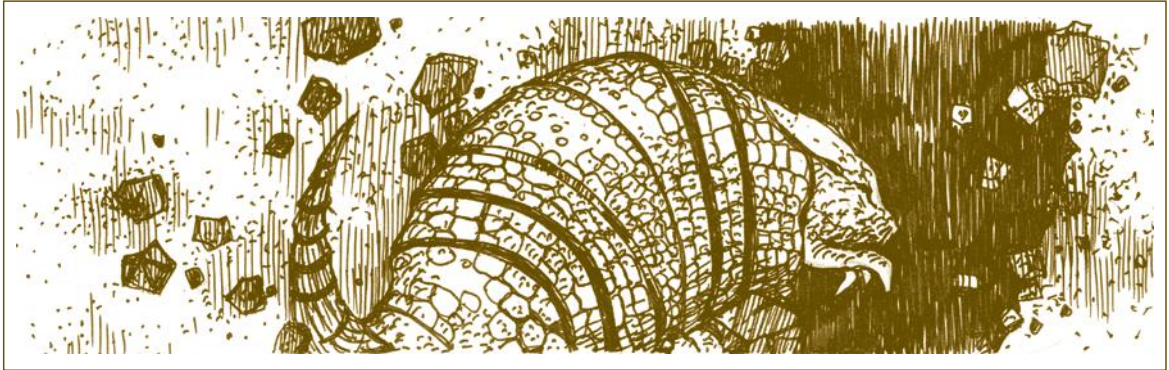
— Пусть благородный Яр-Тур перестанет ковырять песок обломком меча, — сказал Бедный Монах. — Сейчас я учиню соответствующий обряд и попробую.

Но Будимир не дал попробовать. Он клювом выдернул из песка ложку и очень ловко подхватил в нее зеленый шар. Шар сам собой начал бегать по краям ложки, сделал девяносто девять оборотов, потом сам же соскочил на землю и распался на две половинки.

Глазам явилось крохотное белое существо с тоненьким хвостиком и странно устроенной головой.

— Закройте его от света! — закричал Жихарь и сам распахнул над малюткой свой плащ. — Это не василиск и не цикада — это же у нас Индрик-зверь родился! Теперь будем живы!

ГЛАВА 7

Сведения о местах рачьих зимовок, по суеверным понятиям, очевидно, предполагаются исключительными, не каждому доступными, но лишь избранным.

Сергей Максимов

«Какая же земля внутри толстая!» — удивлялся Жихарь, потому что спуск в Адские Вертепы оказался куда дольше, чем думалось вначале.

Хотя, честно сказать, вначале ничего не думалось: стояли вокруг насыщающегося песком Индрика и хором упрасивали его набирать тело как можно быстрее. Индрик торопился и еще до того, как спрятаться солнцу за Стоячее Море, достиг размеров хорошего быка. Побратимы и Лю Седьмой, державший на руках полюбившегося ему Будимира, встали на Индриков зад, и землеройный зверь, вытянув хвостик трубой, чтобы не оттоптали, начал неспешно погружаться в земные глубины.

— Сейчас мы подобны рудокопам, спускающимся за зеленым камнем в свои подземелья, — сказал Лю Седьмой. — Во владениях юнаньского вана есть медные рудники, и рабов туда отправляют при помощи особого устройства, именуемого клетью. Не будет ли нескромным сказать, что именно я, несовершеннолетний, придумал это устройство?

— Вот уж, поди, рабы тебе благодарны, — проворчал Жихарь куда-то в сторону.

Дырявый зонтик Бедного Монаха пригодился еще раз, покуда сверху сыпался песок. Потом пошла обычная слежавшаяся земля.

Будимир потихоньку подсвечивал, и Жихарь по любопытству своему разглядывал стенки образующегося колодца. Земля становилась все плотнее, Индрик шел тяжело.

Когда-то, видно, на этом месте стоял город, потому что из стены то и дело выглядывали всякие осколки и обломки, срезы бревенчатой либо каменной кладки. Были и другие рукотворные вещи, но угадать их значение представлялось делом весьма затруднительным.

А до города, сообразил Жихарь, здесь было море: вон в буром окаменевшем иле видны ракушки и рыбы кости.

И чем дальше изучал он землю, тем больше убеждался, что старый Беломор прав, а значит, и его, Жихаря, дело правое.

Ненажора Индрик рос и ширился, шире становился и колодец. Наконец лохматая площадка с хвостиком стала столь просторна, что все с удовольствием уселись, вытянув затекшие ноги.

— Наше счастье, что Индрик устроен не как прочие звери и особенно люди, — сказал Жихарь и в доказательство ткнул пальцем Индрику под хвост. Там и впрямь ничего полагающегося не было. — А то бы мы с вами уделались по самые уши.

— Куда же в таком случае девается поглощаемая им земля? — спросил Принц.

— Осмелюсь предположить, что в иную Вселенную, — ответил Лю Седьмой. — Животное, подобное нашему спасителю, подробно описано в трактате под названием...

— Еще неизвестно, спасены ли мы, — мрачно сказал Яр-Тур. — Полагаю, что Дикая Охота вначале по глупости будет метаться вдоль Стоячего Моря, но в конце концов они обнаружат дыру в земле, и кто помешает снежному вихрю устремиться в нее? Да и до каких пор намерен терпеть непрошенных седоков мужающий на глазах Индрик?

— Большая Земляная Мышь безмерно благодарна владельцу жезла Жуй, — сказал Бедный Монах. — Если бы не он, куколка могла пролежать в бездействии еще многие тысячи лет и стала бы легкой добычей первого же голодного хищника. Рождение такого животного — чрезвычайная редкость...

— Вот и ладно, что редкость, — сказал богатырь. — Если бы Индрики плодились, как кошки, они источили бы всю землю, мы бы уже давно все провалились куда следует и не мучились...

— Жаль, что здесь не установлены изображения Проппа, — вздохнул Принц. — Удача нам бы не помешала...

— Не беда, — сказал Жихарь. — Если он вправду всемогущ, то и отсюда услышит наши сказки да байки, а если он просто бревно...

— Мы же не раз убеждались в обратном, — сказал Яр-Тур. — Думається мне, что наш новый товарищ, умудренный годами и опытом, знает великое множество новелл и устарелл...

— Не принято в Поднебесной тешить высшие силы рассказами о делах земных, — отозвался Лю Седьмой. — Но коль скоро здесь такие порядки, я готов поведать о войне трех царств.

Как богатырь и опасался, это оказалась волына в особо крупных размерах. Поначалу все было интересно и увлекательно, потому что незнакомо, только скоро Жихарь запутался в чужих именах и сложных родственных связях.

Тот, кто сложил эту волыну, хотел, видно, упомянуть в ней поименно всех жителей Чайной Страны, чтобы кого-нибудь не обидеть, а их вон ведь сколько!

Жихарь задремал, время от времени приходя в себя на самых жутких местах повествования.

— ...Сяхоу Дунь преследовал врага по пятам, но тут в глаз ему попала вражеская стрела. Сяхоу Дунь взвыл от боли и выдернул стрелу вместе с глазом. «Отцовская плоть, материнская кровь — бросить нельзя», — подумал он и съел свой глаз...

— Прости, Бедный Монах, — не выдержал Жихарь. — Только как бы Пропп вместо помощи не прогневался за такие сказки да не наплевал нам в глазки...

— Умолкаю, устыдившись своей бестактности, — поклонился Лю Седьмой. — Да и потом у нас принято рассказывать эту повесть не спеша, в течение нескольких недель...

— Да ты не обижайся, спасибо тебе, Пропп учтет, за ним ничего не пропадает...

— Могу еще поведать о подвигах чудеснорожденного героя А-Ка Сорок Седьмого, владевшего искусством метко плевать в во врага свинцовыми шариками...

— Да спасибо, отдохни, почтенный. Все никак не привыкну — то ли ты молодой удалец, то ли преклонный старец, уж не прогневайся.

Настал черед Принца. Яр-Тур поднялся на ноги, хотя никакой нужды в том не было, и начал рассказывать свою устареллу. Сложена она была вроде песни — одно слово цеплялось за другое, перекликалось одно с другим, отзывалось одно в другом, так что даже напев получался. Яр-Тур при этом то прижимал руку к сердцу, то простирал эту же руку вдаль. Да только никакой дали в углубляющемся колодце не бывает, есть одна высь.

Печальная устарелла его была про мужика-бобыля, как сидит он за пустым столом и тоскует по любимой, которой уже и на свете нет. И влетает к нему в избу ворон — здоровенный, глаза горят, перья все врастопырку — и садится на полати. Бобыль знает, что птица-то вещая, и давай его пытать: встречу я еще свою милую или нет? А ворон ему: «Никогда!» Бобыль опять спрашивает: а душа-то моя успокоится? Ворон свое: «Никогда!» Тогда лети отсюда по-хорошему, советует бобыль, а поганая птица снова-здорово: «Никогда!» Понравилось, видно, в избе-то. Ну, бобыль огорчился и запил горькую.

На языке Принца слово «никогда» звучало куда страшнее, чем на Жихаревом.

Богатырь подумал, что надо было бобылю задать совсем простой вопрос, например: «Сколько на руке пальцев?» Ворон снова каркнул бы: «Никогда!», поскольку других слов он наверняка не знает, опозорился бы в звании вещего и улетел, теряя перья от заслуженного стыда.

«Всемирно объяснять надо, недогадливый какой народ пошел!» — сокрушался Жихарь.

Сам он собрался поведать устареллу про доброго молодца, что из-за бедности и гордости бесстрашно зарубил топором ветхую старушку, но тут Индрик поворотил куда-то в сторону, так что спутникам пришлось ухватиться друг за дружку, да еще и за хвостик.

Индрику такое обхождение не понравилось, он пошел задним ходом, а потом вернулся на прежний отвесный путь. В стене же колодца образовалась дыра, и туда потянулся воздух.

Хвост Индрика согнулся и указал в сторону дыры — дескать, следуй, приехали.

Дыра получилась небольшая, но человеку пролезть впору, даже и богатырю.

— Постой, — сказал Жихарь и добавил с упреком: — Такой здоровый, а уже утомился! Может, нам туда и не надобно.

Он достал ваджру, выбрал на зверином задку место поровнее и проверил. Все правильно — черенок показывал на дыру.

К счастью, первым ринулся в дыру не глупый человек, а умудренный петух. Будимир, не найдя опоры под ногами, вострепетал крыльями и завис в воздухе, добавив жару в перья.

Жихарь сунул голову в дыру. Сколько петушиного света хватало, простиралась черная бездна, только прямо под носом тянулся по стене открывшейся громадной пещеры неширокий приступочек — в две ступни, не более.

Делать нечего, пришлось лезть, помогая друг другу. Когда все трое оказались на карнизе, Жихарь опять сунулся в дыру, только с другой стороны.

— Прощай, Индрик-зверь, в расчете я с вашим родом: одного загубил, зато другого, можно сказать, самолично взлелеял!

Индрик ласково шлепнул его по щеке кисточкой хвоста и пошел прежним путем вниз, к неведомой цели.

— Заделать бы эту дыру, пока Дикая Охота не примчалась, — сказал Жихарь. — Но тут не до хорошего, лишь бы удержаться. Будимир, лети ко мне, ты, небось, устал...

Потом еще раз пришлось свернуться по ложке, в какую сторону идти, да и способ передвижения вызвал споры: лицом к скале ходить или спиной? Решили спиной.

— Вот, значит, каковы Адские Вертепы, куда не ступала нога живого человека! — торжественно провозгласил Принц, боком переступая по узенькой полке.

— Подземное царство Диюй состоит из десяти судилищ, каждое из которых имеет шестнадцать залов для наказаний. В первом судилище располагается камера восполнения священных текстов...

Жихарь подумал и решил, что разговоры Бедного Монаха будут хотя бы отвлекать от того, что внизу. «Только бы не усыпил он меня опять...»

— Во втором судилище душу встречают мохнатая собака Чжэннин и Красноголовый Чи-фа. Сюда отправляются души мужчин и женщин, вступавших в недозволенную связь, души воров, дурных лекарей и обманщиков...

«Вот куда меня и законопатят, — прикинул Жихарь. — Это надо же — на земле тюрьма, под землей тюрьма... Небось, эти сволочи и на небесах тюрьму изладят, и тогда вовсе некуда будет податься...»

— В залах третьего судилища, именуемого Хэй-шен — черная веревка, грешникам перевязывают веревкой горло, руки и ноги, клещами сжимают печень, строгают сердце... В это судилище попадают те, кто думал, что император не заботится о подданных...

«Смотри-ка, и здесь мне местечко уготовано, — отметил Жихарь. — Я ведь всегда всякое начальство сволочил. Так что же теперь — разорваться мне, что ли?»

Свет от Будимира шел уже не золотой, а вполне красной, красный. В его лучах и самих странников можно было принять за уроженцев Адских Вертепов.

— В четвертое судилище направляются неплательщики налогов, те, кто крадет камни из мостовой и масло из фонарей...

«Масла не крал, а налогов сроду не платил. Хотя ведь и мостовую случалось разворошить, так не зря же говорится, что булыжник — оружие богатыря-то...»

— Стой, — сказал Жихарь. — Довольно народ расстраивать.
— ...те, кто писал дурные книги и рисовал неприличные картины, — произнес Лю Седьмой и замолк.

— Слышите, внизу что-то шуршит?

Внизу не только шуршало, но и скрипело, скрежетало, даже чавкало внизу.

— Найдется, чем покормить Будимира?

У Бедного Монаха в рукаве да не нашлось бы! Красный Петух охотно защелкал сухим горохом. Снизу доносился похожий щелк.

— Наелась, пташка? Тогда полетай да посвети нам как следует. Кто там водится?

Будимир сильно оттолкнулся от Жихаревой руки, взмахнул крыльями и осветил бездну маленьким солнышком.

Не больно глубокой предстала бездна. Все дно ее шевелилось, вспучивалось и опускалось, как живое.

— Будимир, кто это? — прошептал Жихарь.

Петух бесстрашным соколом ринулся вниз, кого-то там ухватил и вернулся к хозяину.

Богатырь взял добычу и рассмотрел как следует.

— Ага! — воскликнул он. — Так вот где они зимуют! А я-то голову ломаю! Летом, бывало, наловишь их полную рубаху, потом сваришь и отправляешься в дозор. Щелкаешь их всю ночь, чтобы не заснуть...

— Да кто же это, сэр Джихарь? — не выдержал Принц.

— Это вот кто: сапожник не сапожник, портной не портной, держит во рту щетину, в руках ножницы.

Грядущий король глубоко задумался.

— Если он не сапожник и не портной, сэр Джихарь, то он, без сомнения, либо коновал, либо скупщик краденого.

— Думай лучше, простота: идет в баню черен, а выходит — красен...

— Ха-ха, да тут и ребенок догадается! Это арап, которого до крови исхлестали вениками!

— Сам ты арап, братка. Держи!

С этими словами Жихарь сунул под нос побратиму небольшого рака.

— Значит, где-то тут и вода быть должна. Идем дальше.

Шли еще довольно долго. Лю Седьмой рассуждал:

— Видимо, у Небесной Канцелярии возникла необходимость учредить еще одно, одиннадцатое судилище. Сюда, вне всякого сомнения, попадают те, кто при жизни сгущал краски, распространял заведомо ложные...

Рак тем временем изловчился и клешней ухватил Яр-Тура за королевский нос. Принц охнул, а Жихарь от неожиданности уронил пленника.

— Не хотелось бы мне последовать за ним. — Принц озабоченно щупал нос.

— Ну, не отстриг же он его тебе напрочь, не убивайся. Вот и тропа книзу пошла...

Скальная полочка действительно пошла книзу и в конце концов привела на ровное место. Раки сюда выползали редко, держались кучей, грели друг друга.

— Привал! — распорядился Жихарь.

Он вытащил из общей кучи нескольких усатых бедолаг и предложил Будимиру приготовить какую-никакую закуску. Скоро все трое со вкусом и удовольствием обсасывали скорлупки.

— Это сколько же пива понадобится! — возмечтал Жихарь, поглядев на несметную силу раков. Потом приложился к жбану, хотя рисовое вино, конечно, не пиво.

— Эти удивительные черные крабы хотя и значительно исхудали, но все же радуют желудок, — сказал Лю Седьмой. — Но, даже будучи сытыми, как мы проникнем за эти ворота? К тому же они наверняка заперты изнутри.

— Какие ворота? — Жихарь чуть не подавился клешней и вдруг увидел — какие.

Ворота уходили вверх на добрый десяток человеческих ростов, каждая створка казалась цельной железной плитой, а щель между створками едва обозначалась.

— Слышите? — вскочил Принц. — Погоня приближается!

По рачьей зимовке понесло холодом.

— Может быть, сила сэра Святогора... — начал Яр-Тур.

Жихарь нетерпеливо махнул рукой и перебрал в уме все свои возможности.

— Бедный Монах, — сказал он, — ты умеешь быстро заживлять раны?

Лю Седьмой кивнул.

— Когда палач распилил Вэнь Чаня на две половинки, мне, несовершенному, удалось воссоединить их...

ГЛАВА 8

В задачи рыцарей входило завершение солнечного круга, помощь слабому полу, наказание тиранов, освобождение заколдованных, обман великанов, уничтожение злых людей и вредных животных.

Словарь символов

Всякому вору ведомо: если нанести себе рану на правой ладони, да вложить туда стебелек разрыв-травы, да подождать, пока за-растет, — тогда можно смело гулять по чужим кладовым или даже наве-даться в царскую казну. Отныне ни один замок, ни один засов не выдер-жит прикосновения воровской руки.

Лю Седьмой и тут оказался мастером: на Жихаревой ладони остал-ся лишь тонкий рубец.

Не дожидаясь, пока и он исчезнет, богатырь бросился к воротам и ударил замороженным кулаком точно между створок.

— Быстрее, быстрее, — поторапливал он товарищей, едва лишь от-крылась щель настолько, чтобы пролезть петуху.

— Остановитесь, обманщики! — Визгливый голос Дикой Охотни-цы заметался под сводами рачьей пещеры.

— Хороша баба, да уж больно холодна, — вздохнул Жихарь, по-следним протискиваясь в щель.

Створки были толстенные, рассчитанные, видать, на вечность.

Он еще раз вздохнул, когда после повторного удара ворота вернулись в прежнее положение. Каждый, кто использует разрыв-траву, должен помнить, что бить рукой следует лишь единожды: ударишь в другой раз — все восстановится и срастется. На этом уже не один богатырь погорел, не говоря о ворах.

Толстые были ворота, но все равно из-за них доносились грозные голоса ледяных великанов. Дикая Охотница проклинала, умоляла, твердила колдовские слова, грозила, колотила в глухое железо, но потом, прислушавшись, Жихарь стал различать крики боли, испуганное ржание коней, визг собак.

— Ай да раки! — воскликнул богатырь. — Они теперь и без нас разберутся. Не зря, получается, грозят показать их зимовку.

— Дикая Охотница нам уже не страшна, сэр брат. Гораздо страшнее место, в котором мы оказались.

— Подумаешь, — протянул Жихарь, оглянулся и осмотрелся как следует.

За воротами располагалась целая земля, и даже, пожалуй, побольше той, что осталась наверху.

Здесь и солнце свое имелось. На красном небосводе висел черный круг, обрамленный по краям языками багрового пламени.

Пламя освещало равнину, покрытую как бы мелкой угольной пылью. Из пыли поднимались, тянулись к черному солнцу невысокие коричневые деревца, оснащенные мелкими блестящими листиками. Листики трепетали, не нуждаясь в ветре.

Не хотелось ни странствовать в этих краях, ни тем более жить.

Но и помирать никакого желания не было.

— Ну, в которую сторону пойдём? — обратился Жихарь скорее к ложке, нежели к спутникам.

— Я нашел тропу, уважаемый Жи Хан, но она мне очень не нравится, — сказал Лю Седьмой.

— Чего она тебе не поглянулась? — удивился богатырь и подошел к Бедному Монаху. Потом оглядел то, что выдавало себя за тропу. — Чудак! Нам даже идти не придется!

Тропа была не тропа, а полоса из какой-то темной и прочной на вид кожи. Она мягко пружинила под ногами, а главное — двигалась, текла тускло поблескивающим ручьем.

— Не прикасайтесь к ней правой рукой, сэр Джихар, иначе она порвется или остановится!

Жихарь поглядел на десницу, как на чужого человека.

— В самом деле, не натворить бы чего. Ну, поехали?

Сам он уже укатил на приличное расстояние.

— Догоняйте! — крикнул он.
Первым догнал его Будимир. Птица вела себя спокойно.
— По сторонам не глядите — затоскуете!
Ехали вначале стоя, потом присели.
— Как хорошо, опять ноги не трудим! — радовался Жихарь.
— Не спешите радоваться, сэр брат. Вдруг это язык огромной ящерицы и она втягивает нас напрямиком в свою пасть?
— Таких больших ящериц не бывает, — неуверенно сказал Жихарь и подумал, что вот здесь-то как раз таким большим ящерицам самое место.

Они уезжали все дальше и дальше от ворот, говорили сперва вполголоса, а потом и вовсе беседовать расхотелось. Жихарь еще раз убедился, что жбан Лю Седьмого с рисовым вином неубывающий, и замычал песню. Сперва просто мычал, потом, к своему удивлению, стал вычленять и слова:

Я один, как погляжу,
На дорогу выхожу.
Путь ведет в туман.

Ночь-то вроде и тиха,
Да судьбинушка лиха,
Не избыть ее.

Никоторого числа
День был вовсе без числа,
Да зачем оно?

Никоторого числа
В мире много стало зла —
Больше ста пудов.

Было, правда, и добро,
Да недавно померло,
Не убереглось.

Утром было много визгу.
Прибежали дети в избу
И отца зовут:

«Тятя, тятя, наши сети
Притащили на рассвете,
Угадай, кого?»

Угадай, отец, кого,
Да притом не одного —
Больше тридцати.

Тридцать три богатыря
Утопили упыря.
Это дядя наш!

Дядя самых честных правил
Нам наследства не оставил —
Лишь одни долги.

Нам наследства не оставил,
Уважать себя заставил
Силой, не добром».

Матом кроет свата сват,
Козни строит брату брат,
Про иных молчу.

Кто начальство, кто народ —
Ничего не разберет
Никакой мудрец.

Под горой собака воеет,
На горе могилу роют,
Падает листва.

Путь теряется во мгле,
Суть скрывается в числе
Девяносто два.

— Что это вы такое поете, сэр Джихар?! — возмутился Принц. —
Когда это я строил противу вас козни? И вообще — о чем эта песня?
В чем ее смысл?

— Меньше смысла — больше душевности, — объяснил Жихарь. —
Это у вас там все наперед расчисляют, а у нас поют, как сердце подска-
жет. Вот в заклинаниях много ли смыслу, зато как помогают!

— Где уважаемый Жи Хан обучался стихосложению? — вмешался Лю Седьмой.

— Да нигде не обучался — разве этому обучишься?

— Однако ваша песня необоснованно печальна, сэр брат!

— А какой же ей быть, если впереди сплошная смерть?

— Вы так уверены в этом?

— Ну, к новой жизни по такой дорожке не повезут, сами понимаете. Мы и так вон как далеко на этот раз добрались, а в следующий еще дальше попадем!

Жихарь зевнул и заснул, оставив порядок на Будимира. Снилось ему, что он лежит на самобеглой дорожке, вокруг черная пыль, над головой алое небо. Радости-то от такого сна!

— Я знаю, зачем такая дорога! — осенило богатыря спросонья.

— Зачем? — хором спросили недогадливые Принц и Лю.

— Чтобы никто не мог назад повернуть...

И, опровергая тут же себя, Жихарь вскочил и побежал против хода дорожки.

Небо понемногу становилось лиловым, потом перешло в синеву и наконец откровенно поголубело. Да и солнце сбросило черную маску. Деревья выпрямились, и листья на них оказались ярко-зелеными.

Дорога раздалась в обе стороны и уже никуда не бежала. Это сам Жихарь бежал через леса и доли Многоборья к семибашенному Столенграду. Да что там бежал — мчался на белом жеребце, держа в каждой руке по кистеню, а следом за ним неслась могучая сыновняя дружина. Рядом и покоренная союзная Чих-орда скакала, не упуская случая пограбить, а подальше трусили на своих двоих добрые адамычи во главе с князем Микромиром.

И вот уже встали по краям дороги нарядные многоборцы во всем хорошем, и кричат они славу своему герою, и услужливо распахивают ворота, украшенные хмелем и первыми цветами, и выстилают алым княжеским шелком дорогу к терему, и старый варяг Нурдаль Кожаный Мешок тащит встречу ему на веревке князя Жупела и княгиню Апсурду, облаченных в позорное платье смертников...

Эх, не так надо, решил Жихарь, пробежал немного назад и снова развернулся. Вторым заходом он не собирал никаких войск, а сам нарядился в тряпье и тихонько, незаметно, убогим нищим пробрался в Жупелову столицу, далеко обходя все кабаки, и в руках у него вместо меча расписные гусли.

Вместе с прочими песельниками и гудошниками впустили его в княжий терем, накостыляв ни за что по шее, и угостили его коркой хлеба да пивным суслом.

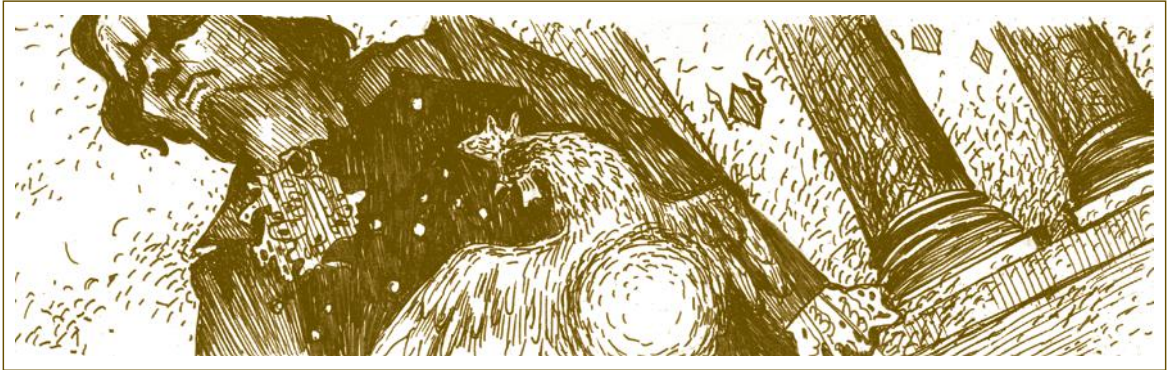
А когда грянули гусяры величальную своему рогатому владыке, богатырь запел не в склад и не в лад, но всех осилил, всех перекричал, и такая хорошая и крепкая у него получилась песня, что скукожился на своем резном престоле князь Жупел, задрожал и растекся зеленой грязью, из которой некогда и вышел в князья, а жестокая отравительница, гордая княгиня Апсурда в испуге сорвала с себя нарядное, расшитое речным жемчугом платье и поспешно, как последняя поломойка, стала подтирать им со скобленных ради праздника досок бывшего супруга, чтобы не замарал новый хозяин Столенграда своих красных сапожек на высоких каблуках.

И пали на колени дружинники, некогда повязавшие своего же товарища в неравной схватке, и жалобно возопили:

— Джи-хар! Джи-хар! Джи-хар!

Только Жихарь не проснулся.

ГЛАВА 9

— Но все же, если бы вам пришлось выбирать добровольную смерть, в каком виде вы бы ее предпочли?

— Хотел бы быть погребенным под телами итальянских актрис.

Интервью с Вуди Алленом

А проснулся он от пинка по ребрам. Богатырь так и не узнал, кому принадлежал пинок. Скорее всего, это был Принц, отчаявшийся словесно разбудить пьяного побратима.

Яр-Тур отбивался Жихаревым мечом от неизвестных нападников.

Богатырь живо вскочил на ноги и первым делом заехал одному из недругов по затылку. Голова, даром что была в железной шапке, разлетелась на куски: то ли Святогорова сила себя показала, то ли разрывтрава.

Увидев такое дело, враги отпрянули, и только сейчас Жихарь обратил внимание, что находится уже не под алым небом и не на бегущей дорожке, а в зале со стенами из черного полированного мрамора и что кроме них вокруг толкуются какие-то здоровенные стражники, размахивающие кривыми мечами. Стражники облачены были в доспехи из вороненой стали, но боевой сноровки им не хватало — гости, пожалуй, сюда редко захаживали.

Яр-Тур с ревом разрубил одного из своих противников до пояса, обе половинки распались было, но передумали и сразу же срослись.

«Не люди, — облегченно подумал Жихарь. — Значит, и надо с ними не по-людски».

Он подбежал к сросшемуся было стражнику и, прошептав «Всех убью, один останусь», легонько щелкнул его по шлему. Как и в первый раз, голова лопнула, а тело одно воевать не стало, грохнулось на мрачный пол, заливая его бурой жижей.

«Где же Будимир?» — встревожился Жихарь.

Птицы было не видать, не слышать — устыдился Красный Петух, что не разбудил хозяина вовремя.

А Лю Седьмой вел себя совсем нехорошо и не по-геройски: ползал в ногах у десятка окруживших его стражников, махал руками, кричал, что он тут человек случайный, что совсем недавно был награжден шапкой с золотым шариком. И все норовил облобызать врагам обувь.

— Ты, косоглазина позорная! — рявкнул Жихарь. — Что ты там пыль собираешь?

Лю Седьмой подпрыгнул, перелетел через кольцо нелюдей. Они двинулись за Бедным Монахом, но тот следующим прыжком очутился возле побратимов.

Стражники устремились к ним, но все разом повалились, а на полу остались стоять только ноги, обрубленные где по щиколотку, где по колену.

Жихарь вспомнил, как действует Меч, Закаленный Во Тьме, и расхохотался.

— Иногда полезно прикинуться беспомощным трусом, чтобы нанести врагу сокрушающий удар, — самодовольно сказал Лю Седьмой.

— Да ты меня превзошел! — встревожился Жихарь, подсчитав своих и чужих убитых.

Он набежал на оставшихся, награждая кого оплеухой, кого подзатыльником. Разрыв-трава продолжала действовать безотказно.

Только Яр-Тур рубился по старинке, без чудес. Отсекши очередную голову, Принц успел поддеть ее кончиком меча и метнуть в самый дальний угол. Голова покаталась-повалилась в поисках туловища, да и успокоилась.

Помаленьку перевели и остальных нелюдей.

— Как не хватало мне доброго сражения! — воскликнул Яр-Тур, вытирая меч вязаной варежкой, подаренной одной из бесчисленных подружек в Окаянии.

— А почему мы здесь очутились? Почему Будимир не пел? — вместо похвалы накинул на него Жихарь.

Откуда-то из-за угла выбрел понурый петух. Он смущенно и виновато скреб лапою мраморные плиты. Раскаяние птицы было весьма искренним — на камне оставались глубокие царапины.

— Мы все прискорбнейшим образом задремали, сэр брат. Мне привиделось, что дорога привезла меня прямо в мое королевство, и священный камень вскрикнул, когда я присел на него, и заколдованный королевский меч с легкостью вынул из этого камня, и вокруг меня собрались храбрейшие из храбрых, а подлейшие из подлых расселись на заранее заготовленных кольях. Я уже заканчивал полировку Круглого Стола, когда внезапный удар о стену вернул меня к жестокой действительности.

— Смотри-ка, ты, брат, оказывается, и столярничать мастер! А каких врагов наш молодой дедушка Лю побеждал?

— Мои мечты и грезы, увы, оказались изменчивыми, в глубине души я все еще пекусь о мирской суете. Следует изжить это в себе дополнительной сотней лет отшельничества, — сокрушенно сказал Бедный Монах. — Я очутился в экзаменационной кабинке наедине с кистью и тушечницей. Сразу же принялся писать сочинение на тему «Покорение царства Инь-Шань с помощью соломенной кавалерии» и смог уложиться всего в десять тысяч триста тридцать два иероглифа. Мне вручили красный диплом, новый халат из юнаньского шелка и шапку с золотым шариком... Какой позор!

Только сейчас Жихарь понял, как у него болит голова.

— Мне тоже хвастаться нечем, — вздохнул он. — Так, ерундой какой-то занимался, мстил изошренно, рвал и метал, а о деле и не вспомнил. Да еще и напился — бейте меня и судите! Отныне капли этого вища в рот не возьму, вот только еще пару глоточков сделаю...

Ну, это ему позволили в честь победы.

— Куда же теперь? — Жихарь достал золотую ложку. Она указала на неприметную с первого взгляда дверь в черной стене. Дверь и сама была черная, украшенная только красным знаком: круг, пересеченный зубчатой линией. — Это препона пустяковая. — Богатырь пошел было к двери, но дверь сама с треском распахнулась, и на пороге появился тот самый незнакомец с драбаданской поляны.

Тот, да не тот — он и ростом был повыше, и одет понаряднее, и глаза разноцветные закрыл черными стеклами. Только ухмылка была знакомая, противная и кривая.

Незнакомец оглядел побоище, брезгливо поморщился и щелкнул куцыми пальцами. Тела нелюдей поползли прочь, на ходу сгребая утраченные головы.

— Я предлагал вам вечную молодость, — негромко, но очень слышно сказал незнакомец. — Этим даром вы пренебрегли. Теперь каждый из вас волен сам выбрать свою смерть.

«А вдруг разрыв-трава поможет и рука не укоротится?» — подумал Жихарь и стал бочком подкрадываться к двери.

Но тут кулак его сам собой разжался, кожа на ладони лопнула, и окровавленный стебелек шлепнулся на пол. Богатырь отступил, облизывая раненую руку.

— Ты все-таки кто будешь? — проворчал он.

— Да, мы имеем право знать имя того, кто грозит нам смертью, — поддержал его Принц.

А Лю Седьмой промолчал — и так, видно, знал.

— Что ж, — сказал незнакомец. — Некоторые в здешних краях наградили меня дурацкой кличкой Мироед. Какая глупость! Они бы, пожалуй, и доктора Фауста объявили кулаком...

— Ничего не понимаю, — сказал Жихарь. — Какой такой кулак? Чей кулак?

— Сэр Мироед весьма древнее существо, и общаться с ним следует на языке древности, — прошептал Яр-Тур, а потом, направив палец на Мироеда, хрипло и гнусаво, безобразно растягивая слова, процедил: — Ты мне очень не нравишься, парень. Очень не нравишься. Ты весь какой-то плохой. Нам с тобой вдвоем слишком тесно в Додж-Сити. Желательно мне, чтобы ты поскорее унес свою поганую рожу из салуна старого Боба Мак-Гроу, иначе мои люди надерут тебе задницу, как они сделали это с твоими паршивыми койотами, потому что я здесь босс, усек?

Мироед несколько раз хлопнул в ладоши:

— Великолепно, так оно все и было. Но, как говаривал примерно в те же годы великий Клинт Иствуд, «Джон Уэйн не может выстрелить в спину, а я могу». Что с удовольствием и сделаю. Так как же все-таки насчет смерти, ребята? Учтите, я далеко не каждому даю право выбора.

Бросаться на него было бесполезно, они это уже знали. Будимир ходил как чужой. Не мычал и не телился, поскольку он все-таки птица, а не крупный рогатый скот.

Принц решительно отстранил Жихаря и шагнул вперед.

— Я, разумеется, желал бы погибнуть в схватке с достойнейшим из противников.

— Bravo, bravo! — Мироед глумливо раскланялся. — Иного ответа я и не ожидал. Пожалуйста, выбирайте!

Он взмахнул рукой, и вдоль стены выстроилось десятка три воинов. Некоторые были в железных доспехах, подобных тем, что носил когда-то Яр-Тур, другие закрывали грудь лаковыми черными пластинами и сжимали недлинные, слегка изогнутые мечи, были голоногие герои с конскими гривами на шлемах, были чернокожие поединщики в шароварах и тюрбанах. Один из возможных Принцевых супротивников

был одет лишь в медвежью шкуру и угрожающе потрясал простой дубиной, а еще один, в странной пятнистой одежде, держал наперевес толстую трубу неясного назначения. Туловище его перекрещивали загадочные ребристые ленты.

— Это все мороки, доблестный Яо Тун, — шепнул Бедный Монах. — Несколько капель собачьей крови немедля изгонят их.

— Ни один из ваших выкормышей не годится мне в противники, — сказал Принц, вскидывая и без того гордую голову. — Невелика честь победить призрака, а еще меньше того — быть сраженным мнимой рукой. Дайте мне соперника из плоти и крови.

— Вы все еще воображаете себя королем, юноша? Вы считаете, что вашего вызова недостойны ни Аякс, ни Бу Волосатый Носорог, ни даже сам старина Арни? Верно сказал когда-то один умный лицедей: «В Америке невозможно ставить Шекспира, ибо в представлении актеров король — это такой парень, который время от времени нацепляет корону и залезает на трон».

— Вы в совершенстве владеете древним слогом, сэръ Мироед, но я мало что понял...

Пока Мироед с издевательским наслаждением объяснял Яр-Туру, что он имел в виду, Лю Седьмой управился с призрачным воинством.

Мироед поглядел на образовавшееся пустое место и сказал:

— Это ничего не значит. Род и вид смерти я определяю сам. Ну, а ты, рыжий наглец, какой бы хотел видеть свою погибель?

Не задумываясь и не кривя душой, Жихарь молвил:

— А хотел бы я, дядюшка, помереть глубоким старцем, весьма преклонных лет, в своей постели, на пуховой перине, и чтобы вокруг толпились дети, внуки и правнуки, чтобы плакали и причитывали: «Деда, деда, не помирай! На кого ты нас, горемычных, оставляешь?»

— И это нетрудно. — Мироед опять взмахнул короткопалой рукой, и на том месте, где стояли недавно разномастные поединщики, воздвиглась здоровенная кровать под балдахин. Вокруг кровати толпилась едва ли не сотня народу, от седых мужиков до бесштаннх детей. Все они в голос рыдали и расписывали достоинства Жихаря при жизни, так что шум поднялся неимоверный. А пуще всех убивалась по богатырю маленькая старушка, скоропостижная вдова. — Ложись — и через малое время скончаешься от старости, как и желал.

— Я так не согласен! — закричал Жихарь, стараясь перекричать скорбящих. — И завывают они как-то не от души, притворяются, и вообще, гляди, исчезать начали...

— Ах, опять эта старая желтая обезьяна, — досадливо скривился Мироед. — Но я вам не жалкий драбаданский колдун. Хорошо, я и тебе дам возможность выбрать, шарлатан с Востока.

Лю Седьмой переломился в поклоне.

— Если бы уважаемый Мяо Ен смог поставить прямо здесь хрустальную колонну толщиной с двухсотлетний кедр, который я посадил на горе Вэйхушань, а вершину колонны увенчал каменной плитой, это было бы достойным путем ухода, согласным с принципом Дзынь.

— Ну-ка, ну-ка... — Мироед заметно оживился, потирал кулыгяпые руки.

— Я, несовершенный, лягу у подножия этой колонны. Пусть иногда, раз в тысячу лет, сюда прилетает птичка, чтобы поточить о колонну свой клювик. И когда колонна наконец подломится, плита погребет под собой ничтожного червяка, каковым я и являюсь в свете вашего несомненного и ничем не омраченного великолепия...

— Вот ты и попался, старый пройдоха! И колонна, и камень, и птица — все будет настоящим!

Мироед ворожил довольно долго, пока не возникла прозрачная колонна, и на вершину ее лег гробовой камень.

Бедный Монах сел у подножия колонны, развернув свой дырявый зонтик.

Не заставила себя ждать и птичка. Птичка была здоровенная, побольше Будимира, клювик она себе завела вроде топора. Пернатая тварь стала точить клювик, на зонтик посыпалась хрустальная крошка. Наконец удовлетворенная птичка улетела, а Лю Седьмой расстелил циновку и улегся поудобнее.

— Куда, куда? — закудаhtал Мироед вслед птичке.

Что-то пошло не так, как он задумал.

— У меня есть много времени, чтобы заняться распространением знаний и укреплении добродетелей, — похвастался Лю Седьмой. — Жбан рисового вина и вечность — много ли надо странствующему поэту? А высокомуудрый Мяо Ен, слушая болтовню Бедного Монаха, преисполнился гордыни в ущерб вниманию. Я же сказал: раз в тысячу лет будет прилетать птичка! И, хотя пташка явно не та, которая требовалась по уговору, это не намного приблизит мою кончину.

С этими словами Бедный Монах вытащил свою железную флейту и весело на ней зачирикал.

Мироед весь сделался красным, даже одежда.

— Довольно! Сейчас вы умрете один за другим!

Он указал рукой на Принца, и Яр-Тур, согнувшись пополам, опустился на черный мрамор.

— Подожди! — закричал Жихарь. Он уже однажды хоронил побратима и знал, что занятие это невеселое. — Зачем тебе наша смерть?

— А зачем мне ваша жизнь? Тайну жалкой вылазки выжившего из ума Беломора я и так узнал, и вам нипочем не догадаться, каким

образом. Ну, взойдет эта звезда — и что? Мне ведь безразлично, разинет змей пасть, увидев Полуденную Росу, или не разинет. То, что мне полагается, я рано или поздно съем.

К умирающему Принцу подошел Будимир. С петушиного клюва капала кровь.

«Так вот почему гадская птичка не вернулась! Петух с чайнецом сговорились! — дошло до Жихаря. — Ладно, Лю Седьмой мудр, да и я не валенок».

— Ты же самого главного не знаешь, дядюшка Мироед! Там, где звезда остановится...

— Не смейте, сэр Джихар! — прохрипел Яр-Тур. — Иначе я прокляну вас, и вы даже не успеете добежать до той самой осины, как тот...

— Помалкивай, ради тебя, дурака, стараюсь! — с нарочитой грубостью сказал Жихарь. Принц застонал и сомлел. — Отпусти его — не пожалеешь...

Мироед хмыкнул.

Лицо Яр-Тура порозовело. Возле Принца хлопотал Будимир, лечил его по-своему.

— Там, где остановится звезда, закопан древний волшебный меч по прозвищу Полироль! — Откуда богатырь выкопал этот Полироль, он и сам не знал. — Так вот, таким мечом можно весь мир напластать ровными кусочками и кушать себе помаленьку. Что его целиком-то в рот пихать? Недолго так пасть порвать или подавиться. Нам этот меч, сам понимаешь, ни к чему, а тебе в самый раз...

— Слушаю, слушаю, — сказал Мироед.

— Значит, так. Встанешь прямо под звездой, потом пройдешь три сотни шагов на полдень. После того поворишишь на закат и отсчитаешь еще двести шагов. Отсчитал? Дальше ступай на восход, туда еще тысяча шагов, далековато, но потерпишь. Ну, наконец, остается пройти всего-то полтора шага на полночь, и меч Полироль — твой. А еще лучше — отпусти нас, мы его сами выроем и тебе принесем... Батюшка ты наш, — добавил богатырь после некоторого раздумья.

— Вы подлый предатель, сэр Джихар, и я убью вас при первой же возможности, — сказал очнувшийся Принц.

— Возможности такой у несостоявшегося короля не будет, — ласково сказал Мироед. — А вот умрет он, обуянный ненавистью, — это хорошо. И ты, рыжий, умрешь, терзаясь малодушием. И старая обезьяна околеет, сознавая свою беспомощность. Я никого не отправляю туда со спокойной душой.

— Да все ты врешь, — просипел Жихарь. — Может, ты никакой и не Мироед, вон у тебя и ротик маленький... Ты, дядюшка, вор и самозванец!

— А вот погляди, — сказал Мироед и распахнул рот пошире давешних ворот. — Подойди и полюбуйся.

Жихарь подошел. «Все равно помирать — запушу-ка я туда свою ваджру, может, она ему беды наделает. Славно как я его приложил — вор и самозванец! Откуда и слова взялись?»

Зубы у Мироеда были белые, крупные, частые и острые. У людей таких не бывает, да и не у всякого зверя встретишь. Миры-то грызть — не кисель хлебать.

Богатырь заглянул в глубину пасти. Там была чернота, усеянная мелкими звездами. Среди звезд плыли, кружась, шары разной величины и расцветки. Иные были покрыты дымом, сквозь дым проглядывали очертания морей и земель. Иногда эти шары с грохотом сталкивались.

«Значит, не самозванец, — подумал Жихарь. — Не соврал. Вон та бедулина похожа на полный месяц, но не совсем похожа, на месяце таких зарубок нет... А кинусь-ка я сам туда — и все дела!»

Но не успел Жихарь изготавиться к прыжку рыбкой, как мимо головы его пролетело что-то горячее и пестрое.

Богатырь успел дернуться назад, и вовремя: Мироед с треском захлопнул рот.

— Нет, вы у меня так легко не отделаетесь, — сказал он. — Меч я теперь и сам найду, а если даже ты наврал про шаги и стороны света — тоже не беда. Я приму облик местного владыки и прикажу моим людям перекопать всю страну. Нельзя быть хитрее меня, ибо и сама хитрость — всего лишь одно из моих многочисленных порождений.

«Ах, Будимир, Будимир, что же ты наделал? — простонал про себя Жихарь. — Как же теперь с солнышком-то получится?»

Мироед схватился за брюхо и заревел. Рев его пригнул людей к полу. Даже Святогор в свои лучшие годы, бросаясь в бой, не мог зареветь громче.

Жихарь подошел к мучителю и покровительственно похлопал его по больному месту. Богатырская рука, к его удивлению, не сократилась, как бывало несколько дней (или лет) назад. Не мог Мироед в одно время страдать и колдовать.

— Курятина, видно, не всем впрок идет, у иного, бывает, так запечет в середке! Изжога называется. Надо кислую воду пить или щелок, я уж не помню...

Мироед быстро охрип реветь, только стонал да раскачивался из стороны в сторону, и вся его мраморная хоромина ходила ходуном заодно с хозяином.

Роковой камень сорвался с хрустальной колонны и полетел на Бедного Монаха, но тот успел увернуться, оставив под камнем на память кусок шелка от штанов.

— Ах, эту ткань подарила мне сама Небесная Ткачиха! — всплеснул руками Лю Седьмой. — Что ж, придется накладывать заплату, чтобы не

уподобиться бесстыдному павиану. Но заплатка на одежде мудреца порой стоит дороже, чем императорский кубок, пожалованный победоносному полководцу.

Яр-Тур подошел к ним и через силу улыбнулся. Они обхватили друг друга за плечи, чтобы не упасть на качающемся полу.

— Как блестяще провели вы свою интригу! — прошептал Бедный Монах, но Мироед, поглощенный своими муками, все равно ничего бы не услышал. — Как правдиво изобразил Яо Тун свой гнев! Нечто подобное, помнится, проделал Главный Евнух в преступном сговоре с Младшим Конюшим, чтобы отправить в отставку канцлера Ли Дунпо. Это было в правление под девизом... под девизом...

— А вдруг такой меч и вправду существует? — спросил Принц, доколе не знавший за собой лицедейских достоинств.

— Да какой такой меч, ты с ума сошел! Просто хитрого всегда жадность губит, — тихо ответил Жихарь.

— Дураки-и, — завыл Мироед, — видно, Будимир малость остыл, дал ему передышку. — Вы же все равно не сможете меня уничтожить, а я рано или поздно от петуха избавлюсь и стану еще злее и чего только на пагубу людям не сотворю!

— Петухов таких, — сказал богатырь, — у нас навалом. На каждом плетне надрываются. Жалко его, конечно, но себя жальче. Пойдем, господа дружина, нечего с ним болты болтать, у нас еще дел невпроворот...

— Я вам помогу-у! — простонал Мироед. — Я передо-умал вас губить! Отзовите своего петуха!

— Это верно, он, кроме меня, никого не послушается. Только как же мы тебе поверим, вражинушка? Ты же сам похвалялся, что всякой лжи и обману приходишься родным отцом.

— Я поклянусь! — Будимир внутри вражинушки передохнул и взялся за дело с прежней силой.

— Может, все-таки попробуем его убить? — пожал плечами Яр-Тур. — Настоящий воин не станет так долго мучить даже последнего мерзавца...

— А как же ты во сне людей на колья сажал? — поймал побратима на слове Жихарь.

— Врагов сажал на колья не странствующий боец, а законный король в своем праве. Почувствуйте разницу!

Жихарь собрался закипеть, но вмешался Лю Седьмой.

— Убить нельзя, поскольку Мяо Ен является не живым существом, а, скорее, отвлеченным понятием. Если его уничтожить, жизнь стала бы счастливой и спокойной, но, увы, остановилась навсегда...

— Понимаю вас, сэр Лю, — сказал Принц. — Мрак и свет, жара и холод... Но чего стоит его клятва?

— Если произнести ее со всеми необходимыми ритуалами, то клятва будет не хуже обещания Нефритового Старца, — сказал Бедный Монах. — Это я беру на себя.

— А небритый старец — он что, сильно честный был, да?

— В отличие от нас, убогих и слабодушных, Старец не мог солгать даже ради спасения престола Неба, — торжественно сказал чайнец. — Вот только чем бы его заставить поклясться? Что у него самое дорогое?

Что самое дорогое у человека, Жихарь знал, но поди угадай нрав этого урода!

— Эй, куроед, что для тебя всего дороже?

Но Мироед, сраженный очередным приступом Будимира, только икал, пускал зеленую слюну да грыз бедные свои пальцы.

— Тьфу ты, пакость, — сказал Жихарь. — Я и сам знаю, что у него самое дорогое: зубы. Много ли он без зубов стоит? Вон и на двери у него знак — пасть да зубы. Если он клятву нарушит, пускай все зубы у него тотчас выпадут, а новые никогда больше не вырастут! И придется ему тогда не миры сокрушать, а затируху сосать через тростинку или хлеб жеваный в тряпочке. Только я ему хлеб нажевывать не собираюсь.

— Приглашаю уважаемого Жи Хана ко мне в помощники, — поклонился Бедный Монах. — Вдвоем мы усмирим всех чудовищ и демонов Поднебесной. Вы очень хорошо придумали, а теперь отойдите, ибо ритуал клятвы для непосвященных вреден и опасен...

Ритуал вышел долгий: дымилась курительные палочки, звенел маленький серебряный гонг, много еще чего было.

— Скорее бы, — сказал Жихарь Принцу, когда они уселись на мраморном полу подальше от клянущегося Мироеда. — Может, петуху у него в брюхе вредно? И что же сейчас без него на земле-то творится?

— На земле, как я понимаю, сэр Джихар, происходит солнечное затмение. Простые люди прячутся по домам либо лежат ничком, благородные воины потрясают оружием, чтобы отогнать от светила опасность, а друиды бесстрашно постигают тайны Вселенной, поскольку затмение согласуется с их расчетами. Есть такое место — Стоунхендж...

— Погоди, — сказал Жихарь. — Ты давеча про осину говорил, на которой мне, предателю, повеситься. Ты откуда эту осину взял? И почему как раз осину, а не березу и не дуб, у которых ветки покрепче будут?

— Это... Это случайно, я назвал первое попавшееся на язык дерево, — забормотал Принц и побледнел.

— Не умеешь врать, королевич, так и не берись. Ты все знал. Ты с самого начала все знал, уже тогда, когда мы на дороге повстречались, так ведь? И встреча была не случайная, так?

— Так, — выдохнул Яр-Тур. — Но ведь это не моя тайна. Мой наставник Мерлин открыл мне все до самых страшных и горьких подробностей...

— И ты молчал?

— Видите ли, сэра Джихар, в пророчествах Мерлина сказано, что разведка моего королевства будет считаться лучшей в мире. Вот я и подумал, к лицу ли мне, ее будущему основателю, распускать язык? Не то чтобы я вам не доверял...

— Беда с тобой, — сказал Жихарь.

— Беда не в том, — ответил Яр-Тур. — Вы, конечно, спасли своей выдумкой нас и наше предприятие, но меня встревожило намерение сэра Мироеда прикинуться царем в тех местах, где остановится звезда. Меча он не найдет и в гневе способен натворить такое...

— Он и натворит, — сказал Жихарь и прошептал что-то Принцу на ухо.

Яр-Тур вздрогнул:

— В самом деле, я и сам бы мог догадаться. Но неужели мы не сможем этому помешать?

— Если бы смогли, так нас бы и упомянули. А там нас нет, понял? И запомни, разведчик лихой: мы идем искать меч, и даже между собой разговаривать нужно только про меч. Ведь Мироед пакостить хоть и не сможет, а следить и подслушивать будет...

— Клянусь, сэра брат. Надеюсь, вы не потребуете от меня соблюдения странных обрядов сэра Лю?

Легкий на помине Бедный Монах спешил к ним с хорошей новостью.

— Клятва принесена в соответствии с законами Запада и Востока. Коварный Мяо Ен обязался никогда не причинять нам вреда и не препятствовать в достижении цели. Силы Добра и Зла в полном составе были тому свидетелями. А теперь позовите свою чудесную птицу Луанья из чрева болящего.

Жихарь подошел к болящему. Обессиленный страданиями и клятвой, Мироед валялся на полу.

Богатырь бесцеремонно черенком ложки разжал ему челюсти, как полагается поступать с припадочными, и крикнул в открывшуюся бездну:

— Будимир! Побесился и хватит! Иди к нам — мы победили!

Петух в бездонном чреве нимало не пострадал, пел превесело, и ему на радостях чуть не переломали перья, обнимаючи.

Мироед тем временем пришел в себя, отряхнулся и снова стал надменным и гордым, что твой Демон Костяные Уши.

— А как вы отсюда думаете выбираться? — спросил он.

— Это уж твоя забота, дядюшка, — развел руками Жихарь.

— Отнюдь нет. Об этом уговора не было. Впрочем, игра стала еще интереснее. Я вас выведу, только... только вы должны мне заплатить. Не хватайтесь за тощие кошельки — здесь в ходу иные ценности.

— Я готов отдать руку на отсечение, — сказал Яр-Тур.

— Сиди ты — калеку в короли не возведут, разве не знаешь? — прошипел Жихарь. — Эй, дядюшка, давай-ка отыми ты у меня страсть к винопийству — видишь, чем жертвую?

— Ни руки, ни ноги, ни тем более страсти ваши мне не нужны, — сказал Мироед. — Но даром здесь ничего не делается, этот порядок установлен не мной. Пожалуй, я... Да, взамен я возьму вашу память.

— Много ли мы сделаем, беспаятные-то?

— Я вовсе не собираюсь превращать вас в дурачков. Да дурачки и не дойдут до цели, в достижении которой я отныне весьма заинтересован. Так что я ничего не теряю, а меч Полироль... Уверяю вас, я доберусь до него куда быстрее, чем вы.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Жихарь. — Такой меч всякому в хозяйстве пригодится. Яр-Туру надо державу отвоевать, мне тоже кое-кого почекрыжить хочется... Так что там с нашей памятью?

— Я возьму не всю память, а только с того мига, как вы согласитесь на мои условия, и только до тех пор, пока вы не достигнете своей цели. Дело свое вы сделаете, но никто и никогда не должен знать, где находится Полуденная Роса.

— Жалко, — сказал Жихарь. — Мы ведь, поди, дорогой таких подвигов понатворим!

— Соглашайтесь, — еле слышно сказал Бедный Монах. — На меня его заклятия не подействуют, и я вам в свое время все подробно расскажу...

— Эх! — воскликнул Жихарь. — Где наша память не пропадала! Дело привычное, сколько раз, бывало, проснешься — и ничегошеньки не помнишь, ходишь и спрашиваешь: как я вчера да что я вчера?.. Я потом сам про это с три короба навру, и будет еще лучше, чем на самом деле!

— А я прикажу своему придворному певцу воспеть этот поход и от него все узнаю, — решил Яр-Тур.

— Значит, согласны?

— Согласны! — крикнул Жихарь...

ГЛАВА НЕИЗВЕСТНО КАКАЯ, НО ПОСЛЕДНЯЯ

А коль это ложь, значит, не было ни Гектора, ни Ахилла, ни Троянской войны, ни двенадцати пэров Франции, ни короля Артура Английского, который был превращен в ворона и не расколдован поныне, между тем как в родном королевстве его ожидают с минуты на минуту.

Сервантес

Понял, что его несут на носилках. Открыл глаза — его и точно несли на носилках. Тот, кто шел впереди, вдруг согнулся, словно обессилев, и выпустил жерди из рук. Жихарь заорал:

— Вы что, с ума посходили — живых людей ронять?

— Слава Небу, — послышался сзади знакомый голос. — Отважный Яо Тун, как и вы, доблестный Жи Хан, только что потерял память и не смог сразу понять, где находится...

Жихарь соскользнул на землю. Он и сам не мог взять в толк, где находится. Яр-Тур глядел на побратима совершенно ошалелыми глазами.

Левую щеку Принца украшал свежий уродливый шрам, все лицо было в мелких черных крапинках, правый глаз распух и заплыл.

На побратиме была длинная, в прошлом белая хламида, голова же замотана окровавленной тряпкой.

Жихарь поглядел назад. Бедный Монах тоже переменял одежду, но его перемены были к лучшему: новенький халат из синего шелка и черная шапка с золотым шариком. Что-то про эту шапку богатырь совсем недавно слышал...

— Где птица? — безголосо спросил Жихарь.

Вместо ответа Лю Седьмой показал на солнце, сиявшее в зените.

Жихарь ощущал себя. Вроде бы все на месте, кости целы. Он провёл языком по зубам. Так и есть: вместо двух верхних передних — пустое место.

— А где мы? — спросил он, и собственный голос показался ему чужим.

— Мы у цели, счастливый Жи Хан. Мы на берегу бескрайнего южного моря, в котором плещется искомое вами чудовище.

— Я все вспомнил, — сказал Яр-Тур. — Вернее, вспомнил, что все забыл. Как же жить дальше?

— Прежним порядком, — сказал Бедный Монах. — Что делать, из книги ваших странствий злодейская рука выдрала немало страниц, и, возможно, самых интересных и увлекательных...

— А ложка? — спросил Жихарь. — А Полуденная Роса?

— Вы совершили невозможное, уважаемые, вы добыли эту странную жидкость. Вот она.

Бедный Монах вытащил из своего рукава ложку, в которой действительно плескалась какая-то водица.

— Осторожно, прольешь! — крикнул Жихарь, но Лю Седьмой перевернул ваджру, а ни капли почему-то не упало.

— Жезл Жуй сохраняет Полуденную Росу, и сила его увеличилась во много раз. Теперь вы смело могли бы выступить против Дикой Охоты.

— Тогда вперед, на Змея! — воскликнул Яр-Тур.

— Торопиться нынче некуда. Чудовище пребывает на одном месте. Давайте просто посидим, отдохнем и поговорим, как полагается друзьям после долгой разлуки.

— Ах, да, — сказал Принц. — Мы ведь все равно что расставались на долго, расставались сами с собой. Какое сейчас время года?

— Уже кончается весна, облетели лепестки вишни, но в этих краях зимы и не бывает... Но сначала подкрепитесь, друзья, это блюда с императорской кухни, здесь есть даже ласточкины гнезда. А в жбане вместо надоевшего вам, Жи Хан, рисового вина отменная персиковая настойка. Впрочем, все это я вам уже говорил, а теперь приходится все объяснять сначала.

Жихарь охотно выпил жгучую и ароматную влагу, закусил жареной лапкой неведомой зверюшки.

— Ты где это принарядился, мил-человек? И почему на нас эти отрепья? И где оружие?

— На первый вопрос ответить смогу, на два оставшихся затруднюсь. Кажется, теперь на них никто не ответит.

Тут богатырь понял, как он устал и проголодался. Припасы Бедного Монаха убывали на глазах.

«Знать не желаю, из чего это все приготовлено», — думал богатырь, быстро хмелея. Он откинулся на свежую траву и заложил руки за голову. Ничего не хотелось, и Змей Уроборос казался уже не желанной целью, а досадной помехой перед долгим отдыхом.

А Яр-Тур тормозил Бедного Монаха, требовал даже мелких подробностей внезапно забытого путешествия. Лю Седьмой мялся и отнекивался, из него можно было вытянуть только какие-то мало связанные между собой истории.

— Вот когда несовершенный уединится в лесной хижине, он сядет за рукопись пространныго трактата, и по прошествии двадцати лет вы наконец выясните все...

«А чего выяснять — живые, и ладно, — думал Жихарь, глядя в пустое небо. — Мне и уцелевших воспоминаний хватит».

— Много мы народу-то поубивали? — на всякий случай спросил он.

— Против нас выходила личная гвардия жестокого Нахир-шаха, но, убедившись в доблести и неуязвимости Жи Хана и Яо Туна, она тотчас изменила своему владыке.

— А чего ему надо-то было, Нахир-шаху?

— Он требовал, чтобы вы, Жи Хан, стали его зятем, поскольку дочь шаха, встретившись с вами, не уберегла занавеси на яшмовых дворах.

— Яшмовых? А, понятно. Всю жизнь одно и то же. А хороша ли она была?

— Лица красавицы, по обычаю страны Грильбар, никто не видел.

— Тогда, может, и лучше, что я ничего не помню. Знаем мы этих красавиц из Грильбара! Страшной Троянской войны! А что же мы с гвардией делали?

— Пировали и состязались в доблести ровно две недели.

— Молодцы, — вздохнул Жихарь. — Ты-то куда смотрел? Старший ведь, должен за нас ответственность чувствовать!

— Несовершенный провел эти две недели в подвале шахского алхимика с немалой пользой для себя и науки.

— Сэр Лю, — вмешался Принц. — А мы что, всю дорогу шли на своих ногах и нигде не покупали коней?

— Не знаю, как вам и сказать. В небольшом городке на юге страны, называемой Бонжурия, была конская ярмарка, и там вы увидели принадлежавших вам некогда рысаков. Вы подняли такой шум, что чуть было не стали причиной мятежа и раздора. Но я зашел в ближайшую винную лавку и обучил ее завсегдатаев увлекательной игре в маджонг. Они ока-

зались людьми азартными и жадными, и я с поясом, полным золотых монет, поспешил обратно на ярмарку. Успел вовремя, поэтому дело не дошло до человекоубийства.

— А может, и зря, — сказал Жихарь. — Продавал коней такой чернобородый, поджарый, в красной рубахе?

— Вовсе нет. Это был чрезвычайно тучный мужчина с бритым лицом и головой.

— Все равно это Мара, — упрямо сказал Жихарь. — Побрился раз в жизни, да еще надул самого себя через соломинку, чтобы не узнали...

— Ваш рыжий конь, Жи Хан, необычайно вынослив, хоть и некабрист. Меня вы посадили к себе в седло, поскольку искусство верховой езды пока не принадлежит к числу моих достоинств.

— Какие твои годы, дедушка Лю! Так где же кони?

— К сожалению, в соседнем городке вы взялись обучить Яо Туна царскому умению пить не пьянея. Как будто моего жбана вам не хватало!

— И что? — заранее содрогаясь, спросил Жихарь.

— Обычное дело. Вы покупали дорогие ткани и приказывали местным оборванцам расстилать их перед собой на грязных мостовых, тратились на подарки девушкам сомнительной нравственности и трижды попадали в застенок, откуда вас приходилось выкупать. Увы, коней вы пропили и прогуляли!

— А чего это мы так запраздновали, с какой радости?

— Такое поведение вполне естественно для молодых людей, живыми вышедших из царства смерти.

— Как я еще ваджру не пропил!

— О, так бы и случилось, если бы чудесный петух не взял жезл Жуй под свою опеку.

— Правильно сделал. А между собой мы не дрались?

— Вы хотите знать правду?

— Выкладывайте все как есть, сэр Лю!

— Однажды вы действительно крепко повздорили из-за юной феи лесного озера, я даже испугался...

— И кому же досталась фея?

Лю Седьмой потупился.

— Жи Хан и Яо Тун молоды, отважны, хороши собой, но кто может изведать пути женского сердца? Фея остановила свой выбор на несовершенном Лю и предложила поиграть в тучку и дождик.

— А мы что делали?

— Ловили рыбу и размышляли о вечности.

— Так у тебя, значит, и в семьсот лет получается?

— Сэр Джихар, — сказал Принц. — Нам должно быть мучительно больно за этот внезапный многодневный загул, но сэр Лю должен

рассказать нам о самом важном, где и каким образом мы добыли Полуденную Росу.

— Увы, несовершенный при этом не присутствовал.

— Как так?

— Ведомые жезлом Жуй, мы пересекли пустыню и оказались в горной стране, названия которой я не знаю, поскольку не у кого было спросить. Возле входа в ущелье, окутанное зловонным дымом бурого цвета, жезл стал издавать тревожные звуки наподобие сверчка. Вы совсем было направились к ущелью, но я предложил подождать до утра. Вечером на дежурном облаке за мной прибыл нарочный от Сына Неба: возникла высочайшая нужда в моем присутствии на заседании Государственного Совета. Дело в том, что несовершенный обременен при дворе высоким званием Министра Без Определенных Занятий. Но тревожат меня очень редко и по самым важным делам.

Я подумал, что возникли какие-то сложности с престолонаследием, и устремился вместе с посланцем в Поднебесную, страхась смуты и гражданской войны. Вы же сочли действия Бедного Монаха вполне правомерными и согласились дожидаться меня на этом же месте. А я задумал воспользоваться случаем и одолжить у своего учителя Шэна несколько очень сильных амулетов. Я надеялся обернуться за сутки, но...

— Что случилось, сэр Лю? Вы прогневили своего повелителя, и он заточил вас в темницу?

— О, если бы так! — Бедный Монах безжалостно разорвал на груди новый халат. — Заседание Совета было посвящено какому-то ничтожному делу, а мой вызов явился следствием ошибки младшего писаря. Но, кажется, я догадываюсь, кто приложил руку к этой ошибке. С горя я пошел в квартал Увядающих Хризантем к знакомой певичке...

— Да не казись ты так, дело житейское! А потом?

— Словом, когда меня, обобранного до нитки, нашли в канаве ученики, прошло несколько дней. Я прибыл на место встречи с большим опозданием. Вы ушли за Полуденной Росой, оставив красную птицу дожидаться меня.

— Так куда же все-таки делся Будимир?

— Благородный петух дал мне понять, что его предназначение выполнено, взмахнул крыльями и устремился в небо, где ему и положено пребывать.

Жихарь поглядел на солнце, Будимира там не увидел, только очи за слезились.

— Я думаю, что с нами он тоже попрощался, — сказал Яр-Тур. — Но что же было дальше?

— Семь дней и семь ночей я прождал вас в этом угрюмом месте, питаюсь только персиковой настойкой, потому что яства берег для вас. Наконец из дыма вышел Яо Тун, несший на плечах Жи Хана. Вы были об-

лачены в эти тряпки. Тела ваши были жестоко изранены, а разум помутнен. Вы походили на узников, только что отбывших длительный срок в подземелье, и говорили на непонятном мне языке. Поэтому я так и не узнал, что таилось в ущелье. Особенно плохи были вы, Жи Хан, пришлось соорудить носилки. Яо Тун безропотно выполнял все мои команды, словно Стальной Солдат из легенды. И мы пошли туда, куда вел нас жезл, и пришли. Тут и сработало заклятие злокозненного Мяо Ена. Остальное вы знаете.

— Ладно, — сказал Жихарь. — Что было — то прошло. Кто-то нас там здорово измордовал. Пахали, что ли, на мне? И отчего у меня грудь горит?

Он разорвал свой балахон, свел глаза вниз, но рассмотрел только красную воспаленную кожу, испещренную синими линиями.

— Накололи! Что у меня там?

— Татуировка, дорогой Жи Хан, причем выполненная отнюдь не рукой мастера. Достаточно сказать, что она одноцветная. На правой и левой стороне груди изображены две головы, глядящие друг на друга. Головы принадлежат мужчинам. Один из них не обременен волосами, зато имеет бородку мудреца, другой густоволос и усат. Усатый держит во рту причудливо изогнутую флейту. Кто они такие, несовершенный не знает. К сожалению, это не единственный рисунок на теле Жи Хана.

— Разберусь я в свое время с этим ущельем, — пригрозил Жихарь. — А пока надо разобраться со Змеем. Встали и пошли.

Они приблизились к самому краю обрыва. Море было зеленое и даже на вид теплое.

— Заодно и помоемся, — сказал Жихарь и ахнул: — Где же Змей?

— Вы не туда глядите, сэр брат. Вот же он!

— Какой маленький! Больше разговоров...

— Это обрыв высокий. Видимо, нам следует на всякий случай попроситься.

— Да ты что! Мы еще с тобой погуляем, погоняем Мироеда, за звездой сходим, посмотрим, как они там... Молчу, молчу! Меч добудем этот... как его...

— Несовершенный хотел бы сопровождать вас...

— Все мы несовершенные, — сказал богатырь. — Однако совершенные на печке сидят, а мы там, где еще никто не бывал.

Лю Седьмой размотал свой длинный пояс, и все трое не спеша, осторожно стали спускаться к морю.

Михаил УСПЕНСКИЙ

6

*Интервью с писателем
Кристианом*

ВРЕМЯ ОНО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Не упускайте случая делать добро — если это не грозит вам большим ущербом. Не упускайте случая выпить — ни при каких обстоятельствах.

Марк Твен

Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Эрнест Хемингуэй

От всего богатства осталась одна монетка, да и та с утра начала вести себя как-то странно.

— Вот оно что! — догадался Жихарь. — Деньга сама на ребро становится — в кабак торопится! Нужно за ней спешить, чтобы не чужой человек пропил.

Не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково: попасть туда несложно, а выйти нелегко.

...Богатырь вернулся в родное Многоборье к осени, когда собирают урожай, ставят медовуху и учиняют свадьбы. Далек впереди него бежала грозная слава победителя, разорителя и полководца. Славу разносили совершенно за бесплатно и говорящие птицы, и немногословные бродяги, и добросовестные лазутчики, и безответственные болтуны, и базарные торговки, и заслуживающие всяческого доверия мудрецы.

Потому что возвращался не прежний рыжий Жихарка, ввергнутый жестоким князем Жупелом в Бессудную Яму за дерзость, а овейанный легендами Джихар Многоборец, прошедший с боями и драками чужие земли, достигший пределов света и там покоривший своей воле Мирowego Змея. Знато было уже и о том, какое позорное поражение нанес богатырь самому Мироеду, какой страшной ценой добыл он Полуденную Росу и каким образом сделался преемником Святогоровой силы.

Рассказывали громким шепотом и о соратниках ужасного Джихара — королевиче Яр-Туре и Чайной Страны человеке Лю, которые были непобедимыми воинами и умелыми чародеями. Их в Столенграде почему-то особенно опасались — люди пришлые, им чужая жизнь дешевле грошика. А когда вспоминали петуха Будимира, то тут же прикусывали языки и тыкали пальцами в самое солнышко.

Князь Жупел на вид общим страхам не поддавался, велел рубить в лесах засеки, ставить на дорогах заставы, сооружать ложные постоянные дворы с ядовитой брагой. Начали наспех возводить вокруг Столенграда новый частокол, мысля успеть до прихода непобедимого воинства. Но богатырь вернулся один.

Джихар Многоборец благополучно миновал все пакостные засады, поскольку шел не прямоезжей дорогой, а по известным ему с детства лесным тропам, и внезапным было его появление перед городскими воротами. Оттого что был Жихарь один, стало еще страшнее. И шел он босиком, перебросив связанные сапоги через плечо.

И песню пел он лютую, вгонявшую в холодный пот:

Гуси-лебеди летели,
Кулика устьь хотели.
Не уешьте кулика —
Кулик бедный сирота.

Скоро все узнают в школе,
Как несчастный тот кулик
Вопреки враждебной воле
Стал разумен и велик.

И теперь он лебедей
Не считает за людей,
Он врагов, как траву, валит
Да свое болото хвалит:

«Здравствуй, милое болото!
Я вернулся из полета,
Видел горы и леса,
Ерунду и чудеса.

Славен силой молодецкой,
Всюду лез я на рожон.
Видел берег я турецкий,
Только мне он не нужен.

Бил я крупну дичь и мелку,
Бил иные племена.
Видел Африку-земельку —
И она мне не нужна!

А нужна моя трясина.
Так встречай родного сына!
Ты у нас ведь хоть куда —
Не земля и не вода.

Здравствуй, древняя лягушка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя! Где же кружка?
Кто разбил ее, злодей?

Я ему, тому злодею,
Буду долго мылить шею,
И с набитою сумой
Ворочуся я домой.

После нового рожденья
Я вернулся полон сил.
Тот не знает наслажденья,
Кто врагу не отомстил!»

Даже ежу было понятно, что в первых строках своей песни герой сравнивает себя с куликом, а под гусями-лебедями подразумевает многочисленных врагов и недоброжелателей. Поэтому еж встревожился и поспешил убраться с дороги.

Стражники-привратники потом приврали, что пытались пришельца сечь мечами и колоть копьями, но мечи об него ломались, а копьё отскакивали.

На самом деле никто на такое не отважился, ведь богатырь был во все без оружия. Стало быть, охраняют его такие сильные чары, что лучше уж не пытаться судьбу себе на погибель.

Жихарь остановился у ворот, отогнал грозным оком стражников, легко потянул ворота на себя, отчего балка-засов с другой стороны с сухим треском переломилась. Богатырь поочередно снял обе створки с петель, оттащил в стороны и бережно прислонил к столбам-вереям.

Путь в Столенград был открыт.

Князь Жупел давно надоел всем хуже горькой редьки, но все не выпадало многоборцам случая с ним посчитаться. А теперь за Жихарем потянулись какие-то неведомые подзаборные молодцы, они начали кричать про князя всякие гадкие, но правдивые слова. Потом и остальной народ услышал в себе силы великие, обиду лютую, ярость благородную, гнев праведный и прочие полагающиеся при мятеже и смуте чувства.

Сразу, не дожидаясь, чем закончится толковище с князем, принялись за спиной Жихаря грабить богатые терема.

Князь Жупел без толку метался по своей светлице. Самый лучший его боец — варяг Нурдаль Кожаный Мешок — незадолго до этого убрался в северные свои свояси, не простившись и даже не спросив положенного жалованья. Слуги, один за другим посылаемые Жупелом за дружиной, назад не возвращались, и никто не мог доложить владыке, что верная дружина уже давно покинула город и расположилась под речным берегом, на всякий случай ладя плоты для бегства. Дружина ведь тоже перед Жихарем провинилась — мало того что никто не заступился за боевого товарища, так еще сами же его повязали и в Яму кинули на верную смерть.

Место старого варяга близ князя занял другой пришлый вояка — Дерижора, по прозвищу Подержи Мой Тулуп. Детина был здоровый, дородный, чернобородый и черноглазый, он пришел на службу из далекого приморского города, где, видно, здорово провинился перед властями. Дерижора никого не боялся, был весел и шумлив, людей сильно не обижал, но в переулке после заката было ему лучше не попадаться: оставит без всего да еще пошутит про это. На щите этого чуженина изображен был родовой знак: в лазоревом поле семь сорок. Должно быть, по причине болтливости.

Про Жихаря Дерижора только слышал слыхом, но рассказам не верил, поскольку и сам был горазд на выдумки. Когда у княжьего крыльца поднялся шум, Дерижора нехотя встал с лежанки, велел напарнику поддерживать тулуп и вразвалочку вышел на крыльцо.

Богатыри долго стояли друг против друга — один наверху, другой внизу. Потом Дерижора все-таки сошел вниз — ему мечталось поскорее покончить с этой докукой и вернуться на лежанку досматривать сон о родном городе с белокаменной лестницей до самого моря. Но даже на земле превышал он Жихаря на голову.

— Ты Соломону Давидычу не родня приходишься? — спросил Жихарь. — А то похож. Не дело выйдет, если я тебя обижу: мы с премудрым царем из одного котелка ели, одним плащом укрывались.

— Делай ноги, — посоветовал Дерижора. — А то будет такое, шо это немисливо. Ой, шо будет, шо будет!

— А что будет? — удивился богатырь.

— А станут тебя повсюду искать, да не найдут, и мамочка заплачет..

— Не родня, — решил Жихарь. — Тот был премудрый, а ты, гляжу, преглупый. За чужого дядю голову подставляешь. Дай пути, не доводи до худого.

— Лучше сделай так, шоб я тебя не видел, — сказал Дерижора Подержи Мой Тулуп.

— А, это можно, — охотно согласился Жихарь.

Он за спиной соорудил из указательного и безымянного пальцев нехитрую рогульку и рогулькой этой ткнул князьему заступнику в черные печальные глаза.

Дерижора возопил и схватился руками за лицо.

— Глаз не бабья снасть, проморгается, — утешил его богатырь, потом легонько плечом устранил с пути и побежал в терем.

На лестнице никакой стражи не было вовсе, и в княжескую светлицу богатырь ворвался невозбранно, но тут в нос емушибанула страшная вонь, будто не ко владыке Многоборья Жихарь пожаловал, а в несчастное село, где погуляла Коровья Смерть.

Князь Жупел Кипучая Сера лежал на столе в небольшом гробу, скрестив на груди связанные на всякий случай тряпицей ручки. Личико у князя стало от смерти желтенькое, носик востренький, даже жалко было смотреть постороннему человеку, незнакомому, на свое счастье, с Жупелом.

Над гробом, преодолая смрад, убивалась княгиня Апсурда. Она слегка колотилась покатым лобиком о край домовины и задавала воющим голосом покойнику напрасные и безответные вопросы: на кого именно он ее покинул и чего ему на белом свете не хватало.

По лавкам вдоль стен светлицы сидели ближние слуги, премудрые советники и просто непременно при всяком похоронном деле старички и старушки. Когда вдовствующая княгиня особенно высоко забирала голосом, они помогали ей таким же воем.

— Доигрался, подлец, — разочарованно проворчал Жихарь. — Не только околеть успел, но и провонять удосужился...

Но только Жихарь был уже не тот. Много чего он в своих странствиях насмотрелся, много чего наслышался. Прищепил себе богатырь ноздри пальцами и не побрезговал склониться над мертвецом.

— Так, — сказал он громко. — Не обессудь, скорбная вдовица, а только придется муженьку твоему допрежь похорон вбить в белые груди осиновый кол, чтобы не вздумал за гробом баловаться...

Скорбная вдовица завывала громче прежнего, а сочувственники подхватили. Княжий советник Корепан, седой и на вид благообразный даже, кашлянул и сказал осторожно:

— Не дело задумал, ваше богатырство. Он же все-таки князь, и хоронить его надо по-княжески, тризну справить...

— Ладно, — прогундосил Жихарь. — Ради княгинюшкиного спокойствия не будем ему кола втыкать, похороним по-княжески: выроем преглубокую яму, заколем коня любимого, слуг верных туда же метнем. Он ведь и в Костяных Лесах без советника, например, не обойдется...

Верные слуги и соратники покойного мигом устали завывать по князю и заголосили по себе в том смысле, что верные-то они верные, но не до такой же степени!

— О какие вы! — сказал Жихарь. — Лукавые да вероломные! Да уж каких заслужил! Добро, не будем людей зря трудить, курган насыпать. А поступим так, как в жарких странах за Зимними Горами делают. Сам видел на обратном пути предивный обычай в тех краях. Когда помирает ихний раджа — это вроде князя, только мелкий да чернявый, — то складывают высокую и просторную поленницу из духовитых смоляных дров, помещают покойника в белом свивальнике на вершину, потом хором плачут и факел подносят. А любимая жена раджи (жен они, против нашего, по многу держат) доброй волею на тот костер восходит и в огне за мужем следует... Тут и честь, и верность, и добрым людям польза: все иные бабы острастку получают и, бывает, целый месяц после того мужьям не перечат. Так особая книга велит, «Камасутра» называется...

Про книгу он, конечно, приврал, поскольку прочитать ее не смог, а любовался одними картинками. На картинках же никаких костров вовсе не было...

— Еще чего! — заорала вдовица, и слезы у нее тут же высохли, как вода на раскаленной плите. — Я к батюшке своему гонца послала, он сюда войско приведет и всех вас казнит за меня!

— Ой, — испугался Жихарь. — Не надо нам сейчас войны, учиним по-другому. Нужно у покойника вынуть черева и мозги — я покажу, как это делается, — да и засушить на веки вечные...

— Ты бы ушел отсюда, ваше богатырство, — мягко сказал Корепан. — Дай уж нам с владыкой по-своему попрощаться, похороним и без тебя...

— Ага, — сказал Жихарь. — Знаю я вас, догадываюсь... Тогда вот что. Похороним его бесчестно, словно приبلудного бродягу, каковым он и был... А гроб для приличного человека сбережем!

С этими словами богатырь отодвинул княгиню от ложа скорби, поднял гроб и вытряхнул князя Жупела на выскобленные добела доски пола. Вместе с князем полетели на пол и куски тухлой рыбы.

Жупел не успел выставить вперед спутанные руки, больно ударился, ожил и завопил.

— Вот каков я могучий чародей! — похвалился Жихарь. — Мертвых подымаю, верной жене супруга усопшего возвращаю! Правда, ненадолго. Вставай, притворенный, судить тебя будем!

Жупел Кипучая Сера кое-как поднялся, путаясь в просторных смертных одеждах.

— Суди-ить? — прошипел он, и костяной гребень на княжеской голове даже покраснел от злости. — Да кто тебе право дал меня судить? Я всенародный избраннык, а ты — беглец да изгой! Я на тебя жаловаться буду — сам знаешь кому.

— Знаю, — сказал Жихарь. — Не первый день живу. Что ж, отправлю тебя к твоему заступнику, там друг дружке на меня и жалуйтесь — легче будет...

И занес кулак над княжеской головой. Кулак и голова были одного размера.

Бывший покойник как-то умудрился уклониться от рокового удара, извернулся и, сшибив по пути княгиню Апсурду, рванулся к выходу.

Жихарь гулко затопал вдогонку. Жупел кубарем скатился с лестницы, надеясь обрести защиту у наемника Дерижоры, но тому было не до хозяина: заезжий молодец с большим трудом отбивался выдернутым из плетня колом от наседавших на него многоборцев.

— Прекратить, — на бегу приказал Жихарь.

Князь выскочил с подворья и устремился в город. Перебирал он коротенькими ножками столь быстро и резво, что даже подзаборные молодцы на миг прекратили грабежи, чтобы полюбоваться погоней. Подставить беглецу ножку никто, впрочем, не догадался или не посмел.

— А-а, вон что ты задумал! — просопел Жихарь, свернул в сторону и полез через плетни и заборы, чтобы перехватить Жупела. Но за время богатырского отсутствия в Столенграде произошли кое-какие перемены: на месте пруда возникли огороды, а на месте прежних огородов выкопали пруд, и пришлось его пересекать — где по грудь, а где и по маковку.

Хитрый князь поспел раньше к тому месту, куда стремился. Это, понятное дело, была все та же неистребимая лужа напротив постоянного двора старого Быни, откуда в свое время Жупел вышел, чтобы княжить над Многоборьем.

Лужа была неглубокая, но князь нырнул в нее с разбега, как в омут, — только полетели в стороны брызги грязи пополам с зелеными ошметками тины да круги разошлись и сразу пропали.

Жихарь утер мокрым рукавом лицо:

— Все-таки сбежал к Мироеду под культяпую руку, подлая душа! Ничего, еще встретимся...

Он отошел от лужи, приблизился к постоянному двору и сел на крыльцо, чтобы маленько обсохнуть после неожиданного купания.

Тут в конце улицы возник наемник Дерижора. Кол он уже бросил и теперь надеялся единственно на ноги. Ограбленные им жители с улюлюканьем нагоняли его.

— Расхрабрились — сотня на одного! — возмутился богатырь и поднялся с крыльца. — Что-то раньше такими храбрыми не были! Завели себе обычай — богатырей бить! Не дам чужинца в обиду.

Дерижора добежал до постоянного двора, обнял руками столб коновязи и стал отдыхиваться. Преследователи остановились в нескольких шагах.

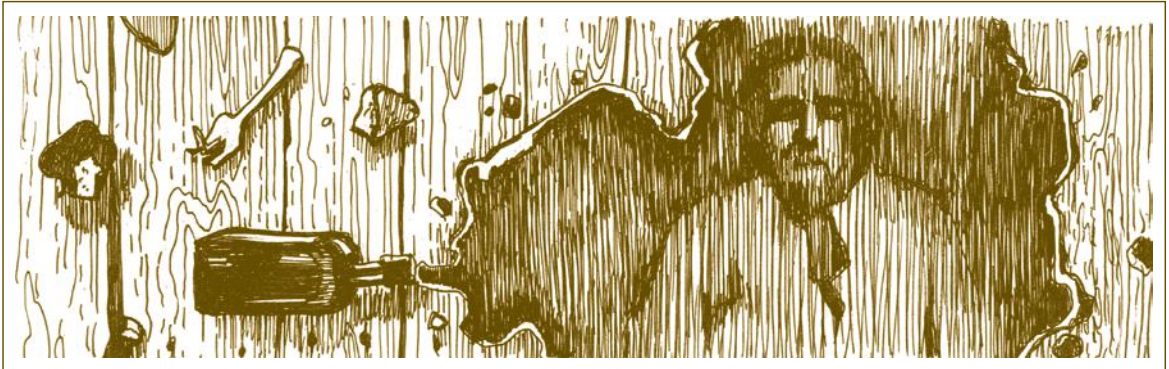
— Вот так-то, — сказал Жихарь. — Не бойтесь: зла ни на кого не держу. А с тобой, друг любезный, зайдем-ка мы в кабак. Тебе на посошок выпить надо, а мне за возвращеньице. Всех зову, какие желают. И за дружиной сбегайте, всех прощаю на радостях...

С этими словами богатырь достал из штанов мокрый, но туго набитый кошель.

— Золото не киснет, не ржавеет! — объявил он и шагнул за порог.

...Ой не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково...

ГЛАВА 2

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Льюис Кэрролл

«**Ж**аль, что ваджра моя, Золотая Ложка, в пучину морскую канула, — рассуждал Жихарь, глядя на последнюю денежку. — А то я бы с ее помощью деньги приумножил и еще погулял...»

Лю Седьмой, правда, утешал богатыря, что чудесный жезл Жуй имеет свойство возвращаться к прежнему хозяину, — правда, в ином обличье и с другими свойствами. На обратном пути Жихарь на всякий случай подбирал с дороги разные диковинные предметы, но ни один из них чудес не творил и с ваджрой близко не лежал.

— Последнюю денежку пропью — и стану княжить! — провозгласил Жихарь и бросил золотой на прилавок.

На звон золота из-под столов и лавок начали выползать различные люди. Оставалось их, правда, уже немного, не сравнить с первыми днями. Поредело застольное воинство: иные совсем опились, иные заболели, иных утащили по домам жены, матери и сестры. А уж и пито было! Пока провожали заезжего Дерижору, прикончили весь кабацкий припас. Даже до пивного сусла добрались.

На постоялом дворе и в кабаке нынче вершил все дела не старый Быня, а совсем новый человек по имени Невзор, прозванный так то ли за невзрачный вид, то ли за пустоглазие. Сам Невзор в жизни ни разу не пригубил зелена вина и разбирался в нем из рук вон плохо. Напокупает, бывало, у проезжего торговца заморских напитков, а они либо кислые, либо приторные, либо прямая сивуха — только что бочонки яркие и нарядные. Еще он был известен тем, что в лихую военную годину, когда поднималась не только вся дружина, но и прочий люд, притворялся спятившим и оставался дома, покуда не проходила гроза.

В этот раз пришлось Невзору посылать за вином по деревням и хуторам, собирать где только можно, — ведь не каждый день кабатчику идет такая удача. В зелено вино он еще сыпал дурманный лист и жалел, что летом заготовил мало этой отравы.

За гульбой Жихарю недосуг было даже позаботиться о добром жилье — ночевал либо у вдовушек (при Жупеловом правлении их много стало), либо тут же, на постоялом дворе. Каждое утро, едва продрав глаза, собирался он пойти на княжий двор, чтобы распорядиться властью, но всякий раз находилась добрая душа, услужливо подносила ковшик для поправки, и все начиналось сызнова.

Сопьяницы с разинутыми ртами слушали рассказы богатыря об иных землях и народах. При этом они не забывали плескать во рты дармовое угощение. Ковши непременно опорожняли до самого доньшка, чтобы зла не оставлять. А зло все равно оставалось.

Княгиня Апсурда (не воевать же с бабой!) забрала из княжьего терема все свое приданое, а вернее сказать — выгребла терем под метелочку, нагрузила семь возов всякого добра и поехала, оскорбленная, к батюшке.

— Дурак ты, Жихарь, — говорили самые трезвые из сотрапезников. — Ты бы лучше на ней женился. Ведь муж княгини кто? Ясное дело, князь. Тут уж никто не возразит, а то начнут всякие препоны ставить...

— Передо мной не то что препоны — целое море на уши ставили, и то преодолел! — отвечал Жихарь. — А на Апсурде я Мироеда культяпого силком женю, когда поймаю. Если он ей сам сразу голову не откусит, то недолго протянет...

— Воля твоя... — отвечали ему, потому что другой воли в Столенграде пока не было. И оттого там творились всяческие непотребства.

Подзаборные молодцы заглядывали в кабак наскоками, быстро опорожняли поднесенную щедрым Жихарем посуду и спешили вершить свое привычное дело: лазить по чужим клетям и сараям, обижать девок и мальцов, пускать красного петуха.

Время от времени слухи о непотребствах доходили до богатыря, он вставал с лавки, брал подходящую оглоблю и бежал чинить свой правый суд, да не всегда успевал добежать. Часто от его вмешательства становилось еще хуже.

— Чего-то я не то делаю, неправильно живу, — говорил Жихарь, обхватив рыжую голову.

— А вот ты маленечко выпей, и станет правильно! Ты ведь нынче князь! Кому же еще престол доверим?

— Уйду я от вас совсем — подвигов искать! — тосковал богатырь. Но ведь и для этого следовало сперва проспаться, сходить в баню и переодеться во все хорошее и новое. Да и не ходит никто за подвигами в такое-то время — потому что набитого золотом кошелья хватило как раз до белых мух.

— Только теперь уж, друзья любезные, не обижайтесь, — сказал Жихарь и пальцем вытащил из ковша захмелевшего сверчка. — Править буду строго. И не вздумайте ко мне за поблажками соваться — вместе, мол, пили. Я в своих странствиях с кем только не пил — и со славными героями, и с побирушками, и с бонжурским царем, и с неспанским королем. Тот, помнится, все женить меня хотел. Да вот беда: я-то один, а дочерей у него две. Одну зовут Началита, а другую — Кончита. Обе красавицы, хоть разорвись. Одну приголубишь — другая от тоски зачахнет. А то и ножиком пырнет — девки там горячие. Это я к тому, что, если все мои собутыльники соберутся, в Многоборье и земли под пашню не останется. Так что знайте. А то ко мне по ночам уже стали являться мои побратимы, глядят с укором и пальцем грозятся. Ну да ничего. Вот сейчас опростаю остатнюю чашу и за дело возьмусь...

— Так ведь княжеская казна еще не тронута, — подсказал кто-то.

— Чего? — заревел Жихарь, и подсказчик спрятался под стол. — Княжескую казну употребим не на пропой, а на дело. Начнем, к примеру, копать глубокую канаву от реки до самого Соленого моря. Небось Яр-Тур мой там уже всю царствует. Будем торговать, на корабликах плавать... Бороды дружно побреем, за морем бород уже не носят... Каменные дома воздвигнем небывалой высоты... Голубей станем гонять, змеев запускать... Да что там змеев! Я и сам способ летать придумал! Сошьют наши бабы громадный кубарь из тонкого шелка, наполним его горячим дымом и улетим далеко-далеко...

Сопьяницы разом вздохнули и разом же с тоской поглядели на закопченную стену кабака, словно там и была неоглядная даль.

С каждым новым ковшом даль становилась все неогляднее, каменные дома — все выше, а канава до Соленого моря — все шире и глубже.

— Человек не скотина, мечту мечтать должен, — наставительно сказал Жихарь. И понял, что слова-то правильные, а место здесь для них не самое подходящее. Он вдруг внезапно протрезвел, поглядел на невытертую столешницу, на рыбы да мясные кости и подумал: «Вот и все мое княжение — до кабацкого порога...»

— За вином опять посылать придется, — проворчал из глубины кабака Невзор. — Уже всем кланялся — и отбывальцам, и простолобам. Вино нынче в цене — люди свадьбы начинают справлять. А ежели день-

ги кончились, так у меня же и займи. Князем заделаешься, тогда отдашь. И лихву-то возьму небольшую: за десять золотых вернешь дюжину, и все дела.

— И правда, Жихарь, — донеслось из-под стола. — К чему жалеть Жупелово добро? Оно нашей кровью и потом нажито...

— Да ты в жизни винища-то куда больше, чем пота и крови, пролил, — сказал Жихарь, но задумался. В самом деле, зима долгая, снега падут глубокие...

— И то, — решил он. — Согласен.

— А долг станем складчиной отдавать! — хором вскричали все застольники. В этот миг они чистосердечно полагали, что так все оно и будет.

— Вот за что я вас люблю, — чуть не зарыдал богатырь. — Велите звать песенников, гусяров, а красным девицам да детишкам — пряников от пуза!

Весть о том, что Жихарь Избавитель пошел на второй заход, разошлась по Столенграду быстро, как пожар.

Справный хозяин откладывал шило, вешал недочиненную сбрую на гвоздь и накидывал на плечи полушубок. «Не вопите, не на битву собираюсь!» — одергивал он жену и детей и выходил на улицу.

Кузнецы и оружейники тоже чувствовали, что молот им стал неподъемно тяжел, быстренько смывали с себя сажу и копоть, снимали кожаные фартуки.

Мастеровой народ вслед за богатырем успокаивал себя тем, что зима долгая, а снега глубокие, и много чего еще за эту зиму можно переделать, Жихарь же гуляет не всякий год.

В дружине кое-какой порядок все еще держался — почти все вернулись к службе. Но ради такого случая можно было сделать и послабление. «Вот сейчас падут снега на черную грязь — к вам вообще никто не пролезет!» — рассуждали воины, слагая с себя броню, оружие и обязанности. Засапожные ножи, впрочем, оставляли — все-таки в кабак шли, где по-всякому может повернуться.

Даже те, что несли стражу при городских воротах, потребовали себе пряников и чем те пряники запить.

И столько народищу собралось на постоялом дворе, что решили праздновать на вольном воздухе под навесом — благо настоящих морозов еще не было.

«Пока не князь, а гуляю не хуже», — похвалил себя Жихарь, оглядев двор. Зазвенели гусли, загудели гудки, засопели сопелки — песенники возрадовались повторному заработку.

Никто и не заметил, как в открытые ворота въехал всадник на вороном коне. Был тот всадник высок и статен, облачен в золоченые латы, хотя ни меча, ни копья при нем не было.

Всадник уже спешил и закинул удила своего жеребца на коновязь, когда на него налетел кувыркавшийся хмельной скоморох, от души обругал и тут же полетел дальше — потому что незванный гость поддел скомороха тяжелым сапогом.

На шум иные обернулись и, поскольку были еще в себе и в уме, встревожились: не злую ли весть принес незванный гость, не решились ли коварные соседи на дерзкий зимний набег, не поднялся ли из праха и ничтожества разгромленный еще дедами и прадедами Черный Нал...

— Моему потребен сэр Джихар Золотая Ложка, — объявил незнакомец, а голос его перекрыл и звончатые гусли, и скомороший похабный визг.

— Кажись, тебя, княже! — польстил щедрому Избавителю пнутый скоморох.

— Князь не князь, — сказал Жихарь, вставая, — а сэр Джихар буду я.

Незнакомец почтительно склонился. Лицо у него было длинное, что у коня, но не вороное, а, напротив, бледное-бледное — словно вырос он в погребке, где ни солнца, ни ветра.

— Вы уже есть сэр Джихар или только будет ему через некое времени? — уточнил незнакомец.

— Да Джихар я, Джихар, — сказал богатырь. — Разве не видно?

— Так есть, — сказал незнакомец. — Отнюдь я есть сэр Мордред, племянник короля логров. Мой лорд есть вам неродной брат. Эрго, я есть вам неродной племянник.

Жихарь внимательно поглядел на нежданного племяша через мутный глаз.

— Да уж, — сказал он наконец. — Умеет братка имена давать. Точно что Мордред — краше в гроб кладут.

— Как раз именно такой и кладут, — сказал Мордред и вроде бы еще побледнел, хотя бледнеть было уже некуда. — Мой лорд, повелитель Карлиона, Лотиана и Оркнея, властелин Белых Скал и Четырех Битлов, высокий хозяин замка Камелот, передавал посредством меня свой привет свой неродной брат, послание тайными рунами и подарок.

— Гостю — честь и место! — распорядился Жихарь. Мало ли у кого какое лицо! Главное — весточку привез от Яр-Тура.

Гуляки расступились и пропустили сэра Мордредра во главу стола. Жихарь приглашающе хлопнул по лавке:

— Садись, племянник названный! Сам видишь — гуляем.

— Грамоту бы верительную у него спросить, — сказал кузнец Окул по прозвищу Вязовый Лоб (в питье он был единственный Жихаря достойный супротивник). — Мало ли что...

— Побратим с худым не пришет. Да и конь у него не простой, сразу видно — королевских конюшен, — сказал богатырь и зачерпнул из бочонка ковшом. — Первым делом прими, воин, с устатку.

Бледный сэр с большой тревогой поглядел на ковш, потом решил-ся, выпил до дна — и долгое лицо его покрыла совсем уже снежная белизна.

— А вот капустки, — сказал Жихарь. — Оно и отойдет. Ты ешь, подкрепляйся, а я пока весточку от любезного брата изучу...

— Не годяет, — сказал сэр Мордред. — Таковое послание не читаемо публично, когда гуляем. Печать короля не залита вином.

— Понял, — сказал Жихарь. — Верные твои слова. Руны тайные — значит, и дело тайное. Вот проспимся, на свежую голову и почитаем.

— Истина, — сказал сэр Мордред, принимаясь за окорок. Окорок был сочный, свежий, но на лице гостя это никак не отразилось — он словно сено жевал.

— Ну и как у вас там? — спросил Жихарь. — Круглый Стол соорудили, как я велел?

— Истина, — сказал сэр Мордред, племянник. — И один кресло становится всегда пустой. Никакой не может его занимать. Оно для неродной брат короля, оно ждатель сэр Джихар Голдспун. Который сядет туда — умрет смертью.

— Вот налажу здешнюю жизнь, тогда, может, и приеду, — сказал богатырь.

— Ты наладить, — согласился сэр Мордред. — Тебя лучше нет наладить.

— Вот видишь — ожил, повеселел, — обрадовался Жихарь.

Пир пошел своим чередом. Песни петь стали уже все — и скоморохи, и мастеровые, и дружинники. Пели в основном веселое, только лучники затаили было свою жалостную, протяжную — «Ой вы, братцы, вы брательники, не стреляйте вы друг в дружку-то», но им запретили портить добрым людям праздник.

Сэр Мордред пытался даже подпевать, а потом хлопнул себя по белому лбу и вытащил из-за пазухи небольшую бутылку черного стекла. Он не стал отбивать горлышко, как принято у людей благородных, а долго и скаречно извлекал пробку.

— Вот, — сказал он. — Это есть эликсир Мерлина. Ему на три больших глотка. Первое глотко пить сэр Джихар. Второе глотко пить чайный мудрец. Третье глотко пить сам король. Тогда будет один душа или дух. Мой лорд велел так. Такой порядок.

— Как бы все не выхлебать по нечаянности, — вздохнул Жихарь, взял побратимов дар и запрокинул малый сосуд. Влага в нем была крепкая и душистая, вроде памятной Мозголомной Браги.

Сэр Мордред бережно принял бутылку назад, заткнул пробку и схоронил сосуд на прежнее место.

— Так ты и к почтенному Лю собираешься? — спросил богатырь, отдышавшись. — Не ближний свет! Куда ты поедешь без саней, без дорог? Зимуй у нас, а уж по весне, как просохнет...

— Там станем поглядывать, — сказал сэра Мордред.

И с новой силой замелькали ковши, забегали миски, полетели под столы кости, а песенники припомнили уж такие древние и оттого бесстыдные песни, что на отдаленных окраинах Столенграда ни с того ни с сего начали краснеть молодежи.

Даже посланник Яр-Тура вдруг разгорячился до того, что выхватил у гусяра его инструмент, вышел на середину и приказал скоморохам бить в бубны часто-часто. Гусли он взял наперевес и завел, раскачиваясь, неведомую в здешних местах песню. Голос у гостя был хриплый, а песня — свирепая, хоть и не боевая.

«А где-то я его видел, — вдруг подумал Жихарь. — Ну не его, а кого-то похожего... Что-то мне вспоминается, это еще до Мироеда было... — Удары бубна становились все чаще, но не поднимали в пляску, а усыпляли. — Да, точно... Она еще сестрой Яр-Тура назвалась, бледная такая же... Племянник, значит... А может, он и не племянник... То есть побратиму племянник, а мне...»

— Жихарь, а ведь он про Черный Шабаш поет, — сказал Окул Вязовый Лоб. Кузнец ремеслу своему учился в дальних землях и многое повидал. Но Жихарь его уже не слышал, положив голову на стол.

— Смотри-ка — сегодня моя взяла! — обрадовался Окул и сразу забыл про страшную песню.

Потом зажгли факелы, потому что стемнело, веселились при огне, про Жихаря уже не вспоминали.

Утром проснулись кто где — кто в родной избе на печи, кто в сенях (если жена в избу не пустила), кто на полу кабака.

Один Жихарь не проснулся.

Его трясли, обливали водой, били по щекам, давали нюхать тлеющий трут — лежал колода колодой, глаз не открывал, дышал редко и неглубоко.

Окул впору вспомнил про гостя и его бутылочку.

— Опоил, гнида, — сказал кузнец. — Ну, держись теперь...

Но уже не было на постоялом дворе никакого бледного сэра Мордреда, лишь под лавкой, где он сидел, растекалась лужа зеленого вина, в котором валялись ломти окорока, шматки капусты и прочих немудрящих угощений — словно все съеденное и выпитое мрачным гостем проваливалось и сквозь него, и сквозь лавку.

И вороного коня тоже не было: на коновязи в уздечке билась какая-то мелкая тварь. Не крыса и не жаба, а все равно противно.

И следов копыт на первом снегу не было — ни к воротам, ни от ворот.

ГЛАВА 3

Хорошие люди после смерти попадут в США, а плохие — в Сомали.

Услышано в очереди

Жихарь оглянулся через левое плечо. Там было все по-прежнему: ...**Ж**рыжая башка богатыря лежала на столе, вокруг быстро-быстро бегали люди, тащили на стол бочонки и кувшины, мгновенно их опорожничивали.

Жихарь оглянулся через правое плечо. Сзади была полная, непроницаемая тьма.

Богатырь хотел вздохнуть поглубже, но было нечем. Вернее, стало все равно — дышать или не дышать.

Впереди, в серых сумерках, покачивался в седле посланец побратима. Жихарь ускорил шаг и, как ему показалось, поплыл над землей, изредка отталкиваясь от нее сапогами. Так бывает во сне или когда отведешь перелет-травы.

— Как же так — я и там лежу, и здесь хожу, — сказал Жихарь, но голоса своего не услышал.

Он упорно держал направление на всадника. Вороной тоже двигался медленно, еле поднимая ноги, но поспеть за ним богатырь никак не мог. Вот впереди уже лишь черная полоска на сером окоеме... Потом полоска начала расти, словно всадник остановился и решил подождать. Жихарь начал нагонять его долгими плавными прыжками.

Жихарь еще раз оглянулся через левое плечо. Прошлая жизнь осталась на прежнем месте, в двух шагах. На постоялом дворе люди

перестали гулять, но двигались стремительно, уложили тамошнего Жихаря на стол, суетились вокруг него, пробовали поднять...

Оглянулся через правое — опять ничего, темнота.

— Отгулял... — беззвучно сказал богатырь. Солнца здесь никакого не водилось ни на восходе, ни на закате, поскольку свет был ровный, серый, жидкий — об корягу на запнешься, зато и рассмотреть ничего толком не рассмотришь.

Черная полоска впереди все росла и доросла до того, что стало понятно: никакой это не всадник, а дерево от земли до неба. Богатырь с детства знал, что существует такое. Не знал только, что увидит его так рано.

«Отчего же мне и не дышится, и не говорится?» — спросил себя Жихарь и сразу вдруг понял, что тело его там, сзади, на разоренном столе, живет и дышит — но не видит, не слышит, не думает...

«А кто же я тогда такой?» — испугался Жихарь, похлопал себя по бокам и сообразил, что он теперь никто.

— Это все сонный морок! — закричал богатырь без голоса, чтобы утешить себя.

Дерево было уже совсем рядом, и Жихарь запрокинул голову, чтобы разглядеть верхушку. Устроено дерево было не по земным законам: одни ветви его (каждая ветвь — что добрая сосна) чернели голые и даже припорошенные снегом, с других свисали и капали весенние сосульки, на третьих набухали громадные почки, на четвертых светились яркой и неподходящей для этой серой страны зеленью листья, на пятых эти же самые листья желтели, краснели и время от времени слетали на землю, словно расшитые золотом и багрецом царские покрывала.

Долог и неспешен был их полет, а по очертаниям походили они на листья ясеня, хотя попадались и дубовые.

«Ничего себе!» — решил Жихарь.

Там, где сходились к стволу два корня, бил из земли чистый ключ, огороженный невысокой каменной кладкой. Три старухи в серых лохмотьях черпали воду золотыми ведрами и тут же выливали ее на землю — должно быть, чтобы корни не сохли.

— Глупые, — сказал богатырь, не слыша себя. — Вода так и так до корней дойдет, чего вам на месте не сидится?

Старухи поставили ведра и поглядели на Жихаря с недоумением — вроде услышали и поняли. Они стали что-то беззвучно кричать, махать на богатыря тонкими сухими руками. Жихарь плюнул без слюны, подпрыгнул, кое-как перелез через выступавший из земли корень и увидел, что с другой стороны в узловатую и на вид каменную древесину впился большими зубами мерзкий огромный червяк.

— Точи, точи, — хмыкнул Жихарь. — Век долгим покажется.

Червяк не обратил на героя никакого внимания. Да у него, кажется, и глаз-то не было.

А вот у дракона, вцепившегося в третий и последний корень, глаза были большие, навывкате, но и он, серый и грязный, глядел совершенно равнодушно, ведь если рядом никто, так на него и бросаться незачем, да оно, поди, и невкусное — никто...

Богатырь миновал дракона и увидел стволы малых деревьев. Стволы двигались, покрыты они были не корой, а рыжими иглами шерсти и заканчивались копытами — каждое с мельничным жерновом.

Жихарь снова запрокинул голову и сообразил, что вовсе это не стволы, а ноги четырех оленей. Олени, отталкивая друг друга, хватили мягкими губами листья, норовя ухватить позеленее.

Он отбежал подальше, чтобы не попасть под копыто, и тут разглядел свисавшие с дерева огромные человеческие ноги в кожаных лаптях.

Богатырь отошел еще. На самой нижней ветви, удавившись толстым ладейным канатом, висел волот-великан. Язык у великана вывалился едва ли не ниже густой бороды. Один глаз волота был закрыт, другого, видно, не было вовсе — иначе зачем нужна была висельнику при жизни черная повязка, как у морского разбойника?

Мало того, из груди волота торчало толстое и длинное древко копья, коим был он пригвожден к стволу.

«Ух ты! — промолвил молчком Жихарь. — Надежно с тобой распорядились, наверняка...»

Великан, словно бы услышав его, открыл глаз. Око было большое и ярое. Волот приподнял свисавшую руку и несколько раз двинул ладонью в сторону: дескать, проходи, не мешай, не до тебя...

Жихарь подчинился и попятился назад, не выпуская дерева из виду. Там еще много чего было любопытного: в кроне примостился громадный орел, а между глаз у орла сидел вылинявший ястреб. Ястреб размером был как раз с обычного орла, а уж каков орел, и говорить не надо. Да что орел — белка, перескакивающая с ветки на ветку, не уступала величиной медведю, а пушистый ее хвост — другому медведю.

«Во сне ведь человек и думает не так, как наяву», — уговаривал себя богатырь. Он еще разок оглянулся налево — и снова перед ним было, рукой подать, покинутое Многоборье, славный Столенград, как бы разрезанный пилою прямо по избам и теремам. Люди суетливо жили, колотили молотами, щепали лучину, топили печи, а в одной избе лежал на ложе из мехов тот, дышащий Жихарь. Вокруг него шустро шныряли старухи-знахарки, курили травами, поили через воронку неизвестными отварами...

«Нечего озираться, я отрезанный ломоть!» — велел себе герой и долгими прыжками поскакал дальше, ведь там, наверное, тоже что-то было.

Прыгал он недолго, поскольку впереди обозначилась битва — безмолвная и оттого много страшнее, чем бывает на самом деле.

Множество варягов, молодых и старых — старых было куда меньше, — секли друг друга мечами и топорами, разлетались на куски дубовые щиты, падали убитые налево и направо, но крови почему-то не было. И не было у северных молодцов на лицах боевой ярости, дрались они как мальчишки с деревянными мечами — улыбались друг другу, подначивали, беззвучно хохотали при точном ударе.

— Вот тут бы и мне лечь окончательно! — решил Жихарь, вбежал в схватку, хотел вытащить из мертвой руки топор, но пальцы сомкнулись на пустоте.

Варяги оставили усобицу, вложили мечи в ножны, начали помогать павшим подняться. На Жихаря они глядели вовсе не добродушно — напротив, споро выстроились в два ряда и погнали богатыря по проходу между двух человеческих стен, поддавая сзади ножнами и обухами топоров, и удары эти богатырь очень даже чувствовал, потому что это были обидные, позорные удары, а позор для воина пуще всякой боли. Хорошо еще, что слова до него не доходили — известно ведь, что варяги большие мастера складывать и хвалебные, и хулительные речи.

А потом варяги сомкнули строй, разом повернулись и пошагали, обнявшись, к высокой каменной хоромине, где хозяин приготовил пиршественные столы.

«Ясно, — подумал Жихарь. — Я ведь не в битве пал, вот они на меня и взъелись... Стыд-то какой — лег рожей в объедки!»

Страдая и сокрушаясь, он добрел до широкой реки. А может, и не реки, потому что серая непрозрачная вода никуда не текла, да и куда ей течь на такой плоской равнине. На противоположном берегу богатырь различил деревья — опять же серые, белые и желтые.

«Вот они — Костяные Леса! Бродить мне теперь по ним вечно! Только сперва переправиться надо, а тут ни лодки, ни перевозчика... Да что уж теперь терять, коли тело потеряно!» С такой думой он и шагнул в воду — ладно, что лишь одной ногой. Серая мутная жижа вдруг занялась синим пламенем, страшная боль пронзила богатырскую ступню — и запрыгал Жихарь на одной ноге по немнущейся серой траве.

«Нет, видно, не переправиться мне, покуда не похоронят, — подумал он. — Скорей бы уж им там надоело со мной возиться, отхаживать... Хорошо бы княжеской домовины для меня не пожалели — недаром же я догадался Жупела оттуда вытряхнуть... Да больно-то как! Это бабки, поди, меня каленым железом в рассудок привести пытаются...»

Тут он понял — не услышал, а понял, — что его окликают. Богатырь повернулся на зов и увидел воина, покидающего седло. Воин был не из крупных, Жихарю по грудь, а одет как степняк — у него и конь был небольшой, лохматый, с крупными бабками, самый степняцкий. Шлем у воина был расколот добрым ударом, и лица сквозь запекшуюся кровь было не разглядеть. Утвердившись на коротких кривых ногах, степняк

одной рукой обнял своего конька за шею, а другой вытащил большой гнутый нож и ловко перерезал животине шею. Славный конек упал на траву и забился. Когда кровь вышла и уползла в реку, принявшую ее с гнусным пузырением, степняк быстро и умело, как никогда бы Жихарю не суметь, снял с коня шкуру. Потом он расстелил шкуру на траве, достал из седельной сумы большую костяную иглу, в которую заправлена была крепкая желтая жила, и протянул ее богатырю, знаками объясняя, что от Жихаря требуется.

Богатырь пожал плечами, но иглу попробовал взять — она, конечно, в мнимых Жихаревых пальцах не задержалась, упала на траву. Степняк досадливо дернул плечом, подобрал иглу, побросал мясо и внутренности в воду — запахло едой. Степняк лег на расстеленную шкуру, довольно улыбнулся, показав крепкие желтые зубы, завернул края и стал зашивать шкуру изнутри. На Жихаря он уже не смотрел за ненадобностью. Скоро никакого степняка не стало видно.

«Чего он задумал? — удивился богатырь. — Ведь шкура от здешней воды не убережет...»

Тут над головой потемнело, словно бы набежала туча, хотя туч в этих краях водиться не должно. Птица, похожая на давешнего орла — только шея у нее была длинная и как бы побритая, — на лету подхватила шкуру смертоносными когтями, ушла вверх, пересекла погибельную воду и скрылась со своей добычей за Костяными Лесами.

«Сам себя степняцким обычаем похоронил, вот ему и широкая дорога открылась, — позавидовал Жихарь. — А мне-то как быть? Чего они там тянут?»

Он подумал и попробовал сделать глубокий вдох. Чуть-чуть воздуху, кажется, захватил. «А, значит, у того Жихаря дыхание слабеет, — сообразил он. — Ну-ка я сейчас постараюсь, приморю свое тело, не вечно же здесь межеумком болтаться в глухом краю...»

И тут он услышал во рту своем страшную горечь, в глазах потемнело, и какой-то безгласный, но неодолимый вихрь подхватил его и понес над серыми равнинами спиной вперед. Жихарь поглядел вниз — к реке подходили какие-то люди, поодиночке и ватагами, кто пешком, кто верхом.

«Степняки тризну правят после битвы, — догадался богатырь. — Непонятно только, что за битва, они же зимой в набеги не трогаются...»

Он миновал место варяжской усобицы, чуть не задел оленьи рога, пролетая мимо Мирового Древа. Повесившийся и приколотый великан сучил руками и ногами, норовя освободиться. Он весело помахал летучему богатырю и подмигнул одиноким глазом. Три старухи у чистого ключа бросили ведра и грозили маленькими кулачками.

И Жихарь услышал громовые слова:

— Ну, вроде все. Вставай, лежебок, в лесу уже все медведи поднялись, один ты дрыхнешь да храпишь — всю зиму спать не давал!

ГЛАВА 4

Должен ли джентльмен, если он взял в долг?

Константин Мелихан

Дверь в избе была нараспашку, через порог текла ранняя весенняя вода, да и пахло талым же снегом, веселились отзимовавшие воробьи вкупе с другими, уже прилетевшими из-за моря птицами.

Жихарь собрался лихо вскочить, потянуться и побежать к отхожему месту, как всегда бывает после долгого сна. Только лихо не вышло — кое-как удержался на ногах, а при первом же шаге непременно рухнул бы на сырые доски, но чье-то плечо поднырнуло под руку, подперло и поддержало.

— Окул, — сказал богатырь. — Ну, веди, коли так.

От свежего воздуха на дворе голова закружилась еще пуще; на небе грело солнце, и Жихарь сразу же почувствовал, как на лице начинают проступать веснушки — стало щекам щекотно.

— А тебя уже в жертву наметили, — сказал кузнец, направляя несмелые шаги богатыря в нужное место. — Думали — вот Перуна порадуем и урона не понесем: толку от тебя было не больше, чем от умруна, но ведь Перуну живых подавай. А ты как раз по всем статьям подходил — и не покойник, да ведь и живым нельзя назвать...

— Спасибо, — только и сказал Жихарь. А чего тут еще скажешь?

На обратном пути Окул Вязовый Лоб вздохнул рассказывал, как питали и обихаживали богатыря во время богатырского сна, сколько уси-

лий и сноровки он, Окул, затратил, излаживая особую гибкую трубку из меди... Жихарь только краснел и поскрипывал зубами.

— Это все княжна придумала, — хвастался Окул. — И про трубку, и про все. Она тебя, считай, и подняла, потому что все ведуницы и знахарки уже отступились. Так что ты ей теперь отслужить обязан по чести и совести...

От этих кузнецовых слов даже солнышко потемнело.

— Постой, — сказал Жихарь. — Какая такая княжна? Откуда она взялась? А я тогда кто?

— Не горячись, — сказал Окул. — Тебе нынче горячиться вредно — можешь снова впасть в сон и не выйти из него. А княжество свое ты проспал...

Кузнец усадил Жихаря на лавку, набросил ему на плечи медвежью шкуру, чтобы сквозняк, призванный изгнать из избы тяжкий зимний дух, не ознобил ослабленного сонной болезнью тела.

Прихлебывая куриный взвар (тяжелой пищи ему покуда не полагалось), Жихарь со стыдом и ужасом слушал неспешный рассказ кузнеца о том, какое нестроение началось в Столенграде и во всем Многоборье, когда отравное зелье свалило его прямо за столом.

— Ну, грабежи еще при тебе начались, — говорил Окул. — А тут и вовсе обнаглели. Из лесу приперлась ватажка лихих людей, грозились спалить город — это на зиму-то глядя! Ну, с этими кое-как совладали. Дружина поворчала без жалованья, но за мечи взялась. Только от этого больше порядку не стало. Взяли люди себе за обычай не отдавать долги. Жихарь, кричат, вон сколько в кабаке задолжал — значит, и нам то же пристало. Я сам дружиннику Коротая изладил доспех такой, что королевичу впору. Плати, говорю, а то, когда Жихарь проспится, ответишь! Он не платит, посмеивается. Мне же противу всей дружины не попереть! День хожу, два, седмицу. Наконец решился, взял молот потяжелее, прихожу на дружинный двор. Когда, спрашиваю, господин воин, должок вернешь? Он же, премерзкий, захохотал и говорит: «Когда Жихарь проспится!» То есть моими же словами... Тут, гляжу, нас, таких недовольных, многонько собирается. И быть бы у нас крепкой усобице, и стоять бы Столенграду пусту, если бы не кривлянская княжна Карина...

— Отчего же имя такое печальное? — спросил Жихарь.

— А жизнь-то у нее какая? — ответил кузнец.

И рассказал о том, что княгиня Апсурда на своих семи возах с приданным ехала к батюшке с жалобой, да не доехала: полюбилась по дороге вдовому кривлянскому князю Перебору Недосветовичу. А у Перебора Недосветовича дочка — вот эта самая Карина. Разумница и книжница, женихов, как мусор, перебирала, вот и припоздала, дождалась мачехи

на свою голову. Мачеха же, как и полагается, задумала ее погубить — послала дочку в лес землянику искать под снегом, двоих верных слуг — из наших же, кстати — к ней приставила для верности, чтобы не воротилась. Те девушку привязали к дереву да и были таковы: кровь на себя брать не стали — и так замерзнет.

— На ее счастье, — продолжал кузнец, — шлялись по лесу своим обычаем два зимних ухаля — Морозка да Метелица, ты их знаешь, да с ними третий, товарищ Левинсон, — он, говорят, из Разгром-книги приبلудился. В кожаном кафтане кургузом. Стал у них за старшего. И не приказал девицу морозить и заметать, а велел вывести к людям. То есть к нам. Тут ее признали, обогрели, стали думать думу и вот что надумали...

Куриное варево привело Жихаря в ум, он стал слушать внимательно.

— Что нам опять без власти сидеть, друг дружке головы листать? Жупел нас приучил к лютости, теперь не отвыкнуть. А тут готовая княжна, хорошего роду, законы понимает, даром что незамужняя. Ну, самых недовольных утихомирили да и присягнули ей на верность — а что делать? Неведомо, когда ты проснешься да не примешься ли сызнова в кабаке княжить?

— Так-так, — сказал Жихарь и забарабанил пальцами по столу.

— Тут ведь еще какая выгода, — сказал Окул Вязовый Лоб, — Апсурда-то думает, что падчерицы в живых нет, поскольку ее прислужников-то, Корепана да еще одного, Морозка все-таки в лесу упокоил, чтобы по справедливости. Мужа своего, Перебора Недосветовича, она уже, поди, уморила. А у Кариночки нашей на Кривляньское княжество все права налицо, и мы, как укрепнем и урядимся, пойдем их воевать, и никто не осудит. Жупел о таком и мечтать не мог...

Жихарь укрыл лицо в ладони и сквозь пальцы поглядел на кузнеца.

— Эх, все-то меня предали, — сказал он. — А я-то, дурак, размечтался — стану княжить, к Яр-Туру послов снаряжу, хвалиться буду... Ну да ничего. Варкалапа одолел. Чих-орду на распыл пустил, а неужто девки убоюсь? Как пришла, так и уйдет, пусть только дороги обсохнут...

Кузнец поглядел на него с сожалением и подлил взвару в миску.

— За такое тебя люди свиньей собачьей назовут, и правильно делают, — сказал он. — Кабы не княжна, ты бы до сих пор колодой пребывал. Сколько ночей она рядом с тобой пересидела, смотрела, чтобы ты дышать не перестал, иголками колола, травяные сборы составляла. Зеленую Бабушку среди зимы ухитрилась разбудить для доброго совета! Ночь сидела, а днем законы составляла — Многоборскую Правду! Другой князь, хоть два века проживи, такого не удумает! Теперь у нас

всякое дело предусмотрено, всякая вина и всякое наказание. Нынче не побалуешь! Одна тебе выходит дорога...

Кузнец вздохнул и на всякий случай отодвинулся от богатыря по-дальше.

— Это куда же? — нахмурился Жихарь и через край опростал миску.

— А в долговую яму, — сказал Окул. — Ты в кабаке-то сколько задолжал? А лихвы за зиму сколько набежало? Невзор теперь первый богач на все Многоборье...

— Это когда же, скажи на милость, богатыри долги-то платили? — ощерился Жихарь. — Обождет, не треснет. Вот ворочусь из похода — тогда, возможно, и посчитаемся, коли добыча выйдет несметная, а я буду добрый... Где мои доспехи, кстати?

— В кабаке, — ласково сказал кузнец. — Опечатанные лежат княжеской печатью.

— Печать восковая, не железная, — сказал Жихарь.

— Печать-то восковая, — согласился Окул. — А закон железный. Незримые пути, негремящие оковы — вот он каков, закон. Скоро на себе испытаеть.

— А ты словно бы радуешься, — сказал богатырь. — Словно тебе медом этот закон намазан.

— Тебе нас теперь не понять, — с сожалением сказал кузнец. — Беда тому, кто перемены в державе проспал: будет во все углы тыкаться, как слепошарый.

— Что мне долговая яма? — сказал Жихарь. — Народ небось выкупит. Я ведь вас от злодея освободил, вольность благою даровал... Мне всякий обязан!

Окул встал, подошел к Жихарю и взлохматил его рыжие, за зиму отросшие и свалявшиеся кудри шершавой лапой.

— Эх ты, — сказал он. — Никто гроша ломаного не заплатит — за зиму прожились. Да если кто чего и значил, все равно не даст. А касаеть злодея... Многие о Жупеле сожалеют, особенно дружина: при нем-де порядок был, при нем-де все нас боялись, а теперь наоборот, только и глядим, чтобы нас кто не обидел. Покоренные народы от нас помаленьку отложились, а злобу затаили...

Жихарь посидел, помолчал, подумал — надумал.

— Ты, Окулице, вот что, — сказал он наконец. — Ты давай баню топи: свататься пойду.

Кузнец поглядел на него с уважением и возразить не осмелился.

...Из бани богатырь вышел посвежевшим, и даже силы какие-то в него возвратились: потешил душу, погонял банного, который сдуру

вылез в четвертый пар, хотел содрать богатырю шкуру со спины, да не на того нарвался. Кузнец не пожалел для друга чистой рубахи; рубаха, правда, была прожженная, зато в петухах. Нашлась и перемена портянок, а штаны все еще сохраняли позолоту шитья. Если очень придиричиво не вглядываться — жених и жених.

— Ты пойми, — терпеливо втолковывал Жихарь сомневающемуся кузнецу. — За кого же ей нынче замуж выходить? Не за тебя же — семеро по лавкам! Не за Невзора же кабатчика!

— Есть и в дружине желающие, — вздохнул кузнец.

— Желанья такие повыведу: всех убью, один останусь! — воскликнул Жихарь.

— Может, и так, — сказал Окул. — Только ведь закон-то...

— А что закон? — сказал Жихарь. — Полное право имею присваиваться к немужней девице и княжеское звание тем самым обрести. Стану принц-консортом — вот это как по-ученому называется. Веди на княжий двор, бестолковый сватушка!

Куда денешься — повел. Люди на улицах глядели на Жихаря искоса, отводили глаза, а иные украдкой плевались.

— Поднялся-таки, продрал очи! — шипели вслед старухи.

— Чуют, что виноваты, — заметил богатырь. — Закон законом, да ведь и совесть иметь надобно! Ну, не бойтесь, не страшитесь, стану вас миловать...

Старух это, надо сказать, нимало не обрадовало.

На княжьем дворе вышла небольшая заминка: у крыльца стоял с озабоченным видом кабатчик Невзор, держал в руках знакомое Жихарю устройство — нанизанные на прутья костяшки в деревянной раме. К слову, объяснил ему это устройство как раз богатырь, наученный искусству счета еще царем Соломоном.

Костяшки зловеще щелкали, как бы учитывая быстротекущее время. «Время — деньги» — тут же вспомнилось Жихарю и присловье премудрого царя.

— А, должничок проспался! — радостно воскликнул кабатчик. — Ты-то мне и нужен! Долг платежом красен, а займы отдачею! Не штука занять, штука отдать! Сколько ни занимать, а быть платить! Продай хоть ржи, а долгу не держи! Заплатить долг скорее, так будет веселее! Долг не ревет, а спать не дает! Чужие денежки свои поедают! Возьмешь лычко, а отдашь ремешок...

— Да помолчи, успокойся, — сказал Жихарь. — Стар долг, да кто ж его помнит?

— Отдашь ломтем, а собираешь крохами, — пригорюнился Невзор. — У заемщика соколы очи, у плательщика и вороньих нет.

— Должен, не спору, отдам не скоро; когда захочу, тогда и заплачу! — нашелся Жихарь. — Пиши долг на забор: забор упадет, и долг пропадет. Ссуды пишут на железной доске, а долги — на песке.

— Лихву собирать — тяжело вздыхать, — тяжело вздохнул кабатчик. — В копнах не сено, в долгах не деньги. Долг не ждет завещания!

— Да я помирать и не собираюсь! — вскричал Жихарь. — Тогда пиши на дверь, получай с притолоки. Коли взято давно — так и забыто оно!

— У долга и век долог — долги живучи, — возразил кабатчик. — Легко людей учить, легко долгов не платить. Что ж, дружок, когда должок?

— Будет, будет тебе, — посулил Жихарь. — С лихвою будет. Вот сейчас с княжною вашей потолкую, тогда и тебе благоприятное решение выйдет...

— Э, — сказал Невзор и растопырился в проходе. — Туда покуда нельзя...

— Так я же свата засылаю, — сказал Жихарь. — Дело неотложное, жениться да родить нельзя погодить! И чего ты вообще при княжьем дворе ошиваешься?

Это правда, кабатчику в таком почетном месте делать было нечего — Жупел кабацкими услугами небрег, у него собственный винный погреб имелся.

— Да я же выборный человек от общества при княжне, — сказал Невзор. — Выбирали всем миром, единогласно, при двух воздержавшихся...

«Да, — подумал Жихарь, — кабатчика попробуй не выбери — он тебя потом сроду в долг не опохмелит либо нальет да тараканов не отцедит. Попробуй вылови их потом в бражке-то! А воздержались, надо полагать, непьющие...»

— Становись в очередь, — сказал Невзор. — У нас и так сейчас жених пребывает, степной витязь Сочиняй-багатур. Пришел при щедрых дарах, а не при драных портах...

— Охти мне, — сказал кузнец. — Вон она, дырка-то, я ее сейчас сажей закрашу...

— Пустое, — молвил Жихарь. — Герой — он и с дырой герой. Посторонись, зашибу!

И, схватив крепкого кузнеца за бока, богатырь им, как тараном, сокрушил убогую Невзорову защиту. Окул мотал ушибленной головой, Невзор схватился за пораженное брюхо.

Наблюдая незавидную его судьбу, другие стражники вовсе не рискнули загораживать молодцу дорогу, и он, толкая впереди свата, поднялся по лестнице, пинком вышибив дверь в приемную залу.

Нежданная Жихарева спасительница и соперница сидела на высоком престоле, не доставая ногами до полу. Она была худенькая и бледная — даже намазать щеки свеклой не удосужилась ради женитьбеного сговора. Но глаза у нее зато были такие, что Жихарь, хотевший с порога гаркнуть веселое приветствие и разинувший для этого дела рот, вмиг позабыл все слова да и рот забыл запереть. Так и замер, словно голодный чиличонок в гнезде.

— Явился, невежа, — сказала она звучным, не стройным для щепетильного тела голосом.

Кузнец Окул Вязовый Лоб растерялся и начал хрипеть что-то насчет жар-птицы, залетевшей в данный терем, чтоб спастись от охотников, и про рыбку — золотое перо, которая ускользнула из рыбачьих сетей туда же...

— Стыдно мастеру за бездельника и пьяницу ручаться, — сказала княжна Карина. — Помолчите пока оба, я соискателя слушаю...

Соискатель сидел в углу на высоком табурете. Узкие глазки его с неудовольствием пошарились по Жихарю, плоский нос пренебрежительно шмыгнул, красивые черные усики горделиво дернулись. Был он почти круглый, но не от природного жира, а оттого что навздевал на себя семьдесят семь одежек, — во всяком случае, Жихарь насчитал именно столько, покуда не сбился. Видимо, степной жених полагал, что так будет богаче. Сидеть на табурете ему было неловко, Сочиняйбагатур то и дело поглядывал на пол с опаской, страхась сверзиться без привычки. Потом перевел дух, взял поудобнее свой инструмент о двух струнах и дребезжащим голосом продолжил прерванную незваными гостями песню:

Благороднейший мой отец,
Пожиратель женских сердец,
Причитать по-другому стал,
Вот как мой отец причитал:

«Что мне проку в моих стадах,
Что мне толку в больших деньгах,
Что мне пользы в славе мирской,
Что мне счастья в молве людской,
Коль ребенка нет у меня,
Жеребенка нет у меня,
И козленка нет у меня,
И слоненка нет у меня?
Ни одна из двух сотен жен
Не родила котенка мне,
Ни одна из двух сотен жен

Не родила орленка мне,
Я один доживать должен,
Сам-один, точно крюк в стене.
Кто на крюк мой повесит лук?
Кто под старость мне станет друг?
Кто стада мои поведет,
Да уж кстати — и весь народ?
Кто укажет им светлый путь?
Видно, пришлый какой-нибудь...»

Жихарь сперва слушал с пренебрежением, а потом ему жалко стало старика из песни — невелика радость помирать без наследника. А с другой стороны, не могут же все двести жен быть бесплодными? Видно, у самого крюк этот не в порядке... И Лю Седьмой что-то похожее про себя рассказывал... Все верно, богатыри не котята, скоро не рождаются...

Он задумался над своим сиротским горем и прослушал ту часть песни, где рассказывалось, как у безутешного старика кое-что все-таки получилось на двести первой жене:

...Десять лет носила меня
В золоченом чреве своем,
Как стрелу скрывает колчан
В золоченом чреве своем.
А когда народился я,
Задрожала вокруг земля,
Птицы падали на песок,
Людям в горло не лез кусок.
Я родился врагам на страх,
Сгустки крови зажав в руках.
И стремглав бежали враги,
«Пощади!» — визжали враги.

Я, едва лишь набравшись сил,
Пуповину перекусил,
Голым я вскочил на коня —
Так запомнили люди меня!
Десять дней бежали враги —
Их до Желтого моря гнал,
Двадцать дней бежали враги —
До Зеленого моря гнал,
Тридцать дней бежали враги —

До Последнего моря гнал,
Ибо я, окрепнув едва,
Походил на дракона и льва.

Как деревья, руки мои,
Словно скалы, ноги мои,
Шириной со степь моя грудь —
Воздух весь я могу вдохнуть!
А когда начну выдыхать,
То поднимется ураган.
А когда начну выдыхать,
То обрушится Тенгри-хан.
Все вершины на землю падут,
Мелким людям жить не дадут,
Шибко воля моя длинна,
Всей Вселенной длинней она!

«Парень подходящий, — решил Жихарь. — Только врет и хвастается сверх меры... Ну да песенное дело такое: не соврешь — не споешь».
А Сочиняй-багатур в песне добрался наконец и до дела:

...Что тебе, подобной луне,
Эти сумрачные леса?
Что тебе, подобной луне,
Эти серые небеса?
Что тебе пропадать в тоске,
Как ручью в горячем песке,
Среди этих унылых гор?
Я тебе подарю простор!
Будешь степью повелевать —
Двадцать жен не поднимут лиц!
Будешь юрту мою подметать
И доить моих кобылиц!
Айналайн, поезжай со мной —
Будешь двадцать первой женой!

«Э, как бы он ее не сговорил! — забеспокоился Жихарь. — Девки ведь падки на красивые слова: собралась и подалась в степь... Зря только он сказал, что ей придется юрту мести да кобылиц доить, — про это узнать она бы всегда успела...»

Но княжна Карина и без Жихаря знала, что к чему. Она сошла с трона, приблизилась к жениху и помогла ему покинуть табурет. Очутившись на полу, Сочиняй-багатур, чья грудь, согласно песне, могла вместить весь воздух земной, оказался ниже княжны на полголовы.

— Светлый степной владыка! — пропела княжна голосом отнюдь не суровым. — Пошла бы я за тебя, только в доме батюшки я не то что двадцать первой — и второй-то быть не захотела. Прогони двадцатерых жен, тогда и подумаю...

Сочиняй-багатур тут и духом слетел с песенных вершин на твердую землю.

— Нельзя прогони, — вздохнул он. — Когда прогони — табуны взад отдавай, юрты взад отдавай, каждый жена мои подарки с собой забирай. Мне тогда улус будет совсем маленький, слабый. Придет Мундукхан, все его станет...

— А хвалился-то, — сказал Жихарь. — В лесу и сковорода звонка.

— Кто тебе, чума, слово давал? — столь же ласково пропела княжна, не оборачиваясь на Жихаря. — Не прогневайся, славный Сочиняй-багатур, а только меня с княжения народ не отпустит. Если уж так я тебе любя, приходи с табунами и дружиной на службу... Да и на что я тебе? У нас и краше есть, и роду хорошего... Только тесно тебе здесь будет...

— Тесно, мало места, — сказал Сочиняй-багатур. — В лесу ходит волк, медведь — коня обижает, человека совсем без волос оставляет... Комар хуже медведя: родню соберет, всю кровь пьет... Худой места, сильно худой. Чешим-башка — Сочиняй-багатур один вся земля, невест вся земля очень много. Сочиняй дальше пойди, красивей найди, умней найди...

— Вот и найди, — нахмурилась княжна — видно, не очень ей понравились последние слова сладкопевца. — Люди, проводите гостя с честью, снарядите в дорогу. Хоть и не богаты мы, а ничего не жалеть — пусть помнит щедрость многоборскую...

«Да она этак все наше хозяйство по ветру пустит!» — возмутился Жихарь, а багатура в дверях задержал и прошептал ему:

— Не кручинься — видишь, какая заноза попалась? Весь век заест. Ты меня потом обожди на постоялом дворе, на тот случай, ежели и мне тут от ворот поворот покажут, — только навряд ли... Тогда завьем горе веревочкой!

— А беда — арканом! — воскликнул степняк и проворчал: — Ой-бой, не шибко надо был...

Да и пошел прочь, не оглядываясь, — у него в запасе еще весь белый свет имелся да два десятка жен.

У Жихаря такого богатого запаса не водилось, престол же, вовремя не занятый, мозолил глаза. Жихарь ткнул свата-кузнеца: говори!

Окул долго кашлял, вспоминая сватовы речи про рыбку, птицу да зверя-куницу.

— Ступай-ка в кузню — плуги не окованы, бороны не правлены, — велела княжна Окулу. — А с тобой, могучий воин, у меня разговор будет особый.

Такого приема богатырь не ожидал. Он же сам пришел, а получается, что его на спрос привели...

— Ты чего? — спросил он. — Я же по-честному хочу, не как-нибудь...

— Да с таким, вроде тебя, лучше уж разок как-нибудь, чем всю жизнь маяться, — сказала княжна Карина, хотя говорить такие слова скромной красной девице и не пристало бы. — Смотри ты — пришел, избавитель, напился черней матушки грязи, бросил людей и давай отсыпаться. А мне за тобой все пришлось разгребать, казнить и миловать. Да еще мачехой меня наградил, нет чтобы змеине ноги повыдергать... Весь век тебе благодарна буду, что порушил мою жизнь. Там, у батюшки, ко мне светлые королевичи сватались, а тут еле косолапого степняка дождалась.

— Ему так на коне ловчее, — заступился за Сочиния Жихарь. — И не ворчи, ты мне покуда не жена...

— Не жена, — согласилась Карина. — Не жена, а повелительница твоя всенародным волеизъявлением. Поэтому за все тобой сотворенное ответишь.

«И какой дурак девок грамоте учит?» — закручинился Жихарь, а вслух сказал:

— Так ведь опоили меня...

— Опоили? — взвилась красная девица. — Как же ты, чаемый князь, из чужих рук чару мог принять? От незнакомца?

— То посол моего побратима, — попробовал возразить Жихарь, но понял, что несет чепуху.

— Посол... — сказала княжна. — Ежели у тебя Мироед в побратимах ходит — тогда, конечно, посол. Лучшего ты и не заслужил...

— Да что ты знаешь? — досадливо дернулся Жихарь. — Да мы втроем весь белый свет прошли, и еще маленько осталось. И Мироеда культапого знаешь как поставили? Сказал бы, да зазорно. Мы ведь Колесо Времени в надлежащую колею направили, разве не слыхала?

— И слыхала, и читала даже, — ответила княжна. — Про тебя инда новеллу сложили — «Там, где нас нет» называется. Только гляжу я, наврал сочинитель про тебя с три короба, поверил на слово пьянице и хвастуну... На бумаге-то ты герой и разумник получился, а по жизни, извини уж, прямой дурак. А долгов-то, долгов наделал!

— Чего долгов? — набычился Жихарь. — Мои долги — мое богатство. Я уж их давно простил, долги-то...

— А ведь казны-то в Многоборье нынче нет, — сказала княжна. — Вытаскали всю казну за твой счет и твоим именем — дескать, вот Жихарь проспится, он и вернет. Ой пропил, окаянный, все как есть пропил — ни куска в рот положить, ни тряпки накрыться не оставил! — внезапно заголосила владычица Многоборья, словно простая баба, страдающая за пропойцей-мужем. — По миру пустил, весь народ обездолил! Теперь и налогов не с чего собрать, сама в долг живу, за каждой монеткой кланяюсь Невзору пустоглазому!

И зарыдала, словно у нее отобрали любимую куклу, — молоденькая была княжна совсем.

Жихарь растерялся: от девичьих слез всякий настоящий богатырь приходит в некоторую растерянность, ибо никогда не знает их истинной причины.

— Да ты утешься, — сказал он. — Вот я сейчас пойду на крыльцо, тряхну его за душу — снова с деньгами будем...

Княжна промокнула очи рукавом (платьишко и вправду было домотканое) и посуровела.

— Здесь теперь живут не по произволу, а по закону, — сказала она. — А закон велит долги отдавать. И ты, мил-любезен друг, их отдашь, отслужишь, отработаешь. Как конь, будешь пахать, грошика медного займы не возьмешь, ковшика хмельного не выпьешь. До седых волос будешь работать, камни грызть...

— Зачем до седых? — испугался Жихарь. — Мы это дело мигом поправим! Сяду на доброго коня, кликну дружинишку хоробрую, набежим лихим набегом на тех же кривлян твоих, вернемся с добычей...

— Еще одно разоренное княжество на меня повесить желаешь? — сказала княжна. — Да и веры тебе нет, твой поход либо до первого кабака, либо до первого ночлега, а там поминай тебя как звали — разве не права я? Можно ли тебе верить?

— Нет! — страшно крикнул Жихарь, даже сам испугался, не удержав в себе правды, — больно горькая была. Потом спросил, окончательно утратив разум: — Так ты, выходит, за меня не пойдешь?

Княжна захохотала, громко, напоказ, как хохочут безнадежные вдовы на гулянках.

— Жених без порток, невеста без места! Нет уж, теперь мне выходить разве что за Невзора... Вот и буду с казной. А он тебя же сватом зашлет...

— Нет уж, — сказал Жихарь. — Я его раньше сапогом пну куда надо — пусть потом хоть на всех подряд женится.

— Не честь богатырю бить кабатчика, — сказала княжна. — Да и сапоги свои ты пропил...

Жихарь глянул на босые грязные ноги и вспомнил — было такое.

— Да и роду-племени ты неизвестного, — продолжала Карина. — Кто твои предки?

— По делам моим я сам себе предок, — гордо сказал Жихарь.

— От дел твоих только слова остались да разорение...

— Чего ж ты со мной возилась, лечила и обихаживала?

— А мне любопытно было, — сказала Карина, — помрешь или нет. По всем чарам и по науке, должен был помереть, я ведь тоже в отравках знаю толк. Не помер, окаянный, знать, и вправду Святогор с тобой силой поделился...

— Ну и ладно, — сказал Жихарь. — Зато я себя в мире прославил и Время наладил.

— Что-то мы здесь ничего такого не заметили — живем, как жили, — сказала княжна.

— Оттого что живете одним днем, — сказал богатырь. — Глаз от земли не подымаете, про Круглый Стол слыхом не слыхивали, на ристалищах не подвизаетесь...

— Ах ты, подвижник, — усмехнулась княжна. — Я-то, дура, бежала сюда по грудь в снегу, мнила — героя встречу, как в книжках писано... Вот и встретила героя — лежит пьян, сам без себя. Добро, герой. Отдаю я тебя горькой твоей головой в кабалу кабатчику Невзору — да он и сам этого требует, а он теперь здесь и без венца княжит. Будешь работать всякую работу, что скажет.

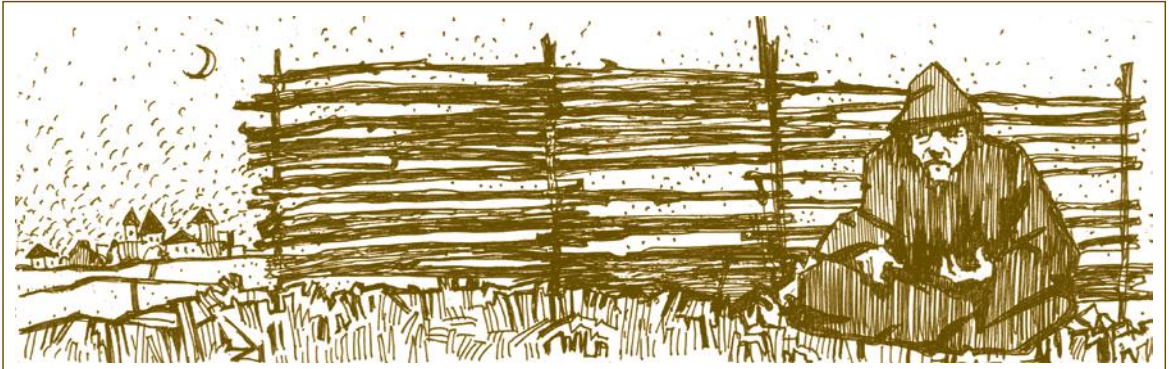
Она велела придвинуть себе столик и кресло, схватила перо, споро сочинила кабальную грамоту, отрезала кусок витого шнура от занавески (Апсурда с собой не все успела прихватить) и, накапав на грамоту горячего воска, прилепнула его княжеской печатью.

— Ступай трудиться, — сказала она и величественно протянула руку к двери.

Ошеломленный Жихарь двинулся в указанном направлении, где уже поджидал его глумливо осклабившийся Невзор, манил корявым пальцем...

Хотел богатырь своротить пустоглазому рыло на сторону, да почувствовал на деле, что закон есть путы незримые и цепи негремящие...

ГЛАВА 5

Тяжелый физический труд на свежем воздухе скотинит и зверит человека.

Неизвестный писатель-гуманист

— «... **Ч**аю, славный друг мой и брат, сэр Джихар, что недосуг Вам читать мое многословное послание — должно быть, Вы ныне без меры заняты устройением своего княжества: возводите стены, укрепляете башни, составляете соответственно благородной своей природе многумудрые законы. То же происходит и у нас. Власть свою над землями Логрии посчастливилось укрепить мне женитьбою, в коей выгода превосходнейшим образом сочеталась с истинною любовью; одна беда, что супруга моя, достойнейшая Джиневра, до сих пор не принесла мне первенца, а ведь отцовскую свою состоятельность я при Вас же многажды доказал в приснопамятной земле амазонок. Беда, коли так и дальше будет, — тогда власть моя неволею перейдет к племяннику моему по сестре, нареченному Мордредом. Сей младенец уже на первых шагах поприща своего земного выказывает себя весьма гадким и недостойным...»

— Обожди, — сказал Жихарь. — Повтори-ка про племянника...

Демон Костяные Уши сидел, нахохлившись, на плетне, и весенний дождик скатывался по черным его блестящим перьям. Богатырь, тесавший как раз бревна для нового частокола, весьма был удивлен, когда

услышал в воздухе над собой шум крыльев и узрел прошлого своего супостата, а впоследствии спасителя.

Чужую речь демоны запоминают быстрее и крепче пестрых южных птиц, а своих слов у них немного, да и те в основном выражают презрение и ненависть к роду людскому и вообще ко всему существу. Но кое-как сумел пернатый дух отрицания и сомнения объяснить Жихарю, что в конце концов затосковал, уставши губить земных красавиц, женился законным порядком на демонице своего племени и даже самолично высиживал яйца. Демонята вылупились прожорливые, вот ему, Демону, и приходится подрабатывать, разнося по всему миру вестки, и Яр-Тур за хорошие деньги нанял его, чтобы передать весточку побратиму. Весточка была начертана на пергаменте, а содержание ее было вестнику велено выучить наизусть — вдруг да полоротый Демон выронит грамотку на лету?

Демон повторил про племянника Мордредра.

— Так, — сказал Жихарь и вогнал топор в лесину. — Значит, там он младенец, а здесь уже зрелый муж-отравитель? Забавно получается. Не начал ли Мироед снова со Временем баловаться? Это мы обдумаем, а покуда читай дальше...

— «Круглый Стол по Вашему слову сооружен и пришелся моим рыцарям по вкусу — никто не чувствует себя униженным или обделенным. В назначенный день мы рассаживаемся вокруг Стола с утра и не приступаем к трапезе до тех пор, покуда кто-нибудь из моих героев не попотчует собрание рассказом об очередном своем пречудном и преудивительном подвиге, каковые есть освобождение заколдованной принцессы, убиение великана-людоеда, расправа над разбойничьей шайкой, встреча со злой волшебницей с последующим ее разоблачением и тому подобное. То один, то другой рыцарь время от времени в одиночку отправляются искать подвигов; это наилучший способ создать непобедимое войско.

Когда Вы устроитесь в своем государстве надлежащим образом — полагаю, что у Вас это получится гораздо быстрее моего в силу Ваших неоспоримых достоинств, — непременно посетите мой веселый замок Камелот и порадуйте моих людей и меня самого рассказами о Ваших славных подвигах и свершениях, каковых, полагаю, со времени нашего расставания накопилось превеликое множество.

Засим остаюсь любящий и вечно верный Вам друг и брат, король логрийский Артур. Дано в Камелоте на Майский день. Постскрипtum: ежели случится Вам повстречать на своем пути сарацинского рыцаря сэра Джавдета, не убивайте его: он мой. Постпостскрипtum: наставник мой, славный чародей сэра Мерлин, велел попенять Вам, что до сих пор не удосужились Вы прибыть к его собрату, славному чародею сэру Бе-

ломору, с надлежащим отчетом о нашем победоносном походе, что не согласно с благородными правилами. Полагаю, Вы незамедлительно исправите это досадное упущение».

— Легко побратиму распорядиться, — сказал Жихарь. — Вытащил меч из камня — вот уже и король. А тут словно кляча последняя... Да я и вправду Беломору не сподобился поклониться, свинство какое...

Демон тяжело вздохнул.

— У тебя-то что за беда? — спросил Жихарь.

— Дети, — прогудел Демон.

— Хворают? — встревожился богатырь.

— Хуже, — сказал Демон. — Еще не оперились, а уж ничего во всей природе благословить не хотят.

— Совсем ничего? — ужаснулся Жихарь.

— Совсем ничего, — подтвердил Демон. — Даже отца родного. И в кого они такие уродились?

— Действительно — в кого? — Богатырь сделал вид, что задумался. — Ну да жизнь их выучит, рога пообломает... Нет, в самом деле — прям-таки ничегошеньки?

Вместо ответа Демон изронил слезу. Плачут демоны крайне редко, зато слезы у них не простые, а горючие. Вроде смолы. Если поднести к изроненной слезе зажженную лучинку, то слеза загорится самым настоящим образом. Вот и сейчас она упала на землю, а земля была сырая, и демоническая слеза зашипела, пустив пар, и пошла в почву насквозь — напрямиком в Адские Вертепы. Хорошо бы угодила она там прямо на макушку Мироеду. Пусть попрыгает!

— Эй, не сиди, работать надо! — послышался голос.

Невзор, оставив кабак на попечение дружка своего, румяного Бабуры, внимательно следил, чтобы кабальный богатырь без дела не оставался. Все работы на постоялом дворе уже давно были исполнены; теперь кабатчик напропалую отдавал Жихаря внаем за хорошие деньги. Богатырь уже вычистил все отхожие места в Столенграде, поставил десятка два домов взамен сгоревших в бунташное время, выкопал и оснастил срубами пару колодцев. Наниматели кормили работника сытно, и Святогорова сила помаленьку возвращалась.

Частенько приходилось Жихарю раздувать мехи у Окула в кузнице. Там они за работой, под звон молота, судили и рядили о том, как бы побыстрее выкупиться из кабалы, какую бы гадость устроить Невзору, каким образом обойти и оставить с носом закон. Кое-что уже и надумали: ежели гибкую медную трубку, через которую Жихаря кормили во время смертного сна, приладить к котлу, а в котел налить простой бражки да начать кипятить ее, поливая трубку холодной водой, то из трубки должна закапать Мозголомная Брага. Такое хозяйство Жихарь видывал

у Беломора. Когда же затея удастся, все люди из кабака переберутся за угощением к кузнецу, а Невзор пойдет по миру, как ему и полагается...

Но до этого следовало еще дожить.

— Нечем мне тебя отблагодарить за добрую весть, — вздохнув, сказал Жихарь Демону. — Вот один медный грош добрая старушка сунула, и всех денег...

Демон Костяные Уши поглядел на грош с презрением, и за дело.

— С оплаченным ответом, — сказал он.

— Покормить бы тебя, — сказал Жихарь, взвалил заостренное бревно на плечо и пошел к изгороди. Демон взлетел с плетня и сел на бревно, точно выбрав такое место, чтобы работник не утратил равновесия, бредя по грязи.

Вдвоем они быстро поставили бревно в заранее выкопанную яму и забили его поглубже с помощью копра, причем Демон поднимал каменную шар-бабу наверх с нечеловеческой легкостью.

Солнце уже приближалось к обеду.

Служивший в кабаке Бабура заворчал, что и самого-то Жихаря кормить не за что, не говоря уж о всяких крылатых проходимцах, но Демон молча царапнул когтем столешницу, Бабура оценил глубину царапины и заткнулся, выбросив на стол остатки вчерашнего угощения. Демон, надо сказать, и тому был рад.

После еды полагался отдых, и этому даже Невзор не смел противиться, хотя и шипел насчет лежебок и дармоедов.

Жихарь лежал на бревнах и думал, что же передать побратиму. Писать было нечем, не на чем да и не о чем: то-то Яр-Тур обрадуется, узнав, что сэр Джихар Золотая Ложка ходит в последних батраках!

— Передай на словах, — сказал он наконец, — что я в своем государстве тружусь за все про все. Меня, скажи, так в народе и прозвали: царь-плотник. Пальцы от работы заострели, перо не удержат. Как всю работу переделаю, так непременно буду в гости. Не женился покуда, достойной себя не нашел. К Беломору наведуясь днями, — добавил он с сомнением. — Братние клятвы помню и соблюдаю... — сказал он с еще большим сомнением. — От Лю Седьмого известий не было. Должно быть, отшельничает, как и собирался. Ну вот вроде и все. Повтори.

Демон повторил слово в слово, ободряюще похлопал его крылом по плечу, оттолкнулся от бревен и полетел на закат.

Дождик прекратился, и трава, казалось, полезла из земли прямо на глазах. Вернувшиеся птицы, склевывая с деревьев жуков и гусениц, взахлеб рассказывали друг дружке, в каких краях зимовали да что повидали. Жихарь пожалел, что на Разнозельной Делянке, встретившейся им с Яр-Туром в походе, среди множества полезных и чудесных трав

не попалась ягода Сорочье Яйцо — ведь человек, съев такую, научался понимать все как есть на свете языки, хотя бы и птичьи.

— Впрочем, что мне теперь толку языки знать, — сказал он вслух, наблюдая, как скрывается в небесах Демон, пусть и при службе, а все-таки вольный. — Теперь мне отсюда не выбраться до седых волос, как княжна сказала...

В самом деле, прямого и честного выхода он не видел. Можно, конечно, и сбежать, да ведь от себя не убежишь. Денег на выкуп нету. Можно, конечно, вечерами выбегать на большую дорогу — портняжить деревянной иглой, да о том скоро все узнают. И без того купцы стали обходить Многоборье стороной.

Можно поискать клад, только клады лежат заговоренные на три головы, на десять голов, на тридцать голов, — вот сколько людей придется самолично погубить искателю, прежде чем сокровище дастся ему в руки.

Есть клады и не кровожаждущие — чтобы взять подобный, достаточно спеть без перерыву двенадцать песен, но не простых, а таких, чтобы ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилого, только песен этих еще никто не придумал сложить. Разве что у каменных варкалапов перенять...

Жихарь встал, растер сам себе ладонями ноющую спину и пошагал на прежнее место — оставалось обновить еще добрую половину часты-кола.

За время Жихаревой кабалы народ в Столенграде здорово обленился — ведали, что даже за мелкую медную денежку жадный Невзор пошлет богатыря на любые труды. Одна такая денежка угодила не к кабатчику, а к Жихарю в пустую мошну — добрая старушка тайком сунула, хоть богатырь и не просил. С этого грошика надлежало начаться будущему богатству...

Возле бревен сидел прямо на вешней траве нищий. В прежние года, до княжения Жупела, побирушек в Многоборье не водилось: всем всего хватало, и своим, и пришлым. При Жупеле народ начал бедовать, многие пошли с сумой. Злодею это не понравилось, потому что иноземные гости, послы и купцы, могли усомниться в том, что Многоборское княжество сильно и богато, поэтому всех нищebroдoв враз собрали в старый сарай якобы для совета, как дальше жить, да в том же сарае и спалили, подперев двери бревном.

Нищий поднял голову в черном клобуке. Лицо у него было темное, морщинистое и такое древнее, словно прочие люди на свете оставались вечно каждый в своей поре, а он один старился за всех. Побирушка молча протянул руку с длинными цепкими и узловатыми пальцами.

— Эх, дедушка, — вздохнул Жихарь. — Что бы тебе осенью-то прийти? Уж тогда бы я тебя не обидел...

— Дай денежку, — тоненько сказал нищий. — А я тебе в промен дам добрый совет...

— Для меня и так тут целое княжество советов, — сказал богатырь. — И все, заметь, добрые, удавиться и тем себе руки опростать никто не подсказал. Ну да что с тобой поделаешь — на, более нету, чем богат...

И достал, не пожалел медного кружочка.

— Вот и спасибо, вот и молодец, по-княжески одарил, — молвил нищеврод, пряча милостыньку подальше. — А совет мой таков: возьми у самого богатого человека в городе денег под залог...

— Вот так совет! — горько усмехнулся богатырь. — Да я, если хочешь знать, и сам-то весь, целиком, заложен и перезаложен...

— Весь, да не весь, — возразил побирушка. — Есть у тебя для заклада такое, чего никто на земле заложить еще не додумался.

— Это что же такое будет?

— А слава твоя — добрая и худая! Вот ее и заложил. Она дорого стоит.

Жихарь поднял голову к небу и стал раскидывать мыслями. В самом деле, ни о чем подобном он покуда не слышал: люди в крайности, бывало, закладывали не только себя, своих жен и детей, но и самое душу, а вот славу... Что ж, слава, как и деньги, дело наживное, а на свободе он себе скоро новую доспеет...

— Вряд ли нынешняя моя слава на большие деньги вытянет, — сказал он нищевроду, хотя говорить-то уже было некому: не сидел больше побирушка под бревнами, сгинул, словно испугался, что пожалеет Жихарь о своей щедрости да отберет денежку назад.

Стоило бы, конечно, потолковать с Окулом Вязовым Лбом — тот, несмотря на прозвище, весьма был рассудителен в трезвом виде. Но кузнец с утра отправился на болото выкапывать железные слитки, ржавевшие там с прошлой весны. Железо после болотного лежания при ковке становилось на диво гибким и прочным, поскольку всякая дрянь из него выходила вместе со ржавчиной.

Пришлось богатырю жить своим умом, и ум этот подсказал, что медлить не стоит, что скоро уже наступит Меженный день, самый длинный в году и самый подходящий для начала боевых действий, а после этого дня затеваться с долгим походом уже нечего.

Братся за топор кабальный работник уже не стал, зашагал обратно в кабак.

На постоялом дворе растянута были веревки. На веревках проветривались и сушились дорогие, вышитые золотой канителью и жемчугом одежды Сочиний-багатура — степной витязь тоже подзадержался при зеленом вине да и поиздержался. Только лошадей, верховую

и заводную, да лук со стрелами, да саблю, да звонкий кельмандар о двух струнах Жихарь не позволил ему прогулять, памятуя о собственной тяжелой науке, посадил хмельного багатура верхом, укрепил для верности ремнем да стеганул как надо конька хворостиной. Стегать чужого коня среди воинов считается великим оскорблением, но багатур ничего не заметил, да ведь и не тот случай был, чтобы блюсти вежество.

Под веревками лежал на багатуровой же расшитой кошме румяный Бабура, ругался и воевал с блохами, в изобилии ту кошму населявшими, и приглядывал, чтобы прохожий человек не сковырнул жемчужину с шелкового кафтана либо не вытянул золотую канитель из богатых шаровар.

— Чего воротился, туняец, ненажора? — поприветствовал Бабура бесправного батрака и поймал очередную блоху. — Дело стоит, а ты гуляешь... Придется на тебя еще один начет сделать!

— Зови Невзора — дело есть, — хмуро сказал Жихарь.

— Недосуг княжнину управителю толковать с теребенью кабацкой, — поднял палец Бабура. — Мы государство крепим, внешними сношениями озабоченность выражаем... На свете живешь, а ничего не понимаешь!

— Я тебе от всей души помогу блох извести, — пообещал богатырь и поднял с земли черенок от лопаты. — Зови пустоглазого, блин поминальный, — дело денежное!

Бабура сообразил, что изводить вредных насекомых сейчас начнут прямо на нем, и поспешно вскочил на ноги. Жихарь поднял черенок.

— Бегу, бегу, — сказал Бабура. — С тобой, бирюком и отлюдником, уж и пошутить нельзя! Да пригляди за степняцкими портами — отвечать будешь!

— Отвечу, отвечу, — пообещал Жихарь. — Ты давай живой ногой, а то деньги пропадут.

Бабура был таков и вскоре вернулся с Невзором. Новоявленный управитель явился в долгополой шубе на выходных соболях и в высокой бобровой шапке, несмотря на жару. Рукава у шубы свисали чуть не до земли.

— Понятно, — сказал Невзор, хотя Жихарь еще и слова не вымолвил. — Продал пару десятков бревен на сторону, а теперь будешь орать, что не хватает...

— Выкупиться желаю из кабалы, — сказал богатырь и положил свое оружие на траву в знак дружелюбных намерений.

От такой наглости пустоглазый оторопел.

— Кого выкупиться? — закричал он. — Тебе такой разговор затевать надо самое малое лет через двадцать!

Тут за плечом у Невзора возник давешний нищоброд и зашептал что-то управителю на ухо, и Невзор, дивное дело, не отшвырнул побирешку, а внимательно выслушал.

«Эк мне дедушка ворожит за единый медный грош!» — удивился про себя богатырь.

— Ну, пойдем ко мне, потолкуем, — сказал пустоглазый совсем другим голосом.

Жихарь двинулся к кабаку, на ходу хотел поблагодарить нищего за содействие и посулить ему дополнительное вознаграждение, но нищий снова пропал — то ли от великой скромности, то ли от чего еще.

Невзор к тому времени надстроил кабак, поднялись в горницу, забитую множеством вещей, полученных бывшим кабатчиком от местных жителей и пришлых людей.

— Богатый заклад за себя даю, — сказал Жихарь, усаживаясь на табурет.

Невзор хмыкнул:

— И каков же заклад?

— Желаю заложить славу свою — добрую и худую! — торжественно сказал богатырь и подбоченился. — Разве мало?

Невзор призадумался, вынул из шубы свое счетное устройство и начал привычно гонять костяшки по прутьям.

— Невелика твоя слава — что добрая, что худая, — сказал он.

— Да ты что! — взвился Жихарь. — Она у меня всесветная! Мои дела всякому в мире ведомы — и шаману дикому, и владыке великому! Я с утра, бывало, царство на меч брал, а к вечеру его же в кости проигрывал! Я одних царевен с принцессами освободил-избавил как бы не три сотни! От меня менты на чудесной завывающей повозке в страхе бежали! Меня сам Ваня Золотарев... Да что лишку говорить — обо мне целая книга составлена, хоть у княжны своей спроси...

(Помянул княжну — и сразу смутно стало на душе.)

— Тут и думать нечего, — продолжил богатырь. — Мне по всей Дикой Степи кумиров понаставили — правда, их каменными бабами кличут, но это по ошибке толмачей. Дело верное, не сомневайся, а новой славы я себе скоро добуду. Со славой и деньги придут, не задержатся, тогда заклад и выкуплю...

Ничего Невзор не ответил, только уставил пустые свои очи неведомо куда, а пальцы его все брякали да брякали костяшками, как будто жили сами по себе.

— Ин ладно, — сказал кабатчик после долгого молчания. — Договорились. Пиши расписку — я тебя научу, что писать. Только помни — возвращать все равно придется с лихвой, на старые долги новые падут — больше добывай золота, возами вези!

— Как не привезти! — обрадовался Жихарь. — Ты знай сундуки готовь! Неправильный я буду богатырь, коли допрежнюю славу не выкуплю и к новообретенной не прибавлю.

«Что-то слишком быстро он согласился, — подумал герой. — Не было бы подвоха. Или ему дедушка нищий чего внушил — пустоглазый вроде бы не в своей воле...»

Жихарь каждое сказанное для расписки Невзорово слово крутил в уме так и сяк — вроде бы все обычно, как полагается, будто и не славу он закладывает, добрую и худую, а женино золотое обручье с самоцветами. Ну, лихва — само собой, куда кабатчику без лихвы, он же не благородный воитель... Не худо бы и свидетелей позвать, да ведь нынче все свидетели руку пустоглазого держать станут... Ладно, завалю его впоследствии золотом — пусть подавится. Главное дело — освободиться...

Богатырская рука и так была к перу непривычная, а тут пальцы и вовсе одеревенели, как и хотел он сообщить далекому побратиму. Припоминая начертания полузабытых знаков, Жихарь то и дело совал кончик пера в рот, отчего язык и губы почернели.

Наконец на пергамент пала тяжкая богатырская подпись.

Невзор ловко выхватил расписку из-под руки Жихаря, прижал трепетно к груди и словно бы преобразился: ростом стал повыше, плечами пошире, да и в глазах, дотоле пустых, что-то такое появилось...

— Добро, тащи мои доспехи, — приказал богатырь. — Пора снаряжаться в поход, уже просохли пути и дороги. Кончил дождь моросить, вот я и поеду...

Невзор поглядел на него с великим изумлением, спрятал грамоту за пазуху и сказал:

— А ты чего это тут делаешь, оборванец? Ты кто таков? Какого роду-племени и за каким делом без спросу явился? Ежели на работу наниматься, то ступай вниз, там живет такой человек, Бабура, он тебя живо определит, а здесь тебе делать нечего... И почему у тебя пасть черная — ты не чернила ли мои сдуру выпил?

Изумление Жихаря было не менее велико.

— Сам ты сдурел, из ума выжил, Невзорище пустоглазое! Я же тебе великий залог дал! Верни доспехи, сапоги и все, что положено!

Невзор поглядел на него зверем:

— Да как у тебя язык-то повернулся, пьянь подзаборная, меня, богатыря Невзора, миру избавителя, пустоглазым именовать? Да по моему слову не только что Многоборье — все мои побратимы с великим воинством подымутся! Я Чих-орду расточил, Страхоила поразил, весь свет прошел!

«Точно спятил, — решил Жихарь. — Теперь его посадят в срубе на цепь, чтобы чего не навредил, и лечить станут ледяной водой

и собачьими хохоряшками. Надо у него расписку отобрать — безумному какая расписка!»

Он сгреб кабатчика за ворот собольей шубы, приподнял одной рукой, а другой полез за пазуху. Ворот затрещал, а Невзор заверещал, как заяц, настигнутый лисою. Потом начал больно царапать богатырские руки. Жихарь швырнул его в угол, подошел и легонько пнул ногой...

На шум и верещание прибежал со двора румяный Бабура:

— Государь Невзор, прости, недоглядел этого бродягу. Эх ты его в угол-то загнал!

Жихарь, ничего не соображая, угостил Невзора кулаком в глаз.

— Не бей его, Невзорушка, не марай ручки свои богатырские, они тебе для грядущих подвигов сгодятся! Мы его, невежу, лучше розгами выпорем! — посулил Бабура и побежал за подмогой.

Жихарь оставил кабатчика и отошел. «Вроде бы я его колочу, — размышлял он. — А выходит, что он меня?»

Тем временем снизу послышался дружный топот, и скоро в горнице оказалось полно дружинников. При Невзоровом управлении войско было наряжено по-новому: каждый имел на лбу наколотое слово «наш», чтобы можно было отличать в бою своих от чужих. Такая же метка имела на ножнах мечей, на колчанах, на сапогах...

Дружинники принялись изгонять Жихаря, толкать под бока, бить под микитки, а он почти не защищался — и ошеломлен был, и боялся покалечить товарищей. Только приговаривал:

— Да вы что, ребяташки, не узнаете меня? Ворошило, я же тебе жизнь спас, когда под наши стены кранты приходили! Матора, ты же у меня в кости нержавеющей ножик выиграл! Заломай, ты же меня тогда на пиру первый вязать полез, но то я уже давно простил! Опомнитесь, братцы, помилосердствуйте!

Но братцы не милосердствовали и узнавать Жихаря нипочем не хотели. Дивились только наглости пришлого бродяги и лютовали еще сильнее.

— Вреда ему большого не чините, а только вышибите со двора прочь! — распорядился Невзор. Глаз у кабатчика быстро чернел. — Прав Бабура, негоже мне обо всякую сволочь руки пачкать! Самозванцев пришлох нам не надо! Своих хватает!

Жихарь катился кувырком с лестницы и успевал думать: «Вот так мне нищеврод присоветовал! В какую же новую беду я, простодырый, попал? Надо же, блин поминальный, никого не убил — а все равно один остался!»

ГЛАВА 6

Любовь — творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого.

Феликс Дзержинский

...К вечеру Жихарь окончательно понял, что остался один. Никто во всем Столенграде — ни старожилы, помнившие его диковатым лесным мальцом, разбойничьим выкормышем, ни малые дети, которых он, будучи при деньгах, всегда оделял гостинцами, ни красные девицы, веселые жены и вдовы, привечавшие богатыря тайком и явно, ни злобные старухи-сплетницы, ни, как уже было показано, боевые сотоварищи, ни надежные собутыльники, в каком бы состоянии они ни пребывали, — ну никто его не узнавал.

Даже верный до последнего дня Окул поглядел на него с недоумением и сказал, что лишний молотобоец ему не нужен — и так платить нечем.

— Иди, иди, странничек, своей дорогою, — слышалось то здесь, то там. После Жупелова правления в Многоборье к чужакам относились настороженно. — Иди, не задерживайся, не ищи беды. А то под зиму захал один такой, героя нашего, Невзора Избавителя, отравой угостил, так еле на ноги подняли...

— Так это же я — Избавитель, это меня ядом травили! — возражал поначалу Жихарь, а потом и возражать перестал, поскольку понял, что слава мирская и память людская — одно и то же.

Что такое лишиться памяти, пусть даже не всей, он уже знал по себе. А тут весь целый народ ее лишился — правда, только по части Жихаря.

«Учили ведь меня, учили, — сокрушался богатырь. — Яр-Тур лишь о том и твердил, что славой дорожить надобно, а я, получается, ее даром отдал — и кому? Телепню жадному, пустоглазому... Он теперь и при моей славе, и при моих деньгах, а я-то кто?»

Правда, кое-какая выгода все же выгадалась. Славу сбыл он не только добрую, но и худую, так что Невзор нынче сам у себя в долгах и сам на себя обязан батрачить. Да и незримые путы вкупе с негремящими цепями закона Жихаря уже не отягощали. Стало быть, все нужно начинать сызнова...

Только столенградские псы, здоровенные и лютые, богатыря почему-то не облаивали, как всех прочих пришельцев, и за штаны не хватали, ластились, как раньше, и виляли хвостом — у кого не обрублен был.

— Эй, прохожий человек, стричься-бриться не желаешь? — окликнул его знакомый голос. Из-за своего плетня выглядывал столенградский брадобрей Одинец, старый бобыль и знаток всех здешних тайн.

Жихарь обрадовался, что хоть кто-то на него внимание обратил, и ответил:

— Я бы не прочь, только заплатить нечем... Хотя есть вот ременной пояс из шкуры заморского зверя и пряжка на нем серебряная. — Только потом веревочку дай, чтобы штаны не упали.

— Эх, уговорил! — сказал брадобрей и открыл калитку. — Бороду будем брить или только подровняем?

Жихарь был куда как зол на себя, в том числе и на собственную бороду, и решил: «Не одному мне страдать, пускай борода тоже помучается, по новой вырастает!»

— Брей окаянную, — сказал он и вошел к Одицу во двор.

Брадобрей усадил его на особый стул — кузнец устроил стул таким образом, что спинка у него откидывалась, — завесил богатырскую грудь довольно чистой тряпицей и начал сбивать в медном тазике мыльную пену. Мыло у него было дорогое, привозное.

— А головку подровняем? — спросил Одинец. — Княжна наша любит, чтобы добрые молодцы опрятны были, — тогда, может, и возьмет в услужение, а то и в охрану — ты вон какой дюжий...

— Стриги короче — меньше голова будет преть под шоломом, — сказал Жихарь и вспомнил, что дорогие доспехи ему отныне недоступны, в том числе и шлем. Хотя... если, скажем, вот этот медный тазик тайком прихватить, да надеть на вон ту деревянную болванку, на которой висят ложные волосы для лысых, да обстучать деревянной же киянкой, то и получится неплохой шлем...

Одинец между тем рассказывал, что вот как пройдет лето, да как настанет пора свадеб, да как женится батюшка наш Невзор на княжне Карине, да как станет сам князем, сильный, славный и богатый, вот тогда жизнь в Столенграде пойдет совсем иная.

— Накуплю у заморских купцов зелья-вошегону, всякую перхоть повыведу, — мечтал вслух Одинец. — Краски для волос добуду, это непременно — не век тебе рыжим ходить, парень, рыжих не любят; душистого сала приобрету для кучерявости...

— Хоть рыжие, да свои, — обиделся Жихарь за родную волосню, и тут пришла ему в голову неожиданная дума.

— Отец, — сказал он. — Ну, что Невзор тут первый герой, я уже понял. А ты лучше скажи, кто у вас в недавнюю пору был кабатчиком?

— Кабатчиком? — Одинец даже растерялся и зашелкал ножницами, рассекая воздух. — Кабатчиком, говоришь? Тьфу, что-то на меня затмение нашло... Раньше старый Быня зелье разливал, нынче молодой Бабура...

— Вот-вот, — сказал Жихарь. — А между ними-то кто в кабаке заправлял? Эй, эй, ты смотри ухо мне не обкорнай!

— Кто же был кабатчиком? — размышлял вслух брадобрей. Он уже оболванил рыжую голову, достал бритву и начал править ее на Жихаревом ремне. — Кабатчиком был... Да кто-то ведь был же кабатчиком... Не пустой же кабак стоял, не без присмотру же, а то бы там все выпили... Был, наверное, кто-то, да только вот кто? Совсем я старый стал, никак не могу припомнить...

— Ладно, пустое, — сказал богатырь. — Не ломай голову, а то совсем сломаешь... Да, а женишок-то ваш, Невзор, говорят, сам попивает?

— Было такое, — согласился Одинец. — Имело место. После трудного похода с устатку погулял он, потешил себя и весь народ. Только княжна ему за это сурово попеняла, и он с тех пор капли не проглотил... Ну да бьль молодцу не в укор! Все мы погуляли, пока здоровье позволяло.

«Да, — подумал Жихарь. — И с этой стороны до правды не доберешься».

Одинец закончил свою работу, вытер Жихарю лицо все той же довольно чистой тряпочкой и подвел к бадейке с водой — поглядеться.

В бадейке вместо Жихаря показался незнакомый человек.

— Кто же я? — спросил себя Жихарь.

— А кто бы ни был, лишь бы не вор и разбойник, — отозвался Одинец.

Богатырь поблагодарил брадобрея за хорошую работу, подпоясался обещанной веревочкой и вышел со двора.

«А письмо-то от побратима!» — внезапно вспомнил он. Достал из-за пазухи грамоту с королевской печатью, изображавшей голову дракона, развернул...

«Любезнейший друг мой и дорогой брат сэр Ньюзор! Во первых строках своего письма сообщаю Вам...»

Жихарь швырнул свиток оземь, как ядовитую змею с погремушкой на хвосте, растоптал его и запнул под плетень, хотя пергамент ни в чем перед ним не провинился и стоил денег.

— Книга, — сказал он вслух. — Книга же про меня у княжны имеется! Да и сама княжна мудра не по годам, может насквозь видеть! Вот у нее и пойду правды искать! Да и глянуть на нее лишний разок...

И решительно направился на княжий двор, соображая по дороге, что будет говорить и как.

У крыльца он как следует вымыл в луже босые ноги, вытер их о траву и сделал шаг вперед.

— Ты куда это? — удивились стражники. — Княжна только по праздникам милостыню подает!

— Передайте светлой княжне Карине, — сказал Жихарь, расправив грудь, — что странствующий воин, попавший в большую беду, просит ее о беседе. Прибыл я из далекой Бонжурии, зовусь сэром Джихаром, хожу по белому свету, ища князьям чести, а себе — славы...

Таких речей стражники сроду от побродяг не слышали и смутились. Вдруг да младая княжна рассердится, что не пропустили к ней нужного человека? Она ведь с причудами, княжна-то...

— Тебя, поди, подлые кривляне ограбили, — сочувственно сказал один из стражников. — Ну да ничего, мы до них еще доберемся. Княжна строга, но справедлива, людей насквозь понимает...

— Это-то мне и нужно, — сказал Жихарь.

Стражник отправил своего напарника наверх с докладом, а сам со вниманием выслушал рассказ пришельца о том, как мерзопакостные кривляне напали на него втридцатером, потеряв при этом половину отряда, но вторая половина все же сумела повалить и обобрать воина-одиночку.

— Чистые разбойники, — вздохнул стражник. — Золоченые, говоришь, были латы? Беда-то какая... А клинок неспанский, вороненый? Вот жалость-то... Не сокрушайся, сила солому ломит, новое добудешь...

Тем временем вернулся напарник и сообщил, что княжна по великой своей доброте странника примет у себя в особых покоях.

На всякий случай Жихаря обыскали, отняв малый ножичек в берестяных ножнах.

— Ты, как ее покой увидишь, не страшись, — успокаивал богатыря добрый стражник. — Кариночка наша маленько приколдовывает, но для людской же пользы...

Так и довел его до окованной бронзовыми ликами двери, сам же и постучал.

Испугаться Жихарь не испугался, но удивился изрядно — так похоже было жилище княжны на колдовскую избу Беломора: травы по стенам, прозрачные сосуды, превеликое множество книг на полках...

— Входите, сэра Джихар, — сказала Карина.

Она сидела за столом при свечах — читала, видно, что-то или новые законы измышляла.

Жихарь вошел и низко поклонился. Низко, но не слишком. Точь-в-точь так, как учил его Яр-Тур.

— Рад приветствовать прекрасную даму в сей обители премудрости, — сказал он. — Красота ваша подобна голубой хризантеме из уезда Линьбяо в пору весеннего равноденствия (это уже было от Лю Седьмого). Посмотришь — словно связкой монет подаришь, нахмуришься — и вечер еще темней покажется... Судьба ввергла меня в бездну злосчастья и забвения...

— Будь и ты здоров и благополучен, рыцарь, — сказала она. — Где-то слышала я это имя — Джихар, только вот не припомню где... Садись и поведай мне свою беду...

Жихарь уселся поудобнее и начал свой рассказ. Подготовиться как следует у него времени не было, поэтому правда в его речах мешалась с выдумкой, да и дело-то происходило не в Столенграде и не в Многоборье, а совсем в другой стране, которой и на земных чертежах не найдешь, и славу его похитили злые волшебники менты вместе со всеми верительными и рекомендательными грамотами...

Княжна слушала и водила взглядом по книжным полкам, как бы прикидывая, откуда именно Жихарь позаимствовал историю своих походов и злоключений.

Да так оно и было, по ее мнению.

— Милый юноша, — сказала она. — Да ты просто начитался всяких занимательных сочинений, доставшихся нам из прежних эпох. Ты приписал себе большую часть подвигов нашего славного Невзора и его друзей. Это бывает. Такое однажды случилось с человеком гораздо более зрелого возраста, он и отправился искать рыцарских свершений, несмотря на то что время для них ушло. Это очень грустная и печальная история, но и она, к сожалению, повторяется, как и все прочие истории...

Жихарь побледнел.

— Ничего больше не будет повторяться, — сказал он. — Зря мы, что ли...

— Вот видишь, — сказала княжна. — Снова ты за свое. Но это пройдет, когда ты сам совершишь славные деяния и перестанешь нуждаться в чужой славе, подобной дыму... Я бы с радостью одарила тебя добрым конем, крепкими латами и достойным клинком, но княжество мое пребывает в запустении...

— Прости, добрая княжна, — сказал Жихарь. — А через кого наступило запустение-то?

Она туманно улыбнулась.

— Да все через него же — нашего избавителя Невзора. Правда, сейчас он непонятным образом разбогател, но все равно продолжает тяжело трудиться на благо нашей державы — все сам, все сам... Думаю, что осенью я отдам ему руку и сердце — он свою вину исправил... Хотя признаюсь тебе — ведь благородный воин умеет хранить чужие тайны, — что Невзор оказался не таким, как я вообразила, прочитав книгу о нем... Безумная расточительность его переродилась в скопидомство, ясный и находчивый ум — в расчетливость торгаша... Прежний, буйный и хмельной, нравился мне куда больше... Должно быть, я слишком резко с ним поговорила или кто-то навел на него порчу.

— Вот и не торопись с замужеством, — сказал Жихарь. В горле у него стало сухо. — Потерпи, я схожу за подвигами, вернусь — тогда и посмотришь, кто тебе милей.

— О, как ты заговорил, — рассмеялась Карина. — Нет, эту надежду оставь. Впрочем, в закатных землях существует обычай, по которому воин может объявить даже супругу короля дамой своего сердца и совершать свои деяния во имя ее. Она обычно дает ему на память какую-нибудь вещь — например, вот этот платок...

Княжна взмахнула рукой, и на колени Жихарю упал тонкий платок, расшитый изображениями зверей, птиц и прочей живности.

— Этот платок приносит удачу, — сказала княжна. — А с удачей будет у тебя и конь, и меч, и все, что полагается...

— Спасибо, светлая княжна, — сказал богатырь. — Только все же хотел бы я вернуть собственную славу — любой ценой.

— Никогда так не говори, — нахмурилась княжна. — Потому что цена может оказаться действительно любая...

— Я знаю, — сказал Жихарь. — Когда Мироед...

— Покинь наконец свой воображаемый мир! Ты помнишь то, что было не с тобой, как в старой песне пели... Ступай, милый мальчик, и возвращайся со славой — только незаемной...

— Да я сам свою славу займы отдал — вернее, в залог! — не выдержал Жихарь. Уж лучше бы она, как в тот раз, честила его пьяницей и недоумком, а не «милым мальчиком». Сама-то едва от нянек... — Да я докажу! Я всем докажу! Доставай давешнюю книгу про там, где нас нет!

Княжна пожала плечами, встала и сняла с полки увесистый том, переплетенный в змеиную кожу и с бронзовыми застежками.

Жихарь схватил книгу, щелкнул застежкой и раскрыл наугад.

«...Принца, — прочел он. — Всех убью, один останусь! — криком предупреждал Невзор горожан об их нелегкой судьбе».

Он торопливо перелистнул страницу:

«Великанская белая всадница слегка наклонилась в седле и взмахнула хлыстом. Кончик хлыста, собранный из множества острых льдинок, резанул Невзора по лицу».

Жихарь в ужасе поглядел на следующий лист:

«Невзор оглянулся и погрозил кулаком: — Попомните меня!»

Он в отчаянии захлопнул книгу (полетела вековая пыль) и треснул книгой же себя по лбу (пыли полетело еще больше).

Оказывается, проклятая расписка распространила свои чары не только на нынешних обитателей света, но и на тех, кого уже нет или еще не родились. Он попался, как мышь в пустой горшок, и никто ему не поможет.

— Поставь книгу на место и ступай, — холодно сказала княжна. — Нельзя жить в мечте, особенно в чужой. Платок, так и быть, оставь себе...

Жихарь поднялся, подошел к полке, сунул окаянный том среди прочих так резко, что другая книга вылетела — едва успел подхватить. И название этой нечаянной книги Жихарю здорово не понравилось: «Смерть Артура». Но думать об этом было не время.

— погоди, пресветлая, — сказал он торопливо. — Подумай, вспомни — кто у вас в кабаке заправлял, когда ты в Столенград явилась? Кому Невзор задолжал? Не себе же? Зачем тогда было княжескую казну грабить? Под чье имя? И кто на самом деле отравленный спал?

И тут лицо у княжны сделалось чем-то похоже на брадобрею, хоть и оставалось по-прежнему прекрасным.

— В самом деле... — сказала она и зажмурилась, мучительно что-то припоминая. — Нелепость какая-то получается — и тут не сходится, и там...

— Думай, думай! — кричал Жихарь. — Ты же премудрая! Именно что не сходится! Да ты хотя бы заставь Невзора мои доспехи примерить — он в них шагу не сделает! Мечом моим не взмахнет — опрокинется! Вот снова к городу подступят кранты — наплачетесь с таким защитничком! Да и не бывает пустоглазых богатырей!

Княжна трясла головой, терла виски, глаза у нее сделались огромные и бездумные...

В это время послышался грохот, дверь отворилась, в палаты ворвались дружинники, среди которых притаился Невзор — без доспехов и без меча.

— Хватайте его! — кричал пустоглазый. — Это, княжна, известный вор и самозванец, он тебя ограбит и обесчестит пришел!

Несколько дружинников метнулись к окну, отрезая дорогу для бегства.

— Всех убью, один останусь! — громогласно рявкнул Жихарь и сделал вид, что достает из-за пазухи кинжал.

Дружинники от неожиданности оторопели, расступились, богатырь одним прыжком оказался у окна, выбил раму и прыгнул вниз, в темноту.

ГЛАВА 7

Мифология славян вообще дело темное и запутанное.

«Воронежские филологические записки»

Видно, платок, подаренный княжной, и взаправду оказался счастливым: Жихарь не угодил ни на копья бегавших вокруг терема дружинников, ни на остатки поленницы, ни на какую другую вредную при ночном бегстве преграду. Он приземлился на согнутые ноги, крикнул от удара, пнул, не глядя, кого-то пяткой в закрытую кольчугой грудь.

«К реке, — соображал он, расчищая себе путь вперед. — Перемахну через гору, а с горы кувырком, как зайчик. Выбирать не приходится, найду на берегу корягу — и вниз, к острову старого Беломора. Тяжести на мне никакой нет, как-нибудь доплыву...»

— К реке! Все к реке! — услышал он голос Невзора. — Заломай, бери свою сотню — и вниз! Я бы на его месте непременно к реке побежал! «А куда же еще? — подумал Жихарь. — Ты и так на моем месте, тварюга...»

Вокруг замелькали огни факелов. Многие дружинники по тревоге выскочили в чем были, то есть в портах и босиком. Из-за этого они принялись ловить друг друга и бить, а когда убеждались в ошибке, то долго еще ругались. Шум стоял неимоверный.

И богатырь выбрал самый неожиданный, но и самый правильный, как оказалось, путь: пока стража перекрывала всякие огороды и палисады, он беспрепятственно устремился вперед по главной улице.

Собаки хозяйские, конечно, всполошились и залаяли, но лай стоял во всем Столенграде, так что причину его установить было трудно.

Жители выбегали из домов. Бритого Жихаря, да еще в темноте, узнать было невозможно. Он воспользовался этим и кричал на бегу:

— Все к реке! Лови окаянного! Невзор обещал того, кто поймает, целый год бесплатно в кабаке угощать!

Вот когда впереди показались городские ворота, тогда он и своротил в сторону, подпрыгнул, перемахнул через частокол и скрылся в ночном мраке.

Пробежав сколько-то по дороге, Жихарь углядел в темноте знакомый пень, покинул прежний путь и очутился на ведомой ему лесной тропке.

Обычному человеку в ночном бору непременно придется туго — тамошние жители не любят, когда нарушают их сон. Птицы непременно всполошатся и загалдят, особенно сороки, темная охотница сова, скоробогатая птица, заушает во всю глотку, потревоженные деревья не упустят случая подставить беглецу под ногу толстый корень, чтобы споткнуться и навернуться о ствол.

А лесной хозяин, когда рассердится, непременно перепутает все тропы, так что бедолага неожиданно для себя выбежит на то же место, с которого и вошел в лес, там-то его как раз и захомутают преследователи.

Но Жихарь сам вырос в лесу, со здешним лешим (в отличие от того, который охранял владения добрых адамычей) пребывал в прекрасных отношениях с малолетства да и бегать умел бесшумно, даже в самой непроглядной тьме не угнетая высохший сучок. Кроме того, все солидные деревья его помнили, уважали за то, что рубил он только сухостой, отчего остальным растущим одна польза. Корабельные сосны поджимали корни, хрусткие павшие ветки сами откатывались в сторону, а сова ухать-то ухала, но ходила кругами по небесам где-то в стороне, чтобы запутать дружинников.

Для всех прочих многоборцев леса были в одночасье и бедой, и защитой. Для Жихаря же бедой они никогда не были, поскольку он знал и соблюдал все положенные в чаще правила.

Огни факелов мелькали и сзади, и с боков, один показался спереди, но тут же угас: факелоносец, видно, угодил в бочаг с вешней водой. Дружинник завопил, зовя на подмогу, — должно быть, в бочаге наступил на какое-нибудь сонное болотное чмо.

Да ведь и бежать Жихарю было легче, нежели преследователям. За зиму дружина основательно обленилась, а он-то сам закалился

в кабальных трудах. А скакать по бору верхами дураков не было: коню ноги поломаешь, сам шею свернешь...

Долго ли, коротко ли, а стихли позади и крики, и шум. Конечно, до самого рассвета дружина лес не покинет, будут делать вид, что стараются, ловят.

И ведь, главное, ни к чему теперь Невзору его ловить — кабатчик и без того отнял у богатыря все, что можно, кроме жизни, а жизнь так недорого стоит...

Даже месяц подумал-подумал и тоже принял его сторону: приманил к себе одинокую тучку, закрыл ею свое ясное личико, и стало в чаще хоть глаз коли.

Жихарь бежал ровно и дышал легко, а главное — понимал, где бежит и в какую сторону. К реке он рано или поздно спустится, следуя вдоль первого же понравившегося ручья, а стражников по всему берегу не расставишь, даже если Невзор договорится с соседями.

Только Невзор ни с кем не договорится, а воинам потребуется отдых.

Острым звериным запахом потянуло спереди, но Жихарь не свернул, а продолжал бежать, покуда не уткнулся в чье-то мохнатое пузо. Обладатель пуза поворчал, но облапывать богатыря не стал, просто слегка провел лапой по стриженной голове, убедился, что волос на ней мало и обдирать их ни к чему, а вместо того поддал Жихарю той же лапой пониже спины, чтобы бежалось шибче, и направился в другую сторону, откуда доносилась до чутких медвежьих ноздрей нестерпимая вонь горящей смолы и бранного железа. Вот его-то теперь они и станут ловить, а кто поймает, не возрадуется...

У лесных обитателей, и неподвижных, и шмыгающих, память устроена не по-людски: на славу им наплевать, а добро они помнят накрепко.

Месяцу там, наверху, конечно, виднее, он высмотрел оттуда, что беглец уже недосыгаем, утерся напоследок влажной тучкой, чтобы светить еще яснее, и пустил тучку дальше гулять по воле верхового ветра.

Деревья — народ неуклюжий и неловкий, не все из них успевали вовремя отводить ветки, так что Жихарь основательно оцарапался и рубаху в нескольких местах порвал. Словно бы винась перед ним, деревянное племя выкатило на светлую прогалинку ему под ноги подходящее орудие — мореную дубину. Богатырь подхватил дубину — она оказалась как раз по руке и весу подходящего. Он остановился и в благодарность оторвал от рукава вышитую тесемку. Тесемку он повязал на первую попавшуюся ветку. Врагу этого следа все равно увидеть не дадут, а зеленым друзьям уважение.

После этого Жихарь больше не бежал, а шел спорым шагом, поглядывая под ноги: батюшка бор уже сделал для него все, что мог, и терпения его испытывать не следовало.

Верно заметили мудрые люди: ежели в одном месте справедливости убавится, то в другом непременно прибавится, иначе жизнь была бы уж совсем никудышная.

Вот только накормить его батюшка бор в эту пору ничем не умел, разве что прошлогодней перезимовавшей калиной. Не ягодная была покуда пора, да и не грибная, только одни корявые сморчки и строчки в пищу годились, но не сырьем, а лишь после того, как выварить их надлежащим образом в трех водах. Добыть огонь Жихарь худо-бедно сумел бы, но не в горсти же вареву затевать!

Вскоре под ногами обозначилась основательно заросшая тропа — куда-нибудь она да вела же!

Она и привела на освещенную месяцем поляну. Жихарь остановился и прислушался. Здесь даже ночные птицы не кричали. Впереди темнело какое-то строение. Богатырь подошел поближе и понял, что случалось ему здесь бывать — в дальнем-дальнем детстве, когда живы и здоровы были еще воспитатели его, разбойнички Кот и Дрозд, люди лихие, но мудрые.

Капище Проппа завалилось вконец, поросло мохом и бурьяном. Жители Многоборья давненько забыли сюда дорогу, даже неклюды-отшельники здесь уже не селились, полагая место слишком опасным. Но Жихарь знал, что Пропп добрый и может помочь всякому, рассказавшему у подножия кумира небылицу, новеллу или устареллу. Не раз случалось богатырю в этом убедиться во время незабвенного похода на край мира, только вот славу от этого похода он потерял...

Жихарь порылся в развалинах, ничего полезного не нашел — видно, искали и до него, да если и водилось тут что, так давно рассыпалось в прах.

Кумир Проппа здесь стоял не деревянный, но каменный, вырезанный с большим искусством и тщанием. Богатырь отломил от истлевающего бревна острую щепку и прочистил Проппу каменные уши от моха и земли, набившейся туда за долгие годы.

Похолодало, скоро начнет и светать. Потянул ветерок и ознобил взмокшее после погони тело. Жихарь ударом кулака раскрошил бревно, выбрал подходящие для костерка куски, наломал сушняка, сложил все шалашиком. Потом особым колдовским разбойничьим способом добыл огня и вспомнил, что точно так же добывал его в темноте Бессудной Ямы, — все повторялось, снова придется идти на поклон к Беломору, а даром старик ведь ничего не дает, опять пошлет в неведомую даль выполнять непосильный урок.

Хорошо эти волхвы устроились — сидят себе на месте, листают страшные книги да зоблюют Мозголодную Брагу, а богатырям приходится за них отдуваться, странствовать и мужествовать, каждодневно рискуя головой. Ну да ему этого и надо...

Когда скупое пламя заиграло и осветило красным светом отвыкшее от жертвенных огней каменное лицо, Жихарь вытянул руки над огнем, потом сел, сложив ноги калачиком.

Память у богатыря была вроде вязкой смолы: всякое угодившее туда чужое слово застревало в ней намертво. Билось, рвалось, наизнанку выворачивалось, а покинуть не могло. За время же своих странствий пришлось ему выслушать немало чудесных историй. Их могло быть и больше, кабы не цена, которую пришлось заплатить кулыгятому Мироеду, чтобы добыть Полуденную Росу...

— Было это давно и неправда, — привычно предупредил он Проппа: вдруг, чего доброго, заподозрит, что хотят ему обманом всучить истинное происшествие, да вместо удачи снова подсунет на пути каких-нибудь Гогу и Магогу, а ведь нынче у Жихаря нет при себе ни плохонького меча, ни кистеня, да и Будимира, чудесного петуха, нет. — Стало быть, жил в стране, именуемой Непростан, царь по имени Каламут Девятый. Крепко сидел он на своем троне, из небесного железа отлитом — из того железа, что не ржавеет и злобных духов по ветру развеивает.

И был у царя дворец — два конных перехода в длину и один в ширину. Снаружи сложен он был из дикого горного камня двух цветов, черного и красного, и плиты чередовались, так что можно было на этих стенах, ежели бы их плашмя положить, играть в тавлеи великанам, до скончания веков велась бы та игра.

Изнутри же обшит был холодный камень кипаричным деревом, да еще деревом певговым, да еще деревом ситтим и деревом фарсис — сам таких деревьев сроду не видел, но за что купил, за то и продаю. Дух от деревьев исходил такой, что никакая болезнь того запаха не выдерживала и восвояси возвращалась, — не знаю уж, в каких краях эти хворобы обитают. Пришивали доски к камню особыми гвоздями, золотыми и серебряными. Ты, конечно, скажешь, что золото мягкое и на гвозди не годится, но мастерам же нельзя было царю возражать. Подозреваю, что гвозди были железные, только шляпки позолочены да посеребренные, а куда золото ушло — мастерам виднее.

Сверху душистые доски обтянуты были тонкими заморскими тканями, каковы есть пурпур, виссон, багряница да крепдешин с панбархатом. Это я оборванцем хожу, поскольку судьба такая, а они, видишь, такое добро на стены переводили. Из панбархата, сказывают, портянки добрые выходят, а у меня и сапог нету...

Мало того, на стенах повешены были огромнейшие ковры, и каждый ковер ткали по триста ткачих, и потратили они на это дело по тридцать лет. На коврах выткано было и начало мира, и конец его, и то, что посередке осталось, — все люди, что жили на свете и когда-то жить будут, все походы, все земли и все звери, их населяющие.

И живых зверей у Каламута Девятого было немало: страшно сказать, ходили там львы рычащие и пардусы быстроногие, птицы строфокамилы, летать не могущие, и северные морские звери клыкастые, и слоны. Слонов я сам видел у Раджи Капура, который сам про себя поет, что, мол, бродяга, хоть и богат несметно, и сам на них катался верхом. Только под седло они не годятся, потому что даже степняк так широко ноги расшеперить не сможет. Не зря сказано: как ни ширься, а один на всей лавке не усядешься. Для того на спинах у слонов особые домики строят. И понужают лопухих не шпорами, а стрекалами.

До царя звери хищные добраться не могли, потому что отделял их обиталище от царских покоев глубокий ров, налитый непростой водой. И все царские гости вдоль этого рва гуляли, любовались и ужасались.

А летучих птиц было видимо-невидимо, жили они не в клетках, а под сводами на ветвях — там ведь и живые деревья росли, целый лес, чуть поменьше нашего. Тысячи слуг целыми днями очищали дворец от птичьего помета, но не поспевали — бывало, и на Каламута капало. Терпел. Да. А птичий помет мешками тащили на огороды, и урожай от него был такой, что даже нищим хватало.

Были птицы с пчелу величиной, были и с быка. Ну не с быка, а с барана точно. У царя даже птица-секретарь имелась — он ей одной государственные секреты поверял. Кроме одного... Счастливо жил Каламуг Девятый, жен держал до тысячи. Ловко устроился: первой жене скажет, что пошел ко второй, второй — что к третьей подался, и так далее. А сам пойдет в свой птичий сад, зонтиком прикроется — объяснять, что такое зонтик, или сам смикитишь? — прикроется и сидит, птичье пение слушает. А особенно ему нравилась желто-зеленая пташка канарейка — уж больно жалобно пела.

Слушает, сам о жизни думает. Много он о жизни думал и наконец додумался. Что же это получается? Чем жизнь-то кончается? Известно чем. Обычные люди это сызмальства знают, а до него лишь к матерым годам дошло. Помирать — не в помирушки играть. Надо что-то делать.

Первым делом он жен разогнал — жизненные силы беречь надобно! Да и денег на этом сберег немало и выписал к себе со всего света лекарей. Они советуют, что надо кушать и сколько, какой кусок проглотить, а какой мимо рта пустить, велют бегать, прыгать, даже на голове стоять, только недолго.

Вторым делом он запретил при себе про Смерть поминать. Если у него, к примеру, любимый советник окочурится, то придворные докладывают: уехал, мол, в дальние страны и не велел ждать. И воеводам своим, тысяченачальникам, указал в донесениях не писать, сколько воинов на поле брани полегло. Те и рады, понятно, что воевать нынче можно как попало. И много они извели нашего брата понапрасну..

Даже кладбища все велел скрыть и садами засадить либо ристалищами застроить, чтобы надгробные камни глаз не мозолили.

А еще он решил — ну, это ему, видно, Мироед подсказал — сделать во дворце новые ворота. Такие крепкие и могучие, неприступные и непробиваемые, чтобы Смерть, даже когда он тяжело заболит, во дворец не могла взойти и его, Каламуга, в Костяные Леса не увела. У них, правда, в стране Непростан, это как-то по-другому называлось, но смысл тот же.

Стали собирать и скупать со всего света и железо, и медь, и олово, и свинец. Денег не хватает, пошло в расход все золото и все самоцветы, фернампики и ониксы. Потом ковры ободрали, заморским купцам по дешевке спустили. После и до панбархата с виссоном дело дошло.

Распродал соседним государям всех любимых зверей и птиц в промен на руду и готовые слитки. Одну пташку канарейку оставил, потому что она жалобно поет, а он под ее песни плачет — себя жалеет.

Разогнал и врачей, одного шарлатана горбатого не разогнал, поскольку тот верный был и жалованья не просил.

Дворец опустел — погнал Каламут Девятый всех слуг добывать руду и черный горюч-камень. Чтобы такие ворота отлить, жару ведь много надо. Так много, что все деревянные дома в стране велел разобрать на дрова и все леса повырубить — прости, батюшка бор, что в твоём присутствии такие ужасы рассказываю.

Ладно постарались тамошние литейщики, отлили ворота двухстворчатые, изготовили петли для них в два человеческих роста. Три года створки навешивали, как уж поднимали — не ведаю. Должно быть, слонов запрягали или с горными варкалапами договорились. Народу при этом погубили без числа, только про это царю не доносили, запрещено ведь.

Вышли ворота не плоше тех, что я в Мироедовом царстве с помощью разрыв-травы отворил. Но в Непростане про эту траву не слышали, да и не растет она там.

Натащил царь во дворец съестного припасу (эх, мне бы хоть кусочек), вытащил из хитрого устройства железный шкворень — закрылись ворота изнутри на тяжкий засов.

Сидит один в пустом дворце, канарейку слушает и мыслит: «Ломись, ломись, безнося, до меня все равно не доберешься».

А царство кругом пустое стоит — весь народ разбежался. Тишина. Только глупая канарейка свищет в клетке из простых прутьев.

Вот полночь наступила. И слышит царь Каламут тяжелые шаги — даже слон так не ходит, даже зверь бегемот. Бух, бух!

«Ладно, — думает, — сейчас ты кости-то свои об мои ворота расшибешь, и стану я жить вечно, бессмертно, а царство — дело наживное». Как и слава, к слову сказать.

Тут в ворота словно осадным бревном грохнули. Да не простым бревном, а в десять обхватов. Раз, другой...

На третьем ударе треснула железная балка, словно хворостина, распахнулись тяжкие ворота, а за ними — никого.

«Это меня, видать, звездный свет ослепил после долгого темного сидения, — решил царь Каламут. — А Смерть, поди, после третьего удара вся на мелкие крохи рассыпалась».

Так он себя успокоил и поближе к воротам подошел. Никого. Глянул вниз — что там такое, вроде суслик, только белый.

Присмотрелся — а это Смерть и есть. Правда, малюсенькая, зато все при ней — и белый саван, и острая коса, и весы, на которых срок жизни измеряется.

Занес царь Каламут над ней ногу, чтобы раздавить, а она увернулась и пищит: «Убери ногу, старый дурак, я не за тобой — за канарейкой твоей явилась!»

Он так и застыл с поднятой ногой, а Смерть прошмыгнула внутрь, разломала клетку, схватила канарейку за крыло и потащила за собой куда следует. Песню при этом горланила глумливо:

Раз поет, два поет,
Помирает и поет —
Канареечка жалобно поет!

А Каламут Девятый после того в своем опустелом царстве еще до-олго жил — насилу собственной Смерти дождался...

ГЛАВА 8

*— А скажи-ка нам, небораче, кого ты над омутом
дожидаешься?*

Владимир Короленко

Последние слова богатырь договаривал уже во сне, но так он за день устал и душой и телом, что в дремоте ему никаких вещей знамений не привиделось. Только тело до света само поворачивалось у костра, грея то один бок, то другой. Веток для лежбища он наломать не удосужился, да и не надо было здесь ветки ломать.

Утром, при солнечном лике, место ночлега уже не казалось зловещим. Кроме того, какая-то добрая белка притащила оставшуюся от зимы пригоршню орехов и снизу сушеных боровиков. Орехи не все пропали, а грибы, хоть и без соли, пошли за милую душу.

«Должно быть, платок и впрямь удачный», — подумал Жихарь, прислушался, определил родник и вволю напился. Разворошил кострище, убедился, что все прогорело дотла и даже в случае ветра пожару не быть. Потом, как и собирался, пошел вниз, вдоль ручья.

Зиму-то Жихарь проспал, но знал от людей, что была она лютой, поэтому Ярило изо всех сил старалось согреть землю. Дышалось вольно, был богатырь свободен от всех долгов и обязательств, даже имя свое теперь только он один и ведал. Стал равен зверю, птице, комару...

...К реке его ручей, противу ожидания, не вывел, а вывел к небольшому озеру, тоже знакомому и носившему некогда название Гремучий

Вир. Озеро, насколько он помнил, было глубокое и богатое рыбой, даже старая рыбацья избушка стояла на берегу, но в ней никто уже не жил с тех пор, как поселился тут озерский водяник по прозвищу Мутило.

Раньше, до его водружения, рыбачить сюда приходили даже из Столенграда, но дурак Мутило, дорвавшись до собственного водоема, на радостях с самого начала всех перепугал и остался теперь в совершенном одиночестве, некого было ему хватать за ноги, некому портить сети и дыривать лодки, так они сами по себе и сгнили на берегу.

От берега уходили недалеко в воду мостки на крепких дубовых сваях. На мостках, свесив перепончатые лапы в воду, сидел и сам Мутило, грелся на солнышке. Мутило был не чистокровный водяник, а только по отцу, родила же его и сразу же выбросила в воду та самая поедучая ведьма, которую маленький Жихарка изжарил в печке. Поэтому в хозяйине Гремучего Вира больше было от человека, чем от лягушки. У него даже волосы росли на голове — правда, зеленые и пучками, как трава на болотной кочке. И глаза походили на человеческие, хоть и не мигали.

«Не поглянулась Проппу моя новелла, — решил Жихарь. — А Мутило сейчас начнет ко мне вязаться — зачем-де матушку угробил... Обойти его, что ли, или сразу дубинкой угостить?»

Но Мутило, заметив пришлеца, обрадовался и закричал:

— А вот кому мыться-купаться, рыбу ловить, белье полоскать!

Жихарь подошел ближе, ступил одной ногой на мостки — затрещало.

— Здорово, водяной житель! — сказал он.

Мутило разинул широкий рот и внимательно поглядел.

— Узнал, — сказал он. — Мальцом тебя помню, а все равно узнал: масть-то не спрячешь. Помню, как ты с родительницей моей управлялся...

— Биться будем или мириться? — спросил Жихарь, поигрывая дубиной. Драться с водяником на суше весьма удобно, зато нечестно, а в воде он человека всяко разное одолеет...

— Зачем биться? — удивился Мутило. — У нас в речке все русалки говорили, что таких матерей живьем жарить надо... Да и скучно мне без людей. Слушай, Жихарь, пошли ко мне на дно — пива попьем, в кости сыграем... Русалка наша тебе одежду постирает, просушит тем временем...

— Поиграть я всегда готов, — сказал Жихарь. — Только не на что мне нынче играть, кроме как на свою голову...

— А я других ставок и не принимаю, — сказал Мутило. — Сам посуди, на что мне золото? Солить его, что ли, коптить?

— А во что играть будем, в тавлеи?

— Нет, — вздохнул водяник. — Тавлеи же деревянные, всплывают все время...

— Так давай прямо на бережку.

— Нет, — сказал Мутило. — Дома, знаешь, и стены помогают. А играть будем в зернь, кости метать. Тавлеи двигать — много ума нужно, тут человек сильнее нашего брата. А кости — это же судьба и удача.

— Хорошо, — сказал Жихарь. — Я, выходит, голову ставлю, а ты что? Бадейку с лягушачьей икрой?

Водяник оскорбился и пошел зелеными пятнами.

— Обижаешь, детинушка, — сказал он. — Икра у меня рыба и даже соленая — вон в избе под навесом соли-то сколько было заготовлено. Там у меня и коптильня даже есть. Так что пиво найдем чем закусить. Я и хлебы из рыбной муки пеку...

Жихарю хотелось и пива, и закусить.

— Так на что ты-то играть будешь? — напомнил он.

— Понятное дело — на озеро. У меня же всего имущества оно одно и есть. Один водяник с другим всегда на озеро играют. Лешие — те на волков, на белок, только потом на леса. А мы, мокрый народ, — сразу на озеро.

— А как же ты без озера? — Жихарь сделал озабоченное лицо.

— Да так же, как ты без головы, — хохотнул Мутило. — Ну так пошли?

— Не горазд я водой дышать, — сказал Жихарь.

— Да кто ж тебя заставляет водой дышать? Ты же со мной будешь! Только помни одно: под водой ни на что пальцем нельзя показывать, не то враз захлебнешься...

— Понял, — сказал богатырь, а сам подумал: «Как-нибудь вывернусь: скажу, к примеру, что кости у него обманные, зато хоть рыбки поем... А если не пойду, он меня на всю воду и на весь лес трусом ославит».

— За мной, — скомандовал водяник и бесшумно соскользнул в зеленую гладь — даже круги не пошли.

Богатырь отошел, разогнулся, пробежал по ветхим мосткам и прыгнул в воду не хуже леща. Шуму, правда, наделал немало.

Под водой он быстро нагнал Мутилу, ухватил его за лодыжку, и сразу же вокруг них образовался воздушный пузырь, как у водяного паука, только большой, и стало можно дышать.

Озеро и вправду было глубокое, так что у богатыря начало закладываться уши.

— Потерпи, — пробубльнул Мутило. — Сейчас будем на месте.

Дом у озерского водяника был построен не как-нибудь — из моченого дуба, украшен рыбьими костями и головами. Внутри было все

устроено, как в обычной избе, только что вот печки не имелось. И прибрано все чистенько...

— Как же ты зимой без печки? — спросил Жихарь.

— Зимой мы спим, — рассеянно ответил водяник. — Да ты раздевайся, я же сказал, что русалка все постирает и высушить развесит... И платок давай...

— Платок не дам, — сказал богатырь. — Платок дареный. Когда прекрасная дама вручает витязю платок... Впрочем, ты все равно не поймешь.

— Где уж нам, — сказал Мутило, выкатывая из угла бочонок.

Двигался под водой он сноровисто, не то что Жихарь. Мигом появились на столе миски и тарелки, кружки и кувшины.

Пиво, к сожалению, оказалось жидковатым.

— Вода же кругом, — оправдался водяник.

Зато рыбный хлеб вполне был съедобен, а уж копченые лещи такие, каких у князя Жупела за столом и близко не бывало. Икра тоже была просолена умело и разложена отдельно, согласно видам рыб.

Они прихлебывали из кружек, заедали полными ложками икры, вели неспешный разговор о делах лесных, водных и человеческих.

— Не слышал — неклюд Беломор на прежнем месте живет или переехал? — спросил богатырь.

— На прежнем вроде бы, — ответил Мутило. — Только ты к нему не спеши. Говорят, Мироед на него здорово взелся за что-то, как бы тебе с волхвом заодно не пропасть... Да ты и не пропадешь — здесь останешься... — Водяник зевнул и еще раз зачерпнул кувшином из бочонка.

— Это мы поглядим еще, — сказал Жихарь. — Но сам посуди, можно ли голову ставить против какого-то озера?

— Против моего — можно. Во-первых, вода чистая. Во-вторых, ее много. Лягушек нет и в помине, я их первым делом выселил. Рыбы же не считано, да какая: лещи, подлещики, язи, подъязки, караси...

— Подкараски, — усмехнулся Жихарь.

— Нет, рыба серьезная. Хороший хозяин на такой рыбе озолотится.

— Это мне к стати, — сказал Жихарь. — Только торговать недосуг.

— Теперь дальше смотри, — сказал Мутило. — Русалка у меня, прямо скажем, не первого разбора, но работающая. Утопленник даже свой имеется, только ты на него лучше не смотри...

— Утопил, значит, кого-то или в кости выиграл? — нахмурился богатырь.

— Да нет, — вздохнул водяник. — Это рыбак здешний. Он от скуки и тоски, как бобылем остался, руки себе связал и прыгнул из лодки. Хотел, говорит, поглядеть, что по-за жизнью бывает.

— Ну, что по-за жизнью бывает, я уже видел. Давай свои кости.

Кости у Мутилы хранились в особом кисете из сомовьей шкуры. Были они старые, пожелтевшие, округлившиеся по ребрам.

— Давно бы заменил, да память дорога, — пояснил Мутило. — Это ведь те самые кости, в которые один могучий царь царство свое проиграл, и себя, и жену, и братьев. А жена у них была одна на всех. — Водяник хихикнул.

— Знаю эту повесть, — кивнул Жихарь. — Потом они дрались, дрались, пока не сравнялись...

— Вот-вот, — сказал водяник. — А коли нет у тебя ни жены, ни братьев... Не взыщи, таков уж мой талан...

— Постой! — Богатырь остановил перепончатую лапу, готовую метнуть кости. — Чтобы по-честному вышло, давай так: твой талан — мой майдан... Метать будем на плат...

С этими словами Жихарь снял с шеи дареный платок, освободил на столе место и расстелил подарок. В избе водяного хозяина стало светлее, и Мутило даже прикрыл перепонками глаза.

— До трех раз играем, — предупредил он.

— Идет, — сказал Жихарь.

Он сидел на лавке без одежды, водяник тоже был голый, да и не одеваются водяники вовсе — стало быть, негде ему спрятать обманную зернь...

Они враз метнули по кости, и право на первый бросок получилось Жихарево. Он взял костяшки в горсть, потряс хорошенько, зажмурился на счастье и бросил.

Выпали шестерка с пятеркой.

— Везучий, — хмыкнул водяник. — Поглядим, как-то дальше будет.

Мутило пошептал что-то над костями, поплевал (Жихарь брезгливо поморщился), потом покатал их между лапами и лапы те враз разжал.

Шептания помогли, да не слишком — всего две пятерки огреб.

— У тебя плат наговоренный, — уверенно сказал он. — Эти кости у меня сроду проигрышу не знали. Но первому кону не верь...

Богатырь принял кости, вытер их краем платка и на этот раз долго трясти не стал.

Выпали тройка с двойкой.

— Уже лучше, — сказал Мутило. — Ну, зернь заморская, пособи, как в старые года, правому, обличи виноватого...

Но виноватым, видно, оказался хозяин — ему тоже достались тройка да двойка.

— Третий кон главный, — сказал водяник. — Как они, кости, падут — так тому и быть.

Жихарь принял кости, закрыл глаза и стал в уме призывать всех, кто только мог ему помочь: и Беломора, и Будимира, и Проппа-владыку, и побратимов, и царя премудрого Соломона, и столь же премудрого Китовраса, и добрых адамычей, и злых ментов, и силу Святогорову, и все-все...

Он разжал руки, раскрыл очи и увидел, что пали кости самым пакудным образом: на каждой грани лишь по глазку, и глазки эти начали ему хитро и злобно подмигивать.

— Хлюзда на правду вывела, — заметил Мутило. — Теперь ты уж мой будешь, никуда не денешься... Тебе здесь выйдет неплохое житье, не сокрушайся...

— Ты мечи, мечи, — хрипло сказал Жихарь. — Не рассуждай.

Даже при худшем для Мутилы раскладе могло выпасть столько же. Стало быть, придется пытаться судьбу дальше, а она этого не любит: кому же приятно, когда его пытаются?

— Обман! — завопил водяник. — Так не бывает! Ты кости заговорил!

Так в жизни и впрямь не бывает. На одной кости верхняя грань венчалась точкой — единицей, на другой была вовсе пустая.

У Жихаря от страха и удивления спину словно бы подернуло инеем.

Водяник очень внимательно осмотрел обе кости — пустых граней вроде бы не было.

— Еще раз кидаем, — потребовал он.

— Договаривались же на три кона, — сказал богатырь.

— Договаривались с честным молодцем, а не с колдуном поганым, — возразил Мутило, хотя и сам относился к нечистому племени.

— Твоя же зернь, — пожал плечами Жихарь. — Тем более древняя, говоришь, царства в нее проигрывали...

— Мечи, — велел водяник. — Иначе я тебя все равно утоплю. Испортил мне, понимаешь, кости своими заговорами...

— Ладно, — сказал Жихарь. — Дело и вправду неясное и необыкновенное. Смотри, мокрозады, — безо всяких наговоров мечу.

Он попросту сжал кости в кулак, занес над платом и раскрыл пальцы.

— Ой, не могу! — заорал Мутило и забил перепончатыми лапами по столешнице. — Наворожил на свою голову, сухопутная душа! Все говорят: нет правды на земле, а под водой она очень даже есть!

Жихарь повторил бросок водяника: один — пусто. Иней на спине растаял и пополз вниз ледяными мерзкими струйками. Теперь гнить ему, богатырю, на дне озера, служить глупому Мутиле, пугать случайных людей... Раков черных кормить...

— Не печалуйся, — глумился водяник. — Послужишь мне сколько-то, угодишь — я тебя и отпущу. Правда, красные девицы шарахаться будут, а люди осиновым колом встретят, а так — ничего...

Жихарь молчал и только созерцал тупым взором черные Мутило-вы лапы, сквозь полупрозрачные перепонки было видно, как между лап прыгают роковые кости.

Наконец лапы разжались, кости полетели на расшитый плат.

И упали обе пустыми гранями вверх.

Мутило долго возмущался, в сотый раз осматривал зернь — все в порядке, никаких пустых граней...

— Судьба, — сказал Жихарь. — Разве против нее пойдешь? Отдавай озеро, а то несчастье будет, сам же видишь, не желает моего проигрыша кто-то сильный и могучий, не идти же нам поперек...

Мутило разлил пиво по кружкам, выпил единым духом и зачесал в затылке.

— Как бы и вправду на себя беды не накликают, — сказал он наконец. — Голову ты сохранил, только давай еще немножко поиграем...

— Но по маленькой, — предупредил Жихарь.

— Ясное дело, по маленькой, — согласился Мутило. По-своему он был честный водяник, хоть и глуповатый.

По маленькой Мутило отыграл сперва раков, потом рыб, потом русалку (при этом он нахально попенял Жихарю, что русалка не первой свежести), потом и утопленника — вот уж без кого богатырь вполне мог обойтись!

— Довольно, — сказал Жихарь. — А то мне и так уже одна вода осталась.

— Зато какая вода и сколько! — вздохнул Мутило.

Они вышли из водяной избы. Сквозь толщу зеленой воды еле-еле проглядывало солнце.

Поднимались наверх медленно — добрый Мутило объяснил, что если с такой глубины вынырнуть враз, то закипит кровь в жилах и можно вполне от этого помереть. Что ж, ему видней. Жихарю даже как-то стыдно стало перед водяником. Вроде бы честно выиграл, а вроде бы и бесчестно...

На берегу сушились на кольях скудные Жихаревы одежды. Кажется, и недолго пребывал богатырь в озерном царстве, а успели высохнуть.

Пожилая русалка, подвернув под себя толстый чешуйчатый хвост, штопала рыбьей костью богатырские штаны.

— Видишь, какая рукодельница, — похвастался Мутило. — А я ее сдуру чуть не проиграл... Озеро же твое — забирай.

— Как же я его заберу? — удивился Жихарь. — Разве что ведрами перетаскать, только куда?

— Вот говорят: люди умные, люди умные, — вздохнул Мутило. — Если вы такие умные, чего ж вы под водой-то не живете? Все вам объясни, все покажи на свою голову... Давай-ка свой плат наговоренный. Я с людьми всегда по-честному...

Жихарь, ни слова не говоря, протянул ему подарок княжны. Водяник подул на плат и опустил один из углов в воду.

Жихаря трудно было чем-нибудь удивить, коли уж видел он даже море, поставленное на попа. Тем не менее рот он разинул.

Вода в озере начала стремительно убывать, впитываясь в платок. Обнажились и стали обрушиваться крутые берега, даже избенка поползла было к обрыву, но не доползла. В конце концов на месте Гремучего Вира образовалась громадная глубокая яма, на дне которой бились и подпрыгивали многочисленные рыбы.

— Рыбу жалко, — сказал Жихарь. — Зря пропадет. Оставь хоть маленько водички-то, я ведь не изверг, не кабатчик Невзор...

— Невзор... — сказал Мутило и задумался. — Знаю. Сегодня утром, до того как тебе появиться, был тут этот самый Невзор. С дружиной. Я их собирался пугнуть, а потом смотрю — рожи такие, что... Толковали про Беломора. Его они ищут.

— Точно? — ахнул богатырь.

— Точнее некуда. Я ведь тебя предупреждал... А насчет воды не бойся, она вся никуда не уйдет. Знаешь, сколько ключей бьет на дне? А скоро еще горный снег начнет таять — так помаленьку новое озеро наберется...

Он вытащил платок, перевязал все четыре конца узлами и вручил Жихарю. Платок был совершенно сухой.

ГЛАВА 9

*Он весь посинел и умер — в надежде на воскресенье
и жизнь будущего века.*

Марк Твен

Давным-давно, так давно, что даже боги жили еще на земле как простые охотники, люди поделились на умных и не очень.

Произошло это так: по ночам кому-то надо было стеречь стоянки и поддерживать огонь в костре. Спать при этом, ясное дело, не полагалось, вот сторожа и устремляли глаза в небо либо в пламя. Книжек в те времена не водилось, да и писать-читать люди не горазды были. Единственная книга тогда существовала — бездонное небо, а первыми буквами стали звезды на нем.

Если очень долго изучать книгу на незнакомом языке, в конце концов что-то да начнешь ведь понимать! И ночные сторожа начали различать на небе разных зверей и птиц, и каждый из этих знаков висел в небе не просто так, а обозначал и предсказывал перемены в погоде и судьбе. Самые сообразительные стражи углядели связь между расположением светил и сменой времен года, знали теперь, когда охота будет удачной, а когда напрасной, не затрясется ли земля, не выйдут ли из берегов реки и моря.

Из этих стражей получились волхвы-неклюды. Оттого волхвы и теперь жили часто поодиночке, а среди людей им становилось не по себе. Да и людям с ними не по себе было.

Другие караульщики не искали в небе птиц да зверей, а попросту считали звезды. Сперва пальцы загибали на руках и ногах, а когда пальцев перестало хватать, придумали дюжины и десятки. Узнав, сколько в небе звезд, они по привычке стали считать охотников, женщин, детишек, убитых зверей, копья, дубинки, луки и стрелы. Потом надумали помаленьку торговать. Так и возникли купцы.

А те, кто смотрел в огонь, видели в языках пламени разные картины — о сотворении мира, о битвах богов и великанов, о подвигах великих героев. Потом они своими словами пересказывали соплеменникам все, что видели в огне, а когда слов не хватало, составляли их сами. Так появились сказители.

А некий пророк предсказал, что вернутся еще времена, когда всем умным и толковым людям снова придется пойти в ночные сторожа и хранители огня...

«Все верно, — мыслил Жихарь, перескакивая через очередную павшую лесину. — Оттого, видно, и теперь дураки спят сладко и крепко, а умные полночи ворочаются с боку на бок. Им думушки голову сверлят, спать мешают».

Надо было поспеть к Беломору, опередив кабатчика с дружиной. Старик мудрый, он враз разберет, кто подлинный богатырь, а кто чужую славу присвоил.

Только ведь неведомо, где нынче располагается речной остров с Беломоровой избушкой. Может, старику грохот водопада надоел, он и перебрался куда-нибудь в низовья... Или, наоборот, в верховья...

А с чего это вдруг пустоглазому кабатчику Беломор понадобился? Или сообразил, что Жихарь туда непременно наведается? Как бы не навредил старику, надо ходу прибавить...

Ходу он прибавил, но все равно уже начало темнеть. Вроде и недолго богатырь гостевал под водой, а времени на самом деле прошло много. Под водой ведь и движешься медленнее, и думаешь тихо... Не мог Мутило сразу про Невзора с дружинниками сказать! Правда, тогда бы и озера не выиграл, а оно в дороге лишним не будет...

— Батюшка бор! — взмолился наконец богатырь. — Выведи меня к старому волхву короткой тропой! Сам видишь — беда может случиться. Я ведь пеший, а они на конях! Понимаю, что надоело тебе со мной возиться, да дело уж больно срочное!

Верхушки вековых деревьев зашумели — глубоко вздохнул батюшка бор. Но не отказал — где-то впереди загудел дикий шмель, Жихарь понял, что это ему знак, и побежал на гудение. Там и в самом деле оказалась под ногами чистая тропа, освещенная закатным солнцем. Све-

ту становилось все меньше, тогда по обе стороны тропы засвистели по-утреннему птицы, зачирикали белки, чтобы не свернул случайно богатырь в сторону. Вечером шмелю летать холодно, ему положено в это время спать, поэтому шмеля впереди сменил здоровенный светляк, Жихарь таких сроду не видел в здешних краях.

«Ладно, что еще Купальская ночь не наступила, — думал Жихарь. — А то бы я тут побегал! Кто бы мне позволил!»

В Купальскую ночь, как известно, природа вовсе не желает знать человека, а хочет пожить по своим законам, многие из которых людям неведомы вовсе и вряд ли когда-нибудь станут ведомы. Правда, отчаянные старушки (жизнь-то, считай, прожита!) осмеливаются забредать в чащу, разыскивая чудесные травы, которые как раз набирают самую силу. Не менее отчаянные безденежные, вроде Жихаря, молодцы тоже лезут сдуру в лес, мысля отыскать цветущий папоротник и найти с помощью Жар-цвета несметные клады. И что любопытно, старушек-травниц лес чаще всего отпускает по чести и с добычей, а молодцев поминай как звали.

— Лес ведь тот же зверь — не злой и не добрый, а сам по себе. Надо только знать, как ему угодить.

Жихарь знал, поэтому и выбежал в конце концов на крутой скальный речной берег. Звезды уже купали отражения свои в речных волнах, то же самое делал и месяц, напрасно надеясь отмыть пятна и знаки на белом лице.

Светляк-великан на прощание облетел богатырскую голову, помахал крыльями и подался по воздуху назад, в чащу, приманивать на свой мертвенный зеленый свет невесту.

Жихарь лег на краю обрыва и начал всматриваться вдаль. И чем больше всматривался, тем крепче невидимая лапа сжимала и теснила сердце. Напрасно успокаивал он себя, что Невзор — ведомый трус и не осмелится причинить вред грозному волхву. Ах, надо было этому черному нищелюду не последний грош отдавать, а башку развалить, да что уж теперь...

Богатырь почему-то был уверен, что зловещий побирушка поехал вместе с кабатчиком и дружинниками.

Спускаться к реке в темноте было делом немислимым — голову свернешь запросто, и батюшка бор не поможет, потому что скалы и река не в его ведении. А если применить Медленное Слово да прыгнуть во тьму? Соблазнительно. Только вдруг вместе со славой Жихаря покинули и все чары? Сам пропадешь и старика не выручишь... И веревки нет. Да и место незнакомое...

Жихарь привел наконец колотящееся от бега и тревоги сердце в порядок и прислушался. Вода на порогах шумела по левую руку. Ежели остров Беломора на прежнем месте, до него не так уж далеко, и днем он был бы вполне доступен глазу. Ночи нынче короткие, но и за это время может произойти многое.

Многое и произошло, и речной остров стал доступен глазу еще до рассвета. Багровый сполох взметнулся над рекой, осветив и намытую отмель, и корабельные сосны на острове — стволы их отсюда казались не толще лучинок. Пожар бушевал как раз в самой середине Беломоровых владений, там, где стояла колдовская изба, бывшая внутри гораздо большей, чем снаружи.

Жихарь зарычал и стал кулаками колотить по камням, круша и ломая их в щебенку. По бритым щекам покатались слезы, чего он никак уж от себя не ожидал.

— Ничего, — сказал Жихарь сам себе. — Это он их проучить решил. Может, Будимир ему помогает, — добавил он с сомнением.

И вдруг встал, отошел от обрыва на несколько шагов, разбежался как следует и полетел вниз, на верную погибель.

...То ли наговорный платок помог ему, то ли под скалами, как часто бывает, речные волны нарыли глубокую яму... Богатырь вынырнул, хватая ртом воздух, и поплыл вдоль берега, время от времени цепляясь за невидимые камни. Потом, когда стало возможно, выбрался на берег. Вода стекала с него потоками, только платок, повязанный на шее и таивший в себе озеро Гремучий Вир, по-прежнему оставался сухим.

«Эх, дубину-то я оставил!» — пожалел Жихарь, скача на одной ноге и вытряхивая реку из ушей.

Бежать вдоль берега не пришлось, а пришлось идти шагом, чтобы не переломать ноги между камней. Все равно уже свершилось все, чему положено было свершиться. К острову он вышел вместе с солнцем. Поставил на берегу, поглядел, как дым смешивается с утренним туманом. Потом пошел вброд через протоку.

Сосны остались невредимы, а на поляне среди них чернел скелет Беломоровой избы. И хитрая печь волхва, на которой можно было и еду стряпать, и зелья возгонять, осталась в целости, только покрыта вся была копотью.

Жихарь определил, что случилась здесь большая драка, поскольку тлеющие остатки лавок и табуретов были поломаны и порублены. С черной матицы свисали недогоревшие чучела, которых богатырь так боялся во время своего гостевания у волхва. Огонь должен был уничтожить здесь все подчистую — однако не уничтожил. Может, Беломор

смирил его чарами, а может, от жара лопнула бутылка с каким-нибудь вредным для огня зельем.

Среди чучел, привязанный к матице цепями за руки, висел старый Беломор, которого не могли погубить ни змеи-драконы, ни цари-короли, ни чернокнижники-соперники, ни Троянская война. А погубил его, на позор и боль Жихарю, простой кабатчик, самозванный богатырь со своими палачами.

Платье на старике обуглилось, кое-где лоскутами свисала кожа. Когда богатырь снимал своего наставника с матицы, то услышал и понял, что у Беломора все кости переломаны.

— Золото искал, тварь пустоглазая, — сказал Жихарь. — Как же ты, премудрая седая головушка, их до себя допустил, почему они беспрепятственно в избу вошли?

И вдруг понял почему. Потому и вошли, что Беломор, как и жители Столенграда, видел в Невзоре того самого богатыря, которого он, Беломор, снарядил и наладил в дальний путь, которому доверил самое важное дело в мире. Жихарь на всякий случай прижал ухо к обгорелой груди. Но нет, был могучий волхв мертвым, каким был бы на его месте всякий иной человек.

— И все из-за меня, — сказал богатырь. — Все беды из-за меня. А теперь тут и веревки не найдешь, чтобы удавиться от стыда. Отныне не буду искать себе иной славы, как порешить гада пустоглазого. Да и дружину щадить не буду, дознаюсь, кто кабатчика сопровождал. Потом пусть меня княжна судит и казнит. Казнь я себе заслужил.

Он накрыл тело старого волхва обугленным половиком, огляделся — и вдруг от великой ненависти стриженная его голова помутилась, словно вновь он хлебнул отравы, поданной сэром Мордредом. Богатырь упал на черные, горячие еще доски.

И только одно видел во сне — как вернулся в Столенград в вороненых доспехах с предлинным мечом, как загнал Невзора с помощниками в проклятый кабак, как подпер дверь бревном и поднес факел...

...Разбудил Жихаря хриплый птичий гай. Солнце взошло уже на полдень. Остов избы облеплен был вороньем, злодейские птицы искали пищи по углам, клевали кого-то у порога — старик, видно, свою жизнь продал дорого. Некоторые пытались добраться и до волхва, и даже по животу самого богатыря прыгал на царапучих когтях наглый вороненок, норовя достичь очей.

Поэтому Жихарь глаза только чуть приоткрыл, дождался, пока пернатый гаденыш доскачет до груди, потом ловко и быстро ухватил вороненка.

— Вот с тебя и начнем, — сказал он. — Желторотый еще, а туда же... Вороненок заорал, и вдруг Жихарь увидел, что птичка-то не простая: на макушке у помойного хищника крошечный золотой венец. Тут и все прочие вороны закаркали, зашумели крыльями, полетели к Жихарю, норовя отбить венценосного птенца.

— Сейчас башку ему сверну, — предупредил богатырь. Вороны метнулись по сторонам и расселись на прежние места. — Того, за порогом, долбите от пуза, а старика не смейте трогать — я его сейчас похороню как полагается...

Но тут богатырь начал кое-что припоминать. Вроде бы когда-то с кем-то что-то подобное уже происходило или еще произойдет...

В небе зашумели крылья, и Жихарь подумал, что уж не Демон ли Костяные Уши решил прийти на помощь по старой памяти.

Только был это вовсе не Демон, а преогромный ворон — не черный, но серый, как бы седой. И венец на облысевшей голове у этого ворона был покрупнее и побогаче...

— Отпусти престолонаследника, — приказал седой ворон. Голос у него был как у человека, только с перепоею — хриплый и временами пропадающий.

Вот те на! Уж на что был умен петух Будимир, но слова человеческого ни разу не изронил... И тут богатырь окончательно все припомнил.

— Как же, отпусти! — сказал он. — Просто так возьми да отпусти вороньего царевича! Даром только птички поют да вороны каркают...

— Проси чего хочешь, — сказал седой вороний царь. Побелевший пух окутывал его шею, как дорогой воротник. — Золота там, серебра, клад указать или еще что...

Жихарь задумался. Можно ведь не сразу угробить кабатчика Невзора, а сперва выкупить славу свою, добрую и худую... Или худую вовсе не выкупать? Тогда и княжна сговорчивей будет... Потом взгляд его упал на почерневшую тряпицу, под которой лежало тело Беломора.

— Нет, — сказал богатырь. — Золота я себе добуду, а вот кто мне вернет старого волхва? Говорят, что вы, вороны, мастера искать живую и мертвую воду. Так и ищите.

— И только-то? — с облегчением выдохнул вороний царь. — Да ты же на ней, можно сказать, лежишь...

— Где? — вскочить богатырь вскочил, а вороненка-то не выпустил. Тот уже не орал, только пищал жалобно.

Седой царь слетел на пол, подцепил огромными когтями горелую доску, замахал крыльями, подняв кучу пепла, и наконец отодрал половицу.

— Дальше сам, — сказал он. — Видишь кольцо? Там у Беломора тайный погреб, убийцы до него не добрались. Да не дави ты внучка столь сильно, он же задохнется...

Жихарь переложил птенца-заложника в левую руку, а правой начал вырывать половицы. Наконец обозначилась и крышка погреба с толстым медным кольцом на краю. Кольцо было еще теплое.

Жихарь кое-как заправил одной рукой рубаху в порты, поместил вороненка за пазуху («Не царапайся, окаянный!») и полез по узеньким сходням в погреб. Вороний царь остановил его, услужливо отыскал еще тлеющую головешку и подал богатырю. Жихарь раздул пламя и спустился вниз.

Погреб оказался обширным, там было всего много — куда больше, чем в избе. И оружие наличествовало. «Вот же сквалыга старый!» — подумал Жихарь про Беломора, одарившего его на дорожку порченным мечом, хотя про мертвых плохо думать не полагается.

Среди бесконечных темных склянок он отыскал наконец две, стоящие рядом и наособицу. Одна склянка украшена была изображением солнышка, другая же — месяца, который есть солнце мертвых. Больше богатырь ничего искать не стал и вылез на белый свет.

— Отпусти внучка, — сказал седой царь. — Дело верное, старый ворон мимо не каркнет. У кого же мы, по-твоему, это зелье добывали? У Беломора и выпрашивали...

— Потерпит, не околет, — хладнокровно сказал Жихарь. — Часом раньше, часом позже... Вдруг там простая вода?

— Правильно делаешь, — вздохнул седой. — Никому верить не надо. Особенно людям.

Жихарь откинул тряпку. У старого волхва даже глаз не было видно — сплошная черная короста.

— Эй, эй, — забеспокоился вороний царь. — Сперва мертвую применить надобно, а то он очнется слепой да увечный — так не поблагодарит избавителя...

— От древних людей и птиц советами не пренебрегаю, — сказал Жихарь, сколупнул ногтем со склянки восковую нашлепку, зубами пробку вытащил...

— Не голой рукой, — предупредил еще раз седой ворон. — Тр-ряпку!

Тотчас же одна из птиц отыскала и доставила Жихарю прожженное во многих местах полотенце. Жихарь сложил его в несколько раз, смочил в зеленоватой вонючей жидкости и провел несколько раз по лицу мертвеца. Короста разом сползла, под ней показалось желто-белое лицо волхва. Лицо было спокойным, точно и не испытывал он

перед кончиной лютых пыток, а прилег отдохнуть да и отошел во сне в Костяные Леса — или куда там волхвам положено.

— Теперь все тело смажь, — распорядился вороний царь. Видно, немалый у него был опыт в подобных делах.

— Вот же зверье, — приговаривал Жихарь, обмывая тело мертвой водой. — Нет, вы у меня тоже претерпите, дайте срок..

Потом он перевернул Беломора на живот, привел в порядок затылок, спину и прочее. Проверил, в нужных ли местах гнутся руки и ноги. Затем, следуя указаниям вещицы птицы, снова перевернул на спину. Вороненок за пазухой притих.

— Зубы ему разожми и лей живую воду прямо в рот! Да не щепкой разжимай, надави вот здесь и здесь!

«Славный какой вороний царь, — подумал Жихарь. — А то бы я в одиночку наврачевал, пожалуй!»

Зубы у волхва были как у молодого.

Жидкость из солнечной склянки пахла мятой и полынью, и полынную горечь, видно, покойник почувствовал, потому что губы у него скривились.

— Всю выливай, всю!

Последние капли упали в полуоткрытый рот, только несколько попали на обгоревшую бороду. Тело волхва содрогнулось, выгнулось дугой. Руки и ноги бестолково задвигались. Потом Беломор вытянулся и задышал — медленно и глубоко.

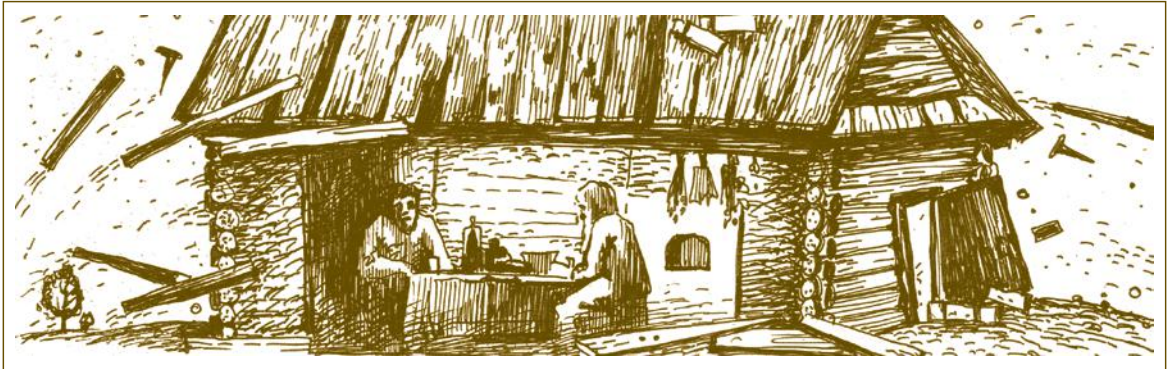
— Он спит, — сказал вещий ворон. — Но скоро проснется. Выполняй уговор.

— Я вот тоже задремал, так всю зиму проспал, — проворчал богатырь, но пленника все-таки вытащил на белый свет, посадил на ладонь и подбросил.

Вороненок покувыркался в воздухе, потом кое-как совладал с крыльями и, вереща, полетел к любимому дедушке — жаловаться на лихого и коварного человека.

Лихой же и коварный человек вдруг почувствовал страшную усталость, прислонился к недогоревшим нижним венцам стены и тоже уснул — второй раз за день. Только снов никаких не видел.

ГЛАВА 10

Ешь пироги с грибами — держи язык за зубами.

Пословица

...Питайся ими — и молчи.

Федор Тютчев

Кто-то плеснул ему в лицо холодной воды.

— Вставай, арап, — послышался знакомый сварливый голос.

Жихарь открыл глаза.

Волхв Беломор, живой и здоровый, одетый в белый саван, склонился над ним.

— Дедушка Беломор, — обрадовался Жихарь. — Значит, не обманул меня старый ворон — очнулся ты...

— А откуда ты, арап, меня знаешь? — спросил Беломор.

— Вовсе я не арап, — обиделся Жихарь. — Арапов-то я много повидал, они все чернущие...

— А ты, можно подумать, белый лебедь, — сказал старик.

— Вон что! — догадался богатырь. — Так это я на пожарище весь учучкался сажей да пеплом.

Он послунил палец и потер щеку.

— Еще того тошней — белый арап! — вздохнул волхв.

— Вот заладил — арап да арап! — рассердился Жихарь, поднялся и побрел к протоке. Там он разделся до пояса и долго мыл и оттирал

песком лицо и шею. Потом, не одеваясь, вернулся на пепелище. Только пепла уже не было, словно вихрем унесло. Беломор в покойницком саване бродил туда-сюда, считал урон, бормотал что-то себе под нос, и не просто так бормотал, а с толком, потому что черные бревна помаленьку светлели, переменяясь в свежеструганные.

— Дальше изба сама себя долечит, — махнул рукой старик и обратился к Жихарю: — Видишь, всей одежды-то у меня осталось. — И огладил саван по бокам. — На смерть готовил, на житье пригодилось... Кто же ты таков, парнище, кто тебя надоумил, как мне пособить?

— Дедушка, — жалобно сказал Жихарь. — Неужели и ты меня забыл? Я ведь Жихарь, тот самый, которого ты за Полуденной Росой посылал... Глянь-ка получше!

Беломор глянул получше, но легче от этого не стало.

— За Полуденной Росой, — сказал он, — посылал я вовсе не тебя, а подлеца Невзора. Только он тогда не подлец был, а добрый молодец. Невеликого, правда, ума, зато честный и смелый. Урок мой он выполнил, я это знаю, и домой благополучно вернулся, а дома-то его вроде как подменили...

— Дедушка, так это не его подменили, наоборот — он меня подменил!

— Ты вроде парень неплохой, только выдумывать горазд, — сказал Беломор, складывая в единое целое изрубленную лавку. — Но, раз уж ты меня из мертвых поднял, проси чего хочешь. Желаеть, к примеру, вечно в молодости пребывать, не стареть?

— Не желаю, — сказал богатырь. — Во-первых, мне это уже предлагал твой добрый приятель — Мироед, знаешь такого? Во-вторых, не желаю, чтобы меня вечно учили и наставляли, словно отрока в дружине. В-третьих, за вечную-то молодость и платить придется вечно, а?

— Догадлив, — проворчал старик. — Тогда проси чего-нибудь другого.

— Попрошу, — сказал Жихарь и глазами проследил полет доски на крышу — изба и вправду потихоньку воссоздавалась. — Попрошу, только не удивляйся. Поклянись, что поверишь любому моему слову, крепко поклянись, а потом выслушай.

— Поклясться-то можно, — тряхнул куцей бородой Беломор. — А вот поверить...

— Пойдем на берег, — предложил богатырь. — А то тут еще пришибет бревном каким...

— Не переезжать же мне, — сказал старик. — Лучше два пожара, чем один переезд...

— Лучше, если сам не сгоришь, — сказал Жихарь. — Ты ведь совсем недавно был что головешка, а еще арапом обзывался.

— Постой-постой, — сказал Беломор и уставился на богатыря. «Внутренним взором зрит, сейчас вся правда скажется!» — подумал Жихарь. Но неклюд только морщил лоб, напрасно стараясь что-нибудь припомнить.

— Где-то я тебя вроде видел, — выдохнул наконец старик. — Но ведь я столько стран и земель прошел, недолго и обознаться... Как тебя, говоришь, зовут?

— Нынче — Джихар Многоборец, а во младенчестве кликали Жихаркой... Ну, вспомни! Я еще Ягую Бабу, поедучую ведьму, в печке изжарил вместо себя, — похвалился богатырь. — Вот водяной Мутило на что бестолков, а ведь и то помнит...

— Да нет, — сказал многомудрый старец. — Ведьму изжарил, как всем то ведомо, малолетний Невзорка...

— Вон что! Значит, и детская слава в общий счет пошла...

— Ты это о чем?

— Потом расскажу, надо все по порядку.

Они выбрали на берег и уселись на камушках.

— Долго я ждал Невзора, — сказал волхв. — Уже про него люди и книгу сложили, а он все ко мне не являлся. Пил, говорят, да гулял! Кто-то его отравить вроде бы пытался... Наконец вчера в обед соизволил пожаловать. Да не один, а с десятком дружинников — как будто не знает, что сторонним людям мое обиталище показывать не можно! Нет, говорит, я теперь полный князь, мне без охраны путешествовать неприлично... Ладно, стерпел я, угостил душегубов, начал его расспрашивать...

— Дедушка, — перебил Жихарь, — а не было ли с ними такого нелюдя в черном плаще — все морду прячет?

— Был! — сказал неклюд. — Он-то меня и сумел превозмочь — я ведь от Невзора и людей его беды не ждал. Приготовиться не успел...

— Говори, говори, — сказал Жихарь. — А потом меня послушаешь.

— Да чего говорить-то? Усадил я его за стол честь по чести, начал расспрашивать, как да чего. Он бекает, мекает, но рассказывает. С виду все вроде бы складно, только как бы с чужих слов... То вдруг про себя начинает говорить «он», то еще что-нибудь... Многого вовсе не помнит, затрудняется... То возьмет и перепутает все на свете... Только хотел я ударить кулаком об стол да гаркнуть, чтобы не темнил, как вдруг этот упырь в черном-то плаще произнес заклятие... Тут на меня Невзоровы заплечники и накинулись. Невзору было нужно золото, а тому упырю такое, о чем я тебе и сказать не могу, — это дела не богатырские, а чернокнижные. Подвесили меня на потолочную балку, стали спрашивать. Каленым железом прижигали, ломом колотили... Ну, перед тем как язык

проглотить и задохнуться, я успел-таки пару слов сказать. Одного об стенку расшибло, а тут и вся изба занялась. А дальнейшего не помню.

— Зато я все помню, — сказал Жихарь. — Ну, то есть не все, а что положилось в память, застряло там накрепко. Слушай, дедушка, и верь мне, как поклялся.

И стал рассказывать долго, до самых мелких подробностей, что с ним произошло, когда переехал он на коне Ржавом протоку и двинулся в гору. Ничего не утаил: ни побед своих, ни поражений, ни встреч с добрыми друзьями, ни схваток с врагами. Рассказал и про Гогу с Магогой, и про Безымянного Принца, и про Соломона с Китоврасом, и про адамычей, и про путешествие в страну страшных ментов, и про варка-лапа, и про цыгана Мару, и про бабье царство, и про драбаданских колдунов. Если бы случился при Жихаре в тот миг скороспешный писарь (говорят, есть такие на свете), то успел бы он записать книгу о Жихаревых подвигах толстую-претолстую, не чета той, что у княжны Карины на полке пылилась, потому что было бы в ней и описание обратного пути, на котором приключений и подвигов тоже хватило.

Одного не мог поведать Жихарь — что они с Принцем и Лю Седьмым делали после встречи с Мироедом. Видно, так это и пребудет в тайне до скончания времен.

Когда горло пересыхало от речей, богатырь прихлебывал воду горстью прямо из реки. Старый Беломор слушал внимательно, не перебивал — только уточнял кое-где обстоятельства, после чего согласно кивал.

Длинен был летний день, но и у него не хватило терпения выслушать богатырские речи до конца. Солнце притомилось и пошло ночевать к себе за оком.

— Шабаш, — сказал наконец Беломор. — Ложкой море не вычерпать, хотя бы и золотой. Если даже ты самозванец, разницы нету. Хоть до тебя никто на свете не додумался отдавать славу свою в заклад. Но и выдумать ты сам этого не мог. А поверить тебе до конца я смогу лишь тогда, когда ты сам эту славу свою по чести выкупишь, — не обижайся...

— Да я и не обижаюсь, — сказал Жихарь. — Сам виноват.

— Вот это правильно, — сказал волхв. — Человек — не дерево и не зверь, он сам всегда в своих бедах виноват. Если бы все это понимали, жизнь устроилась бы на свете вполне прекрасная. Нынче уже не время по кругу ходит, а сами мы ошибки свои же повторяем и множим... Вставай, пойдем в избу — я чаю, она там без нас уладилась.

И вернулись они в избу, и убедился Жихарь, что уладилась изба — стояла, как прежде, убогая снаружи и обширнейшая внутри. То, что огонь пожрал безвозвратно, изба выбросила за порог, а то, что

в дело годилось, было восстановлено в прежнем виде. Даже та поганая кадушка, что выносила мусор своим ходом. Пришлось же ей нынче побегать! Только запах дыма остался, напоминая о злодеях и грядущей над ними расправе.

— Ты, дедушка, их не трогай, — сказал богатырь. — Моя вина, мой и расчет. Принесу я тебе ихние головы, не сомневайся.

— Жрать-то как охота! — внезапно сказал Беломор. — Вот же изверги — горели, а все съестное подчистую унесли...

— Дело военное, — пожал плечами Жихарь. — Дружина и должна чужим добром жить. Хотя, честно сказать, я после восприятия Святого-ровой силы должен питаться усиленно, а то ослабею...

— Не ослабеешь, — сказал неклюд. — Вот я в погребе пошарюсь...

Пошарился он там на славу — в прежний-то раз ведь томил богатыря травами да медом. А тут нашлись и копченые окорока, и ковриги совсем свежего хлеба, и раки вареные, и огурцы соленые... Даже Мозголомная Брага выявилась без всяких намеков — значит, поверил старик, лучшего доказательства и не надо!

— Как это у тебя хлеб хранится? — спросил Жихарь. — Или недавно тесто творил?

— Давно тесто творил, — ответил Беломор. — Для хлеба у меня особая безвременная полка имеется...

На какое-то время они забыли и о Жихаревой судьбе, и о судьбах мира в целом — чокались уцелевшими кружками, жевали от души, сосредоточенно. Здравница над столом летала лишь одна: за здоровьице! А чего еще воскресшему покойнику желать?

— Ты не меня спас, — объяснял Жихарю захмелевший мудрец. Видно, воскрешенный — тот же младенец, ему немного надо. — Ты весь мир спас, потому что зрю новую ему угрозу, а нынче перед собой даже избавителя зрю...

— Да блин поминальный! — воскликнул богатырь и даже отставил в сторону полную кружку. — Я же его вроде бы наладил как надо, а ты снова про избавление толкуешь... Сколько можно? Что, кроме меня, на свете и героев не осталось? Я сто раз под смертью ходил, а ныне в безвестности пребываю...

— Настоящие герои всегда пребывают в безвестности, — слабо утешил его старец. — Такая, видно, уж у них планида. А что это у тебя на груди за идолы наколоты? Так, с лысым-то все понятно, а другой кто? Уж не сам ли Мироед?

Тут Жихарь вспомнил, что в страшном том ущелье разукрасил ему неведомо кто все тело синими рисунками и надписями. Он на всякий

случай спрятал босые ноги подальше под стол, потому что на ногах, на взъемах ступней, тоже было кое-что наколото.

Левая ступня синими буквами громко жаловалась: «Ноженька моя, ты устала!» Правая ступня была куда бодрей, поскольку и надпись на ней была задорная: «Наступи менту на горло!»

— Может, и Мироед, — сказал Жихарь. — Он ведь умеет принять любое обличье. Я-то надеялся до тебя добежать в одно время с Невзором. Устроил бы ты нам с ним очную ставку, тут бы вся правда наружу и вылезла... Он ведь про славный поход только то знает, что в книжке у княжны прямо написано, а про цель...

Он подсел поближе к старику-волхву и нашептал на ухо такое, что Беломор чуть под стол не съехал.

— И как мы на Змее Мировом кувыркались, он не знает, и как я Золотую Ложку утопил, — продолжал богатырь уже полным голосом. — Не говоря про обратный путь. Эх, как жалко ваджру мою, какая она была полезная! Мудрый Лю меня, правда, утешил, что вернется она ко мне в ином обличье, да только где и когда?

— Это мне пока неизвестно, — важно сказал Беломор.

«Тожe мне, волхв! — фыркнул про себя Жихарь. — Ты и в тот раз ложку мою не признал...»

— Пока неизвестно, — повторил Беломор. — Но скоро станет все ясно. И еще мне ясно, что тебе тоже придется в поход отправляться.

— Не то же, а снова, — поправил Жихарь. — Только ты уж меня Snyderи получишь, а не как в тот раз...

— А что в тот раз? — обиделся волхв.

— А то, что меч твой хваленый с первого удара переломился, как сучковатый черенок у лопаты! — гневно пояснил богатырь.

— Ну переломился и переломился, — сказал неклюд. — Видно, сразу у меня душа не лежала к этому Невзору, вот я и подсунул ему негодящий клинок — как чувствовал! Сожрали бы его Гога с Магогой, а я бы парня получше нашел — тебя, к примеру...

— Старинушка, да ты же поклялся мне верить, — напомнил Жихарь. — Как раз меня ты и нашел, того и держись, не то нам трудно будет договориться. А где Будимир наш ныне обретается? Уж он-то меня бы враз признал...

— При деле, — многозначительно сказал старик. — Он и так с этим мерзавцем много времени потерял...

— Снова-здорово! — огорчился Жихарь. — Это люди меня не признают, а деревья, звери и птицы хорошо помнят и пособляют...

Он обиженно уткнулся в кружку, потом набросился на окорок и обглодал его до кости, после чего потянулся так, что все суставы затрещали, а исцеленная было лавка жалобно заскрипела.

— А сила-то, сила Святогорова?! — заорал он. — Хочешь, печку твою сворочу с места? Невзору так нипочем не сумеешь! Или избу тебе разметать по бревнышку? Возвращается силушка, никуда не делась! Кабы меня кто ночью досыта накормил, я бы бегом к тебе куда раньше Невзора поспел!

— Сила — дело хорошее, — сказал неклюд. — К ней бы да ума...

— Не сам ли меня, спящего, наставлял? — спросил Жихарь. — Мне все твои уроки в дороге хорошогодились, всегда знал, что кому говорить и как поступать...

Это он, конечно, прильгнул, потому что и глупостей в походе на-творил немало. Вспомнить хотя бы, как задирали Дикую Охоту, как ле-шого дразнил, как...

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Беломор. — Верно, учил я предателя, нема-ло тайных знаний ему передал...

— Славу мою он купил, — сказал Жихарь. — А вот памяти я ему не закладывал — ни явной, ни тайной. Все при мне. Проверь, если не ве-ришь...

— А вот это дело, — сказал старик и на радостях разлил по кружкам еще по глотку Мозголомной Браги. — Ответствуй мне, кто таков есть зверь единорог и что он означает?

— Нетрудно сказать, — обрадовался Жихарь. — Единорог симво-лизировал целомудрие, а также служит эмблемой меча... Традиция обы-чно представляет его в виде белого коня с одним рогом, выходящим из лба; однако, согласно эзотерическим верованиям, он имеет белое туловище, красную голову и синие глаза. Легенда утверждает, что он неутомим, когда его преследуют, но покорно ложится на землю, если к нему приблизится девственница. Это наводит на мысль, что он симво-лизировал сексуальную сублимацию... Правда, девственниц нынче мало, а единорогов и того меньше, так что не знаю. Некоторые мудрецы ото-ждествляют с единорогом животное, известное в Чайной Стране как Ши-линь, другие же оспаривают правомерность...

— Хватит, хватит, — замахал руками Беломор. Потом взял кружку с напитком и задумчиво поболтал ее в воздухе. — А теперь ответь мне, что есть огонь-вода?

— И это помню, — уверенно сказал Жихарь. — Как и другие алко-гольные напитки, огненная вода есть *coincidentia oppositorum*, сиречь совпадение противоположностей, и поэтому относится к нуменам и гермафродитам. Вследствие этого алкоголизм можно рассматри-вать как попытку единения, преодоления разлада и отторгнутости. Вот я отчего пью-то в три горла! — догадался он. — За здоровьице твое, старинушка, за единение!

— За головушку твою стриженую! — согласился старый волхв и ударил своей кружкой о Жихареву.

— Она у меня бритая! — уверенно сказал Жихарь.

— Стрижено, брито — какая разница! — махнул рукавом волхв и тем же рукавом савана утерся после выпитого. — Ну, спрошу еще для ровного счета: что есть лебедь?

Лицо у Жихаря вытянулось, он наморщил лоб и призадумался.

— Весьма сложный символ, — сказал богатырь наконец. — Посвящение лебедя Аполлону как богу музыки восходит к поверью, согласно которому лебедь поет прощальную песню, находясь на пороге смерти. Красный лебедь служит символом солнца... Это что же получается? Будимир и лебедь — два сапога пара? В поэзии и литературе он выполняет роль образа обнаженной женщины, целомудренной наготы и незапятнанной белизны. Башляр, однако, находит у этого символа также и более глубокое значение, гермафродитизм, поскольку в своих движениях и своей длинной фаллической шеей он мужествен, тогда как его закругленное шелковистое тело женственно... Далися этому Башляру гермафродиты, однако, — лебедя от лебедушки отличить уже не может! В итоге лебедь всегда указывает на полное удовлетворение желания... Сказать ли тебе, старинушка, про Лоэнгринна?

— Довольно, — проскрипел неклюд. — Ты, я смотрю, и сам ухарь не хуже Лоэнгринна. Говори честно, у кого ходил в учениках — у Мерлина или у Мо Цзы?

— У тебя ходил, — потемнел богатырь лицом. — А Мерлин — это наставник моего побратима. Я его в глаза не видел. Вот ворочу свою славу, поеду к Яр-Туру в гости — тогда, может, и увижу.

— Добро, — сказал Беломор. — Простой дружинник такого знать не должен. А Невзору подобного допроса я учинить не догадался...

— Не беда, — откликнулся Жихарь. — Он у меня перед смертью не хуже лебедя запоет.

— Совсем ты мне голову заморочил, — сказал неклюд. — Даже брага не помогает, даром что Мозголомная... Невзор — Жихарь... Жихарь — Невзор...

— А ты верь мне — все на место и станет, — посоветовал богатырь.

— Верю, коли пью тут с тобой, — вздохнул Беломор.

— Ну, это не доказательство, — сказал Жихарь. — Я вот тоже пил с кем попало... Старинушка, а кто же этот сэр Мордред был? Муж в зрелых летах, а побратим пишет — только-только у него племянник родился...

Беломор помолчал, подумал.

— Значит, снова со временем шутки шутить начали, как я и предполагал, — сказал он. — Придется тебе, милый сын, снаряжаться в дальний путь, во Время Оно.

— А когда оно — это Время Оно? Было или еще будет?

— Кабы знать... Поэтому отправись ты в халдейскую страну Вавилон, к халдейскому царю Вавиле, который строит вышку из кирпичей до самого неба... Надо ее порушить.

— Ломать — не строить, — легко согласился богатырь. — Велика ли вышка?

— Сказано же — до неба! — вспыхнул старец.

— А зачем ее рушить? Пусть люди любят.

— Она не для любования. Возводить ее царя Вавилу надоумил, конечно, Мироед. Сначала одну вышку воздвигнут, потом вторую, третью... Много. А уж тогда натянут между ними колючую проволоку и станут за всем миром приглядывать...

— Что такое колючая проволока? — спросил Жихарь и почесал почему-то наколки на груди. — Из проволоки звенья для кольчуг делают, а кому нужна колючая кольчуга?

— Это, сынок, уж такая дрянь, что и не расскажешь... Подозреваю, впрочем, что ты ее уже видывал, только память эту Мироед заел...

«Поверил, старый пень! — возликовал Жихарь. — Наконец-то поверил!»

— Или он ее все же у Невзора заел? — рассуждал сам с собой старец.

— Старинушка, — сказал Жихарь ласково, только зубы у него при этом почему-то скрипели. — Хочешь, я тебе к завтраму кабатчика проволоку в пыльном мешке, вот у него все и узнаешь...

— Недосуг нынче за кабатчиками с пыльными мешками бегать, — ответил неклюд. — К завтраму ты уже должен быть в пути...

— Без коня, без меча, без доспехов... — продолжил богатырь.

— Меч сам своего хозяина найдет. Конь... В тех местах не конь надобен, а верблюд, но его ты тоже добудешь. Да и не всякий конь тебя снесет...

— Знаю верблюда, — сказал Жихарь. — Он вроде Демона: плюет на всех, только что о четырех ногах и без крыльев... Значит, опять пешим ходом?

— Недолго — тут недалеко, — сказал Беломор. — Сначала меч, потом колодец...

— Какой колодец? — встревожился богатырь. — Снова в яму? Блин поминальный! А поверху нельзя, что ли?

— Нельзя, — сурово молвил неклюд. — А пока ложись-ка ты отдыхать. Я тебе во сне всю дорогу растолкую, после чего будешь преодолевать препятствия по мере их возникновения...

— Попутчика, если подвернется, можно прихватить? С попутчиками ведь ловчее...

— Нельзя, — повторил Беломор. — Мало ли кем может прикинуться Мироед? Укладывайся вон в том углу, сейчас и тулуп появится... А я тебе колыбельную спою...

Старик запрокинул голову и закрыл глаза. Богатырь воспользовался счастливой минуткой, наполнил кружку Мозголомной Брагой, стараясь не булькать, закусил молодым луком и отправился на указанное место.

А Беломор затянул:

Бай-бай, люли,
Хоть сегодня умри.
Завтра мороз,
Снесут на погост.
Мы поплачем, повоем,
В могилу зароем.
Сделаем гробок
Из семидесяти досок.
Выкопаем могилку
На плешивой на горе,
На плешивой на горе,
На господской стороне.
Баю-бай,
Хоть сегодня помирай.
Пирогов напечем,
Поминать пойдем.
Со калиной, со малиной,
Со гречневым крупам...

«Утешные колыбельные поют нынче в Многоборье, — подумал Жихарь, засыпая. — Веселые ребята должны от таких припевок вырасти...»

Хоть и развесились снова по стенам чародейной избы связки душистых трав, но гарью все-таки пахло.

ГЛАВА 11

*Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса!*

Гавриил Державин

Во время боев и походов, когда воины увечат друг друга самым жестоким и причудливым образом, Жихарь узнал, что мозги у человека делятся на две половинки, словно, простите, люди добрые, задница какая-то. А если половинки — две, то голова может думать зараз две думы. Две думы у богатыря и было.

Одна про княжну Карину. Только видел про себя Жихарь не саму княжну во всяких видах, что достойно лишь охальника и похабника, а чистое лесное озеро на закате, и вроде бы тонкий голос где-то вдали выводит песню. Слов не слышно, а сердце внимает и томится...

Вторая дума была про меч. Негоже шляться по свету и тем более отправляться во Время Оно без меча.

Конечно, мог бы богатырь снова изладить из подручных средств тяжеленный шестопер — с этим оружием он управлялся много ловчее, чем с мечом; мог, на худой конец, найти подходящую дубину — тоже врагу мало бы не показалось. Только тогда никто из встречных не узнал бы в нем странствующего и подвигов взыскующего воителя, а посчитал бы простым разбойником. С разбойником, как известно, можно вовсе не драться, презреть его, а ежели бой и случится, разрешается бить

лиходея без всяких правил, словно ходячего умруна, — и никто не осудит. Даже Яр-Тур, сам себе сочиняющий благородные законы боя.

У простого дружинника и меч — простая полоса железа, только что наточенная и заостренная. Такое оружие ему приятель Окул мог бы за один вечер выковать. Но был Окул настоящим мастером и знал, что подлинному богатырю меч нужен совсем не простой, а такой, что куется не вдруг, но из выдержанной в болотной воде крицы, а выдерживать крицу следует в три приема: ковать слиток и снова тащить его в болото на три года. И болото, кстати, годится не всякое — должны быть в нем горячие ключи с вонючим запахом. Таких болот в Многоборье не водится.

В жидкую сталь непростого меча полагается сыпать толченые самоцветы и смарагды, чтобы стала она гибкой и крепкой. У Окула же с Жихарем денег на самоцветы сроду не водилось. Правда, скопил кое-что кузнец, но не в достаточном количестве.

Перед тем как приступить к изготовлению такого меча, кузнец обязан полгода вкушать только травяную пищу, не прикасаться ни к чарке, ни к женщине, ни к собаке. Такое тоже не всякий выдержит. А уж сколько заклинаний придется припомнить и напеть под стук молота, да не просто напеть, а в надлежащем порядке!

Не меньше хлопот и с закалкой. Старые книги велят закалывать красный еще от жару меч в теле молодого раба; многоборцы рабов не держали, батрак же не годился. Если бы годился, то в книгах так бы прямо и писали: «в теле молодого батрака». А за убитого батрака можно запросто принять лютую казнь либо заплатить не менее лютую виру, после чего останешься и без кузницы, и без штанов.

Можно, правда, погрузить раскаленный клинок и в серого козла, но и тут незадача — козел-то быть должен не менее десяти лет от роду, взлелеянный старушкой, живущей на отшибе, и откормленный семью видами особых трав, и, что немаловажно, ни разу не вспрыгнувший на козу. Да где же старушке углядеть-то за козлом!

Конечно, если бы Окул Вязовый Лоб задался целью создать чародейный меч, он бы его в конце концов да отковал. Только к тому времени сам Жихарь успел бы сделаться пожилым, семейным и зажиточным мужиком, которому такой меч вроде бы уже и ни к чему.

Быстро сковать надлежащий клинок могут только горные карлы, но их сперва нужно найти, приучить к себе, уговорить, уболтать, да и плату карлы потребуют такую, что не захочешь связываться. Если же не платить вовсе, обмануть искусных малышей, лезвие делается проклятым и при первом же удобном случае поразит самого хозяина.

Поэтому настоящие богатыри, как правило, свои знаменитые мечи кузнецам не заказывают, а либо получают в наследство, либо берут с боя (что бывает крайне редко), либо в награду за доброе дело (но тут уж как повезет), либо меч сам дается им в руки, поскольку так уж суждено, в древних курганах или каменных подземных гробницах. При этом бывший владелец оружия имеет скверную привычку оживать и душить похитителя.

Оттого и мало на свете героев, обладающих чудесными мечами. С простой железкой все понятно — вот это она еще худо-бедно перерубит, а вот на этом сама обломится. С наговорным же мечом никогда наперед не знаешь, чего ожидать. То он сам влетит тебе в руку и потащит наносить роковой удар лучшему другу. То он начинает в ножнах нагреваться, и остудить его можно лишь чужой кровью, а ведь не век же ходить среди врагов, будет и с товарищами в застолье посидеть. То вдруг так привяжется к человеку, что станет как бы частицей самого владельца, и тогда малейшая щербинка отзовется тут же зубной болью, пятнышко ржавчины откликнется лишаем на лице, а когда клинок вдруг да переломится, тут хозяину и славу поют. Посмертную, разумеется. Тоже неплохо, но живому как-то приятнее.

Старый варяг Нурдаль Кожаный Мешок, Жихарев боевой учитель, сказывал как-то сагу про славного берсерка Хренли Щитоеда. Тот, нажравшись мухоморов, рубил всех подряд, направо и налево, и друзей, и недругов, а когда рубить было некого, со злости грыз собственный щит, причем ломались не зубы берсерка, а стальные пластины на дубовой основе.

Вот этому Щитоеду как раз и посчастливилось попасть к горным карлам. Они его раненого подобрали и выходили. Он воспользовался случаем и заказал себе оружие, такой клинок, чтобы всё, хотя бы и каменные валуны, рассекал на две половинки. Его так и называли — меч Пополам.

Плату маленькие мастера запросили небольшую, и даже не плату, а работу попросили исполнить — запрудить ручей, чтобы поставить там водяную мельницу, а уж мельница бы сама под землей качала воздух в кузнечные мехи.

Хренли Щитоед горазд был только ломать все и портить, поэтому созидательный труд у него не задался. Бревна обтесать как следует не умел, не то что собрать мельничное колесо со спицами и лопастьями! Попробовать он попробовал, но от неудач только пуще разозлился, достал где-то мухомор, пустил, по обычаю берсерков, пену изо рта, отобрал у своих благодетелей чудесный клинок силой, немало их при этом перетоптав своими погаными ножищами.

Скалы над ним они успели сомкнуться, но с новым мечом Щитоеду все было нипочем. Он пробился к свету, выскочил из-под земли и пошел по ней, напополам рубя все, что ни попадет. Страшная слава далеко обгоняла его, приводя в трепет города и царства, поэтому в свою родную дружину он не вернулся — да не больно об этом жалели ярл и дружина.

В конце концов дошел он и до могучего южного государства у теплого моря. Рассек мечом Пополамом городские ворота, явился перед царевы очи и потребовал себе и державу, и царевну, и все, что богатырю полагается. Царь было пытался откупиться от него половиной страны, но Щитоед рассмеялся и заявил, что это меч у него Пополам, а сам он, Щитоед Хренли, желает владеть единым целым.

Тогда царь, вздыхая, объяснил варягу, что держава-то, как бы сказать, порченная. Обычное дело: повадился зорить здешние земли крылатый змей, а в качестве отступного требует каждый год по девице. Всех уже в основном приел, одна царская дочь осталась...

Берсерк велел показать логовище змея, нарвать себе свежих мухоморов, подкрепился и отправился на легкий подвиг.

Змей был большой — и как ему одной девицы на целый год хватало? Щитоед не стал заводить долгих разговоров, не задирали и не дразнили чудовище, а с ходу достал из-за спины меч Пополам и нанес неотразимый удар.

Но змей, противу ожидания, не развалился на две половинки и не окатил героя потоком своей зеленой крови. Просто вместо одного огромного змея стало два — поменьше. Они бросились на берсерка, но он успел махнуть мечом на две стороны.

Четыре змея принялись за него с четырех сторон. Щитоед рычал, исходил пеной, рубил, как ветряная мельница. Но змеев становилось все больше и больше, хоть каждый уже был не крупнее собаки, потом курицы, потом котенка... Силы в конце концов оставили бешеного варяга, он повалился на колени, облепленный тучей трехголовых бабочек с кожаными крыльями. Тут они уж попиروвали!

А потом стая бабочек вылетела из пещеры на вольный воздух и устремилась к стольному городу. Но, на беду змея умноженного, поднялся над морем вихрь, подхватил кровожадных малюток и унес далеко-далеко. То ли они потом все утопили, то ли поселились в диких, непроходимых лесах — это уже никому не интересно было.

Обглоданного богатыря похоронили честь по чести, и даже кумир над ним воздвигли. Так что славу ему меч все-таки принес, как и сулили горные мастера...

«Хоть и гад, и клятвопреступник, а жалко», — подумал Жихарь. Впрочем, не уважали в Многоборье варяжскую мухоморную смелость.

Как и в прошлый раз, богатырь поднимался вверх по ручью, чтобы достичь в конце концов той колдовской деревни, где он боролся с Гогой и Магогой, а побратим Яр-Тур, по его словам, переночевал вполне мирно и даже с красной девицей. Как и в прошлый раз, было жарко, тем более что сзади не шел в поводу конь Ржавый и все подорожные припасы пришлось нести на себе в заплечном мешке.

Пусть и разорили злодеи Беломорова хозяйство, старик сумел, как уж мог, снарядить своего посланца. За ночь, пока Жихарь впитывал во сне необходимую премудрость, лесные пауки по приказу волхва сплели нечто вроде кольчуги. Она, конечно, не могла защитить от меча и стрелы, но и не рвалась о ветки, пропускала воздух, отчего на упале в ней было не жарко.

Заштопанные умелой русалкой штаны богатырь заправил в мягкие сапоги-ичиги. Они ступали по тропе бесшумно и позволяли незаметно подкрасться к самому чуткому сторожу — если, конечно, сторожем был обыкновенный человек.

Жихарь думал о княжне Карине, о вожденном мече, который должен был вскоре обрести, да и третья дума прибавилась, хотя в мозгах всего две половинки.

Среди ночи старый волхв разбудил его, усадил посреди избы на пол, достал тряпицу, в которую замотаны были некие пластинки с узорами на одной стороне и яркими рисунками на другой. Беломор разложил их, все двадцать две, узорами вверх и предложил богатырю, не думая и даже не особенно просыпаясь, выбрать три.

Жихарь и выбрал. Беломор перевернул пластинки.

На одной намалеван был скomorох в пестром платье. На другой изображался бедолага, подвешенный за одну ногу к висельной веревке. На третьей рушилась вниз могучая каменная башня, пораженная ударом молнии.

Богатырь ничего не понял, а старик, довольно урча, собрал картинки и снова спрятал сверток, после чего велел улечься на прежнее место и крепко спать.

«Выходит, что я шут гороховый и висельник презренный, — думал Жихарь, то и дело вытирая пот со лба. — Ничего, зато башня должна обрушиться...»

Распадок наконец прекратился, вот показался и знакомый мосточек — вернее, то, что от него осталось. Поэтому пришлось тут перейти ручей вброд, нахваливая хорошо смазанные салом сапоги. Ноги чуть тронуло холодом, но ни капли воды не попало внутрь. А если бы ичиги промокли и высохли на ноге, то не обошлось бы без мозолей.

«Все-таки с деревней нечисто, — решил богатырь. — Иначе бы они давно все тут наладили».

А вот и батюшка Пропп — тот самый, которому Жихарь в прошлый раз дерзко бросил «Обойдесся!» и которого оставил без полагающейся жертвы, отчего и сам едва не стал жертвой людоедских братцев.

Дважды пренебречь обычаем мог лишь полный дурак, поэтому богатырь остановился, отвесил кумиру глубокий поклон, снял со спины мешок, подкрепился, приговаривая: «Хлеб сам себя несет», напился из ручья, сполоснул лицо (рыжая щетина уже кололась, бороде тоже хотелось посмотреть на подвиги своего носителя), сел у подножия и задумался.

Никогда не угадаешь, понравится Проппу твой рассказ или, наоборот, прогневит. Это все равно что кости кидать, и не на наговорный плат, а как судьба решит. Вот Жихарь и решил попотчевать благодетеля довольно странной сказкой-устареллой, подхваченной им в тех горах, куда любил летать Демон. Странствующий рассказчик при этом уверял, что сочинил устареллу знаменитый сказитель и поэт, герой своего времени, в тех краях воевавший и сложивший голову в поединке со своим же товарищем из-за сущего пустяка.

— Сюжет трагедии, — сказал Жихарь, удивляясь незнакомым словам. — Отец с дочерью ожидают сына, военного, который (недавно женился, с женою) приедет в отпуск. Отец разбойничает в своей деревне, и дочь самая злая убийца. Сын хочет сюрприз сделать отцу и (под другим именем) прежде, нежели писал, отправляется; приехав, недалеко от деревни становится у мужика на постоялом дворе с женою в трактире ночевать. Он находит здесь любезную свою с матерью. Ну так там сказывается, что я поделаю, не отсебятину же нести!

Они просят, чтоб он ночевал, ибо боятся разбойников. Он соглашается. Вдруг разбойники ночью приезжают. Он защищается и отрубает руку у одного. Всех убивают и жену утаскивают. Он в отчаянии идет броситься к отцу, чтобы тот дал ему помощь, ибо дом не так далеко. Его запирают в комнате. Когда все утихло, он вырывается. Уходит и приносит труп своей любезной, клянется отомстить ее. Для этого спешит к отцу, чтоб найти там помощь. Ночь у отца. Дочь примеривает платья убитых несколько дней тому назад, люди прибирают мертвые тела. Прибегает сын. Сказывает о себе, его впускают. Он рассказывает сестре свое несчастье... вдруг отец... он без руки... Сын к нему... и видит... в отчаянии убегает. Смятение в доме. Меж тем полиция узнала не о сем, но о другом недавнем злодеянии и приходит; сын сам объявляет об отце: вбегает с ними. Отца схватывают и уводят... Сын застреливается. Тут вбегает служитель старый сына, добрый, хочет сказать ему о смерти

печальной супруги, его увидеть, но не замечает и рассказывает сестре, что он... И видит его мертвого.

— Батюшка Пропп, — добавил Жихарь. — Я не виноват, что усталла такая непонятная. Видно, сочинитель ее не успел как следует сочинить — то у него так, а то этак. Но в общем понятно, правда? — Он просительно посмотрел на идола.

Лицо Проппа не выражало ни добра, ни худя.

— Чем богат, — оправдывался Жихарь. — В другой раз получше расскажу...

Решив, что сделал достаточно, Жихарь взвалил на плечи котомку, еще разок поклонился кумиру до земли и зашагал по дороге.

Интересно бы знать, кто первую-то дорогу проложил? Должно быть, родилась она от простой тропинки. Люди ходили туда-сюда, прибывали траву и скоро прибили совсем. Потом пошли с возами, начали вырубать деревья по обочинам...

Случалось богатырю видеть всякие дороги. Иной раз даже мощенные камнем. Но все равно дорога — место опасное. Кто тебе идет или едет навстречу, кто сзади догоняет — неведомо. А если ты один, то лучше тебе свернуть куда-нибудь в сторону от греха да переждать...

Лишь однажды привелось ему пройти по безопасной дороге — когда возвращался домой через какое-то удивительное царство. Нагнал по пути ветхую старушку с мешком. Старушка то и дело ставила мешок на дорогу и отдыхала. Жихарь поздоровался и предложил помочь. Старушка посмотрела на него с ужасом, подхватила мешок и пустилась бегом.

Богатырь тогда нагнал ее, успокоил, объяснил, что он не вор и не разбойник. Бабушка и вправду успокоилась и объяснила Жихарю, что с молодых лет таскает этот мешок по дорогам — из одного конца царства в другой. Тамошний царь был столь строгий, что извел всех лихих людей и хвастался другим государям, что в его державе полный порядок: юная девушка с мешком золота может пересечь всю его землю из конца в конец, не подвергшись при этом ни ограблению, ни поруганию. Как раз ее, тогда еще молоденькую, и пустили для примера. Вот она все ходит и ходит, подруги все давно замуж повыходили, да чего там — внуков нянчат, а ее путь не кончается: помереть царь помер, а указа не отменил...

В тот раз богатырь пожалел старушку, а теперь жалел, что не облегчил ее тяжкую ношу, — может, тогда и в долги бы не залез... Да нет, все равно залез бы...

Лес по сторонам был веселый, приветливый, как всегда случается в начале лета. И так он ласково шумел, что, казалось, не могло там

таиться ни волков, ни коварных рысей, ни лесной Полуденницы (самое сейчас для нее было время), ни злых остроголовых шуликунов...

Хотя как раз в таком разнеженном лесу и таятся обычно самые страшные опасности. Путник душой обмякнет, нюх потеряет, слух притупит, взор ослабит... Тут его и бери голыми руками, или лапами, или же хоботами — у кого чего растет.

Но умные люди еще когда сказали: бесшумных засад не бывает. Даже зверь ведь не железный: примнет сучок, пошевелит ветку. Что же говорить про человека?

Порубежные стражи, сидящие в секрете, нет-нет да и звякнут до-спехом. Ягая Баба, поедучая ведьма, то и дело кашляет, потому что ступа у нее летает на дыме. Пятнистые спиногрызы дикие в предвкушении грядущего пира с шумом втягивают слюну. А лесных разбойников, притаившихся в укромном месте, выдает, как правило, звонкая и удалая песня, которой они обычно любят заливаться от скуки.

Как раз такая песня и раздавалась впереди.

Жихарь остановился и прислушался, стараясь запомнить слова: а ну когда пригодятся!

То не ветер ветку клонит,
Не пожарный пену гонит,
Не кораблик в море тонет,
Не осенний лист дрожит.

То разбойник в горе стонет,
Что народом он не понят,
Никого-то он не тронет —
Ото всех в леса бежит.

Выйдет кто-то из тумана,
Вынет что-то из кармана,
Только глаз у атамана
Сразу видит — кто да что.
Он дуванит без обмана:
В шуйце — вострая катана
(Что-то вроде ятагана),
А в деснице — долото.

Шел купчина темным лесом
За каким-то интересом.
Обладал немалым весом
Он в коммерческих кругах.

А теперь, на радость бесам,
Поражен он тяжким стрессом.
Не помог ни Смит, ни Вессон —
Он и в горе, и в долгах.

А весенней гулкой ранью,
Сотрясая воздух бранью,
Окруженный всякой дрянью,
Лесом ехал светлый князь.
Вопреки его старанью
Да и воинскому званью,
Ему голову баранью
Атаман срубил, смеясь.

Дальше в песне рассказывалось, как ловко атаман управлялся с проходившими по вверенному ему лесу людьми всех сословий и ремесел — с шорниками, волхвами, переносчиками болезней, царями и королями вкупе с многочисленной свитой. Но конец был все равно грустный:

Если крикнет рать святая
(Или девица простая,
Или даже вражья стая):
«Кинь ты Русь, живи в раю!»,
Я скажу: «Не надо рая.
Расступись, земля сырая,
Я сейчас в тебя сыграю,
И сыграю, и спою!»

Судя по многим непонятным словам, песня была древняя, она передавалась разбойниками из поколения в поколение, хотя разбойники обычно народ бессемейный и подолгу на свете не заживаются.

Жихарь остановился, то и дело оглядываясь, — не зашли бы со спины.

Со спины никто не зашел, вся шайка, галдя и ругаясь, вылезла на дорогу. Разбойники оказались довольно странные. Было их шестеро, походили они друг на друга, как желуди на дубе. Невысокие, коренастые, заросшие мохнатым бурым волосом. Ни у кого из лиходеев не было ни лука, ни самострела. Только дубины, да и то довольно хлипкие.

— Стой, путник! — провозгласил тот, кто был у них, по всему виду, за старшего. — Мы — Семь Симеонов-однобрюшников — голос

в голос, волос в волос! Семи редких ремесел люди! Лучше сразу покоришься, отдай заплечный мешок, одежду и обувь: все равно ведь отберем!

— Где же вас семь? — спросил Жихарь. — Я только шестерых вижу!

— А не твое дело! — рявкнул атаман. — Любой из нас тебя в одиночку скрутит. Ты кто таков будешь?

Жихарь честно ответил, кто он таков и откуда.

Атаман отер вспотевший лоб.

— Ну и ладно, что Жихарь, а не славный Невзор. Перед тем бы мы повинились и с почетом проводили...

— А передо мной повиниться не желаете? — спросил богатырь. Драки он не хотел, а хотел потехи — уж больно невеселыми были последние месяцы и дни.

Семь Симеонов дружно расхохотались — все шестеро. Потом они накинулись на Жихаря. Богатырь не сопротивлялся, дал стянуть с себя тяжелый мешок, паутинную рубаху, штаны и сапоги. Пусть ребята поликуют маленько, тоскливо ведь им в лесу... Разбойники достали веревку и прикрутили богатырское тело крепко-накрепко к развесистому дубу.

— Сильней, сильней затягивайте, — распорядился богатырь. — А то ведь я и рассерчать могу...

Разбойников снова разобрал смех.

— Вода нынче весной высокая стояла, — сказал атаман. — Так что мошки и гнуса ты не бойся. А потом какой ни на есть прохожий человек тебя отвяжет...

— Если бы... — вздохнул Жихарь. — Смотри лучше, в сапог не провались — вас туда трое запросто войдет...

Первым делом злодеи полезли в мешок с припасами. Особенно они обрадовались баклаге с Мозголомной Брагой.

Этого ни в коем случае не следовало допускать. Поигрался — и хватит. Богатырь еще раз тяжело вздохнул, напрягся — и только обрывки веревок полетели на траву.

Симеоны растерялись так, что атаман даже не успел выбить пробку из баклаги.

А Жихарь, словно вихрь, уже метался среди замешкавшихся лиходеев, сам вязал их веревками и укладывал под дуб. Симеоны обзывались и скрипели зубами.

— Вот сейчас погоню вас, как скотину, в ближайшую деревню, — посулил богатырь. — За вас, поди, немалую награду можно получить...

— Нет, — понуро сказал атаман. — Мы еще, можно сказать, и поозорничать толком не успели. Разве что покормят тебя там, дадут сухую краюшку...

— И то хлеб, — сурово ответил Жихарь. — Имя мое запомнили?

— Ну, — согласился атаман. — Знаешь лучше что сделаем? Ты нас развяжешь и сам за старшего будешь. С тобой у нас дела ловчее пойдут!

— «Ловчее»... — передразнил Жихарь. — Да с вами даже деда с телегой навоза ограбить невозможно — дед вас коровьими лепешками закидает и всех насмерть пришибет.

Он уже успел одеться, заглянуть в мешок и удостовериться, что сожрать голодная шайка ничего не удосужилась. Потом приложился к бляжке, крякнул, отер уста.

— Итак, — сказал он, приходя в благое расположение нрава, — чего это вы, косорукие, на большую дорогу вышли? Ваше ли это дело?

— Не наше, — сказал атаман. — Нас отец в учение на семь лет отдавал к семи мастерам — мы многое умеем, да вот только...

— Ух ты, — удивился богатырь. — Я, оказывается, с умельцами связался! А какое, к примеру, у тебя умение?

— Я — Симеон Столпник, — гордо сказал бывший атаман. — Я могу выковать железный столб от земли до неба!

— Дело хорошее, — согласился Жихарь. — И много ты их выковал?

— Пока ни одного, — признался Симеон Столпник. — Мыслимое ли дело — набрать столько железа! Вот когда какой-нибудь государь соберет гору руды и железного лома — тогда я свое мастерство и окажу.

Богатырь хмыкнул.

— Откуда ты тогда знаешь, что выкуешь, коли не пробовал?

— Как не знать! Чай, мастер семь лет меня жучил, среди ночи разбуди — сразу скажу, как опоку делать, какие снадобья в железо добавлять, как канаты развесить, чтобы столб воздвигся...

— А орало простое скуешь? Про меч я уж не говорю...

— Нет, — гордо ответил Столпник. — Мы не по землепашеской части. И не по военной. Мы — по столбам горазды!

— Понятно, — вздохнул Жихарь, склоняясь над вторым пленником. — Ну а ты по какой части всех превзошел?

— Я — Симеон Лазник, — сказал второй братец-разбойник. — Когда старшой свой столб выкует, я на него смогу влезть — без крючьев, без веревок.

— Это уже лучше, — сказал богатырь. — Вот я тебя сейчас освобожу, а ты слазь-ка на самое высокое дерево и Расскажи мне оттуда, что делается в ближней деревне. Уж больно это место хитрое...

— Увы, — ответил Симеон Лазник. — Я по деревьям-то лазить не учился, а только по железным столбам от земли до неба...

— Какие-то мудреные мастера у вас были, как я погляжу, — сказал богатырь. — А ты, бедолага, чему обучен?

— Я — Симеон Замерзаец, — промолвил третий. — Могу из себя холод произвести и всех заморозить...

— Это кстати, — обрадовался Жихарь. — А то жара несусветная. Давай-ка попробуй! Тебя развязать?

— Не обязательно, — сказал Замерзавец и начал синеть. Брови и борода у него подернулись инеем, из носу показались две острые сосульки. Жихарь провел над Замерзавцем ладонью. Никакого холода не услышал...

— Хватит, хватит! — закричал он. — Так ты только сам себя заморозишь, а добрым людям никакой прохлады не дашь. Толку от тебя...

— Это верно, — согласился бывший атаман Столпник. — Мы его даже в молоко пробовали класть, как лягушку, чтобы не портилось, — все равно сворачивается...

— Если меня н-нутрянному хладу обучали... — простучал зубами Замерзавец.

— Не в брюхе же у тебя ледник устраивать, — пожал плечами богатырь.

Не ожидая его вопроса, отозвался четвертый Симеон:

— Мое прозвание — Жарыня. Но я тоже только сам себя разогреть горазд, а в руках даже воды не вскипячу...

— Вы, часом, не у йоговых мужиков учились? — заботливо спросил Жихарь. — Хотя нет — те, по крайности, умеют на спинах мокрые полотенца при великом морозе сушить...

Пятый Симеон оказался по прозвищу Ветродуя. Жихарю стало любопытно поглядеть на такое редкое умение, он развязал Ветродюю. Остальные связанные Симеоны тотчас покатались по земле куда-нибудь подальше. Богатырь же худа не заподозрил...

Симеон Ветродуя вышел на середину дороги и начал делать глубокий-преглубокий вдох. Такой долгий был вдох, что за это время умелый ложкарь успел бы вырезать две или даже три ложки. Сам же Ветродуя при этом стал похож на куриное яйцо.

— Что же ты? Дуй! — подбодрил Жихарь.

Пятый Симеон дунул. Впереди него вся пыль на дороге поднялась столбом, но ведь и позади поднялась... Ветродюю подняло, повалило набок и начало крутить, как веретено, — только ноги мелькали... Да дух пошел нехороший...

...Когда Ветродуевы муки кончились, а Жихарь со связанными Симеоном решились вернуться на прежнее место, Столпник ему все объяснил:

— Воздух у него не только в легкие идет — часть и в кишки попадает. Вот оно так и получается всегда. Если бы не это — плавать бы нам по морям при своем же попутном ветре.

Шестой Симеон назвался Корабелом, причем утверждал, что способен построить не простой корабль, а летучий.

— Дело наше простое — тят да ляп, вот и вышел корापъ, — объяснял он. — Мне бы только топор...

— Нет уж, — сказал Жихарь. — Тят да ляп я и сам умею, а тебе зря портить деревья не дам. Кабы ты мог такое чудо сотворить, вы бы уж давно всем светом овладели, а не промышляли бы на большой дороге. А где же ваш седьмой однобрюшник?

— За зеленым вином послали, — сказал Столпник. — Он у нас Живая Нога, скороход...

— И давно послали? — с надеждой спросил Жихарь.

Столпник пригорюнился и стал загибать пальцы.

— Прошлой осенью, — сказал он наконец. — Скоро полгода тому...

Богатырь ахнул:

— Так он что у вас — ползком ползет? Или вы его в Испанию послали — там вино доброе, даром что хересом прозывается...

Столпник махнул рукой.

— Да какая Испания — на постоянный двор к Неплюю Кривому...

— Бывал у Неплюя, угощался, — сказал Жихарь. — Так это же, почитай, рядом!

— Сильно быстро бежит, — сказал Столпник.

— Не понял... — не понял Жихарь.

— Ну, так быстро бежит, как... как солнечный луч, — сказал главный Симеон. — А когда бежишь столь быстро, то всегда так и выходит... Для него, может, одно мгновение пройдет, а мы тут неделями ждем и месяцами... Мы, если заметить изволил, уже все мужики в возрасте, а он все еще мальчонка... Потому что гоняем туда-сюда...

— Ничего не понимаю, — сказал богатырь. — Что ж вы тогда другого не пошлете?

— Чудак-человек! — рассмеялся Столпник. — Сам посуди, кого добрые люди за вином обычно снаряжают? самого быстрого и самого молодого. Разве у вас по-иному живут?

— Да нет... — растерялся Жихарь. — И я, бывало, бегал — только не по полугоду же!

— Скорость у тебя не та, — поучающе сказал Столпник. — А он семь годиков у лучших скороходов обучался.

Тут Жихарь не выдержал и возрыдал — из него вообще легко было высечь слезу. Плача, он стал освобождать разбойных братьев.

— Я-то думал, что один такой на свете бесталанный, — причитывал богатырь. — Ан, гляжу, людям еще солонее моего приходится... Это ж надо — по семи лет жизни зря потратили! На семерых выходит почти полвека! За это время можно всю землю кругом обойти и на то же место вернуться...

— Вовсе не зря, — обиделся Симеон Столпник. — Каждый из нас в своем деле первый! А ты, добрый человек, насчет атаманства-то подумай. С нами ты горы своротишь...

— Своротишь, — сказал Жихарь. — Только себе же на голову.. Некогда мне вами предводительствовать, не за тем послан. Меня ждет дорога ой какая дальняя...

— Так бери нас — вместе-то легче!

— Не велено, — ответил Жихарь.

Тут в кустах и деревьях словно вихорь прошумел, прошлогодние листья закрутились в столб и вынеслись к дороге. Когда листья опали, на их месте оказался седьмой Симеон, и на вид он действительно был много моложе братьев-однобрюшников. В руках скоропостижный гонец держал немалый бочонок.

— Быстро ты нынче обернулся, — поощрил гонца Столпник. — Не то что в прошлый раз.

— А за смертью вы его посылать не пробовали? — проникновенно спросил Жихарь.

Пришлось доставать свои припасы и братски делиться с семьей Симеонов. А пили прямо из бочонка — через край.

— Вы мне, братья Симеоны, вот что скажите, — начал Жихарь, сыто откидываясь к дубовому стволу. — Во-он там должна быть деревня. Знаете ее?

Симеоны сразу как-то притихли, да что Симеоны — листья на деревьях перестали трепетать, птицы свистом подавились. Братья переглядывались опасливо промежду собой, делали пальцами знаки, отгоняющие всякую нечисть.

— Э-э, господин Жихарь, — провещался наконец Столпник. — Нет там никакой деревни, и ходить туда нельзя.

— Как это — нет деревни? Куда же она делась? Ну поморочили меня там два года назад, а других и вовсе не морочили...

— Нельзя туда, — повторил Столпник. — Вон Живая Нога туда бежал, так насилиу вернулся.

— Он у вас, я гляжу, всякий раз насилиу возвращается, — сказал Жихарь.

— Дяденька, — сказал Симеон Живая Нога. — Меня там чуть навсегда не приковало — и не по причине скороспешности. Там Недвижное Царство.

— Ну-ка Расскажи толком, — потребовал богатырь.

— Толком он не может, — заступился за гонца Симеон Замерзаец.

— Он, когда вспоминает, только плакать да икать способен — так уж крепко напугался. Добычу там, верно, можно взять богатую, да вот не унести... Старшой, покажи ему гусли-самогуды! Оттуда добыто...

Столпник с неудовольствием посмотрел на брата, потом крикнул и достал из лыковой торбы гусли-самогуды.

Ничем они не напоминали настоящие гусли. Не было на них ни струн, ни колков, да и пустоты внутри не было. Плоский продолговатый ящик с закругленными краями, с ручкой, чтобы носить, и с непонятными надписями и приспособлениями.

— Поначалу-то они здорово играли, — сказал Столпник. — За десяток скоморохов старались. А теперь то ли оголодали, то ли что...

Он положил ящик на землю и нажал корявым пальцем блестящий, как из полированного серебра, выступ. Внутри самогудов что-то действительно загудело, и страшный низкий голос, безобразно, словно варкалап, растягивая слова, сообщил:

— А-а ты-ы-ы тако-о-ой холо-о-одны-ы-й, ка-ак а-ай...

И замолк.

— Совсем наша бабочка обезголосела, — сказал Столпник. — Раньше пела складно, душевно, а нынче, видно, охрипла. Да и то сказать — ночуем под открытым небом, на холоде. Мы ее оттуда по-всякому выманивали — нейдет.

— Пока хорошо пела, надо было эти гусли какому-нибудь князю загнать за хорошую цену, — сварливо сказал Ветродуй. Весь воздух из него уже вышел. — Так нет, не дали — сами потешимся, сами потешимся... Вот и дотешились — впору выбросить.

— И много там таких диковин? — спросил Жихарь.

— Хватает, — боязливо сказал Живая Нога.

ГЛАВА 12

День наступил только у нас. На Западе продолжалась ночь...

Юрий Олеша

...**Н**а том месте, где в прежней деревне стояли ворота, поднимались густые заросли шиповника. Самое время было ему цвести, и дух во-круг стоял невероятный и дурманящий.

Богатырь не поленился обойти заросли кругом. Кустарник стоял стеной, и не было в этой стене ни проходов, ни проломов, ни прорубов.

Жихарь хотел было снова обратиться к батюшке бору за подмогой, но не решился, потому что понял — к обычному лесу этот шиповник никакого отношения не имеет. Не просто так он здесь вырос: то ли обитатели бывшей деревни сами ото всех загородились, то ли проходил этой дорогой премудрый чародей и в мгновение ока вырастил колючую ограду, чтобы люди туда не совались себе на пагубу.

Богатырь и другой раз не поленился обойти заросли, покуда не наткнулся на сухостойную сосну. Иголки на сосне, которые еще не осыпались, были рыжими. «Жалко, что никто из Симеонов на силача не обучался, — подумал он. — Вдвоем бы мы легче управились...»

Он вздохнул и уперся плечом в ствол. Солнце уже вытопило из мертвого дерева последние капли смолы, и паутинки из плетеной рубахи прилипали к золотистым потекам.

Богатырь толкал ствол и понимал, что нужно все сделать быстро, пока сила не ушла, — подкрепляться больше нечем. Столько еды зря перевел на шайку Симеонов! А с другой стороны, людской закон соблюл...

Засохшая сосна, видно, тоже поняла это: она заскрипела, зашаталась, вот уже и толстые корявые корни вышли из земли... Богатырь оставил ствол, ухватился за корни руками, как пахарь за сошники, громко зарычал и закричал, чтобы сподручней было, и дерево, словно убоявшись его голоса, выворотилось из земли, тяжело пав на живую изгородь.

Шиповник рос плотно, и верхушка сосны легла точно на него, не провалившись до земли, чего Жихарь опасался.

Дело было сделано. Богатырь посмотрел на вымазанные землей и смолой руки, подпрыгнул, вскочил на ствол и побежал по нему легко и ловко, словно белочка какая.

«Чуть-чуть сосны не хватило, спрыгну — вся спина в шипишинах будет», — подумал он и все-таки спрыгнул, оказавшись внутри колючего круга. Паутинная рубаха не подвела, а штаны зато порвались во многих местах — эх, не надо было русалку-рукодельницу проигрывать! Да кто же знал?

Перед ним лежала поляна — обычная поляна, только за шиповником было начало лета, а здесь — начало осени. Вокруг поляны шла другая ограда — железная, хозяин не пожалел дорогого металла. Концы прутьев ограды венчались как бы наконечниками копий, перелезть через нее было опасно: рука сорвется, и повиснешь, напоровшись... Если есть ограда, то должны быть и ворота...

У ворот стояло несколько самобеглых повозок — Жихарю с Яр-Туром уже доводилось видеть подобные в той жуткой стране, куда завел их оскорбленный леший. Но вот именно что подобные — на тех-то, маленьких и кургузых, ездили стражники-менты, а на этих, сразу видно, — цари, короли, богдыханы и магараджи. Здешние, понятно. Повозки были разноцветные, длинные, ярко блестели на солнце лоснящимися боками и колесными спицами.

Ворота были открыты, и Жихарь, не без опаски, вошел.

Потом поглядел налево...

На него, вытянув руки, летел здоровенный бритый мужик в чудной одежде — но и одежду такую богатырю уже довелось видеть и даже покупать.

Жихарь поднырнул под охранника и тут же выругал себя за трусость и невнимательность — мужик летел не трогаясь с места, он застыл в прыжке. Вот почему Недвижное Царство...

Справа тоже был охранник, он стоял широко расставив ноги, а в вытянутых руках держал также знакомую Жихарю дырбойную

снасть. Черная дырка смотрела богатырю прямо в лоб, а приглядевшись, он увидел, что в воздухе висит маленький востроносый кусочек металла.

Удивления и размышления следовало оставить на потом.

«Поступи, как сердце подскажет, — учил ночью Беломор, — а что останется — то и твое».

Стерegli здешнее хозяйство не только люди, но и собаки — тяжелые, черные с подпалинами, мордастые, с отвисшими брылами, навсегда поперхнувшиеся лаем, а одна даже словно бы вцепилась зубами в чью-то ногу.

Кто-то незванный входил сюда до него.

Под ногами стелилась выложенная разноцветным бульжником тропинка. Жихарь пошел вперед. Здесь тоже росли кусты — но не дикие, а ровно подстриженные. Богатырь ждал, что за поворотом покажется огромный дворец.

Но вместо дворца он увидел дом — правда, очень большой и с огромными окнами, белый, легкий, веселый.

На лужайке перед домом расставлены были небольшие столы и стулья с гнутыми подлокотниками, а за столами сидели люди.

Люди были как на подбор — что мужики, что бабы. Только что одежда странная, но зато яркая, нарядная и, по всему видно, дорогая. Мужики в большинстве своем одеты были в короткие малиновые кафтанчики с отворотами, на шее у каждого висела толстенная золотая цепь. Мужики толковали друг с другом, каким-то странным образом растопырив пальцы, только губы не шевелились и звука не было никакого. У некоторых волосы сзади собраны были в косичку — богатырь в свое время тоже носил такую.

Кто-то подносил ко рту хрустальную рюмку, наполненную золотистой пузырящейся брагой, кто-то обгладывал гусиную ножку, кто-то стягивал зубами кусочки мяса с коротеньких вертелов. Богатырь слотнул слюну.

А когда стал разглядывать женщин, слюны вышло еще больше. Молодые крепкие девки в коротких штанцах и расстегнутых рубашках — все добро наружу. Девки сидели у мужиков на коленях, дули брагу, сплетничали по закуткам. Столько голого загорелого тела зараз Жихарь не видал даже в гостях у Раджи Капура.

Тут же, на поляне, стояли на тонких ножках жестяные поддоны с тлеющим углем — там жарилось мясо на вертелах.

Несколько молодых людей в сторонке плясали, когда застигло их внезапное оцепенение, отчего выглядели теперь нелепо и даже смешно.

Жихарь ходил от стола к столу, разглядывал диковинную посуду, любовался неведомой едой. Только трогать ничего не трогал, потому что чувствовал — нельзя. Козленочком станешь...

Да, есть в мире вещи и подиковиннее кукушечьего гнезда. Например, пруд с голубой водой — и дно его, и края были выложены полированными каменными плитками. Почти голый парень в какой-то пестрой повязочке на бедрах даже нырнул в этот пруд с разбегу — да так и застыл по пояс в воде, и воздушные пузыри вокруг его тела тоже застыли...

Все эти люди были гости, а вот и хозяйева — за длинным столом у самого крыльца. Главный тут, конечно, вот этот седой, носатый, в белой рубашке, перехваченной у горла лентой в горошек, завязанной в виде бабочки. В руке у седого бокал — видно, предлагал за что-либо выпить, пока его не сковало... Лицо гордое, царское — таких принято слушать и повиноваться.

Хозяйка тоже ему под стать — в блескучем платье, при алмазном ожерелье и таких же серьгах. Лет ей, конечно, немало, а глядит как молодая — небось сама-то хозяйство не вела, горя не знала...

Тут Жихарь вздрогнул.

Между хозяином и хозяйкой стояла княжна Карина. Конечно, это не могла быть княжна, но сходство, сходство... Это, надо полагать, хозяйская дочка. Принцесса. Совсем молоденькая.

Перед принцессой на обширном блюде стоял праздничный пирог, а в пироге торчали тонкие свечки — и зачем свечи среди бела дня?

«День рожденья у нее, — догадался Жихарь, вспомнив рассказы Принца. — Да, точно. И думать нечего. Эх, бедолаги... Всех пригласили, а кого-то забыли... Он же, поганец, обидчив оказался, заявился самовольно да и произнес такое крепкое заклятье, что Медленное Слово по сравнению с ним — звук пустой...»

Богатырь почувствовал, что мысли в голове стали ходить медленно и тяжело и сам он движется плавно-плавно, как под водой у Мутилы. «Мироед это был, — лениво размышлял Жихарь, с трудом отрывая ноги от земли. — Больше некому. Не выбраться мне отсюда...»

И это его несколько не встревожило. Хотелось отдохнуть как следует, а уж потом... Он еле-еле подошел к принцессе и посмотрел ей в глаза.

Глаза были синие и живые, и столько ужаса в них держалось, что всякое оцепенение разом слетело с богатыря.

—Блин поминальный, да что же это делается! — сказал он. — Они же тут все живые, все чувствуют и понимают, только двинуться не могут! Я бы даже Невзору пустоглазому такого не пожелал! Может, вы тут все в чем и виноваты, но так-то нельзя!

Принцесса глядела жалобно, хотя продолжала улыбаться. Жихарь подошел к ней вплотную, взял русую голову в ладони, зажмурился на всякий случай и поцеловал.

Алые пухлые губы внезапно обмякли, зубы Жихаря стукнулись о зубы, он раскрыл глаза и чуть не опозорился, поняв, что обнимает скелет. Череп с остатками волос рассыпался у него в руках. Богатырь закричал что-то непонятное и отчаянное, чтобы не спянуть.

С гостей опадали нарядные одежды, опадала плоть, крошились желтые остовы, подламывались ножки столов, шла трещинами посуда, мутнели бокалы. Давешний ныряльщик с шумом обрушился в высохший пруд и распался там на мелкие кусочки. Затрещал, зашатался дом, словно сто лет его портили древоточцы, разлетелись стекла, внутрь обрушились стены. Уцелела только одна, сложенная из дикого камня — в стене когда-то был очаг.

— Конец гулянке! — закричал Жихарь и вдруг захохотал, но не по своему, а чужим каким-то визгливым смехом. — Всякой гулянке конец приходит!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Эй, Дюрандаль, моя сабля, освященная и прекрасная! В золоченой твоей рукояти довольно много реликвий...

«Песнь о Роланде»

Про ваджру говорят многое, только в основном брешут. Одни утверждают, что это вовсе не Золотая Ложка, но дубинка или палица, которой вооружен индийский бог Индра. Иногда, впрочем, ваджре случалось попадать и в чужие руки — например, к Рудре (тут Жихарь вспомнил, что пресловутая сестра Яр-Тура именно этим именем его, Жихаря, и величала). Ваджру изготовил, по одним сведениям, прекраснорукий бог Тваштар, который ухитрился смастерить вообще все, что только есть на свете. По другим же сведениям, создателем ваджры был певец Ушана. Ну да! Певцы же все косорукие, а инструменты для них изготавливают умудренные в этом деле мастера.

Ваджра в сказаниях представляла то медной, то золотой, то железной, то каменной. Утверждали даже, что сделана она из скелета мудреца по имени Дадхичи. Но какой мудрый он ни будь, а кости — вещь хрупкая. Иногда у нее было четыре угла, иногда — целая тысяча зубцов.

Ясно, что вранье: кому-то надо считать до тысячи! Или круглая, словно тарелка, или крестообразная. А есть и такое мнение, что ваджра представляет собой бычье хозяйство. Это богатыря особенно оскорбляло.

Ну ладно, потерял он ее, обронил, не смог удержать — бейте его, люди добрые, кляните и обзывайте. Да как же было ее не потерять, когда шкура у Мирового Змея гладкая, мокрая и скользкая, а сам Змей ходит в море ходуном, причем с одной стороны змеиного туловища в пучине барахтается ухнувший туда Яр-Тур, а с другой хладнокровно устремляется в морские бездны Лю Седьмой, выкрикивая при этом, что благородному мужу неприлично уметь плавать и даже учиться такому низменному ремеслу, поскольку он не лягушка какая-нибудь там. Но, как ни дорога ложка, а человеческая жизнь подороже будет. Тем более две жизни.

Жихарь сумел вытащить обратно на хребтину Змея обоих побратимов, а вот ваджру не уберег. Весь поход она никак не могла потерять, всегда возвращалась к хозяину. Бывало даже, прилипала к телу, когда обе руки были заняты подвигами. Значит, утешал себя богатырь, настал ей час покинуть очередного владельца. Хорошего помаленьку.

Все эти рассказы про ваджру богатырь услышал много позже, когда они шли в обратный путь как раз через Индию. Жихарю в этих краях было жарко и влажно, донимали всякие насекомые и змеи. Одна была дума — скорей бы эта страна кончилась и началась совсем другая, с березками да елками. Правда, в Индии запомнил он большое количество местных пословиц, присловий и поговорок, странных и малопопулярных:

«Не виноват Шива, коли башка вшива»;

«Каков сам, таков и лингам»;

«Узнали арийские гады, сколько весят «Упанишады»;

«Обожди, подлюга, скоро кончится Калиюга»;

«Как увижу Брахму, так поленом трахну»;

«Настоящий архат не бывает богат»;

«Даже бочкотара — чья-то аватара»;

«Не про Панкрата да Кондрата сложена «Махабхарата»;

«Не про Касьяна да Ульяна сложена «Рамаяна»;

«Где изучается «Ригведа» — там успех, там победа»;

«Поздно кричать: «Кришна, харе!», когда получишь по харе»;

«Слушай своего гуру, а не жену-дуру»;

«Мама мыла Раму, а Рама краснел от сраму» и, наконец, самое непонятное — «Знал бы карму — жил бы в Сочи».

...Но все эти древние премудрости не могли помочь богатырю вот сейчас, когда стоял он посреди праха в рассыпавшемся доме

и выкрикивал от страха разные глупости. Краем глаза он примечал, как ложатся на кирпичи валы паутины, как вьюнок оплетает обломки балок и остатки оконных проемов, как вполне живые крысы растаскивают по углам древние кости в напрасной надежде поживиться.

Но тут прямо перед носом его появилась чья-то рука и от души брязнула Жихаря по зубам. Богатырь перестал орать, помотал головой и сообразил, что рука не чужая, а его собственная, и на этот раз она оказалась куда умней перепуганной головы.

Рука ударила вполсилы, поэтому все зубы, кроме утраченных ранее, остались целы. Жихарь сплюнул кровь от разбитых губ и сказал сам себе:

— Дурак ты, Джихар Многоборец. То ли мы покойников не видели? Живых надо бояться...

Но живых вокруг не наблюдалось. Богатырь стал не спеша обходить развалины, как наставлял во сне Беломор. Двигался он вдоль стен, там, где трухлявые доски надежно опирались на каменное основание. Потом, обойдя все некогда роскошные покои, постановил спуститься в подвал.

Сквозь многочисленные проломы в полу свет туда попадал свободно, и можно было пока обойтись без факела. Под ногами хрупало, скрипело и хрустело. Крысы, коим наступлено было на хвост, обиженно визжали. Но подстраховаться все же не мешало, и Жихарь принялся вполголоса напевать-приговаривать особое заклятье — на тот случай, если какой-нибудь умрун попытается подняться:

Есть еще такие люди,
Что на свете не живут.
Их в народе мертвецами
Да покойными зовут.

Пахарь пашет, зодчий строит,
Чернокнижник ворожит,
А покойник-тунеядец
Целый день в гробу лежит.

Только самой темной ночью,
В час, когда живые спят,
Умруны наружу лезут
Наподобие опят.

Вы, ребята, не опята,
Вас никто не станет брать.
Если ж вам самим не спится —
Не мешайте людям спать!

Наконец в полутьме богатырь разглядел дверь. Дверь была гладкая, нисколько не состарившаяся, выкрашенная голубой краской и с узорной дверной ручкой. Такие устройства Жихарь уже видел, поэтому смело нажал на ручку. Дверь отворилась.

Богатырь очутился в самой настоящей светлице — хотя, казалось бы, откуда взяться светлице в подвале? Окна в ней были большие, закрытые тонким и чистым стеклом, как в том страшном городе, куда завел их с Принцем некогда оскорбленный леший.

За окнами было в основном небо. Жихарь метнулся вперед, желая разведать пути к возможному бегству, — и отшатнулся. Внизу была бездна. Ну, не совсем бездна: земля-то виднелась, и даже люди по ней ходили мелкие-мелкие, но прыгать туда никак не хотелось.

Жихарь отошел в угол и стал разглядывать светлицу. Напротив него, в другом углу, стояла небольшая, но ладно сделанная кроватка. Неподалеку от нее помещался столик — тоже небольшой. На столике лежали яркие и пестрые вещи. Такие же вещи располагались на полках вдоль стен. Приглядевшись, Жихарь понял, что это игрушки — весело раскрашенные медведи, собаки, обезьяны, слоники и даже крокодилы. Были среди прочих забав и блестящие повозки с колесами. Были и кораблики — с парусами и без парусов. Были какие-то большие раскрашенные бублики, как бы из надутых рыбьих пузырей.

— Есть кто живой? — на всякий случай спросил богатырь.

Что-то зашуршало внизу. Из-под кровати выбрался дитенок — маленький, в коротких штанишках и бывшей белой рубашке без ворота и без рукавов, зато с каким-то веселым зверьком, нарисованным на груди. Мальчонка был курносый, белобрысый, рожица у него вовсе не выражала испуга по случаю прихода чужого человека.

— Наконец-то, — сказал мальчонка, словно ждал пришельца давным-давно.

— Ты кто? — спросил Жихарь.

— Чего ищешь? — сказал вместо ответа малец. — Дело пытаешь или от дела лыгаешь?

Богатырь вспомнил, что вопрос этот полагается задавать не ребеночку, но какой-нибудь лесной ведьме, в избу которой ввалился добрый молодец.

— Дак ведь... Беломор говорил... Меч заветный... — Жихарь растерялся. Ну да ничего, сейчас мальчонка вырастет до потолка и выше, обернется страшилищем, и меч придется добывать в честном бою — дело утомительное, но привычное. На всякий случай богатырь глянул на мальцову тень и обнаружил, что, во-первых, тень эта существует, а во-вторых — исправно повторяет движения своего юного хозяина.

— Меч, — ворчливо сказал малец. — Меч всем нужен. Вон, на стенке — бери. Меняю на «киндер-сюрприз».

Что такое «киндер-сюрприз», Жихарь догадался, да где ж его взять, неожиданный детский подарок?

— Ну, яйцо такое шоколадное, — нетерпеливо сказал дитенок. — А внутри игрушка...

Богатырь приуныл. Знал он, какая в яйце должна быть игрушка — Кощеева смерть. Но ведь Кощей — одно из прозвищ кулыгяпого Мироеда. Найди Жихарь такое яйцо, не пришлось бы ему больше никогда топтать землю, подвизаясь, разом разрешил бы все беды и несчастья земные.

— Нету, — просто сказал он и в доказательство развел пустыми руками.

— Все на халяву хотят, — заметил не по летам суровый ребенок. — Большой, вот и думаешь, что все можно...

«Ага, — обрадовался Жихарь, — выходит, ты просто малец...»

— Ну-ка, дитя, — строго сказал он, — позови кого постарше! И быстро — некогда мне тут прохлаждаться и глупости слушать!

Малец покрутил пальцем у виска.

— Дядя, ты дурак? — проникновенно спросил он. — Откуда же здесь взяться взрослым? Сам подумай. Ты один взрослый и есть. Присылают кого попало, а потом обижаются...

— Я не кто попало, — сказал Жихарь. — Я Джихар Многоборец, сильномогучий богатырь, всесветный побродяга, почти что князь.

Малец криво ухмыльнулся, снял со стены крошечный красный меч и протянул богатырю. Богатырь взял, делать нечего. Рукоять меча заняла половину кулака — ни ухватить, ни замахнуться, да и легкий какой-то...словно из высушенной березы. Жихарь попробовал согнуть игрушку — меч переломился, но не до конца, просто перегнулся в середине да так и остался кривым. Богатырь разочарованно разжал руку. Меч упал на пол, но звук получился не железный и не деревянный.

— Барахло меч, — вздохнул малец. — Дрянский меч.

— Дрянский мне не нужен, — вздохнул богатырь в ответ. — Дрянских мечей и стальных полно... А мне опять надо воевать Мироеда.

— Всем надо, — сказала дитя. — Да не всем настоящий меч по руке. Значит, Беломор прислал? А чем докажешь?

— А как бы иначе я сюда попал? — спросил Жихарь, поскольку доказать и вправду было нечем.

— Многие сюда попадают, только все они ни с чем уходят, — сказал мальчонка.

— Если уходят, конечно...

Разговор мало-помалу сделался бессмысленным.

— Беломор учил, что выдадут мне тут настоящий кладенец, — устало сказал Жихарь. — И вроде бы кладенец этот разумный...

— А, так тебе Симулякр надо? — вскричал ребенок. — Так бы и говорил.

С этими словами малец снова полез под кровать, собирая пыль на рубашку. Из-под кровати он добыл какую-то уродливую деревяшку, на меч мало похожую, — Жихарь в детстве и то лучшие мечи умел вырезать.

— Это меч-разумник? — с ужасом спросил богатырь.

— Поразумней некоторых, — отвечал малец, отряхивая пыль с живота.

«Влетит ему от матери, — подумал Жихарь. — Хотя сама виновата: развела в избе беспорядок, подмести и то лень...»

— Как же им биться? — сказал он.

— Как придется, — сказал малец. — Симулякр — он ведь не только меч. Он и щит, и копьё, и еще много чего...

«Ну да, — подумал богатырь, — для ребенка любая палка — и меч, и копьё, и царский скипетр, и жезл чародея, и лук со стрелами...»

— Берешь — так бери, — строго сказал малец. — Время-то идет. Тебе задерживаться тут ни к чему. А то еще нарвешься на Витьку Копченого из шестого бэ — не обрадуешься. Он хулиган, debil, клей нюхает. Его скоро в колонию посадят. Отец уже сидит.

Богатырь, недоумевая, принял безобразную деревяшку обеими руками, словно и вправду была она вожделенным мечом.

— Надо опуститься на одно колено, — подсказал мальчонка.

Жихарь и это исполнил, вспомнив, как Яр-Тур посвящал своих сыновей в витязи. Как только колено его коснулось пола, руки пошли вниз под неожиданной тяжестью, сверкнули дорогие самоцветы на ножнах красного дерева, солнечный луч пробежал по наполовину вынутому лезвию — но лишь на малое мгновение.

Жихарь выпрямился. В руках была все та же деревяшка.

— Нечего оружие без дела светить, — наставительно молвил ребенок. — Он сам знает, когда превращаться. И во что.

— Спасибо... мальчик... — выдавил из себя богатырь. Был меч или не был? Или это обман, как все вокруг, как пропасть за окном?

— Иди-иди, мне назад пора, — сказал малец. — Итак полдня тебя прождал...

Жихарь неожиданно для себя низко поклонился и попятился к выходу. Наступил на игрушечную повозку, нога поехала вперед — и грохнулся богатырь на пол во всю длину.

— Ну из вас, взрослых, вояки... — засмеялся малец. — На ногах устоять не можете... Да еще бэтээр мне раздавил...

Богатырь поднялся, потирая ушибленное место.

— Мальчик, а ты кто? — все же повторил он свой первый вопрос напоследок, уже скрываясь за дверью.

— Ваня Золотарев, — охотно ответил мальчонка. — Семьдесят седьмая школа, нулевой класс, домашний адрес — улица Красных Мадьяр, дом восемь, квартира сто шесть...

Дверь захлопнулась, словно от порыва ветра.

— Как так? — вскричал пораженный Жихарь. — Не может того быть! Сам Ваня Золотарев?

Он схватился за дверную ручку, желая вернуться и оказать великому, знаменитому и непобедимому Ване Золотареву все надлежащие воинские почести, но только ручку оторвал, а открыть дверь все равно не смог.

Жихарь тихонько постучал в дверь кулаком. Потом замолотил деревяшкой. Снова тяжесть потащила правую руку вниз. В руке была не деревяшка и не меч — добрый боевой топор, он же оскорд, он же лагир, — ни щербинки на лезвии. Богатырь стал сокрушать дверь топором и сокрушил очень скоро, но из дыры потянуло тьмой и сыростью: вместо светлицы с большими окнами за дверью была самая обыкновенная подвальная кладовка или, может быть, винный погреб, потому что на полу валялись многочисленные запыленные осколки, а запах вина, конечно, выветрился за бесчисленные годы.

ГЛАВА 2

Как ни важны законы, но еще важнее песни.

Томас Джефферсон

«Вот он, значит, какой — Ваня Золотарев! — размышлял богатырь, выбираясь из развалин. — Кто бы мог подумать! Как же он, такой маленький, боролся с хтоническими чудовищами? Как сумел одолеть Мракоту-многоножицу? Где силы взял, чтобы Черному Крокодилу пасть порвать и освободить Солнце? Ведь тот Крокодил, чтобы не соврать, поболее Мирового Змея был! А Тараканище вспомнить? Бр-р! Я, конечно, тоже белый свет, можно сказать, выручил из беды, но куда мне до Вани Золотарева! Без побратимов, без помощников — один мужествовал, поскольку людей тогда и в заводе не было... Но я-то хорош — не признал, не поприветствовал по богатырскому уставу... Видно, не придется даже похвастаться этой встречей — витязи начнут смеяться и не поверят...»

Тут он вспомнил, что до сих пор он сам никто, вздохнул и пошел дальше, то и дело награждая себя пинками и тычками за недогадливость и невежество. Уж не мог Беломор предупредить!

От входных ворот остались только кирпичи, а узорные железные прутья давно источила ржавчина. Оглядываться Жихарь на всякий случай не стал.

Только шиповник рос вокруг заколдованной усадьбы по-прежнему — и, мнилось, стал еще гуще и непроходимей. Правда, сосновый

ствол, как и раньше, угнетал колючую изгородь, но до него было никак не допрыгнуть.

Жихарь махнул в сторону вершины деревяшкой — называть ее мечом-разумником или даже Симулякром язык покуда не поворачивался. Но Симулякр пригодился и для такого случая — деревяшка вдруг обмякла, и в руке богатыря оказалась веревка с тройным стальным крюком на конце. Крюк впился в сосну с первой же попытки, Жихарь быстро подтянул себя до вершины, вдохнул запах смолы и побежал по стволу.

Миновав поверху колючую ограду, он с помощью все той же веревки спустился на землю. Прыгать наугад не стал: вдруг Мироед подсунет внизу барсучью нору, провалишься туда и поломаешь ногу — кто тогда отправится во Время Оно порядок наводить?

Отчего же все-таки Ваня Золотарев предстал перед ним во младенческом состоянии? Должно быть, набрел в своих бесконечных странствиях на дерево с молодильными яблоками да не удержался — лишку съел...

На поляне, где разделял богатырь трапезу с Семью Симеонами, уже никого не было. Валялись только пустые бочонки да бутылки, огрызки да кости. Убрать за собой ленивые братья-однобрюшники, конечно, не удосужились. Пришлось богатырю самому наводить чистоту, чтобы не гневить леса. Меч-разумник при этом услужливо превращался то в метлу, то в грабли.

Бутылка, даже пустая, — вещь полезная, и в любой корчме можно за нее получить кусок хлеба с солониной, а то и чарочку, поэтому бутылки отправились в заплечный мешок. Кто же спугнул Симеонов, если они посуду зря побросали?

— Ничего, — сказал богатырь. — С таким мечом от любого врага отобьюсь.

Он еще раз оглядел поляну, поклонился ей за гостеприимство и выбрел на дорогу.

Сколь долго ни шел, а очередного деревянного Проппа не миновал. Неведомо ведь, попадет ли он на пути в бездне времен. Может, там его и вовсе не знают!

— Ну, здравствуй еще раз, — сказал Жихарь, усаживаясь поудобнее. — Ныне попотчую тебя предивной сказкой, перенятой у неведомых островных людей, что горазды в воинских искусствах и благородных понятиях. Сказка, конечно, странная и печальная, вот послушай.

Однажды перед наступлением нового года эры Дзисё четверо друзей собрались в бане-фуроси, чтобы снять усталость прошедшего дня и смыть грехи прошедшего года. Один из них, по имени Такамасу Хирамон, был составителем календарей и любил, как говорится, время

от времени украсить свое кимоно гербами клана Фудзивара, то есть выпить. Другой служил церемониймейстером у князя Такэда и звался Оити Миноноскэ. Он тоже был мастер полюбоваться ранней весной, как пролетают белые журавли над проливом Саругасима, — то есть опять же выпить. Третий из приятелей был знаменитый борец-сумотори по имени Сумияма Синдзэн и, как все борцы, всегда находился в готовности омочить рукав, а то и оба первой росой с листьев пятисотлетней криптомерии — проще говоря, выпить как следует. Четвертый подвизался на сцене театра. Но под псевдонимом Таканака Сэндзабуро он тоже частенько после представления позволял себе понаблюдать восход полной луны из зарослей молодого бамбука, что опять-таки означает пригубить чарку.

Распарившись в бочках с горячей водой, друзья решили предаться общему для всех пороку. Молодой Такамасу предложил выпить трижды по три чарки нагретого сакэ.

— Холостому мужчине доступны все развлечения, — сказал он. — Но даже и ему вечерами становится тоскливо без жены. Сегодня я твердо намерен заключить брачный контракт с госпожой Хидаримару, что живет за Восточным храмом, и поэтому должен быть трезв и почтителен.

— Нет! — вскричал великан Синдзэн. — Не три, а девять раз по три чарки следует нам выпить перед тем, как начну я готовиться к состязаниям в Киото, потому что с завтрашнего дня мой сэнсэй воспретил мне даже проходить мимо питейных заведений.

Молодые повесы решили уважить знаменитого борца и последовали его предложению. После двадцать седьмой чарки, когда составитель календарей уткнулся носом в миску с соевым соусом, церемониймейстер Оити вспомнил, что кому-то из пирующих надо отправляться в Киото. Отчего-то решили, что это именно Такамасу. Бедного составителя календарей погрузили в проходящую в нужном направлении повозку, заплатили вознице и растолковали ему, что избранница Такамасу живет за Восточным храмом.

И вот, вместо того чтобы пойти к возлюбленной, живущей в родном Эдо, несчастный отправился в Киото, где, разумеется, тоже был Восточный храм!

Очнулся Такамасу вроде бы в доме госпожи Хидаримару — те же циновки, та же ниша в стене, те же полки с изображениями Эбису и Дайкоку. Только женщина была другая — шея длинная, стройная, разрез глаз четкий, линия волос надо лбом естественна и красива, зубы не вычернены, как полагается замужней женщине. На ней три платья с короткими рукавами из двойного черного шелка с пурпурной

каймай по подолу, изнутри просвечивает вышитый золотом герб. Звать ее Идуми-сан. Увидел Такамасу красавицу — и сразу влюбился!

Ей, по всему видать, тоже понравился славный юноша, потому что она, схватив кисть и тушечницу, тут же начертала на своем левом рукаве стихотворение:

Хотелось бы мне,
Сидя у зеркала,
Увидеть, как в тумане,
Где закончится путь мой,
Затерявшийся в вечерней росе!

Трудно застать врасплах составителя календарей. Такамасу немедленно снял башмак, вытащил стельку из рисовой бумаги и сразу же сочинил «ответную песню»:

Хотелось бы мне
Спросить у ясеня
Или у старой сосны на горе,
Где живет та,
Которую назову единственной!

После этого, разумеется, другие объяснения в любви стали излишними.

Но не успели влюбленные, как говорится, и ног переплести, как входная дверь отъехала в сторону и на пороге появился суженый госпожи Идуми — прославленный самурай Ипорито-но-Сукэ. Увидев любимую в объятиях другого, он закрыл лицо рукавом, прошел в угол и, достав из футляра нож длиной в четыре сяку, сделал себе сеппуку. Кровь хлынула на белые циновки, и несчастному Такамасу не оставалось ничего другого, как вытащить из ножен катану и обезглавить благородного самурая, чтобы облегчить его страдания.

Идуми-сан при виде безголового тела вскрикнула, но сразу же взяла себя в руки, согрела сакэ, сменила икебану в нише, вытащила из околоченных рук мертвого Ипорито-но-Сукэ нож длиной в четыре сяку и последовала за ним, сохраняя верность данному некогда обещанию. Такамасу Хирамон, рыдая, снес голову и ей. Сам же он, сложив предварительно предсмертную танку, закатал кимоно и тоже вонзил смертоносное лезвие в живот.

Узнав об этом, в далеком Эдо его суженая, госпожа Хидаримару, совершила богатые приношения в храм Амадэрасу, раздала служанкам

свои праздничные одежды с широкими китайскими поясами на лимонного цвета подкладке, после чего велела позвать своего престарелого дядю, чтобы он помог и ей расстаться с опостылевшей жизнью.

Вскоре печальная весть дошла и до императорских покоев. Государь тут же переменял наряд, надел простой охотничий кафтан, трижды прочитал вслух стихотворение «Персик и слива молчат...», призвал к себе канцлера Фудзимори Каматари и через него даровал оставшимся трем участникам роковой попойки высокую честь добровольно расстаться с жизнью.

Оити Миноноскэ, Сумияма Синдзэн и Таканака Сэндзабуро, не дрогнув, выслушали повеление государя и на третий день весны, выпив двадцать семь раз по три чарки сакэ, выполнили его со всеми полагающимися подробностями.

Всех семерых похоронили на одном кладбище у подножия горы Муругаяма, где лепестки алой сливы каждый год осыпаются на гранитные плиты. С тех пор туда частенько приходят несчастные влюбленные пары, чтобы совершить ритуальное двойное самоубийство.

Вот какая была у Жихаря память — ни одного имени не переврал, ни одного цвета одежды не перепутал! Но деревянное лицо Проппа, как показалось богатырю, выразило вместо ожидаемого восторга некоторое недоумение и даже, можно сказать, ошарашенность, так что пришлось подняться и своей рукой угодливо почесать идолу в затылке.

— Раз так сказывали, — оправдался богатырь. — Это же сказка, потому что пил я ихнее сакэ — это просто крепкое рисовое пиво, а чарки у них не более бабьего наперстка. Напиться им до такой степени, чтобы в другой город поехать, никак не возможно. Особенно борцу сумо, я с ними силой тягался. Победил всех, понятное дело... Людей, конечно, жалко, да против обычаев не попрешь. Ладно, прощай, милостивец, мне на подвиги пора.

Услыхав впереди множественные людские голоса и хохот, Жихарь не стал сразу нарываться на подвиги, решил сперва поглядеть со стороны — что за люди, сколько их и чем занимаются.

Людей было десятка два, один конный, все при оружии, по доспехам — кривляне, которым на многоборской земле делать вроде бы нечего. Кривляне толпились возле дуба, на нижней ветви которого кто-то висел. И даже не кто-то, а соискатель княжниной руки, степной певец и воин Сочиньяй-багатур. И даже не висел еще, а стоял в седле своего мохнатого конька с удавкой на шее. Кривляне издавна принавыкли вешать попавшихся степняков таким способом.

Того, что сидел в седле и руководил всей затеей, Жихарь тоже узнал: бывший Жупелов дружинник по имени Долболюб. Будучи дружинным

отроком, богатырь немало претерпел от него издевательств и обид, сапоги ему чистил и коня обихаживал. Помогать взрослому дружиннику отрок обязан, никто не спорит, но Долболюб как-то особенно изощренно травил Жихаря, словно хотел, чтобы тот не выдержал и позорно бежал обратно в пастухи. Но в один прекрасный день Жихарь почувствовал, что настала его пора, и подал Долболюбам до блеска начищенные сапоги, предварительно в них помочившись как следует. Хохоту вышло много, и опозоренный воин кинулся бить дерзкого юнца. После того не мог подняться с земли и жалобно просил живота. От такого сраму пришлось самому Долболюбам покинуть Многоборье и пристроиться в убогое по тем временам кривлянское воинство. Там-то он, конечно, был всех сильнее: кривляне народ мелкий.

Сейчас же Долболюб, судя по золоченым наплечникам, дослужился до воеводского звания. От настоящего воеводы в нем только и водилось, что черная борода, заплетенная в мелкие косички. Косички торчали во все стороны, словно в подбородок Долболюбам вцепился редкостный зверь дикобраз.

Воевода качнул дикобразом, и один из пеших кривлян стегнул степного конька хворостиной. Жихарь растерялся, не сообразив пока, что делать, но умный и верный конек не тронулся с места. Другой доброхот потянул конька за уздцы...

— Эй, вы! — рявкнул Жихарь, и голос его легко перекрыл одобрителный галдеж палаческого отряда. — Кто велел чинить на Многоборье суд и расправу без княжеского дозволения? Здесь покамест не кривлянская земля!

Воевода повелительно двинул рукой, его приспешники замолкли и расступились.

— Была многоборская земля, да вся вышла! — сипло сказал Долболюб. — А вот кто это у нас такой горластый выискался? Покажись!

Жихарь степенно вышел на дорогу.

— Я — Джихар Многоборец, слабому защита, сильному беда! — объявил он и подбоченился.

Кривляне захохотали. Жихарь сообразил, что сейчас он такой — в паутинной кольчуге, с нелепой деревяшкой в руке — никак не похож на грозного витязя. Богатырь взмахнул мечом-разумником, надеясь, что Симулякр покажется в своем настоящем обличье. Но деревяшка вырвалась у него из руки, полетела вперед, сверкая багрецом на закатном солнце, перерезала веревку, свисавшую с дубовой ветки, поворотила назад, снова вернулась в хозяйскую десницу и только там из двойного метательного ножа стала прежней деревяшкой.

Сочиняй-багатур не растерялся, пал в седло, и конек, пришпоренный пятками, прыгнул через головы палачей и понес всадника по лесной дороге.

Долболюб ринулся было в погоню, но конь воеводы, узрев стоящего поперек дороги богатыря, захрапел и стал припадать на задние ноги. Воевода взмахнул плетью, хотел ожечь чужака. Навстречу плети полетела другая плеть, ремни переплелись, Жихарь несильно дернул свою на себя — и грозный Долболюб, как встарь, полетел на землю.

— Колдун, колдун! — зашумели кривляне. — Воевода, у нас такого уговору не было, чтобы с колдунами воевать! Сам воюй!

— У-у, хлебоясть! — погрозил своим воинам поднявшийся воевода. На Жихаря же он смотрел теперь с каким-то сладким почтением.

— Чего ты сразу гневаешься, добрый человек? — спросил он. — Мы степного грабителя поймали. Сам посуди — лъзя ли его не повесить? Мы вам же пользу делаем. Разве многоборцы его помилуют?

— Княжна решит, — высокомерно сказал Жихарь. — Убирайтесь с нашей земли.

Тут Долболюб кинул взгляд на деревянный Симулякр — и снова осмелел.

— Да кому нужна ваша земля? — спросил он. — Чего с нее взять? Разве что сопли твои?

— Для такого, как ты, и соплей жалко, — не сморгнул глазом Жихарь. — К тому же многоборцы кривлян всегда били, а наоборот никогда не было...

— Ха! — радостно вскричал Долболюб. — Ты, парнюга, видно, шатался где-то и ничего не знаешь? Да третьего дня ваш хваленый Невзор от наших героев еле ноги унес на Собачьей заставе! Первым коня заворотил! Да и на коне-то едва усидел! А я-то на него в свое время столько сил потратил, воинской службе обучаючи, да, видать, не в коня корм. Сглазили вашего Невзора, изурочили добрые люди!

Богатырь похолодел. Славу его кабатчик, конечно, присвоил, а личной доблести и силы он ему не закладывал. Теперь даже Долболюб — да что Долболюб! — всякий кривлянский отрок может запросто его одолеть. Пока слава держалась, враги не осмеливались переступить древние рубежи, а теперь край без защиты...

— Подумаешь, — сказал он. — Невзор, поди, все еще болен, с самой осени ведь пластом лежал...

Выходило, по Жихаревым словам, что сам он уже вполне согласился с наличием самозванца — вон, гляди, защищает его...

— Да и помимо Невзора есть кому оборонить Многоборье, — добавил он и вопросительно поглядел на Симулякр. Но Умный Меч

в спорах участвовать не пожелал и не перевоплотился ни во что грозное и неодолимое.

Потихоньку осмелели и прочие кривляне. Кто-то выкрикнул:

— Да что с ним толковать, со щербатым да бритоголовым! Он, поди, сам из Степи! Вот и повесить его вместо утеклца!

И стали кривляне мелкими шагами приближаться к своему предводителю. Мечи прятали за спинами. Двигались дугой, норвя обойти странного чужака.

И драться было не с руки — не для того его Беломор готовил, — и не драться нельзя: совсем обнаглеют и пойдут на Многоборье большой войной...

Тогда богатырь вытащил из-за пазухи платок, подаренный любимой княжной, развязал один из четырех узлов и...

...И чуть не полетел на землю — с такой силой хлынула из освобожденного угла озерная вода. Жихарь устоял, посильнее перехватил угол рукой, чтобы струя била дальше и сильнее.

Жихарь устоял, а воевода Долболюб как раз и грохнулся, подставив свой отряд под убойный поток. Богатырь водил струей туда-сюда, опрокидывая кривлян, забивая им глотки водой. Где-то под ногами возился поверженный воевода — на его панцире даже осталась заметная вмятина.

«Ты гляди, что творится! — восхищался Жихарь. — Какое я себе новое оружие добыл! Таким оружием хорошо бунты с мятежами разгонять — и крови не прольешь, и горячие головы охолонут!»

— Сейчас резать вас на мелкие части струей буду! — пообещал он противникам и сжал влажную ткань еще крепче.

Кривляне по собственным телам поняли, что враг не шутит, начали разбегаться, теряя последнюю честь и оружие. Самые догадливые сдвинули щиты на спину, чтобы не так больно было. Долболюб, словно каракатица морская, отползал грудью вверх. Хрипел только знакомые слова:

— Живота! Живота!

Богатырь напоследок стеганул его струей по причинному месту, потом отошел, разжал кулак и стал завязывать узел. Сам при этом облился с головы до подметок.

— Вот так-то! — сказал он. И, припомнив древнюю легенду, добавил: — В моем возрасте на границе по Рио-Гранде неприлично числить за собой одних мексиканцев!

Такие страшные слова окончательно добили кривлян с воеводой.

Грязь под ногами противно хлопала и чавкала. Богатырь отошел в сторонку и начал стягивать через голову паутинную кольчугу, чтобы

выжать ее досуха, поскольку мало радости будет ночью в мокрой одежде. Симулякр он положил на землю.

Дикий гортанный вопль раздался сзади, и почти такой же вопль откликнулся ему спереди. Богатырь поспешно натянул кольчугу назад, чтобы освободить голову.

Воевода Долболюб лежал в нескольких шагах от него, сжимая в руке толстое копьё с широким зазубренным лезвием. Из правой глазницы воеводы торчала стрела, а из леса выезжал на коне, издавая переливчатый боевой клич, Сочиняй-багатур.

— Совсем плохой, совсем глупый, — сказал степной витязь, остановив коня. — Спина повернулся, глаза тряпка закрыл — тебя нагайка учить надо, разве отец не учил?

— На то умные люди и созданы — нас, дураков, учить, — ответил наконец Жихарь.

— Твой куда идет? — спросил багатур. Большое круглое лицо его было все в синяках и шишках, узкие глаза совсем заплыли — как он только прицелиться сумел?

— В город Вавилон, — честно ответил Жихарь.

— Сам давно туда собиралась, — сказал певец. — Оба-двое пойдем?

— Нельзя, — вздохнул Жихарь. — Не велено мне туда спутников брать.

Он хотел добавить, что дело-то уж больно опасное, но вовремя спохватился, что такие слова могут только раззадорить настоящего воина — а Сочиняй оказался именно таковым. Другой бы на его месте давно бы уже от радости до Степи доскакал, а то и далее. Поэтому богатырь сказал:

— Направляюсь туда по обету, поклониться могучему царю Вавиле. Нельзя мне ни спутника завести, ни рожу умыть, ни мясного вкушать, пока не дойду. А идти-то мне полагается пешком! А через каждые сто шагов полагается мне вставать на колени и хвалу возносить ихнему халдейскому идолу триста тридцать три раза, ни единожды не сбившись. Надеюсь до седых волос добраться...

— Какой строгий обет! Шибко строгий! Только рожу не мыть легко, а без мяса совсем пропадай!

Степняк соскочил с коня, обшарил воеводу, вытащил кошель, кинжал, с сомнением поглядел на тяжелые латы, взвесил на руке не достигшее цели копьё. Монеты из кошеля поделил на две равные кучки. Потом так же деловито принялся развязывать брошенные кривлянами заспинные мешки.

— Еда много! Еда вкусно! — провозгласил он. — Иди сюда — пировать будем, брататься будем...

— Будем, — согласился Жихарь. — Лишний побратим еще никому не помешал.

Он тоже осмотрел содержимое вражеских мешков, натянул чужую сухую рубаху. Она оказалась длинная, до пят — тогда богатырь и штаны определил на просушку.

Потом он грыз у костра вяленую рыбу и проклинал себя за опрометчивые слова насчет мясного воздержания. Но не представлять же перед новоявленным побратимом как лжец и клятвопреступник!

— Мой, пожалуй, раньше твой Вавилон буду, — сказал, насытившись, Сочиняй-багатур. — Мой такой глупый обет не давал.

Не стал уж ему говорить Жихарь, что находится Вавилон далеко-далеко — и не столько по расстоянию, сколько по времени.

— Может, встретимся, — сказал он для утешения.

— Как не встретиться? Тому быть непременно, — заявил степняк и достал из засаленных кожаных штанов обломок кости. Обломок он протянул Жихарю.

— Это что такое? — удивился богатырь.

— Твой беда попади — твой свисток свисти — мой приходи, выручай делай! — сказал Сочиняй.

«Оттуда, пожалуй, досвистишься!» — подумал Жихарь, но дар с благодарностью принял, а в отдарок предложил Сочиняю свою долю военной добычи.

— Куда мне такую тяжесть нести! — пожаловался он.

За поздним ужином, затеплив огонь, разговорились по душам. Багатур объяснил, что задержался мало-мало, чтобы набрать подарков для многочисленных жен. Да и в кабаке он здорово поиздержался. Вот и пришлось проехаться по деревням, предлагая жителям защитить их от возможных разбойников. Жители в таких случаях дают защитнику много больше, чем могли бы получить грабители. Правда, потом они почему-то обижаются и назначают за голову отважного заступника хорошую награду. Тут Сочиняю пришла на ум лихая задумка:

— Твоя мой понарошку хватай, понарошку вяжи, тащи на суд. Мой шея аркан надевай, вешать хоти. Твой награда получай, нож кидай, веревка обрезай, вместе беги, деньги двое дели...

— Дело хорошее, — согласился Жихарь. — Крепко придумал. Было бы у меня досужее время, погуляли бы по окрестностям, только некогда...

Водилось у кривлян и хмельное. Сочиняй-багатур покраснелся, достал свой звонкий кельмандар, настроил... Жихарь тоже воспрял духом, и у костра чуть не до самого рассвета разливались по округе песни — то степные, а то лесные.

ГЛАВА 3

Жалобно зарюмил карла и, выходя из комнаты, сквозь слезы проклинал свое житье-бытье.

Иван Лажечников

Если бы люди только знали, какими простыми и доступными всякому способами можно разрешить самые трудные задачи! Многие бы тогда с досады, что сами не додумались, ручки бы на себя наложили. К примеру, золото можно добывать не из руды и песка, а из самого обыкновенного навоза — все равно чьего. Золото, конечно, получится не слишком крепкое и надежное, оно в конце концов снова обернется навозом, но за это время вполне можно убежать достаточно далеко.

Легко также человеку перекинуться в волка — воткнул нож в пенек, перекувырнулся через пенек три раза, и ты уже при зубищах и хвост поленом. Только ведь найдется нечестный человек, вытащит чужой нож из пенька, и будешь выть на луну до конца дней.

Нетрудно попасть и во Время Оно. Необходимо лишь отыскать Место Оно либо начертить таковое на ровной поверхности, лучше всего на каменных плитах. Надежнее, конечно, отыскать старое, проверенное Место, вырезанное в камне уверенной рукой опытного чернокнижника, потому что разноцветный мел, каким положено наносить линии, легко смывается дождями, и вернуться назад будет затруднительно.

Тайна чертежа хорошо известна детям, а взрослые вырастают и забывают забавы младенческих лет. Но и дети, к счастью, не знают тайны во всех подробностях и тонкостях, просто проводят на земле в пыли прямые линии, пересекают их другими чертами, завершают получившийся рисунок дугой и в дуге изображают солнышко. Только вот число лучей у этого солнышка должно быть не больше и не меньше, чем необходимо, иначе все дети уже поисчезали бы и род людской мог прекратиться. Кроме того, скакать через полученные ровные наделы нужно на одной ноге в строго определенном порядке, и настоящий порядок детям неведом, так что выходит просто игра.

Иногда, рассказывал Беломор, по чистой случайности и достаточно редко, озорникам и озорницам в особенности удастся начертить Место Оно без ошибок. И пропрыгать, тоже по случайности, могут так, как положено. Вот тогда-то дети и пропадают неведомо куда на веки вечные, а родители и соседи потом ловят по округе всяких бродяг, обвиняют их в пропаже и разрывают напополам, привязав за ноги к соседним березкам.

«Как просто! — удивлялся Жихарь, мотая головой. — Хорошо хоть, что тайна сия велика есть, иначе все люди, не только дети, сбежали бы от нынешней тяжелой жизни во Время Оно. Постоянно же говорят, что раньше и птицы пели звонче, и пшеничное зерно созревало в добрый кулак, и волк с ягненком на пару шатались по лесу, и вода была мокрее, и валенки теплее, и старики моложе... Хотя нет, старики так и так раньше были моложе...»

Связываться с цветными мелками и в особенности с дорожной пылью было рискованно, поэтому богатырь не пожалел еще трех дней на поиски старого, проверенного Места Оного.

Бутылки, оставшиеся от Семи Симеонов, Жихарь выгодно поменял в ближайшей корчме на еду, и вышло еды много. От вина же отказался вовсе — правда, скрипя зубами. Но ведь прыгать придется на одной ноге, и телу положено быть послушным.

Какое-то время он посидел в корчме за нечистым столом, прислушиваясь к тому, о чем толковали люди.

Люди толковали о том, что кривляне, наострившиеся в последнее время хозяйничать в порубежных местах, недавно бежали в свою землю, выкрикивая при этом страшные и невероятные вещи. Будто бы поймали кривляне степного грабителя и стали вешать, а степняк спустил кожаные штаны и неодолимой струей повалил всех на землю, а потом оттуда же вылетела стрела, пробившая голову воеводы Долболюба. Тело любимого воеводы верные воины не смогли доставить князю, потому что степное чудовище тут же надругалось над трупом, после

чего и сожрало его с косточками, так что и хоронить некого. А степняк пригрозил, что затопит всю округу.

«Нехорошо, — подумал Жихарь. — Новая слава меня, как погляжу, обходит».

Княжна Карина, продолжали рассказывать корчемные гости, разгневалась на своего жениха, прославленного Невзора, что в Многоборье творятся такие непотребства, и отложила назначенную было свадьбу до лучших времен — то есть до таких, когда все враги будут призваны к порядку, а чудовища посрамлены. Толковали и о странных привычках, появившихся у благородного Невзора. Прозвучало наконец и долгожданное для богатыря слово «подменный»...

«Народ не обманешь! — утешился Жихарь. — Народ, он такой — живо разберет, кто настоящий герой, а кто чужой славой воспользовался... Правда, не очень-то живо, но все-таки...»

Он загрустил, вспомнив княжну. Обычно-то ему хватало двух шагов в сторону, чтобы прочно забыть встреченную молодницу, а тут уже которую неделю точит и точит ум и сердце. Много чего доброго насоветовал ему старый неклюд Беломор, а вот от такой беды не предостерег — видно, по древности своей и за беду не посчитал...

Потом в корчму завалился бродячий сказитель Рапсодище, старый Жихарев знакомец и собутыльник. Рапсодище его, конечно, не узнал и стал предлагать за еду и выпивку потешить народ. Народ был прижимист и тешиться не хотел — небось, не праздник, а простой день, можно и без потехи.

— Глупые вы, — сказал Рапсодище, — я же вам про Дыр-Танана повествовать не собираюсь. Надоел уже. Разве вы не знаете, что у будетлянского князя Велимира на дворе копали новую выгребную яму и докопались до старых развалин, и было там множество преудивительных ветхих вещей и древних записей? Так что устареллы у меня нынче самые новые, новей не бывает!

Обычно люди привыкли слушать одни и те же рассказы по многу раз — менялись только сказители, каждый из которых старался изложить дело по-своему. Новые же являлись только изредка, оттого и были в большой цене. Собравшиеся и согласились охотно.

— Других сказителей, часом, нет среди вас? — Рапсодище обвел мутным глазом корчемных гостей и уставил палец прямо на Жихаря. — Вот ты, малый, часом не сказитель? Уж больно рожа плутоватая!

Жихарь встал и, запинаясь, начал мычать и блеять столь жалобно, что сразу стало ясно: такой не то что новеллу рассказать — с девкой-то объясниться сможет единственно на пальцах.

Успокоившись насчет возможных соперников, Рапсодище выпил две кружки кряду, заел капустой и перешел к делу. Оказывается, в яме найдены были многочисленные листы, написанные рукой одного из самых известных древних сказителей — Протокола. На этот раз Протокол подарил потомкам «Сказание о Ранее Судимом и Нигде Не Работающем».

Все зашумели, потому что про таких славных героев еще не слышали.

Рапсодище, видя душевное настроение, обнаглел и сказал, что на пустой желудок ему будет очень и очень тяжело. Доброхоты тут же оплатили добрый обед и терпеливо потом ждали, пока пузатый сказитель насытится. Не пропадать же деньгам! Сказаний было много, да все на один лад: сидели два друга-богатыря, Ранее Судимый да Нигде Не Работающий, за богатым пиром, и вышел промеж них спор, богатырская разборочка. Хватил Ранее Судимый друга своего вострым булатным ножом, а наутро ничегошеньки не помнил. Потасили к судье победителя, там ему и срок поют.

Менялись только места действия, само же оно повторялось с непонятной, пугающей силой. В некоторых сказаниях, впрочем, одолевал Нигде Не Работающий. Иногда причиной ссоры являлась красная девка по имени Сожительница Последнего, чаще же всего оставалось непонятным, чего эти придурки не поделили.

Когда из беззубого рта Рапсодища полилось девяносто седьмое сказание, некоторые сообразили, что дело нечисто. Сытого и пьяного сказителя стали сперва поколачивать, а потом и откровенно лупцевать. Кое-кто, наоборот, за него начал заступаться...

Жихарь скромно таился в самом углу корчмы и, наевшись как следует, не стал никого задирать и встревать в чужие беседы. К счастью, и его никто не задирали — кому нужен бродяга с безобразной деревяшкой за поясом, у которого даже медных денег нет, чтобы расплатиться. Витязи ведь бутылки не сдают!

Он встал, вежливо и по-тихому поблагодарил корчмаря и вышел вон. Никто из оставшихся в драке ему даже не посмотрел вслед, а если бы посмотрел, то непременно заорал бы: «Эй, парнище, ты в которую сторону наладился? Туда ведь нельзя!»

Туда, куда направился Жихарь, свернув с большака, и вправду было нельзя. Ни один житель Многоборья, ни один кривлянин, будь он в здравом уме либо расточив оный, никогда и ни за какие посулы не пошел бы в сторону Семивражья — местности сильно пересеченной и пользующейся черной да худой известностью. Была, правда, от Семивражья и некоторая польза, поскольку располагалось оно как раз на

границе многоборских и кривлянских земель и охраняло оба княжества друг от друга лучше всякой богатырской заставы.

Оттого на этом направлении застав и не держали. И даже троп туда не торили.

Когда-то туда вела дорога, и не простая, а мощеная, каких в здешних краях не устраивали вовсе. Но все булыжники уже давно повыворотили и растащили — понятно, там, куда осмеливались зайти. А сквозь оставшиеся проросла трава и даже небольшие деревья.

Когда-то через все семь оврагов перекинута были семь мостов, и не висячих да болтающихся, а на высоких опорах, вкопанных глубоко в землю, так что никакое половодье не могло их поколебать. Самые смелые или невежественные, бывало, доходили до первого моста и поворачивали обратно: какая-то сила перебила опоры, перекрутила прочный деревянный настил, рассыпала и каменную подушку у ближнего края. Что делалось на дальнем краю, было уже не видно из-за густых ветвей. Некоторые пытались перебраться через овраг просто по низу, но никто из этих пытал назад уж больше не возвращался.

О таких гиблых местах слагают обычно разные сказания: бился, мол, там Ваня Золотарев с зубастой Энтропией, вот он ее и вбивал семикратно в сырую землю, а следы остались навечно; или, мол, стоял там дворец о семи островерхих башнях, а в каждой башне царил свой владыка с войском и обслугой, да чего-то они между собой не поделили, пожелали друг дружке провалиться, а пожелания взяли да в одночасье сбылись; но нет — не сложили про Семивражье таких сказаний почему-то, ничем не объяснили для себя люди его появления на свет, и от этого молчания было еще страшнее.

И в Многоборье, и в Кривлянии на земных чертежах это место никак не было обозначено. А возможно, и было, только потом сведущие люди соскребли его с пергаментов, чтобы никому не вздумалось туда прогуляться.

...Вскоре и трава перестала путаться под ногами, и деревья как-то начали меняться. Жихарь шел не глядя по сторонам и не оглядываясь — ему показалось, что кто-то движется следом. Ну не то чтобы движется, а высматривает, вытрапливает, выслеживает. Но то мог быть здесь и не зверь, и не человек. Высматривать могло само место.

Наверное, сверху Семивражье могло показаться обычным лесом — правда, несколько угрюмым. Теперь же богатырь увидел и понял, чем оно от остальных было наотлику. Увидел и ужаснулся, только отступить уже не стал: и стыдно, и поздно.

Вместо травы под сапогами бесшумно вминался мох — не веселый, зеленый, и не суровый, седой. Бурый мох, а на кончиках красный...

Такой же мох покрывал стволы и ветви деревьев, на которых листьев уже давным-давно не было. Всякий звук в этом мохе увязал, и тишина стояла такая, что мнилось: заголоси сейчас даже знакомая лесная птица кукша — и сердце от внезапности разорвется.

Знать Жихарь не знал, а чують чуюл: если на этой мягкой постели уснуть, то никогда уже не пробудишься; мало того, не найдут даже костей. Если тронуть дерево незащищенной рукой, то тут возле него и останешься с теми же последствиями. Да еще от моха шел какой-то дурманящий смород, то ли мерзкий, то ли приятный.

А спина все ощущала чей-то взгляд.

Дойдя до первого оврага, богатырь остановился. Здесь ему ничем не могли помочь уроки Беломора. Дырявая голова у старика совсем стала!

Он вытащил из-за пояса Симулякр и воззрился на Умный Меч с надеждой.

— Ну, видишь, глупый я, глупый. Тебе за двоих, значит, думать придется.

Симулякр дрогнул в руке и стал быстро-быстро вытягиваться в одну сторону.

— Ага! — понял Жихарь. — Ну ты умница!

Умный Меч вытягивался да вытягивался, не теряя в толщине и не прибавляя в весе. Не диво перекинуть через овраг длинномерную лесину, диво ее в руках удержать...

Вот дальний конец Симулякра достиг другого края и сам собой там как-то закрепился. Жихарь положил Симулякр на мох, и Умный Меч словно там корни пустил, не деревянные, но стальные.

Лазить по веревке либо лесине умеет любой мальчишка, не говоря о дружиннике. Если ты мал весом — перебирайся на одних руках, а коли грузен — помогай и ногами.

Жихарь лез-лез и не утерпел — глянул вниз. Увидел там такое, отчего вся недавняя корчемная пища тут же изверглась и полетела на дно оврага, где ее, конечно, ждали. Чуть не сорвался богатырь — так его крепко выполоскало.

Больше он своему любопытству воли не давал, добрался до противоположного края, перебросил ноги на мох, стараясь не коснуться его руками. Удалось кое-как подняться.

— Всякое видел, — сказал он сам себе. — Даже игошей, кикиморивых младенцев, наблюдал — но чтобы такая пакость!

Оврагов, на счастье, оказалось не семь, а всего три. То есть было их все-таки семь, но следующие четыре располагались уже на кривлянской стороне. Промеж ними и поместили Место Оно.

В другое, досужее время Жихарь не удержался бы полазить по развалинам, пошарить в подземельях, как следует разглядеть выбитые в камне рисунки и руны, но сейчас ему хотелось убраться отсюда — то есть попасть во Время Оно.

Он быстро нашел рисунок на плитах, заострившимся концом Симулякра прочистил впадины в камне. Вокруг плит и между ними росли различные непростые травы — не так много, как на Разнозельной Делянке, но все-таки. Была травка с ласковым названием «бараньи медушки», но она пока Жихарю без всякой надобности, и нужда возникнет лишь лет через сорок — если до этого времени дожить. Качала длинными листьями закалым-трава — испив отвара из нее, человек попадал куда-нибудь налево, где мог заработать хорошие деньги.

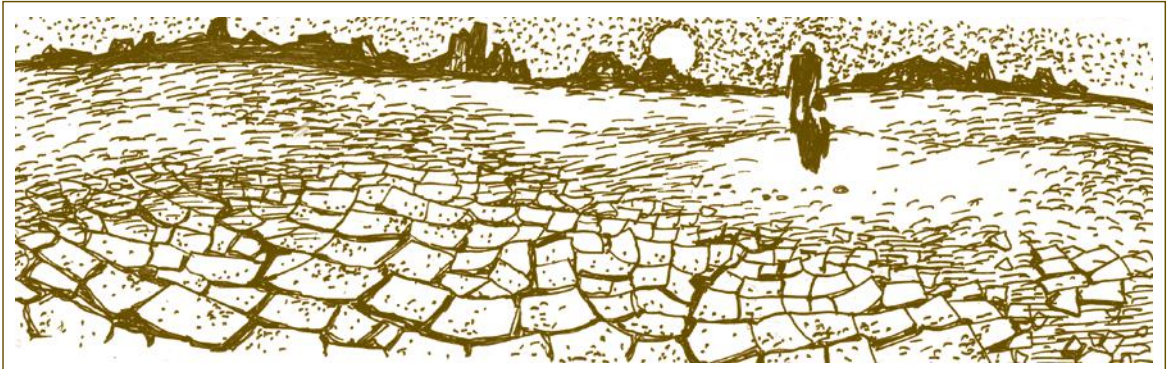
Много чего росло полезного, да недосуг было со всем этим возить-ся, хотя впоследствии, несомненно, придется раскаяться...

Он сразу не полез в рисунок: сперва поучился в сторонке, повторяя про себя заветные слова и сопрягая их с прыжками вперед, назад и вбок. Все это повторил он раз десять и только тогда ступил на камень. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Последние слова заклинания:

И с разбегу, и на месте,
И двумя ногами вместе!

После этого закрыл глаза и без страха полетел туда, куда потащило.

ГЛАВА 4

В Куянском уезде Харьковской губернии в 1872 году пронесся слух, что один крестьянин встретил Пятницу, за которую гнался черный черт, — и теперь все крестьяне празднуют этот день как воскресенье.

«Сибирские ведомости»

...Если долго идет дождь — долго-долго, так, что становится невтерпех и дороги обращаются в грязевые реки, а тропки в лесу соответственно в грязевые ручьи, когда всякая колдобина или ямка предстает небольшим прудом или даже озерцом, когда земледelec, поначалу радовавшийся дармовой воде, начинает злиться и покрикивать ни за что на скотину и домочадцев, есть верный способ прекратить потоки и заткнуть хляби небесные.

Для этого надо выбрать всем миром молодца посмелее и послать его в лес, предварительно обув его в самые лучшие и прочные сапоги во всей деревне, надежно смазанные от сырости салом и дегтем. Кроме того, ему надо отдать, не пожалеть лопату — пусть даже лопата новая, из дорогого железа. Деревянная тут не подойдет. Молодец, если он не полный дурак, пошарится-пошарится по лесу да и выбредет в конце концов к избушке Бабы-яги, поедучей ведьмы. Не той, которую в своем

трудном детстве зажарил вместо себя маленький Жихарка (или, как теперь говорят в Многоборье, маленький Невзорушка), а другой — сестрицы ее или какой иной родственницы.

Если поедучая ведьма по случаю дождя отсиживается в избе и ждет погоды, тогда худо. Тогда молодцу волей-неволей придется вступить с ней в смертный бой ради жизни на земле, и неизвестно, чем этот бой закончится, потому что молодцу на грязи да мокрой траве скользко, а Баба-яга может свободно летать вокруг него в ступе и лупить пестом по башке, по плечам, по всему, куда попадет.

Если же окаянная старушка окажется в отлучке, облетая окрестности или гостя у кикиморы, или молодец все-таки сумеет сбить на лету ступу и успокоить ведьму черенком лопаты — тогда все в порядке. Тогда достаточно забросить лопату на крышу избушки — и дождь надолго прекратится.

...В здешних краях на крыше бабы-ягиной избушки лежала, должно быть, не одна лопата, а десятка два. Если не сотня. Потому что дождя тут, судя по всему, не было никогда. И быть не могло.

А ежели какая влага и капала часом с неба, так испарялась, не успев долететь до раскаленной поверхности.

— Предупреждать надо! — завыл богатырь, увидев, где очутился.

Крутом, сколько глаз достигал, простирался беловатый мелкий песок.

Над песком гулял ветер. Из-за этого песок воображал себя морем: покрывался где мелкой рябью, где покрупнее, а где громоздил высокие валы.

Жихарь вздохнул, присел, достал из-за пояса Симулякр. Тот упал на песок, покрутился, указал направление, после чего превратился в зонтик наподобие того, что носил с собой славный побратим, бедный монах по имени Лю Седьмой.

Надо было спасибо сказать и на этом, потому что солнце здесь было раза в два крупнее, чем над Многоборьем, и жарило раза в четыре сильнее.

Делать нечего — пришлось брести.

Можно было считать шаги, можно было петь во все горло песни, покуда глотка не пересохнет, можно было рассказывать себе самому новеллы и устареллы.

Ничего этого делать не хотелось, поскольку Жихарь мгновенно и неожиданно устал. Сразу захотелось пить, благо воды было в избытке, но он знал, что в походе нужно терпеть до последнего, хотя раньше в пустыне ему хаживать не приходилось. Вот в безводной степи окататься привелось. Вряд ли тут большая разница.

Потом, когда солнце окончательно залютовало, он вспомнил, что знающие люди советуют в песках идти по ночам, а днем надо отсыпаться, зарывшись в песок. Увы, в этом песке было впору яйца запекать, но не собственные же!

Ветер заносил песчинки под одежду, в сапоги, каждая складка сразу превратилась в лезвие, уязвляющее тело. Хорошо хоть на любом привале есть возможность облить себя озерной водой.

Он прошагал остаток дня, никого вокруг себя не видя и слыша только свист ветра. Дорог в пустыне не водится, есть, как и в степи, должно быть, караванные тропы, идущие от колодца к колодцу, но они видимы и ведомы только тем, кто здешние края знает столь же хорошо, как Жихарь многоборские леса.

Может, и водится тут какой хозяин — Пустынник или Песчаник. Любопытно, как он выглядит? Такой же, наверное, белесый, как песок, высохший, злобный, как здешнее солнце. С таким не договоришься по-хорошему. Разве что в кости с ним сыграть на песок и весь его выиграть?

Жихарь достал из мешка сухарь, размочил его водой, нацедив из уголка дареного платка, и сжевал. На зубах скрипело и хрустело.

Ночь пала сразу, и стало неожиданно холодно. Тут и в горячий песок самое время спрятаться...

Спал богатырь плохо и вполглаза, хоть и знал, что вместе со сном теряет силы.

«И чего я степняка не прихватил? — сокрушался он. — Мало ли что Беломор положил запрет! На запрет ведь тоже можно кое-что положить, после чего он станет недействителен. Сочиняй пел бы свои бесконечные песни, я бы его всяко подначивал. Он бы высмеивал наши обычаи, я — ихние, и дорога показалась бы вполровину. Да и ночь можно было бы поделить, чтобы один сторожил на всякий случай...»

Сторожить было не от кого. Правда, утром Жихарь обнаружил на груди пару скорпионов и небольшую змейку, но он хорошо понимал живую тварь и знал, что забрались они туда вовсе не с целью напугать или укусить, а просто захотелось зверюшкам погреться. Если бы змейка была побольше, он бы ее съел — дружинник в походе должен есть все, что шевелится, если другой пищи нет. Съеденной при этом обижаться не полагалось: чай, видела, куда лезла.

К утру вернулось и чувство, что кто-то за ним смотрит, кто-то за ним идет. Богатырь долго озирает оком из-под ладони, но на рубеже неба и песка воздух дрожал и зыбился, то ли есть кто там, то ли нету никого — неведомо.

Все-таки старик знал, куда собирал богатыря: тонким полоскам вяленого мяса ничего не делалось и при такой жаре, а соли Беломор положил целый березовый туесок.

«Сам бы я не догадался», — сказал себе Жихарь, хоть и знал, что соль из тела выходит вместе с потом и человек от этого в конце концов умирает. Кровь-то ведь соленая, а тут она становится жидкая и ни на что не годная. Вот и надо ее подсаливать из запасов.

Наконец впереди что-то показалось. Дерево какое-то, потом второе, потом крепостная стена с башнями по углам... Возле ворот толпятся люди, верблюды и овцы, стражники поблескивают доспехами...

— Вот и Вавилон, — сказал богатырь. — А я-то думал...

Он взял зонтик-Симулякр и положил на песок. Меч-разумник сложился в прежнюю палку, покрутился — и показал совсем в другую сторону.

— Не Вавилон, — сказал богатырь. — А я-то думал... Но дойти все-таки надо: верблюда, скажем, того... прикупить...

И пошел, невзирая на то, что Симулякр, обернувшись посохом, стал пугаться под ногами и всячески мешать.

— Такого уговору не было, чтобы пешком мучиться! — сказал Жихарь. — Вот добуду верблюда, тогда и пойдем в необходимую сторону.

...Город пропал в ту самую минуту, когда, казалось бы, должно было послышаться овечье блеяние и стражничья матерщина.

Про пустынные мороки богатырь слышал, но сам никогда не видел, оттого и поверил. Всякое чудится путнику в песках. Может он увидеть даже море с большими кораблями под высокими мачтами, может узреть древний храм с позолоченными куполами, даже родную деревню, случается, люди видят — да только потом грызут с досады песок.

Настоящий морок — это не какие-нибудь Мнимые Понарошки, которыми Жихарь пугал своего побратима Яр-Тура в предыдущем походе.

В последующие дни мороки привязались к богатырю, как к родному человеку, и не оставляли его надолго.

Сперва он увидел, что из песка торчит человеческая голова — бритая, смуглая и мычащая какую-то песню.

— Здорово, — сказал Жихарь. — Надолго обосновался?

Вместо ответа голова стала пухнуть, пухнуть, стала в три человеческих роста величиной, обросла густой бородою и увенчалась нарядным дорогим шлемом.

Голова сделала губы дудкой и принялась с огромной силой дуть в сторону богатыря.

— Заткни пасть, Мироедина! — рывкнул богатырь, с трудом удерживаясь на ногах. — Сейчас в ухо заеду!

Голова испугалась, послушалась, как бы покрылась инеем и льдом, потом еще шире разинула пасть. Из пасти по ледяному языку поехали хохочущие ребятишки. Несмотря на жару, одеты они были по-зимнему. Доезжали до песка и пропадали.

— Привидится же такое! — сказал Жихарь, хотя все еще было впереди.

И точно — впереди кто-то двигался.

Богатырь прищурился, напрягая правый глаз, и узнал зверя камелеопарда, сиречь жирафа. Такого он видел в зверинце при дворе то ли Нахир-шаха, то ли Елдым-хана. Только там жираф мирно пасся на лужайке, объедая с деревьев самые верхние листья, а тут бежал рысцой и при этом горел — с длинной пятнистой шеи срывались языки пламени.

Следом за жирафом шел мужик, долговязый и с круглыми от удивления глазами. Усы у мужика загибались вверх красивыми колечками. Впереди себя мужик вел на цепочке громадного морского рака.

Богатырь давно мечтал завести у себя на лице подобные усы, поэтому он побежал к мужику за советом. Но мужик давать совета не стал и сгинул вместе с жирафом и раком.

Потом еще много кто попадался Жихарю на пути. Не все мороки пропадали сразу — иного можно было даже тряхнуть за грудки, но толку от этого все равно не было.

Встречались в песках и кости — совсем настоящие. Много тут народу загинуло и скотины загубило.

Возле высохшего колодца богатырь чуть не споткнулся о ящик. Ящик был глухой, с редкими дырочками. В ящике кто-то жалобно блеял.

— Барашек! — умилился Жихарь и хотел было освободить пленника, но ящик тоже оказался мороком.

Чтобы окончательно не спятить от бешеного солнца, богатырь стал вспоминать наставления Беломора.

Во Времени Оном, учил старик, может быть всякое. Там и время идет по-другому, год за три. И обычному человеку задерживаться здесь никак не надо. И называть себя следует чужим именем. А вот проявлять себя как раз ничем не следует — прославишься каким-нибудь подвигом, вот Время Оно тебя к себе и прикует навечно, станешь древним героем и домой никогда уже не воротишься.

«Как же мне тогда, дедушка, Вавилонскую башню-то порушить? — спрашивал Жихарь. — Это ведь, сам понимаешь, подвиг, а не что-нибудь там!»

«Не знаю, — честно признавался Беломор. — Постарайся как-нибудь незаметно это сделать. Чтобы она сама, к примеру, рухнула...»

Но до Вавилона еще следовало добраться.

Незримый преследователь тоже не уставал, хотя явно и не показывался.

В какой-то миг среди прочих призрачных видений Жихарь узрел и родной Столенград во всех подробностях. Княжна Карина стояла на крепостной стене и командовала дружиной, отбивавшей натиск кривлян. Кривляне на стену лезли неохотно. Богатырь Невзор почему-то был не в первых рядах защитников, а сидел у себя же в кабаке и за свой же счет угощался!

Припасы в мешке подошли к концу. Пустыне же никакого конца не было. Может, его не будет и до края света...

Неделю Жихарь шел или три — он сам не знал и не считал. И когда в очередную ночь увидел вдалеке огонь, то по привычке принял его за морок и только потом сообразил, что ночью мороки не ходят.

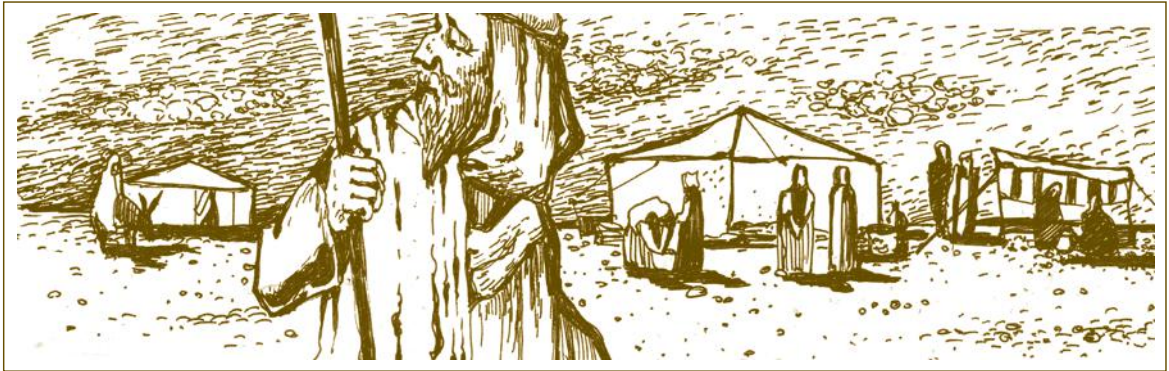
Значит, огонь настоящий и разожгли его люди. Богатырь встал, напился воды и стал потихоньку подбираться к далекому огоньку.

Пустыня и вправду кончилась. Полный месяц осветил высохшее русло реки. Даже кусты кое-какие торчали по берегам. И высохло русло сравнительно недавно, почва была еще влажной.

До костра было рукой подать.

«Не перепугать бы людей сдуру», — подумал богатырь, но тут его кто-то крепко обхватил сзади за плечи.

ГЛАВА 5

Дом — не тележка у дядюшки Якова!

Николай Некрасов

Всякий дружинник знает, что состязаться в борьбе лучше всего со своим же братом-дружинником. Сегодня твоя возьмет, завтра — его, и никому не обидно.

А вот связываться с кузнецом, к примеру, уже куда накладнее, потому что сила бывает разная. И та, что нажита в непрерывных воинских упражнениях и укреплена в многочисленных походах, может уступить той, которая накопилась у наковальни. Можно, конечно, одолеть и кузнеца, если помнить, что у него левая рука куда слабее правой. Вот под нее и следует работать.

Хуже всего обстоит дело с землепашцами, поскольку их сила исходит непосредственно из матушки сырой земли. Лядаший на вид мужичонка, бывало, повергал на землю опытных бойцов, поэтому лучше сделать вид, что невместно дружиннику бороться с мужиком, — тогда хоть не опозоришься. Не всегда поможет против силы бойцовская хватка.

...Сила, с которой столкнулся Жихарь на долгожданном краю пустыни, была как раз такая — мужицкая, земляная, цепкая, хватистая, неистощимая. Еле видимый в тусклом свете тонкого месяца противник сопел, приговаривал что-то непонятное, силился повалить богатыря на песок.

Поначалу-то, захваченный сзади, Жихарь собирался перекинуть напавшего вперед и грохнуть оземь — пусть-де его собственным весом пристукнет. Не вышло. Вот они и топтались туда-сюда, ломая друг другу плечи.

— Чего тебе надо-то, человече? — время от времени спрашивал богатырь, но противник, видно, не понимал его и все бормотал по-своему.

«Если до зари с ним не управлюсь — задавит он меня», — решил Жихарь, собрал все как есть силы, извернулся, ухватил противоборца за мощную ляжку и дернул изо всех сил. В дружине этот прием назывался «орчевание дубовное».

Противник рухнул наземь, увлекая за собой богатыря. Они катались по песку, и незнакомец все что-то говорил, говорил, покуда богатырь не начал кое-что понимать. Это был язык царя Соломона.

— Не отпущу, покуда не благословишь! — вот что толковал незнакомец всю ноченьку.

— Будь ты неладен, блин поминальный! — воскликнул Жихарь. — Так бы сразу и сказал — благослови! Благословляю!

С этими словами облегчения он заехал незнакомцу в ухо. Тот разжал смертельные объятия, откатился в сторону и встал на колени.

— И весь мой дом благослови, господин!

— Благословляю, — согласился Жихарь. — Жалко, что ли?

— Наречешь ли меня не Иаковом, но Израилем?

— Сколько угодно, — сказал Жихарь. — Только зачем драться-то?

— Буду ли побеждать человеков? — не унимался борец.

— Будешь, — вздохнул Жихарь. — Тебя еще малость поднатаскать — равного в мире не сыщешь, хоть по ярмаркам бороться води. Ты с ума сошел, Яков, или как тебя там? Ведь я тебе, дураку, ногу мог из сустава напрочь выдрать — ты хоть это понимаешь?

— Скажи мне, кто ты, господин?

— Сперва давит, потом имя спрашивает, — проворчал Жихарь. Тут он вспомнил, что имени здесь называть не следует.

— Я... — сказал он, — ну... словом, кто есть, тот и есть. Тебе не надо знать.

— Я понял, господин! — в великой радости воскликнул Иаков-Израиль. — Ты — Сущий еси?

— Аз есмь маленько! — важно подтвердил богатырь. — Я не только сущий, правда, я еще и едящий, и пьющий — если поднесут в меру.

Светает в пустыне быстро, и теперь Жихарь смог как следует разглядеть ночного супостата.

Супостат был много постарше богатыря, в его красивой черной бороде густо переливалась седина. И в плечах он был пошире, и ростом повыше — как только Жихарь с ним управился?

Он помог Иакову встать. Тот, прихрамывая, сделал несколько шагов.

— Эх, дядя, дядя, — укоризненно сказал богатырь. — Покалечил я тебе ножку-то. А вольно ж тебе задирать кого ни попадя! И ведь не юнец, поди, семья, небось, есть?

Семья у Иакова оказалась такая, что Жихарь присвистнул. Человек сто, не меньше, мужчин, женщин и детей повывлазило из драных шатров, раскинутых вокруг костра. Это не считая многочисленных овец и верблюдов. Верблюды ревели, женщины тоже. Видимо, не чаяли больше увидеть Иакова живым.

— Крепко живешь, — только и сказал Жихарь. — А кто над тобой княжит, кто защищает, кому дань платишь?

— Никто надо мной не князь, — гордо сказал Иаков. — А защита моя — Господь мой!

С этими словами он распластался перед Жихарем. Богатырь смутно почувствовал, что его тут принимают за кого-то другого. Ну да это неплохо.

— Простри руку свою над домом моим! — потребовал Иаков.

— Чего с рукой сделать? — не понял богатырь.

Иаков досадливо крикнул, встал и показал бестолковому гостю, как надлежит простирать руку.

— Благослови... — снова заныл он.

Жихарь понял — пока тут всех как следует не благословишь, жрать не дадут, поэтому он безропотно вытянул вперед обе руки и терпеливо ждал, пока Иаков подведет под Жихарево благословение весь свой многочисленный род.

— Се — старшая моя жена Лия...

Лия была такая страшная, что богатырь расхотел жениться когда-нибудь вовсе, даже на княжне Карине.

— Се сыновья от нее — Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон...

— Здоровенные у тебя сыновья, — сказал Жихарь. — Они и без благословения, небось, голодными спать не лягут — из зубов у кого-нибудь выхватят.

— Се — любимая моя жена Рахиль...

Рахиль несколько примирила богатыря с женским родом и очень выразительно глянула из-под платка.

— Иосиф и Вениамин, Дан и Неффалим, Гад и Асир... Ну, последние четверо, правда, от рабынь.

Жихарь рабства не любил и нахмурился.

— Ну, это у меня не совсем рабы и рабыни, не как у фараона. Просто прибьется человек к моему дому — как откажешь? И равных прав с домочадцами ему тоже не полагается...

Иаков долго водил гостя вдоль шатров, потом среди стада. Наконец был благословлен последний осел. Только тогда патриарх повел богатыря в свой шатер, где на ковре уже дымились многочисленные блюда.

Жихарь ел, ел, ел, пока не уснул тут же, на ковре. Как с него снимали сапоги и укладывали — он уже не слышал.

Во сне ему привиделась лестница от земли до неба, и не какая-нибудь там приставная, нет — основательные каменные ступени. По лестнице, вздыхая и вытирая мокрый лоб, поднимался Иаков. А сам Жихарь стоял наверху и обещал гостеприимному хозяину с три короба — и того, и сего, и пятого, и десятого. Обещал силу, могущество, долголетие, удачу... Во сне, известное дело, язык без костей, и за подобные обещания человек отвечать ну никак не может. Иаков же всему верил и кланялся болтуну на каждой ступени.

«Хватит врать человеку», — подумал Жихарь и проснулся.

Все семейство Иаковлево сидело у входа в шатер и молча, с великим почтением наблюдало, как богатырь открывает глаза, как потягивается с хрустом...

Жихарю сделалось неловко — особенно после того, как потянула его природа куда-нибудь в сторону, в кустики...

— Э! — хлопнул он себя по лбу. — Да ведь у меня еще собаки не благословлены!

Он вскочил, промчался мимо, на ходу желая всем доброго утрачка, — и напрямик бросился в кусты, где, по его мнению, и находились неблагословенные собаки.

Потом ему поднесли умыться — две пригоршни воды в глиняной миске.

— Ручей пересох, — объяснил Иаков. — Теперь придется сняться и следовать дальше, искать воду...

— Не придется, — объявил Жихарь. Ему и в самом деле хотелось еще денек поваляться на коврах под опахалами, отдохнуть и отъестся как следует. — Я мастер воду добывать...

Он снял с шеи наговоренный платок, наполнил огражденное камнями малое озерцо источника, потом велел подходить с бурдюками и кувшинами.

— Если бы у меня был такой платок, — вздохнул Иаков, — я бы сидел себе спокойно на верблюжьей дороге и собирал серебряные сикли...

— Я бы тоже сидел, — заверил его Жихарь. — Да времени нету. Нужно мне поспешать в город Вавилон...

— Ой-ой, — сказал Иаков. — Лучше бы тебе, господин, обойти тот город стороной: нечестивы жрецы вавилонские и гордыни преисполнены. Всякого путника хватает конная стража, ставит ему рабское клеймо и отправляет строить дерзновенную башню. Построим, говорят, башню от земли до неба и сделаемся как боги... Еле ноги унесли мы из того Вавилона.

— Я им настрою, — пообещал Жихарь. — Век моей работы не забудут...

— А все же обойди его, и благо тебе будет, и долголетен будешь...

— Не могу, — сказал Жихарь. — Пославший меня видит дальше меня. Кроме того, и слово богатырское дадено...

Тем временем в жертву гостеприимству Иаковлеву принесли еще двух баранов. Жены и рабыни хозяина ухитрились из одного и того же мяса приготовить два десятка не похожих друг на друга блюд. Были еще незнакомые сладкие плоды и напиток сикера, мерзкий как по названию, так и по вкусу. Больше всего он напоминал прокисшее пиво, но в голову ударял надлежащим порядком.

Дождавшись, покуда гость насытится, Иаков начал рассказывать свою печальную историю о том, как некогда встретил у колодца маленькую Рахиль и сразу влюбился в нее, и нанялся к отцу Рахили, хитроумному своему дядюшке Лавану в работники, и волохал, как на каторге фараоной, семь годочков, после чего ему привели страшноватую Лию и не велели жаловаться, поскольку старшую сестру выдают замуж вперед младшей.

Жихарь сочувственно кивал. Он сам-то в батраках вроде и недолго проходил, а показалось за десятилетие.

Следующие семь лет бедолага Иаков отработывал уже непосредственно за Рахиль, но подлецу дядюшке и этого показалось мало и работника терять не хотелось. К четырнадцати годам трудов праведных прибавились еще шесть — уже за приданое. Потом могучее терпение Иакова иссякло, и он бежал с женами, с добром и домашними богами...

— Правильно сделал, — сказал Жихарь. — Зря только двадцать лет ждал. Я бы сразу девку в охапку — и ходу...

— Так для чего же ты, господин, тогда мне этого не сказал? — простонал Иаков. — Сделал бы мне откровение во сне...

Не стал уж богатырь говорить вечному трудяге, что двадцать лет назад ходил под стол пешком и никому ничего доброго посоветовать не мог. Но всю эту историю он уже когда-то слышал...

Точно: во время гостевания у племени адамычей царь Соломон излагал свое бесконечное родословие, и в предках у него как раз этот самый Иаков и значился... И не одни труды за ним числились, были и неблагоприятные, даже по Жихареву нестрогому разумению, поступки...

— Какое тебе откровение, дядя, — сказал Жихарь, — когда ты родного брата обманул, дурниной его воспользовавшись? За чечевицу первородство купил? Эх, был бы у меня родной братец — я бы его почитал, берег от беды...

Иаков поперхнулся сладким плодом и, кашляя, повалился на колени.

— И батюшку слепошарого обманул, — продолжал богатырь свои обличения: приятно ведь и лестно молодому парню поучать и стыдить матерого мужика. — Вытянул из старика братнино благословение... Вот хлюзда на правду и вывела, нашелся и на тебя хитромудрый Даван...

— Все так, господин, истину вещаешь, — бормотал Иаков, не поднимая головы от стыда.

— Ладно, — заключил Жихарь. — Дело прошлое. Грех да беда на кого не живет...

— Один ты без греха! — возрыдал Иаков.

— Один я, — охотно согласился богатырь. — Разве что когда выпить лишнего могу, а так — ни-ни...

Бедный Иаков в своем раскаянии дошел до того, что полез в самый дальний сундук и достал оттуда запечатанный глиняный сосуд, в котором плескалась не поганая сикера, а настоящее крепкое и душистое вино.

— Тако праведные поступают! — похвалил его Жихарь. — За это сделаю тебе некоторое пророчество: будет у тебя в потомках могучий и премудрый царь. Правда, тоже хитрован добрый...

Жихарь вспомнил, как они с Яр-Туром, состязаясь в силе, таскали на плечах царя Соломона туда-сюда по дороге, и захохотал.

— Строг ты, господин, но и милостив, — заметил Иаков.

— Я отходчивый, — сказал богатырь. — А теперь растолкуй-ка мне, дядя, как добраться до Вавилона побыстрее?

— А разве тебе неведомы все пути земные? — удивился Иаков.

Жихарь чуть не пронес чарку мимо рта.

— Мне-то ведомы, — сказал он наконец. — Это я тебя испытываю — неужели не понимаешь?

Иаков, наморщив лоб, начал на песке рисовать палочкой дорогу в Вавилон, но только сам запутался и Жихаря запутал — видно, во Времени Оном люди еще не научились толком создавать чертежи земные.

— Дам тебе проводника, — решил Иаков.

— Племя твоё невелико, — сказал Жихарь, надеясь на указательные свойства Симулякра. — Каждый человек на счету. Нападут враги, так никакой меч не лишний...

— Да нет, — вздохнул Иаков. — Есть у меня как раз такой, как бы сказать, лишний человек. Прибился по дороге. Выдает себя за пророка, а сам приворовывает помаленьку. Дурно влияет на младших сыновей — Гада и Асира. Отдаю его тебе головой и не скажу, что с кровью отрываю его от сердца моего...

— А чего он пророчествует? — полюбопытствовал Жихарь.

— Да как все пророки — всякую гадость! — махнул рукой Иаков. Потом хлопнул в ладоши и велел позвать своего лишнего человека.

Искали его довольно долго — ладно хоть кувшин был объемистый.

Наконец притащили и пророка. Нос у того был здоровенный, как у самого Иакова, зато остальное тело много мельче. Из-за этого пророк, если поглядеть сбоку, походил на небольшую виселицу.

— Зовется сей муж обмана Возопиил, — сказал Иаков. — В бою на него надежды нет: помнится, когда настиг нас мстительный Даван со своими людьми, так этот лайдак спрятался под бабьими юбками...

— Учить мужеству будем... — сказал Жихарь.

— Подкосятся колени ваши, — пригрозил Возопиил, размахивая носом. — Засохнет семя ваше, паутиной покроются мозги ваши, дети ваши вырастут пьяницами и хакерами, жены ваши раздерут одежды свои и облачатся в рубище от Кардена бар Диора...

— Что-то я его плохо понимаю, — сказал Жихарь.

— А мы вот такое вынуждены выслушивать каждый день! — всплеснул могучими руками Иаков. — Он много непонятных слов говорит: диаспора там, холокост... Прости, господин, что не могу отправить с тобой одного из сыновей моих. А этот, боюсь, будет тебя до Вавилона вести по пустыне сорок лет...

— Это мы еще посмотрим, кто кого будет по пустыне водить сорок лет, — сказал Возопиил. — Лысина покроет темена ваши, снидет мерзкая аденома на простаты ваши... Горе тебе, Вавилон, город крепкий!

— А вот это он справедливо заметил, — сказал Жихарь. — Я тоже ничего хорошего для Вавилона не предвижу.

— Иногда угадывает, — пожал плечами Иаков. — Да и то сказать: ежели все время накаркивать беду, непременно угадаешь... Господин, неужто ты на него вино собрался переводить?

— Нам же с ним еще не один день шагать, — сказал богатырь. — Так полагается. Ты с ним по-доброму-то пробовал?

— Их у нас, пророков, вообще-то камнями побивают, — ответил Иаков. — Обычай такой. Хотя без них тоже скучно.

— Яков Исакич, — проникновенно сказал Жихарь. — Ни в жизнь не поверю, чтобы у тебя один такой кувшинчик был. Я хоть и не пророк, но чувствую, что до-олго мне теперь не придется погулять да посидеть с хорошими людьми...

Тут в шатер ворвался мальчонка, подбежал к отцу и зашептал ему что-то на ухо.

— Востроглазый ты у меня, Иосиф, — сказал Иаков. — Слышишь ли, господин: сын мой заметил всадника на горизонте. Показался, мол, всадник и скрылся...

— Всадник? — вскинулся Жихарь. — Да нет, помстилось, видно... Всадник... Кто же по пустыне на коне мог проехать?

— И я так думаю: кто? — сказал Иаков.

— За тобой следует всадник! — торжествующе вскричал Возопиил и показал неумытым пальцем на Жихаря. — Неотвязно следует!

Жихарь вспомнил черного отравителя, мнимого племянника Яр-Тура, и по спине побежали мурашки, прогнать которые мог только глоток доброго вина.

ГЛАВА 6

*Теперь ты будущее знаешь? Обаятель, я на костре
велю сжечь тебя.*

Николай Полевой

— Ты думаешь, почему тебя ночью не задушили из-за этого пла-
точка? — сказал пророк Возопиил, когда они с Жихарем уже доста-
точно удалились от Иаковлева становища. — Потому что я караулил, вот
почему! А то бы запросто задавили.

Богатырь внимательно посмотрел на новообращенного спутника
и проводника.

— Это ты-то караулил? Да ты пьян без памяти валялся! Разве я не
знаю, что ни в одном народе гостя не трогают? И охота тебе на лю-
дей напраслину возводить? Вот на дороге путника, пожалуй, ограбят
запросто, а гостя нипочем. Я, считай, полмира прошел, имею понятие...

— Люди все сволочи, — сказал пророк. — Поэтому я им и предве-
щаю всяческие несчастья. Дело верное!

Перед уходом Жихарь еще раз щедро поделился с хозяином водой,
которая в этих местах стоила всякого вина, с благодарностью принял
подорожные припасы и вообще расстался с Иаковом в самом луч-
шем расположении духа. Кроме всего прочего, Иаков пообещал при-
смотреть за таинственным всадником, буде он появится в становище,
и, в случае чего, направить преследователя по ложному пути.

Несмотря на мрачные вещания пророка, вдвоем идти было все-таки веселее, тем более что и дорога под ногами обнаружилась вместо надоевшего песка, и мороки, несмотря на жару, более не привязывались: должно быть, Возопиил отпугивал их своими черными словами.

Возопиил был еще не стар, обошел все окрестные города, перепробовал всякие ремесла, из которых самым непыльным признал прорицательство. Успел он, по его словам, даже послужить в халдейском войске. Во всяком случае, устав этого войска он знал наизусть:

— ...Статья десятая. Истинно говорю вам: ежели салага обманет дедушку, да снидет он в сортир зловонный с единою разве щеткой зубовной и там, во мраке и тьме крошечной, сугубо и трегубо оплачет юность свою окаянную!

Статья одиннадцатая. Истинно говорю вам: ежели салага, мучимый голодом, пожрет дедушкину долю пальмового масла, да отдаст он потом триста шестьдесят пять долей своих в течение года!

Статья двенадцатая. Паки и паки говорю вам, племя жалкое и презренное, салажной зовомое: скорее тигр подружится с ягненком, нежели дедушка наречет салагу равным себе.

Статья тринадцатая. Ежели салага получит в каптерке новые ременные сандалии, да принесет он их дедушке и с поклоном пожертвует...

Жихарь слушал с вниманием и пониманием: во всех дружинах, что в снегах, что в пустыне, одни порядки.

— А далеко ли до Вавилона? — спросил он наконец, хотя вопрос этот следовало бы задать еще вчера.

— Есть две дороги, начальник, — сказал пророк. — Одна длинная, зато почти безопасная — ну разве что разбойники какие нападут, но мы же не купцы, взять с нас нечего. Другая — много короче, и проходит она как раз промежду Содомом и Гоморрою, городами-побратимами...

Жихарь кивнул. Он снова вспомнил рассказ царя Соломона про эти нехорошие города, вспомнил и причину их нехорошести...

— Слыхал о таких, — сказал он. — Им за безобразное поведение скоро воспоследует наказание. Но мы тихо-тихо проскользнем ночью, чтобы шума и драки не устраивать...

— Ночью? — презрительно уставился на него Возопиил. — Да ночью там самое опасное время и есть!

— Чего ж опасного? — удивился Жихарь. — Обыкновенные похабники, а такие в бою не опасны...

— Ха! — сказал пророк. — Смотрите на него, люди добрые! Там, видишь ли, не только нравы — там и законы все превратные.

Жихарь поехал. С некоторых пор он стал побаиваться законов.

— И что за законы такие?

— Да похуже, чем у царя Хаммурапи, начальник, — сказал пророк. — Гордыня и порочность обитателей этих городов происходят от

изобилия. Собрались тамошние жители однажды и решили: хлеб идет из Содома с Гоморрою, отсюда же вывозятся золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. Для чего же, говорят, с какой радости нам пускать сюда странников, от которых один только убыток? Воспретим же посторонним вступать в пределы городов наших! И воспретили. И предрекаю, в будущем тоже возникнут такие города, и прозовут их в народе «закрытыми ящиками»...

А законы там таковы, например: кто имеет вола, обязан пасти общинное стадо один день, а кто никакого скота не имеет — два дня.

— Ну, бедняка везде обижают, — сказал богатырь. — Но не по закону же...

— Нашелся умный парень и на этот закон, — продолжал пророк. — Послали его пасти стадо. Так он взял нож и весь скот переколол, а потом заявляет судьям: «Тот, у кого была одна скотина, получает шкуру одного животного, а тот, кто скотины не имеет, получает две. Это по вашим же законам следует». Ну, им возразить было нечего, только с той поры чужакам они совсем не доверяют.

Есть там и такой закон: кто переходит реку по мосту, тот платит четыре монеты, а тот, кто вброд, — целых восемь...

— С меня, положим, и четырех не получишь, — сказал Жихарь. — Да и какие у вас реки? У нас бы они ручейками считались. И те, гляжу, все пересохли...

— На ночлег там оставаться тоже не следует, — сказал Возопиил. — Ну да ты не маленький, сам понимаешь. Если не надругаются, то обманут непременно. Вот один мой знакомый купец туда заехал. Всего добра у него было осел да ковер. Ковер, правда, дорогой, впору хотя бы и царю. Купец все деньги, считай, в него вложил. Вассанский ковер, загляденье, золотым шнуром перевязан.

И остановился-то бедолага вроде у знакомого человека. Погостил, собрался дальше в путь. «Где ковер?» — спрашивает у хозяина. А тот ему: «Ковер? Какой ковер? А тебе, наверное, приснился ковер... Яркий был ковер, говоришь, вассанский? И шнур золотой тебе снился? Это, милый человек, сон хороший, к добру: шнур означает долгую и счастливую жизнь, а многоцветье ковра — цветущий сад, хозяином которого ты вскорости станешь. Вот какой счастливый сон приснился тебе под моим кровом».

Ну, купец и потащил его к здешнему судье. Судья выслушал обе стороны и постановляет: «Тот, кто оказал тебе столь радушный прием, издавна известен у нас как превосходный толкователь снов, и за толкование, да еще такое благоприятное, ты должен ему уплатить четыре серебряника — это не считая съеденного-выпитого».

Купец видит, что правды не добиться, решил побыстрее унести ноги. Глядит — у осла ухо отрезано. Он опять к судье — надеется хоть

сколько-то получить за ущерб. Ну судья и присудил хозяину-гостеприимцу держать осла у себя до тех пор, пока новое ухо не вырастет...

— Н-да, — сказал Жихарь. — Но нам-то терять нечего — ни ослов, ни ковров...

— А хуже всего, — вздохнул пророк, — там приходится нищим. Хлеба такому никто не подаст, зато подают монеты, и на каждой монете подающий выцарапывает свое имя. Когда нищий помрет с голоду, они подойдут и деньги свои назад разберут...

— Решено, — сказал Жихарь. — Идем короткой дорогой. Что-то давно я за справедливость не ратовал, негодаев не лупцевал...

— Да что мы против двух городов, начальник? — спросил пророк и посмотрел на Жихаря печально-печально.

...Мерзостные городки располагались на двух полукруглых холмах, и дорога пролегла как раз между ними. Чуть в стороне от дороги курился дымок.

— Это под ними уголь горит, — объяснил пророк. — Угольный пласт. Они его и подожгли, чтобы даже зимой было тепло...

— Так у вас и зимы бывают? — не поверил богатырь.

— Бедному везде зима, начальник, — сказал Возопиил.

Несмотря на злые нравы, караульная служба здесь была поставлена как надо. Путников уже ждали. Сразу перед городскими воротами.

— Говорил я тебе, — заныл пророк. — Не отбиться нам, схватят и опозорят так, что лучше потом совсем не жить...

Жихарь поглядел на местное ополчение и решил, что да, пожалуй, погорячился. Хоть и сил вроде бы хватает, и Симулякр под рукой, но он — вещь своенравная, чем-то прикинется?

Ополченцы содомские оделись в тяжелые латы. Из-под шлемов поблескивали нетерпеливые глазки, оттененные для красоты сажей, румяные щеки, неприличные воину, были гладко выбриты...

— К нам, к нам, противные! — слышались голоса.

Жихарь остановился и достал Симулякр. Тотчас рука его согнулась под неожиданной тяжестью: Умный Меч превратился в толстую трубу с шестью дырками на торце. Сквозь трубу бежала стальная лента, снаряженная как бы толстыми медными костылями.

— Хорошая дубина... — с сомнением сказал пророк. И закричал: — Горе вам, племя гордое и жестоковыйное! Горе вам, стоящим под стрелой, ибо обрушится стрела, и тот, кто стоял под ней, падет, а кто не стоял — пребудет в целости! Горе вам, неосторожно обращающимся с газовыми баллонами, ибо настанет день, когда разорвутся они и вас разорвут с собою! Горе вам, пренебрегающим резиновой обувью при высоком напряжении, ибо в руке его свыше тысячи вольт!

Покуда Возопиил выкрикивал свои предупреждения, Жихарь то-ропливо пробовал разобраться с невиданным оружием. Потом все-таки нашел крючок наподобие арбалетного...

И еле удержал трубу в руках — она с огромной силой задержалась и замоталась в разные стороны. Уши сразу заложило от грохота. Ополчение содомское разбежалось кто куда, теряя оружие, а городские ворота, окованные медью, разнесло в щепки.

— Вот так-то, — сказал Жихарь. — Отдаю тебе, храбрый Возопиил, эти города на три дня на поток и разграбление — за то, что не убежал в опасный час.

Пророк прочищал уши пальцами, надеясь выковырять застрявший там грохот.

— Тут, начальник, — сказал он, — и десятерых праведников на два города не найдешь. Но один надежный мужик все-таки есть — старый Лот. Дочки у него — ах! Один цимес! Тоскуют девки — женихов же тут не водится...

Жихарь, правда, на этот счет не больно голодал — ночью его в ша-тре навещали две-три служанки Иаковлевы, — но все-таки не удержался.

Да и Симулякр снова стал деревянным детским мечом в знак того, что опасность миновала.

— Добро, веди к своему Лоту, — сказал он.

...Утром Жихарь наполнил свежей озерной водой давно высохший бассейн во дворе у старого Лота, и теперь они с пророком блаженно отмокали от дорожной пыли, покуда Лотовы дочери терли им пятки пемзой.

Сам Лот сидел на краю бассейна с обнаженным мечом — то ли покой гостей охранял, то ли дочек запоздало стерег...

— Я послал жену по соседям, — сказал старик. — Думаю, вы вчера так и легли спать голодными...

— Да нет, благодарствую, — вежливо сказал Жихарь.

— Не опомнились бы здешние от страху, — заметил пророк и поднырнул под одну из дочерей Лотовых.

— Нет, — сказал старик. — Они принимают вас за ангелов, да и я, признаться, принимаю вас за ангелов. Теперь у меня будут внуки или внучки...

— Не без этого, — согласился Жихарь. — А то у вас тут детей вовсе не видно...

— На соседней крыше сволочь какая-то лежит — подглядывает, — сказал пророк.

В ворота кто-то негромко постучал — лучше сказать, поскребся.

— Это судья, — усмехнулся Лот. — Извиняться пришел. Судья Ша-крурай.

— Пусть извиняется, — разрешил Жихарь.

Судья Шакрурай оказался неожиданно тощим, а румяные щеки делали его похожим на больного горячкой.

— Смилуйтесь, посланники Неба, — сказал судья. — Мы вели себя неразумно... Наши законы несовершенны... Наши нравы достойны сожаления... Но у нас уже много лет не было доброго примера, вот вас и послали нам на вразумление...

Говорить он говорил, а сам бочком-бочком подбирался к старику, у ног которого лежала одежда героев.

— Эй, эй! — заорал Жихарь.

Но было уже поздно: тощий подлец схватил платок княжны Карины и устремился к выходу. Ясно: подглядел его водоносные свойства, а дороже воды здесь ведь ничего нету...

Жихарь, как был, выскочил из воды. Одна кожаная ладанка с оберегами и дорожной мелочью болталась на шее.

— Возьми одежду, — крикнул он пророку, не оборачиваясь. — Да деревяшку эту береги пуще глаза...

И голяком побежал по улицам содомским. Жители выглядывали из-за глинобитных стен с большим интересом. Вор-судья несся длинными, не по возрасту, прыжками.

— Стой, скотина! — кричал Жихарь. — Сильно бить не буду, только отдай платок!

Судья добежал до ямы, откуда струился дым, и заметался на ее краю.

— Берегись, начальник! — донесся вопль Возопиила.

Содомляне все-таки опомнились, решились подняться на голого и безоружного — потихоньку стали вылезать из домов, размахивать копьями, потрясать мечами.

Судья Шакрурай, видя поддержку, глумливо заплясал на краю ямы, помахивая платком. Жихарь не знал, что и делать — то ли доставать проклятого судью, то ли дожидаться пророка с мечом-разумником. Вот, блин поминальный, изменил княжне — и враз ее подарка лишился...

Тут в воздухе раздался какой-то очень знакомый свист. Стрела попала судье Шакрураю в правый глаз, он коротко вякнул, зашатался и рухнул в дымящуюся яму.

— Что за дела? — оглянулся Жихарь. Сзади никого, кроме пророка, не было — содомляне снова попрятались по домам, да и не стреляют здешние луки так далеко и сильно...

— Бежим, начальник! — кричал пророк. — Бежим, а то сейчас такое начнется!

Жихарь тут сообразил, что обычно бывает от столкновения воды с огнем, но убежать уже никуда не успел.

Земля под ним вздыбилась, заревела, ударили тысячи громов, и раскаленная могучая ладонь подняла богатыря высоко над землей и понесла куда-то...

ГЛАВА 7

*Бог — человек мудрый.
Он нас судит и пасет,
Из-за него мы пачкаемся в грязном аду,
В этой зловонной яме, откуда нельзя уйти.*

«Коронавание Людовика»

Честно говоря, начали строить Большой Зиккурат в Вавилоне уже довольно давно. Еще при царе Ур-Нин-Нгирсу. Потом его сменяли на троне государи Набу-мукин-апли, Набу-мукин-зери, Набу-надин-зери, Набу-шум-ишкун, двое Набу-шум-укинов, Набу-шуму-либур...

Конечно, запомнить такие имена простому вавилонскому человеку было не под силу, и всех своих правителей вавилоняне для краткости именовали Вавилами: Вавила Воинственный, Вавила Красное Солнышко, Вавила Большое Гнездо, Вавила Гордый, Вавила Темнила, Вавила Бессмысленный, Вавила Грозный, Вавила Давила, Вавила Родного Отца Убила...

Прозвища Вавил менялись, а жизнь оставалась прежней, и башня росла да росла себе потихоньку на радость жрецам и в досаду людям — им, непонятливым, как всегда, казалось, что деньги, дерево, камень и кирпич можно было бы потратить с большею пользой.

Но народ в Вавилоне, как и везде, не понимал своего счастья.

Нынешнего царя звали без выкрутасов — Нимрод, но и ему было дано прозвище — Вавила Охотник, потому что пуще всяких

государственных дел царь любил поехать в поле да пострелять немножечко львов или других каких животных.

Не сказать, чтобы Вавила Охотник был удачлив, не сказать также, чтобы был он особенно храбр.

Просто однажды, унаследовав трон, он, как и его предшественники, полез в царские кладовые поглядеть, не осталось ли там чего хорошего. Но в вавилонской казне, несмотря на исключительно строгий сбор налогов, золото и драгоценности не задерживались.

Жрецы многочисленных вавилонских богов терпеливо объясняли очередному молодому государю, что храмы нуждаются в ремонте, что богов надобно чтить все новыми и новыми изображениями, что Большой Зиккурат должен расти и расти, а вот когда он достигнет хотя бы Первого Неба, одного из Семи, — тогда можно будет и пошабашить, поскольку с небес тотчас же прольются всяческие блага, люди же станут приравнены к богам и снабжены соответствующими глиняными табличками, удостоверяющими это равенство.

В одном из самых дряхлых сундуков (даже ключ от замка не пришлось искать, сундук сам рассыпался) молодой Нимрод отыскал старинный охотничий наряд из человеческой кожи.

Кожа эта, по слухам, принадлежала самому первому человеку на свете. Конечно, у далекого племени адамычей насчет первого человека были свои мнения, но к ним, за дальностью, в Вавилоне никто не прислушивался.

Первый же человек, как известно, жил в мире со всеми животными — сам их не боялся, и они его не боялись. Поэтому второй человек — тот самый, что убил ни за что родного брата и получил за это клеймо во весь лоб, — дождался папашиней смерти, ободрал покойника и сшил себе этот самый охотничий наряд.

Охотника в таком наряде звери и птицы продолжали принимать за своего, смело подходили к нему и даже ластились. Их можно было теперь свободно колоть, резать и даже душить голыми руками.

Одежды эти считались утерянными во время потопа, который был хуже двух пожаров и даже одного переезда. Только Нимроду и посчастливилось их найти.

Молодой царь немедленно и с удовольствием забросил государственные дела (что пришлось жрецам весьма по нраву) и стал целые дни и недели проводить на охоте в обществе таких же молодых бездельников.

Настоящие охотники, жившие этим ремеслом и покрытые многочисленными шрамами от зубов, рогов и когтей, ворчали и негодовали. Говорили, что никакая это не охота, а самая настоящая скотобойня, что у зверя должны быть равные права с добытчиком. Вавила Охотник их, конечно, не слушал и всех прогнал с очей своих, чтобы не портили на строения бессмысленными причитаниями.

Львов царь считал дюжинами, диких быков — дюжинами дюжин, а на всяких там серн, косуль и птиц даже чисел не хватало — это в грамотном-то Вавилоне!

А ежели никакой добычи не попадалось, царь не брезговал и домашней скотиной, и горе было тому пастуху, который подвернулся венценосному промыслителю. С десяти шагов Нимрод промахивался нечасто.

Вот и в этот день Вавила Охотник выехал в поле, сопровождаемый десятком боевых колесниц. Царю доложили, что в окрестностях города появился лев, а львы его стараниями стали уже редкостью.

Нимрод властным движением руки отослал спутников подальше от себя и остался один поджидать, пока доверчивый хищник подойдет поближе.

В это время далеко за холмами что-то грохнуло так, что земля затряслась и загудела. Лев испуганно поджал хвост и помчался в сторону ближайших гор, покрытых лесом. Вавила Охотник в гневе оглянулся на спутников, словно подозревал, что кто-то из них подстроил ему такую каверзу.

Но царские егеря и доезжачие вовсе не глядели на своего владыку, а преступно пялились куда-то в небо.

Подманить и подстрелить хотя бы дикого гуся — все-таки лучше, чем ничего, поэтому Нимрод тоже уставился в небо, запрокинув голову так, что охотничья шапка свалилась.

По небу летел голый человек. Было понятно, что это не демон, поскольку даже вавилонские демоны без крыльев летать не могут. В полете человек выкрикивал незнакомые, но, несомненно, оскорбительные слова.

Сколько ни лети без крыльев, а где-то придется рано или поздно упасть. Обнаженный летун упал ни рано ни поздно, а в самый раз — прямо на Вавилу Охотника. Тот, разинув царский рот, даже не удосужился посторониться.

Когда государева охота наконец догадалась приблизиться к поверженному владыке, то увидела, что бедный Нимрод по колени вбился в землю. Летун валялся рядом, все еще делая судорожные движения руками.

Царя быстро откопали, невежливо удивляясь вслух, что он остался жив после такого удара. Придворный лекарь ощупал тело властелина и объявил, что все кости, как ни странно, целы и даже шея не сломана. Все хором вознесли хвалу богам, поскольку следующий царь мог оказаться вовсе не расположенным к такому благородному занятию, как охота.

Вавилу Охотника ласково побили по щекам, приводя в чувство. Нимрод открыл мутные глаза и громко замычал. Потом вскочил,

сорвал с себя всю одежду, встал на четвереньки и начал ходить по лугу, хватая зубами траву.

Преступному летуну, конечно, отрубили бы тут же голову, да заметили на груди его священную татуировку: боги Мардук и Нергал глядели друг на друга в безмолвном поединке. Летуна, не приводя в сознание, скрутили ремнями. Потом, поколебавшись, скрутили и царя. И, сетуя на странную волю богов, повезли в Вавилон — одного во дворец, другого в темницу.

— ...Обратите внимание, дорогой сэр Лю, на грудь нашего нового товарища по несчастью. Не кажется ли вам этот рисунок знакомым?

— Кажется, уважаемый. Именно таким был украшен наш отсутствующий побратим Ни Зо, когда я встретил вас на выходе из того страшного ущелья. Изображение нанесла та же неискушенная рука. Возможно, этот молодой студент побывал там же, хотя все это выглядит очень и очень странно...

— О, если бы это оказался действительно достойнейший сэр Ньюзор! Он, несомненно, изыскал бы способ покинуть это печальное узилище, куда мы угодили столь неосмотрительно.

— Как говорится, разбив драгоценную вазу эпохи Бинь, напрасно будешь разыскивать ее в эпоху Мяо. Человек этот, несомненно, нарушает последовательность времен...

Жихарь уже пришел в себя и, слыша знакомые голоса, боялся открыть глаза, чтобы все это не оказалось сном. Потом маленькие сухие руки Бедного Монаха нажали ему на виски, и в голове окончательно прояснилось.

Сначала он увидел сырой низкий каменный потолок, озаренный слабеньким рассеянным светом, потом синий шелковый рукав с черным отворотом. Желтая рука держала грубую каменную чашку.

— Выпейте, уважаемый незнакомец, чтобы перестать странствовать за пределами человеческого...

Питье было горьким, как и полагается лекарству. Богатырь выпил, приподнялся на локтях.

Король Яр-Тур казался постаревшим лет на десять — то ли здесь уже успел настрадаться, то ли это власть так быстро старит человека. А Лю Седьмой, подобно всякому аскету, пребывал в той же неопределенной поре возраста.

— Братцы, — сказал Жихарь и заплакал. — Братцы мои дорогие, как вы-то здесь очутились?

Побратимы переглянулись. Бедный Монах сокрушенно покачал головой.

— Все узники, несомненно, братья, сэр незнакомец, — осторожно сказал Яр-Тур. — Но для начала неплохо бы узнать, кто вы и откуда. Мы

ведь здесь, можно сказать, хозяева, старожилы, поэтому именно вам надлежит представляться первому...

— Да Жихарь, Жихарь я! Неужели не узнаете? Ваш побратим Жихарь из Многоборья! За Полуденной Росой вместе ходили, Мироеда посрамляли...

Король и монах вздохнули хором.

— Вы совершенно правы, сэр Джихар, — мягко сказал Яр-Тур. — В Многоборье у нас действительно есть побратим, отважнейший и удивления достойный сэр Ньюзор, но у вас с ним нет ничего общего, кроме разве что этих изображений на теле...

— Молодые люди всегда подражают местным героям, — сказал Лю Седьмой. — Немудрено, что юные многоборцы украшают себя подобными рисунками в честь господина Ни Зо. Что ж, это достойный пример... Как поживает ваш уважаемый кумир?

— Невзор — сволочь кабацкая! — закричал Жихарь. — Он мою славу присвоил, вот вы меня и не узнаете...

Король Яр-Тур нахмурился так грозно, что стал совершенно не похож на прежнего Принца.

— Только ваше бедственное положение, сэр, — процедил он, — мешает мне вызвать вас на поединок за оскорбление нашего друга и брата. Да, в нем есть некоторая слабость к вину, но не вам его осуждать. Я уж не говорю о том, что присвоить чужую славу невозможно...

— Возможно, еще как возможно, — сказал богатырь, стуча зубами от холода. — А с тобой мы уже дрались у Моста Двух Товарищей...

Яр-Тур усмехнулся.

— Я вижу, сэр Ньюзор достаточно подробно рассказывал землякам о своих приключениях... Кроме того, я слышал, появилась даже книга, сочиненная этим... как его... Впрочем, благородному воителю ни к чему запоминать имена всяких там сочинителей. Вы разумеете грамоте или эту книгу читала вам на ночь ваша бабушка?

— Сам ты... бабушка... — сказал Жихарь и отвернулся к стене. Дорого обходился ему кабацкий заем, ох дорого!

— Видимо, означенная книга настолько потрясла слабый разум нашего молодого союзника, что он стал отождествлять себя с ее героем, — заступился за Жихаря Бедный Монах.

От такого заступничества стало еще тошнее.

— А может быть, перед нами всего лишь лис-оборотень? — вслух рассуждал Лю Седьмой. — Хотя нет, лис принял бы как раз знакомый нам облик... И на подсадного он тоже не похож...

— Дорогой сэр Лю, — сказал Яр-Тур. — Оба мы с вами, как ни прискорбно, городим вздор. Ведь каким-то образом этот человек, несомненно знакомый лично или по книге с сэром Ньюзором, попал

во Время Оно? Извольте объясниться, сэра Темнила, и тогда, может статься, я переменю свое невысокое мнение касательно вашей особы.

Перед Жихарем замаячила надежда — правда, слабенькая и дрожащая, как огонек в бумажном фонарике, освещавшем подземелье.

— Да чего объясняться? — сказал он. — Как и в прошлый раз, меня послал старый Беломор — разобраться с Вавилонской башней... И научил всему, что полагается... Да вы послушайте с самого начала!

— Ну-ну, — сказал король. — Тюремные дни и ночи длинны, а тюремные байки коротки. Времени у нас предостаточно — либо, наоборот, очень мало.

И Жихарь начал рассказывать с самого начала, то есть с возвращения. Король при упоминании черного сэра Мордредра впал в угрюмость и слушал молча, а Лю Седьмой, напротив, как опытный дознаватель, то и дело задавал как бы случайные вопросы, норовя подловить рассказчика на каком-нибудь противоречии.

— Ложь и клевета, — заключил Яр-Тур. — Чтобы благородный и великодушный сэра Ньюзор до смерти замучил своего наставника? Да кто такому поверит? Вы просто-напросто здешний злой дух, пришедший смутить нас в трудный час и отнять последнюю надежду, поскольку мудрый Мерлин, отправляя меня сюда, предсказывал, что я встречу во Времени Оном обоих своих побратимов. Вы призрак, нечисть, я вас прочую...

С этими словами он протянул руку, норовя сцапать богатыря за шею, но Жихарь перехватил его руку и задержал. Некоторое время они боролись, покуда Жихарь не положил королевскую десницу на холодный камень.

— Да, вы необыкновенно сильны, — сказал Яр-Тур. — А может быть, это я ослабел на тюремных харчах. Но это еще ничего не доказывает. Вот если бы при вас был этот ваш пресловутый меч Симулякр...

— Был бы он при мне — я бы сюда не попал, — гордо сказал Жихарь. — А в доказательство я тебе кое-что расскажу...

Он и рассказал такое, что ни в какую книгу войти не могло и касалось пребывания Жихаря с Принцем в Бабьей земле Окаянии.

— Не знаю, что и думать, — сказал Яр-Тур после долгого молчания. — Вряд ли сэра Ньюзор, при всей его невоздержанности на язык, стал бы говорить об этом посторонним людям, даже в сугубо мужском обществе. Если бы перед самым моим отбытием сюда я не получил через сэра Демона Костяные Уши устной весточки из Многоборья, я бы решил, что незабвенный сэра Ньюзор погиб и душа его переселилась в чужое тело...

— Не душа, а слава, — сварливо сказал Жихарь. — И не его, а моя.

— В древнем трактате Ле Цзы «Записки о жабе, держащей во рту тридцать две жемчужины небесной премудрости», — сказал молчав-

ший дотоле Бедный Монах, — описывается нечто подобное... А! Я, несовершенный, понял! Сей молодой студент заснул на волшебном изголовье, которое, вполне возможно, позаимствовал ему достойный Бео Мо, и ему приснилось, что он стал героем Ни Зо, и до сих пор снится...

— И мы снимся? — ехидно сказал король. — И эти мерзкие казема-ты снятся?

— Очень даже может быть... — растерянно ответил Лю. — Все мы в конце концов кому-то снимся... Какой-нибудь Яшмовой Черепахе...

— Стареешь, старина, — ласково сказал король. — Совсем из ума выживаешь... Я вот у себя в Камелоте навсегда отменил допросы под пыткой. Но палача Хьюго по прозвищу Кровавый Дедуля выгонять не стал — ну куда старик пойдет с такой репутацией? Вот он, Хьюго, живо доискался бы правды...

— Думаю, что палачей и здесь хватает, — сказал Бедный Монах. — Просто мы им неинтересны. Мы — всего лишь нежелательные чужестранцы, и действия местных властей я считаю вполне правомерными. Если бы мы без императорского соизволения проникли в Запретный Город, то, уверяю вас, нас давно бы уже расчленили на тысячу кусочков...

Король вздохнул, снял рваный кожаный камзол, потом рубаху, связанную из собачьей шерсти. Рубаху он кинул Жихарю.

— Наденьте это, сэр Придумщик, иначе простынете, и кашель ваш будет мешать нашему сну...

Жихарь покорно натянул теплую рубаху. Рука его задержалась на ладанке...

— Пойдите! — сказал он. — Симулякра у меня при себе нет, платок тоже пропал, а вот костяная свистулька, которую мне подарил степной воин Сочиняй-багатур, осталась. Он велел подуть в нее в трудный час и обещал прийти на помощь. Правда, это было в другом времени...

— Свистите, сэр, — великодушно разрешил король. — Не знакома ли вам старинная песенка под названием «С маленькой помощью моих друзей»?

Жихарь ничего не ответил насмешнику, а просто прижал костяную игрушку к губам и начал дуть. Свист выходил пронзительный, от него даже уши закладывало. Король и Лю недовольно поморщились и замахали на музыканта руками.

— Это вы еще звонкого кельмандара не слышали, — сказал Жихарь, чувствуя, что опять выходит перед побратимами круглым дураком.

Столь же пронзительно заскрипел дверной засов.

ГЛАВА 8

Воистину широко разлилась милость государя, и нигде в нашей стране нет прибежища демонам.

Ихара Сайкаку

Первыми зашли в подземелье четверо вавилонских стражников и сразу выставили вперед копья, хотя никто из узников и не думал на них кидаться.

Следом за стражниками влетели, провожаемые пинками, двое новых узников.

— Горе вам, обостряющим отношения! — орал один, маленький, с рукой на перевязи.

— Конь-бахмат не моги на махан пусти! Береги конь! — орал другой, тоже не великан.

— Сочиняюшка! Возопиилушка! — заорал и Жихарь. — Вот они, мои послухи-свидетели!

— Порадуйтесь напоследок! — сказал один из тюремщиков, а остальные захохотали. Железная дверь закрылась все с тем же противным скрипом и визгом.

— Не я ли говорил, что все люди сволочи? — горько сказал пророк Возопиил, жалея больную руку. — Представляешь, начальник, купец Шум-Бараш меня выдал! Сколько он у меня краденого за бесценнок скупил, аспид и василиск! Дворец построил за мой счет!

— Постой, Возопиил, — сказал Жихарь. — Деревяшку мою ты сохранил, как я тебя просил?

— Да какая там деревяшка! — махнул здоровой левой рукой пророк. — Ничего не помню. Вот спасибо твоему другу — он меня подобрал, сломанную руку сложил, перевязал... Нету более ни тебе Содома, ни тебе Гоморры, как я, впрочем, и предрекал... Там теперь горячее соленое озеро...

— Слышите! — воскликнул Жихарь, обращаясь к побратимам. — Моя правда!

Сочиняй-багатур скромно пристроился в углу, подогнув под себя ноги.

— А ты, брат, — сказал ему Жихарь. — Я же тебе говорил, что нельзя со мной ходить...

— А, чешим-башка, — ответил Сочиняй. — Бабилон хотел шибко посмотри, новую песню сложи, ясак-дуван собери, домой улус вези...

— Как же ты сумел за мной последовать? — спросил богатырь. — Во Время-то Оно? Это ведь тайное знание!

— Зачем тайна? — сказал степной витязь, как бы пощипывая пальцами рук струны мнимого кельмандара. — Этот тайна в степи на любой каменный баба нарисован. От Сочиняй никто уходи — ни враг, ни друг! Якуб-хан, хитрый корсак, хотел мой обмануть сделать — северный сторона посох показывал, свой рот врал! Сыновья глаза смотрят — ата врет! Совсем стыдно! Сочиняй след видел, все понимал. Потом вот этот Большой Нос находи совсем больной...

— Достойные сэры! — негромко сказал Яр-Тур, и Сочиняй тотчас же замолчал, признав его старшинство. — Прежде чем решится наша общая плачевная участь, мы с товарищем хотели бы все-таки прояснить положение вещей, иначе сэр Джихар, ваш друг, покинет этот мир с гнусным клеймом лжеца. Сэр Лю, вы весьма опытни в дознаниях — поговорите с этими людьми...

Лю Седьмой неожиданно бойко заговорил с Сочиняем на степном наречии. Сочиняй размахивал руками и время от времени начинал петь. Бедный Монах согласно кивал. Потом настал черед пророка Возопиила. Тот поначалу шумел, что, мол, допрос с него уже сняли и он ни в чем признаваться не намерен и что в кошелек к купцу Шум-Барашу он не залезал, поскольку левая рука его ремесла не знает, а правая поражена переломом. Лю успокоил его, рассказав притчу про одного ворона и соломенную вдову, после чего стал выяснять подробности гибели срамных городов.

Лю Седьмой достал из рукава маленькую тыквенную бутылку и пустил по кругу — хватило, конечно, всем.

— Персиковая настойка, — вздохнул Жихарь.
Бедный Монах улыбнулся.

— Выношу свое убогое решение, — сказал он. — Недаром в старинной песне поется:

Сын хорошего лучника
Сначала должен плести корзины.
Сын хорошего литейщика
Сначала должен шить шубы.

Несовершенный в продолжение пятидесяти лет отправлял должность уездного судьи и сталкивался с весьма сложными и запутанными делами. Так вот: либо эти люди — величайшие актеры и мошенники на свете (хотя никакой выгоды от мошенничества на пороге небытия не вижу), либо наш побратим Ни Зо действительно предстал перед нами в ином обличье и под другим именем. Нам, достойный Яо-Тун-ван, следует отправиться с проверкой в уезд Многоборье, каковая проверка не представляется мне возможной по причине скорой гибели проверяющих. И это все.

— погоди, — сказал Жихарь. — То есть как это — погибели? Лю, ты же у нас известный чародей, неужели допустишь? И за что? Нас ведь никто не судил еще?

— Да, — вздохнул Лю Седьмой. — Действительно, в рукаве у недостойного есть пара ярмарочных фокусов, но они, увы, здесь бессильны. Слишком много чужих варварских богов.

— Как же они тебя скрутили? — спросил Жихарь.

Лю пожал плечами.

— В Небесную Канцелярию поступил донос, что большеносые западные варвары возводят здание недозволенной высоты. Император изволил обременить меня поручением — проверить донос и, буде он подтвердится, пресечь преступное строительство. Оседлав легкое весеннее облачко и применив четвертое свойство яшмовой таблицы, я прибыл сюда с верительной грамотой инспектора второго ранга и полномочиями конюшего Западного дворцового крыла. Но варвары не знают истинных законов и не понимают подлинных установлений.

Главный жрец просто-напросто разорвал императорскую грамоту и растоптал нечестивыми ногами золотую печать. Меня же этим подлым евнухам удалось одолеть с помощью обыкновенного куса глины и каких-то палочек. Даже самый искусный борец кун-фу бессилен против железного лома. Спустя некоторое время в это же сырое подземелье был ввержен уважаемый Яо-Тун-ван. Воистину тут радость встречи смешалась с горечью обстоятельств...

— Да, — только и сказал богатырь. — Влипли. А как попали сюда вы, сэр... брат?

Яр-Тур, казалось, не заметил этого обращения.

— Да очень просто, — сказал он. — Настал мой черед ехать за по-двигами, чтобы потешить своих рыцарей добрым правдивым рас-сказом. Но сэр Пеллинон только что прикончил последнего в наших краях великана, а великанские дети еще не взошли в тот возраст, когда с ними приличествует сражаться. Вот мой наставник Мерлин меня сюда и направил, поставив в круг из веток омелы. Он тоже просил меня пресечь возведение башни, пообещав при этом братнюю поддержку.

Чужеземцев здесь не любят, да я еще вмешался в какие-то их гряз-ные жреческие дела. Негодяи собрались спалить в печи живьем троих мальчишек — они-де молились не тому богу. Ну, я налетел, разрубил пополам пару каких-то халдеев. Парни скрылись в толпе, а я вызвал на поединок здешнего царя. Как равный равного. Но они же и о прави-лах благородного боя не имеют ни малейшего понятия! Царь как бы согласился, и две пригожие девицы, коих я наметил освободить после победы, повели меня в отведенные мне покои — отдохнуть перед по-единком. И только что я снял перевязь с мечом (а меч у меня новый, по имени Эскалибур), как плиты пола подо мной разверзлись... Что же касается вас, сэр Джихар... Я, пожалуй, вам поверю: так нам будет легче встретить смерть.

— Да что вы заладили: смерть, смерть! — воскликнул богатырь и даже топнул босой ногой от досады. — Вот выведут на казнь, тогда и посмотрим. Они нас даже заковать не удосужились...

— Вы ошибаетесь, сэр новый друг, — печально сказал король. — Нас никуда не будут выводить. Казнь сама придет к нам. И, возможно, очень скоро.

— Пророк всегда готов к смерти, — сказал Возопиил. — Вот базар-ный вор, прямо скажем, не готов. И еще рука эта...

— Сочиняй трудно помирай сделать, — сказал багатур. — Сочиняй будет врагу кадык рвать зубами... Один помирай плохо. Столько багатур рядом стой — помирай хорошо, славно...

— Кто способен дружить без мысли о дружбе? — воскликнул Бед-ный Монах и воздел руки к каменному небу. — Кто способен действо-вать совместно без мысли действовать совместно? Кто способен под-няться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредель-ном, забыв обо всем живом, как бы не имея конца?

Все пятеро поглядели друг на друга и неожиданно рассмеялись.

— Сочиняюшка, — сказал Жихарь. — На тебе, я знаю, много штанов навздевано — поделился бы? Нехорошо помирать без штанов.

— Нехорошо, — подтвердил степной витязь. Штанов на нем действительно хватало.

Богатырь похлопал обновкой об стену, чтобы слегка повыкололотить блох. Степные шаровары были ему до колен, и вся малая дружина еще раз зашлась в хохоте.

— Право, я слышу своего побратима, — сказал король Яр-Тур.

— Кстати, — напомнил Жихарь. — Кто нас казнить-то будет?

— А я разве не сказал? — спросил король. — Здешнее хтоническое чудовище Тиамат выползет из-за вон той решетки...

Только сейчас богатырь действительно рассмотрел решетку из толстенных медных прутьев. За решеткой была тьма.

Пророк Возопиил обхватил голову здоровой рукой и завывл.

— Перестань, — приказал Жихарь. — Нужно было внимательней за Симулякром приглядывать, из рук не выпускать, пусть их хоть трижды переломают... Был бы он со мной, никакой Тиамат нас не осилил бы...

— Да откуда ж я знал? — Пророк поднял заплаканное лицо. Нос у него распух и стал раза в два больше. — Деревяшка и деревяшка, начальник, ее уже давно кто-нибудь на растопку пустил, тот же дедушка Лот, к примеру...

— Э, так он и держал деревяшка — мой ему еле пальцы разжимай, — сказал вдруг Сочиняй-багатур. — Большой Нос свое слово честно держи...

— Да? — заорал Жихарь так, что тьма за решеткой глухо загудела. — И куда же ты ее дел, чучело степное?

— Сочиняй не чучело, — с достоинством ответил Сочиняй. — Моя много певец, мало-мало воин, мало-мало шаман, мало-мало человек лечи... Твой, Джихар-хан, сама чучело за такие слова! Вот он, твой деревяшка! Крепкий, ровный! Кость заживай — прямо расти!

С этими словами степной витязь показал на сломанную руку пророка.

Возопиил испуганно прижал руку к груди. А Жихарь прижал к груди Сочиняя:

— Золотое ты чучело! Ты не мало-мало воин — ты большой багатур! Ты всех нас спас! Не зря я с тобой братался! А ты, Возопиилушка, уж потерпи, мы тебе потом руку лучше новой приделаем...

— Ему не будет больно, — сказал Лю Седьмой, подходя к Возопиилу. — У него все скоро заживет — уж этого умения у несовершенного никто не отнял... Хэ, как искусно наложена эта повязка! Воистину вы князь лекарей, дорогой хунну! Но и я был в Медицинской Управе не последним учеником.

Действительно, пророк и не пикнул, когда Бедный Монах разма- тывал повязку, чтобы освободить Симулякр.

— Да, это он, чудесный жезл Жуй! Так непобедимый воин, прони- кающая во вражескую крепость, облачается в нищенские отрепья! Нужны ли иные доказательства, царственный Яо-Тун-ван? Ведь никому друго- му, кроме нашего побратима, он не дался бы в руки!

Яр-Тур поглядел на деревяшку с большим сомнением. Жихарь бла- гоговейно принял Симулякр, и снова Умный Меч на мгновение бле- снул перед ним.

— Ну, Тиамат, — сказал он. — Выходи. Поиграемся в мясную лавку..

Как будто кто-то незримый дожидался этих слов. Решетка мед- ленно и бесшумно поползла вверх, а в наступившей тишине зазвучали шаги. Обыкновенные человеческие шаги.

Бумажный фонарик Бедного Монаха разгорелся ярче, так что ста- ло возможно разглядеть того, кто выходил из мрака.

— А говорили — Тиамат, Тиамат, — сказал Жихарь. — Хреномат. Долго ты еще у нас на дорожке появляться будешь, Мироедина позор- ная? Кубло змеиное ходячее! Чмо болотное! Игоша-переросток!

Мироед, казалось, не слышал оскорблений.

— Вот я вас снова вместе и собрал, — сказал он. — Только глупец мстит сразу. Ваши наставники — наивные дети. Мне удалось напугать их этой дурацкой башней, которая не страшна никому, кроме жителей этого дурацкого города. Да, Тиамат — это одно из моих многочислен- ных имен. Просто меня забавляют многочисленные герои, которые меня все время убивают, а вот убить никак не могут. Новое имя дает мне новую жизнь. Господин Жихарь, господин Яр-Тур, господин Лю! Остальных не знаю, но проглочу с удовольствием...

— Мироедина ты Мироедина, — сказал нараспев Жихарь. — Не за свой ты кус принимаешься, ты этим кусом подавись..

— Что-то не вижу вашего проклятого петуха, — сказал Мироед.

— Будимир сильно занят, — совершенно серьезно сказал богатырь. — Курочек топчет. Мироедов ему некогда топтать.

— Хватит, — зарычал Мироед. — Не буду устраивать комедию, как в прошлый раз..

— Да, в прошлый-то раз тебя припекло..

Мироед ничего не ответил, а начал разевать свою пасть, в которой клубилась все та же чернота.

— Рот большой — поет, наверное, хорошо, — заметил Сочиняй-ба- гатур.

— Нет, — ответил Жихарь. — Скверно поет. Души нет.

Он поглядел на Умный Меч. Симулякр не менялся. Тьма из пасти приближалась к ним, обволакивала, затягивала в себя. Огонь фонарика отражался на громадных вороненых зубах.

Жихарь левой рукой отодвинул товарищей назад, размахнулся и бросил Симулякр прямо туда, во тьму.

...Когда в прошлый раз в пасть Мироеда влетел Огненный Петух Будимир, Мироед, помнится, тоже завыл. Но тот вой не шел ни в какое сравнение с нынешним.

Все схватились за уши, даже пророк, несмотря на больную руку. Или она у него и впрямь перестала болеть? Наверняка этот вой услышали во всем Вавилоне.

Потом Мироеда стало раздувать. Он уже не выл, а тихо постанывал.

— Я-то думал, Симулякр вкусный, — сказал Жихарь. — А он, оказывается, совсем несъедобный...

Раздался тихий звук, словно вытащили пробку из бутылки. И все кончилось.

— Его разорвало? — с надеждой спросил Жихарь. — Насовсем?

— Я уже объяснял уважаемым, что до конца уничтожить Мяо Ена нельзя, да и не нужно, — сказал Бедный Монах. — Но теперь мы о нем долго не услышим.

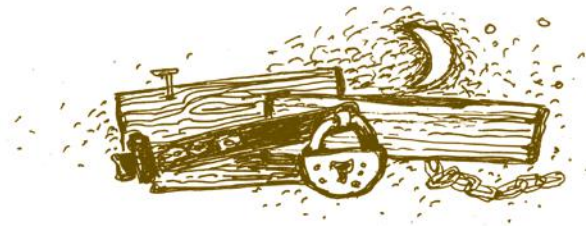
— Это прекрасно, — сказал Яр-Тур. — Но как же нам выбраться из темницы?

— А так и пойдем по этому проходу, — сказал Возопиил. — Он наверняка ведет в город, и я даже знаю, куда именно. Хорошо, если наверху ночь. Тогда мы сможем незаметно бежать из города, я там давно все щели и проломы в стенах изучил...

— Ну уж нет, — сказал Жихарь. — Мироеду я не верю. И с башней мы должны как-то решить. И с начальством здешним разобраться.

— Но у нас даже нет оружия! — вскричал пророк. — И эту волшебную штучку ты, начальник, загубил в пасти...

— Обойдемся и без Симулякра, — сказал богатырь. — А оружие воин где добывает? Известное дело — с бою берет!

ГЛАВА 9

Насколько Лапшин мог понять, пьеса на протяжении четырех действий рассказывала о том, как перестраивались вредители, проститутки, воры, взломщики и шулера — числом более семнадцати — и какими они хорошими людьми сделались после перестройки.

Юрий Герман

Кутру Вавилон пал.

Великому городу падать было не впервой: время от времени с гор спускались дикие племена и захватывали врасплох изнеженных горожан, либо соседняя Ассирия входила в силу и сажала на вавилонский престол своего человека, либо заканчивались успехом внутренние смуты.

Сменялись только правящие роды, а для остальных жителей ничего не менялось.

Как бы ни были дики и жадны завоеватели, жрецов они трогать не осмеливались, храмовых сокровищ не касались: это со своим богом можно договориться по-хорошему, а от чужих неведомо чего и ждать.

Пуще, чем жрецов, не осмеливались трогать чиновников. Без них никогда не узнаешь, где чего лежит, кто кому должен и сколько, а уж налогов без их помощи вовек не собрать.

Вор-пророк не соврал, вывел через подземный ход бывших узников наверх, в самую середину города. Тут Жихарь впервые и увидел пресловутую Вавилонскую Башню.

Вершина ее терялась где-то в тучах. Оттуда слышались голоса и сверкали огни: многие строители прямо там, на лесах, и ночевали, чтобы не тратить силы на спуск и подъем.

— На совесть строено, — сказал Жихарь, постучав кулаком в фундамент. — Даже жалко будет ломать...

Ночной стражи нигде не было видно: завывания Мироеда всех распугали, поэтому Возопиил беспрепятственно провел друзей в ближайший кабак. И сам хозяин, и возможные ночные посетители тоже отсиживались во всяких безопасных местах.

— Нужно нам с тобой съесть тут все, что можно, — сказал богатырь Яр-Туру. — Силы нам нынче немало понадобится.

Они принялись уничтожать пресные лепешки, сушеную рыбу, безвкусную кашу из полбы, запивая все кислым просынным пивом, чтобы не на сухую. Вылебали котел какого-то варева, даже не полюбопытствовав, кто именно сварен в том котле. Добрались и до погребов, где хранилось самое вкусное.

Те, кто не сподобился вдохнуть Святогоровой силы, довольствовались малым, после чего Сочиняй-багатур встал у дверей на карауле, а пророк Возопиил и Лю Седьмой пошли бунтовать народ: оказывается, Бедный Монах в совершенстве владел искусством как возбуждать народные смуты, так и подавлять их.

Побратимы ели через силу, не в удовольствие, но для дела.

Наконец Жихарь зарычал, взмахнул рукой и перешиб толстую дубовую столешницу. Яр-Тур сидя подпрыгнул на лавке и переломил ее. Можно было начинать захват города.

С криками: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий!» Жихарь и король ворвались в караулку у городских ворот. Жихарь сразу же вооружился местным мечом, довольно легким и тупым, а Яр-Туру непременно требовался его Эскалибур, который нашелся в каморке у начальника стражи. Рев побратимов был настолько страшен, что никто и не подумал сопротивляться.

Сочиняй-багатур сломал десяток луков, чтобы подобрать подходящий, но все равно остался недоволен:

— Такой лук только тарбаган стреляй, в бою шибко плохой!

Побратимы побежали по улице, размахивая мечами, а степняк вскочил на рослого белого жеребца, развернулся в седле задом наперед и потрюхал следом, внимательно смотря, чтобы кто-нибудь не вздумал стрелять им в спину.

А по Вавилону уже поднималась галдящая чернь, почуявшая возможность пограбить и свести старые счета. Словом, к утру Вавилон пал.

...Жихарь сидел на высоком троне, уперев руки в колени, и разглядывал согнанную во дворец местную знать. Король Яр-Тур стоял рядом

с треном, как простой телохранитель. Сочиняй-багатур тоже приглядывался к собранию, наложив стрелу на тетиву. Лю Седьмой как ни в чем не бывало спокойно рассказывал что-то главным жрецам, а они то и дело падали пред ним ниц и норовили облобызать башмаки. Пророк Возопиил ходил по залу и устремлял свой грозный нос то на одного, то на другого вельможу. Многие старались укрыться от указующего носа за спинами соседей.

Перепуганные мужи вавилонские шептались промеж собой, что, мол, вернулся из подземной державы царь Гильгамеш, все в гробу выдавший, чтобы показать кое-кому Энкидину мать.

Сильную сумятицу вносил спятивший Вавила Охотник: он прыгал по каменным плитам на четвереньках и все пытался кого-нибудь боднуть.

— Тихо! — грянул Жихарь в полный голос.

Мужу вавилонские покорно заткнулись, и даже бедолагу Нимрода схватили и придавили к полу, чтобы не прогневал грозного завоевателя.

— Сами видите, — сказал богатырь, — что царь ваш сделался безумен. Боги меня на него нарочно уронили, а вы знамения не поняли и пытались меня, посланца их, заточить в подземелье на растерзание чудовищу. Кто вы после этого?

Вавилоняне молчали. Потом чей-то тонкий голос робко предположил:

— Собачьи дети, да?

Жихарь страшно расхохотался.

— Да нет! Собачьи дети маленькие, славненькие, даже кусаться еще не умеют. Не поравняю вас с ними — много чести. Ослов — и тех обидеть не хочу. Шлюхины вы дети!

Вот уж на такие слова в великом городе никто оскорбиться не мог: все вавилонские женщины раз в году занимались при храмах любовью за деньги, таков уж был тут обычай. Но Жихарь этого не знал и продолжал полагать, что крепко приложил окаянных вавилонян.

— Родились от брака горной ведьмы и обезьяны... — тихонько под сказал Лю Седьмой.

— Во-во! Вы родились от брака ведьмы и горной обезьяны! — подхватил богатырь.

— Мы родились от брака... — печально повторили хором мужи вавилонские.

Жихарь хотел сам придумать оскорбление позаковыристей, но ничего не придумал и с досады стукнул кулаком о поручень трона. Украшавшая поручень каменная голова льва откололась и с грохотом покатила по ступеням.

Вавилоняне вконец притихли, даже дышать осмеливались через раз — ждали казней и расправ.

— Или разве помиловать вас? — задумчиво сказал богатырь и посмотрел на Яр-Тура.

— Да, это именно вы, сэр брат, — сказал король. — А сами еще постоянно упрекали меня в мягкосердечии!

— Ну что мы их — резать тут, что ли, будем? — сказал Жихарь. — А устраивать судилища да разбиралища у нас времени нету. Берем добычу, сколько унесем, — и домой! Разве Мерлин тебя не предупреждал?

— Предупреждал, но король должен оставаться королем на все времена.

— Ты что, править здесь надумал? Сталь плохая, пиво скверное, солнце как молотом по башке колотит!

— И все-таки следовало бы привить им благородные понятия...

— Оглушу, суну в мешок и унесу! — пригрозил богатырь.

По ступенькам к ним поднялся Бедный Монах.

— Как тупы эти западные варвары! — воскликнул он. — Несовременному еле-еле удалось убедить их признать себя подданными Желтого Императора...

И он торжествующе помахал еще влажной глиняной табличкой.

— Ну ты бойкий, — только и сказал Жихарь. — Уже и договор заключил!

— Мой улус тоже сюда обязательно набег ходить будет, — пообещал Сочиняй-багатур. — Сырое серебро, сухое золото, да!

— Куда я попал, с кем братство вожу! — воскликнул Жихарь. — Одни покорители мира собрались, сплошные Македонские! Да мы с вами тут как застрянем — тогда будете знать!

Мужи вавилонские, видя, что внимание к ним ослабло, снова загалдели, деля должности при дворе нового владыки.

— Тихо! — снова рявкнул Жихарь. — Разве я велел говорить? Слушайте мое решение, лукавый народ: до тех пор, пока законный царь не воротится в разум, наместником моим назначаю вот его!

И указал на пророка Возопиила. Тот аж рот разинул, и все разинули.

— Так он же вор... — робко провещался какой-то толстяк.

— Всякий правитель вор, — не смутился богатырь. — Где вы других-то видели? Зато теперь он будет воровать по закону, а не по базару.

— Как вы можете такое говорить, сэр брат? — горячо прошептал король. — Неужели, по-вашему, я тоже вор?

— Налоги собираешь? — спросил Жихарь.

— Разумеется.

— Ну и вот. Да не вмешивайся, тут другие порядки, я их живо понял...

— Господин, — подал голос лысый жрец в черной хламиде. — Велишь ли продолжать возведение Большого Зиккурата?

Жихарь задумался, но ненадолго.

— А велю! — Он махнул рукой. — И тот, кто положит последний кирпич, пусть станет царем — на полоумного надежды мало...

Вавилоняне радостно зашумели.

— Что вы наделали, сэр брат! — простонал Яр-Тур. — Теперь-то они наверняка достроят башню, а мы не сдержим слова...

— Нет, — сказал Жихарь. — Как раз теперь они ее НИКОГДА не достроят. Или следить будет друг за дружкой, чтобы кто не положил последний кирпич, или, наоборот, натаскают их столько, что вся постройка рухнет под собственной тяжестью...

— Уважаемый прав, — сказал Лю Седьмой. — Недеяние угодно Небу куда больше, нежели деяние. В Небесной Канцелярии будут довольны и наверняка по смерти призовут уважаемого заседать во Вселенском Собрании. Большая честь, высокая должность!

— Возопиил! — позвал Жихарь. — Дани-подати собраны?

— Спрашиваешь, начальник! Горе вам, укрывающимся от налогов, грехов же укрыть не можем!

— Себя не обидел? Ну ладно, ладно. Только ты смотри, будь осторожен — повластвуй малое время, а потом выбери ночку потемнее, да и...

— В Вавилоне все ночи темные, — усмехнулся пророк.

— Тогда давай попросаемся в охапochку, — сказал Жихарь и сгреб пророка за плечи. — А теперь уводи своих подданных подальше, да чтобы никто не смел подглядывать: Сочиняй враз вышибет стрелой любопытное око с окосицею!

Мужей вавилонских как поганой метлой вымело — посреди зала остались только крепкие лубяные мешки с золотом.

— Дешево отделались, — проворчал богатырь. — Пусть и за это спасибо скажут, халдеи черноголовые... А нет ли у кого куска мела? Пол здесь подходящий, гладкий...

— Нет нужды применять столь примитивный и жалкий способ возвращения, — сказал Бедный Монах. — Несовершенный доставит вас по домам легко и просто...

— Это хорошо, — сказал богатырь. — А то я уже кое-какие слова подзабыл. Только по домам я вас, уж не прогневайтесь, не отпущу.

— Как это, сэр брат?

— А вот так это: во-первых, докажу, что я — это я и есть, а во-вторых, назначаю вас сватами!

ГЛАВА 10

Тяжко и глухо шумел обломный дождь.

Иван Бунин

Демон Костяные Уши сидел, нахохлившись, на плетне, и осенний дождь скатывался по его блестящим черным перьям. Кузнец Окул Вязовый Лоб стоял рядом, укрываясь от дождя дерюгой, и объяснял Демону, что добавлять в сталь лягушечью икру не имеет никакого смысла.

— Идут, — сказал Демон. — Я знал.

— Ну уж прямо все ты знал, — сказал кузнец.

Алого шелка королевский плащ Яр-Тура был виден издалека. Высокую шапку Бедного Монаха венчал золотой шарик за особые заслуги. Сочиняй-багатур был одет богаче всех, но дорогие меха от дождя намокли, и получалось, что беднее всех. В поводу степняк вел пару тяжело нагруженных вавилонских коней.

Четвертым шел детина в черной кольчуге, неся в охалке какой-то сверток. Детина был рыжий и бородатый.

— Хо, сэр Демон! — издалека крикнул Яр-Тур. — Приветствую вас! Надеюсь, вы принесли нам добрую весть?

— Здорово, пернатый! — воскликнул и детина, подойдя ближе. — Здорово, Окул! Как вы тут без меня?

— А откуда ты меня знаешь, мил-человек? — спросил кузнец.

— Скоро и ты меня узнаешь, — сказал детина. — Недолго мне в неизвестности пребывать. Ну что, Уши Костяные, все вестником подрабатываешь?

— Нет, — сказал Демон. — Тебя жду, друга твоего жду. Тебя только люди забыли. Я помню. Ты Жихарь.

— Надо же! — изумился Жихарь. — Этак ты у нас скоро совсем человеком станешь!

— Не хочу человеком, — сказал Демон. — Люди злы и неблагодарны.

— Нет, сэра Демон, мы добро помним, — сказал Яр-Тур. — В Камелоте вы всегда желанный гость. Даже Джиневра уже не боится вас.

— Вы тоже не люди, — сказал Демон. — Вы герои. Это другое.

Лю Седьмой, беспрестанно вращая над головой свой дырявый зонтик, внимательно рассматривал Демона.

— Не совпадает, — сказал он. — Ничего не совпадает. Где хвост в виде человеческой руки? Где оленье рога? Это какой-то неправильный Демон.

— Да я уж и сам чувствую, что неправильный, — сказал Демон. — Глядеть на вас гляжу, а презирать не презираю. Старость.

— Правильный, правильный, — сказал Жихарь. — Лучше не бывает. Окул, а где же ваш славный герой Невзор пустоглазый? Ты бы его позвал, мне чести нет к нему идти...

— Его теперь не дозваться, — сказал кузнец. — Как и всех прочих на погосте...

Жихарь похолодел.

— Что же с ним случилось?

— А что со всеми бывает. Спился и помер под забором, даром что кабатчик...

— Так он же герой...

— Понимаешь, мил-человек, — сказал кузнец, — у нас в Столенграде нынче какое-то помрачение умов. Сперва всем казалось, что герой Невзор, а нынче кажется, что герой Бабура... Книжка, говорят, про него написана... И княжна в смятении... А Невзор твой все свое немалое добро пропил, к Бабуре в долги залез. Иные говорят, что он руки на себя наложил: не то удавился, не то повесился.

— Бабура, Бабура, — вдруг заговорил король. — Ньюзор — Бабура, Бабура — Ньюзор... Ничего не понимаю.

— Все понятно, — сказал Жихарь. — Невзор чужой славы не сдюжил нести, расписку мою Бабуре перезаложил... Ах, не успел я с ним за старика Беломора посчитаться! Ах, не успел!

— Беломор здесь, — сказал кузнец. — Княжна наша стала чахнуть, вот его и позвали. Страшатся его все, кроме меня...

— Сэр Окул! — сказал король. — Как вы посмотрите на то, чтобы перебраться к нам в Логрию? У нас нужда в добрых кузнецах!

— Ты мне мастеров не переманивай, — сказал Жихарь. — Где же Бабура? Или тоже запил?

— Пока не запил, но помалу прикладывается, — сказал Окул. — В кабаке он, где ему еще быть?

— Сходи и позови, — сказал Жихарь. — Передай, что побратимы его приехали навестить. Упрется — волоком волоки!

— Героя-то? Да кто ж мне позволит?

— У него охрана там, что ли?

— Да какая охрана! Вся дружина давно разбежалась. Княжна занемогла. Люди со дня на день ждут кривлян. Я уж землянку в лесу выкопал... Ладно, пойду скажу Бабуре...

Он удалился в сторону кабака.

Жихарь спросил Демона:

— Дети-то как, все еще огорчают? Ты их ремешком, ремешком...

— Дети играют в Жихарев поход, — сказал Демон.

— Смотри ты...

Тем временем явился и румяный Бабура. Румянца, правда, у него поубавилось. Был он одет в Жихаревы доспехи, сбоку болтался меч.

— Что-то знакомое лицо, — сказал Яр-Тур. — Вроде бы где-то видел... Но кто же в таком случае сэр Ньюзор?

Но Бабура оказался поумней Невзора, и чужая слава не вскружила ему голову.

— Не мог ты там шею свернуть, — проворчал он. — Что теперь делать будем? Воротишь ли должок с лихвой или по-своему, по-разбойничьи поступишь?

— Выкуплю честь по чести, — сказал Жихарь.

— Провалилась бы твоя слава, — сказал Бабура. — От нее всем одна беда...

Жихарь развернул тряпицу. В руках у него засиял золотой крылатый бык с человеческим ликом и волнистой бородой.

— Пойдет? — спросил богатырь. Бабура принял золотого быка, согнулся под его тяжестью, прохрипел:

— Пойдет...

— Только не вздумай пустить в переплав, — предупредил Жихарь. — Пусть стоит в кабаке для красоты...

— В кабаке ему рога живо обломают вместе с крыльями, — сказал Бабура и поставил быка на землю, на желтые листья. Потом достал из-за пазухи долговую грамоту — видно, всегда носил ее при себе.

Пожелтела, поистрепалась богатырская слава...

Жихарь принял грамоту, спросил по обычаю:

— Нету меж нами долгов, займов и лихвы?

— Нету меж нами долгов, займов и лихвы, — по обычаю же ответил Бабура.

Богатырь подал грамоту Демону, и тот в мгновение ока разодрал ее своими стальными когтями на мелкие кусочки.

— Жи-ихарка! — весело возопил кузнец и бросился богатырю на шею. — Как же я тебя сразу-то не узнал, мех я дырявый, крица пережженная! Вернулся! Наконец-то!

— Сэр Джихар! Пелена спала с глаз моих, разум просветлился! Это вы, без всяких сомнений! Сэр Лю, приветствуйте же обретенного брата!

— Чего вы под дождем-то стоите, мокнете? — спросил Бабура, косясь на туго набитые мешки. — Все равно же у меня останетесь...

— Нет, — сказал Жихарь. — Мы пойдем ко мне, в княжеский терем. Княжна Карина, я чаю, как узнает, что за гости к ней пришли, так враз выздоровеет! Окул, ты меня уже сватал, навыв имеешь — веди друзей моих прямо к ней, расскажите, как сохнет добрый молодец, как его ретивое стонет со восхожего до закатимого! Ну да вы знаете, что говорить...

— Мой песня сочинил, петь будет. Никакой девушка устоит! — горделиво сказал степняк.

И они пошли к княжескому терему, а из-за плетней выглядывали изумленные столенградцы: где пропадал великий воин и герой все лето? Дети при виде низко летящего Демона прятались за матерей.

Никакой стражи на крыльце не было — видно, совсем плохи стали дела в Многоборье. Жихарь понимал: каков Невзор ни подлец, каковы кривляне ни хищники, а вина за все лежит на нем, и ни на ком больше. Вот если бы вину свою кому заложить...

— Я уж навверх не пойду, — сказал он. — Потом позовете, если мне благоприятное решение выйдет.

— Я тоже тут жду, — сказал Демон. — Мне в домах тесно, давит.

— Ах, если бы у ваших девушек глаза сужались, а носы не так выдавались вперед! — сказал Бедный Монах. — Тогда они прослыли бы прекраснейшими в мире нефритовыми богинями!

— Как странно складываются человеческие судьбы! — сказал Яр-Тур. — Король Марк посылал сватом к леди Изольде своего друга рыцаря Тристана — и все кончилось очень плохо. Ныне рыцарь Джихар посылает сватом к леди Карине своего друга короля Артура — и все должно кончиться очень хорошо.

— Зачем сомневаться — калым больно богатый! — сказал Сочиняй-багатур. — Сочиняй за свою добычу еще десять жена купи...

— Ну, помогай нам Лада! — сказал кузнец и рукой причесал поседевшие кудри.

Жихарь и Демон остались сидеть на крыльце: богатырь на ступеньках, мятежный дух на перилах.

Дождь все не прекращался, и это было к лучшему — кривляне не станут купаться в грязи, подождут морозца... Как же от них отбиваться без дружины, это ведь не вавилоняне — свой брат...

Из верхнего окошка раздавался звучный красивый голос короля, ласковое мяуканье Бедного Монаха, бренчание звонкого кельмандара и кашель кузнеца.

— Как бы она их с лестницы не спустила, — озабоченно сказал Жихарь.

— Бывает, — откликнулся Демон и спрятал голову под крыло.

Красноярск, 1997 г.

Михаил УСПЕНСКИЙ

6

*Литературное наследие
Крестовника*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Дело будет так, — начал я. — Вы будете счастливы, но однажды, путешествуя под водой, наткнетесь на лысого мужчину, сидящего среди водорослей. Вы подумаете, что это водяной царь, но он заговорит с вами по-русски. Вам покажется, что вы поняли, о чем он говорит, но через некоторое время вы, к своему великому ужасу, поймете, что ошиблись.

Рекс Стаут

Хорошо тому, кто умеет всю долгую многоборскую зиму проспять в берлоге, в дупле, в норе под корнями. Неплохо ему! Никакой заботушки о дровах, о припасах, о возможных гостях, а главное — не коснется его зимняя скука, когда со двора выйти невозможно по причине метели, и приходится сидеть в душной натопленной избе с дурной головой и выслушивать в сотый раз надоевшие байки от домочадцев или нечаянных пришлых людей. Издалека-то ведь не придут, новостей не доставят!

Зато весной засоне придется туговато: пробудится голодным и злым, а лягушкам, змеям да ящерам еще и оттаивать предстоит — дело довольно болезненное. Тут человек по сравнению с лесной тварью и нежитью в выигрыше окажется.

Лучше всех, конечно, устроились подводные жители. Душновато им подо льдом, понятное дело, зато пребываешь в полусонном виде, когда никто никого почти не ест.

...Для водяного Мутилы всякая весна начиналась одинаково. Когда лед у берегов становился все тоньше, а озеро Гремучий Вир прибывало от многочисленных ручьев, ему снился один и тот же сон: будто бы на берегу стоит на коленях древний старик и зовет хриплым, рыдающим голосом:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!

Кто такой Ихтиандр, Мутило знать не знал, но крики эти спронежия полагал относящимися к себе. Он вскакивал с лежанки, отбрасывал одеяло, сшитое из драгоценного, по причине редкости, рыбьего меха, выскакивал из подводного своего жилища и устремлялся вверх, к солнцу и небу. При этом он изо всех сил врзался в недотаявший лед и, если бы не тугие рожки, непременно расколотил бы себе голову. Грязно человекаясь (это ведь только люди чертыхаются, а черти, наоборот, человекаются), он осматривал окрестности своих владений, никакого старика не находил, обиженно взвизгивал и нырял к себе на дно, где со злости пинками пробуждал своих немногочисленных слуг — русалку да утопленника.

Но на этот раз водяной черт решил схитрить: пусть проклятый мнимый старик хоть заорется про своего Ихтиандра — Мутило и пальцем не пошевелит, покуда зеркало озера не освободится ото льда.

— Ихтиандр! Ихтиандр! Где ты там, в печенку, в жабры, в рыбий пузырь тебя! Дороги просохли, а ты все дрыхнешь! Гостя встречай! — доносилось сверху.

Голос был вовсе не старческий. Мутило вздохнул, выскользнул из-под одеяла, прошлепал плоскими широкими ступнями по холодным половицам, отворил дверь и осторожно вышел.

Озеро действительно очистилось — так, редкие льдинки упорствовали еще, но на них можно было не обращать внимания. Мутило крикнул, присел, оттолкнулся от придонного плотно слежавшегося ила и помчался вверх, яростно помогая себе руками, ногами и даже хвостом.

Да, немного плавало льдин, но водяному и одной хватило, поскольку опять он ударился рогами в кусок замерзшей воды, расколол его и зажмурился от яркого света.

А когда разожмурился, то увидел, что снова нет на берегу никакого старика. Вместо старика на прогнивших мостках стоял здоровенный детина в алом княжеском плаще и орал:

— Ты бы еще до Купального дня провалялся! Лесной хозяин уже весь в трудах, а у тебя скоро и раки последние расплзутся!

От удара в Мутилиной голове окончательно прояснело.

— Жихарь! — воскликнул он. — Княже многоборский! Чего так рано нынче-то? То ли в кости не с кем сыграть?

Водяной быстро достиг мостков и вскарабкался на них. Князь Жихарь подхватил его, как малое дитя, своими ручищами и поставил себе пред светлые очи.

— Душа горит, — сказал он. — Мочи нет!

— Да, без души-то нашему брату спокойнее, — согласился Мутило.

Князь не побрезговал с ним облобызаться, распахнул полу плаща и показал водяному здоровенную бутыль. Мутило присвистнул.

— Надо же, как тебя допекло, — сказал он. — С какой радости?

— Невместно князю с подданными горькую пить, — вздохнул Жихарь. — Да и от княгини подальше, а то опять начнет... Веришь ли, всю-то зимушку — ни чарки, ни ковша, ни капельки. Среди ночи, бывало, проснешься — а она заговор нашептывает: «Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из заторного студенца. Месяц ты красный, сойди в мою клеть, а в моей клетки ни дна, ни покрывки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор, а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите супруга моего от вина; месяц, отврати милого от вина; солнышко, усмири ясного от вина. Слово мое крепко!» Видишь, наизусть вызубрил!

— Невыносимо, — сказал Мутило. — Ну, где пировать будем — у меня или прямо тут?

— Боюсь, не полинял бы плащ, — сказал Жихарь. — Пойдем в развалюху, я уж там все приготовил...

И они прошли в дряхлую рыбацью избушку, давным-давно стоящую без двери и с выломанными ставнями. В избе Жихарь успел кое-как подмести и расчистить столешницу. На ней стояли две чарки — серебряная и деревянная, для водяного, — поскольку нежить серебра не любит пуще железа. Такая забота умилила Мутилу.

— А где же свита твоя? — спросил он, мостясь на лавку.

— Там, в логу оставил, — сказал Жихарь, доставая из мешка домашние постряпушки. — Сказал им так: мол, опять к печальным этим берегам меня влечет неведомая сила. Тому нечего стыдиться, кому дома не сидится!

С этими словами князь вытащил зубами пробку и разлил зелено вино по чаркам.

— Со свиданьем! — провозгласили оба враз и выпили. Крупное личико у князя сразу сделалось красное, как всегда бывает у давно не угощавшихся людей, а у водяника наоборот — пуще позеленело.

Воротившиеся из разных теплых краев птицы наперебой рассказывали друг дружке, где были да что видели. Солнце припекало по-летнему. А комарам и мухам было еще рано жить.

— Три года не виделась, — сказал Мутило. — С самой свадьбы твоей...

Да уж, богатырь постарался созвать на свадьбу всех, кто помогал ему в странствиях. Демон Костяные Уши чуть крылья до самых плеч не изработал, пока разносил приглашения. Сам же Мутило прибыл в Столенград весьма торжественно, в расписной телеге, позаимствованной ради такого случая у Речного царя, сидел при этом в новенькой дубовой кадучке, а русалка его стояла на хвосте, размахивала вожжами и громко свистела. В этой же кадучке водяного и восвояси увозили, чуть тепленького...

Сразу же, не откладывая, выпили по второй, заели пирогами.

— Каково княжествовать? — спросил Мутило. — Сладко ли? Жихарь махнул рукой.

— Знатьё бы — так сроду не пошел. В первую зиму кое-как замирились с кривлянами. Тесть-то мой и особенно теща названная, княгиня Апсурда, разнесли по белу свету, что княжну Карину-де силой приневолили. Хорошо, что уговорил Лю Седьмого перезимовать у меня. Ой, хитер мудрец, мудер хитрец! Он им и Снегового Змея показывал, и огнями цветными страшал, а слова говорил весьма ласковые да вежливые. Семивражье мы поделили по-соседски.

— Ну и будь доволен, — сказал Мутило. — Последнее дело с родней в розни жить.

— Потом чайнец отбыл на родину — что-то там без него не ладилось. А летом пришлось нам снова туговато: Мундук-хан со своими степняками пошел в набег. Пока мы мечами препоясывались да копья вострили, он уже пять деревень разграбил, не считая хуторов и заимок. Полетели мы вдогон, да степняков попробуй настигни! Но тут мой побратим Сочиняй-багатур им в потылицу ударил, прямо нам в лапы погнал. Мундук-хана удушили, завернувши в ковер, остальные к Сочиняю под руку пошли. Он теперь Сочиняй-хан! Договор с ним заключили честь по чести, да только случись в степи засуха — снова могут к нам полезть, не посмотрят и на договор... Степняки же... Не хан погонит, так голодуха...

— Я помню одну засуху, — сказал Мутило. — Я на дне лежу, а из воды нос торчит и все остальное...

Промочили горло, чтобы не было засухи.

— Тебе что ж, там и поговорить не с кем? — спросил водяной.

— А получается, что не с кем, — пригорюнился князь. — Окул Вязовый Лоб из кузни не вылезает, постоянно денег требует —

из нашей-то руды не всякая сталь получается. Ругаемся до синевы. Беломор вечно своими делами занят... Народ на дружинников жалуется. Я им толкую: не надо бояться человека с мечом! Нет, все равно пугаются...

— А жена?

— А что жена? Жена есть жена... — Жихарь пуще пригорюнился.

— Жена есть жена, — передразнил Мутило. — Надобно и за нее выпить... Э, самое-то главное не сказал: детки-то пошли у вас?

— Две дочки, — ответил Жихарь. — Нынче сына ждем. Непременно будет сын, все бабки говорят. Она у меня и разумница, и обращение знает, и понятия всякие, только ведь она природная княжна, а я...

— Нашел о чем печалиться, — хмыкнул Мутило. — Слава о тебе и под водой идет, до морей уже добежала.

— Слава — не родословие, — сказал Жихарь. — Она, Карина моя, то ничего, а то как возрыдает! Ищи, говорит, корни свои, иначе наследник безродный появится, настоящие князья у него живо отнимут вотчину!

— Глупости какие, — скривился Мутило. — Как это вы, люди, любите сами себе жизнь усложнять! Это бабские причуды — ведь и рыба с икрой, бывает, чудесит. Жен-то воспитывать надо — что на суше, что в омуте. Вон по моей русалке разве что печка не ходила, да и то потому, что не положено под водой печи складывать. Зато теперь по одной половине плавает. А сперва-то как причитывала: кабы не ты, изверг, говорит, была бы я теперь прекрасной ундиной в Бонжурии! Врешь, отвечаю: кабы не я, ты бы сейчас на Туманном Острове в холодном Несс-озере страшилой работала! Ей и возразить нечего...

— Богатырям женщин бить не полагается, — сказал Жихарь. — А князьям тем более. Мы ведь не мужики сиволапые!

— Вон ты как заговорил, — хихикнул Мутило. — А откуда же взялась поговорка: «Князьями не рождаются — князьями становятся»?

— Становятся, это верно, — ответил Жихарь. — У князей ведь и ум устроен не как у прочих людей. Сам в себе замечаю перемены великие! Едешь, бывало, вдоль рубежа, глянешь направо, на родное Многоборье, и думаешь: «Это мое». Глянешь налево, на соседскую землю, и вдругорядь мыслишь: «А ведь и то, если вдуматься, — мое же!» И страшно становится, и глядишь на себя, как на чужого человека, к тому же противенького... Блин поминальный, да как тяжело-то! Одна надежда — что сын вдруг возьмет и возмужает в один день. У меня такое уже бывало. Тогда сложу я с себя знаки власти, посажу его на престол, а сам поеду подвигов искать... Веришь ли — недели для себя не выкроишь! Ну, давай, за княгиню, за дочерей...

Они еще раз подняли чарки, опростали их и оба задумались.

— Хорошо, когда только сам за себя и отвечаешь, — продолжил богатырь свои страдания. — А тут об каждом думай! Это какую же голову иметь надо! Чей-нибудь дитенок в яму сверзится — дура-мать не досмотрит, — а ты мучаешься, словно сам виноват...

— Это оттого, что у людей в нагрузку к душе еще и совесть прилагается, — наставительно сказал Мутило. — То ли дело нам! Не хватало мне еще всякую икринку обихаживать, в улиткины заботы вникать! Конечно, когда среди рыбы замор начинается, надо что-то делать, так это же в редких случаях... Чувствую, что не боятся тебя — отсюда и все беды.

— Я не Гога с Магогой, чтобы от меня людям шарахаться, — сказал Жихарь и чуть не заплакал.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Будь проще — и люди к тебе потянутся! — важно сказал водяной черт, словно век занимался княжескими делами. — Как там Демон существует? Оклемался или нет?

Жихарь невольно расхохотался и даже утешился. На свадьбе Демон Костяные Уши, как старший по возрасту (свету белому ровесник), назначен был тысяцким, побратимы же новоиспеченного князя пребывали в звании простых сватов и дружек. От такой чести Демон возгордился неслыханно и взмыл в небо, да так высоко, что достиг областей, где всякий воздух кончается и начинается вечный мороз. Там Демон мигом застыл в ледышку и рухнул вниз, где ему суждено было разбиться на мелкие кусочки. Но гуляли, к счастью, не в княжеских палатах, а на берегу пруда — чтобы было где остужать хмельные головы. Демон туда и ухнул, а Мутило кинулся доставать. К вечеру тысяцкий оттаял, пришел в себя, но стал малость заговариваться, а демонята, уже приспособившиеся к почтовой службе, жаловались потом, что, мол, папаша стали какой-то отмороженный.

— Оклемался, — сказал Жихарь. — Только во время разговора пальцы враслопыр держит, — и показал, как именно держит нынче пальцы Демон Костяные Уши.

Выпили и за отмороженного. Водяник навалился на людскую страпню — после зимней спячки все равно чем брюхо набивать.

— Может, пару утушек изловить да зажарить? — предложил Мутило, видя, сколь быстро изводится закуска.

— Не вздумай! — нахмурился рыжий князь. — Они сейчас гнезда вьют, я всякую охоту на это время запретил...

— Это ты своим запретил, — сказал Мутило. — А щуке попробуй запрети! Она такой визг подымет! У меня, гляди, вон какой рубец остался!

— Не боятся они тебя, — подковырнул Жихарь. — А ведь Гремучий Вир на моей земле — стало быть, и законы мои...

— Под водой живут не законом, но обычаем, — заметил водяник. — Ладно, это все пустословие, давай про родословие. Всякий князь, известное дело, свой род к богам возводит. Вот и про тебя века через два-три сочинят, что, мол, Перуну внучек, Яриле сыночек...

— Уже сочиняют, — нахмурился Жихарь. — Дескать, дочка мельника из-за меня здесь утопилась, а сам мельник одичал с тоски и превратился в ворона здешних мест...

Мутило хлестко всплеснул перепончатыми лапами:

— Ну люди! Ну ума у них! Откуда же на озере взяться мельнице с мельником! Это же не запруда! Однако терпи, раз героем стал. Еще и не такое про себя услышишь... Если доживешь до беззубых лет... Высоко залетел, надо быть скромнее. Вот мне по молодости, помнится, предлагали одно озерко — далеко-далеко на восходе. Там не озеро, а целое пресное море, по нему в бурю и волны морские ходят. Так я отказался.

— А чего так?

— Волны, говорю, ходят в бурю человек знает какие и рыбацкие лодки переворачивают в холодающую воду. Утопленников полно. А я здесь и с одним-то замучился каждый день ему заделье придумывать, чтобы глаза мне не мозолил. Там же таких целая ватага. Ну, мой-то старательный, скоро будет на чин водяного испытание держать, найдут и ему водоем...

— Постой, постой! Так водяники, выходит... Вон как! Чего же про тебя говорили, что ты полукровка, ведьмин сын?

— Люди говорили, — уточнил Мутило. — Люди. Вы вечно все перевернете... Сам ведь такой же... Брехло, хоть и князь... Не может у водяника с человеческой бабой, даже и с ведьмой, быть потомства.

— Это верно, — согласился Жихарь и потряс бутылью, словно от этой тряски зелена вина могло прибавиться. — Все мы врем и подвираем, а правду только вино и способно выгнать на свет. Ведь и меня не ведьма поедучая в печку пихала, а простая старушка. Квелый да чахлый был я во младенчестве, вот она меня из разбойничьей избы забрала и к себе принесла лечить, а я по глупости на весь лес орал: «Кот и Дрозд, спасите меня!» Бабка меня обмазала тестом и сунула на лопате в печь — чтобы, значит, дошел до полной силы... После этого полагается дитя еще поганым корытом накрыть, а потом из-под корыта достать, будто бы заново народившегося. Но тут прибежали Кот с Дроздом, видят такое дело, собрались бабку зарезать по обвинению в людоедстве, да она того не дожидалась: в окошко сиганула, как молодая. А потом сочинили и про ведьму, и про мои малолетние подвиги...

— Правда и без вина вылезет, — наставительно сказал Мутило. — Меня маленького та же самая бабка сюда, на Гремучий Вир принесла от родимчика пользоваться водою с лунной дорожки. А люди подумали, что топить. Базлали так, что я перепугался, со страху бабке чуть нос не откусил, затрепыхался и в воду ухнул. О чем, кстати, не жалею. На земле бы я уже давным-давно состарился и помер. А в воде и человек медленно движется, и время не скоро идет. Хорошая ведь бабушка была, ославили ее зря...

Выпили за необоснованно ославленную бабушку. Зелено вино, употребленное в достаточном количестве, помаленьку разогнало грусть-печаль. Жихарь этим решил воспользоваться.

— Вот еще что, — сказал он. — Просьба к тебе от всего Многоборья. За боями и трудами оскудела наша казна. Так вот, нельзя ли моим людям для поправки жизни устроить на твоём озере рыбный промысел? Просеку прорубим, проторим прямую дорогу, будем рыбу солить, коптить, торговать... Ну, тебе жертву каждую весну, как положено — лучшего коня...

Мутило задумался. Потом показал Жихарю кулак — но не в смысле угрозы, а в смысле отказа — просто из-за перепонки водяник не может согнуть пальцы в кулак.

— Вот тебе — промысел, — сказал он. — Знаю я ваши промыслы. Во-первых, твои ухари тут все выловят под метелочку. Сети сплетут такие, что малек не уйдет. Потом, чтобы озеру не пропадать, начнут на берегу какие-нибудь пакости делать — например, кожи дубить. И потечет в Гремучий Вир всякая дрянь, так что даже лягушки отравятся. А под конец люди и сами поселятся — бани построят, отхожие места возведут, начнут стирать, лишних котят да щенят топить...

— Не допущу! — грохнул кулаком Жихарь.

— Ты не вечный, — возразил водяник. — А озеру еще многие века быть! Эх, отчего вы такие жадные?

Жихарь ничего не ответил и только глядел на водяника с большим изумлением. Вместо придурковатого водяного черта перед ним вдруг предстал мудрый и твердый вождь маленького племени, готовый за это племя биться до последней капли зеленой крови. А он-то думал, что запросто уговорит Мутилу подмахнуть урядный договор...

— Ну, сейчас, по весне, у вас голодуха, — смягчился Мутило. — Присылай людей с возами, с коробами — насыплем, так и быть. Соседей надо выручать. А чтобы строиться-селиться, даже не думайте. Деньги он замыслил на вольном озере зарабатывать! Хорош друг!

Пристыженный Жихарь разлил последние капли.

— Сам видишь, что со мной престол делает, — пожаловался он. — Весь я не в себе и себе не хозяин... Только где же денег купить?

Мутило опять задумался, но уже над другим.

— Утоплого, что ли, за вином сгонять... Эх! — неожиданно крикнул Мутило и даже подпрыгнул на лавке. — Размять надо кости! И тебе, князька, необходимо развеяться! Пошли на Полелюеву Ярмарку! Давно я не ходил в люди, не красовался в торгу!

— Вот говорят: Полелюева Ярмарка, Полелюева Ярмарка, — заметил Жихарь. — Ото всех я слышал про нее, а сам ни разу не видел. Во младости все как-то ноги не доходили, нынче дела замучили...

...Полелюева Ярмарка была ярмарка не простая, но чудесно обретенная. Много лет назад парнишка по прозвищу Полелюй нанялся на три года в ученики к известному в те времена колдуну Орлыге. Орлыга простоватого парня до волшебных кощунов не допускал, составлению снадобий не учил, а гонял три года по хозяйству как проклятого. Работником Полелюй оказался старательным, не вороватым по причине все той же простоватости, и Орлыга, колдун в общем-то не самый вредный, наградил его за труды расписным яйцом. Наказал яйцо разбить только тогда, когда работник вернется в родное село.

Но простоватый Полелюй не утерпел и, сильно проголодавшись на обратном пути, решил кокнуть яичко на лесной поляне, где отдыхал. И стоило яйцу разбиться, как вокруг изумленного паренька зашумела, загудела ярмарка, закрутились карусели, воздвиглись лавки и загорланили лавочные сидельцы, расхваливая свой нехитрый товар, забегали многочисленные покупатели вкупе с мелкими жуликами и крупными воротилами. Главное — никто из этого народа не удивился, очутившись вдруг в незнакомом лесу. Полелюй стоял среди пестрого и шумного торга, разинув рот...

Если бы дело происходило в сказке, то к нему подошел бы неведомый человек и предложил свернуть ярмарку обратно в яйцо, а взамен потребовал того, что Полелюй дома не чаял. Так в сказках всегда бывает. А в жизни простоватый парнишка рот захлопнул, пораскинул мозгами и объявил народу, что кабы не он, Полелюй, то ярмарка бы продолжала томиться в скорлупе неведомо сколько, и поэтому ему, Полелюю, полагается десятая часть со всякого барыша.

Сперва толпа хотела растерзать парня за дерзость, но потихоньку стали люди припоминать, что да, тесновато было в яйце, торговля не расширялась, переключивали, по сути, деньги из одного кармана в другой, давненько не завозили свежего товара, и даже монеты от частого хождения по рукам давным-давно истерлись.

Кроме того, в силу чудесных свойств расписного яйца, поляна оказалась на ничейной земле, непонятным образом раздвинув рубежи многоборских и прочих владений. Стало быть, никакому князю ничего платить не надо — ни даней, ни пошлин. Такие места по стародавнему обычаю именовали почему-то «обжорными зонами». Сам Полелюй объявлять себя князем благоразумно не стал, а согласился принять звание ярмарочного старосты, да вдруг и повел дело с таким размахом, что ярмарка его имени скоро прославилась во всех окрестных землях, не прекращаясь ни на день — кроме самых запovedных праздников...

Выходит, правильно колдун Орлыга не учил его чародейным делам, способности у Полелюя были к другому, а до известного торгового заклинания «Товар идет — деньги ведет, деньги идут — товар ведут» он и сам природным путем додумался. Еще до того, как седея бородища выросла...

— На ярмарку... — Жихарь задумался. — Ну... Я как-то и не собирался даже... И жену не предупредил... Мошна опять же пустая...

— Подарок привезешь — простит, — заверил его Мутило. — И народ там всякий собирается — может, и узнаешь чего про свое родословие... Что же касается денег — будут тебе и деньги, коли исполу со мной торговать согласишься...

— Да хоть лягушек бонжурцам продавать. Только надо бы вернуться, свиту мою оповестить, — сказал Жихарь. — А то подумают еще, что утопился я в Гремучем Виру с горя и безденежья... Я ведь из дому в больших сердцах уезжал...

— Князь во князьях, — с вреднейшей отравой в голосе сказал Мутило. Он вышел на мостки и заорал: — Эй, господа караси! Извольте ли меня, владыку подводного, на ярмарку отпустить? Согласия вашего спрашиваю!

Тотчас же поверхность озера покрылась множеством пятнышек: то были открытые рыбы ротки.

— Чего? — водяной приложил лапу к ушной дырке. — Не слышу! Молчат — стало быть, согласны. Ну и человек с вами. Утопый, за меня остаешься на хозяйстве...

— Постой, — сказал посрамленный князь. — Полелюева Ярмарка — не ближний свет. Если бы нам туда еще затемно выйти... А то явимся к шапочному разбору.

С этими словами богатырь повернулся лицом к лесу, приложил ко рту ладони и крикнул:

— Калечина-Малечина, сколько часов до вечера?!

— Целая дюжина! — откликнулся из чащи визгливый голос.

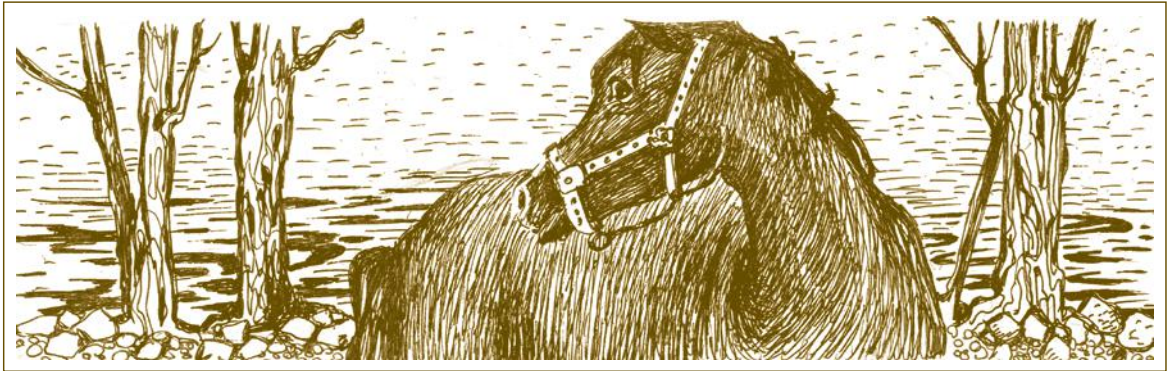
(В тех краях, где Калечина-Малечина не водится, люди вынуждены узнавать время с помощью всяких мудрых устройств, водяных капель и мелкого песка.)

— Всего-то? — огорчился Жихарь.

— Не гунди, не пешком пойдем, — дерзко утешил его Мутило. — Решил я тебе полное доверие оказать...

Водяник, несмотря на перепонки, засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

ГЛАВА 2

*Чуть не в каждой галерее
Есть картина, где герой
Порываясь в бой скорее,
Поднял меч над головой.*

Генрих Гейне

Кони любят, когда человек их купает, зато плавать не ахти горазды. Конечно, при нужде конная дружина реку пересечет — особенно если известны броды. А вот когда река очень широкая или если это не река даже, а море, тут и самый дорогой и выносливый жеребец не сойдется. Попадет ему вода в уши — и все, дальше пешком иди, коли сам, конечно, выплывешь.

Но в воде кроме рыб, раков и водяников с русалками водятся и свои водяные кони. Есть они и в реках, и в морях, и земным лошадям с ними не равняться ни в красоте, ни в резвости, ни в своенравии. Принц Яр-Тур в свое время немало порассказал Жихарю про чудеса своей страны на Туманном Острове. Там идет путник мимо реки и видит, что пасется на берегу конь королевских статей. Если путник молод и смел, он, конечно, попытается на это чудо вскочить, обратять и дальше двигаться верхом. Вскочить на себя водяной конь позволит, зато уж потом! Будет носить бедолагу долго-долго по лесным дебрям, покуда всего не растреплет о ветки да сучья, а коли не растреплет, то бросится вместе с всадником в ту же реку. Только и видали всадника! Водяной же конь будет ржать от злого веселья.

Зовут этих злодеев в той стране по-разному — келпи, ракушники, аванки, брэгги, кабилл-ушти и даже эх-ушки. А в Многоборье их совсем никак не зовут — не водятся они ни в реках, ни в озерах, без них жителей хватает. И несчастий тоже.

...Жихарь даже дыхание где-то потерял, глядя на чудо, вышедшее из озера. Хорошо еще, что не было с ним в товарищах Сочиняй-хана! Степняки любят лошадей до беспамятства, и певец непременно очурился бы от восхищения. Все табуны свои отдал бы Сочиняй-хан за этого жеребца, и все равно остался бы ханом...

Масти конь был вороной, но сзелена, и временами солнце сверкало на его боках ярко, как на глади полуденного озера. Только по этой примете можно отличить водяного коня от обычного. Ну и по стати, ясное дело.

— Ты его... это... где? — еле собрал слова Жихарь.

— В кости выиграл, — потупился Мутило. — После твоих рук кости совсем стали счастливые. Что ж ты думал, мы дурней вас живем? У нас тоже свои ярмарки есть и прочее...

— Он меня к себе и не подпустит, — усомнился богатырь.

— На, — водяник сунул ему в руку мокрые ветхие ремни. — Наденешь — твой навеки.

Жихарь, не веря нежданной удаче, подошел к водяному коню (тот лишь повел зеленым глазом) и осторожно, бережно взнуздал.

— Признал, — хмыкнул Мутило. — Вот на нем и поедем. Ты впереди, а я за тебя уцеплюсь.

Жихарь крепко держал уздечку, ожидая, что чудо-жеребец в любой миг может кинуться назад в озеро.

— Неловко в княжьем-то плаще, — сказал он наконец. — Да и тебе, брат, знаешь... Зелененькому-то...

— Сам ты зелененький, — обиделся Мутило, трижды обернулся на беспятой лапе и перекинулся в невысокого старичка в долгополом кафтане болотного цвета. Запахнут кафтан был на бабью сторону, а с левой полы на траву помаленьку капало.

Водяные действительно любят побродить по торговым рядам в базарный день, а уж на ярмарках бывают непременно — на любой хоть одного да отыщешь по сырому следу. Иначе откуда бы они так хорошо знали людскую жизнь?

— Добро, — сказал Жихарь. — Только как же мы туда без денег-то явимся? У меня с собой казны — две полушки...

— Коня продадим и с деньгами будем, — зевнул Мутило.

— То есть как продадим? — закричал Жихарь. — Этакую красоту продадим? У тебя, видать, все мозги водой разбавило!

Он еще сильнее вцепился в уздечку. В кои-то веки попался подлинно богатырский конь — и сразу с ним расстаться!

— Мы ж его без уздечки продадим, — спокойно сказал Мутило. — Потому что без уздечки не считается...

— Значит, он, Мара, уже в Окаянии не царствует? — ахнул Жихарь.

— Цыгана и на престоле не удержишь, — гордо ответил Мутило, словно и сам принадлежал к бродячему племени. И человек, и водяник прикованы бывают к месту жительства, поэтому они равно завидуют цыганской свободе: живет же хоть кто-то на свете по вольной волюшке! — Цепи он потихоньку перегрыз и снова теперь по лошадиной части подвизается...

— Ну, Стрибог ему в помощь, — великодушно разрешил князь. — Только как же мы его обманем, когда он сам всех обманывает?

— Ты, главное, уздечку снять не забудь...

Жихарь вспомнил, как коварный цыган увел у них с Яр-Туром коней на полном скаку, и ожесточился. Так ему, Маре, и надо будет!

— Все равно же только к вечеру поспеем... — сказал он.

— Да маленько пораньше, — ответил Мутило. — Без седла удержишься?

Богатырь побагровел и не стал отвечать на дурацкий вопрос.

Хоть Мутило и перекинулся человеком, нос его все-таки напоминал щучье рыло. Этим рылом он повел по воздуху.

— Непогода идет, — вдруг сказал он, хотя солнце палило всюю. — И не просто непогода, а что-то похуже...

— Может, обгоним грозу, потягаемся с Перуновыми конями? — предложил богатырь.

— Да какая гроза, — с неожиданной тоской сказал Мутило. — Человек его побери, все-таки он своего добивается... Эх, ладно, уводи, князь, коня, кличь его Налимом, а я тут попробую отбиться...

— От кого?

— Уезжай, говорю, тут не про людей спор... Вот и съездил на ярмарку...

— Да в чем дело-то?

Вместо ответа водяник как-то жалко хлюпнул.

— Тебе бы озеро проиграл — не жалко, — сказал он. — А ему — так даром отдай! Он же тут все до песка высосет, а потом всю мою живность где-нибудь над горами рассыплет, где и рыбы живой не видели...

— Кто — он? — не унимался Жихарь.

— Ты еще здесь? Скачи, хоть коня спасешь...

— Ну уж нет, — сказал богатырь. — Тут моя земля, и я на ней всякого обязан защитит — человек ли, нет ли...

— И далось вам всем мое озеро, — занял Мутило. — Мало ли на свете иных озер... У рыб самый икромет...

Стало трудно дышать даже князю, а водяник вовсе хватал воздух человеческим ртом. Зашумели вековые сосны. Послышался гул и треск.

Богатырь вскинул голову. Выше деревьев, выворачивая их с корнями и разбрасывая по сторонам, шел мутный кривой столб с воронковидным навершием, словно огромная скособоченная бледная поганка решила прогуляться, творя свою поганкину волю. От столба даже издали несло жаром.

— Видишь, в какой он нынче силе? — просипел водяник. — Засуха будет, он уже с неба всю воду выпил, теперь земной добирает... Уводи коня, коня сбереги хоть у себя на дворе, в колодце... Конь ему на четверть глоточка...

Вот уже хлопнулась в озеро, размахивая широкими корнями, первая сосна. Столб пошел вдоль берега, примеряясь, как ловчей зайти на середину Гремучего Вира.

Убежать очень хотелось, причем как можно дальше. Жихарь закрыл глаза и стал мысленно считать пальцы на руках и ногах у себя и у других воображаемых людей. Считал, покуда не вспомнил, что это за беда идет и как с ней предписано бороться в ученых книгах. По книгам-то выходило довольно просто, а по жизни...

Меч здесь не годился.

Озерное зеркало затянуло рябью, раздался отвратительный звук всасываемой влаги...

Жихарь выхватил засапожный нож — старый, надежный, загоренный — и с полного размаха метнул его в середину столба.

Раздался постыдный визг, и столб сгинул, рухнув в озеро потоками украденной было воды, а вместе с водой в озеро пал некий человек и начал быстро-быстро загребать одной рукой к берегу.

Сразу же, словно ниоткуда, налетели облака и пошел дождь.

— Ну, теперь-то уж нам точно конец, — пообещал Мутило. — Это же Зубатый Опивец, из главных планетников...

Планетники, несмотря на громкое имя, никакого отношения к занебесным делам не имеют. Они обретаются в тучах и устраивают на земле погоду. Или непогоду — смотря по настроению. Ссориться с ними ни один человек в здравом уме не будет, а будет выпрашивать солнышка либо дождя. Просить, конечно, принято богов — того же Перуна, Ярилу или ветреного Стрибога. Но всякий жалобщик и ходатай знает, что не главные начальники вершат дела, а их приказчики да управители. То же самое и с погодой...

Выходят планетники из заложных мертвецов, которые еще при жизни решили доспеть себе такую беспокойную участь и договорились на этот счет в Нави, принеся кровавую жертву...

Зубатый Опивец выбрался на берег, даже не взглянув на протянутую Жихарем руку. Рожа у него была желтая, редкобородая, глаза как два рыбьих пузыря, а по числу зубов в широкой пасти он явно стремился догнать самого Мироеда. В левом плече планетника была рана — из прорехи в длинной рубахе сочилась какая-то малоприятная жидкость, заменяющая умрунам кровь.

— Ага, — прошептал Жихарь. — Я давно заметил, что самые страшные чудовища — это которые с человеческим лицом...

Опивец пустил из пасти долгую водяную струю.

— Земной порядок, значит, нарушаем, — сказал он. — Срываем горы и создаем моря... Понятно...

— Ну ты, — сказал Мутило. — Не вяжись к человеку. Это я за свое озеро вступился...

— Нет, — сказал богатырь. — Я на этой земле князь. За все с меня ответ.

— Кня-язь, — насмешливо протянул планетник. — От меня императоры плачут и дочерьюми откупаются, а тут кня-язь...

— Давай перевяжу, — предложил Жихарь. — Сам посуди, как тебя было не остановить — высосал бы озеро... Высушил ручьи...

— Кто бы говорил! — возмутился планетник. — Для меня вода — что для тебя зелено вино: сосу и тем пьян бываю. А не приходило тебе в дурную твою голову, что в вине тоже малые человечки алкалоиды живут и в утробу к тебе лезут без всякой радости? А? Вот так же и вы для меня. Буду жаловаться Перуну, он тебя уже громом-то шарахнет...

— Ну, Перун-то, положим, тебе на засуху полномочий не давал, — заметил Мутило.

— А ты почему знаешь? — взвился планетник Опивец. — Мне, может, кто поглавней Перуна... — и, как бы спохватившись, захлопнул с лязгом зубастую пасть.

— Ась? — снова приложил лапу к ушной дырке Мутило. — Поглавней Перуна? Кто же он такой будет?

— Это я так... к слову. Какую бы мне с человека виру взять за урон здоровью?

— Меч возьми, — хмуро сказал Жихарь. Он-то ожидал честного боя, а тут всякие разговоры да жалобы... Но рассеки он планетника мечом — все его собратья оскорбятся и выморят Многоборье жарой либо водой... — Или меня головой возьми, — потрянул он кудрями.

— Водяного коня прими, — предложил Мутило. — Давай людей сюда не впутывать. Все равно я его на ярмарку вел продавать...

— Больно нужен мне твой конь, — проворчал Опивец. — Больно нужен мне твой князь... У него и дочки еще малолетние... На ярмарку собрались, говорите?

— На ярмарку, — хором ответили князь и водяник, подобно провинившимся мальчишкам.

— Велено мне... Тьфу ты, — поправился планетник, — решил я так: пожертвуешь мне от чистого сердца самую бесполезную покупку, тогда тебя и прощу... Может быть... Не будешь другой раз в пьяном виде за нож хвататься! Кто на руку резок, тот вдовец будет...

Несмотря на недавний раздор с женой, оставаться вдовцом молодому князю никак не хотелось.

— Да я... — сказал Жихарь. — Да я тебе — хоть что! Пряников там, платков пестрых... Княжье слово даю!

— Невелика цена князьему слову, сам знаешь, князья первые вероломны, — ухмыльнулся Опивец. — Ты мне лучше богатырское слово дай — так надежнее!

— Даю и богатырское! — махнул рукой Жихарь. — Самая бесполезная покупка — твоя! Куда ее тебе представить?

— А хоть сюда же, — сказал планетник. — Я сам за ней приду в свое время.

Он шлепнул по Жихаревой ладони горячей рукой, отряхнулся, как собака, и зашагал прямо в лес, не разбирая дороги.

— Эй, ты куда? — окликнул Опивца водяник. Все-таки они были родня, как ни крути.

— С Боровым есть разговор! — крикнул планетник, не оборачиваясь. — Он, сказывают, про меня обидную песню сложил...

— За меня еще добавь! — крикнул вслед Мутило. — А то завел обычай — оскорбительные песни слагать, — пояснил он Жихарю. — Даже про Морского царя! Да и своего собственного Лешего ни во что ставит этот Боровой! Один он хороший!

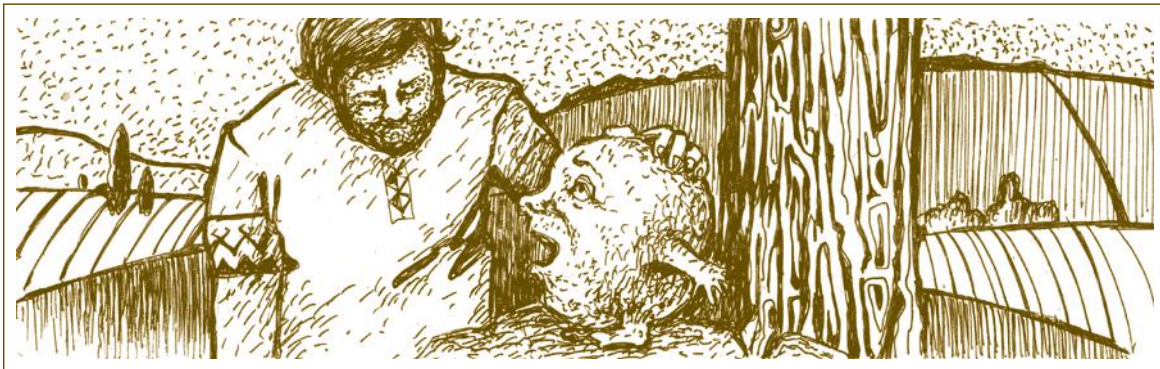
Богатырь стоял в оцепенении.

— Дешево я отделался... — сказал он наконец.

— Как-то даже слишком дешево, — задумался Мутило. — Тут какой-то подвох... Надо же — самую бесполезную покупку! С каких щей он так нынче раздобрился, человек его задери?

— Знаешь что? — сказал хитрый Жихарь. — Как приедем на Полелюеву Ярмарку, ты мне напомни, чтобы я первым делом самый черствый печатный пряник купил. Пущай подавится на здоровье!

А потом снова взглянул на коня Налима — и позабыл про все на свете.

ГЛАВА 3

Хлеб — всему голова.

Пословица

Сопровождавшие Жихаря дружинники, числом трое, без всякого удовольствия услышали, что князь в них более на сегодня не нуждается, поскольку собрался по важному и секретному державному делу на ярмарку. Им предстояло нынче объясняться с княгиней, а от нее, как от всякой женщины в тягости, можно было ожидать чего угодно. Смертью, конечно, не казнит, но зато такого наслушаешься — и обиденных слов, и тех, что она в своих книжках вычитала...

Дружинники поворчали, приняли алый плащ и позолоченный шлем и неспешно потопали по лесной тропе, ведущей на дорогу.

Ехать на водяном коне, если он покорился седоку, не в пример приятней, чем на обычном, даже и без седла. Ведь у водяного коня нет никакой хребтины, спина мягкая, сулящая седалищу всадника большое облегчение.словно бы несет тебя речная стремнина...

— Так мы и вправду до вечера не доберемся, — рассердился Мутило, пристроившийся за княжеской спиной и вцепившийся лапами в широкий кожаный пояс Жихаря. — Тоже мне богатырь! Трюх-трюх, трюх-трюх... Не на водовозной кляче едешь! Смелее надо! Отчего шпоры-то не надел? Тогда каблуками его изо всей силы! Не бойся, не поранишь!

— Не начал бы конь ликовать, — сказал Жихарь. — Дело незнакомое... Да и лес тут густой, впечет он нас в дерево за милую душу.. Тебе-то что — ты только рожу об мою кольчугу поцарапаешь, а мне каково придется?

— Как мы о своем князьем здоровьице-то печемся! — сказал Мутило и пребольно, даже сквозь кольчугу, ущипнул богатыря. — Давай тогда я сяду вперед, а ты, главное, кафтан мне не порви — новый покупать будешь!

Этого Жихарь никак уж не мог стерпеть. Он свистнул отчаянным степным посвистом, развел, сколько мог, ноги и изо всех сил ударил коня Налима по бокам.

Налим заржал — хотя ржание было не конское, а скорее человеческое — и пошел борзо, как и полагается водяному коню. При этом он ухитрился миновать все сосновые стволы, изгибался совершенно немислимым образом, и богатырь почувствовал себя как в какой-то многоколенной трубе, подхваченный бурным потоком. Временами конь резко склонялся вбок, отчего седоки едва не бороздили локтями землю. Жихарь намотал уздечку на правую руку, впился пальцами левой во влажную гриву и мечтал только о том, чтобы не упасть. Тошнота подступала к горлу, тяжелый майский жук, не успевший свернуть с воздушной дороги, пребольно ударил богатыря в лоб.

— Хреновые из вас, людей, конники, — усугублял его страдания Мутило. — Русалка моя и то крепче держится, хотя у нее, между прочим, хвост не раздвоенный... Видишь, самую чащобу уже проскочили, теперь он веселей пойдет, на полную ногу..

Куда ж еще веселей, испугался Жихарь. Впереди и вправду посветлело. Налим прибавил ходу, и богатырь совсем перестал различать отдельные деревья — они слились в сплошную золотисто-зеленую стену.

Всякую скорость привелось Жихарю испытать в жизни, но на этот раз и он растерялся. Провалилась бы и Полелюева Ярмарка, и вся эта хмельная затея... А тут даже хмель в его рыжей голове не вытерпел и улетучился от греха подальше, мол, я не я и лошадь не моя..

— Терпи! — подбадривал Мутило. — Уже мало осталось!

Терпел Жихарь, терпел, да и притерпелся в конце концов, оставил в покое конскую гриву и попробовал принять гордую княжескую посадку. Встречный воздух ударил богатыря в грудь и забил дыхание, не дав возможности сказать водянику все, что накипело во время скачки. Или хотя бы заорать песню для храбрости. А водяник, надежно укрытый богатырской спиной, вредным голосом порочил человеческий род за неуклюжесть и вообще неприиспособленность к жизни на белом свете.

— Это хорошо, — приговаривал Мутило. — Ты цыгану Маре так прямо и скажи: не по мне этот конь, больно резвый, только тебе, мол, им и владеть... Не устоит старый конокрад, поверит, увидев твое испуганное рыло, тряхнет мощной...

Жихарь взял себя в руки, усмирил страх и начал припоминать, как они с Яр-Туром устроили конское ристалище — тоже ведь не худо скакали, только закончилось все весьма пе...

Так закончилось и на этот раз — богатырь полетел шибче коня вперед, разглядел несущийся прямо в лицо березовый пень и успел выкинуть руки. Удар едва не сломал ему кисти, а сзади в спину добавил еще вострой головой Мутило.

...К разумной жизни вернул обоих все тот же конь Налим, обдав собственной струей, — к счастью, это была простая холодная вода.

Первым делом Жихарь изо всех сил тряхнул руками, вправляя кисти на место, — и даже не почувствовал там боли, поскольку болело везде.

— Блин поминальный, — жалобно сказал он. — Скотина ты речная, безрогая... Ты князя везешь или ты дрова везешь? Сам-то, главное дело, целехонький... Без костей...

— Нынче у нас князьев как дров, — огрызнулся вместо водяного коня водяной черт. — Не мог Налим споткнуться ни с того ни с сего. Тут либо чары наложены, либо ему кто-то прыткий в ноги кинулся...

От соприкосновения с кольчугой Мутилина рожа снова стала вся как бы в чешуе.

Лес тут был уже совсем редкий, трава еще не успела подняться в полный рост, и падшие всадники начали глазами искать того прыткого, что кинулся в ноги несравненному коню.

— Хорошо если конь волчару зашиб, — возмечтал Жихарь. — Или хоть лисичку на воротник...

Мутило хотел было поведать, что он лично посоветовал бы Жихарю на воротник вместо лисички, но сказал совсем другое:

— Вот он, гаденыш! Вот из-за кого мы чуть головы не потеряли!

Богатырь на коленях приблизился к месту, на которое указывал водяной.

В траве, примяв семейку ландышей, покоился грязно-серый шар величиной с человеческую голову. Да он и походил на человеческую голову с маленькими закрытыми глазками, с носиком не более прыща, со скорбно искривившимся ротиком... Правда, у головы не бывает коротеньких ручек и ножек, а у этого шарика они были...

— Та-ак, — зловеще сказал Жихарь. — Вот видишь, Мутило, мы еще не доехали до ярмарки, а уж прославились! От дедушки

с бабушкой он ушел, от лесных зверей ушел, а к нам попался. За такое диво нам заморские купцы немало отваяют!

Мутило без всякой радости поглядел на добычу.

— А то они хлеба, вывалянного в пыли, не видели, — презрительно сказал он.

— Какого хлеба? — возмутился Жихарь. — Это же Колобок, тот самый!

И тут же рассказал пораженному водянику повесть о многотрудной судьбе Колобка, что известна любому человеческому детенышу и вовсе неведома подводным жителям.

— Так что не только лисе — никому его поймать и съесть не довелось! — закончил богатырь свой рассказ. — А нам он, можно сказать, сам под ноги прикатился... Надо бы помочь ему очнуться, да заодно и умыть... Он, поди, с тех пор и не умывался...

Конь Налим охотно оросил Колобка, а богатырь, достав из дорожной сумы тряпицу, начал приводить пленника в товарный вид.

Сделавшись чистым, румяным и вполне пригожим, Колобок приоткрыл один глаз, более похожий на черную изюмину.

— Не ешьте меня, — с ходу, не поздоровавшись даже, предложил Колобок. — Я вам песенку спою...

— Ну уж нет, — сказал богатырь и наложил на лысину хитреца свою тяжелую руку. — Песни твои мы знаем: заморозишь нас, а сам укачишься.

— Меня теперь даже есть нельзя, — вздохнул Колобок. — Я черствый. Совсем очерствел от бродячей жизни. Об меня даже сам Мироед чуть зубы не обломал...

— Ну! Так ты и Мироеда знаешь? — не поверил Жихарь.

— Кого я только не знаю... За мои-то годы... — сказал Колобок и махнул маленькой ручкой. — Дернуло же меня через эту прогалину катиться... Думал, успею, да у вас такой скакун...

— Других не держим, — похвастался Мутило. — Жихарь, давай я его к себе в озеро заберу? Он там отойдет, размякнет...

— Не размякнут! — вскричал Колобок. — Не дождетесь! Я моря переплывал, во чреве китовом пребывал — ничего мне не поделалось. Я от дедушки ушел, да вы это и сами знаете, и от лисицы ушел, и от тигра ушел, и от слона, и от енотовидной собаки, и от восьмирукого осьминога, и от Гидры Лернейской, и от змея Апопа, и от Бегемота с Левиафаном! Мне бы еще лапоточки новые кто сплел — так я бы до самого светопреставления землю топтал! Не вам меня пленять! Я побродяга всемирный, бесстрашный! У-у!

И выпучил для острастки свои изюминки, что твои сливы. А потом как-то вывернулся и даже попробовал укусить богатыря.

— Хвастать мы и сами горазды, — сказал Жихарь. — И не ку-сайся — все равно зубов нету. Ты, гляжу, и вправду старенький...

— Постарше прочих! — гордо сказал Колобок. — А зубы мне ни к чему, я в пропитании не нуждаюсь. Я сам вроде того что пища бывшая...

— Ну, бывшую пищу не Колобком кличут, а совсем по-другому, — заметил Жихарь. — Сколько же тебе лет?

— А сколько их было на свете — все мои! Ты, поди, и не знаешь, как звали деда с бабкой, что меня испекли?

Жихарь впал в недоумение. И вправду никто никогда не задумывался насчет имен обездоленных старичка со старушкой.

— Как же, по-твоему, их звали? — наконец сказал он.

— А в каждом народе по-своему! — ответил Колобок. — Потому что это были самые первые люди на свете.

— Врет, — уверенно молвил Мутило. — Столько даже Колобки не живут.

— А вот живут! А вот живут!

И, утверждая свою жизненную силу, Колобок таки вырвался из-под богатырской руки, но не укатился прочь, а запрыгал, да так высоко — с Мутилу, а Жихарю до груди.

— Это я по-вашему, по-невежественному, — Колобок, а вообще-то я самый первый Гомункул!

— Тихо ты! — цыкнул Жихарь. — За такое слово в базарный день и прибить могут, а мы как раз на ярмарку держим путь. Помалкивая уж, коли Гомункул, нечего этим хвастать. Раз ты такой у нас вековечный, так и веди себя степенно, бороду седую отрасти... Усы вислые...

— Минутное дело!

С этими словами Колобок оставил резвость, опустился на траву, провел ручками под ротиком и носиком — и полезли на белый свет в указанных местах сивые волосы.

— Теперь лучше? — живо спросил он.

— Прямо неклюд Беломор, — похвалил Жихарь. — С такой бородой и козла, бывает, за мудреца держат...

И бросился на беглеца. Колобок попробовал было откатиться, но сухая прошлогодняя трава запуталась в новенькой бороде и помешала...

— Полезай, чудило круглое, в суму, — сказал богатырь. — Вот и будет княгине бесплатный гостинец...

— Какой гостинец? Какой гостинец?! — завизжал Колобок уже из сумы. — Я же сказал, что нельзя меня есть!

— А никто тебя есть и не станет, — ласково сказал Жихарь. — Жена у меня ученая, многознатица. Будете с ней толковать

о превыспреннем, а надоест — с дочками играй во дворе, да не попадись мальчишкам, пинать еще придумают... Там тебе будет хорошее житье, станешь всем любезен. Да я даже кузнецу Окулу прикажу тебе железные зубы вставить от старой бороны — от собак, скажем, отбиваться...

— Зубы... — Колобок задумался и перестал возиться в суме. — Зубы — это дело. Как же я сам до такого не додумался? Казалось бы, все на свете знаю... Так ты, выходит, тот самый Жихарь, который...

— Тот самый, — сказал богатырь.

— Который, — подтвердил водяник. — Которее не бывает.

— Ну-ну, — сказал Колобок, высунувшись наружу. — Случалось мне с различными героями подвизаться. Все они, в общем-то, на одну мерку скроены: твари неблагодарные. Шагу без меня ступить не могли, поминутно советовались. Царевну там добыть, меч ли кладенец, золотое ли руно... А как дело сделано — катись на все четыре стороны! Ни слова доброго, ни воздаяния...

— Какого ж тебе воздаяния желательно? — удивился Жихарь.

— Ну... — задумался Колобок. — Любопытно бы мне в людском обличии пожить какое-то время.

— Сделаем, — пообещал Жихарь. — Вот пойдут на нас войной, скажем, те же заугольники. Они давно грозятся, да духу не хватает. Станем решать битву поединком между князьями. Выедет мне навстречу могучий вождь по имени Тувалет Хрустальный. Снесу я ему буйную голову мечом, а на ее место тебя и присобачим. И станешь ты у нас не перекасти-поле, а светлый князь... э-э... Колополк — видишь, я уже и прозвание заготовил!

— Не торопись, — испугался грядущих перемен Колобок. — Я еще не решил, какого полу мне желательно стать...

— Да я и не тороплюсь, — сказал Жихарь. — Поживи, подумай, чья доля на свете слаще...

— Мы на ярмарку едем или нет?! — вскричал Мутило.

— За новыми лапоточками! — поддержал его голосок из сумы.

ГЛАВА 4

Таких ниндзей — за нунчаки да в музей!

Барон Хираока

Кто не мчался на волшебном коне по лесным дорогам с водяным за спиной да с Колобком в дорожной суме, тот, считай, и не жил на свете — так думалось богатырю. Даже самодвижущаяся телега, на которой он в свое время оставил далеко позади страшную Дикую Охоту, отстала бы от Налима. Быстрее его передвигался разве что Симеон Живая Нога — младший из семи братьев, известных своими причудливыми умениями, но ведь и тот из-за чрезмерной скорости постоянно опаздывал на год и более.

Лесное безлюдье кончилось, под копыта легла дорожная грязь, и полетела она из-под копыт во все стороны, что никак не могло понравиться людям из торговых обозов, тянувшихся на ярмарку. Но их проклятья и ругательства Жихарь мог слышать не целиком, а только обрывками.

— Ладно, — сказал он, придерживав Налима. — Не стоит обижать народ, а то потом начнут к нам на ярмарке цепляться...

— Хлюздишь — так и скажи, — подковырнул Мутило, но потом смилостивился. — Так мы коня и вправду до кипения доведем — изойдет паром, потом жди, когда он росой выпадет и снова в коня соберется... Меня так даже припекать начало.

— Всякому чуду полагается свой предел, — подтвердил из сумы Колобок. — Чудеса тоже не без закона живут. Иначе что же получится?

— Молчи уж, — окоротил его богатырь.

— Не могу молчать! — воскликнул Колобок. — Намолчался за годы и века. Во мне за время странствий столько слов накопилось, что надо бы сбросить, да все некому было. Я и по-ученому могу разговаривать, и по матушке, и по-бонжурски. Все языки понимаю. Умею посредничать на торгу, долю за то беру небольшую, по совести...

— Вот как? — склонился к нему Жихарь. — Так, может, ты коня и загонишь лукавому цыгану? Ведь он-то меня помнит...

— Торговцы из вас обоих, как из пыли веревка, — сказал Колобок. — Вам без меня никуда. Посудите сами: примчитесь туда — и сразу в конный ряд. Всякий догадается, что вам коня сбагрить не втерпеж, и никто настоящую цену не даст. А въезжать в рынок надо неторопливо, с достоинством, дабы избежать потерь и проторей. По вашим же мордам видно, что конь краденый.

— Выиграл я его на честном кону! — оскорбился Мутило.

— Это ты торговой страже рассказывать будешь, — посоветовал Колобок. — Они враз поверят...

— Что — князю не поверят?! — ахнул Жихарь.

— На торгу князей не бывает, — ответил Колобок. — Вам сперва надо там походить день-другой. Дорогие покупки делать, чтобы весь народ убедился — продают коня люди серьезные, надежные, не теребень кабацкая. От вас же винищем разит — даже я пропитался, словно бисквит какой. Коня же в нужный час следует выставить на аукцион...

— Это что за зверь? — спросили самозванные конеторговцы.

— Это вот что за зверь: ты выводешь коня и начинаешь рассказывать, что за порода такая, что за кровь, от каких родителей. Долго хвалишь, а потом кричишь, как в лесу: «Ау, кто за коня три тысячи даст? Начальная цена — три тысячи!» Найдется первый охотник, зарорет: «Три тысячи и еще сотня!» Ты его примечаешь, говоришь: «Ау, три тысячи сто — раз, три тысячи сто — два...» Кто-нибудь непременно пожелает товар перенять и выкрикнет: «Три тысячи двести!» Пока не доаукаешься до настоящей цены. Поняли?

— Поняли, — кивнул Жихарь.

— Вот за три тысячи двести и продадим! — обрадовался Мутило. — Деньги хорошие, немалые... Только откуда нам знать, кто у Налима родители и что за кровь? Да и какая в нем кровь — одна вода...

— Вам не делами ворочать, — вздохнул Колобок, выпростал ручки, ухватился за края сумы и до половины вылез. — Вам еще без штанов полагается двести лет бегать и собак гонять. Странное дело — из теста вылеплен я, а мякинные головы как раз у вас. Цену-то можно поднимать до тех пор, пока у покупателей деньги не кончатся! Да и то они обязательно в займы, в долги полезут! Товар-то высшего разбору!

— Я, честно сказать, еще ни разу не торговал, — признался Жихарь. — Вот в долги залезал — это было. Правда, меня царь Соломон пытался учить...

— Нашел учителя, — скривился Колобок и плюнул. Колобочий плевок выглядел как мелкий сухарик. — Помнится, я твоему Соломону грошовое колечко за Перстень Мудрости выдал и продал. Снаружи нацарапал на колечке «Все проходит», а внутри — «И это тоже пройдет». И прошло ведь за милую душу!

— Врешь, — сказал богатырь. — Перстень был самый настоящий. Я его вот в этих самых руках держал.

— Конечно, — сказал Колобок. — После того случая, кошелек опроставши, и начал царь над жизнью задумываться, мозгами пошевеливать. Вот к нему и пришла мудрость. Так что все правильно.

— А зачем тебе деньги? — ехидно полюбопытствовал Мутило. — У тебя ведь ни потребностей нет, ни кошелька...

— Так ведь деньги-то тоже я придумал! — гордо сказал Колобок. — До той поры люди жили обменом или, как тогда выражались, по бартеру. Ну, пришлось им помочь. Что же касается потребностей моих, то вам их понять не дано...

— Где же ты казну свою держишь? — проникновенно, чтобы не спугнуть, спросил водяник.

— В самых разных местах, — сказал Колобок. — В основном у цюрихских гномов. Они, конечно, жадные, но скрупулезные. И не спрашивают, откуда деньги взялись. Если приплатить, конечно. Никто, кроме меня, получить тех денег не может. Так что, дяденька мокрый, не мылся. Самые лютые злодеи пытались у меня вызнать заветные слова, а я что? Простой плесневелой буханкой прикинусь, и все.

— Вот что, — сказал богатырь. — Ты бы мне мешка четыре золота не занял под залог всего Многоборья? Я не успею — дети отдадут, внуки... Правнуки... Прапра...

— Я лучше сделаю, — сказал Колобок, — Есть такая поговорка, что голодному надо не рыбу дать, а рыболовную снасть. То есть ты под моим руководством сам всему научишься.

— Я князь, а не купец!

— Купец главное, — сказал Колобок. — Только пока не все это поняли...

Под такой разговор конь Налим перешел на неспешный шаг — словно обычный конь на скачках. Стало видно, что приближается человеческое поселение. За годы Полелюева Ярмарка обросла народом, который с этой ярмарки жил и кормился. Продавцам и покупателям надо же где-то было ночевать, заключать сделки, пить магарыч. Да и за порядком нужно было кому-то следить. Многие князья предлагали в охрану своих дружинников, тайно мысля завладеть

всем торжищем, но Полелюй такие предложения неизменно отвергал, потихоньку набирая наемных воинов, которым надоели кровопролитные битвы и неверная воинская удача. Набирал до тех пор, пока князья не убедились, что с ярмаркой лучше не связываться...

Перевалило крепко за полдень. Но, если следовать Колобковым наставлениям, сегодня с конскими барышниками затеваться не стоило. Завтра будет день...

Да ведь и сегодняшний день надо как-то прожить, а в кармане всего две полушки.

— Слезайте с коня, — скомандовал Колобок. — Ведите в поводу, хольте и лелейте напоказ...

Жихарь через плечо переглянулся с водяником. Тот вздохнул, признавая, что слаб против недавнего пленника в торговом деле.

— В самую грязь, — вздохнул богатырь и подчинился.

Спешился и Мутило — он грязи не боялся.

— Ну и сам выкатывайся, — сказал Жихарь Колобку.

— С какой стати? Я нынче содержимое переметной сумы... И запомните — нет теперь среди нас ни князей, ни водяных, а есть равноправные члены торгово-промышленного товарищества «Колобок и сыновья»...

— Какие мы тебе сыновья? — разом взревели от обиды человек и водяник.

— Ну, должны же мы как-то называться. Вот мы и будем товарищи, поскольку товар у нас общий... К тому же объявим, что мы — с ограниченной ответственностью, то есть вообще ни за что не отвечаем!

— Мой товар-то... — булькнул Мутило.

— Тогда сам и торгуй... Козленка за два гроша...

— Быстро ты нас обратал, горбушка катючая, — проворчал богатырь. — Гляди, люди-то добрые уже с ярмарки идут...

Действительно, впереди вдоль обочины, старательно обходя дорожную грязь, которая так и норовила распространиться пошире, двигались два рослых мужика, тащили на плече толстое короткое бревно. Бревно было какое-то странное и пестрое.

Вблизи бревно оказалось человеком, одетым в красный парчовый кафтан. Штаны у него были короткие, ножки пухлые, лицо бритое, а голова венчалась длинными кудрявыми волосами.

— Это что — невольника несут? — нахмурился Жихарь. В своем княжестве он никакой работоторговли не допускал, хоть и терял на этом немало.

Но мужики нисколько не походили на заморских купцов, охочих до здешних добрых девиц и красных молодцов: обычные деревенские мужики, судя по платью, зажиточные и не привыкшие тратить деньги на что попало.

— Невольников не носят, — сказал Мутило. — Невольники сами носилки таскают...

— Здравствуйте, люди, — сказал Жихарь и поклонился не по-княжески. Кланяться по-княжески он так и не научился, сколько ни билась бедная Карина, — запутался во всяких четвертьпоклонах, поклонах вполоборота и так далее.

— Здорово, коли не шутишь, — хмуро сказал старший из встречников (отец и сын, догадался Жихарь). — Тоже грабить будете или по-хорошему разойдемся?

С этими словами он обернулся к младшему, они сняли ношу и поставили ее столбом. Несомый застыл в этом положении. Волосы рассыпались у него по плечам и оказались чуть не до пояса.

— А уже грабили? — обрадовался Жихарь случаю навести справедливость.

— Пробовали, — важно сказал старший, снял войлочную шапку и начал ею обмахиваться от жары. — Сам Кидала пробовал, только ничего у него не вышло.

— Покупка ему наша не по нраву прилась, — добавил младший и покосился на отца: мол, по делу ли подал голос?

— Что за Кидала? — насупил брови богатырь.

— Скоро сам увидишь, — заверил старший. — Он там всегда стоит. Стража его иногда гоняет, да ведь круглые сутки за ним не уследишь. Вот он и поджидает пеший люд, да и конных не пропускает. Поэтому мимо него лучше ходить целым обозом. На обозы он посягать боится.

— Разбойник? — уточнил Мутило.

— Тела у него на трех разбойников достанет. Немал человек. Отберет у прохожего казну или товар, а самого в колючие кусты как кинет! Пока из кустов выцарапаешься, Кидалы и след простыл.

— Нас не кинет, — заверил Жихарь. — А это, что ли, ваша покупка и есть? Кто таков? Кто велел людей продавать?

Мужик нахлобучил шапку на прежнее место.

— Лишних людей нам не надо: нас самих девать некуда. А мы, молодец, старинное пророчество исполняем.

— Какое такое пророчество? — вскинулся на всякий случай многоборский князь.

— А вот жил в додревние года один провидец и стихотворец, очень любил мужика, заботился о нем, князей же всячески срамил и порочил. И сложил заклятье такое: эх, эх, придет ли времечко? Приди, приди, желанное!

— И пришло времечко-то?

— Да покамест нет, — досадливо сказал мужик. — Времечко придет, желанное наше, когда мужик не Блюхера и не вот этого облома, а совсем других с базара понесет. Как их... Имена какие-то чудные...

Одно на белку похоже, другое на утку... Но еще, видно, не пора... Блюхера мы уже носили с базара, он еще потом врагом народа оказался, а вот с этим покуда не разобрались...

Жихарь и Мутило внимательным образом оглядели мужицкое приобретение, и даже Колобок высунулся из сумы. Толстое лицо облома с пухлыми губами ничего особенного не выражало, глаза были пустые и бесцветные.

— Эт-то кто же такой? — снова спросил Жихарь.

— Да гляди лучше — это же Милорд! Неужто не узнаешь?

— Какой Милорд?

— Глупый, какие же еще Милорды бывают? Мы нарочно просили, чтобы поглупее выбрали...

— Выбрали что надо, — похвалил Мутило. — У иного пескаря морда умнее бывает...

— И какая от него польза? — не унимался Жихарь.

— А такая, что все надо делать по порядку: сперва Блюхера с базара понести, потом Милорда Глупого, а уж после того придет желанное времечко, не раньше...

— И что будет?

— Вот привязался! — осерчал мужик. — Сказано тебе — пророчество исполняем! Отцы наши так делали, и деды, и пращурь... Каждый год как проклятые таскаем это добро с базара... Да что с вами разговаривать, все равно не поймете!

— погоди! — Жихарь даже ухватил мужика за рукав. — А что он умеет?

— Все, что Глупому Милорду положено: ржаное вино пить, овсяную кашу лопать, в кости играть, спорить на денежный заклад, верхом кататься, девок портить, морями владычествовать, машину за машиной изобретать, чтоб работе помочь...

— Ну, таков-то я и сам Милорд, — сказал Жихарь. — А говорить-то он умеет?

Мужик почесал шею.

— Ну поговори, коли хочешь, денег не возьмем... Если речь его поймешь.

— Говори, говори, — зашептал Мутило, обрадовавшись дармовщине.

— Милорд, — сказал Жихарь. — Милорд... Кажется, знаю я, по-каковски с ним надо разговаривать... Не зря с Яр-Туром столько времени горе мыкали... Милорд, вонтаю ай ту ю один квесченз задать: ху ю ты такой есть итыз?

— Какие вы, люди, грубые, — посетовал Мутило. — Первый раз видишь Милорда и сразу такие гадостные словеса развел... Языки бы вам повырывать!

Известно — нечисть не терпит человеческих ругательств. Но Милорд был такой глупый, что ни капельки не обиделся, улыбнулся и открыл рот:

— У меня, джентльмены, всегда было доброе имя, и мне нож острый, когда теперь всякий раз, стоит мне перешагнуть порог дома, то один, то другой настырный лихоимщик хватает меня за рукав: «Вы не забыли о моем счете, сэр? За вами должок — тысяча фунтов. Надеюсь, сэр, вы не заставите с ним долго ждать». А приятно мне, когда ростовщики обмениваются моими векселями в пивных и кофейных?

Жихарь худо-бедно язык Милорда понимал, про Колобка и говорить нечего — одно слово: Гомункул! Мутило же и мужики недоуменно глядели друг на друга, как бы ища поддержки.

Разговор про долги да займы богатырю не понравился: сразу вспомнилось, как закладывал кабатчику Невзору свою славу. Поэтому он попробовал повернуть беседу в другую сторону:

— А нау ли ю кинга вашего, какой ту ми бразером приходится?

И получил достойный ответ:

— Людям, особенно сангвинического темперамента, свойственно предаваться надеждам, и среди различных перемен в ходе общественных событий надежды эти редко не имеют под собой почвы; даже в безысходных обстоятельствах, когда, казалось бы, нет никаких оснований на что-либо рассчитывать, они тем не менее склонны делать вид, будто не все еще потеряно, и стараются заставить противника думать, что располагают неведомыми ему ресурсами. Именно такую позицию заняли в последние месяцы те, кого, за неимением лучшего выражения, мне приходится называть членами поверженной партии. С момента ее падения помянутые джентльмены тешат себя надеждами, действительными и мнимыми. Когда убрали графа Сандерленда, они надеялись, что ее величество не пойдет на дальнейшие изменения в составе кабинета, и осмелились исказить ее слова, адресованные иноземным державам. Они надеялись, что не найдется человека, который осмелился бы предложить роспуск парламента. Когда же произошло и это, да к тому же еще некоторые перемещения при дворе, они попытались нанести удар по государственным кредитам...

— Хватит! Хватит! Стоп! — закричал Жихарь. — Ай ю про кинга аскаю! Как хи там ливствует, здоров ли?

Милорд недоуменно прокашлялся и сказал:

— Подданный далеко не всегда властен над поступками своих монархов и не всегда может спросить, каких людей те понимают, какие партии приближают к себе. Так пусть они не нарушают конституцию, пусть они правят по закону, чтобы тот, кто им служит, не был замешан ни в одном противозаконном действии и чтобы от него

не требовали ничего несовместимого с правами и законами его страны...

— Вот говорил я побратиму: как станешь королем, так и начнешь не по правде жить, — вздохнул Жихарь. — Не такой уж этот Милорд глупый, как может показаться.

— Оставь его в покое, — посоветовал Колобок. — Речи его вполне разумны; жаль только, что он не всегда отвечает впопад. Так уж их в ихнем парламенте учат. По этому Милорду гадать хорошо, а разговаривать с ним толку нет.

— Кто это у вас в суме? — спросил младший.

— Вот такому же сопленосу любопытному башку отрезали, а она все не унимается, — сказал Мутило и подмигнул старшему. Старший кивком одобрил воспитательный ответ.

Поблагодарили мужиков за предупреждение, пожелали доброй дороги, помогли взгромоздить Милорда на плечи.

— Вы его мне берегите, кормите овсом и пудингом! — посоветовал напоследок Жихарь.

Впереди ждала встреча с грозным Кидалой. Поганить княжеский меч разбойничьей кровью Жихарь не хотел, но и с подбитыми глазами гулять по ярмарке не собирался. Мало ли какой ценой достанется победа?

— Хорошо бы подвернулся поблизости бочажок с вешней водой, — сказал Мутило, размышлявший примерно о том же. — Тогда бы я его в два счета утопил.

— Не годится, — ответил Жихарь. — Я ведь сам разбойничий выкормыш. Сирота я, небаюканный, нелююканный...

— А ты об этом почаще вслух говори, — сказал водяник. — Тогда будет у тебя такое родословие...

— Твоя правда, — согласился Жихарь. — Надо выломать дубину...

Но выламывать дубину недостало времени: из колючих кустов выполз предреченный Кидала и встал во весь немалый свой рост. Морда у него была щедро поцарапанная, одежда порванная: видно, не всегда получалось у него кидать прохожих людей в колючки, временами и самого туда кидали.

— Матки-матки, чей допрос: смерть или живот? — предложил разбойник свой немудрящий выбор.

— Живот! Живот! — закричал Мутило и наступил Жихарю на ногу, чтобы не вмешивался.

Богатырь покраснел от стыда, но спорить не стал.

— Вот коня бери! — предложил Мутило, ловко снимая с Налима уздечку. — Видишь, какой конь — хоть продать, хоть самому красоваться!

— А сума-то? — встревожился за третьего товарища Жихарь.

— Не пропадет твоя сума. Бери коня, не сомневайся, добрый человек, не прогадаешь! Только нас не трожь, оставь на икру!

Красавец Налим так понравился пешему Кидале, что злодей даже не стал тратить время на его хозяев: разбежался и прыгнул коню на спину. Налим попереступал копытами по грязи, потом рванул в сторону от дороги.

Разбойник от неожиданности завопил, но крик его перебило вещание увозимого Колобка, а потом все звуки заглушил треск лесного бурелома.

— У тебя по глоточку-то есть? — спросил Мутило. — Пока наше-го кругляка нет, а то разворчится, что, мол, пьяный не торговец...

— Как не быть, — откликнулся Жихарь. — Я же не лиходей себе. Скляница была невелика, зато содержимое забористо.

— Сам Беломор делал, — выдохнул богатырь после глотка.

Они еще посидели на травке, потолковали о том, сколько рыбы можно вылавливать в Гремучем Виру без ущерба для рыбьего поголовья, потом даже начали беспокоиться за Налима и Колобка, но беспокоились недолго: водяной конь выломился из леса на дорогу, весь в обрывках разбойничьего платья.

— Свиныи вы сивобрысые! — ругался из сумы Колобок. — Вы почему меня-то не вытащили? Я же говорил — все герои сволочи!

— Остынь, — сказал Жихарь. — Сам подумай: начал бы я тебя на белый свет тягать, а Кидала это увидел. Вдруг он умный и враз бы догадался, что ты дороже всякого коня?

Сума задергалась — Колобок кивнул.

— Точно, — сказал он. — Умный был — одних мозгов четыре лопаты... Зато вы-то каковы: злодея ухайдакали, а казну его не забрали! Иди теперь ищи ее в чащобе по монетке! Нас же на ярмарку без денег не пустят, не говоря уж про торги. Надо вам в товариществе пай уменьшить...

Жихарь и Мутило заслуженно пригорюнились.

— Колобочек, — ласково сказал водяной. — Не может того быть, чтобы ты без гроша путешествовал.

— Сам же говорил — ни кошель, ни карманов, — огрызнулся Колобок. — Ладно, выручу вас на этот раз, но из барыша вычту. Придется денежку со счета снимать...

С этими словами он у себя в суме заерзался и закричал, и кричал долго.

Потом наконец высунул ручонку с пригоршней серебра.

— Ваше счастье, что я без туловища, вот и пользуетесь, — сказал он. — Но чтобы лапоточки мне нашли! Да смотрите у меня — до торгов ни капелюшечки!

— Само собой, — сказал Мутило, признавая его старшинство.

— Зелено вино ведь тоже на хлебе ставится, вот он и учуял, — объяснил Колобкову догадливость богатырь.

ГЛАВА 5

Ума не приложу, где это достать такую палестину денег.

Александр Герцен

Людей на дороге стало густо: иные шли навстречу, иные догоняли. Знакомых лиц пока, к счастью, не попадалось.

— Деньги ты при себе держи, — сказал Жихарь. — А то у меня, мнится, дыра в горсти — улетают денежки неведомо куда. Ведь я в Вавилоне взял добычу великую, еле допер! И где она теперь?

— Надо было смету составлять, — сказал Колобок. — На хозяйство, на дружину, на непредвиденные расходы...

— У меня все расходы получились непредвиденные, — вздохнул Жихарь. — Кабы предвидел, разве я так бы казной распорядился?

— Про твоё княженье даже под водой наслышаны, — наябедничал Мутило Колобку. — Недоимки народу простил, от налогов на год избавил... Куда только жена смотрела?

— Всю душу вынула, — сказал Жихарь. — Говорит: вы, многоборцы, привыкли прохладно жить — вином полы моете, блинами избы конопатите, всякий прохожий бродяга за дорогого гостя. Да уж не как вы, кривляне, отвечаю, у вас от скупости уже все зубы смерзлись, вы с камня лыко дерете, из блохи голенище кроите, из осьмины четвертину тянете, кашу едите — и то держите ложку над горсточкой... Как мне было не дать людям леготу после Жупелова княжения, Невзорова управления? В годину народных бедствий?

— Ты сам и есть главное народное бедствие, — объявил Колобок. — Кто помногу хорошего хочет, всегда навредит. Откуда тебе знать, как народ живет?

— А я придумал, как узнать, — сказал Жихарь. — Собрал как-то утром всех жителей, провел мечом по поляне черту и сказал: кто беден, становитесь по ту сторону черты, кто в достатке — оставайтесь на месте.

— И что? — злее яда спросил глумливый Гомункул.

— Всем скопом ломанулись за черту бедности, — вздохнул незадачливый князь. — Даже самые домовитые.

— Немудрено, что ты промотался на голую кость, — сказал Колобок. — Надо было сперва назначить мытарей, чтобы проведали, кто как живет, а уж потом решать, кому давать леготы, а кто и без них вытерпит.

Жихарь раскрыл суму, чтобы Колобок увидел написанное на богатырском лице крайнее недоумение.

— Какой же многоборец по своей воле в мытари пойдет? У нас народ гордый, обидчивый!

— А как при прежнем князе управлялись с налогами? — полюбопытствовал Колобок.

— Ну, у Жупела-то мытари как раз были, — ответил Жихарь. — Только в час народного гнева, когда я вернулся из первого похода, люди их всех порешили! Вывели окаянное семя!

— Было, было такое, — подтвердил Мутило. — Даже ко мне в озеро приносили топить, но я не позволил. У меня не помойная яма, а приличный водоем...

— Держава устраивается не так, но совсем по-другому, — начал было объяснять Колобок правильное устройство державы, но тут уже началась ярмарка.

Глазом ее было не охватить, и богатырь даже вскочил на коня, чтобы разглядеть получше.

Перед ним раскинулся целый город — расписной, невыносимо шумный, окруженный высоким частоколом и даже с каменными воротами. Над воротами висела вывеска: «Купить — не купить, а поторговаться можно!»

Жихарь присвистнул от удивления и продолжал свистеть довольно долго — покуда Мутило не одернул его, чтобы деньги не извелись от свиста.

Торговая стража вооружена была получше всякой княжеской дружины, сыто кормлена и неразговорчива. Пришлось заплатить за вход. При этом один из стражников хмуро осведомился о содержимом дорожной сумы.

— Каравай это, — ответил Жихарь.

Стражник постучал по Колобку костяшкой пальца:

— Ты, парень, видно, в дороге года три провел...

Колобок возмущенно фыркнул, и стражник поспешно выдернул руку из сумы.

Мутило тем временем приглядел канавку, присел в нее и ручейком просочился мимо стражников, поскольку водяников не велено пускать на ярмарки. Видимо, как раз поэтому водяники туда так и стремятся.

Шляться с оружием на ярмарке не полагалось. Богатырь был вынужден отдать меч на хранение — опять же не задаром. В обмен ему дали красную бирку.

Мутило, знавший здешние порядки, отвел коня Налима в конюшню, где тоже получил бирку, но черную.

— Не испортили бы коня перед торгами, — нахмурился Жихарь.

— Тут строго, — сказал Мутило. — Тут с баловниками не нянькаются, для них особый овраг имеется...

— А может, суму тоже оставим в конюшне? Круглый приглядит...

— Я пригляжу сейчас кому-то! — рявкнул Колобок. — Я так пригляжу! Вы же без меня тут мигом голомызые останетесь: либо щами подавитесь, либо лапшой захлебнетесь! Денежки — за щеку, так надежнее!

— А как торговаться? — удивился богатырь.

— Торговаться буду я! А вы сегодня просто походите, поглядите...

Весенняя ярмарка обычно не чета осенней, но поглядеть было на что. Товары большей частью водились иноземные, незнакомые...

— Покупай духи из Бонжурии, да гляди, чтоб не обжулили! От этой от шанели все бабы ошалели, а мужики нахлестались — все твезрезы остались!

— Кому сапсабая? Кому сапсабая? Рожка рябая, пятки прямые, живот наоборот! Мышей не ловит, зато не прекословит!

— А вот неспанский бальзам, хвалит себя сам на языке, понятном всяким волосам!

— Кому черного «мерседеса» из Брынского леса? В обращение несложен, к тому же растаможен!

— Продаю мыльный порошок, стирает хорошо: сама тетя Ася еле убереглася!

— Продается пихало дубовое, совсем новое, к труду и обороне готовое! Пихал бы сам, да уступаю вам!

— Зубы береги, пройти мимо не моги! Есть «Орбит» без сахара — сама жевала да ахала!

— Твой «Орбит» все зубы сторбит! Жуйте «Джуси Фрут» — от него мухи мрут, а сам кариес на елку залез!

— Панасоник жареный! Визжал-визжал, а от жаровни не убежал!
— Зюзюка, зюзюка с крылышками!

Жихарь вертел в руках непонятные красивые сверточки да корбочки и ворчал:

— На ярмарки уже затем ходить надобно, чтобы понять — как много на свете вещей, без которых человек вполне может обойтись! Мудрено выбрать из них самую бесполезную...

— Кто тут собрался покупать бесполезные вещи? — насторожился Колобок.

— Да так, обещал я одному сердитому дяденьке гостинец... — Подробности Жихарь излагать не считал нужным.

Мутило же на торжище чувствовал себя не хуже, чем в родимой воде. Он хватал всякий товар руками, пробовал на зуб, на язык, на сжатие и на разрыв, на линючесть, на горючесть, на всхожесть, на свежесть, на вшивость, на яйца глистов, на просвет, на всякий случай, на здоровье, на добрую память. На всякое слово продавца он отвечал десятью, торговался до пены из ушей, цену сбивал до полной ничтожности, а потом вдруг отказывался от покупки.

Именно поэтому водяников и не велено пускать на ярмарки.

— Живет в сырости, а жизнь лучше иных людей понимает! — одобрил Мутилины дела Колобок.

Жихарь задержался у прилавка, на котором красовались многочисленные новенькие лубки, посвященные какому-то неведомому герою по прозвищу Сопливый: «Заговор Сопливого», «Выговор Сопливого», «Договор Сопливого», «Наговор Сопливого», «Приговор Сопливого» и, наконец, «Платок для Сопливого». Их и разглядывать-то не хотелось, но народ брал охотно.

К счастью своему и удовольствию, богатырь высмотрел в сопливой орде пестренький лубок «Похождение Жихарево о змие» и, не обращая внимания на громкие протесты, доносившиеся из сумы, заплатил за него целую монетку. Тут удовольствие кончилось.

Лубок изображал какого-то гнусного заморыша с острым носом, обряженного в кургузый кафтанчик и сапожки с коротенькими голенищами. Заморыш обеими лапками держал небольшую гадючку. Рядом с заморышем стоял хорошо вооруженный самовар с усами и бородой — видимо, как раз так создатели лубка мыслили себе Яр-Тура в латах. Посредством знаков, исходящих изо рта, заморыш почему-то жаловался: «На что я, молодец, на свет родился, что по чужим странам волочился?», а самоварный Яр-Тур выражал свое восхищение жизнью, восклицая по-иноземному: «Wow!» Гадючка, олицетворявшая, как видно, Мирового Змея, тоже не молчала: «Был я Змей Ермундганд, а ныне простой ползучий гад».

В общем, оскорбительный был лубок, и Жихарь даже хотел жестоко наказать безвинного торговца-перекупщика, но для этого ведь требовалось прилюдно открыть свое громкое имя, что никак не входило в тайные коварные планы торгового товарищества «Колобок и сыновья».

Даже разодрать позорное изображение прижимистый Колобок не дал — утащил к себе в суму и прибавил:

— Это хорошо, что не похож! Зато тебя тут никто не признает!

Бродить среди торговых рядов вприглядку богатырь был готов хоть дотемна, но у водяника, негожего к длительному сухопутному хождению, устали ножки. Да и на ночлег нужно было куда-то устраиваться.

— Могли бы и под забором переночевать! — вздыхал Колобок. — Но нельзя: мы же зажиточные конеторговцы...

— Ищи лучший постоялый двор, — сказал Жихарь. — Мы с Мутилою все же владыки.

Понятно, что Колобок нашел заведение не первого разбора, но товарищам было уже все равно.

Зашли под навес, где стояли длинные столы и лавки. Там уже сидели десятка два людей, хлебали что-то из больших глиняных мисок, швыряли под стол кости.

Жихарь потребовал у хозяина щей с убоиной, бараний бок с гречневой кашей и пирогов. Мутиле мясного не полагалось, он решил удовольствоваться вешними мочеными грибами. Потом оба, не сговариваясь, звучно щелкнули пальцами по кадыкам.

Сума, висевшая у Жихаря на боку, задергалась: то Колобок начал трястись над каждой денежкой.

— Вас тут опоят, разденут и на дорогу выкинут, — предрекал он.

— Э, что там у тебя в суме? — спросил торговый человек в пестром халате и подался на дальний конец лавки.

— Там у меня здравый смысл живет, — не растерялся Жихарь. — Он мне и подсказывает, чего нельзя, а что можно.

— А зачем он хранится отдельно? — не отставал человек.

— Больно велик — в черепушку не лезет, — объяснил богатырь. — Зато в нужный час его всегда можно убрать в уголок. Иногда и рассудку полезно помолчать!

— А-а, — позавидовал спросивший, но на прежнее место не подвинулся.

Остальные вечерявшие тоже глядели на Жихаря с Мутилою опаливо: первый ходил на разбойника, второй — на мошенника.

— Косятся на нас, — тихонько прогудел богатырь в суму. — Надо слегка угостить людей, а то как бы не вышло шуму...

— Разорители! Погубители! — завопил, забывшись, Колобок. — Сперва за чарочку, а потом ковшом!

Все поглядели на товарищей с некоторым даже ужасом, но просвещенный Жихарем торговец в пестром халате объяснил им насчет здравого смысла, отселенного в суму.

— Ой, бедняга! — запричитали самые сердобольные. — Это же все равно что жену с собой таскать!

— Так всю жизнь и мучаюсь, — признался богатырь. — Но я его сейчас под лавку уберу — пусть там разорется. Вот когда прикажу: «Сума, дай ума!», тогда и вещай!

Гомункул осознал свое бессилие и затих, потому что у него даже зубов для досадного скрипа не было.

Угостившийся народ перестал видеть в богатыре и водянике лиходеес, провозглашал здравицы в их честь, хвалил за щедрость. Словом, началось вполне веселое застолье, когда люди от каждого ковша только трезвее становятся.

На веселье не замедлили явиться песенники и гудошники. Двое играли на рожках, третий пел:

В некотором месте, во одной деревне
Жили два брата — Эрос и Танатос.
Эрос был крив, а Танатос с бельмом.
Эрос был плешив, а Танатос шелудив.
На Эросе зипун, на Танатосе кафтан.
На Эросе шапка, на Танатосе колпак.
Пошел Эрос на рынок, а Танатос на базар.
У Эроса в мошне пусто, у Танатоса ничего.
Разгладили они усы да на пир пошли.
Эрос наливает, а Танатос подает.
Эрос пьет задаром, а Танатос — за так.
Стали их добрые люди бить:
Эроса дубиной, а Танатоса батогом,
Эрос кричит, а Танатос верещит.
Эрос в двери, Танатос в окно.
Эрос ушел, а Танатос убежал...

— Сколько можно! — закричали гости, прерывая неведомую Жихарю песню. — Который год одно и то же!

Другие гости заступились за потешников, и быть бы, к богатырскому удовольствию, драке, но тут под навес залетел воробей.

Опрокидывая лавки и столы, бросились ловить воробья и гнать его взащей.

— Птица в избу залетела — к покойнику! — кричал кто-то.
Песенники под шумок скрылись, унося в подолах рубах ухваченные со столов куски.

Воробей тоже выпорхнул из-под навеса — подальше от дураков.

Наконец все успокоились и стали рядить, можно ли считать навес полноценной избой и действена ли в таком случае примета. Потом начали припоминать иные приметы близкой смерти.

— Сад поздно зацветает — к смерти хозяина!

— Дятел мох долбит в избе — к покойнику!

— Петухи не вовремя распоются — к покойнику!

— Нетопырь залетит — к покойнику!

— Ворон каркает — к покойнику!

— Конь хозяина обнюхивает — убиту быть!

— Собачий вой — на вечный покой!

— Переносье чешется — о покойнике слышать!

— Мухи зимою в доме летают — к покойнику!

— Мыши платье изгрызут — к покойнику!

— Соломина к хвосту курицы пристала — покойник будет!

— Стук в доме от неизвестной причины — к смерти!

— Крошки изо рта валяются — к смерти!

Тут знатоки примет заткнулись, остановились и с ужасом поглядывали друг на друга — не валяются ли у какого бедолаги крошки изо рта?

— Полноте, — сказал из сумы Колобок. В перечислении смертоносных примет они с Мутилой и Жихарем не участвовали. — Чего испугались? Всякой курице рано или поздно соломина ко хвосту пристанет. Всякий человек рано или поздно помрет. Всякие повторяющиеся события рано или поздно совпадут. Тому нас и Юнг премудрый учит в книге «Синхронистичность»...

Все от этих слов успокоились, прекратили страшиться и с восхищением воззрились на суму.

— Продай разум, — предложил кто-то. — На что он тебе, дети-нушка? Ты и так здоровый, не пропадешь. А в торговом деле без здравого смысла никак...

— Продавай, продавай! — шепотом подсказал обрадованный Мутило.

— Нет, — гордо ответил Жихарь. — Не для того я свой разум лелеял и взбадривал всяческими науками, чтобы он у вас подсчитывал прибыли да вычислял лихву. Употребляю его лишь на великие дела, на благо народное... А на что вам, торгованам, разум, коли есть жадность и хитрость?

Торговане отшатнулись, оскорбленные. Из их рядов, расталкивая прочих, полез дюженький молодчик в меховой обдергайке, ростом богатырю не уступавший.

— Вот ты о нас как, значит, понимаешь? Бей его, братцы, в любовную кость и во всю совесть!

— Не слушайте дурака, — подал голос Колобок, окончательно решивший взять на себя обязанности богатырского разума. — Он еще молод, глуп, не сеял круп. Говорит, что в башку взойдет, со мной не советуюсь. Не прямота бранится, а задор. Лучше тягайтесь на поясах, а то за драку здесь налагают большую виру!

Торговане разжали кулаки и как один схватились за кошель и другие места с припрятанной казной.

Решили и вправду потягаться на поясах — сперва один на один с бойким молодцем, а потом, после его поражения, — с каждым по отдельности и со всеми вместе. Жихарь, конечно, перетягал всех, но все же попросил прощения за грубые слова.

Поневоле пришлось пить мировую.

— Здравовья всему собранию! — послышался зычный голос у входа.

Жихарь оглянулся.

Под навес входил его давний знакомец — бродячий сказитель Рапсодище. Жихарь не видел его несколько лет, с самой своей свадьбы — говорили, что Рапсодище ушел за песнями в иные земли. Как видно, хождение пошло сказителю на пользу — он загорел, помолодел, покрасил в черный цвет бороду, принарядился во все хорошее и чистое и даже вставил себе новые зубы из белой заморской глины, что было и вовсе дорогим удовольствием. Богатырь быстро вспомнил и без Колобка, что следует скрывать свое имя, поэтому бросился к песнопевцу, как к самому дорогому человеку:

— Рапсодище! Светел месяц, блин поминальный! А мне говорили, что тебя давно уж злобный Нахир-шах отправил в Костяные Леса за правдивые словеса! Долго жить будешь!

Обнимая сказителя, Жихарь прошептал:

— Имени моего отнюдь не называй, про княжеское титуло и во все помалкивай! Зови меня, к примеру, Шарапом из деревни Крутой Мэн, что в Калгании. Я тебя за то отблагодарю по-княжески...

Рапсодище мигом сообразил, что к чему.

— Ну и рожа у тебя, Шарап! — воскликнул он вместо приветствия. — Где такую отъел? Чуть не сломал мне новые гусли, волот дикошарый! Я за них в Неспании знаешь сколько заплатил? Кому говорю — никто не верит...

Новые неспанские гусли не походили на обычные, а напоминали скорее звонкий кельмандар Сочиний-хана. Очертание у них было грушевидное, струн всего семь.

— Господа громада! — воскликнул Жихарь. — Радость какая! Сам Рапсодище к нам пожаловал — первый певец на все наши земли! Мог себе пойти к торговым старшинам, к первым богатеям, а он нами не побрезговал! Детям ведь рассказывать будете, что самого Рапсодища слышать довелось! Сладкоголосую птицу юности! Трубадура битвы, менестреля мирной жизни, скальда вечности, барда мимолетности, акына хаоса, бояна гармонии!

Давешний молодец позволил было себе усомниться в певческом даре пришельца, но богатырь дал ему такого щелчка, что молодец полетел с лавки, да прямо в лужу, которая успела натечь из левой полы Мутилиного кафтана.

— Ну, не знаю, — молодец поднялся, щупая штаны и отряхиваясь, — может, и вправду сладкоголосый...

Рапсодище понял себя хозяином положения:

— Тащи, Шарапка, вина и закуски! Натощак люди не смеются!

Жихарь охотно побежал исполнять приказ, не забыв и про себя с Мутилой.

— Горе, горе, где живешь? В кабаке за бочкой! — вздохнул у себя в суме Колобок, но его никто не услышал.

Рапсодище на этот раз ел не торопясь, не глотая кусков, не вытирая жирных пальцев о бороду, не чавкая и не рыгая, — видно, где-то в дальних странствиях научили его вежеству.

Столы и лавки отодвинули к загородкам, водрузили посередине табурет, ласково просили певца потешить добрых людей в их безрадостной жизни.

— Не до песен — кадык тесен, — по обычаю отказался с первого раза Рапсодище.

Просили вдругорядь.

— Да я нынче не в голосе, — ответил певец.

Просили и в третий раз.

— Так и быть, — сказал Рапсодище. — Расскажу я вам устареллу неслыханную, заморскую. Не сам я ее сочинил, врать не буду, пропел ее в глубокой древности славный стихосложец по прозвищу Марьян Пузо. А я только переложил по-нашему. Называется устарелла «Песня про тихого дона».

Он слегка тронул струны и начал:

Во краю заморском, далекиим,
Во стране далекой, заморskiej,
Там стоял могуч Новоёрков-град
По-над быстрою Гудзон-реченькой.

Как во том ли граде Новоёрковом,
Не то в Квинсе, братцы, не то в Бруклине,
Не то в бедном во Гарлеме в черномазым,
А не то на веселом Кони-Айленде,
А и жил там, поживал старинушка,
Поживал там тот ли славный тихий дон,
Славный тихий дон Корлеонушка,
Корлеонушка-сиротинушка
Из далекой страны Сицилии.
У того ли дона Корлеонушки
Было трое сыновей, трое витязей,
Еще дочь-красавица любимая,
Еще прочей родни три тысячи,
А дружине его и счету нет.
Вдов-сирот привечал Корлеонушка,
Тороват на дела был на добрые,
А дружинушка его та хоробрая,
Она, дружинушка, по городу похаживала,
Берегла она лавки купецкие
От лихих людей, от тех разбойничков,
И брала за то с купцов дани-подати...

— Совсем как Полелюевы люди на ярмарке, — сказал кто-то.
На него шикнули, Рапсодище сверкнул оком и продолжал:

...Дани-подати брала немалые,
Серебром брала, тем ли золотом.
Она делала купцу предложеньице,
От которого невозможно отказатися
Можно только сразу согласитися...

«Хорошо устроился Корлеонушка, — думал Жихарь. — Чего ж тамошний князь смотрел, ушами хлопал, сам дань не собирал? Или собирал, а Корлеонушка еще и свою долю прихватывал?»

Жизнь в заморском государстве, воспетом Рапсодищем, была какая-то незнакомая и оттого любопытная. Богатырь заслушался и представил себе шумную свадьбу в богатой усадьбе Корлеонушки, счастливых жениха и невесту, потом вдруг с огорчением узнал, что были у тихого дона Корлеонушки злые земляки-соперники. Он даже ахнул от огорчения, когда услышал, что эти самые соперники подослали к тихому дону наемных убийц и тяжело его ранили. И все

за то, что отказался торговать дурман-травой. Ладно хоть сыновей наплодил, было кому заступиться.

...Тут возговорил Майкл, Корлеонов сын:
«Не хотел я, братцы, брать оружия,
Не хотел я водить дружину в бой,
Да пришла такая, знать, судьбинушка,
Что придется поратовать за батюшку,
Постоять за вольный тихий дон!
Ой вы гой еси, други верные,
Исполать тебе, дружинушка хоробрая,
Исполать тебе, Коза Нострая!
Уж мы, братцы, из-за пазухи вытащим
Харалужные Смиты да Вессоны,
Смиты-Вессоны, Кольты-Магнумы,
Уж мы ляжем, братцы, на матрасики,
Полежим за славу молодецкую,
Полежим за родимую Мафию!»...

Жихарь еще загадал себе наперед спросить у Рапсодища, что такое Мафия, но тут у входа остервенело зазвенел колокольчик.

Слушатели огорченно загалдели, потому что сразу поняли, в чем дело, а богатырь был человек новый.

По здешним законам в полночь всякий шум и гульба на ярмарке прекращались, огни гасились, а стражники с фонарями и колокольчиками начинали вершить обход.

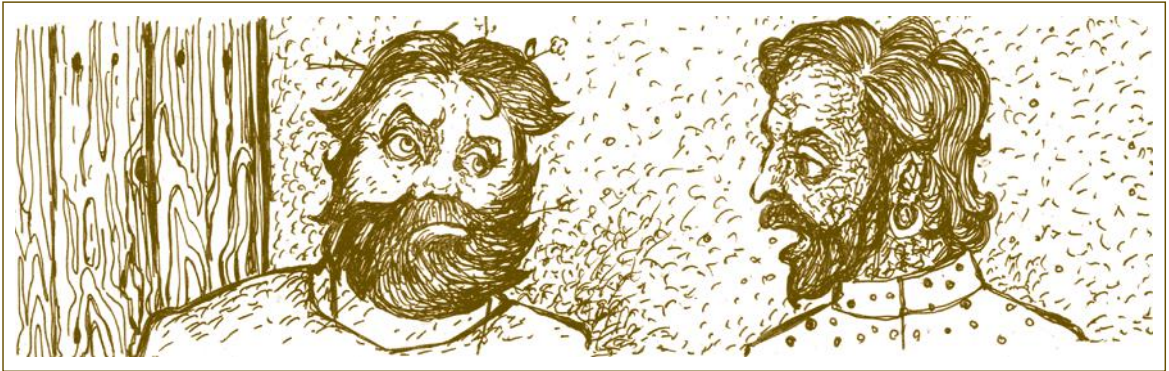
Торгованы испуганно притихли, когда под навес вступил невысокий лысый старичок в сермяге и лаптях. Все лицо у старичка было как у младенчика, зато глаза как буравчики. В руке он держал фонарь.

— Сам Полелой пожаловал, — тихо сказал Мутило. — Он с добром не ходит...

— Песня вся, больше петь нельзя, — густым голосом сказал хозяин ярмарки. — Устарелла изрядная, сам бы еще слушал, но порядок есть порядок. На торгу два дурака: один дешево дает, другой дорого просит. Чтобы не было завтра разговоров, что, мол, с похмелья либо спросонья обмишурился, расходитесь ночевать. Блох у нас не водится, спите спокойно. Завтра будет день, будет и торговля. Будет вечер — будет и песня.

Торгованы нехотя подчинились, уговорив Рапсодища назавтра продолжить песню про тихого дона, щедро давали задаток.

— А вас двоих я попрошу остаться, — сказал Полелой, обращаясь к Жихарю и Мутиле.

ГЛАВА 6

Конь взял и заплакал...

Федерико Гарсия Лорка

Хозяин ярмарки поставил фонарь на стол и уселся.
— Вы тоже садитесь, — предложил он, и Жихарь только тут сообразил, что стоит.

Мутило досадливо кряхтел.

— Нечего кряхтеть, — сказал Полелюй. — Сам виноват. Нарушаешь уговор. Будь и тому рад, что тебя с ярмарки не гонят. Нет, он мошенничать вздумал, мое доброе имя позорить...

— Чего мошенничать, чего мошенничать? — заерепенился Мутило. — Уж нельзя честному водянику и по торговым рядам пройтись!

— В следующий раз, — сказал Полелюй, — я у каждого входа рядом со стражниками поставлю по вонючему козлу. Вонь люди стерпят, зато тебе не будет ходу и твоему обманному товару. Коня вашего я посмотрел, все понял...

— А что коня? Конь боевой, не леченый...

— Конь водяной, — сказал Полелюй. — Эту шутку мы уже знаем. Ее еще деды и прадеды наши знали. А вы все не понимаетесь, держите нас за дураков, — с этими словами старичок полез за пазуху, вытащил оттуда свиток, развернул и, пододвинув фонарь, стал читать: — «В прошлом году в городе Багдаде водяной джинн Солил ибн Коптил

пытался продать водяного коня царевичу Лохмату, каковой царевич Лохмат, уплатив восемь с половиной тысяч золотых динаров и четыре штуки сяопинского шелку, сев на вышеозначенного коня, был едва им не утоплен в реке Тигрис. Водяной джинн был разоблачен базарным старостой Джафаром, каковой староста загнал джинна в медный сосуд, предварительно налив туда горькой жидкости, именуемой тоником, и запечатал сей сосуд печатью халифа Мухопоада ибн Баламута» — хрен с ними обоими! Ясно? «В городе Стовратные Фивы...»

— А я-то при чем? — изумился Мутило. — Меня в этом Багдаде и близко не было!

— А при том! — заревел старичок так, что богатырь вздрогнул. — Ныне все ваши воровские мокрые дела на ярмарках и базарах немедленно обнародуются и сообщаются во все страны света! Думал, в нашей лесной глуши пройдет? Чтобы с солнышком вашего духу здесь не было!

Богатырь тем временем пошарил под лавкой: вдруг Колобок чего подскажет.

Но сума хранила одну пустоту.

«Сперли Гомункула», — с досадой и жалостью подумал Жихарь.

— Что же я — своего коня не смею продать, честно выигранного в кости? — не унимался Мутило.

— Отчего же не смеешь? Имеешь полное право. Но с уздечкой, понял? И поводья передавать из полы в полу, как положено! Я сам на конный торг завтра выйду и посмотрю.

— Я его цыгану Маре намеревался продать, — Мутило набычился, как нашкодивший недолееток. — Его обмануть — святое дело! Скольких он обездолил — пусть-ка сам пострадает!

— За Марой здесь тоже приглядывают, не сомневайся, — сказал Полелюй. — Конечно, можешь его обмануть. Только не у меня на ярмарке. Выведи за ограду и обманывай...

Жихарь поднялся, сделал несколько шагов и встал, обняв столб у выхода, словно посторонний человек. В почерневшем небе проявлялись несметные звездные силы.

— А тебе, князь, и вовсе срамно участвовать в таком деле, — сказал Полелюй. — Только не вздумай мне чужим именем назваться! Что люди скажут? С кем ты связался?

— Перед тобой, отец, не стану прикидываться, — Жихарь повернулся к обличителю. — Не от хорошей жизни это... Прошлый год в моем княжестве одни мухоморы только и уродились — хоть косой их коси!

— Вот и накосили бы, засушили да нынче варягам и продали с великим прибытком! — сказал Полелюй.

— Был бы в твоих годах, так и сам бы догадался, — ответил Жихарь. — В общем, даю тебе княжеское и богатырское слово, что коня продадим как положено, с уздечкой и с поводьями из полы в полу. Деньги нужны неотступно.

— Слово дано — свидетелей мне не нужно, — сказал хозяин ярмарки и, пожелав доброй ночи, исчез во тьме вместе с фонарем.

— Ты с ума сошел, — сказал Мутило. — У этого Полелюя везде глаза и уши. Что — вот так, за здорово живешь, отдадим Маре нашего Налима?

— За здорово живешь не отдадим, — послышался голос Колобка. — Меня тут, в уголку, кое-какие мысли посетили.

— Ты где был? — ахнул Жихарь.

— Да так, прокатился вокруг, — сказал Колобок. — Устареллу эту я в оригинале слышал и даже видел... Очень жизненная вещь... Мы, господа товарищество, действительно сделаем все по-честному, только не будет цыгану Маре от этой покупки радости... А вот вам спокойной ночи не пожелаю, потому что...

И он не спеша, загибая пухлые пальчики на маленькой лапке, стал объяснять товарищам, что именно они должны сделать до расвета.

— Как же их всех в темноте поймать? Это невозможно! — не согласился Жихарь. — Лучше уж как положено — из полы в полу...

— Воистину — дай вору золотую гору, он и ту промотает, — вздохнул Колобок. — Вы только наловите, а я уж договорюсь с ними по-своему. Это честную работу можно выполнять спустя рукава, а мошенничать следует на совесть...

— Аукцион! — догадался Мутило.

— Верно, — сказал Колобок. — Даже два аукциона: один вверх, другой вниз...

...Для того чтобы изменить внешность, богатырю не требовалось множественных усилий. Достаточно было просто прикинуться дурачком, а делать это он умел и любил: расчесал рыжие кудри на прямой пробор, насовал в бороду веточек и щепочек, разул правую ногу, оставив левую в сапоге, вытарачил глаза и разинул рот. Теперь никто не подумает, что князь.

Жихарю как-то довелось услышать рассказ об одном заморском королевиче из Подгнившего Королевства. Тот, чтобы вывести на чистую воду своего дядюшку, через убийство родного брата взошедшего на престол, вот так же прикинулся дурачком, и все у него

получилось как надо, за исключением одного: всех убил, но и сам в живых не остался, напоровшись на отравленный клинок. А на престол вскарабкался какой-то через тридцать три колена племянник...

Конское торжище огорожено было плетнем и делилось на две части: в одной стояли продавцы со своими скакунами, в другой толпились покупатели.

Кони были самые разные — от толстоногих битюгов до точеных скакунов, от старых одров до жеребят, от вороных до белоснежных, от мохнатых степных лошадок до гордых пустынных аргамаков.

Торговля тоже шла на разных языках, а то и вовсе на пальцах.

Покупатели швыряли шапки оземь, продавцы клялись своими богами, покупатели в гневе делали вид, что уходят, продавцы хватали их за руки.

Цыгана Мару было видно издали по красной рубашке. Он самолично не подходил к коням — к нему их подводили бойкие цыганята, повинувшись указующему персту, венчавшему длиннюю руку. Великий знаток лошадей даже не снисходил до ощупывания бабок и в зубы не заглядывал. Он то и дело морщился, сбивая цену, хотя рядом с ним стоял под присмотром тех же цыганят туго набитый мешок.

Жихарь входил в ограду, поотстав от Мутилы, высокомерно шествующего с Налимом в поводу. В левую полу кафтана Мутилы была ночью предусмотрительно зашита губка, впитывающая влагу. Жихарь на одном плече нес суму с Колобком, вытаращенным глазом следил, наблюдает ли за ними Полелюй.

Хозяин ярмарки действительно поджидал их, усевшись на широком дубовом чурбаке. Рядом с Полелюем стоял стражник, державший веревку, на которую привязан был большой черный козел.

Полелюй встретился взглядом с водяником и напоминая мотнул головой в сторону козла. Мутило съежился и подобострастно закивал, разводя руками в знак безусловной честности своих намерений.

Когда Налим ступил на торг, всякие разговоры на словах и на пальцах прекратились. Продающие и покупающие, вослед за Жихарем, поразинули рты, но не надолго, потому что народ подобрался тертый, не полоротый.

Мутиле даже не пришлось, подобно остальным продавцам, громким голосом выкрикивать, нахваливая достоинства своего товара: поскоки горностаевы, повороты заячьи да полеты соколиные. Все и так были не без глаз. Даже гордый цыган превозмог себя, самолично подошел к Налиму, похлопал его по бокам, поползал в ногах, завернул губу, прощелкал ногтем зубы и аж поцеловал от восторга.

Начался, как и задумал Колобок, аукцион. Длился он недолго: Мара, видя, что народ собрался вовсе не бедный, после третьего или четвертого повышающего цену ауканья назвал число столь великое, что никто после этого аукать не решился. На эти деньги можно было прикупить небольшое княжество. А Полелюй у себя на чурбаке даже подпрыгнул, поскольку со всякой крупной сделки полагалась ему доля.

Мутило начал стаскивать с Налимовой морды уздечку. Полелюй в гнев привстал.

— Э, нет, — сказал цыган Мара. — Уважь, дорогой, продай вместе с уздечкой...

— Да разве это уздечка? — удивился Мутило. — Да она же давно отрухлявела! Стыдно знатоку с такой на люди показаться! Это уж я по бедности своей никак на новую не наскребу...

— Друг любезный, мне и старенькая сойдет!

— Понимает, что к чему, — объяснил Колобок из сумы. — Прекрасно он сообразил, что за конь, не впервые такого покупает...

— Что ему за корысть? — спросил Жихарь. — Ветхая уздечка рано или поздно порвется, и уйдет Налим, словно рыба сквозь дырявую вершу...

— Хе, — сказал Колобок. — Сперва цыган потешит себя вволю — ведь загнать до смерти водяного коня нельзя, да и покалечиться он не может. А потом продаст его втридорога где-нибудь в полуденных странах какому-нибудь владыке. Среди них такие любители водятся, что жен и детей отдадут в заклад, не говоря уж о державе, чтобы достать себе подобное чудо...

Тем временем торговый договор свершился, поводья Налима были бережно переданы из полы в полу. Цыган Мара начал отсчитывать золотые кругляши, отгоняя цыганят от мешка. Мутило ему охотно помогал в этом.

Не спеша подошел ярмарочный староста Полелюй — приглядеть за добросовестностью расчета, получить причитающееся.

— Налог с продаж — не захочешь, да отдашь! — приговаривал он.

Налог был здесь устроен так хитро, что пришлось доплачивать и Мутиле, и цыгану, что несколько отравило обоим радость от сделки.

Мара, впрочем, быстро утешился, вскочив на новообретенного коня. Толпа раздалась к ограде, и великий наездник показал, на что они в паре с таким скакуном способны. Налим помчался вдоль ограды, прилегая на поворотах к земле, но всадник без седла и стремян держался прочно. Жихарь вспомнил свой собственный страх во время скачки по лесу и покраснел.

Мара тем временем прыгнул коню на спину и стал отбивать четку, выкрикивая:

— Ай, жги, черноголовый!

Потом подскочил, перевернулся в воздухе и встал на руки. Налим бежал с прежней резвостью. Заядлые лошатники закричали здравицы коню и всаднику, такое даже за деньги и на ярмарке не часто увидишь.

— Даже жалко его коня лишать, — сказал Жихарь Колобку. — Уж как я на Мару зол, а все равно жалко. Теперь меня Налим совсем уважать не будет...

— Ничего, — откликнулся Гомункул. — Выучишься со временем не хуже. А проучить его надо, да и Полелюя тоже.

— За что Полелюя-то? Он же честный!

— Он не честный, — вздохнул Колобок. — Он принципиальный.

— Это как?

— А вот так. Принципиальность — это та же честность, только себе на выгоду. Понял разницу?

Жихарь кивнул. Он и раньше эту разницу понимал, но не знал, как она называется. Теперь узнал.

Тем временем цыган снова уселся на конскую спину, несколько раз поднял Налима на дыбы, после крикнул Мутиле: «Продешевил, родимый!» — разогнал коня, перемахнул сперва через ограду торгового двора (толпа за оградой раздалась в стороны), потом через частоклад куда более высокий, что обычному коню было бы, конечно, не под силу...

— Поминай как звали! — ахнул богатырь.

— Вернется, никуда не денется, — сказал Колобок. — Это конь не притомится, а цыган не железный. Ты давай-ка помоги Мутиле дотащить денежный мешок до постоянного двора и сразу сюда возвращайся. Все делай, как уговорились, понял?

В толпе никого, кстати, не удивило, что дурачок толкует о чем-то с собственной сумой: а с кем ему еще толковать?

Богатырь протолкался к водянику, с криканьем закинул добычу за спину и под покрасневшими от зависти очами людей потащил к постоянному двору.

Полелюя нагнал их у самого крыльца. Был он уже без стражника и без козла.

— Вот можешь ведь честным быть, если захочешь! — похвалил он водяника. — Всегда бы так.

— Могу, — сказал Мутило. — Хоть под водой, хоть на суше.

— А коня-то жалко, — поддразнил Полелюя.

— Жалко, — сказал Мутило. — Только готов биться об заклад, что конь к вечеру снова наш будет. И без всякого мошенничества, на честном разуме! Добром возьмем, по-хорошему!

— Об заклад... — задумался Полелюй. — А велик ли заклад?

— Да вот же он! — Мутило показал на Жихаря с мешком.

Полелюевы глазки (тоже, кстати, покрасневшие) мгновенно загорелись.

— Была не была — бьюсь! Но если чего замечу, вы и этих-то барышей у меня мигом лишитесь!

Побились при свидетелях.

Жихарь вернулся на конское торжище. Торги приувяли, шли нехотко: все вспоминали недавнюю сделку и были недовольны собой.

Вскорости вернулся и цыган Мара. Он вспотел и, чтобы не застудиться на ветру, вел Налима мелкой рысцей.

— Добрый конь, дяденька, — тонким голосом сказал Жихарь. — Дай покататься!

Мара спешился, поглядел на рыжего дурачка с сожалением, пошарил в карманах, но пряника не нашел и для утешения щелкнул богатыря в лоб.

Жихарь не показал обиды и молвил:

— Только чтой-то конь тебя обнюхивает?

— Где? — не поверил Мара, оглянулся и увидел, что Налим, раздувая ноздри, вправду втягивает в себя воздух. Конь обнюхал нового хозяина с ног до головы, потом жалобно заржал.

Цыган помрачнел.

— Дяденька, а правду ли сказывают: кого конь понюхает, тот сегодня же помрет? — спросил богатырь все тем же придуренным голосом.

— Одни бабы такое болтают, да еще вот сущеглупые, вроде тебя, — проворчал цыган.

По конской морде покатались крупные, с гусиное яйцо, слезы.

— Видишь, баро, — он тебя уже и оплакивает, — сказал Жихарь. — Купил лошадку, а покататься всласть и не придется...

И сам заплакал, предварительно себя же ущипнув как следует.

— Вздор говоришь, гаджо, — утешил его цыган. Правда, в голосе его уверенности не водилось.

Тут сверху послышались отвратительные звуки. Мара задрал голову. Над ним кружился большой черный ворон, непрерывно разевая клюв и хрипло каркая. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, кому именно предназначено карканье, ворон еще и опростался на красную рубаху.

Мара вскинул вверх длинные свои руки, но черный оскорбитель уже был таков.

— Ой-ой, — сказал Жихарь. — Это уж точно к покойнику.

Мара, ругаясь по-своему, оттирал рукав.

Где-то в глубине ярмарки ни с того ни с сего заорали петухи.

— Дяденька баро, берегись! Где-то смерть твоя ходит!

Дурачков бить не принято, а вот прислушиваться к ним люди прислушиваются, сколь отважны бы они ни были.

— Дяденька, у меня, на тебя гляючи, переносье чешется! — испуганно воскликнул богатырь. — Значит, о скорой смерти слышать!

Вокруг них начали собираться люди. Цыганки из Мариного табора, услышав, в чем дело, начали потихоньку тревожиться.

— У тебя нынче сад, дяденька, не поздно ли зацвел? — продолжал неугомонный дурачок.

— Откуда у цыгана сад? — огрызнулся Мара и грубо отпихнул Налима, который продолжал его обнюхивать.

Прибежал маленький, рыжий, как Жихарь, лохматый песик, сел возле цыганских блестящих сапог, склонил мордочку вниз и завыл так пронзительно, как воют собаки только по ночам, да к тому же далеко не всякой ночью.

Цыганки словно того и ждали — подхватили.

Бесшумно выпорхнул откуда-то нетопырь, которому среди бела дня вовсе не полагается летать, сделал круг возле цыганской головы и сгинул.

Приковыляла, наконец, и сбежавшая от продажи рябая курица. К хвосту ее прилипла здоровенная соломина. Она поклевала Мару в сапог и запела петухом.

— О-о-ой! — стонал Жихарь. — Не к добру ты, дяденька, этого коня купил! Ты через него смерть примешь! Такое, дяденька, даже с вещими князьями бывало...

Бедный цыган оказался как бы в некоем роковом круге. Он озираясь, не зная, как унять худые предзнаменования.

— И еще мыши тебе портки прогрызли, — добил его Жихарь. — Эх, закрылись все радости, встретились напасти...

Мара задрал подол длинной рубахи, поглядел на свежую дырку в атласных штанах и схватился за голову. Цыганки окружили его, оттеснив богатыря, залопотали.

«Дело сделано», — сказал себе Жихарь и отдалился за ограду, но красную рубаху из виду не выпускал.

Через какое-то время он увидел, что Мара схватил за рукав купца в полосатом одеянии и с повязкой на голове. Цыган показывал

на коня, махал руками. Купец долго не понимал, в чем дело, а когда понял, запрыгал от неожиданной удачи. Чего уж там ему Мара наплел, как сумел объяснить внезапную продажу себе в убыток драгоценного жеребца — слышно не было. Били по рукам, передавали поводья...

Цыган с пестрым своим и шумным окружением споро собрался и подался прочь, оглядываясь на курицу с песиком.

Налим лизнул купца в ухо и тоже стал обнюхивать.

Жихарь запрыгал на босой ноге к новому коневладельцу:

— Дяденька, дяденька!

Снова в той же последовательности стали появляться ворон, песик, нетопырь, курица и незаметные под ногами, но острозубые мыши. У богатыря даже нашлись и бесплатные помощники из тех, кто заявился на ярмарку просто поглазеть. Они тоже знали множество смертоносных примет. Купец, у которого, оказывается, в далеком Чуроканде и вправду поздно зацвел персиковый сад, быстро раскаялся в своей опрометчивой покупке и начал высматривать, кому бы сбавить такого неудобного коня...

Дальше Жихарю и вмешиваться не пришлось — доброхотов было навалом. Он приглядывал издали. Пернатые и четвероногие участники заговора честно отработывали обещанную награду. Налим то и дело переходил из рук в руки, всякий раз стремительно теряя цену (хотя каждая сделка и отслеживалась Полелюевыми помощниками, неукоснительно собиравшими все скудеющий налог), и богатырь всякий раз опасался, что нарвется Налим на такого покупателя, который не верит ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай.

Такового, к счастью, не обнаружилось.

Последним владельцем Налима стал совсем молодой парнишка из степняков. Он растерянно оглядывался и всхлипывал, поскольку степняцкие приметы, за небольшим исключением, совпадают с лесными. На приобретенного коня он смотрел с ужасом, ожидая немедленной кончины.

— Не плачь, сынок, — великодушно сказал богатырь. — Я тебе найду покупателя.

И повел Налима вместе с плачущим степняком на постоянный двор.

Ярмарочный староста, водяник и Колобок сидели за столом, спорили о чем-то. Колобок, впрочем, сидел на столе, свесив ножки в новеньких лапоточках.

Юному степняку предложили цену вдвое больше той, что заплатил он сам, так что придраться Полелюй ни к чему не смог, хоть и старался. Добрый Жихарь даже заплатил за парнишку налог с продаж. Полелюй тряс головой, отгоняя наваждение.

— Не головой тряси, а мощной, — тихонько сказал богатырь. — Мы уж, так и быть, про заклад никому говорить не будем, чтобы тебя не позорить, а свидетели небось твои люди — не проболтаются...

— Хоть половину уступите, — попросил Полелюй. — Иначе расстанемся врагами...

— Прежде надо было глядеть, — сурово сказал Колобок.

В конце концов сошлись на трети заклада. Староста и тому был рад.

— Ты, конечно, нам на обратном пути устроишь засаду, — сказал Мутило. — Я тебя знаю. Так лучше побереги людей...

— Да как вы на меня подумать могли! — вскричал Полелюй. — Да я за столько лет! Да вы! Да я!

— Мировую, — подвел всему итог богатырь.

...На мировую он расщедрился — благо было с чего. Люди на ярмарке удивлялись, что староста среди бела дня перестал надзирать за торгом и сидит в кабаке, словно все прочие, поедая копченого гуся и запивая его ковшами вина и зимнего пива.

Отсутствием Полелюя немедленно воспользовались злодеи, потому что с улицы в кабак стали доноситься возмущенные вопли:

— На море на океане на острове на Буяне стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные! Подите вы, ножи булатные, к такому и сякому вору, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он, вор, воротил покражу купца Злыдаря, чтобы он не утаил ни синя пороха, а выдал бы все сполна. Будь ты, вор, проклят моим сильным заговором в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горючую, в тину болотную, в плотину мельничную, в дом бездонный, в кувшин банный! Будь прибит к притолоке осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен пуще льда! Окривей, охромей, ошалей, одеревеней, одурей, обезручей, оголодай, отошай, в грязи валяйся, с людьми не смыкайся и не своей смертью умри!

Крепкий был заговор — такой, что даже людям, не имевшим ни малейшего касательства к покраже, стало не по себе. Каково же тогда приходилось вору?

— Разберутся! — махнул рукой Полелюй и снова начал втолковывать Жихарю насчет каких-то неведомых прямых поставок, от которых Многоборью случится немалая прибыль.

— Хватит о делах! — подал голос Колобок. В пище он и вправду не нуждался, зато вино, оказывается, мог употреблять не хуже человека или водяника. — Выпить вина — прибавить ума...

— Куда тебе еще прибавлять, — сказал Мутило. — И так уже попе-рек глазу пальца не видишь.

— Нонсенс, абсурд, реникса! — заругался Колобок. — Я на бражке мешан, на крепком меду ставлен!
— Попей, попей — увидишь чертей, — пообещал богатырь.
— Я вас и так вижу который день, — сказал Гомункул. — Всех шестерых.
— Вот сколь светел стал! — изумился Жихарь. — И с чего бы?
— А с того, что лишь дурацкую голову хмель не берет! — не потерялся Колобок. Потом обхватил толстые щеки лапками и затянул:

Вы не вейтесь, враждебные вихри,
Над моею больной головой!
Не гнетите, о темные силы,
Вы так злобно народ трудовой!

Над седою равниною моря
Ветер тучи собрать норовит,
Но певец, со стихиею споря,
Всех утешит и оздоровит!

Эту песню, подобную стону,
Я не с бухты-барахты сложил:
Наблюдал я пучину бездонну,
На вершинах, случалось, жил.

Но в какой стороне я ни буду,
Не остануся я в стороне:
Помогу угнетенному люду,
Он заплачет еще обо мне!

— На мешке с золотом сидит, а сам горюет, — завистливо сказал Полелюй. — Чего плачешь-то?
— Людей жалко... — прорыдал Колобок. — Бабку с дедом особенно... Как они без меня там?
— И мне людей жалко, — неожиданно присоединился к нему водяник. — Живут помалу, мучаются помногу... В воде захлебываются... — И тоже заплакал — пресными слезами.
Наконец даже людям стало жалко самих себя.
— Жизнь мимо меня прошла, — тосковал Полелюй. — Весь свой век на ярмарке провел, для себя и не посетствовал... Только во сне сдалось, что на свете жилося...
— А я сирота — меня всякий обидеть норовит! — вспомнил Жихарь все свои давние огорчения.

— Так давай я тебя усыновлю! — расщедрился Полелюй. — А то на кого же мне ярмарку оставить, когда Безноса в темечко клонет?

— Спасибо, — сказал Жихарь. — Но мне ведь княжеское родословие надобно, высокое происхождение. Чтобы за глаза не кликали подзаборником... Дедушка Полелюй, ты ведь здесь, на месте сидючи, получаешь от торговых гостей вести со всего света. Может, слышал что-либо о моих младенческих годах? Мне ведь Кот и Дрозд ничего не рассказывали, да я по глупости и не спрашивал... А потом они сгинули, пропали неведомо куда.

Полелюй отер слезы концом бороды, задумался.

— Кот и Дрозд? — спросил он.

— Они самые, — подтвердил Жихарь.

— Разбойники? — уточнил староста.

— Сущие разбойники, — сказал богатырь.

— Хе, — сказал Полелюй. — Никуда они не сгинули. Здесь они, неподалеку.

— Да ты что? — подскочил Жихарь.

— Пошли, — засобирился Полелюй. — Только сам понимаешь... Добрые вести — они дорогого стоят...

От этих слов Колобок пришел в себя и стянул края денежного мешка в тугой узел.

— Рыдает, а про выгоду не забывает, — пробормотал Мутило. — А я-то думал — он уже до зеленых людей допился...

— Сочтемся, коли толк выйдет, — сказал Жихарь, который тоже не собирился швыряться нежданной прибылью.

Полелюй свистнул стражников и приставил их к мешку. Потом снял шапку, вынул из нее иглу с ниткой и неверной рукой зашил караульщикам поместительные карманы.

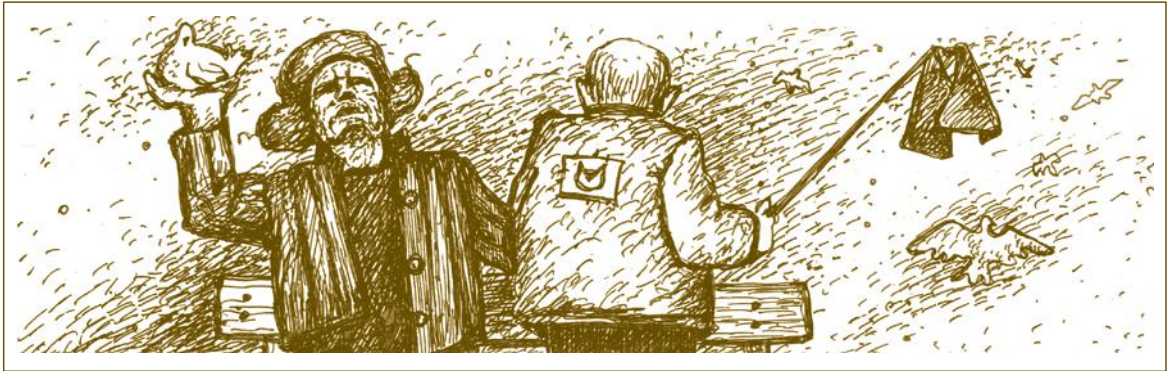
— Ты им и губы зашей, — посоветовал богатырь. — А то за обе щеки понапихают.

— Я остаюсь, — объявил Колобок. — Я хоть и без зубов пока, но руки шаловливые любому отгрызу.

— Оставайся, куда тебя такого в люди вести, — разрешил Жихарь.

— И я остаюсь, — сказал Мутило. — Потому что мало ли что. Так одни остались, а другие пошли прочь.

ГЛАВА 7

*То были трупы двух титанов,
Двух славных братьев-атаманов...*

Александр Пушкин

На Полелюевой Ярмарке за долгие годы было понастроено много чего кроме торговых рядов.

Была особая палата, где знающие люди проверяли мясо и птицу на гожесть, припечатывая синей печатью.

Была лечебница с опытными знахарями на случай, если кто из гостей расхворался в дальней дороге.

Был Дом Веселья с бесстыжими девками, которые слетались сюда со всех сторон за легкой добычей, — на всякий случай его воздвигли рядом с лечебницей.

Был Меняльный дом — там оценивали деньги разных стран, какая чего стоит.

Был Дом Быка и Медведя, в котором перекупщики и приказчики самых богатых купцов торговались на пальцах, ухитряясь извлекать барыш неведомо из чего.

На речном берегу поставили, конечно, несколько бань, чтобы не разводилось заразы.

Про каменные склады да просторные конюшни и говорить нечего.

И был еще Дом Старого Разбойника, о котором мало кто знал.

Когда Полелюева Ярмарка внезапно возникла из яйца на голом месте, с лихими людьми стало много забот. Они поначалу обрадовались, приладились грабить проезжавших торговых гостей. Появилась стража, случались стычки и целые кровопролитные войны, разорявшие дело.

Тогда Полелюй, молодой еще и отважный, в одиночку и без оружия углубился в лес, обходя разбойничьи станы.

Семьи разбойник не имеет, век его короток, а старость, ежели до таковой дожить, безрадостна: либо молодой соперник зарежет ослабевшего вожака, либо ограбленный купец признает и потащит на суд, либо, если очень уж повезет, просто окочуришься под забором от голода и холода.

Вот Полелюй и предложил лиходеям поставить на неприкосновенной ярмарочной земле просторный терем, где они могли бы спокойно, ни в чем не нуждаясь, хоть и без особой роскоши, заканчивать свое земное поприще возле теплой печки с кружкой браги в обществе себе подобных. Для увеселения там оборудовали даже голубятню. Староста обещал разбойникам безмянность и безопасность, а взамен требовал вот чего: оставить в покое купеческие обозы, не тревожить, как прежде, стольные города и богатые деревни да платить из награбленного ему, Полелюю, взносы на грядущую тихую старость.

Сверкали ножи, взлетали дубины: не всем приходилось по нраву такое предложение, но верх, как обычно бывает, взяли благоразумные, а отчаянные сильно поубавились в числе.

Нельзя сказать, что разбой прекратился сразу и вовсе — до сих пор появлялись дерзкие одиночки вроде покойного Кидалы, — но дороги, ведущие к Полелюевой Ярмарке, прослыли самыми безопасными.

Сам староста оказался в большом выигрыше, поскольку взносы платили все, а до седин, как сказано выше, доживали немногие. Кроме того, он разрешал и даже приказывал грабить тех, кого по разным причинам не хотел больше видеть на своей ярмарке.

Давал Полелюй и недолгое, до месяца, убежище еще действующим лиходеям. Так туда и попали спасавшиеся от погони Кот и Дрозд. Они пересидели сколько-то времени, потом воротились в лесную избушку, малого Жихарку не нашли на месте, погоревали и решили, что довольно уже потрудились для общества на большой дороге. Побрели обратно на ярмарку, поклонились старосте немалой общей казной и осели в Доме Старого Разбойника. Бодрым еще дедам и на ум не приходило, что нынешний молодой многоборский князь — их воспитанник.

Все это рассказал Полелюй Жихарю по дороге и предупредил, что разговаривать с лихими людьми — дело нелегкое и требующее сноровки.

Ремесло делает лесных разбойников (как и конокрадов, кстати) суеверными. Они внимательно следят за природными приметами и чрезвычайно воздержанны на язык, хоть и ругаются премного. Но никогда настоящий разбойник не назовет золота золотом, чтобы не сглазить и не превратить в черепки, а всегда скромно скажет: «Металл желтого цвета». Княжеских стражников злодеи между собой не обзывают «псами», «лежавыми» и «мусорами», как те того заслуживают, но весьма уважительно величают «сотрудниками правоохранительных органов». Даже тюрьму, когда случается туда угодить, зовут не острогом, не кутузкой, не узилищем, не темницей, а красивым именем «изолятор временного содержания» — чтобы не исключить неосторожным словом возможность побега. И каторга у них не каторга — зовется она, матушка, «исправительно-трудовым учреждением», хотя исправившийся на каторге разбойник встречается не чаще, чем кукушечье гнездо...

Тайный разбойничий язык еще и тем хорош, что непонятен постороннему человеку и не может перед ним обличить их лиходейскую сущность.

— ...Стою это я, братцы, на участке дороги Теплоград — Косоруково, посреди зоны лесонасаждения, держу в правой руке орудие преступления, то есть тяжелый да тупой предмет, в скобках — предположительно дубину. Навстречь мне, гляжу, движется потерпевший — богатый сучкорез, тащит на спине в мешке свое личное имущество граждан. Ну, я выхожу из близлежащего кустарника и предлагаю ему в устной форме отчуждать это имущество в мою пользу. Потерпевший отказывается. Делать нечего — пришлось соединить нападение с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия...

— Чистый разбой!

— Разбой и есть. Угроза действия не возымела — совершаю нападение с насилием. Размахнулся тяжелым тупым предметом да умышленно как нанесу потерпевшему менее тяжкое телесное повреждение! А он в мешок вцепился, не отдает! Тогда я прихожу в состояние сильного душевного волнения и тем же тупым тяжелым предметом наношу, опять же умышленно, еще более тяжкое телесное повреждение, несовместимое с жизнью! Из него и дух вон! Завладел я его имуществом и скрылся с места преступления в неизвестном направлении...

— Это дело. А вот у меня был, помнится, случай в горах. Думал я там, за хребтом Кавказа, укрыться от всяких царей. И вот решил однажды содеять преступление, составляющее пережитки местных обычаев. Встал перед выбором: то ли уклониться от примирения и не отказаться совершить кровную месть за убийство, то ли уплатить и принять выкуп за невесту деньгами, скотом или другим каким

имуществом. А может, даже принудить женщину ко вступлению в брак... Или наоборот, этому вступлению воспрепятствовать — сейчас уже и не помню...

— Надо же! Вон до чего дошло!

— ...И вот так целыми днями! — вздохнул Полелюй, открывая дверь. Они с Жихарем уже давно стояли на крыльце и выслушивали пьяную староразбойничью похвальбу. — И болтают, и болтают... Потом драться начнут... Ножей мы им, конечно, не даем, так они, представляешь, наострились в деревянные ложки заливать свинец и друг дружку лобанить!

— Боевые старички, — одобрил богатырь. — Где же мои наставники? Не поубивали еще там всех?

— Кот и Дрозд у нас тихие. Сейчас сам увидишь...

В просторной горнице за чисто выскобленными столами сидели ветхие сивые люди, зачастую кривые, одноухие, однорукие или одноногие. По стенам развешано было различное оружие — выполненное, впрочем, из дерева.

— Дерево заморское, бесценное, — пояснил староста. — Очень легкое — там из него делают плоты и даже выходят в море. Таким хоть целый день по башке колоти — ничего не будет. Дерево, конечно, дорогое. Но мне для моих постояльцев злата-серебра не жалко — правда, ребята?

Отставные злодеи поглядели на Полелюя так, что любого другого на его месте испекло бы в пепел, но вслух закричали:

— Правда, батюшка! Правда, благодетель! Дом — это наша большая семья! У нас сытое житье, у нас чистое белье! Мы бодры, веселы, котелки у нас полны, в каждой чашке — кашка, в каждой кружке — бражка, а по праздничным по дням мы и девок трям-трям-трям...

— Знают порядок, — шепнул Полелюй. — Я сюда иногда молодых разбойников привожу — показать, как им хорошо и уютно будет у меня в старости. Вот они увидели тебя и подумали... Ребятунки, а где-ка у нас Кот с Дроздом, почему не вижу?

— Полезли на крышу — голубей гонять, — отозвался безносый дедуля.

— А почему мы их со двора на крыше не узрели?

— Так ведь чердак — не ближний свет. К тому же вверх карабкаться... После завтрака ушли, к обеду велели ждать... Они, поди, еще до лестницы не добрались...

— Не буду я ждать, — сказал Жихарь. — Где у вас голубятня?

По дороге на голубятню богатырь думал, что на месте молодого разбойника нипочем бы не соблазнился здешним житьем. Это какое же благоразумие и предусмотрительность надо иметь! Бражку тут явно дают не вволю, а по мерке, насчет же девок и вовсе сомнения огромнейшие...

— Лучше в поле голову потерять! — вслух решил он и высунул голову из чердачного окошка.

— Правду говоришь, родимый! — сказал старичок, который стоял на карачках, дугой выгнув спину. Глаза у старичка с годами не выщвели, сохранили зеленый оттенок и продольный зрачок. На гнутой спине у этого старичка стоял босиком другой, столь же древний, и пытался, помогая себе длинным и вострым носом, отпереть засов на голубятне.

— Кот и Дрозд, спасите меня! — дитячьим голосом сказал Жихарь. Верхний старичок зашатался и полетел вниз, но не убилися, а рассмеялся, подхваченный богатырской рукой...

...Прославленные разбойники даже не удивились, узнав, что их питомец не пал жертвой хищных зверей, не был растерзан поедучими ведьмами, и даже наоборот — прославился и возвысился. В таком возрасте обычно уже ничему не удивляются.

— Говорил же я тебе, старому дураку, — не пропадет! — сказал Дрозд Коту. — После нашей-то науки!

— И я тебе, старому дураку, то же самое толковал! — промурлыкал Кот. Он потерся об Жихаря спиной и разразился хриплым мявом, означавшим не то смех, не то плач.

Порадовавшись встрече и всплакнув, разбойные деды принялись наперебой жаловаться богатырю, что здесь, у Полелюя, им не дают развернуться во всю ширь молодецкую, что проклятый староста загубил за их же деньги ихнюю вольную волюшку, оставив только горькую долюшку...

— У них и зелено вино какое-то сухое, — пожаловался Дрозд. — Мочишь, мочишь горло, а промочить никак не можешь. Налицо явные хищения общественной собственности в особо крупных размерах, совершаемые группой лиц по предварительному сговору с особой жестокостью...

— При отягчающих обстоятельствах! — сказал Кот, но вдруг замолк, потому что внизу по всему терему пошел какой-то странный гул, от которого заложило уши.

— Это еще что? — встревожился богатырь.

— Это Соловей Одихмантьевич, — сказал Дрозд. — Весна же — он свистеть начинает, Соловуху манить. Да где теперь та Соловуха, кто ей целует пальцы? Неужто найдется такой придурок?

— И зубы уже не свои, — добавил Кот. — Вот настоящего свисту и не получается. А то бы он им нащепал лучины!

— Так Соловей до сих пор жив?

— Чего ж ему сделается? Выбитое око заткнул соломой, окосицу прикрыл бляхой из металла желтого цвета — и живет себе. Конечно, на семи-то дубах ему было просторнее, зато здесь никто не тронет. Экстрадикции не подлежит: отсюда выдачи нет! — вздохнул Дрозд, упомянув единственное тутошнее утешение.

Впрочем, не единственное. Жихарь отворил голубятню, стал вытаскивать птиц по одной и подбрасывать в воздух. Кот схватил шест с привязанной к нему алой тряпкой и начал, шипя от боли в суставах, размахивать им в воздухе. Дрозд засвистел — но тоже не так лихо, как прежде, и богатырю пришлось помогать.

Побаловав престарелых лиходеев любимым зрелищем и подождав, покуда голуби, накружившись вольно в ясном небе, вернутся на дармовую жратву, он задвинул засов и сказал:

— Не горюйте, Кот и Дрозд! Вы меня в беспомощности не покинули, и я вас не оставлю, заберу к себе в Столенград!

— Что ты, что ты! — замахали руками разбойники. — Нас же там сразу признают и повесят!

— А вот и нет! — Жихарь гордо вскинул голову. — Во-первых, у нас в Многоборье нынче торжествует закон — моей же, кстати, супругой составленный. И в том законе для таких, как вы, есть понятие срока давности... Во-вторых, я теперь князь — что хочу, то и ворочу! А в-третьих, у меня скоро появится сын, тоже богатырь. Не бабам же его воспитывать!

— Не бабам! — дружно воскликнули старики. — Может и сын героем стать, если отец герой!

— До поры Полелюю ни слова, и вообще — никому, — предупредил Жихарь. — Давайте-ка сядем сюда, в тень, и поговорим. Мне у вас много о чем нужно спросить...

— Нам бы лучше на солнышко, — попросили Кот и Дрозд, и богатырь их уважил.

Жихарь в чердачное окно велел принести вина и лучшей закуски. Полелюй, в надежде на богатую награду, подавал сам, на подносе с чистым полотенцем. Он хотел было присоседиться к собранию на крыше, но богатырь вежливо, хоть и убедительно, попросил его ступать вниз, приглядеть за ярмаркой.

— Ну, отцы мои, — сказал он, когда старики угостились, — настал, хоть и с запозданием, час рассказать вам, где вы меня нашли и при каких обстоятельствах.

— Мы, нижеподписавшиеся, — привычно, как на допросе, забубнил Дрозд, — выйдя из рабочего помещения по естественным надобностям, услышали странные звуки и после тщательного осмотра места происшествия обнаружили...

— Да брось ты, дядюшка Дрозд! Говори свободно, нас тут никто не услышит. Я вот сейчас лестницу вытащу на всякий случай...

Решение было правильное: вытаскивая лестницу, богатырь стяхнул с нее Полелюева наушника из здешних постояльцев.

— Теперь говорите!

— Значит, так: мороз крепчал... — начал Дрозд.

— Дождь лил как из ведра, — добавил Кот.

- При полуденном солнышке...
- Как раз в полнолуние...
- Ясным ли днем...
- Темной ли ночью...
- Светало...
- Смеркалось...

Словом, выяснилось, что ни времени года, ни времени дня старички припомнить не могут. Ладно, хоть кое-что у них в голове осталось!

— Только портки натянул, смотрю — лежит передо мной изукрашенная колыбелька!

— Почему лежит? Она же по ручью плыла, за куст зацепилась!

— Сам ты куст, котяра! Как же она могла плыть, коли была железная?

— Это у меня терпение железное — тебя переносить! Она же внутри пустая — вот и плыла!

— Голова твоя внутри пустая! Лежала колыбелька на тропе! Что-бы мы случайно мимо не прошли!

— Постойте, отцы! — не выдержал богатырь, норовя ухватить тайну хотя бы за хвостик. — Объясните подробно, что за колыбелька такая была?

— Обычная колыбелька, плетеная...

— Ну да! Плетеная, только из железных прутьев! Иначе как бы мы ее потом продали кузнецу?

— Не кузнецу, а старьевщику! А плашку из металла желтого цвета уже много позже прогуляли!

— Стой! — поднял руку Жихарь. — Какую такую плашку?

Разбойники недоуменно поглядели на него.

— Вестимо какую, — сказал Кот. — Ту самую, которую твой батюшка, должно быть, выковал и надписал...

— А матушка, должно быть, слезыньками полила, — уточнил Дрозд и пальцами показал, какого размера и толщины была плашка.

— Как же вы... эти... как посмели ее прогулять? — вскричал Жихарь, чуя, что хвостик тайны выскользывает из рук, словно намыленный.

— Сам посуди — она ведь из металла желтого цвета, слуханное ли дело было не прогулять ее? Да и тебе молочко требовалось, — сказал Кот и даже облизнулся. — Молочко же в те времена было дорогое...

— А семечки еще дороже, — подтвердил Дрозд.

— Ну вы, блин поминальный, распорядились, — безнадежно сказал богатырь. — Ведь за такой кусок золота меня в этом молоке утопить можно было!

— Да мы и так тебя в нем чуть не утопили, — захихикал Дрозд. — Мы ведь не свичны были с младенцами обращаться...

— А семечками чуть не задавили, — сказал Жихарь. — Понятно. Что за знаки были на пластинке? Уж не рыцарский ли герб?

— Не было там ни герба, ни клейма. Только знаки. Нам их плеши-вый неклюд растолковал в кабаке, когда мы от плашки только один кусочек и потратили, — сказал Кот. — Ма-ахонь-кий такой кусочек... Всего ничего...

— Что же он вам растолковал?! — заорал богатырь так, что лишние старцы втянули седые головы в плечи.

Потом Кот кое-как вытянул голову вверх, чтобы обрести возможность пожать плечами.

— Да ничего особенного... Может, ты, Дрозд, помнишь? — с надеждой взглянул он на сообщника.

— А что я? — удивился Дрозд. — Я что — моложе тебя?

— Лучше бы вы меня тогда убили, чем сейчас жилы тянуть, — сквозь зубы сказал Жихарь.

— Успокойся, — сказал Дрозд. — Ничего особенного там и не было написано — так, дрянь всякая. Что-то про могучего владыку, про единственного наследника... Да не убивайся — неизвестно ведь, что за владыка, из какой страны...

— Не из страны, а из планеты, — поправил Кот. — Как сейчас помню — планета Криптон. Сколько я потом на небо глаза пучил — никакого Криптона там нету...

— Еще бы ты видел! — с презрением сказал Дрозд. — Там ведь ясно было написано, что рассыпалась планета эта самая, Криптон, в мелкие дребезги, потому Жихарку и отправили сюда, чтобы уберечь... Слушай, Кот, может, та бабка чего знает?

— Какая еще бабка? — простонал богатырь.

— А та самая бабка, — сказал Кот, — которая тебя под видом лечения собиралась в печке зажарить и съесть... Вот она-то, к слову, и могла кое-что знать, она эту плашку даже пробовала украсть, но мы ее берегли пуще глаза... А бабка после своего злодейства, должно быть, убежала за Зимние Горы.

— Спасибо, что сберегли, — сказал Жихарь и даже поклонился. — А кроме плашки было там что-нибудь такое, чего вы пропить не смогли?

— Было, конечно, — сказал Кот. — Была пеленка твоя. Тебя же не голяком туда запихали. И одеяльце было атласное, мы тебя им укрывали, покуда не истлело...

— А на пеленке-то, — сказал Жихарь, с трудом удерживаясь от побоев, — на пеленке-то не было ли чего вышито? У знатных подкидышей всегда на пеленке вышивают чего-нибудь, чтобы потом при случае найти и возвеличить!

— Не помню, — сказал Дрозд. — Да если хочешь — сам посмотри...

— Что-о? Так она у вас сохранилась? Побежали вниз, покажите мне ее сейчас же!

— Некуда бежать, — удержал его Кот. — Тут она, на голубятне. Мы здесь все свои личные вещи храним, потому что сюда никто, кроме нас, забраться не в силах...

— Внизу оставить никак нельзя, — пояснил Дрозд. — Сам же видел — там разбойник на разбойнике лежит, разбойником укрывается, и в головах опять же разбойник...

Дрозд поднялся, покопался у подножия голубятни, отворотил какую-то доску и вытащил старую кожаную сумку.

— Тут у нас и щетки зубовные, и мыло душистое, и мочалки, и шершавый камень — пятки тереть, и пихтовое масло — на каменку плескать, и еще много чего... Все наше, собственное! Где же эта окаянная пеленка? Я как знал — не выбросил ее и на портянку не извел. Была бы пара пеленок — были бы у меня мягкие портянки... Или была бы у меня одна нога... А так — куда ее? Нет, думаю, вырастет Жихарка, мы ему все и обскажем толком и доказательство представим...

— Ну, допустим, я вырос, — сказал богатырь. — А толком ничего так и не услышал. Где пеленка?

— Дроздило бестолковое! — мявкнул Кот. — Ковыряешься в мешке, а сам не помнишь, что мы ее приспособили голубей гонять! Вон же она — к шести привязана!

— Еще раз спасибо за полную сохранность, отцы мои, милостивцы...

Жихарь нетерпеливо отвязал тряпицу от шеста, развернул...

— Можно было бы и постирать с тех пор хоть разок, — заметил он.

Ткань была плотная, на удивление долговечная, и если выцвела, то лишь самую малость.

Посреди пеленки черным, до сих пор блестящим шелком был искусно вышит один-единственный змееподобный знак «S», вписанный в перевернутый пятиугольник.

— Хорошо, — безнадежно сказал богатырь, хотя ничего хорошего пока что не видел. — А в ту ночь, как меня найти, не шатались ли по лесу вокруг избушки какие-нибудь люди, не слышались ли голоса?

— Нет, конечно, — ответил Кот. — Кому бы в голову пришло шататься по нашему ужас наводящему разбойничьему лесу, когда всю ночь ревело и гудело в небесах, а звезды оттуда сыпались целыми пригоршнями? Мы сами-то сидели за печкой, приужахнувшись, только под утро осмелились выползти, когда невтерпеж стало, — не поганить же избу!

— Звезды падали... — зачарованно прошептал Жихарь. — А с ними и я оттуда грохнулся... Вон я, значит, кто! Ух ты! Блин поминальный! Грин зеленый! Всех убью — один останусь!

ГЛАВА 8

Кончил «Всадника без головы». Такая динамика в романе, что умный пожилой человек с величайшим волнением следит за судьбой дураков.

Михаил Пришвин

Богатырю не раз приходилось слышать, как люди, перевалившие на вторую половину жизни, говорят, что они уже едут с ярмарки, оттого и печальны.

Оказалось, что ехать с ярмарки невесело в любом возрасте. Причину богатырской печали ни Мутило, ни Колобок понять не могли и не хотели, потому что не ведали сроков своего обретания на земле и тем более — половины его.

— Туда скакали втроем на одном коне, а ворочаемся с обозом! — хвалился Мутило, который, можно сказать, стоял у истоков этого успешного предприятия.

— Что ты с этими деньгами делать-то будешь в своем озере? — спросил Жихарь.

Все трое валялись на возу в куче ярких заморских тканей и прочего мягкого товара. Воз неспешно волок буланый северный битюг, а скоробежный Налим был привязан к возу, потому что торопиться теперь было некуда. За хозяйским тянулись остальные возы, руководимые наемными возницами. Им Колобок не доверял, время от времени прыгал из телеги в телегу, проверял — все ли на месте. На

старых разбойников, которых богатырь, как и обещал, прихватил с собой, Гомункул тоже не надеялся...

— Сперва я думал выстелить дно Гремучего Вира изразцами, — сказал водяник. — Но потом понял, что худо придется водорослям. Да и раствор в воде не схватывается... Можно, конечно, выписать красивых рыбок из Чайной Земли, но ведь мои караси обидятся, возревнут. Опять же и моржам у меня жарко покажется... Наверное, закопаю в ил, пусть в озере собственный клад будет — через тысячу лет люди станут искать, стараться... То-то посмеюсь!

— Сколько тебе раз говорить: давай лучше переведу твою долю цюрихским гномам, — сказал Колобок. — За тысячу лет она знаешь как возрастет!

— Этим поганцам богатеть за мой счет не дам! — решительно заявил Мутило. — Человека им лысого, а не деньги! Потому что они и так обленились — кайло не могут поднять...

— Псу под хвост, — вздохнул Колобок.

Он, бедный, так уж старался в продолжение всей седмицы, проведенной на ярмарке, приумножая полученные от цыгана и Полеюя доходы, торчал целыми днями в Доме Быка и Медведя, участвовал в удивительных тамошних торгах без товара;

покупал за морем пшеницу и продавал здешние холсты;

всучил северным людям-самоедам три воза ненужных им лаптей, которые еще только предстояло сплести кривлянам;

удачно поменял с южными чернокожими купцами ихние сладкие фиги на горькие наши кукиши;

заключил с неспанцами договор о поставках болотного пара на семьдесят семь годов (причем без ведома Совета болотных кикимор);

втридорога продал варягам право на многоборские мухоморы, сатанинские грибы, бледные поганки и ложные опята (а коли по ошибке срежут белый гриб либо подберезовик — вира великая);

для себя лично приобрел громадный грильбарский ковер, чтобы кататься по нему вволюшку;

вставил себе, не дожидаясь Жихаревых милостей, великолепные золотые зубы и препоясался золотой же цепью, чтобы народ уважал.

Ошеломленный Жихарь устал сверх меры, потому что все эти хитрые действия пришлось производить именно ему под руководством голоса из сумы — ведь самого-то Колобка в такой толкучке затоптали бы сразу. Никому неведомый Шарап из деревни Крутой Мэн внезапно стал самым известным на ярмарке человеком.

Тем временем Мутило тоже без дела не сидел, с помощью заветных костей приумножая свое богатство. И следить за безопасностью водяника тоже приходилось богатырю, и мешки с золотом таскать.

Но дивное дело — такая удача отчего-то не радовала многоборского князя и даже тревожила.

— То ли дома беда? — спрашивал он время от времени пустой воздух, но битюга не поторапливал.

Никакой беды дома не было, иначе богатырь давно бы об этом узнал. В последний ярмарочный день, когда все труды были окончены, Жихарь углядел лежащего под забором знакомого человека. То был Симеон Живая Нога, один из семи братьев-однобрюшников. Братья к тому времени разошлись в разные стороны — пытаться счастья поодиночке. Симеон, попав на Полелюеву Ярмарку, всем предлагал свои услуги скороспешного гонца, но никто его не нанимал — все знали, что бегаешь-то он быстро, но вот возвращения его не дождешься по причине полной относительности.

Колобок назвал Симеона-младшенького, а заодно и всех остальных людей долбодырыми пустогоромами и велел послать за ярмарочным кузнецом, чтобы тот отлил для незадачливого гонца чугунные башмаки, да потяжелее, — пусть не превышает чересчур шустрый паренек скорости света.

Для начала Жихарь предложил скороходу сбегать в Столенград — отнести княгине Карине гостинец. На возвращение Симеона в нынешнем году богатырь не надеялся, поэтому для подарка избрал простой недорогой платок, кое-как украшенный разляпистыми линочными цветами. В таких платках здесь щеголяли девки из Веселого Дома. Пропадет — так не жалко.

Но не успел заботливый супруг осушить чару, как посланец воротился, сотрясая землю тяжкими ударами чугунной обуви. Симеон был красен, испуган и в обеих руках держал половинки разодранного подарка. Княгиня Карина, сказал он, велела передать, что окаянный Жихарь, очевидно, с кем-то ее перепутал, что может означенный пропойца домой вовсе не заезжать, а может он, подлец, на Полелюевой Ярмарке оставаться навечно и княжить в самом распоследнем кабаке, куда вышибала не выкинет его за порог, на частый дождичек. Сыну же будущему, так и быть, она скажет, что отец со славою пал в неравном бою со змием цвета весенней листвы...

Жихарь, охая от ужаса, напраслины и позора, побежал по рядам, скупая самые дорогие ткани, меха и наряды, самые сладкие восточные лакомства, самые редкие колдовские книги в железных переплетках. Прихватил даже под горячую руку все лубки про Сопливого. Узел с новыми дарами вышел столь тяжелый, что нагруженный им Симеон вернулся не так скоро, как в первый раз.

Разгневанная Карина, по его словам, несколько утешилась, только не велела больше тратить деньги на что попало, но покупать по

списку, наскоро ей составленному (Колобок, глянув на этот список, даже присвистнул, пользуясь новыми зубами).

Кроме того, она просила посмотреть, нет ли в продаже лубков про красавицу Крошечку-Хаврошечку: «Поцелуй Крошечки-Хаврошечки», «Пламенная страсть Крошечки-Хаврошечки», «Крошечка-Хаврошечка и ее любовники», «Поруганная честь Крошечки-Хаврошечки», «Что сказал покойник Крошечке-Хаврошечке», «Никаких орхидей для Крошечки-Хаврошечки» и других — всего двадцать семь названий.

Жихарь снова поплелся по рядам. Конец списка волочился по земле, путался под ногами.

Купцы, убедившись в чудесных свойствах Симеона, стали наперебой приглашать его к себе в службу, Полелюй предложил ему постоянную работу, но Мутило, наущенный Колобком, заявил, что скороход теперь собственность торгово-промышленного товарищества и внаймы никому не сдается. Сам скороход только кивал согласно, потому что боялся и уважал Жихаря еще со времени их первой встречи.

Несомненно, Симеон Живая Нога был самым полезным приобретением из всех...

Потом богатырь вспомнил и о бесполезных приобретениях, о своей богатырской клятве.

Но совершенно никчемных товаров не бывает, коль скоро они стали товарами. Тяжелые вещи всегда сгодятся хоть гвозди заколачивать, легкие можно пускать по воде и любоваться. Поэтому Жихарь на всякий случай, не торгуясь, купил целый короб разного барахла у старьевщика — потом будет время найти там самое бесполезное...

Заказы княгини так и не удалось выполнить целиком — чего нет, того негде взять.

Жихарь в третий раз отправил гонца в Столенград, наказав сидеть там и дожидаться обоза. Ну, а если там вдруг чего случится — лететь за богатырем со всех ног...

Так что дома-то было все спокойно, а вот на душе не очень. Бывает такое, когда в ясный день проскользит по земле мимолетная чья-то тень, и вроде бы даже похолодает, и беспечальная беседа внезапно прервется, и рука поставит непригубленную чарку обратно на стол, и беззаботные друзья вдруг переглянутся между собой, вспомнив, что они здесь не навсегда...

— Не понравился мне этот старьевщик, — вдруг ни с того ни с сего вспомнил Мутило.

— Я к нему не присматривался, — сказал Жихарь. — Не до того было.

— На Ырку похож, — продолжал водяник.

— Ырка днем не ходит, — подал голос Колобок. — Ночь его время.

— Не случилось мне видеть его, — сказал богатырь.

— Хоть он из наших, из заложных покойников, — сказал Мутило, — а не жалуем мы все-таки Ырку. Вредный, злобный, ни выпить, ни потолковать... И вашего брата губит занапрасно, человек его задержит... Ты, Жихарь, чуял когда-нибудь, что за тобой ночью кто-то идет? Особенно когда возвращаешься из застолья?

— Конечно, — сказал князь. — Многожды. Да ведь я не оглядывался, я порядок знаю. Или вот когда ходил во Время Оно — тоже за мной некто следовал, только это был не Ырка, а Сочиняй-багатур, и очень он меня тогда вырубил.

— Ырка бы тебя так вырубил, что больше не надо! — сказал водяник. — Он ведь до земного срока не дотерпел — зарезался тупым ножом, удавился ветхой веревкой, отравился выдохшимся ядом. Поэтому он и пьет из людей жизнь, чтобы дожить свое...

— Ночью, только ночью, — напомнил Гомункул. — Днем он бессилен. Мало того — днем его и увидеть нельзя...

— А вот все-таки это Ырка был, — утвердился на своем Мутило. — Он еще рожу от меня прятал, да ловленного карася не проведешь.

— ...Но если Ырку видели днем, — продолжил Колобок, — значит, ходил он не сам по себе, его послал кто-то посильнее...

— Ладно, не запугают, — сказал Жихарь и поглядел на черные ели по краям дороги. Вот из-за них, видно, и пала смута на душу. В березняке веселиться, в сосняке молиться, в ельнике удавиться...

Богатырь потрянул головой и начал думать о хорошем: вот родится сын, и тогда непременно объявится из потаенных занебесных глубин на белый свет родимый Жихарев батюшка, повелитель планеты Криптон, с супругой — поглядеть на внука. И встанет во весь свой немалый рост — от земли до неба. И все князья, цари, шахи, ханы да императоры сразу поймут со стыдом и запоздалым раскаянием, что против Жихаря они — сброд безродный, беспородный...

— Извиняться будут! — вслух сказал он. — В том числе и планетник Опивец...

— Снова ты за свое, — сморщился Колобок. — Я же тебе говорю: если бы ты был младенцем с Криптона, то умел бы, к примеру, летать...

— Я не раз летал, — с достоинством ответил Жихарь. — Я целых два раза летал посредством горячего воздуха. Правда, второй раз в полном беспомоществе...

— Посредством горячего воздуха нынче только ленивый не летает, — сказал Колобок. — Нет, тебе бы полагалось лететь без пара

и без крыльев, одною силою духа. А также сдвигать горы, разрушать дворцы одним прикосновением... Я знаю, я видел.

— Ну, я любую избу запросто развалю. Даже терем. Да и скале не поздоровится, особенно когда поем как следует. Не станут же Кот и Дрозд врать, они уже седые...

— Жалеют они тебя, — сказал Гомункул. — Вот и врут, жалеючи. Обыкновенный ты человек, хоть и рыжий. Но это, знаешь, тоже неплохо...

— А как же пеленка? — возмутился Жихарь. — Ее, к примеру, порвать невозможно...

— Пеленку стащили из-под настоящего криптонского принца, — безжалостно молвил Колобок.

Богатырь пригорюнился еще пуще. Вот всегда так: обязательно найдется кому развеять нечаянную радость, бросить в ковшик с душистой медовухой лесного клопа!

Колобок понял свою вину, похлопал Жихаря по пузу и, желая подвеселить товарищество, затянул песню:

Жил отважный Капитал,
В древних банках обитал,
И не раз он попирал
Идеал,
Но однажды дед седой,
Потрясая бородой,
Написал, что Капитал — совсем худой!
Что в труде
И в бою
Он присваивает долю не свою...

Услыхав песню, Кот и Дрозд, которые тряслись позади через два веза, внезапно грянули припев:

Капитал, Капитал, улыбнися
И судьбу свою достойно прими!
Капитал, Капитал, поделися
Между всеми, всеми добрыми людьми!

Оказывается, это была старая разбойничья песня.

Хоть давно народным стал
Этот самый Капитал,
Люди гибнут, как всегда, за металл...

— Тихо! — вскричал Мутило и предостерегающе вскинул лапы. Певцы замолчали.

— Засада? — не разжимая губ, спросил Жихарь.

— Да какая там засада! Гремучий Вир близко, рыба у меня икру мечет, а вы тут разорались!! Человечи полосатые!!! Икринки же пугаются, могут вовсе не вылупиться!!!

— Почти приехали, — вздохнул богатырь, слез с воза, прихватил оттуда короб с бесполезностями.

Мутило тоже слез, на ходу с облегчением принимая привычный облик, и пошлепал за богатырем. Сундук с водяниковой долей был тяжек, в грязи оставались глубокие следы перепончатых лап.

— Прощевай, Гомункул! Может, еще свидимся...

Тропинка скоро вывела их к лесному озеру. В воздухе дрожал противный звон.

— Развел комара, — проворчал Жихарь. — Как еще потеплеет, так сюда лучше и не соваться...

— Вот и хорошо, — сказал Мутило. — Нечего здесь людям околачиваться... кроме некоторых... Не станет комара — чем я малых рыбят буду кормить?

— Значит, Налима ты мне оставляешь? — спросил богатырь, не веря своей удаче.

— Обещал же, — обиделся Мутило. — Думал, слово водяника — что вода текучая? Ну, буду его брать раз в год, на Купальный день, к начальству с докладом ездить...

— Везде начальство, даже у вас...

— Зима у нас долгая, тоскливо коню подо льдом, — объяснил Мутило причину своей щедрости.

— А у меня он зимой в ледышку не обратится? — поспешно спросил богатырь. — И как за ним ходить?

— Гоняй его почаще, вот и весь уход.

Русалка высунулась из воды по пояс и приветственно махала руками.

— Соскучилась, рыба холера, — ослабилась водяник. — Подождешь, не княгиня...

Жихарь вывалил содержимое короба на траву и стал раскладывать бестолковый товар в поисках самой бесполезной вещи. Он повертел зюзюку, попробовал расправить ей крылышки — ничего не вышло. Зюзюка только мелко дрожала и норовила рассыпаться.

Молоток с обратным ходом был не только бесполезен, но даже и вреден: с ним недолго самому себе продолбить голову, а гвоздь так и не войдет в дерево.

Были, кстати, и ржавые гвозди, но все как один для левой стены.

На знаменитый, хотя и потертый мешочек со смехом богатырь поглядел с глубоким презрением, поскольку смех оттуда раздавался без всякой причины, а это дурной признак.

Разноцветные рыбы зонтики Мутило признал отнюдь не бесполезными и сграбастал в свою пользу.

Было там и тележное колесо, по уверениям старьевщика, как раз Пятое, но на вид — самая обыкновенная запаска, необходимая в дороге.

К Пятому колесу прилагался и тележный скрип в берестяном туеске, чтобы пугать самых зачуханных и трусливых.

— Придумают же люди! — не то восторгался, не то насмехался водяник.

Ручка гребешка для плешивых была когда-то украшена самоцветами, но их давно повиковыряли.

А значение большинства вещей в этой куче Жихарь и вовсе не способен был понять. Иные грюкали, иные звякали, иные просто лежали тихонечко лежа и не просили есть.

Наконец блеснул на солнце какой-то чудной серп — маленький, тонкий, совсем не заржавленный. Правда, деревянная рукоятка у него щетинилась пробившимися липкими зелеными листочками.

— Пригодится — пусть дети учатся жито жать! — сказал богатырь и попытался оборвать листочки.

Серп выскользнул у него из рук, чиркнул по ладони лезвием и рассек ее — неожиданно глубоко.

— Блин поминальный! — вскрикнул в сердцах Жихарь и отбросил серп от себя подальше. — Забирай его, Опивец, — может, тоже отрежешь себе чего-нибудь! Мерзопакость какая!

Серп не упал в грудь бесполезной своей братии, а повис в воздухе, вращаясь сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Наконец вокруг него образовался маленький вихрь, поднявший пыль из короба старьевщика, рыжую хвою, бурые прошлогодние листья и обрывки высохших водорослей.

— Смотри-ка — принял, — сказал Мутило, внимательно наблюдавший действия богатыря. Тот ничего не ответил, потому что зализывал ранку.

Вихрь оторвал свой тонкий хвостик от земли и начал подниматься вверх, тихонько завывая.

— Ну вот и в расчете, — выдохнул богатырь, пошарил глазами по земле, сорвал листок подорожника и залепил порез. Потом он старательно собрал оставшееся барахло обратно в короб и отнес его в рыбачью развалюшку. Не тащить же на княжий двор!

Прощание с водяником не затянулось — за дорогу все разговоры переговорили.

— Спасибо тебе за все, страхоил мокроживущий! — сказал Жихарь. — Без тебя никогда бы мне не разбогатеть.

— Шелешпер ты безжаберный, бесхвостый! — в лад ему ответил Мутило. — Колобка благодари. Вы его там смотрите не слопайте с голодухи!

— Какая теперь голодуха! — хохотнул Жихарь, тряхнул водяника за плечи, повернулся и пошел по тропе к дороге.

— Ох, не нравится мне все это, — негромко сказал Мутило не то Жихарю, не то русалке, не то самому себе.

Богатырю тоже было как-то невесело, и Гомункул сразу это заметил, начал приставать с расспросами, как да что получилось с Опивцем.

— ...В общем, вышло все так, что я сам ему повинный подарок выбрал, — закончил Жихарь свой рассказ. — А вещь диковинная — свежие листики на сухом черенке...

Колобок вдруг замычал, закатался по узлам и сверткам, выдрал из бородки клочок седых волос.

— Ох, почему же я с тобой не покатился, не удержал? Ведь тебе в руки попала такая вещь, а ты ее сам, по доброй воле, отдал окаянному планетнику! Мало ли что он с ней утворит?

— Да что за вещь-то? — испугался Жихарь. — Неужели я опять какую-то глупость учинил?

— Да еще каку-ую! — провыл Колобок. Из маленьких его глазок покатались сухие хлебные крошки. — Дуракам счастье! Тюх-тюх, перепентюх! Лучше с умным потерять, чем с дураком найти! Это такая вещь, такая... Да ты не поймешь...

— Скажи толком, — потребовал Жихарь и понял, что боится ответа.

— За Зимними Горами зовется она ваджрой, — сказал Колобок. — А у вас не знаю как.

— В третий раз приходила в руки... — прошептал богатырь.

ГЛАВА 9

Мы ничего не можем сказать решительного о влиянии Дельфийского оракула на семейную жизнь русского народа.

Иван Сахаров

«**Л**ю Седьмой, временно занимающий пост Мужа обширных познаний при Отделении четырех дверей Университета сынов отечества, имеет честь обратиться к Его Светлости князю Многоборья Жи Хану с письмом и братским приветом.

Вас, должно быть, удивит, что я, давший себе зарок не вмешиваться в мирские дела и затвориться на две сотни лет в уединенной горной хижине над бушующим потоком, снова попираю недостойной стопой яшмовые плиты дворцовых покоев, освежая в слабеющей памяти все триста двадцать шесть видов поклонов, приседаний и ползбы, полагающихся при лицезрении Сына Неба.

Увы! Среди мужей ученых и благородных, достойных славы за свои таланты, при жизни становится знаменитым тот лишь, кто в Поднебесной пользуется покровительством высокого лица. Среди мужей ученых и благородных лишь тот может славу передать потомкам, кто в Поднебесной имеет опору среди могущественных продолжателей своего дела, озаряющих имя его вечным блеском. Тот, кто не имеет знатных покровителей, сгинет в неизвестности, как бы

ни был ум его высок. Тот, кто не обрел последователей, как бы ни был он могуществен при жизни, не прославится в веках.

Вернулся я ко двору следующим образом.

Однажды молодой Государь сказал Главному Евнуху:

— Вы уже в преклонных годах. Нет ли среди ваших друзей и знакомых кого-нибудь, кого бы я мог послать на поиски невесты, достойной звания Государыни? Пора бы мне остепениться, а среди моих многочисленных наложниц я не вижу той, что могла бы мне обеспечить спокойное существование.

— Хорошую невесту можно опознать по стати и взгляду, по костям и мускулам, — ответил Главный Евнух. — Но лучшая невеста Поднебесной как бы невидима, как бы неуловима, как бы не существует, как бы пропала. Такая невеста не поднимает лишнего шума, не оставляет следов ногтей на лице. У моих знакомых при дворе способности небольшие. Они могут узнать неплохую невесту, но не лучшую невесту в Поднебесной. Но я знаю человека, который разбирается в женщинах не хуже вашего покорного слуги. Когда-то мы с ним на пару шили шубы из меха лисов-оборотней и разводили соломенных псов. Его зовут Лю Седьмой. Прошу вас призвать его к себе.

И молодой Государь призвал меня к себе и послал на поиски невесты, выдав на расходы дюжину дюжин связок серебряных монет.

Спустя всего три месяца я вернулся и снова предстал перед повелителем.

— Я нашел то, что нужно, в уезде Няньлянь. Там в доме, украшенном изображением трехногого Единорога, ждет ваша невеста.

— Кто же она?

— Двенадцатилетняя дочь сборщика налогов.

Государь велел пойти в указанное место и привести девушку. Но в доме, украшенном изображением трехногого Единорога, проживал только пятидесятилетний хромой и кривой скупщик краденого.

Государь сильно опечалился, бросил меня в темницу и снова призвал Главного Евнуха.

— Оказывается, тот, кого мы послали отбирать невесту, ни на что не годен. Он не может даже отличить мужчину от женщины, не разбирает возрастов! Что он может знать про женщин!

Тут Главный Евнух восхищенно вздохнул:

— Так вот, значит, чего он достиг! Как раз поэтому он стоит тысячи, десяти тысяч, всех в мире знатоков, подобных мне. Такие люди, как Лю, прозревают Небесный исток жизни, они схватывают суть и забывают о ненужном, пребывают во внутреннем и отрешаются от внешнего. Такие, как он, в женщинах видят нечто куда более важное, чем женщина.

Государя это мало утешило, и он послал за мной в темницу, где я, скорчившись в деревянной колодке, вспоминал о том, как весело потратил казенные деньги с певичками квартала Увядших Хризантем. Надо ли говорить вам, достойнейший побратим, что я провел в этом квартале назначенные мне для поисков три месяца!

Сын Неба сказал:

— Уж лучше было бы вам, достопочтенный Лю, засунуть себе за пазуху камень и броситься в воды реки Мило, чтобы схорониться в животах живущих там рыб, чем навлекать на себя наш гнев. Как могу я сочетаться браком с каким-то скупщиком краденого, тем более немолодым и увечным? Поистине вы, уважаемый, способны вызвать смуту в мире. Поставь вас лицом к северу — навлечете бедствия. Посади вас лицом к югу — станете разбойником...

Я смело отвечал:

— Ваш покорный слуга не из тех, что в одиночестве щиплют струны и печально поют, торгуя в мире своим именем. Небо свидетель, нет лучшей жены для Государя, чем хромой, кривой и пожилой скупщик краденого, потому что этот скупщик скрывает в себе девятьсот достоинств.

Первое его достоинство в том, что он, в силу своего пола, возраста и внешнего вида, не возбудит ревности и зависти в прочих женах и наложницах. Появляясь на людях, не вызовет народной ненависти.

Второе его достоинство — он не станет принимать участия в дворцовых интригах, поскольку и без того имеет постоянное занятие, которое пригοждается и в мирное время, и в пору смуты и нестроения.

Третье достоинство — скупщик краденого обычно не заботится о яркой внешности, не требует драгоценных тканей, румян, мазей и притираний, не чернит зубы и не выщипывает бровей, одевается скромно, ведет уединенный образ жизни, опасаясь привлечь к себе внимание молодцев из Уголовной канцелярии.

Четвертое достоинство скупщика краденого состоит в том, что Государю не будет нужды расточать с ним на ложе свою жизненную силу, сберегая ее для появления наследника от любой из наложниц.

Пятое, и главнейшее достоинство такого союза для государственных интересов заключается в том, что все наиболее ценные вещи, украшения и ювелирные изделия, украденные в Поднебесной, будут неизбежно попадать в императорский дворец и приобретаться Государыней задешево, поскольку она пользуется заслуженным доверием всех воров и грабителей.

Шестое достоинство...

— Прекрасный ответ! — вскричал, не дослушав оставшихся девяносто четырех достоинств, молодой Государь. — Раньше я думал, что в Поднебесной есть только один человек, а теперь узнал, что есть в ней еще один! Назначаю вас Мужем обширных познаний и жалую тысячей связок серебряных денег!

Так я снова оказался при дворе. Отныне Государю суждено наслаждаться миром и покоем до тех пор, пока не придет ему пора сесть в золотую повозку и возвратиться к Трем Источникам и Трем Составным Частям...»

Жихарь читал вслух письмо побратима, доставленное в Столенград шустрим почтовым демоненком и ожидавшееся его возвращения.

Знаки Чайной Страны разбирали он с огромным трудом, водил по ним сверху вниз пальцем, то и дело искажал их подлинный смысл, обливался потом от великого старания.

— За то время, что ты прошлялся по ярмаркам, можно было выучить пятьсот новых иероглифов! — сказала княгиня Карина.

Она стояла перед огромным зеркалом (чтобы доставить его, пришлось взять особый воз и кучу соломы) и прикладывала к груди привезенные мужем обновки и разнообразные ткани.

— Вот разнесет меня после родов, так ничего и не налезет! — загодя огорчалась княгиня.

К счастью, это были единственные упреки из множества возможных. Жихарь так обрадовался, что на какое-то время забыл про утраченную ваджру.

— Только где же ты НА САМОМ ДЕЛЕ деньги взял? — Супруга повернулась к нему, уронила очередной сарафан на пол и уперла руки в боки.

— Снова-здорово! — Богатырь с облегчением отложил недочитанное послание. — Я же тебе еще с порога объяснил...

— Так я и поверила! Из вас с Мутилой торговцы — как из кузнеца Окула скоморох!

— Да ведь нас Колобочек на ум наставил!

— Ага! Вон твой Колобочек — хуже дурного щенка резвится!

Как раз в это время в светлицу скатились по лестнице маленькие княжны — Ляля и Доля. Перед ними прыгал чуть ли не до потолочных балок хитрый Гомункул, истошно верещал при этом и хихикал. Куда только вся премудрость девалась? Должно быть, впал вековечный бродяга в детство. Просто удивительно, сколько шума и грома производила эта мелкая троица, покуда не выкатилась во двор.

Когда женщина в тягости, не следует ей перечить, потому что и ребенок тогда может пойти поперек, но богатырь все же проворчал:

— В других семьях муж вернется весь в крови по самые уши, при-
тащит всей добычи — пригоршню меди, так его жена добытчиком
и голубчиком навеличивает...

— Ладно, голубчик, — Карина подошла к мужу и обхватила его
голову рукой. — Хорошо потрудился, прямо даже не верится. Чудеса
тебе, видно, сами в руки идут...

Лучше бы не напоминала!

— А дедов твоих куда определим?

— Будут воспитывать сына, — важно сказал Жихарь. — Научат
его драться, опасно ходить по лесу, заговаривать клады, петь лихие
песни — то есть всему, что полагается знать доброму молодцу. А Ко-
лобок наставит в науках. Ты не гляди, что он сейчас балуется, — надо
же и ему от вечных раздумий передохнуть!

Княгиня вдруг погрузилась.

— Неудобно получается, — сказала она. — Я, пока тебя не было,
выписала для детей заграничную гувернянку... Очень, очень строгая
и ученая женщина. Только вот сказки рассказывает какие-то страш-
ные. Так ведь она не даром и зовется Апокалипсия Армагеддоновна!
Боюсь, не уживется она с этими... Котом и Дроздом...

— Жалованье повысит — так и с Лихом Одноглазым уживется, —
сказал Жихарь, после ярмарки поверивший во всевластие денег.

— Спасибо тебе, дурачок мой, — неожиданно сказала Карина. —
А то дела наши были совсем худые... Теперь для нас главное — упо-
требить деньги с пользой. Зови сюда своего Колобка, погляжу, какой
из него хозяйственник...

Но звать Колобка не пришлось — на крыльце завизжало, засту-
чало босыми пятками — Ляля и Доля все никак не могли словить
проворного Гомункула.

Жихарь поймал всех на ходу, отделил Колобка от малышей, по-
садил дочерей на плечи и закружился по комнате. Потом стал с ними
подниматься в горницу.

— Пусть мать делом займется, — шепнул он. — А мы тихонько
наверху посидим.

Дочери у Жихаря получились, конечно, рыжие и конопатые,
только глаза у них были карие и большие. Отличить их друг от дру-
жки можно было единственно по цвету ленточек в волосах, и то в бес-
словесном возрасте, а потом Ляля и Доля додумались этими ленточ-
ками меняться, ввергая весь дом в головную боль.

Княгиня вздыхала, что на рыжих невест никаких женихов не сы-
щешь, а князь возражал, что для женихов, гляди, еще придется рас-
ширять дворовую ограду.

— Ну, чему вы тут без меня выучились? — сказал богатырь, стряхивая близняшек на ковер, усыпанный гостинцами. — Всех ли кошек на деревья загнали, всем ли собакам хвосты накрутили?

— Батюшка, батюшка! — наперебой затарахтели Ляля и Доля. — Некогда нам глупостями заниматься, нас Апокалипсия Армагеддоновна в строгости держит!

— В какой строгости? — насторожился богатырь.

— Не велит бегать босиком, перебивать старших, рисовать на заборе куриную лапку в кружочке, стирать цыплят в корыте и добывать козюли из носу, а велит вместо того чистить зубы и ножки мыть перед сном!

— Вот так строгость, — сказал Жихарь. — Разве не тому ли мы с матерью вас учим?

— Так то вы-ы! — завыли дочери. — А то она-а! Она нас целых три дня заставляла свое имя выговаривать без запинки!

— Но ведь научились же! Теперь вам никакой иноземный посол не страшен, сразу проименуете, и о вашей учености пойдет повсюду добрая слава... А еще в чем она вас наставляет?

— Мы уже по-бонжурски знаем три слова: мезальянс, адюльтер и кобеляж!

— О! — изумился счастливый отец. — Ловко! С вами теперь и при королевских дворах не опозоришься. Да вы рассказывайте, рассказывайте!

— Еще мы научились вот так глазками делать: на бок, на нос, на предмет!

— Великое дело для красной девицы! — сказал богатырь. — А простую загадку разгадать можете?

— Да хоть десять! — подбоченились ученые дочери.

— Тогда слушайте: поле не мерено, овцы не считаны, а пастух рогатый?

— А! Ведаем! Это про наше княжество! Маменька все время говорит, что в Многоборье ничему меры не знают и счета не ведут. Только вот про пастуха неправда: наш пастух Звонило еще не женат, вот рога у него покамест и не выросли...

Жихарь схватился за голову:

— Ох, просветлила вас гувернянька!

— Батюшка, а мы еще у нее научились сказки складывать!

— Какие сказки?

— Страшные-страшные! Вот послушай: жили в одном доме мама, папа, дочь и сын. И вот однажды мама и говорит отцу: «Сходи в лавку и купи мне новые башмачки, у меня совсем их не осталось». Вот

пошел он в лавку. Видит: продаются очень красивые красные башмачки. Купил он их. Принес домой. Мама их надела, и они очень ей понравились. И стала она везде в них ходить — и на работу, и гулять, и везде вообще. И почему-то с каждым днем она все худела и тощела. И вот под конец она от потощения умерла. Похоронили ее. А башмачки начала носить ее дочь, так как она была большая и они ей были как раз. Никто не замечал, что башмачки начали толстеть. Девочка начала худеть и становилась все тоньше и тоньше. И под конец она тоже умерла. Похоронили ее, а башмачки начал носить мальчик. С ним случилось то же самое, и он умер. И вот отец заподозрил неладное. Отнес башмачки к сапожнику, чтобы посмотрел. И вышло так, что в каждом башмачке было по иголочке. Они так были оборудованы, что высасывали кровь!

Жихарь еще раз ухватился за голову, чтобы показать, какая страшная получилась сказка.

— Сколько я по свету скитался, — сказал он, — а подобного ужаса слышать не доводилось. Какой у них отец умудренный был: заподозрил-таки неладное! Не напялил сдуру башмачки на свои ноги! Вот бы мне такого догаду в советники! Хорошо, я вам тоже привез с ярмарки красные башмачки — во-он в том свертке. Давайте-ка их сразу выбросим: вдруг и они кровожадные?

Ляля и Доля развернули сверток, ахнули и никак не пожелали расстаться с обновками:

— Нету здесь никаких иголочек! Это правдашние башмачки! Не дадим их выкидывать!

— Как хотите, — пожал плечами Жихарь. — Только потом у меня чур не худеть! А простые сказки она вам рассказывает? Про царевну-лягушку, к примеру?

Ляля и Доля охотно поведали батюшке про трех царевичей и про то, как они искали себе жен, пустив по стреле из луков. Жихарь эту сказку слышал еще от Кота, но дочери сообщили ему совсем другой извод: когда завистницы-золовки выбросили лягушачью шкурку в печь, царевна вовсе не вылетела в окно, обернувшись сорокой. Нет, она осталась в людском обличье — правда, с лягушечьими мозгами. И теперь могла только скакать и квакать, отчего ее и пришлось запереть в подземелье — охранять царскую казну...

И такой ужас охватил бедного богатыря после этой сказочки, что даже ледяные мурашки, невольно пробежавшие у него по спине, выскочили из-под рубахи, поронялись на пол и, дрожа, забились в еле видимые щели между половицами. Жихарь сграбастал дочек в охапку, желая уберечь от всякой опасности. Но Ляля и Доля только смеялись над боязливым батюшкой.

— Что же вам, пигалицы, не жалко царевну?

— Чего ее жалеть? Это же все про неправду!

Богатырь встал, ухватил близняшек за ручки и решительно пошел к лестнице.

— Я гляжу, нельзя дом даже на седмицу оставить! — гремел он на ходу. — Гуверняnek всяких развели, детей пугают! Сказки портят! Где эта ваша, как ее... Демигоргоновна?!

Княгиня тем временем толковала с Колобком, записывала на свиток его мудрые советы. Она оторвалась от писанины и внимательно посмотрела на мужа:

— Успокойся, дружок. Да, Апокалипсия Армагеддоновна, конечно, особа своеобразная, но дело свое знает. Мне стоило немалых трудов уговорить ее приехать к нам — с нашими краями у нее связаны какие-то дурные воспоминания...

Когда Карина хотела показать мужу, что он глубоко не прав, она начинала говорить с ним по-книжному, по-ученому, чтобы не забывал безродный сирота разницы между ними.

— Да я ничего, — сказал Жихарь. — Я только говорю — сказки очень страшные для таких маленьких...

— Жизнь еще страшнее, — вздохнула княгиня. — Гувернянька говорит — пусть готовятся к ней сызмальства.

— Батюшка, не прогоняй Армагеддонову! — заревели пигалицы. — Она только снаружи злая, а внутри добрая!

— Ну вот, — растерялся богатырь. — То на строгости жалуетесь, то — не прогоняй...

— У нее, батюшка, жизнь тяжелая была... А вот ты сам отгадай лучше загадку: в море-океане плавает утопый мертвого человека труп?

Жихарь ответ знал и хотел сказать, но тут со двора послышались истошные крики:

— Убью!

— Расточу!

— Попалась, ведьма!

— Помогите!

Жихарь вскочил с лавки и даже кинулся к стене, мысля схватить висевший на крюке меч, — не набег ли внезапный?

Дверь с визгом распахнулась, внутрь влетела небольшая бабушка во всем черном. Богатырь не успел толком разглядеть ее — бабушка кинулась княгине в ноги и заползла под лавку.

Вслед за бабушкой вломились, застряв в дверном проеме, Кот и Дрозд. В руках у каждого было по полону.

— Разоблачили мы ее, Жихарка! — победно вскричал Кот. — Столько лет от правосудия скрывалась!

— Детоубийцам срока давности нет! — добавил Дрозд.

Княгиня тяжело поднялась.

— Где это вы тут детоубийц нашли? Это же почтеннейшая Апокалипсия Армагеддоновна!

— Почтеннейшая? — зашипел Кот. — Она твоего мужа в печку на лопате пихала, да мы подоспели!

— Положите поленья! — приказал Жихарь.

Старые разбойники подчинились.

— Совсем из ума выжили, — оправдал богатырь своих воспитателей. — Ведь еще тогда же выяснили, что она меня таким образом лечила от хилости...

Ляля и Доля тихонько извлекли свою губерняньку из-под лавки.

Губернянька была, конечно, страшенькая, но не как Ягая Баба: у той, как известно, нос крючком, а у этой наоборот — вытянутый.

Жихаревы дочери стали ладошками отряхать старушку, хотя полы были чисто вымыты.

Колобок прокатился вокруг бабушки и сказал:

— А! Знаю! Я и от нее уходил.

— Позвольте, уважаемая Апокалипсия Армагеддоновна, представить вам моего супруга Жихаря, — сказала княгиня.

Бабушка в черном, ни слова не говоря, подошла к богатырю, внимательно его осмотрела, потрогала везде руками и осталась недовольна.

— Недодержала я его в печке, — сказала она толстым голосом. — Не дошел как следует. А все вы! Если бы вы мне тогда не помешали, получился бы из ребенка полный Супермен, как в книгах пишут...

Княгиня Карина ахнула.

— Да, — продолжала Армагеддоновна. — И умел бы он в трудную минуту летать, поднимать дома с обитателями, перегораживать реки во мгновение ока, побивать одной рукой многотысячные рати, спасать мир по мере надобности...

— А я чем, по-твоему, занимаюсь? — возмутился Жихарь. — Только тем и занимаюсь, делать мне больше нечего...

И вдруг защемило богатырское сердце по причине утраченных возможностей.

Старые разбойники, почуяв его неудовольствие, решили перейти в наступление:

— Врет она все!

— Так индюшек лечат: обмажут тестом да в огонь!

— Доказательства где?

От этих наглых слов бабушка Армагеддоновна словно бы помолодела, выпрямилась и даже стала выше ростом.

— Доказательства вам? Вот они, доказательства!

С этими словами старуха села на лавку, разула кожаную ногу и перевернула подшитый кожей валенок. Из валенка посыпались пучки сухих трав, лягушечья вилка, сушеная печень пьяницы, соленый огурец, заячья лапка, куриная слепота, волчьи ягоды, медвежьи ушки, змеиные яйца, мышиный горошек, бобровая струя, телячьи нежности, собачье дело и еще много чего. Ляля и Доля с восхищением следили за своей наставницей.

Из кучи колдовского мусора, возникшей на чистом полу, выпорхнула толстая ночная бабочка и сразу метнулась за печь, в темноту.

— Во-от! — торжествующе прогудела бабушка Армагеддоновна и потрясла в воздухе куском пергамента.

Жихарь взял пергамент и развернул. Поверхность его была зачернена углем и, видно, полита некой закрепляющей смесью, потому что уголь за годы пребывания в валенке не осыпался. Можно было различить какие-то знаки — в том числе и тот, что красовался на алой пеленке.

Богатырь для порядка повертел пергамент и отдал его жене.

— Я успела снять надпись до того, как эти старые мерзавцы пропили сопроводительное послание, — сказала Армагеддоновна. — Плашка, кстати сказать, была не золотая, расплавить ее невозможно... Она где-то до сих пор должна обретаться. У-у, идола! — Она замахнулась на Кота и Дрозда сухоньким кулачком, и разбойники даже присели, — впрочем, нашаривая брошенные поленья.

Тем временем княгиня и примкнувший к ней Колобок изучали надпись.

— Не может быть, — сказала наконец Карина. — Выходит, ты действительно наследный принц Криптонский?

— А то! — сказал Жихарь. — Оттого-то мне всю жизнь и мнилось, что я не от мира сего, но небесный посланник. Погодите уж, вот прилетят батюшка с матушкой — запоют тогда все мои обидчики свиным голосом...

— Не прилетят, — вздохнул Колобок. — Там, где плыла в занебесном пространстве планета Криптон, ныне пустое место. Мироед заел твою планету вместе с обитателями...

Жихарь вспомнил, как случилось ему заглянуть в отверстую Мироедову пасть — там и в самом деле кружились проглоченные миры...

— Доберусь я в конце концов до Кульгяпого, — решил он вслух. — Хоть и говорит мудрый Лю, что нельзя его уничтожить, но брюхо-то вспороть можно...

И словно увидел перед собой сверкающее лезвие утраченной ваджры.

— Не грусти, милый, — сказала Карина. — Вздор это все — родословие, гербы и знаки...

— Вас, бабы, не поймешь, — сказал Жихарь. — То жить не могла без моего высокого происхождения, то тебе родословие — вздор...

Ляля и Доля тем временем собирали рассыпанное хозяйство Армагеддоновны обратно в валенок — и где в нем костяная нога-то помещалась?

— Слышь, Гвидоновна, — тихонько сказал Дрозд. — Ты на нас не обижайся: мы ведь и вправду полагали, что ты Жихарку слопать собралась...

— Молодые были, глупые, — поддакнул Кот.

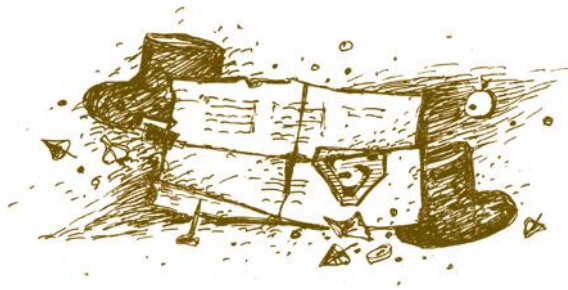
— Да так с тех пор ума и не нажили, — сурово откликнулась Армагеддоновна.

— И ты молодая еще была, — льстиво напомнил Кот. — Красивая...

— Ну-ну, — сказала старуха чуть менее сурово. — Чертовски была привлекательна. Как ведьме и полагается. Идите-ка вы в баню оба, да прихватите Жихаря — вы ведь с дороги... Только зачем вы, старые дураки, поленницу развалили?

— А мне в баню нельзя, — всхлипнул Колобок. — Я там раскисну, стану квашня квашней... Ляля! Доля! — завопил он. — Которая из вас меня догонит, той и доверю пошить мне малиновый кафтанчик!

Он соскочил с коленей княгини и запрыгал к двери, звеня золотой цепью и сверкая зубами из того же металла желтого цвета.

ГЛАВА 10

Кур для жарения нужно брать молодых; старых можно использовать для варки или приготовления рубленых котлет.

Книга о вкусной и здоровой пище

В этот день князь Многоборья остался не у дел. Столенградские плотники сколачивали длинные столы и лавки для грядущего пира, вышивальщицы украшали свежесшитые холсты надлежащими узорами, молодежь обоюдо полу разучивала полагающиеся к торжеству песни и пляски, стряпухи прямо на улице готовили угощение в больших котлах, кабацкие служки выкатывали из подвалов помещительные дубовые бочки, а счетоводы во главе с Колобком тихонько щелкали костяшками и громко рыдали, подсчитывая затраты.

Симеон Живая Нога уже успел оповестить всех, кого Жихарь желал бы видеть на празднике, никак не мог найти только Яр-Тура и Беломора.

Мальчишки, оседлавшие все крыши и деревья, высматривали прибывавших гостей, потому что многие из них добирались до многоборской столицы весьма чудесными способами.

Девчонки, предводительствуемые Лялей и Долей, развешивали на домах и заборах березовые ветви и разноцветные венки.

Молоденький домовый со своим дворовым пособником носились по терему и двору, всех торопили и понужали — не хотелось маленьким опозориться перед гостями.

Даже новорожденный сын князя, покуда безымянный, был занят самым важным делом: учился жить на белом свете, орать и яростно сучить ручками и ножками.

Отдыхала только княгиня Карина, и повивальные бабки, шнырявшие вокруг княжеской бани, тревожились, что спит она слишком долго.

Один Жихарь пребывал одновременно в радости, тревоге и безделье. Тревога не отпускала его уже много дней, радость прорезалась вместе с первым воплем младенца нынешней ночью, а безделье было вынужденным — кому бы богатырь ни подряжался пособить, все его вежливо отгоняли, приговаривая, что не княжеское это дело.

Княжеских дел в этот день не было и не могло быть. В такой день и могущественный государь, и простой землепашец равны, потому что на белый свет явился тот, кому суждено либо продолжить отцовский путь, либо круто повернуть в сторону.

Когда человек рождается, возле бани, где это обычно происходит, обязательно крутятся три Суденицы — старуха, средолетка и юная девица. Они решают меж собой, сколько человеку суждено прожить, кем в жизни быть и как помереть. Редко кому удастся подслушать этот приговор: матери с отцом не до того, а постороннему человеку до чужой судьбы дела мало, да и опасное это занятие: оскорбленные Суденицы могут заметить его и отнять язык.

Колобок же был и не человек, и не посторонний — он всю ночь подстерегал Судениц и успел-таки услышать про долгий век княжеского сына прежде, чем был обнаружен. Заклятья Судениц на Гомункула не подействовали, так окаянные бабы пинками прогнали обнаглевшее, как они выразились, хлебобулочное.

— Все-таки лучше, чем ничего, — похвалился разведчик, отряхивая малиновый кафтанчик.

— Ты бы хоть цепь снял, — попенял ему богатырь. — Они же не глухие, враз тебя и раскрыли...

— Ага, чтобы Кот с Дроздом ее похитили! Ничего, другие и века своего не ведают...

А с утра и Колобок нашел занятие, и остался Жихарь один.

Он сидел на берегу пруда и смотрел, как плещется в воде конь Налим — тот умел мыться без помощи человека.

Сына богатырю сунули в руки только на краткое время, чтобы всенародно признал дитя своим, а потом сразу же утащили в теплую баню, к спящей матери.

Из гостей прибыл пока что один Сочиняй-багатур — его табуны в поисках высокой травы прикочевали к лесному порубежью, и это

было во благо обоим народам — степняцкие стада тучнели, а многоборские границы обрели дополнительную защиту.

Сам певучий побратим Жихаревых переживаний не понимал и понимать не хотел, потому что сыновей этих у Сочинья получилось даже с избытком — хватило бы только степи для всех. Вечный воспеватель девичьей красоты относился к появлению наследников примерно так же, как к овечьему окоту, что и побратиму советовал.

Сочинья и так, и этак пробовал развеселить богатыря, но потом плюнул и пошел к новому приятелю, Рапсодищу, чтобы поделиться с ним высокими песенными замыслами и потягаться в силе голоса. Но при первых же звуках состязания повивальные бабки прогнали певцов как можно дальше, в густой садик, откуда время от времени доносились до Жихаря то истошный визг, то мрачное гудение, то вопль предсмертный лопнувшей струны.

Во время странствий богатырю довелось погостить в диком беспштанном племени туруру и наблюдать там удивительный обычай. Во время родов женщину со сведущими старухами изгоняли из деревни на выселки, отец же будущего ребенка оставался в своей хижине, освобождался от всяких трудов и катался по полу с отчаянными криками, словно сам в тяжких муках рожал. Другие туруруйские мужики всячески его поддерживали и утешали, а по исходе благополучных родов поздравляли и приносили богатые подарки. Более того, наглый папаша после того еще отлеживался несколько дней, тогда как несчастная мать кое-как поднималась и шла в поле срезать колоски. Вот так в этом племени понимали поговорку насчет того, что без опары тесто не поднимется...

Многоборцы же в таких случаях открывали настежь все двери и окна, распахивали городские ворота, отворяли сундуки и клетки, снимали даже печные заслонки, развязывали все узлы — чтобы роды прошли нестесненно. Подарки же приносили именно младенцу, да не сразу, а после того, как прорежется первый зуб.

Как обставляют деторождение в королевстве Яр-Тура, Жихарь не знал, поскольку король Камелота наследников покуда не имел, тянул чего-то — или королева ему досталась такая, пустопорожняя.

Что же случилось с Яр-Туром? Симеон Живая Нога докладывал, что дворец в Камелоте стоит пуст, если не считать немногочисленной и неразговорчивой стражи, что за Круглым Столом, за которым могут поместиться сто рыцарей и еще полста, никто не пирует, а простой народ печален и ждет каких-то напастей, потому что некому стало защищать его от великанов и колдунов.

«Вот отпразднуем родины — оседлаю Налима и помчусь туда, — решил про себя богатырь. — Вдруг это племянничек Мордред им что-то напакостил?»

Но потом подумал-подумал и понял, что уезжать сейчас никак нельзя: соседи, прослышав о неслыханном многоборском богатстве, непременно попытают счастья его присвоить. Да и Яр-Тур может внезапно обидеться, что вмешиваются в его дела, ведь у рыцарей капризов еще больше, чем у баб. Вдруг король Камелота с дружиною просто отправились охотиться в глухие чащобы?

А с Беломором еще непонятнее. В избе на речном острове его нет, да и не жил он там в последние дни: тоже о чем-то тревожился, обходил город вдоль частокола, волхвовал.

Карина сказала, что накануне Жихарева приезда старик, по словам стражников, встал до света и, никому ни слова не молвив, ушел в лес без припасов и без чародейных причиндалов, даже босиком. Леший с Боровым тоже ничего не прояснили, потому что трое суток безвылазно играли в кости на пузатых жуков-рогоносцев и лесные обязанности свои оставили в забвении.

Жихарь уговорил Апокалипсию Армагеддонову посмотреть на талую воду, сохраненную для такого случая в липовом ковшике: вдруг да чего покажет? Но сколько дошла гувернянька ни шептала над водой, ничего на поверхности не объявлялось, кроме чистого неба, — а по настоящему небу в час гаданья как раз шли облака. Не птицей же он улетел, хотя с Беломора станется...

Была еще слабая надежда узнать что-нибудь от Демона Костяные Уши, но он покамест еще не прибыл.

Из садика выбрели к пруду охрипшие Сочиняй-багатур и Рапсодище. Рапсодище притащил с собой лукошко с яйцами, позаимствованное у возмущенных стряпух.

Время от времени певцы опорожняли содержимое яиц себе в глотки для крепости голоса.

— Еще одно хорошее имя вспомнил — Оброслан! — сказал Сочиняй. — Самое счастливое имя. У хозяина с таким именем овцы часто-часто плодись, волки далеко-далеко обходи...

Степной хан, ежегодно гостивший в Многоборье, говорил уже почти правильно и даже пробовал слагать на чужом языке песни.

— Запомним, — вяло откликнулся Жихарь. В поисках имени для сына он с завязанными глазами наугад тыкал пальцем в строчки книги «Ономастикон», но всякий раз выпадал то Дурло, то Грузило, то Еболдай, то что-нибудь похуже.

— Назови-ка его лучше Терминатор, — посоветовал умудренный странствиями Рапсодище. — Тогда его и кирпичом не убьешь. Про Терминатора особое сказание сложено, называется «Повесть о ненастоящем человеке»...

И немедленно заголосил:

Ой, во том ли во светлым будущем
Все махины на людей исполчились,
Извести решили весь род людской...

— Тихо ты, — сказал богатырь. — Какой же он ненастоящий? Тогда бы у него пупка не было, а у моего все на месте... Скажешь тоже... Терминатор... Вы скорлупу-то в пруд не бросайте, я за вами не нанимался убирать!

— Мое дело — предложить, — огорчился Рапсодище.

Притащилась на уютный зеленый берег еще парочка бездельников — Кот и Дрозд. Разбойники тоже прибыли не с пустыми руками — прикатили, скрывая в высокой траве, небольшой бочонок. Угощение, видно, не далось им даром: нос у Дрозда слегка загнулся набок, покатый лоб Кота оживился свежей царапиной.

— И чего жадничают? — удивлялся Дрозд. — Все равно к вечеру рекой польется...

— Только бы Карине не донесли, — сказал Жихарь и выбил пробку. — Как она там, не слышали?

— Молочко есть! — радостно доложил Кот. — Она покуда еще спит, но кормить уже кормит.

— Перед свадьбой бывает мальчишник, — сказал Рапсодище. — А для наших посиделок названия еще не придумали.

— Чего думать — глоткам освежай делаем, — сказал степняк. — Когда багатур арачки — всякий жена молчи!

Жихарь пошарился в траве, вытащил несколько берестяных плосек — место у пруда заветное, испробованное.

— За материнство и детство! — провозгласил Рапсодище. Голос к нему уже вернулся.

— А-а! — послышалось в траве. — Без меня-а! Сейчас выкажу! Сказано — наказано!

— Совсем дитя стал наш Гомункул, — вздохнул Жихарь.

— У детей такого нюха на хмель не бывает, — возразил Кот. — Надо же — откуда учуял! Чего тебе в тереме не сиделось, не считалось?

— А, Каравай-багатур! — обрадовался степной певец. — Закуси-хан! Отломи-джан!

— Дурацкие у вас в степи шутки, — сказал Колобок. — Баланс я подвел, сальдо с бульдом сравнил... Старуха эта вредная меня чуть щами не обварила... Вот, глядите на кафтанчике — я пятно солью засыпал. И все в один голос: не крутись под ногами, не крутись под ногами! Но несколько рыбок я все-таки уволок... Полелюй еще не приехал?

Стали гадать, осмелится ли староста оставить ярмарку без своего надзора, какие вести принесет Демон, не соберется ли к вечеру дождь, не подгорят ли пироги у нерадивых стряпух.

Пить из берестянок вкусно, а чокаться нельзя, поэтому приходилось только щелкать языками и прикрякивать.

— Останусь я у вас годочков этак на двести, — сказал разомлевший Колобок, — а потом дальше покачусь...

— Только поберегись — Голодный Степь не закатысь, — предостерег его Сочиняй. — Там не смотрят: говорящий, неговорящий...

От безделья устают сильнее всего, и вот уже пошла дрема кругами возле высокого собрания, отвалились добры молодцы и старые старцы на травушку, посмотрели в голое небушко, заскучали и опочили каждый своим сном.

Колобок поглядел-поглядел на это сонное царство, зевнул с завыванием, закатился к Жихарю под бочок и засвистел крошечными ноздрями.

Тихо сделалось в мире, как всегда бывает перед большой бедой.

...По глади пруда скользил длинный и узкий челнок с лебединым изгибом носа. В челне лежал, скрестив на груди руки, король Яр-Тур. Лицо у побратима было белое-белое. В ногах у короля сидела женщина в черном и бросала ему на грудь желтые цветы.

На противоположный берег пруда выехал верхом на горбатом и мохнатом красном быке Лю Седьмой в дорогом парчовом халате зеленого цвета. Бедный Монах громким голосом читал стихи, отмахивая лад правой рукой, а левой бережно прижимал к себе глиняный жбан.

Увидев челнок, Бедный Монах соскользнул с бычьего горба, сделал несколько шагов и пошел прямо по воде. Яр-Тур поднялся в челне во весь рост, словно доска...

— ...Вот где все лодыри собрались! Вот они где прохлаждаются! Любуйтесь, ваше величество! Вот как наш князенька дорогих гостей встречает! Уже хороши, еще за стол не садившись!

Богатырь потрянул головой.

К нему — вполне наяву — приближались настоящий Яр-Тур и настоящий Лю. Никакой женщины в челноке, уже вытащенном на

берег, не было, и бык, привезший Бедного Монаха, был не красный, а самый обыкновенный, бурый. Только вот лицо у короля осталось белым.

За побратимами мелкими шагами поспешала гувернянька Апокалипсия Армагеддоновна с хворостиной в руке. Ради праздничка ведьма принарядилась в платье с петухами. Голову же она украсила немислимой прической в виде корабля с парусами.

— Нет слов сказать, как я рад вас видеть, сэр Джихар! — тихо сказал король и попробовал поклониться, но чуть не споткнулся. Лю Седьмой успел поддержать его.

Жихарь вскочил, подбежал к побратимам, обхватил их за плечи. Тут же к нему присоединился Сочиняй-багатур.

— Что с тобой, братка? — вместо приветов вскричал Жихарь.

— Достойный Яо Тун утомился с дороги, — пояснил Бедный Монах.

— Ха! — воскликнул Сочиняй. — Говори! Сочиняй все видит: Камелот-каган у себя много крови пролил! Сейчас лечить буду, трава башкильдым варить, баранья мозга кормить!

— Успокойтесь, сэр Сочиняй! — улыбнулся Яр-Тур. — Сэр Лю внимательно осмотрел эту пустяковую царапину...

— Да, — склонил голову Бедный Монах. — Яо Тун-ван уже не нуждается ни в каком лечении...

— Сейчас мы его в баньке попарим, — сказал Жихарь.

— Оставьте, сэр брат. Боюсь, что баня не пойдет мне на пользу, — улыбка у короля тоже была какая-то бледная. — Поздравляю вас с наследником. Теперь вы можете быть спокойны за судьбу державы... В отличие от меня...

— Как добрались до меня в одночасье? — спросил Жихарь. — Договорились, что ли?

— Шествующие незримиными путями неизбежно встречаются, — объяснил Лю Седьмой.

— Друг мой, — добавил он шепотом, — не тревожьте покуда Яо Туна вопросами. Ему нужен покой. Когда-нибудь я вам все растолкую или вы сами догадаетесь. О, кто эти достойные старцы?

— Мои наставники, — гордо представил Жихарь Кота и Дрозда. — Страшные, ужасные разбойники! Счастье ваше, что нынче не промышляют они на незримых путях, да и на зримых больших дорогах...

— А я? А меня? — обиделся Колобок из травы и подпрыгнул, чтобы гости смогли его разглядеть.

— Какая радость! — воскликнул Бедный Монах. — Вот она, подлинная сущность человека, избавившегося от всего лишнего! Смел ли я надеяться, что увижу такое собственными глазами!

— Это Колобок, гордость наша, — сказал Жихарь. — Он, братка, постарше тебя будет!

Лю Седьмой почтил Гомункула особенным каким-то поклоном.

Рапсодище тоже не стал дожидаться, покуда его представят, схватил гусли и грянул по струнам.

— Нишкни! — прорезалась наконец и гувернянька. — Я ведь чего пришла? Вы здесь тунеядствуете, герои, а кто будет кур резать? Ляля и Доля? Ну-ка ступайте все на птичий двор, там показывайте свою доблесть!

— Добрая старушка права! — воскликнул Яр-Тур. — Мы не имеем права обременять дам кровавой работой...

И все дружной толпой двинулись на куробойство, причем Кота и Дрозда вредная бабка подгоняла хворостиной, а разбойники уклонялись от ударов, подскакивая.

— Зачем вся орда ходи? — удивился Сочиняй. — Надо одному Каравай-багатуру ножик дать. Он как раз ростом с курицу — честный поединок будет, секим-башка...

— Я тебе не гладиатор наемный! — возразил Колобок. — Да и куры тут какие-то вечно голодные, того и гляди последнюю изюминку из меня выключают... Не к лицу Вечному Герою будет сложить голову в битве с курами.

Насельщицы большого курятника тем временем почувствовали надвигающуюся беду и решили побороться за жизнь: собрались в кучу, вышибли ворота и рассыпались далеко за пределы птичьего двора. Петухи же предусмотрительно попрятались.

Сочиняй взял главенство на себя, расставил мужиков в цепь и велел гнать добычу к нему. Хоть и говорят, что курица не птица, но многоборская курица именно что птица — поджарая, закаленная, отчаянная. Прошлым летом, например, забрался ночью в княжеский курятник вор, так они его чуть не до смерти заклевали...

Яр-Тур снял с пояса охотничий рог и затрубил. Лю Седьмой вынул из бездонного рукава бронзовый колокольчик и стал размахивать им над головой. Остальные просто улюлюкали.

— Надо было их прежде маком накормить, — сказал Колобок. На всякий случай он вооружился острой щепкой. — Они бы и уснули...

— Богатыри спящих да лежачих не бьют!

Апокалипсия Армагеддоновна стояла и скалила немногочисленные зубы:

— Охотнички бесталанные! Пока зайца убьют, вола съедят!

Наконец загнали-таки в цепкие руки Сочиняй-багатура однуединственную черную курицу. Степной витязь одним взмахом ножа

обезглавил бедняжку, другим выпустил ей потроха, третьим движением отбросил жертву в сторону.

— Хозяин режет — бабы перья выдергай! — пояснил он.

Кое-как загнали кур в загородку, взялись за ножи. Тут выяснилось, что жуткие душегубы Кот и Дрозд не могут даже курицу зарезать.

— Как же вы на большой дороге промышляли? — ахнула Армагедоновна.

— Мы со всеми по-хорошему договаривались, — разом отвечали Кот и Дрозд. — За нами грозная молва стояла, мнение народное. Ты лучше стряпух веди своих, пусть перья дергают...

Лю Седьмой расправлялся с курами не глядя — следил только, чтобы не запачкать нарядный халат. Король Яр-Тур делал свое дело с отсутствующим видом. Жихарь старался не смотреть казнимым птицам в глаза.

— Закончим, а потом все-таки в баню надо, — говорил он Яр-Туру. — Что ты, братка, в самом деле? Я вон даже Сочиня уломал, хоть ему и не позволяет дедовский обычай...

Яр-Тур хотел что-то сказать, но тут страшный визг распорол воздух, и король Камелота даже выронил недорезанную птицу.

Визжали и вопили собравшиеся стряпухи. Куриные каратели переглянулись, потом поглядели перед собой и чуть было хором не присоединились к вопленницам.

Безголовые и выпотрошенные куры продолжали ходить по двору и даже пытались что-то найти на земле, двигая пустыми шеями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Но не тем холодным сном могилы...

Михаил Лермонтов

Хитрый Митрий — умер, а поглядывает.

Поговорка

Ее уход заметили не сразу и не все. Потом кто-то чистил репу ножом, порезал палец, а кровь не пошла. Другой строгал доску, загнал в ладонь занозу, а боли не почувствовал. Третий по пьяному делу улетел с обрыва на камни, но не затих, раскроив голову, а встал и, ничего пока еще не сообразив, пошел дальше, соря мозгами и прихрамывая на сломанную в двух местах ногу.

Издержавшие здоровье в трудах и боях старики просыпались среди ночи и с удивлением чуяли — нигде не свербит, не ноет, не стреляет, не колет, не отдает, не мозжит, не стучат в висках привычные молоточки, не скрипят суставы и пальцы хорошо гнутся... Должно быть, погода хорошая, вот везде и отпустило...

Но нехорошая была погода, поднялся ветер, перевернул лодку кривлянского рыбака, тот растерялся, пошел на дно и вдруг обнаружил, что под водой очень даже можно дышать. Так и добрел до

берега по дну, и вышел, и даже сеть вытащил, и отправился в деревню, пуская струйки из носа.

Прославленный охотник-жиганин Ухомор подстерег в заповедном княжеском лесу лося и поразил его стрелой точно в глаз; сохатый этого как бы даже и не заметил, помчался прочь, унося с собой стрелу, а Ухомор от стыда спрятался на дальней заимке.

В стольном городе кривлян вешали знаменитого вора и растлителя Зворыку. Зворыка подергался-подергался в петле и затих; а когда ночью пришли другие лихие люди, чтобы отрезать у казненного руку (если в руку повешенного вложить зажженную свечу, можно смело заходить ночью в любой дом — хозяева не проснутся), то открылось, что не умер проклятый Зворыка, — будучи вынут из петли, стал ходить, замахиваться на снявших его злодеев, только говорить не мог, хрипел, голову клонил на плечо и никак не мог втянуть обратно язык, вывалившийся чуть не до пуза. Грабежей в эту ночь никаких не было.

Под утро на Вороньем Поле сошлись по договоренности драться дружины вековечных врагов — правичей и левичей, выставили для затравки поединщиков. Сперва поединщики всласть друг друга оскорбили, потом взялись за топоры. Махались долго, так что дружины с обеих сторон приблизились с целью посмотреть, чего поединщики так долго возятся. Кольчуги на витязях были изрублены, шеломы расколоты, черева распороты, крови не видно. Потом поджуженные товарищами поединщики заревели и с новой силой друг на друга набросились: в правую сторону отлетела рука левича, в левую — голова правича, но рука продолжала и в траве махать топором, а изо рта головы все еще доносились самые тяжкие ругательства. Обе дружины подумали-подумали и в ужасе разбежались, не добыв никому ни чести, ни славы, а безголовый с одноруким остались выяснять отношения.

Всех чудес на свете не переглядишь, всякое бывает. Слухи носились из села в село, из града в град, из державы в державу. Дивились люди, кололи себя шильями для проверки — боли и вправду не было. Ну, стало быть, смилоствивился кто-то там, наверху, решил побаловать человек...

Схватились за голову винокуры: бражка в бочках перестала бродить, хоть и следили они внимательно за тем, чтобы не попала в бражку плесень, и меду вроде не жалели. Но ведь и старое вино перестало почему-то шибать в голову и валить навзничь...

Лекари, знахари, костоправы и повитухи сидели в своих избах на отшибе и напрасно ждали — больных и рожениц не объявлялось.

Случайные домашние раны не болели, но и не заживали. Первыми встревожились Перуновы волхвы, потому что жертвенные животные вовсе и не думали истекать кровью под ножом, наоборот — бараны с перерезанными глотками вырывались и убегали в лес, где их до косточек обгладывали волки, но косточки соединялись в бараний остов и по-прежнему бегали, только что бляеть не могли.

Значит, не благословение это, а совсем наоборот: боги брезгуют животной жертвой, требуют человеческой...

Так ведь и человеческой не принесешь — пробовали, не получается.

Но главный шум подняли оставшиеся без работы гроботесы и могильщики — выходили под окна княжеских теремов, стучали лопатами, требовали от князей взять какие-нибудь меры к их бедствию. Князья, которые помудрее, разводили руками и просили потерпеть до полного выяснения обстоятельств, а князья глупые пытались учить дерзцов плеткой, но гроботесы боли не чувляли, а обиды не понимали — они же не богатыри, чести не блюдут.

На Полелюевой Ярмарке уже почти и не торговали — только пили без толку непьяное вино и пересказывали друг другу вести из далеких краев.

Вести были страшные.

Что там неудавшаяся битва правичей и левичей — огромное войско Нахир-Шаха столкнулось с соединенной конницей бонжурцев и неспанцев в борьбе за приморский город Старые Портки, и горячие южные воины не проявили северного благоразумия, не разбежались, а гвоздили друг друга до полной потери сил.

Нынче, сказывали, ползают по всему побережью человеческие обрубки, бегают покалеченные кони, шевелятся отсеченные конечности, но не портятся, не гниют, не чернеют, и даже вороны отказываются их клевать, вот до чего дошло! Возвращаются домой оставшиеся при ногах безголовые витязи, пронзенные витязи, перерубленные до седла витязи, а которые без ног, все равно когда-нибудь доберутся до родного очага, на руках доковыляют, пугая и отвращая от себя близких...

Сами собой прекращаются войны, раздоры и даже простые драки.

«Смерти нет, ребята!» — кричал, бывало, полководец, поднимая свое войско на приступ.

Нынче не крикнешь, поскольку Смерти и вправду нет. Ушла она, никому не сказавшись, ни у кого не отпросившись, не предупредив никого за две седмицы до ухода, как полагается исправному работнику, а уж такого исправного, какова она была, на земле не найдешь —

делала старуха свое дело без устатку, без перерыву, без обеда и без праздников.

От начала времен люди ее ненавидели, проклинали, отгоняли, умоляли, ускользали от нее, обводили, случалось, вокруг пальца, оставляли с носом Безносую или, напротив, отпугивали своим мужеством либо знахарским умением — и вот наконец неожиданно-негаданно своего добились.

А может быть, просто устала она сама, вечная утешительница уставших, устала от того, что люди на всех морях и землях чекрыжили сами друг дружку, осуждали на казни, изводили под корень целыми племенами и народами на всех землях и морях, поставили человеческую жизнь ни во что — а значит, и Смерти цена была невысока.

Даже мудрец втайне надеется на бессмертие, что уж говорить про дураков. Но чтобы так, вдруг, даром, внезапно и тем более для всех — это даже как-то обидно получается. Ладно я вечно жить буду, так ведь и у врага такая же доля! Куда это годится? Где справедливость? Ведь была же единственная на весь свет справедливость — уходили в Костяные Леса и богач и бедняк, и герой и подлец, и царь и побирушка, и старец и младенец, и добрый и злой — а как теперь-то быть? Значит, теперь и эту горькую справедливость у людей отнимают?

...Наконец из жарких песков, из тех мест, где скитался Жихарь во Время Оно, пришло известие: на громадной гробнице со сходящимися наверху треугольными каменными стенами появилась громадная же надпись, нанесенная черной, разведенной на рыбьем клею сажей:

«ЗЛЫЕ ВЫ. УЙДУ Я ОТ ВАС».

Но поскольку почерка Смерти никто не знает, то вполне может стать, что глумливую надпись эту намалевали сами люди, благо дерзости и времени у них теперь было навалом.

ГЛАВА 2

Живем не на радость, и пришибить некому.

Поговорка

— Не просыпается? — спросил Жихарь.
Бабка Армагеддоновна, злокачественная старушка, развела руками и вдруг заплакала от злости. Все ее знания и умения враз сделались никчемными.

— Странно, — сказал Жихарь. — Боли нет, а горе осталось. Только за него теперь и можно держаться.

Он теперь и тело свое ощущал как-то по-иному — кровь по нему ходила лениво, медленно, нехотя, единственно по непонятной обязанности. И Смерти нет, и живым назвать трудно. Слово не человек ты, а кусок солонины или копченой рыбы.

И все вокруг ходили сонные, вялые, квелые. Даже Ляля и Доля не галдели, а целыми днями хоронили в саду своих многочисленных куколок, плача и причитая над ними, как взрослые.

В княжеском тереме никто не убирался, не мел полы — один Колобок катался из угла в угол, подбирая в берестяную коробушку мышшей, удушенных котами. Мыши пищали и шевелились.

— Ждать надо, — приговаривал Колобок. — Так быть не может — значит, и не будет.

— Сколько ждать-то? — полюбопытствовал богатырь.

— Недолго, — успокоил его Гомункул. — Скоро Конец Света. Так всегда перед Концом Света бывает, я знаю...

— Я знаю, я видал... — передразнил его Жихарь. — Ну и куда ты теперь своих мышей дурацких денешь?

— В печку брошу! Они мне не дают спать, норвят отгрызть кусочек...

— Ага, додумался! Закопай лучше!

— Так ведь шебуршиться будут, выкопаются...

— Вот нашел заделье! Ты у нас, можно сказать, один мудрец остался, так вот и думай, что делать!

— Сначала надо определить, кто виноват, — с достоинством ответил Колобок. — А мудрецов у тебя нынче полный кабак...

Зелено вино в Многоборье, как и повсюду, утратило свою силу, а вот Мозголомная Брага, секретом которой Беломор все-таки поделился с обществом, еще худо-бедно действовала, дурманила голову, позволяла на время забыть о происходящем. День и ночь гудело пламя под перегонным котлом. Мозголомку кузнец Окул даже не перегонял по второму, а тем более по третьему разу — жбаны с мутным и вонючим первачом кабацкие служители вытаскивали сразу и тащили на столы.

Народу в кабаке было полно, но не местного, не столенградского, а гостевого. Мало того что не ушли восвояси пораженные происшедшим побратимы — идти было нынче некуда и незачем, — но все окрестные князья и волхвы, не шибко даже дружественные, не сговариваясь, потихоньку, поодиночке потянулись к Жихарю, признав тем самым его несомненное главенство и богатый опыт по спасению белого света от всяческих напастей.

Пиром это назвать никак было нельзя, дружеским весельем — тем более. Мозголомка не брала одного Яр-Тура — он сидел по-прежнему бледный, но не опухший, не запущенный, в отличие от Лю Седьмого и Сочиняй-багатура, которые даже и умываться забыли, только подливали в знакомый глиняный жбан воду, которая там превращалась в персиковую настойку, а она была хоть и слабже, но все же вкуснее скорогонного пойла.

В узкий круг друзей жбана был допущен почему-то сказитель Рапсодище, уже успевший потерять иноземный лоск заодно с парочкой вставленных зубов и вернувшийся в привычное для многоборцев состояние. Свои чудные крутобокие гусли он каким-то высшим промыслом еще не успел расколотить ни обо чью голову. Рапсодище на ходу складывал свежую песню:

Я люблю тебя, Смерть,
Я люблю тебя снова и снова!
Если глубже смотреть,
Без тебя-то ведь тоже хреново!

С ревом жарится вол,
А в ухе тихо плещется рыба —
За такой произвол
Никому мы не скажем спасибо!

И в положенный час
На исходе людского заката
Не уводишь ты нас
В край, откуда уж нету возврата!

Ты давай воротись,
Не бросай своего урожая!
Хоть и любя мне Жизнь,
Но и Смерть я вполне уважаю!

— Какой поэт погибает в неизвестности! — восклицал Лю Седьмой. — Как тонко чувствует он трагедию разлученных Сунь и Вынь!

Сочиняй-багатур пробовал подыграть Рапсодищу на звонком кельмандаре, но пальцы не слушались.

А ведь задумывалось поначалу все это кабацкое сидение как совет мудрейших, достойнейших мужей, славных героев, ответственных вождей!

Жихарь в эти дни бывал в кабаке только набегом — перевозмогая себя, ходил по городу, объезжал на водяном коне ближние и дальние поселения, следил, чтобы люди сдуру не калечили друг друга и не забывали прежнего порядка жизни, потом возвращался, отдыхал маленько, любуясь безмятежным и безымянным все еще сыном, заглядывал в кабак, убеждался, что никто от мозголомки не просветлел для дельного совета, снова садился в седло...

Он распахнул дверь, потом подумал и вовсе сорвал ее с петель — а то ведь и не заметят, как задохнутся! От живых умрунов и вовсе никакого толку не добьешься!

— Эй! — заорал он. — Избранники судьбы! Сидите тут, хмелевую шишку тешите, а того не знаете, что на свете творится!

Пресекая струнный звон, оборвались бессмысленные беседы.

— И чего уж там такого творится, что бы мы не знали, сэр брат? — спросил Яр-Тур.

— То и творится! Скоро того и гляди, что костье в могилах запрядает!

Это он приврал. Те, кто помер до рокового часа, лежали в земле как положено. Даже покойные любители побродить ночью и то притихли в испуге от перемен.

— Что же все-таки творится? — не отставал Яр-Тур.

— Листопад начался, — сказал Жихарь. — Зеленый листопад. Среди лета.

Премудрые гуляки высыпали на улицу.

По всему притихшему городу слышался шорох — облетал с деревьев лист в садах и палисадниках, не меняя цвета и даже не собираясь желтеть.

Шорох был не такой, как осенью, не сухой — листья падали тяжело, сок переполнял их, а под ногами они размазывались в зеленую кашу.

— Ничего, — сказал Жихарев тесть, кривлянский князь Перебор Недосветович. — Чего уж теперь. Как-нибудь приспособимся. Живут же на полуночи люди в домах из снега, солнца не видят половину года, а до сих пор не вымерли.

— Так ведь нынче и жито не созреет, — сказал Жихарь. — Урожая не будет. Совсем не будет.

— Ничего, — снова сказал умный тесть. — С голоду, небось, никто не помрет, даже если очень захочет. Мы вот вора Зворыку и голодом пробовали уморить, воды не давали — не помер. На куски разрубили, так он руками все сгреб в кучу и опять получился — правда, корявый такой, но передвигаться мог. Апсурда на него все яды извела — который не берет. Тогда решили мы его сжечь...

— Представляю, — вздохнул Жихарь.

— Чего ты там, милый зять, представляешь? Даже золу растолкли! Теперь он у нас вроде как пыльное такое облачко с человеческими очертаниями, но все равно пытается по чужим клетям лазить...

Огонь многоборцы попробовали сразу — пожгли в кузне Окула всех бессмертных кур и убедились сами, что и в пепле Смерти нет, шевелится пепел, машет черными полупрозрачными крыльями и вроде бы даже кудахчет...

На вольном воздухе повынесло из головушек хмель, и потянулись мудрейшие с отважнейшими назад в кабак, чтобы не задумываться над происходящим.

В кабак тем временем прикатился Колобок. Он сидел на прилавке и насмехался над кабатчиком Бабурой:

— Собирай, собирай денежки! Веди им счет! Глядишь, на Смерть и насобираешь!

— А что? — нахмурился кабатчик. — Может, и прав Колобок? Как ты, княже, мыслишь? Может, какой злодей похитил нашу Смертушку, а теперь подождет, когда народ впадет в полное отчаяние, да и потребует за нее неслыханный выкуп? Скажет, давайте-ка сюда все деньги, сколько их у вас накопилось! И ведь отдадим! Рыдать будем, но отдадим!

Предположение Бабуры повергло собравшихся в большое замешательство, потому что жадин и злодеев на свете хватает с избытком. Правда, таких отчаянных, чтобы посягнуть на самое Смерть, среди них не водится...

— Начнем с того, что никакой Смерти вообще нет! — объявил Лю Седьмой.

Люди загудели:

— Ну ты сказанул, Бедный Монах!

— Кабы люди не мерли — земле бы их не сносить!

Лю подождал, пока мудрые мысли иссякнут, и продолжил:

— Есть только переход из одного состояния в другое. Все сущее сменяет друг друга в неисчерпаемом многообразии, и всякая вещь возвращается к истоку! Но нынче все стало не так: в небесных парах нет согласия, в земных испарениях — застой, шесть видов энергии вышли из равновесия, в смене времен года нет порядка. Такое впечатление, что из сложнейшего механизма бытия кто-то вытащил самую необходимую часть, словно шкворень из телеги...

«Сказать ли ему про ваджру? — задумался богатырь. — Ведь я ее и впрямь вместо шкворня некогда использовал... Да нет, где ваджра — и где Смерть! Тут что-то не сходится...»

Собравшиеся снова зашумели. Богатырь поднял руку, добиваясь тишины.

— Много чего мы здесь наговорили и даже напели. Одно только непонятно — делать-то чего?

— Для начала следует определить, что такое Смерть, — предложил кто-то из волхвов. — Какого она рода?

— Смерть — это то, что отличает богов от людей!

— Она — детям утеха!

— Она — старым отдых!

— Она — рабам свобода!

— Она — должникам льгота!

— Она — трудящимся покой!

— Никто от нее не уходил, не минул!

— Слыхали уже!!! — сильнее грома крикнул Жихарь. — По сотовому кругу идем! Без определений обойдемся! Коркисы-Боркисы напшлись, тоже мне! Был бы с нами Беломор — враз бы все растолковал...

К неклюду Беломору князья и волхвы относились по-разному, но все признавали, что у старика с беглянкой (или полонянкой?) были особые, едва ли не родственные отношения. Не подозрительно ли, что оба пропали чуть не разом?

— Не знаю, добрые сэры, — сказал молчавший дотоле король Яр-Тур. — Во многих языках, хотя бы и в моем, Смерть мужского рода...

— Ну да! Разве бы мужик такое гадство учинил, разве бросил бы свое хозяйство? Явно бабий поступок: сделали либо сказали что-то не по ней, она и пошла подолом крутить... — возразил князь Перебор Недосветович.

— Ты всех-то со своей Апсурдой не равняй! — поднялись на него. — А наша Смертынька была серьезная, рассудительная...

— Зря никого не прибирала...

— Богатеям потачки не давала...

И опять много хороших слов сказано было про Безносую (хотя никто ее так не величал), словно бы стремились воротить пропажу добрым к ней отношением.

— Да, — сказал Колобок, когда славословия иссякли. — Думается мне, что сейчас во многих местах сидят люди, вот так же, как мы, и гадают, что делать. Может, где-нибудь уже и догадались. Тем более что мозголомку вашу не жрут...

— Трезвенник великий! — сказал Жихарь. — А вы знаете, что нынче на Купальный день парни за девками не гонялись, по траве нагишом с ними не кувыркались? Так и просидели всю ночь у костров... Даже не дрались из-за девок! Все плетни и заборы целые стоят!

— Да ты что? Быть не может! — ужаснулись собравшиеся.

— Точно! Ляля и Доля бегали подглядывать за ними, да так ничего особенного и не подглядели...

Князья, волхвы, короли и ханы смущенно закашлялись. Народ собрался взрослый, каждый по себе заметил, что как-то сама собой сошла потихоньку на нет всякая тяга к румяным ланитам, сахарным устам да белым грудям, но только каждый же надеялся, что это его собственная беда в собственных штанах.

Ан нет, теперь всякая беда — общая...

— Все правильно, — сказал Колобок. — А чего ж вы хотели? Если нет Смерти — нет и нужды плодиться-размножаться. И листьям зеленеть ни к чему, дерево засохнет, но жить будет. Так и человек — в землю не сойдет, но и плодов не даст. А даже пусть и сойдет, все равно там не испортится, не станет удобрением земли, ей это теперь ни к чему...

— Вселенная пришла к своему концу, — подхватил Лю Седьмой. — Учители древности полагали, что мир погибнет во мгновен-

ной вспышке и возродится снова в такой же вспышке, а он, оказывается, просто-напросто увянет и с веками рассыплется в прах — пусть даже и живой прах. Но никогда его частицы уже не соединятся для образования новой жизни. Зима ничего не умертвит, но и весна ничего не воскресит. Такого конца не предполагал никто. Исчезли тени — и вот уже глаза наши не видят света. Исчезла тишина — и мы не воспринимаем звуков. Небо потеряло власть над землей, но, как видно, не скорбит о потере... Никакой Смерти в мире не было, друзья мои, только теперь она и пришла — Настоящая Смерть!

Народ в который уже раз пригорюнился и приложился в поминальном молчании к ковшам.

— Хэй! — раздалось у порога. — Сиднями сидите, а мы за вас стараемся!

Жихарь недовольно оглянулся на внезапного весельчака. В проеме стояли, с трудом удерживая в дряхлых руках рогожный мешок, старые разбойники — Кот и Дрозд.

— О, это, кажется, ваши морганатические родители, сэр Жихарь? — сказал король Яр-Тур.

— Вы чего, отцы, притащили? — спросил Жихарь.

— Можно сказать, Смерть и притащили! — бодро доложился Кот. — Видим, что на вас, молодежь, надежды никакой, вот и пора скинули умом, приложили немалые труды... Дрозда благодари, он это все придумал...

— Да чего придумал-то?

Мешок замычал и задергался. Разбойники раскачали его и бросили к Жихаревым ногам.

— Кто у вас там? — испугался богатырь.

— А Кощей Бессмертный! — сказал Дрозд и легонько пнул мешок. — Сколько веков был народным вредителем, разлучал супругов! Девушек красных похищал прямо со свадьбы! Теперь пусть послужит обществу...

Новость была столь поразительна, что главная беда как-то забылась.

— Ну, отцы... — сказал Жихарь. — Лъзя ли поверить, чтобы два почтенных старца одолели такое чудовище? Да как вам это удалось? Кот потянулся с урчанием.

— Вы сперва добрых молодцов накормите, напоите... — начал он.

— Это само собой, — сказал богатырь. — Только полно, Кощей ли там? Ведь никому еще не удавалось его... этак-то... в мешке...

Все поднялись с лавок и обступили добычу.

Старцы хватили по ковшу мозголомки, даже не поблагодарив подносивших, и стали развязывать узлы.

— Вот он, радостный наш! Поднимайся, нравственный урод!

Из мешка поднялся никакой не урод, а кудрявый, словно Лель, и такой же румяный юноша в богатых, но здорово порванных и запачканных одеждах. Из рта юноши торчала тугая грязная тряпка.

— Обзывался и кусался, — пояснил Дрозд. — Мы, Жихарка его логово давным-давно еще выследили. Но не трогали до поры. Думали, вырастим богатыря Жихаря, его на подвиг и отправим, чтобы прославился сразу, с молодых ногтей. Но ты пропал, а мы потом и запытавали: нам-то он на кой нужен? А сейчас припомнили. Для верности позвали с собой Мутилу, он его и вылил, как суслика, из норы, а тут мы с мешком...

— Да какой же это Кощей? — сказал Жихарь. — Кощей должен быть древний, ветхий... Чахлый, одним словом.

Кот посмотрел на воспитанника с сожалением.

— Сам ты чахлый, — сказал он. — Слово «кощей» что, по-твоему, означает?

— Ну... — богатырь растерялся. — Ну, раб... пленник...

— Жихарь-багатур правду плетет, — кивнул Сочиняй. — Кошчи — пленник, на продажу... Молодой пленник, совсем отрок — старого кто купит?

— Вот! — гордо сказал Дрозд. — Степняк, а лучше тебя соображает!

Он вытащил кляп изо рта пленника. Но вместо проклятий слышалось все то же мычание — язык во рту затек.

— Блым-блым-блым-блым, — сказал юноша. — Вот же изверги седатые! Взяли обманом, огрели на выходе дубиной! Я не воды испугался — мне заморских портков жалко стало... Опять же кафтан твидовый — память о родине...

— Про портки потом, — нетерпеливо сказал Жихарь. — Говори, кто ты таков?

— Ну, Кощей, — неохотно сказал Кощей. — Руки-ноги-то развяжите, не убегу, некуда бежать...

— Позвольте, достойнейшие лорды и визарды! — воскликнул Яр-Тур. — Это же вечно юный сэр Питер Пэн!

— Йес, ай эм, сэр! — воскликнул юноша. — Дернула же меня не легкая посмотреть на здешние края! Сразу туземцы прилепили мне эту дурацкую кличку, стали обвинять черт знает в чем...

— Это, что ли, твой подданный? — спросил Жихарь. — Тогда извини...

— О нет, — сказал король. — Питер Пэн ничей не подданный, он сам правитель своего чудесного острова...

— Блин поминальный, одни правители собрались, — сказал богатырь. — Только что нам до него? Хороводы вокруг него водить?

— Какие хороводы? — обиделся Кот. — Он же Бессмертный!

— Нынче мы все бессмертные, ты дело говори...

— А вот и дело, — сказал Дрозд. — Смерть-то у него где? В яйце. Яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дубе, дуб на острове Буяне. Ну, как до острова добраться, он нам сейчас скажет. Пошлешь туда Симеона Живую Ногу — от него никакой заяц не убежит. Принесет гонец зайца, достанем яйцо и снова заживем как люди...

— Погоди, — сказал Жихарь. — Что с яйцом-то делать?

— А ты не догадываешься? Молод еще? Яйцо мы подложим под курицу — их немало уцелело. Хохлатка нам и высидит за милую душу новую, молоденькую Смертушку... Она, матушка, у нас окрепнет, заматерееет, пойдет сызнова косою помахивать...

— Старый, ты чего гонишь? — Кощей стряхнул разрезанные веревки. — Там, в яйце, только моя смерть, личная. К вам она никакого отношения не имеет. Ведь в яйце нет ни белка, ни желтка — только иголка, да и то это не иголка, а символ. Сколько ни высиживай, из нее даже лом не вырастет... Да и не скажу я вам про остров, хоть на куски порежьте...

— Он говорит правду, добрые сэры. Мерлин рассказывал мне историю этого мальчишка, и весьма печальную... Он никогда не повзрослеет...

— Зато сам он живет беспечно! — вскричал Кот. — Молодушек ворует!

— Дед, да ты сам подумай, — с бесконечным, вековечным терпением сказал Кощей. — Для чего мне их воровать, когда они сами приходят? А мужу или родителям об этом ни за что не скажут. Будут плакать: похитил, похитил...

— Отчего же тогда тебя представляют старцем? — нахмурился Жихарь.

— Да чтобы чести мужней не уронить. Дескать, старец — что он может? Так только, вприглядку... Муж и утешится... И никакого золота у меня нет, разве что сундук-другой...

Кот и Дрозд поглядели друг на друга с ненавистью и разом вскричали:

— А ты куда смотрел, старый слеподыр?! На меня понадеялся?

— Благодарю за службу, отцы, — сказал Жихарь. — Понятно, что вы хорошего хотели. Да не вышло.

— И ты ему веришь? — взвился Кот.

— Потому что правда, — сказал Кощей. — Я, может, не меньше вашего переживаю. Был я Бессмертный, а теперь не пойми кто... А самое обидное, что... — Тут голос его предательски дрогнул.

— Зато юный сэра Питер обладает умением летать, — сказал король.

Кощей вздохнул, невысоко подпрыгнул и повис над полом.

— Тяжеловато, — сказал он. — Должно быть, и с этим у меня тоже разладилось...

— Ну ты не сердись на стариков, — сказал Жихарь. — Свободен. Лети куда глаза глядят...

— Тоскливо мне одному, — признался Кощей и опустил плечи. — В такие времена лучше быть поближе к людям...

— К девкам да чужим бабам, — уточнил ревнивый Перебор Недосветович.

Кощей только рукой махнул и заплакал. Из одного глаза полились, что вода, скорые детские слезы, на другой наворачивались скучные мужские.

— Успокойтесь, сэра Питер, — сказал Яр-Тур. — И, кстати, расскажите нам, где и при каких обстоятельствах вы встретились со Смертью, чтобы заключить договор?

Слезы на красавце мгновенно просохли.

— Никакого договора я не заключал, — испуганно сказал он. — Вы хоть у ребят спросите... Да я ее в глаза не видел! Нужна она мне — одни кости! Сдуру сказал один раз — не хочу, мол, взростеть... Это еще давно было...

— Отвяжитесь от ребенка, — подал голос Колобок. — Его просто поймали на слове, так иногда бывает... Просто ради забавы исполнили его желание, а потом забыли...

Кощей, не разжимая губ, закивал: угу, угу. Потом попросил выпить.

— Еще чего! Молодой, обождешь! Успеешь еще отравы этой нахлебаться! — зашумели потаенные мужи.

— И вот так всю жизнь! — снова заплакал Кощей.

— Сэра Бабура, не найдется ли у вас детского зля? — обратился Яр-Тур к кабатчику.

Бабура посмотрел на короля как на заговорившую табуретку.

— Хотя что это я, — сказал Яр-Тур. — Но помяните мое слово — из парня выйдет добрый оруженосец!

ГЛАВА 3

*Те, которые были,
Те, кого уже нет,
Те, которые жили
Много ли, мало ли лет,
Те, кого уж забыли,
Может, где-то живут.
Но не тут.*

Борис Смирнов

— **Н**а третий день въезжает Дурак-царевич в темный лес. Глядь — на-
...встречу ему лежит в гробу, насосавшись кровушки, сам граф Дра-
кула. Взмахнул царевич осиновым колом, как его Яга Прекрасная учила,
а граф взмолился человеческим голосом:

— Не бей меня колом, Дурак-царевич, без меня все сочинители
с голоду пропадут, а я тебе в трудный час пригожусь!

Пожалел Дракулу царевич, засунул вместе с гробом в торбу
и дальше поехал.

Едет-едет и видит — сидит Немал-человек, весь из чужих кусков
сшитый суровой ниткой, ищет погубить своего батюшку, доктора
Франкенштейна. Дурак-царевич и его пожалел, хотел добить, чтобы
не мучился, а чудовище его просит:

— Не трогай меня, Дурак-царевич, без меня никакого романтиз-
му не будет, все лицедеи без работы останутся! А я тебе в досужий час
пригожусь!

Помиловал царевич и его, посадил в торбу и дальше двинулся. Выезжает на поляну, а там какой-то неопознанный злодей гулящих девок острым ножичком потрошит, на печенки и селезенки разбирает.

Вытащил Дурак меч-кладенец, хотел снести Потрошителю безумную голову, так тот возражает:

— Нельзя меня рубить, Дурак-даревич, меня Джеком зовут! Без меня сыщикам нечего делать станет, начнут они сами дела придумывать да невинных привлекать! Я тебе, когда понадобится, помощь окажу!

— Блин с тобой, полезай в торбу, да никого там не трогай...

Ехал, ехал царевич и приехал в город Голливуд. У ворот стоит Великий Немой и кричит...

...Жихарь подошел тихонько сзади и рявкнул. Апокалипсия Армагеддоновна полетела с завалинки, а Ляля и Доля, слушавшие сказку, рассмеялись и заступились за гуверняньку:

— Батюшка, Дурак-царевич — это не про тебя!

— Сколько тебя, злокачественная старушка, предупреждать? — вздохнул богатырь. — Ну зачем ты детей пугаешь?

Гувернянька с достоинством поднялась.

— Дневные сказки избывают ночные страхи! — важно сказала она, хотя Жихарь так и не понял, кто кого избывает.

— Сходите, дочери любезные, проведите брата — он проснулся, хочет вас видеть...

Ляля и Доля умчались.

— Спит по-прежнему, — сказала Апокалипсия Армагеддоновна, не дожидаясь вопроса. — Вы там до чего досоветовались?

— Перегонный котел от натуги взорвался, — ответил богатырь. — Головы уцелели, умы прояснились. Сейчас решаем, кого за Смертью посылать.

— Все равно же сам пойдешь. А куда хоть, знаешь?

— В Костяные Леса, конечно, — сказал Жихарь. — Только как теперь туда проникнуть, живому-то? Не отравишься, не удавишься... Разве что... — Он задумался.

— Вот слушай, — сказала гувернянька. — То есть больше никого не слушай, кроме меня. Людей с собой не бери, прихвати одного Колобка — невелика тяжесть. Поезжай прямо сейчас, чтобы никто не знал, не то начнут отговаривать. А когда вернешься, они, поди, и не заметят...

— А на что мне Колобок?

— Он многое знает, если потрясти как следует. Значит, слушай... Только больше меня злокачественной не обзывай!

— Не буду, — кивнул Жихарь.

— Сыну на всякий случай имя оставь...

— Нет, — сказал Жихарь. — Когда вернусь с победой, тогда и на реку. А иначе ведь все равно он не вырастет, так и будет младенец...

— Как хочешь... Стало быть, сгоняла я нынче Симеона Живую Ногу в одно место...

...Когда-то скифы были многочисленным и могущественным племенем, ходили в дальние походы, покоряли царства и государства, свозили в свои холмистые земли несметные богатства. От хорошей жизни скифы обленились, переложили все дела на рабов, а сами предались развлечениям.

Развлечений у скифов было два. Первое заключалось вот в чем: знатный воин залезал на одинокое дерево либо на высокий столб, нарочно для этого вкопанный в землю. Слуги подводили под дерево оседланного коня, скиф примеривался к конской спине и прыгал, растопыриваясь в воздухе. Если, рухнув в седло, скиф ломал коню крестец, то считался победителем и прославлялся вовеки. Если не ломал, то подвергался насмешкам и понуро шел в свой шатер, чтобы с помощью обильной пищи набрать вес для следующего состязания.

В шатре его ждало и другое развлечение — усмирять строптивых рабынь. Но после подобного прыжка — не важно, удачного или нет — усмирять было очень трудно, поскольку у прыгуна все там было отбито. Так что участвовать последовательно в двух развлечениях удавалось только самым выносливым.

С годами конское поголовье у скифов сильно сократилось, рабыни же сделались не то что строптивыми, а откровенно наглými. Помыкали толстыми витязями как хотели.

Те, кто поумнее, отказывались от дедовских обычаев, не калечили коней и не мучили зря рабынь — они потихоньку уходили в леса, научились ставить избы, сеять жито. Так и появились на свет многоборцы, и сердились многоборцы, когда напоминали им о скифском происхождении. Тем более что и глаза у них стали уже не раскосые и не жадные, в отличие от предков.

Соседи — те же степные орды — давно бы искоренили это древнее племя, но была у скифов одна верная выручка. Научились они в трудный час отправлять к своим скифским богам гонцов, чтобы жаловаться непосредственно самому вышнему начальству. Для этого рыли глубокую яму, складывали туда обильные припасы на долгую дорогу, закалывали доброго коня, парочку отроков и служанок, а потом выбирали после известных состязаний лучшего воина и в награду удавливали его, плача и рыдая. Укладывали героя на ложе из трав, накатывали над ямой бревна и насыпали поверх бревен высокий курган. Герой попадал куда следует, излагал требования племени и указывал на обидчиков.

Опасаясь небесного гнева, соседи со скифами не связывались. Впрочем, точно так же провожали в Костяные Леса умерших или убитых вождей.

Быстроногий Симеон выяснил, что последний вождь по имени Карбасай умер от пузырного вздутия еще на исходе зимы и до сих пор не похоронен — прощальные обряды и пиры заняли много времени, а тут еще и Смерть куда-то подевалась... Некому стало нынче провожать вождя...

Поэтому примчавшегося на необыкновенном коне Жихаря скифы встретили весьма радушно — не помнили такого в племени, чтобы кто-нибудь по доброй воле согласился сойти в могильную яму.

Здесь, в степи, отсутствие Смерти почти не замечалось, трава успела вымахать выше пояса, и что в ней творилось, никто не видел. Разве что по небу иногда пролетал гусь, пронзенный меткой стрелой. Да еще солнце в безоблачном полуденном небе чуть покраснело, как бывает при тумане или при пожаре, хотя степь нигде не горела. Там, на солнце, тоже было не все в порядке.

Кузнец Окул пожаловался Жихарю, что дров и угля при работе тратится больше, чем в прежние времена, потому что горят они не так жарко. Жихарь на это не обратил внимания, а Колобок встревожился. Он сказал, что вот так, незаметно, земля остынет, потому что все ее тепло уйдет в небесную пустоту, а взять нового теперь негде. То есть на смену обычной Смерти придет иная, тепловая...

Лю Седьмой слегка утешил Колобка, сказав, что еще допрежь остывания станет нечем дышать — ведь воздух очищается через зеленые листья, а они нынче никуда не годятся. Люди, конечно, не умрут, но все задохнутся, станут синие и угорелые, совершенно безумные, и если Смерть все-таки соизволит вернуться, то работы для себя уже не найдет даже по части мелких жуколиц — все, что шевелится, неизбежно подохнет.

Колобок щедро отпустил белому свету на остывание несколько веков, Лю Седьмой на задыхание — от силы несколько лет, а то и месяцев.

— Чего ж я один-то среди вас, безжизненных, делать буду? — сокрушался Колобок. — И от кого мне тогда уходить?

Гомункул на эту поездку решительно отказался париться в дорожной суме. Ляля и Доля сшили ему из кожаных ремешков такую ловкую сбруйку, чтобы Жихарь мог навешивать ее на шею. Богатырь поворчал, но согласился. Колобок был легкий, высохший. Золотую цепь он перед дорогой снял и отдал на хранение домовому, посулив содрать с того в случае пропажи три шкуры. Гомункул знал, что у скифов бывают золотые украшения и понаряднее — со зверями и всадниками. Умели ведь когда-то...

Сейчас они умели только вспоминать былое величие, рассказывать друг другу одни и те же старые сказки, пить ставшее непьяным кислое кобылье молоко да, как было сказано выше, губить коней. Умирение рабынь вовсе сошло на нет...

— Почему голову врага на груди носишь, а не у седла? — спросил Жихаря молодой вождь. Предводителей здесь выбирали, понятное дело, по весу.

— Это друг и советчик! — обиделся Жихарь, и скифы стали глядеть на него почтительно: надо же, до чего жесток многоборский князь!

Сам Колобок, против своего обычая, не обиделся и не стал ничего объяснять. Пышных хлебов здесь не пекут, знают лишь плоские пресные лепешки...

К погребению все было готово. Скифский жрец давал покойному вождю последние напутствия — к кому обратиться да чего сказать, скольких предков приветить, скольким врагам и на том свете задать хорошую взбучку. При этом он нет-нет да и взглядывал в сторону Жихаря — мертвец хорошо, а на живого все-таки надежды больше.

— Еды на троих кладите! — потребовал Колобок.

— Тебе-то зачем? — шепотом спросил Богатырь.

— Положено — отдай! — строго сказал Гомункул. — Хлеб, знаешь ли, сам себя несет...

Воины в высоких колпаках глядели на Жихаря с благодарностью: хоть Смерти и нет, но кому охота коротать вечность в душном подземелье?

Покойного вождя жрецы своевременно подготовили к длительному хранению — вытащили скудные мозги и обильные внутренности, пропитали смолой и травяными настоями, — но работу эту, наряду с прочими, выполнили кое-как, отчего славный Карбаксай явственно пованивал. Ладно еще, что и нюх у людей притупился...

Плача не слышалось: за месяцы прощания со своим главарем все выплакали, а до Жихаря с Колобком никому дела не было, сами напросились...

— Коня берегите, — сказал напоследок Жихарь. — Вернусь — спрошу!

— Продай, а? — сказал вождь. — Проверим, крестец у него крепок ли?

— Проверь! — великодушно разрешил богатырь и захохотал. Потом спустился по бревну с поперечинами в яму.

Скифы споро, пока странный гость не передумал, настелили над ямой бревна.

— Плотней, плотней! — командовал Жихарь. — Не желаю пыль глотать!

Наконец последний солнечный лучик над головой его истончился, поиграл на бревенчатой стене и угас.

Полетели первые комья земли. Удары становились все глуше и глуше.

— Так они курган целую неделю будут насыпать, — сказал богатырь и закашлялся. — Жалко, что нельзя раздвоиться: я бы до вечера управился, хорошенько поевши...

И почувствовал, что есть не хочется. И пить. И спать. На земле он этого не замечал. То есть замечал, но не хотел подробно думать.

— Ничего, — сказал Колобок. — Сейчас должно подействовать. Курган — это ведь для людей, для памяти...

— Душно становится, — пожаловался богатырь и закашлялся. — И запах этот... И темно...

— Лю мне подарил фонарик, — сказал Колобок. — Единственный умный человек среди вас, обломов. Даже непонятно, почему он с вами связался.

— А ты чего связался?

— У меня своя выгода...

— Зажигай свой фонарик, деловой...

В синем свете фонарика появились из тьмы высокие кувшины с пивом и квашеным молоком, связки конской колбасы, кабаньи окорока, головы сыра, стопы лепешек.

— Ты поешь, — велел Колобок. — Непременно. А то проголодаешься в Костяных Лесах, отведаешь тамошней пищи...

— Да я помню, — ответил богатырь. — Помню, что нельзя. Только кусок в рот не лезет, да и едят люди нынче больше по привычке... Скоро совсем разучимся...

Он подчинился, отведал скифской еды. Но то ли она безвкусной была, то ли вкус тоже подался вдогонку за Смертью.

— А вот эта золотая бляха с оленем умруну ни к чему, — сказал Колобок. — И гребешок этот со всадником и пешими воинами... Поднеси-ка меня поближе...

— Еще мы мертвяков не обирали, — оскорбился Жихарь. — Добро бы я его в поединке уложил...

— Ладно, я сам...

И Колобок начал было выпрастываться из своей сбруйки, но вдруг тоненько взвизгнул, крутнулся и вцепился лапками в ворот Жихаревой рубахи.

— Чего ты, чумной?

— А зачем он глядит!

На лице скифского вождя в самом деле открылись две черные дырки, но света не отражали.

— Не дрожи ты! — досадливо сказал богатырь. — Подумаешь, умрун поднимается! То ли мы видели!

— Это ты сам дрожишь, — шепнул Колобок. — А на меня спиращь..

Дрожали, конечно, оба — не могут ни люди, ни колобки привыкнуть к такому, да и не надо им к такому привыкать..

Звякнули золотые пластины. Карбаксай пошевелился и молчком сел на своем ложе. Жихарь ожидал, что умрун будет подниматься с великим кряхтением, но все звуки были внешними.

Заскрипели сапоги — покойник спустил ноги на деревянный настил, потом выпрямился..

— Осинки-то не припасли, — сказал Колобок.

— У меня оберег серебряный, — ответил богатырь.

Но мертвец не обратил на них никакого внимания, так что и оберег не понадобился.

Карбаксай подошел к бревенчатой стене и трижды ударил в нее кулаком.

— Оволс! — потребовал кто-то из-за стены басом.

Мертвый скиф выкрикнул бессмыслицу:

— Сенсация: поп яйца снес!

Но не такая уж это была и бессмыслица — бревна словно бы лопнули посередине, подались внутрь земли, открывая образовавшийся в ней проход.

Толстый вождь с трудом протиснулся внутрь. Богатырь кинулся за ним, но бревна сразу же вернулись на место.

— Как же так? — растерялся Жихарь. — Что теперь делать?

— Стучи давай!

Богатырь троекратно грохнул по бревнам, так что сверху посыпалась земля.

— Оволс! — раздался все тот же голос.

— Какой оволс? Я дяденьку сопровождаю! Мне положено! — возопил богатырь.

— Оволс! — настаивал незримый страж.

— Повтори, что мертвяк сказал! — посоветовал Колобок.

Жихарь, как мог, воспроизвел нелепицу.

— Оволс еовс! — отозвался привратник, а стена не колыхнулась.

— Блин поминальный! Что ему нужно? Бабка про это ничего не говорила! Вот влетели!

— Тихо ты! Я все понял! Надо ему палиндром сказать!

— Какой палиндром?

— Такой, чтобы в обе стороны одинаковый! Ведь в Костяных Лесах и говорят навыворот! А на границе как раз надо палиндром предъявить!

— Где же я его возьму?
— погоди, сейчас вспомню... А! Течет море — не ром течет!
Стена бесшумно раздалась, и богатырь увидел далеко впереди удаляющуюся тень скифа.

— Сейчас догоню! — пообещал он Колобку и рванул в проход.
— Не успели вовремя с него побрякушки снять! — пропыхтел Гомункул.

— А ты-то чего пыхтишь? — возмутился Жихарь. — Это же я бегу!

— А я помогаю!

— Ну, спасибо!

Богатырю приходилось бегать подземными ходами — душно, правда, но в остальном все как и на земле. А тут и душно, и вязко, и движения какие-то неуклюжие, и ноги тяжелые...

Еще недавно Жихарь даже уснуть как следует не мог — здесь же едва не терял сознание.

Наконец настигли Карбаксая, ухватили за плечо:

— Дядя умрун, долго ли идти?

Ничего мертвец не ответил, не обернулся даже, только сбросил богатырскую руку и продолжал шагать ровно и размеренно.

— Слушай, может, тут еще и грамоты какие-нибудь спрашивают? — забеспокоился Жихарь. — Мы же с голыми руками!

— Надеюсь, до этого дело еще не дошло...

— И я надеюсь, хоть и не слишком. Ведь человеку везде норовят препоны поставить... О! Свет впереди! Гаси фонарь!

— Это не свет... Это тьма такая... Как бы разжиженная...

Они вышли в тусклый туман, в котором стены и свод растворились.

От тишины заложило уши, и богатырь хотел даже крикнуть: «Есть кто живой?», но тут же понял, что выйдет полная глупость. И боевой клич «Всех убью, один останусь!» тоже не провозгласишь...

В Навьем Царстве не было видно ни просторов, ни гор, ни морей, ни неба над головой, ни земли под ногами — только мерзкий сырой туман вокруг. Покойник шагал вперед уверенно.

— Слушай, мы, кажется, на земле что-то нужное забыли, — сказал Жихарь. — Я чувствую какую-то потерю. Так бывает в походе: думаешь, думаешь, что же я оставил? Потом вспомнишь — либо соль, либо огниво, либо наконечники для стрел...

— Ничего не забыли. Здесь, как я и ожидал, нет Времени... Ох, нехорошо это, опасно...

Жихарь усомнился — как так нет Времени? Он попробовал считать про себя шаги, но сразу же начал сбиваться. Попытался вести счет ударам сердца — и снова обсчитался. Стал загибать при каждом

шаге пальцы, так и того не сумел... А Калечину-Малечину здесь звать бесполезно, да и звук вязнет в тумане.

— Надо торопиться, — сказал Колобок. — Не то вернемся домой к шапочному разбору, когда наша служба уже никому не понадобится...

— Зря мы всех желающих не взяли, — откликнулся богатырь. — Ты не подумай, что я тут чего-нибудь боюсь, только тоскливо одним будет в Костяных Лесах.

— Не так уж много их было, желающих, — усмехнулся Гомункул.

— А побратимы-то?

— Тем и наверху хватит заботы... Что-то наш мертвяк лениво идет, не торопится. Как бы его подбодрить?

— Сейчас попробую...

Жихарь нагнал покойного вождя и дал ему тычка в шею. Карбаксай не обратил на это внимания.

— Давай обгоним, — предложил Жихарь. — Все равно ведь куда-то да придем... Только почему здесь все не так, как сказывали волхвы? Где, к примеру, река? Где ладья со злобным перевозчиком? Где старуха, где палач, где воин?

— Здесь нет двух одинаковых дорог, — сказал Колобок. — Как нет на свете двух одинаковых людей...

— А-а! — Жихарь сделал вид, что понял, — хотя ведь и понял кое-что!

Вдруг подошва его сапога шаркнула по чему-то твердому и определенному, словно корабельный киль по гибельной мели или по долгожданной береговой отмели. Он глянул под ноги. Там было что-то вроде мелкого белого песка.

Богатырь оглянулся по сторонам. Туман редел и рассеивался. Над головой, почти касаясь макушки, простирался потолок из такого же мелкого песка, только на вид более плотного. Жихарь поднял руку — рука прошла в верхний песок беспрепятственно.

— Не крути башкой, — скомандовал Колобок. — Не отвлекайся. Следуй за нашим проводником.

— Что-то не торопятся его встречать с цветами и плясками...

И ошибся. Впереди послышался шум и даже, кажется, звуки трубы.

— Вот и вышли на простор, — сказал Колобок.

Они оказались в обширном зале, где густо толпился покойный народ. Сперва-то богатырю показалось, что перед ним обычные люди, но потом он присмотрелся...

— Чего они похожие такие?

— Ну, не совсем похожие, — сказал Гомункул. — Пообтерлись тут, словно галька в прибое, утратили индивидуальность...

— Чего утратили?

— Перестали быть сами собой. Стали как все. Ты не забыл, что здесь говорят наыворот? Сумеешь понять и объясниться или снова мне за тебя отдуваться?

— В детстве приходилось баловаться, взрослых дразнить... Гляди, гляди — Карбаксая чествуют!

Насельники Навьего Царства обступили мертвого скифа, сгрудились, стали его обнимать, целовать, колотить по могучей спине, пихать в могучий живот.

— Пополнение пришло!

— Нашего полку прибыло!

— Ну, держись, сынок!

— У него еще мамкины пирожки в кишках играют!

— Ничего, повытрясем!

— Получишь сейчас Навью прописку!

— Чтоб Небытие медом не казалось!

«Ничего себе — встречают, как новобранца в дружине!» — хмыкнул про себя Жихарь.

— Как новичка в тюремном застенке! — сказал, точно угадав его мысли, Колобок.

А покойники продолжали галдеть, визнавать у пришлеца новости:

— Ну, как там — стоит земля?

— Вертится ли?

— Красуется ли Рим, Вечный Город?

— Как наши с «Реалом» сыграли?

— Кто убил Кеннеди?

— Кому на Руси жить хорошо?

— Кто да кто открыл закон Бойля — Мариотта?

— Есть ли жизнь на Марсе?

— Видел ли ты когда-нибудь дождь?

— Как был завоеван Запад?

— Как быть любимой?

— Как вам это понравится?

— Как украсть миллион?

— Как закалялась сталь?

— Как молоды мы были?

— Как царь Петр арапа женил?

— Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем?

— Когда дождь и ветер стучат в окно?

— Когда деревья были большими?

— Когда казаки плачут?

— Кто вы, доктор Зорге?

- Кто кого?
- Кто смеется последним?
- Кто пролетел над гнездом кукушки?
- По ком звонит колокол?
- По осени считают?
- Почему Карло не вылез из мешка?
- Что вообще творится?

Жихарь не выдержал и отбежал в сторону.

— Ничего не поделаешь — вечные вопросы, — объяснил Колобок. — Их ведь за тысячелетия много накопилось...

— На пару-тройку я бы запросто ответил, — сказал богатырь. — Про закаленную сталь и про доктора Зорге, например...

— Нет нужды, здесь просто порядок такой. Когда же до нас дело дойдет?

Жихарь расправил грудь, громко хакнул — так, что тихоголосые умруны примолкли.

Богатырь вышел вперед и отвесил покойникам глубокий поклон.

— Хлеб да соль! — воскликнул он.

— Астрал да ментал... — зловеще отозвался кто-то.

— Кто... здесь... гостей... принимает? — спросил Жихарь.

Говорил он медленно, потому что слова-то надо в уме переворачивать!

— У нас, любезный друг, гостей не бывает... У нас коли попал, так выхода нету...

— Умруны добрые, ужели не чуєте? Живым воняет! Как от кучи навозной прет! Отойди, плоть смердящая!

— Да вы что? — обиделся Жихарь. — Я только вчера в бане мылся с дресвой и щелоком!

При упоминании бани умруны брезгливо сморщились, словно слышали про давно не чищенное отхожее место.

— Гоните его вон! Как бы он сюда заразы не наташил!

— Пошел вон! Не хрен здесь нахально жить на глазах у мертвых людей! Тут не существуют!

— А я слышал, что мертвые не знают о Смерти, — усмехнулся Жихарь.

— Еще и дразнится, мразь дышащая, теплокровная!

— Я не только дразниться умею, — пообещал богатырь. — Я еще и невеж учить мастер. Неужели за гробом отменяются все людские законы? Я хоть и живой, но все равно гость, тем более редкий... Опять же князь...

Услышав титул, мертвецы перестали выкрикивать оскорбления, но все равно остались недовольны, начали жаловаться Жихарю уже как должностному лицу:

- Почему который день пополнения не присылают?
- Почему жертвы не приносят?
- Вы предков не почитаете! Перечеркиваете наши достижения!
- Вы что там, у себя наверху, перестали скотину резать, птицу бить, рыбу вылавливать?
- Муравья ни одного не раздавили, таракана со стола не стряхнули, комара не прихлопнули!
- Микробов, и тех у вас нет!
- Что вы там, у себя наверху, думаете? Отчего порядок нарушаете?
- Мы уже подписи трудящихся собираем с непредсказуемыми последствиями!
- Думаете, живые — так и управы на вас нет? Управимся — нас ведь больше вашего!
- Колобок подтянулся на своих постромках и шепнул Жихарю прямо в ухо:
- Видишь, все-таки не знают они Смерти, иначе бы не спрашивали...
- Надо искать главного, — сказал богатырь. — Только как бы через эту толпу пробиться, неужели с ними драться?
- В крови по грудь, мы бьемся с мертвецами, — мрачно сказал Гомункул.
- Чего?
- Стихи такие. Ох, провозимся мы тут, застрянем надолго...
- Ладно ты мне посоветовал подкрепиться перед походом. Теперь я их раскидаю... Одного ухвачу за ноги и раскидаю... Где улица, где переулочек...
- Но, к счастью мертвецов, раскидывать никого не пришлось. Умруны и умрунихи вдруг раздались в стороны, пропуская вперед кого-то очень знакомого...
- Грохоча и лязгая на ходу, к Жихарю шел король Яр-Тур — совсем такой же, который остался в столенградском кабаке, только доспехи на нем были жестоко изрублены.

ГЛАВА 4

Недавно я ходил по астралу и наткнулся на блокированные уровни.

Василий Головачев

...Когда Жихарю случалось попасть во что-нибудь непонятное (а было это многожды), он каждый раз вспоминал свою недолгую, но причудливую жизнь в диком племени туруру.

Жихарь честно признавал, что и многоборцы, и соседи ихние, и люди прочих земель ушли от туруруйцев не слишком-то далеко. Ясно, что стальной меч лучше дубины, а стальной топор надежнее каменного. Но в остальном-то человек остается человеком! Что в наши дни, что во Время Оно — порядки примерно схожие: сильный давит слабого, богатый — бедного, дурак — умного. Нигде хлеб не дается даром, нигде сын отцу не указывает, нигде вода в гору не течет.

Только туруруйцы, видать, так долго жили вдали от иных племен, что сохранили странные понятия и обычаи.

Они, к примеру, полагали, что, кроме них, никто больше на белом свете не живет, а проломившегося к ним сквозь лесные заросли Жихаря долгое время считали смышленным зверем, безволосой обезьяной.

Они не верили, что хворобу на людей наносит поветрием, что может она получиться от холодной погоды или тухлой воды, что

охотника запросто способен задрать лесной хищник, что на скользком камне легко подвернуть ногу. Нет, говорили туруруйцы, это все от злого колдовства — и болезни, и хищник, и досадный камень. И начинали такого колдуна искать, и находили, и наказывали дубиной по голове. В иные годы изводили чуть не половину племени...

Еще туруруйцы считали, что они не только люди, но одновременно и красные попугаи араара. И сколько ни надсажал богатырь голос, восклицая: «Где — вы, а где — попугаи?» — дикари мнения своего не меняли.

Были, конечно, и весьма разумные законы, которые не грех бы перенять и другим людям. Так, зять в течение всей жизни не имел права разговаривать с тещей. О хозяйственных делах можно было потолковать и при помощи рук, а без слов мир в семье сохранялся надежнее.

Но более всего удивило богатыря отношение бесштаных охотников к своим охотничьим собакам. Псы у туруруйцев водились крупные, смышленные, неутомимые, надежные — часто даже сами приносили добычу.

Но когда собака вдруг начинала притаскивать пойманных зверят и птиц в больших количествах, охотник брал дубину, уводил друга-добытчика в лес и там, причитая, приканчивал.

Жихаря сперва возмутила такая жестокая неблагодарность. Но потом ему растолковали, что вот эта собака благодаря своему нюху чует близкую смерть хозяина и поэтому старается заготовить побольше еды для поминального пира. Вот ее и того...

Но встречались и ленивые псы. Таких опять, к удивлению чужеземца, потчевали дубиной. А вот эта собака, говорили туруруйцы, тоже чует погибель своему владельцу, оттого и перестает выполнять свои обязанности — чего стараться-то? Вот ее и того...

Колобок потом объяснил Жихарю, что дикие туруруйцы таким образом, намного опередив знаменитых любомудров, открыли закон диалектики, при котором у всякого явления оказывается две стороны: вот это хорошо, да не очень, и наоборот: вот это плохо, да не очень. Спорщик, владеющий диалектикой, всегда выигрывает — подобно борцу, который коварно намазался маслом и выскальзывает из самого крепкого захвата.

...Без диалектики объяснить появление Яр-Тура в Навьем Царстве было никак нельзя.

— Да, дорогой сэра Джихар, представьте себе — я здесь разговариваю с вами и одновременно нахожусь в Яви, уныло пируя в обществе сэра Лю, сэра Сочиня и других достойных людей. Вот как раз

сейчас мы слушаем, как ваш придворный бард исполняет старинную эльфийскую балладу о могучем Танкодроме, сыне Номинатора, полюбившем прекрасную Электродрель...

— Не крути, — сказал Жихарь. — Что с твоими латами? Из какой сечи тебя сюда забрали? Что с моим городом? С моей семьей?

— Сэр брат! Да вы мне не верите! Сэр Хонипай, подтвердите правдивость моих слов!

— А что я? — отозвался Колобок. — Я тоже ничего не понимаю. Либо Смерть снова вернулась в мир и мы закопались под землю напрасно, либо...

— Лучше не знать вам сейчас правды, дорогой Джихар, — это может отвлечь вас от поисков...

Они стояли перед невысокой дверью, обитой медными пластинами. Дверной проем был словно бы вырезан в тумане, по-прежнему влажном и холодном.

— Откуда мне знать, кто ты на самом деле? — сказал Жихарь. Он, как ни всматривался, не мог отличить этого Яр-Тура от того, с кем попрощался на своем подворье.

— Помнится, в подземельях Вавилона мы вам поверили, — сказал король. — А ваше тогдашнее положение было в чем-то подобно моему нынешнему...

— Может, ты меня в спину ударишь? Я здешних порядков не знаю... Те, кто нас встретил, мне сильно не понравились...

— Это бывший человеческий сброд, сэр Джихар, — толпа, ждущая подачки от живых родственников. Они и при жизни норовили устроиться за чужой счет, и здесь могут только горланить и требовать. Настоящие люди и в здешнем царстве остаются при деле — иные охотятся, иные упражняются в воинских искусствах и полезных ремеслах, иные спорят о загадках мироздания. Но мы сейчас напрасно тратим время...

— Чего ж ты меня на земле не предупредил, что встретишь здесь?

— Я полагал, что вы догадались, — вздохнул Яр-Тур.

— О чем? — заорал Жихарь.

— Добрый сэр Лю ничего вам не объяснил?

— Ничего... А чего объяснять?

— Понятно, — сказал король. — Он не захотел отягощать вас еще одной заботой... Возможно, он был прав — то, что я вам сейчас скажу, не ослабит уже ни вашей руки, ни вашей решимости...

— А говорил — время дорого, — напомнил Жихарь.

— Сэр брат, в тот самый миг, когда мой презренный племянник, предатель и мятежник Мордред, уже насаженный на мое копьё

по самое кольцо рукояти, ударил своего короля сбоку по голове и рассек меч преграду шлема и черепную кость, — в тот самый миг Смерть и покинула наш мир. А я остался один-одинешенек между мертвыми и живыми... Если только про человека, одновременно существующего в двух мирах, можно так сказать — один-одинешенек... Легче вам стало от этой правды, сэр Джихар?

— Чего ж ты за мной не послал, если начался мятеж? — вот и все, что нашел в ответ Жихарь.

— Это было сугубо семейное дело, брат... Внутреннее...

— Я, выходит, посторонний... Значит, если суждено мне отыскать и воротить в мир Смерть, то ты тогда...

— Не думайте об этом, сэр Джихар! Я не стал бы совсем показываться вам здесь на глаза, если бы не боялся, что вы с вашим спутником заблудитесь в тумане...

— А может, и нет, — вдруг сказал Колобок.

— Что — нет? — Побратимы уставились на Гомункула.

— Я говорю — может, король потом с нами останется. На нашей стороне.

— Да! Конечно! — с подозрительной радостью отозвался Яр-Тур. — Потом сэр Лю с этой славной старушкой поставят меня на ноги, и мы совершим еще немало славных подвигов...

— Все! — сказал Колобок. — Я черствый. Я бессердечный. Мне наплевать на ваши людские дела. Мы зачем сюда пришли? За Смертью. Вот и давайте ее искать. А то бороду вырву — мне сподручно! — пригрозил он богатырю.

Жихарь скрипнул зубами, зажмурился и попробовал сосчитать до десяти, но опять не смог.

— Что за дверью? — спросил он.

— Здешний владыка — лорд Наволод, — ответил король. — Он здесь первое лицо...

— А ты видел это лицо? — спросил Жихарь. — Может, он с живым и разговаривать не станет? Да и откроется ли дверь? Да и пропустят ли нас к нему?

— Дверь не закрыта, — сказал король. — Но мертвецы туда почему-то не суются. А лорда Наволода я не видел, да и никто из здешних, насколько я знаю, не видел...

— Заодно и познакомимся, — сказал богатырь и толкнул дверь.

Место, где они очутились, не походило ни на что виданное ими доселе.

— Это лес? — спросил Жихарь.

— Больше похоже на корабельную верфь, — сказал Яр-Тур. — Но откуда столько пыли?

— Эх, люди! — ухмыльнулся Колобок. — Это же полки для бумаг, просто очень длинные и высокие. Архив какой-нибудь... Значит, тут и пыль должна быть, и паутина, и мыши эти мерзкие...

— Хозяин! Эй, хозяин! — закричал Жихарь, не больно-то и сам заботясь о вежливости.

Никто ему не откликнулся.

— В какую сторону идти? — озадачился богатырь.

— Не имеет значения, — пожал плечами Яр-Тур. — Полки тянутся и направо, и налево.

— Поглядите под ноги — нет ли следов? — подсказал Колобок и погасил свой фонарик.

Следы скоро нашлись — обыкновенные человеческие следы, не какие-нибудь там копыта или лапы с перепонками и когтями, а невеликие, неглубокие, без каблучков — вроде как домашние тапочки.

— Не может быть, чтобы владыка мертвых да без сапог щеголял — это кто-нибудь из слуг наследил, — предположил богатырь. — Здешний хозяин должен быть высок ростом — вон полки-то куда уходят!

— Что гадать — пошли по следам, — сказал король.

Жихарю страсть хотелось узнать, что за грамоты пылятся на полках — старинные летописи, указы, новеллы, устареллы? Но следовало торопиться.

«Верно мне Карина говорила, что я равнодушный и бесчувственный, — думал Жихарь. — Кабы она не спала, то враз бы догадалась, что с побратимом неладно. Поэтому он и в баню не пошел — не желал показать смертельные раны... Да ведь и Лю говорил, что Яр-Туру не нужны уже никакие лекари... Но для дураков, видно, надо все объяснять прямыми словами — намеков мы не понимаем...»

Наконец пыли в богатырский нос понабилося столько, что Жихарь открыл рот и трижды чихнул.

Чиханье, тем более троекратное, и на земле бывает неспроста, оно предвещает всякие неожиданные события...

— Тихо! — сказал Колобок. — Впереди я слышу голос...

— Я, кажется, тоже, — отозвался король.

— ...Три миллиарда восемьсот сорок миллионов двести двадцать семь тысяч сто девяносто пять... Три миллиарда восемьсот сорок миллионов двести двадцать семь тысяч сто девяносто шесть...

— Видите его? — шепнул Колобок.

Впереди, опершись на полку и задрав вверх лысую голову, стоял человек низменного роста в полосатых портках, серой рубаше и меховой бабьей душегрейке. На немалом носу человека сидели стеклышки в оправе. И обут он был именно в тапочки.

«А вот он считает — и у него получается!» — удивился Жихарь. И кашлянул в сторонку — как бы тоже от пыли.

Человек не испугался, не вздрогнул — лениво повернул голову, склонил небритый подбородок и поверх стекол уставился на пришельцев.

— Надо же! — воскликнул небритый. — Представляете — количество умерших от голода в сто девяносто тысяч раз превышает количество скончавшихся от переедания!

— Здравствуйте, сэръ! — поспешно, чтобы Жихарь чего-нибудь не ляпнул, воскликнул Яр-Тур.

— Желать здоровья в этих местах бессмысленно, но все равно спасибо, — сказал человек. — И сдается мне, что вы, как бы сказать, не совсем...

— Верно, добрый сэръ! Князь Джихар, — он тычком в спину заставил богатыря поклониться, — так вообще живой, да и я частично... Мы ищем сэра Наволода...

— Это я и есть, — сказал владыка мертвых. — Вообще-то сюда входить запрещено, да и никто не осмеливался — вот я и снял стражу с дверей и задействовал ее для учета... Знаете, многие мне не верят, но Смерть — это прежде всего учет! Строжайший учет!

— Да мы, твое княжеское величие, и пришли сюда за Смертью, — сразу приступил к делу Жихарь. — Где она тут у вас прохлаждается?

Он очень обрадовался, что повелитель Навьего Царства не оказался рогатым драконом или там большой черной жабой. Наволод и засмеялся совсем по-человечески:

— Как это — где? Да вот же она — повсюду! И налево она! И направо она! И вверху — она! Во всех видах, в любых качествах! Вам какую именно надо? И чью? Соседа, друга, врага, предка, свою собственную? Справок мы не выдаем, но познакомиться с делом — почему бы и нет?

— Нам ничью, — сказал Жихарь. — Нам — вообще.

— Нам — ту самую, — уточнил Яр-Тур. — С косой, с песочными часами...

— Особые приметы — безногая, — вспомнил Жихарь.

— Не слушайте их, князь, — вмешался Колобок. — Мы пришли сюда выяснить, отчего все живое на земле перестало умирать, а существование белковых тел ничем не ограничено...

Наволод снял очки с носа и поднес их вплотную к Гомункулу — то есть к Жихаревой груди. Мертвечиной от князя не пахло.

— Это что такое? Говорящий ноутбук? Какая забавная вещь!

— Я не вещь, князь, — поморщился Колобок. — Неужели вы, здешний владыка, ничего не знаете? Что произошло со Смертью?

Князь Наволод водрузил очки на нос и улыбнулся.

— А, вот вы о чем, — сказал он. — Действительно, в последнее время что-то не пополняются ряды моих подданных... Разумеется, я не мог не заметить этого! Но нет худа без добра — теперь у меня появилась возможность привести все умертвия в систему, разделить на классы и разряды... О, я уже многое успел! Вот, извольте сами полюбоваться...

Он запросто подхватил короля и Жихаря под локотки и повлек вдоль рядов полок.

— Вот здесь, — кивнул он влево, — у меня те, кто умер насильственной смертью. А в тех рядах, так сказать, естественники... Их, как вы можете видеть, гораздо меньше.

— А и много же народу скончалось! — ахнул Жихарь. — Кабы люди не мерли — земле бы не сносить!

— Да, количество дел поначалу подавляет, — кивнул Наволод. — Я сперва даже не знал, как подступиться... Но число папок отнюдь не соответствует количеству покойников, потому что с каждого дела снимается несколько копий в другие разделы — по возрастам, по эпохам, по странам... Скажем, великий Сенека, вскрывший себе вены по приказу Нерона, одновременно значится и в классе погибших насильственной смертью, и в семействе пораженных холодным оружием, и в отряде самоубийц, и в разряде жертв тирании, и в демографическом отчете по Римской империи, и в алфавитном каталоге, и в картотеке выдающихся личностей, и...

Жихарь обвел взглядом бесчисленные полки, и у него потемнело в глазах.

— Да как ты не путаешься в этих грамотах, князь? — решил на всякий случай польстить он Наволоду. — Я и живых-то своих подданных переписать все никак не удосужусь... Голова!

— Стараюсь, — скромно сказал владыка мертвых. — Должен же кто-то этим заниматься. У меня порядок! А будет еще лучше!

— Кому? — печально спросил Яр-Тур.

— Людям! Кому же еще? Здесь собраны полные, исчерпывающие сведения. Никаких загадок истории я не признаю. В делах названы имена всех убийц — прямых и косвенных. Любой обитатель Навьего Царства легко может выяснить, кто шарaxнул его сзади дубиной, или переехал на тракторе, или накапал отравы в утренний кофе...

— И много желающих? — гадким голосом спросил Колобок.

Наволод несколько смутился.

— Вообще-то сюда никто не допускается, — сказал он. — Во избежание беспорядков среди спецконтингента. И так безобразий хватает... Чистое знание мало кого интересует. Кроме того, существует принципиальная возможность изъять свое собственное дело, а оно может послужить пропуском наверх...

— Мотай на ус! — шепнул Жихарю Колобок. А вслух добавил: — Совершенно правильное решение, князь. Нечего здесь посторонним шлаться!

— Кроме того, это необыкновенно интересное занятие, — продолжал владыка мертвых. — Знаете, к примеру, какой вид самоубийства считается самым редким? Угадайте навскидку?

— Во-от такенной жемчужиной подавиться! — не растерялся богатырь.

— А вот и нет! — хихикнул князь Наволод. — Самый редкий у меня самоубийца — Жужупалов Анатолий Витальевич, тридцати одного года, без определенных занятий, — он с пешеходного виадукка помочился на провода высокого напряжения!

Богатырь ничегошеньки в этой смерти не понял, но про себя решил, что отныне справлять малую нужду будет только в отведенных для этого местах.

— Здесь, под красной меткой, у меня отказники, тут невозвращенцы, а вот эти — без вести пропавшие...

— Разве так бывает? — насторожился Яр-Тур.

— Редко, но бывает, — сказал Наволод. — Бывает так, что мир живых человек покинет, а досюда не доберется... Ищем, розыск объявляем... Облавы устраиваем... Явь прочесываем, даже в Правь, бывает, забираемся...

Жихарь собрался было спросить насчет Кощея, но вовремя спохватился, страшась сдуру подвести парнишку.

— А отказники — кто такие? — вместо этого спросил он.

— Это которые умирать не хотят, — просто ответил владыка мертвых.

— Новое дело, — сказал Жихарь. — Как будто кто-то хочет! Мало ли чего человек хочет или не хочет!

— Они ОЧЕНЬ не хотят, — пояснил князь Наволод, да только яснее не стало.

— А невозвращенцы? — спросил Колобок.

— Это просто негодяи, — насупился навий князь. — Мы их за хорошее поведение поощряем отпуском на родину, а они, неблагодарные... — Он махнул рукой. — О них и говорить не стоит. Хотя на первый взгляд казались вполне порядочными людьми — Белая Дама,

Палач Города Праги, Блоксхолмское Привидение, сэр Ральф Ричардсон, Семеновна-Покойница... Даже, можете себе представить, Майкл Фарадей! Казалось бы, ученый, материалист — а любит побродить по лабораториям Королевской ассоциации, вмешивается в эксперименты...

— Нигде порядка нет, — посочувствовал Жихарь. — Но вот скажи нам, в конце-то концов, куда Смерть подевалась? Честно скажи, как князь князю!

— Да я уже и сам начинаю беспокоиться, — сказал Наволод. — Я ведь ей не начальник. Я здесь так... Вроде главного тюремщика. Мое дело — обеспечить учет, питание, обмундирование, режим. Тюремщики же судьями не распоряжаются... Да бросьте вы о ней да о ней! Здесь такие разговоры считаются неприличными. Вы лучше сами по архиву погуляйте, поглядите, как я все тут славно устроил... Вот, смотрите — на этой полочке у меня те, кого растерзали разгневанные женщины. В основном тут греки: Орфей, Дионис-Загрей, Мавроди Сергей Пантелеевич... О! Я вам сейчас дело Каспара Хаузера покажу! Мне же тоже похвалиться охота...

— Удивляюсь, как ты в князя-то попал, — сказал Жихарь.

— Да, сэр Наволод, не в обиду вам будь сказано, вы не слишком походите на сюзерена... Скорее на сенешалья...

— Да уж так получилось, — развел руками навий князь. — Пришел мой час, мне и предложили вместо Смерти эту должность... Я ведь на земле был выдающийся статистик! Мои картотеки славились повсеместно!

— Постой-постой, так ты что — живой, что ли? — догадался богатырь.

— Живой, разумеется. Я и разговариваю с вами по-человечески, а не навыворот — разве не заметили? Честно говоря, меня вполне бы устроила должность Главного Архивариуса, а княжение мне в тягость...

— И мне, — признался Жихарь. — Родная душа, выходит. Только помог бы ты нам Смерть вернуть, а? К кому же обращаться, как не к тебе?

— Да я бы и рад... Ребята, бросьте это дело! Пойдем в мои палаты, попируем всласть, потом я вас по Костяным Лесам прогуляю — встретитесь с замечательными покойниками, поглядите на наши порядки, выскажете замечания и предложения...

— Здесь можно бродить веками и зонами, — сказал Колобок. — Но нам нужно возвращаться. Все понятно — зря нас сюда наладила твоя старушенция, попала пальцем в небо... То есть в землю...

Конечно, Жихарю страх хотелось погулять по Нави, увидеть того же хитроумного Дыр-Танана или хотя бы знакомцев по Времени Оному, сравнить увиденное с рассказами бывалых здесь людей... Хорошо побратиму: он еще досыта в Костяных Лесах побродит... Какие, однако, глупости приходят в голову! Нашел кому завидовать!

— Боюсь, на выходе у вас могут возникнуть затруднения, — сказал навий князь. — Все равно вернетесь ко мне. Не выпустят вас отсюда, из одной лишь зависти не выпустят...

— Прорвемся, — пообещал Жихарь. — Ну нету, княже, у нас времени! Понимаешь?

— Конечно, понимаю. Здесь вообще нету Времени.

— Да и нынешней жизни на земле не позавидуешь: скоро она ничем не будет отличаться от здешней, — сказал Яр-Тур.

— Пошли, пошли, — торопил Колобок и даже весь напрягся в своих постромах, словно мог утянуть богатыря за собой.

— Постой маленько, — сказал Жихарь. — Князь Наволод, если ничем больше помочь не сможешь, так скажи хотя бы — где неключ Беломор? У тебя он или еще нет?

Навий князь наморщил лоб, пощелкал пальцами в пыльном воздухе, прислушался к неким мнимым звукам.

Потом покачал головой.

— Нету его здесь, — сказал он. — Жив ваш Беломор. Но встретиться с ним вряд ли кому удастся...

— Это почему?

— Сами посмотрите...

С этими словами владыка мертвых запрокинул голову и снял очки.

Жихарь, Колобок и Яр-Тур тоже поглядели вверх. Над рядами высоченных полок висел полный месяц, и был он, по сравнению с земным, близко-близко — впрочем, богатырю и королю уже доводилось такое видеть, когда на самодвижущейся телеге они неслись по небу, преследуя Дикую Охоту. Ясно различались кольцевые горы, белые сверкающие пятна, серые равнины, черные тени и провалы...

— Смотри-ка — здесь тоже Луна, а я и не знал! — воскликнул уязвленный своим внезапным невежеством Гомункул.

— Увы, ненадолго, — сказал Наволод. — Луна светит нам только в ваши безлунные ночи...

— Да это понятно, — нетерпеливо сказал Жихарь. — Но вот где же там Беломор?

— Странно, — сказал Наволод. — Глаза у вас вроде бы молодые... Да вон же он! Видите — пятнышко в четвертом квадранте, ближе

к краю... Должно быть, на другую сторону торопится — там легче дышать...

— Вижу! — объявил король.

— И я! — обрадовался Колобок. — Верно, ползет какой-то старичок, посохом подпирается... Лысый, совсем как я!

Но Жихарь, как ни щурил глаза, как ни выпучивал их, ничего узреть не мог.

Потом все-таки различил на самом краю ничтожную фитюлечку...

— Ну-ка лучше я полезу да посмотрю, — решительно сказал он, подошел к ближайшему стояку, поставил ногу на самую нижнюю полку и вознамерился карабкаться дальше.

— Сэр брат, до Луны весьма далеко! — позвал его Яр-Тур. — Это лишь кажется, что до нее рукой подать! Вернитесь, дружище!

— Назад! Уходим! — вякнул Колобок.

— Это бессмысленно! — крикнул владыка мертвых. — До нее триста тысяч километров!

Но Жихарь никого не слушал. Он озверел от долгого бездействия, от напрасных разговоров, от ожидания...

— Дубина! — стонал Колобок. — Слезай вниз! Уходим скорее!

— Помалкивай, горбушка! — огрызнулся богатырь.

Колобок вывернулся в своей сбруйке, уперся ножками в богатырскую грудь, а лапки его неожиданно вытянулись и с неожиданной же силой вцепились в богатырское горло.

— Эк! Эк! — только и мог сказать Жихарь перед тем, как серебряный шар наверху погас и все погрузилось в безмолвную тьму...

— Просыпайся! Задохнешься! Что я с тобой, с полумертвым, делать буду? Очнись! Воздуха совсем мало осталось! Обманула нас твоя Армагеддоновна! Нарочно пустила по ложному следу!

Ладошки Гомункула больно колотили Жихаря по щекам, дергали за бороду, щипались и царапались.

— Встань! Заберись повыше! Там еще маленько дыхания осталось! — орал Колобок.

Потом силком поднял богатырю веки. В синем свете фонарика показалась все та же погребальная камера, смертное ложе, скифские дорожные припасы...

— Да отцепись ты! — Жихарь вскочил, сделал несколько глубоких вдохов. Кровь колотилась в висках. — Так мы никуда не ходили! — с ужасом догадался он.

— Вот именно! Давай скорей вылезать! Хватит у тебя силы, должно хватить! Я недаром велел положить много еды! Жри давай! Набери свою хваленую Святогорову силу!

Все прочие беды и несчастья мигом вылетели из головы многоборского князя, когда он представил, что придется здесь застрять навеки в обществе болтливого черствого хлеба.

Он не стал даже доставать кинжал — схватил первый попавшийся окорок, впился в него зубами. Колобок заботливо подсовывал ему просяные лепешки — свою лишенную разума родню. Покончив с первым окороком, богатырь осушил огромный кувшин пива, потом снова принялся за мясо, запивая его кислым молоком и не думая, что от этого может приключиться в животе, ел, словно мчался в бой или взбегал на крутую гору, как будто хотел уважить гостеприимного друга или ободрать врага...

— Никто на свете так много и так быстро не ел — разве что огонь! — похвалил его Колобок.

...А на вершине свеженасыпанного кургана беспечные скифы тоже пировали, справляя тризну по ушедшему вожаку, причем пировали стоя. После безуспешных попыток сломать крестец водяному коню Налиму у них все ныло и мозжило. Даже переминаясь с ноги на ногу, степные витязи кряхтели от боли.

Сам конь Налим с невинным видом отдыхал у подножия кургана, дожидаясь по уговору хозяина.

И тут, как мог бы выразиться сказитель Рапсодище, «мать-земля под ними всколебалась».

Сперва скифы на это даже ухом не повели — решили, что их просто покачивает от пива, взбодренного мозголомкой, — Жихарь поклонился им целым бочонком. А потом, изумленно поглядев друг на друга раскосыми и жадными очами, не устояли и покатались по склону кургана.

Покатались они вовремя — из-под земли полетели толстые бревна наката, послышался нелюдской рев и пронзительное пищание — то помогал богатырю голосом Колобок.

— Всех убью, один останусь!

— Правду и в земле не скроешь!

Богатырь распахнул курган изнутри — как крышку котла отворил. От свежего воздуха ему сперва стало еще хуже, он опустился на могильную землю и лег, раскинув руки.

Колобок поудобнее уселся ему на грудь.

Жихарь раздышался и все вспомнил.

— Значит, не были мы в Навьем Царстве? — спросил он первым делом. От яростного жевания ныли скулы.

— Значит, не были, — всхлипнул Колобок.

— А как же вопрошающие покойники? Князь Наволод? А Яр-Тур мой где? Там остался?

— Не было никакого Яр-Тура, — признался Колобок. — Мы ждали-ждали, да и уснули. Мне, к примеру, опять всякие детские ужасы снились — заяц, волк, медведь, лиса-гадина... Успела-таки хватить меня зубами за бочок, я проснулся и давай тебя будить...

— Постой, — сказал Жихарь. — Я же не мог сам такого придумать, чтобы мертвецов распределять по разрядам. А сколько неведомых имен услышал! А Беломора на Луне увидел!

— Это все твое подсознание, — снисходительно объяснил Колобок. — Или, проще сказать, коллективное бессознательное. У всякого свое представление о посмертном существовании. Бытие определяет сознание — так?

— Так! — согласился Жихарь, потому что слов для спора не нашел.

— Ну вот. А небытие, стало быть, определяет подсознание. Очень просто.

— Спасибо, просветил. Значит, не ходили мы в Навь?

— Ну... это как посмотреть...

— Так ходили или нет? — Богатырь начал уже сердчать.

— Скорее всего — нет...

— Ха! — воскликнул Жихарь. — Катючая бездна премудрости! Теперь-то я понял, почему самого большого дурака называют круглым! Вон от кого это выражение пошло!

— В чем дело? — взвился Колобок.

— А в том дело, — масляным голосом сказал богатырь, — что проводника нашего, Карбаксая, в могиле нет!

Гомункул выбрался из своей упряжи, подкатился к рубежу образовавшейся ямы и заглянул вниз.

Смертное ложе скифского вождя было пусто...

Жихарь поднялся и потянулся.

— Пора, — сказал он. — Отдохнули, надо и в путь. Время не терпит!

Он побежал по склону, глубоко проваливаясь в рыхлую землю.

Гомункул покатился следом, но поражения своего признавать никак не желал:

— Откуда я знаю, куда умрун девался? Может, ты его тоже сметел под горячую руку?

Жихарь на бегу нагнулся и ухватил Колобка за ворот кафтанчика.

— Я же только что плотно пообедал, — укоризненно сказал многоборский князь.

ГЛАВА 5

— ...Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил.

Артур Конан Дойл

— **Н**икому ничего доверить нельзя! У Окула на кузне подмастерье ...руку сломал — так и ходит, кость торчит наружу! Лекарей полон двор, а двух плашек наложить некому! За собой совсем перестали следить! Я же приказывал жить прежним порядком, несмотря ни на что! Людей, видно, ничем, кроме боли, не проймешь, а не стало ее — вот вы и распустились!

Жихарь бушевал посреди двора, потрясая новорожденным сыном, а мамки и няньки во главе с Армагеддоновной сбились в кучку и трепетали по привычке.

Младенец же безмянный весело смеялся — сообразил, видно, что пребывать в беспечальной поре ему придется изрядно...

Народ за время недолгого отсутствия начальства и впрямь распустился — ходить стали еще медленнее, говорили нараспев, долго собираясь с немудрящими мыслями. Питались чем попало, да и о еде частенько забывали. Перебирали прошлое, завтрашнего дня не предполагали вовсе...

Жихарь поглядел на сына, рыкнул, успокоился, отдал младенца какой-то бабке и движением руки разогнал дворню.

Из-под терема тоже доносилась черная ругань: Колобок, принимавший у домового по описи свое золотишко, ни с того ни с сего решил, что золотая цепь стала ему тесна:

— Выкусили щипцами звеньшко! Или даже два! И расплавили, чтобы улик не осталось! Кому верить? На что тебе, косматому, золото? Плошку позолотить?

— Никто ничего не выкусывал! Ты сам на чужих дармовых харчах рожу наел — в подполье не пролазит! — упирался домовый.

Перед Жихарем осталась только повинная гувернянка.

— Ну и что мне с тобой делать? — сказал богатырь. — Что мы там узнали?

— Ты, батюшка, не гневись, а выслушай! — взмолилась старушка. — Во-первых, ты узнал, что в Навьем Царстве Смерти нет. Во-вторых, увидел на Луне Беломора...

— То ли увидел, то ли нет... — насупился Жихарь. — Тут бабка надвое сказала...

— Не надвое! Не надвое! Увидел-увидел! — замахала руками Апокалипсия Армагеддоновна. — И по всем гаданиям так выходит, а гадала я и на книге «Эфиоп Мракообразный», и на решете, и на яйцах, и на иглах, и на воске, и на свинце, и в зеркале, и на воде, и на бобах, и всякий раз выходило одно и то же — месяц, змея, ложная весть, спор и наказание...

— Правильно! — гаркнул Жихарь. — Скоро месяц уже, как из-за твоей, змея, ложной вести у нас сплошные споры и наказания!

— Все-таки не допекла я тебя в свое время, — сокрушенно сказала Армагеддоновна. — Головку не прожарила как следует... Вот ты и получился без понятия...

— Да ладно тебе! Рассказывай лучше, что разузнал еще Симеон... Бабка только руками всплеснула:

— Да он не лучше тебя! Бегает быстро, а в чертежах земных разбираться не умеет! Я его наугад посылаю, во все четыре стороны. И по всей земле, оказывается, одно и то же — люди сдурели, осмелели, оставили страх и сами себе непрерывно вредят. Только у нас и остался какой-то порядок под твоим, княже, руководством...

— Да, — кивнул Жихарь. — Без меня бы вы давно уже друг дружке головы пооттяпывали... И остался бы я, когда Смерть воротится, княжить над покойниками, как тот Наволод...

— Ага! — ухватилась за слово гувернянка. — Значит, веришь ты сам, что вернется прежнее время! Тогда не все потеряно!

— Как же не верить, — вздохнул Жихарь. — Только и осталось, что верить и надеяться...

— И любить! — подхватила старушка. — Княгиня тебя из смертного сна вытащила — теперь ты ее, как хочешь, вытаскивай! Не стой на месте, что-нибудь делай! Ищи Беломора — у него все концы!

— Далековато, — сказал Жихарь и посмотрел в небо. Потом кликнул Колобка и пошагал в кабак за новостями.

Новостей было много, но все какие-то бесполезные и страшные.

Прибавилось и народу — приковылял из Гремучего Вира Мутило, прилетел Демон Костяные Уши. Жихарь как-то холодно поприветствовал их и сразу подошел к Яр-Тур.

— Все про тебя знаю, брат, — сказал он. — Как же ты не уберешься? Что же у тебя теперь на сердце делается? Скучно в Навьем Царстве, тоскливо и пыльно...

— Здесь не веселее, уверяю вас, сэр Джихар, — равнодушно сказал Яр-Тур. — Только вы один и сохраняете какие-то остатки жизни...

— Достойный Яо Тун, видимо, не был знаком с «Наставлением полководцу», начертанным великим Тай-Гуном, — вмешался Лю Седьмой. — А там говорится: «Не позволяйте себе умереть, ибо вы облечены огромной ответственностью...»

— Король не имеет права прятаться за спинами своих рыцарей, — возразил Яр-Тур.

— Все! — Жихарь хлопнул по столу, призывая к тишине.

Потом встал и обстоятельно доложил о своем странствии в Навь. Колобок постоянно поддакивал — добавить от себя ему было нечего, колобочья Навь людям не нужна...

— Теперь вас послушаю, — сказал Жихарь. — Говори, братка.

— Сэр Демон привез весть от моего наставника Мерлина, — сказал Яр-Тур. — Все друиды ищут выход из наших тяжелых обстоятельств. Кажется, им удалось решить вопрос с размножением...

Мудрецы и герои вытянули шеи: неужто снова станет возможно ласкать подруг и плодить наследников? Более всех обрадовался молодой Кощей.

— Пока что опыты проведены только на овцах, — охладил владыка Камелота разгорячившиеся было умы и мечты. — У овцы по прозвищу Долли отрезали кусочек мяса и вырастили из него в особом сосуде точно такую же овцу... Когда этот способ доведут до совершенства, можно переходить и к людям...

По кабаку тяжело протопало общее разочарование.

— Ясно, — кивнул Жихарь. — Настрогаем себе уйму близнецов, а дальше что?

— Это лучше, чем ничего, — сказал король. — По крайней мере, мои люди сделали все, что могли.

— Запретить к человекам собачьим такие опыты! — выкрикнул Мутило. — Под водой и так становится нечем дышать — водоросли побурели, никто никого не жрет, икра без пользы пропадает, хотя и не портится... Уже и ракам сделалось тошно жить: ходят вперед головой для разнообразия! Не озеро, а живое кладбище!

Жихарев тесть, Перебор Недосветович, прокашлялся.

— Тут мне Апсурда моя передает, что придумала выход, — сказал он и переждал гул неодобрения — чего хорошего можно ждать от злодейки и отравительницы? — Надобно наварить побольше сонного зелья, пока сохранился еще кое-какой сок в травах. Потом по команде нахлебаться всем и уснуть и так во сне дожидаться, пока кто-нибудь все наладит...

— Узнаю любезную тещу, — сказал Жихарь. — А пока мы будем спать в ожидании героя, крысы да вороны нас обгрызут и расклюют — не с голодухи, а по привычке.

— Неглупый ход, — сказал посланец от варягов. — Наши колдуны решили сделать примерно так же: всем уйти далеко на Север, в Йотунхейм, пробить большую прорубь и заморозиться во льду до лучших времен...

— Узнаю горячих варяжских парней, — усмехнулся Жихарь. — Покуда Смерть была — ее не боялись, а без нее растерялись. Передай своим: задумали не дело, никто вас потом изо льда выколупывать да размораживать не станет, разве что белые медведи. Во льду только Мозголомную Брагу следует держать, чтобы шла веселей...

— Котел, кстати, заклепали, — доложил Окул Вязовый Лоб. — Мозголомку наловчились пропускать через древесный уголь...

— Да, неумна мысль человеческая! — сказал богатырь. — Забирает еще мозголомка-то, греет кровь?

— А проверь... Только гнать скоро станет не из чего, старая бражка кончается...

— Тем более, — многозначительно поднял палец Жихарь. Проверять, конечно, стали все вместе.

Снова собрание распалось на двойки-тройки, заговорили о постороннем, а король Яр-Тур, тоскуя по родине, в который раз потребовал от Рапсодища спеть трогательную эльфийскую балладу.

Рапсодища долго уговаривать не надо.

О Танкодром! Электродрель!
Люби, Адель, мою свирель!
Бери, Адель, свою шинель,
Пошли домой скорей отсель,

Туда, где наша цитадель,
Где всех перворожденных цель
Сияет в бурю и в метель,
Где сто вторая параллель,
Где в допель-кюммель брошен хмель!
К ручьям, где плещется форель,
К морям, где плавает макрель,
Где королева Нонпарель
Сучит прозрачную кудель,
Где звездный варится кисель,
Где слышна жаворонка трель,
Где коростель и свиристель
Трубят в одну виолончель,
Где ночью мадемуазель,
Надев зеленую фланель,
Легко, бесшумно, как газель
Иль даже Сильвия Кристель,
Выходит на свою панель,
Чтоб путника увлечь в мотель!
В угоды, где сельхозартель,
Объединенная в картель,
Выращивает каротель
И тянет, тянет канитель...

— Сейчас струны порву! — посулил Жихарь.

Рапсодище проглотил оставшиеся слова и принялся утешать рыдающего Яр-Тура.

— Разнесу я всю деревню до последнего венца! Не пой, сын, военных песен, не расстраивай отца! — пояснил богатырь свою суровость. И в который уже раз потребовал тишины: — Думайте, думайте, не отвлекайтесь! Вот вы, господа нежить, что можете предложить? Какие среди вас ходят толки?

Мутило и Демон подняли головы.

— Мы-то нежить, — вызывающе сказал водяник, — зато вы теперь — несмерть! Из нас душу не исторгают, поскольку нечего исторгать. Мы уж как-нибудь докоптим, дотлеем... Но и нам такое существование не в радость! А Смерть — дело живое, человеческое, мы в нем не помощники.

— Ну, — подтвердил Демон. — Сами упустили — сами ловите.

— Ладно, блин с вами, — хмуро сказал многоборский князь. — Подойдем к нашей беде с другого конца. Надо найти Беломора! Как

его занесло на Луну? Всех ли опросили про его уход? Может быть, кто-то что-то видел? Не пешком же он туда ушел?

— Да весь город перетрясли, князь-батюшка! — ударил себя кулаком в грудь кузнец Окул. — Никто ничего, и скарб его весь на месте, только чародейного посоха нет.

— Верно, — вспомнил Жихарь. — Колобок его там видел как раз с посохом...

— Да чего я там видел, — проворчал Гомункул. — Это не я видел, а тот Колобок, который тебе снился...

— Помалкивай — и так народ в отчаянии! Стало быть, надо и нам отправляться на Луну, на ясный Месяц. По небесным странствиям у нас главный — Демон Костяные Уши. Сказывай, летает ли ваша братия туда?

— Холодно, — сказал Демон. — Сам знаешь. На свадьбе. Хотел невесте подарить Луну с неба. Дальше не помню.

— Ну, холод — не беда. Ты думаешь, у нас на многоборском престоле дураки одни сидят? Я же тулуп надену, валенки, рукавицы... Да и полечу с утра, пока солнышко пригревает.

— Тулуп, — хмыкнул Демон. — Смешно.

— Подняться на Луну можно с помощью гиппогрифа, — подсказал король Яр-Тур. — Это существо наподобие крылатого коня, но не Пегас...

— Гиппогрифу — тоже тулуп! И четыре валенка! Там дышать не-ту-у! — сказал Демон и выпучил глаза, как бы задыхаясь.

— Тогда и крылья не помогут — ими в превыспренних сферах нечего загребать, — вздохнул кузнец. Он, как и большинство других кузнецов, втайне мастерил крылья и по ночам, нацепив их, прыгал с бани. — А вот с морозом справиться можно...

— Как?

— Очень просто и дешево: надо перечислить тридевять лысых, чтобы мороз на тридевятую плешь перевести... Сразу потеплеет...

Тут мудрецы и герои обрадовались и наперебой стали припоминать всех знакомых плешивцев, насчитали их сотни три и только тогда опомнились: вверх-то не упадешь...

— Луну поймай надо, — сказал Сочиняй-багатур. — Все веревка собирай, один аркан плети. Сочиняй кинет, а Жихарь подтяни ее сюда...

— Да, нам еще потопа для полного счастья не хватало, — скривился водяник. — Вы на земле живете и ничего не знаете, а в озере-то очень даже чувствуется, как Луна воду на себя тянет!

— Стебли некоторых священных растений из семейства бобовых способны дорасти до Луны, — задумчиво сказал Лю

Седьмой. — Именно так попал туда мистический заяц, который толчет в ступе средство для достижения бессмертия. Но коль скоро плодородие утрачено, то и этот способ не годится...

— Ведь Беломор попал же, — настаивал Жихарь. Сам он в это не слишком верил, но ведь надо людей воодушевить... Да и прославиться можно напоследок... — Эй, Колобок, ну-ка подтверди!

Но Гомункул не откликнулся.

— Понятно, — сказал Мутило. — Промолчать ему, премудрому, стыдно, а сказать нечего. Вот он и укатился...

Жихарь некоторое время еще выслушивал советы, один дичее другого (Кот и Дрозд, например, предложили, чтобы Армагеддонова еще разок сунула Жихарку в печь на лопате — глядишь, и проявятся способности Супермена), потом вдруг понял, что сидеть они здесь будут и колотить языками до конца времен.

— Довольно мечтать! — воскликнул он. — У нас одна задача — найти Беломора. На Луне ли он, ко вдовушке ли которой поджегился — не важно. Важно проследить его путь из терема...

— Сто раз тебе говорил, — досадливо прохрипел кузнец. — Домовой в ту ночь не сторожил — всю ночь гонял Чубарого. Дворовой просто ничего не помнит, у него память как у этого... как его...

— Домовой, дворовой... А часовые-то где были? Или вы их выставляете только при мне?

— Так часовым он глаза отвел!

— Это он может, — согласился Жихарь. — Только к чему такие тайны напускать? Он же не Мара-конокрад!

— А ушел босиком...

Дверь в кабак так и не навесили, поэтому Колобок с княжнами влетели туда внезапно.

— Что такое? — возмутился Перебор Недосветович. — Место ли княжеским внучкам в кабаке? Тут и пьют, тут и всяко... Думай, круглая голова, что делаешь!

Ляля и Доля смущенно остановились. Они держались за руки, а Колобок сидел у них словно на качелях и очень радовался.

— Известно, что именно ребенок крикнул: «А король-то голый!», — сказал Колобок. — Только детская непосредственность и невинность укажут нам правильный путь! Говорите, конопатые!

Конопатые молчали.

— Здорово их гувернянька воспитала, — сказал Жихарь. — Знают, что при живом отце можно говорить только с его соизволения. Соизволяю!

— Батюшка, батюшка! — прорвало Лялю и Долю. — А мы ведь той ночью деда Беломора видели, только сказать боялись!

— И чего же вы боялись? — нахмурился гроза-отец.

— Что накажут!

— За что накажут?

— А за то, что встали среди ночи! А мы всего-то и хотели Апокалипсии Армагеддоновне приклеить, пока спит, усы из пакли! А что она анфанами терриблями обзывается! А пакля в сарае! А сарай на дворе!

— И что?

— Видим — идет по двору дед Беломор, весь в белом, и посохом вот так делает! Вы куда, спрашивает! Мы повинились про паклю. Он нашу затею похвалил, еще подсказал, как покрепче клей заварить, чтобы на всю жизнь... А мы его спрашиваем: а ты куда? А дед Беломор отвечает: куда-куда — на Луну! Мы подумали, он шутит! А он идет да идет! Мы ему еще помогли через забор перелезть, мы знаешь какие сильные! Мы запросто перелезаем! И мы его до самого леса проследили... У него, наверное, в лесу штаб, как у мальчишек, или он там секретики закапывает...

— А потом?

— А потом в лесу кто-то как заухает! А мы домой побежали!

— Добро, — сказал счастливый отец. — Место, где он входил в лес, запомнили?

— Запросто!

— Покажете?

— Хоть сейчас...

— Мо-лод-цы! То есть я имел в виду — де-ви-цы! Будет вам впоследствии гостинец, а часовым — другой гостинец, уже не такой сладкий. Да, я про главное забыл: усы-то приклеили?

— Нет, батюшка! — заревели близняшки. — Лялька, дура, горшок с клеем опрокинула! Долька, дура, свечку уронила! У гувернянки подушка загорелась, а мы из ее светлицы убежать не можем — к полу прилипли!

— Вот оно, утешение отцовское! — объявил Жихарь. — Вот она, отрада дедовская! Я так когда-нибудь из похода на пепелище вернусь! Перебор Недосветыч, мог ли ты вообразить, что вот такие умирительные чада твою старость покоить будут!

— А ведь еще младенец вырастет! — в ужасе сказал княжий тесть. Жихарь насупился.

— Если вырастет... Теперь в лесу и лучший охотник не найдет следа. Ясно, что у Беломора там был спрятан какой-нибудь летучий корабль. Или ручной огненный змей. Неклюд, пока у нас жил, в тереме не волхвовал, а вот в лес отлучался частенько...

— След всегда можно найти. Хоть год. Хоть десять, — неожиданно прогудел Демон Костяные Уши. — Собака не возьмет. Я возьму.

— Да, сэр Джихар! — вскочил король Яр-Тур. — Мы бы и сами могли догадаться! Помните, как сэр Демон выследил нас в каменной пустыне, среди тумана? Чтобы спасти от голодной смерти?

— Ну, Демон, — сказал Жихарь. — Ну, благодетель! А еще говорил, что от тебя толку нам не будет! Тогда пойдем, господа побратимы!

— Надо его запах. Рубаху. Сапог, — потребовал Демон.

— Портяночка лучше всего подойдет! — подсказал Мутило, возревновавший к чужому успеху — к тому же еще и представителя другой стихии.

Собирались быстро, но с умом. Нашли и портяночку Беломора, набили дорожные мешки, проверили оружие.

— Нет, — сказал богатырь, когда из кабака высыпали все гости. — Пойду только я с побратимами. А вы сидите и ждите.

Посланец от варягов, которого звали Аскольд Волосатая Кобра, счел было отказ за оскорбление, но Жихарь отвел варяга в сторонку и нашептал ему на ушко, что, дескать, он, Аскольд, из всей толпы один настоящий воин, и многоборский князь может доверить порядок только ему. Потом богатырь отловил Армагеддоновну и велел проследить, чтобы не увязались Ляля и Доля.

Собирались быстро, но на проводы заявился чуть ли не весь город.

Жихарь поднялся на крыльцо и сказал:

— Многоборцы и гости нашего княжества! Может, мы вернемся еще до ночи, может, вовсе не вернемся. Прошу об одном: живите, как при мне жили, утром вставайте, вечером ложитесь спать. Даже в шутку не деритесь — всякая рана впоследствии может открыться. Не забывайте садиться за стол, подъедайте старые припасы, потому что свеженины пока не предвидится — сами видите, нынче даже свиные отбивные со сковороды убежать норовят. Храните себя для светлого будущего, в которое приказываю верить. Кот и Дрозд, берегите детей. Соберите по деревням народ, запируйтесь в городе и никого не пускайте. Мало ли кто в такие времена по дорогам шляется! Господа дружина! Разъезжайтесь по заставам, перекройте все пути в Многоборье, как полагается при моровом поветрии. У дружинников за старшего будет Окул, и не спорить! Сочиняй, передай Окулу свою ханскую бляху, пусть степняки в случае чего будут с нами заодно. Гостей ни в чем не неволю — кто хочет, уезжай восвояси, кто хочет — оставайся. Бабура, заколоти досками дверь в кабак! Юноши

и девушки, берегите стариков и наоборот! Не озорничайте, не время! Потом натешитесь!

— А будет ли «потом» — как мы узнаем? — спросили из толпы.

Сперва Жихарь хотел отрубить себе мизинный палец и приколотить его над княжеским крыльцом — мол, если кровь закапает, стало быть, мы победили. Но даже мизинца стало ему жалко.

— А так, — сказал он. — У нас самый ярый да чувствительный кто? Младой Кощей. Он это первым почует. Как только он какую девку за белую грудь ухватит — значит, жизнь налаживается!

— Ничего себе барометр! — сказал Колобок. Пока Жихарь возвещал свою княжескую волю, настырный Гомункул вскарабкался ему на шею и начал прилаживать свою сбруйку.

— Да уж оставался бы тут, — сказал богатырь. — Мы, может, на верную гибель... Тьфу ты!

— Не на гибель, а за гибелью, — поправил его Колобок. — Как же мне не пойти? Я ведь только на Луне и не бывал, хотя и пробовал туда доехать с оказией. Да только меня не взяли, мол, в невесомости крошки могут попасть в дыхательное горло...

— Зверье, — сочувственно сказал Жихарь, повернулся и побежал в дом.

Карина чему-то улыбалась во сне. Безымянный сын посапывал рядом. Ляля и Доля сидели на лавочке, опасно притихнув.

— Я скоро, — сказал богатырь. — Ты не думай, я обязательно вернусь... Ты откроешь глаза, а я уже тут...

— Колобок, береги батюшку. Батюшка, береги Колобка, — прошептали Ляля и Доля.

Жихарь поцеловал всех и вышел. Что бы ни ждало его на следу Беломора, он решил без победы домой не возвращаться. Так жить никакого сердца не хватит.

...Демоны, как и водяники, не умельцы ходить по земле — крылья мотаются за спиной и мешают сохранять равновесие. Демон Костяные Уши еще и пригнулся к самой траве, громко сопел, принюхиваясь. Время от времени он поверял себя с помощью портянки. Хвост его ходил из стороны в сторону. Когда уходили, Мутило не удержался и вдогонку посоветовал надеть на следопыта поводок, так их еле растащили.

Да и сам Жихарь то и дело себя осаживал, чтобы не сказать какую-нибудь глупость вроде: «Ищи, ищи! Умница!» Демон то и дело запинался за всякие корневища и утыкивался рылом в землю. Потом Жихарь и Сочиняй по очереди просто тащили его на руках с наклоном вперед, как слепец палку. Бедный Монах и Яр-Тур молча шли

сзади. Помалкивал и Колобок — видно, его на ремнях убаюкало. Уже начало вечереть.

А ведь можно просто-напросто сбежать во Время Оно, думал богатырь. Место в развалинах он запомнил, заклинание тоже. Забрать семью и податься туда.

Там-то наверняка все по-прежнему. Живут, а потом умирают. Иаков всегда приютит, да и в Вавилоне ему рады будут... Нет, в Вавилоне вряд ли, Вавилон они ограбили так, что за тысячу лет не забудется... Но жарко там, в песках, и водоносного платка больше нет. И друзей старых нет. Яр-Тур туда наверняка не пойдет, он сказал, что вернется в Камелот в любом случае. А в Столенграде люди станут ждать. Потом забудут, кого и чего ждут, потом даже имен своих не вспомнят. Высохнут до костей и будут бессмысленно бродить по улицам...

— Спишь, человек полосатый! — гаркнул Демон. — Пенек!

— Ой, прости! — очнулся Жихарь и понял, что пенек вовсе не он, а настоящий пенек — об него и стукнулся Демон.

Они шли через осыпавшийся ельник. Над самыми верхушками голых деревьев висела Луна, идущая на ущерб. А в Нави она была полная...

— Все, — сказал Демон. — Пришли. Ставь на лапы.

Перед ними едва возвышался холмик, закиданный ветками. Но хвоя давно опала, под ней обозначились доски, и стало понятно, что это всего-навсего землянка.

Жихарь толкнул дверь. Она была заперта изнутри. Значит, не выходил оттуда неключ.

Богатырь отошел, чтобы с разбегу вышибить дверь, но Сочиняй-багатур опередил его — поковырялся кинжалом да открыл засов.

— Прощайте, — сказал Демон. — Сынам эфира нельзя под землю.

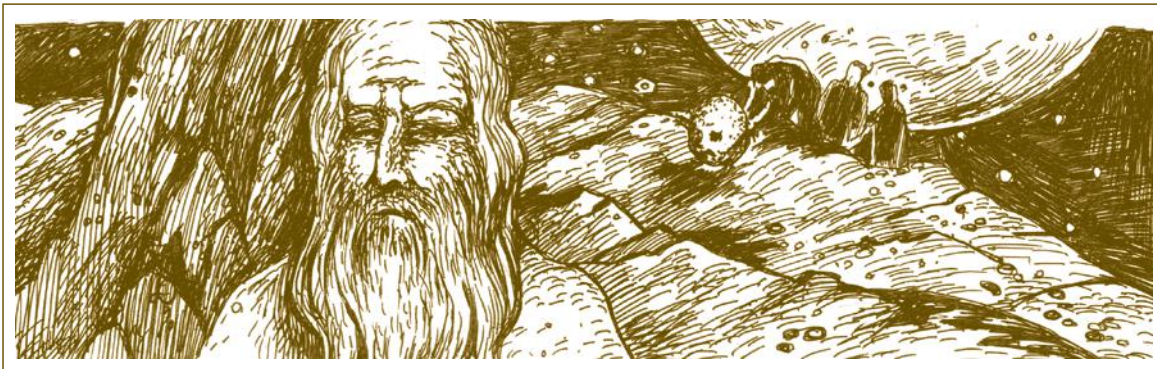
Жихарь хотел ответить ему что-нибудь хорошее, но суровый дух изгнания резко взметнул крыльями хвою и через мгновение уже обозначился густой черной тенью на лунном диске.

— Сынам эфира нельзя, — сказал богатырь. — А вот я, как проклятый, как рудокоп, из-под земли не вылезаю. То Бессудная Яма. То Адские Вертепы. То вавилонские темницы. То курган-могила.

— Земля символизирует материнское чрево, — зевая, сказал Колобок. — А также хтонический мир, населенный чудовищами...

Вниз уходили земляные ступеньки. На досках двери с обратной стороны был грубо намалеван знак — красная стрела, указывающая на белый серп.

— Если я что-нибудь понимаю в символике, — сказал король Яр-Тур, — то этот подземный ход ведет на Луну...

ГЛАВА 6

*— Я видел... я видел: на хромом зайце ехал борода-
тый старик без макушки, шибко, шибко, шибко,
оставил свою гору, оставил чужую, оставил со-
рочью гору, оставил снежную и переехал за ледя-
ную, и тут сидел другой старик с белою бородой
и сшивал ремнями дорогу, а с месяца свет ему ка-
пал в железный кувшин.*

Николай Лесков

«И на Луне, поди, люди живут», — думал Жихарь. Он шел впереди, а Колобок, наклонившись вперед, освещал фонариком дорогу — отрабатывал свое участие и бесплатную езду на богатырской шее.

Ход был узкий и низкий, не укрепленный, земля влажная и тяжелая. Жихарю и Яр-Туру приходилось нагибаться, потому что даже Лю Седьмой и Сочиняй-багатур то и дело чиркали макушками по потолку, и каждый раз все замирали и останавливались в тревожном ожидании — не осыплется ли земля спереди или сзади.

Понятно, что не Индрик-зверь прокладывал этот ход — походил он скорее на подкоп из темницы.

Особенно неуютно было Сочиняю, привыкшему к степным просторам.

— Там должно быть все необходимое для жизни, — утешал спутников Бедный Монах. — Там встретит нас лунная богиня Гуань-Инь,

проведет во дворец, а священный заяц поделится содержимым своей ступки — толченой травой бессмертия...

— Как-нибудь приспособимся, — сказал Жихарь. — Человек везде приспособливается. Даже нежить и та на чужбине умеет устроиться...

— Да, уж эти ребята нигде не пропадут! — засмеялся Колобок. — Мне давеча рассказывал домовый, что после твоей свадьбы несколько многоборских Банников, у которых еще своей бани нет, а работают они на подхвате у старших, увязались за королем, решив поискать счастья в Туманном Альбионе...

— Сэр Хонипай, никто за мной не увязывался! — воскликнул Яр-Тур. — Если бы я кого и взял с удовольствием, так это сэра Окула, но он остался верным своему повелителю...

— Вы, ваше величество, захватили с собой березовый веник, — пояснил Колобок.

— Да, Мерлин просил меня привезти несколько многоборских диковин...

— Вот они в венике и устроились — много ли им места надо, — продолжал Гомункул. — Ну, приехали. Кругом все чужое — эльфы, гоблины, лепрекуны, феи, сиды... Народ гордый, чопорный, на ваших смотрят свысока. Ни в один клуб не записывают, на чашку чая не зовут. Кличут нежелательными иностранцами. Самое неприятное — что жить негде, не складывают тамошние жители баньки, не знают такого искусства, моются изредка...

Яр-Тур закашлялся.

— Достойный Гомункул, я, конечно, признаю, что Логрия при мне далека была от совершенства, — сказал он. — Тем не менее в Камелоте любой путник имел возможность получить бочку горячей воды для омовения после долгой дороги и кровавых подвигов. Я сам стоял у входа в Зал Круглого Стола и проверял чистоту рук и ногтей у рыцарей. Иногда в такую бочку удавалось запихать даже сэра Белианса Надменного. Для этого кому-нибудь из рыцарей приходилось вызвать его на поединок. Если сэр Белианс проигрывал, он погружался в воду без всяких возражений... Не надо представлять моих подданных дикарями!

— Язык у тебя... — покосился Жихарь на Колобка, но тот не унимался:

— Словом, жить негде. Ни в домах, ни в холмах, ни под мостами, ни при ручьях, ни на мельницах — везде все занято. И никакого дела себе найти не могут, а без дела нечисти и нежити жить никак нельзя, надо либо приносить людям пользу, либо вредить, либо шутки над

ними шутить. У банников какие шутки — разве что запарить кого-нибудь до смерти или шкуру ободрать. И назад дороги нет, там же остров. За перевоз платить нечем, и домой возвращаться с позором неохота. Но не таков многоборский банник, чтобы пропасть ни за грош.

Долго они думали и придумали наконец заделаться провозвестниками Смерти... Они же все, мохнатики, ее чувят загодя. Подходят ночью к дому или там к замку и начинают вопить по-черному...

— Вы говорите о баньши, сэра Хонипай?

— Ну да — в такое слово там здешних банников переделали. А жить они устроились в кустах и зарослях. Если человек там заплутает, они его жаром опыхивают...

— Верно, баньши в наших местах появились сравнительно недавно, — сказал Яр-Тур. — И накануне последнего сражения я слышал их истошные вопли. По крайней мере хоть такая память останется о несчастном логрийском короле...

— О многоборцах везде идет добрая слава, — гордо сказал Жихарь. Потом понял, каково сейчас побратиму, и спросил осторожно: — Как же у вас до усобицы дошло? Чего не поделили?

— Это долгая история, сэра брат...

— Так ведь и Луна не близко! К слову, давно уж пора нам передохнуть и подкрепиться... Смотри-ка — дома через силу глотал, а тут так и сосет в животе...

— А я еще давно ни один жена не видел, — ни с того ни с сего вспомнил Сочиняй-багатур.

— Это хорошо, — сказал Колобок. — Значит, земные законы теряют свою силу. Мы на верном пути!

Они остановились, уселись вдоль стены, причем Жихарь долго не мог пристроить ноги.

— А чарка-то как весело пьется! — сказал он через некоторое время.

— Значит, кончилось межеумочное состояние! — воскликнул Бедный Монах. — Мы снова смертны, и заячье снадобье нам пригодится!

— Если и вправду есть там отмогильное зелье — непременно найдем его для тебя, братка! — загорелся Жихарь. — Но вот сам я его даже не пригублю. Незачем зря Смерть обманывать...

— Было бы кого обманывать... — вздохнул Колобок.

— Вы очень любезны, сэра Джихар, — сказал Яр-Тур. — Но мой земной путь, увы, пройден, и держусь я из последних сил. Если земная Смерть меня не берет, то, возможно, ее лунная сестра...

— Нет, — сказал Колобок. — Ты ранен на земле. Лунная Смерть не должна иметь к тебе никакого отношения...

— Ступайте дальше без меня, не хочу быть обузой. Сон одолевает меня...

— Ну поспи... Мы подождем... — неуверенно сказал богатырь.

— Нельзя поспи! Никуда подожди! — крикнул Сочиняй. — Надо кургуз-трава жевать, Сочиняй захвати!

Степной хан вытащил из-за пазухи пучок сухих стеблей и через Бедного Монаха передал зелье королю. Бедный Монах понюхал траву, одобрительно кивнул и от себя прибавил какой-то бурый шарик.

— Пепел Феникса, — пояснил он.

Но Яр-Тур уже вовсю спал, и снадобья пришлось впихивать в него силой.

— Вот, запей для верности, — сказал Жихарь, когда побратим открыл глаза. — Вздумал покинуть товарищей на половине дороги!

Яр-Тур потрянул головой.

— В самом деле, я действительно чувствую прилив сил!

— А то! — сказал Жихарь. — Ты рассказывай, рассказывай — потом, может, поры свободной не выпадет...

— Что ж, — начал Яр-Тур. — Я уже писал вам, сэр брат, что королева Джиневра никак не могла принести королю Артуру наследника, что весьма одного огорчало. И Мерлин вызвался помочь этому горю с помощью нездешних лекарей, и король Артур сказал ему: «Грамерси». И Мерлин взял королеву за руку, и они исчезли, и это было весьма удивительно, так что все высокородные дамы и доблестные рыцари немало тому дивились. И Мерлин с Джиневрой отсутствовали три месяца, вернувшись только к Уинстонову дню.

А когда они вернулись, увидел король, что Мерлин горько плачет, сокрушаясь о своей неудаче, а королева Джиневра одета в мужские штаны синего цвета и вязаную из шерсти рубаху, словно деревенская девка с распущенными волосами.

— Моя прекрасная госпожа, — сказал король. — Немедля ступайте к себе и облачитесь в подобающие одежды, ибо не должно королеве быть одетой таким образом, да еще в Уинстонов день.

— А я не назову, — она отвечала, — вас своим господином, потому что вы грязный мужской шовинист и нарушитель прав человека. Вы смотрите на женщину, как на сосуд для деторождения, а между тем у нее такие же права, как и у вас! Когда мне заблагорассудится, тогда и будет у меня ребенок от того, кого я выберу ему в отцы!

— Тогда, — говорит король, — отправляйтесь отсюда прочь к своему отцу, королю Лодегрансу, ибо не хочу я вас больше видеть!

— В таком случае, — отвечает Джиневра, — я отсужу у вас и замок Камелот, и Карлион, и Лондондерри, и Оркнейские острова, и даже Фолклендские, хотя вы о них еще слыхом не слыхивали! Немалыми покажутся вам такие алименты! Остальное вам объяснит мой адвокат!

Такие неслыханные речи привели короля в великий гнев, и он обратился к Мерлину:

— Напрасно сказал я тебе тогда «Грамерси», ты обманул меня — королева не только не излечилась от бесплодия, но и впала в безумие! Позор тебе!

— Господин, — сказал Мерлин, — напрасно ты гневаешься. Королева прошла курс лечения у лучших врачей Калифорнии и совершенно готова подарить вам наследника. И дали мы ей все снадобья, какие только можно было закупить за золото и серебро. Но потом ей вздумалось посетить двор тамошнего короля, сэра Президента Республиканского, где принимали ее с великими почестями, которые будут существовать в те времена. О ней говорили и писали не меньше, чем о несчастной принцессе Диане, а сэр Майкл Отмытый Добела даже сложил в ее честь песню, сразу ставшую хитом сезона. Только нравы, порядки и законы, существующие в этом королевстве, настолько отличны от наших, что даже более могучий ум может смутиться. Окружите ее лаской и любовью, и, уверяю вас, все встанет на свои места.

И король успокоился, и простил супруге дерзкие речи, и отпустил ее с миром, велел при том своим рыцарям искать по всем дорогам сэра Адвоката Алиментского, дабы вызвать его на поединок.

Мы же теперь обратимся к королеве Джиневре. Она собрала своих придворных дам, чтобы рассказать им о том, как прекрасно живут женщины в королевстве Президента, и дамы пришли в великий восторг, и постановили завести в Камелоте такие же порядки. Король же тем временем уехал со своими рыцарями в Бенилюкс, чтобы завоевать там все герцогства и графства.

Когда же они вернулись, все в Камелоте было уже устроено по-новому, так что королевский сенешаль сэр Кэй впал в совершенное отчаяние. Дамы скоро объяснили вернувшимся мужьям и возлюбленным, каковы их подлинные права и обязанности. Сколь ни пытался мудрый Мерлин изгнать из королевства злого духа Феминизма, ничего не помогало. Восторжествовало повсюду Правовое Государство.

Отныне доблестный рыцарь не только не осмеливался нанести своей даме поцелуй, но и просто подать руку без того, чтобы его

не обвинили в самых низменных и позорных домогательствах и не наложили за то огромный выкуп.

Даже невинная шутка влекла за собой тяжелые последствия и поединки, первой жертвой которых пал известный сэра Дайнадэн-Шутник.

И рыцари ходили по Камелоту молча, ибо дамы наложили на них обет Политической Корректности, по которому нельзя было называть подлеца подлецом, вора — вором, разбойника — разбойником, ведьму — ведьмой, людоеда — людоедом. И говорили про безумца: «Он неадекватен», и величали главаря разбойничьей шайки «полевым командиром», а саму шайку — «вооруженным формированием», ведьмы стали «народными целительницами», людоеды — «лицами, практикующими каннибализм». Чернолицего арапа отныне называли «афробританцем», и даже самый обычный дурак стал теперь «представителем интеллектуального большинства».

И не мог Артур развестись с супругой без веской причины, потому что адвокаты забрали в королевстве великую силу. И пришел за советом к Мерлину, и Мерлин сказал:

— Клин клином вышибают. Надобно нам найти рыцаря без страха и упрека с тем, чтобы королева в него влюбилась и учинила вам измену при свидетелях. С этим можно выходить против самого лютого адвоката!

— Но, — сказал Артур, — это же будет великою порухой моей супружеской чести! Вряд ли кто из Рыцарей Круглого Стола согласится на такое.

— Не печальтесь, рыцарь будет мнимый, — отвечает Мерлин. — Ехал к вам на службу некий сэра Ланселот Озерный, но не доехал, потому что его похитили феи. Мы воспользуемся его именем, доспехами и грамотами.

— Но, — сказал Артур, — кто же наденет эти доспехи?

И сказал ему Мерлин так:

— Сэр, возвеселитесь духом, ибо у вас нет и не будет причины к унынию. Вы сами и станете совершать все деяния под именем Ланселота. Я с помощью волшебства устрою все так, что вы сможете незримо переноситься из одних доспехов в другие, и дам вам другое лицо и другой голос.

И король Артур согласился, и это было началом конца его королевства, ибо сын его сестры Морриган, злобный выродок Мордред, под видом борьбы за честь своего дяди...

Тут Яр-Тур замолчал и закрылся рукавом...

— Ну, ясно, — сказал наконец Жихарь. — На этих волшебников только положись... Поднимаемся, друзья, потопали дальше...

Больше никто ничего не сказал, даже Колобок.

Жихарь вспомнил о давней встрече с мрачной и прекрасной сестрой Яр-Тура, и его передернуло от давнего стыда и сиюминутного ужаса.

Ход сделался еще уже и ниже. Жихарь, как ни пригибался, стал все чаще задевать за своды, а потом сообразил, что движется вприпрыжку...

— Стой, — велел он. — Что-то не так...

— Легко иди, как верхом скачи, — сказал замыкающий Сочиняй.

— Земля совсем утрачивает власть над нами, скоро ее сила уравновесится с лунной, — предположил Лю Седьмой.

— Понял! — закричал Жихарь. — Помнишь, братка, как мы с тобой наелись перелет-травы и ноги более не трудили?

Через несколько шагов он почувствовал, что тело совсем утратило вес.

— Делай, как я! — с этими словами богатырь нырнул вперед, оттолкнулся руками от стенок и полетел дальше.

— Осторожно! — вопил Колобок. — У тебя навыка нет!

Но Жихарь, а за ним и остальные побратимы вдруг позабыли про все на свете, превратившись в легкодумных озорников, несущихся с ледяной горки к обрыву. Любое касание бросало тело то на пол, то на стенку, то на потолок, но правила движения выработались сами собой.

— Р-разойдись — зашибу! — предупреждал богатырь всех возможных встречных. Колобок перебрался к нему на загривок, чтобы свет фонарика видели остальные.

— За Камелот! За добрую старую Англию! — вторил богатырю Яр-Тур.

— Вань-суй! Вань-вань-суй! — распевал Лю Седьмой.

— Ёкаргана! — визжал Сочиняй-хан. Он попытался перегнать для начала Бедного Монаха, но ход был слишком тесный.

Полет все ускорялся, и Жихарь даже придумал, вернувшись домой, соорудить для сына с товарищами похожую забаву: надолбить из бревен желобов да пустить по желобам воду, да на эту водяную горку забираться и стремительно скользить, упавая под конец в пруд, чтобы вышло много крику и радости...

Потом все повторилось в обратном порядке — ход расширился, ноги стали потихоньку тяжелеть.

Наконец впереди показалась такая же, как на входе в землянку, дверь, только распахнутая.

В проем полезли все четверо, слегка придавив Гомункула. Внизу лежала Луна — такого же бледно-голубого цвета, какой видится с Земли. Луна была усыпана камнями и скалами, холодными даже на вид. Побратимы глядели на нее, словно с крыши терема.

— Высоковато, — сказал сплюснутый Колобок.

— Аркан имеем, — нашелся Сочиняй, снял с плеча моток сплетенной неведомо из чего веревки. Тот конец, который с петлей, он сбросил вниз, а другой пропустил в дверную скобу и привязал хитрым узлом. Потом отодвинул плечом Жихаря и начал спускаться так ловко, словно был горным, а не степным жителем. Остальные наблюдали. Сочиняй достиг каменистой поверхности, подпрыгнул выше своего роста, медленно опустился, огляделся, выбрал торчащий, словно палец, камень, обернул вокруг камня петлю, затянул и без труда опрокинул камень набок, чтобы аркан не соскользнул.

— По одной ходи! — предложил он.

Наконец четверо людей и один Гомункул оказались на Луне и сразу принялись совершать огромные прыжки и даже кувыряться.

— Дураки, ноги поломаете! — строжился Колобок.

Небо над ними было совсем черное, звезды с горошину, а вместо Луны в нем висел голубой с зеленым кубарь.

— Это наша Земля, — сказал Лю Седьмой. — Странно, ведь Земля квадратная, а небо круглое... Неужели совершенномудрые ошибались? Поверят ли этому ученые мужи из Отделения четырех дверей при Университете сынов отечества? Не лишат ли меня звания Мужа обширных познаний?

— Хорошо-то на Луне как! — сказал Жихарь. — Знали бы люди, как тут легко живется, так давно бы перебрались сюда...

— А вы заметили, сэр брат, что мы, совершая воистину молодецкие прыжки, не поднимаем пыли?

Богатырь удивленно поглядел под ноги. Действительно, следы в толстом слое пыли отпечатывались явственно, а сама пыль не клубилась, лежала на месте...

— Значит, здесь нет воздуха, — упавшим голосом сказал Лю. — Значит, мы еще там, в подземном ходе, задохнулись...

— Глупости, — недовольно сказал Колобок. — Тогда бы на вас было страшно смотреть, вас бы раздуло изнутри, словно глубоко-водных рыб, поднятых на поверхность.

— Но законы природы... — робко начал Яр-Тур.

— Коли есть у природы закон, должен быть и произвол! — поставил Колобок.

— Вот этим произволом мы и дышим...

— Вот как худо быть ученым, — сказал Жихарь Сочиняю. — По ихним законам и задохнуться недолго... Эх! — закричал он. — Оплошали! Истоптали здесь все, как найдем следы Беломора?

— Так он же босиком был, — сказал Колобок. — Дай-ка я посмотрю...

Гомункул развязал постромки и плавно упал вниз. Ручки и ножки он втянул в себя и катился беспрепятственно, почти не оставляя следа. Катился он по всем правилам поиска, кругами, и каждый раз круг расширялся.

— Нашел! — раздался торжествующий писк. — В гору ваш Беломор идет!

— Попрыгали, — сказал Жихарь.

Они быстро догнали Колобка и сами увидели следы босых ног, действительно ведших вверх по склону громадной горы.

— И еще высматривайте следы зайца! — сказал Бедный Монах.

— Боюсь, нет здесь никакого зайца, — сказал Жихарь. — Ни травы, ни деревьев, ни капусты, ни морковки...

И только сейчас понял, какая Луна мертвая, чужая, равнодушная, как беспомощен он сам и его спутники под этим черным небом... Он оглянулся назад, на место высадки. Прямо из неба спускалась веревка...

— Да найдем, найдем, по своим следам найдем, — успокоил его Колобок.

— Не понимаю я все-таки, братцы, как это мы ушли под землю, а вышли вон где, — не унимался богатырь. — Ведь это даже не чары, это что-то похуже.

— На Луну всегда так ходи, — сказал Сочиняй. Его ничем нельзя было смутить.

— Может, здешние люди там, внутри живут? — рассуждал Жихарь.

— Тогда бы и Беломор пошел куда-нибудь внутрь, — ответил Колобок.

— Ну да! Не знаешь ты старика! Он и на земле норовил держаться от людей подальше. Одно слово — неклюд!

— Давайте шибче прыгать, — сказал Колобок. — Пока солнце не взошло. Думаю, тогда нам жарковато придется...

— Покуда мне ни жарко, ни холодно, — пожал плечами богатырь.

— Так я же и говорю — произвол антинаучный... Все оттого, что темные вы! Но, похоже, здесь незнание законов природы освобождает от ответственности, иначе давно бы вы задохнулись и замерзли, а я остался бы, бедненький, один горе мыкать...

Всякое любопытство из богатыря улетучилось, хотелось побыстрее найти Беломора и вернуться домой — даже то безобразие, что творилось нынче на Земле, стало казаться родным и близким...

Ни ветра, ни дождя... Ни снега, ни урагана... Теперь он смотрел только под ноги, как тогда, во Времени Оном, пересекая пустыню. Да и остальным было не по себе.

Катиться вверх Колобок не мог даже здесь — теперь он оставлял крошечные следочки в елочку. Его яркий кафтанчик мелькал где-то далеко впереди.

...Старый неклюд лежал под наклоненной скалой, сложив руки на груди, — только свечки не хватало. Глаза Беломора были широко открыты и устремлены на далекую Землю.

Не было у Жихаря ни радости от встречи, ни тревоги за старика — не помер ли?

Побратимы обступили старика. Беломор недобро зыркнул из-под густых бровей, потом, не поднимаясь, сказал:

— Нашли все-таки! Догадались, кто виноват! Теперь судите старого дурака, казните его!

— За что? — хмуро спросил богатырь. — Никто тебя ни в чем не винит, думали искать у тебя совета... Думали, не случилось ли с тобой худого...

— Случилось, — сказал Беломор. — Погубил весь белый свет. Поэтому не возвращался. Стыдно было. Рассказывать не хочется, да и сделать уже ничего нельзя...

— Сэр Беломор, не на одного вас наша проруха, — мягко сказал Яр-Тур. — Тут даже мой Мерлин крупно ошибся, а про меня и говорить нечего. Должно быть, такие дни наступили, чтобы всем ошибаться.

— Тот, кто знает про свою глупость, уже не такой большой глупец, — сказал Лю. — Тот, кто знает про свои заблуждения, заблуждается не так уж глубоко. Древние государи за все доброе благодарили народ, а во всех бедах винили себя; всё истинное видели в народе, а все заблуждения находили в себе.

— Есть старик — убить бы его, нет старик — купить бы его, — объявил Сочиняй.

— Не утешайте, — сказал Беломор. — Лучше сразу пришибите.

— Рассказывай, отец, — велел Жихарь. — Чего уж теперь. Что там у тебя со Смертью получилось, чем ты ее прогневил? Я ведь знаю, что вы с ней чуть не родственники...

— А знаешь — так тем более... В общем, пристала она ко мне: наточи да наточи косу. Я уже давненько подрядился ей косу точить, оттого и живу долго. Вот и все родство, а вы что подумали?

— Но ты же тогда на острове намекал...

— Это я на тебя хотел страху нагнать. Короче, зудела она лет триста, коса, мол, уже стала тупая, как обух. Да вы, наверное, и сами заметили — давно не было великих войн, землетрясений, моровых поветрий, люди мерли обычным порядком.

А для того чтобы ей косу наточить, оселок нужен не простой, только из лунного камня. У меня такой был, да уже весь сточился. Я бы с этим обмылком несколько лет возился, а коса-то ей каждый день нужна! Каждую ночь! Ну, пару деньков, конечно, может и Смерть потерпеть, так уже бывало в старину. Сизиф ее на цепь сажал, потом еще кто-то в березовый туесок запирал, в гроб заколачивали обручами, но всё ненадолго.

А я решил изготовить не торопясь новый добрый оселок, косу довести, опять же не впопыхах, до полного ума. Чтобы Безносая меня потом долго не тревожила и нового точильщика себе не искала.

Вот и задумался, чем ей косу заменить на то время, пока я буду камень искать и заточкой заниматься. Тут мне ты, Жихарь, и подвернулся...

— А при чем тут я? — взвился Жихарь. — Ты же меня посылал на великие подвиги и ничего про свое точило не говорил...

— Потому что ты, рыжая твоя башка, есть воплощение Рудры — да тебе ведь кто-то уже об этом говорил!

— Я сам свое воплощение, — проворчал богатырь.

— Мне лучше знать, — продолжал неклюд. — А коли так, то ваджра должна попасть к тебе в руки трижды. Сперва в виде золотой ложки...

— Что же ты мне об этом сразу не сказал?

— Да вот... Задумал как раз тогда повернуть все эти дела с косой. Первая ваджра помогла тебе добыть Полуденную Росу и справиться с Мировым Змеем, вторая позволила победить Мироеда и покончить с Вавилонской башней. А для третьей, по моим предсказаниям, никакого подходящего дела не находилось. Вот я и решил ее использовать для себя — передать Смерти вместо косы, потому что третья ваджра — это власть над Жизнью и Смертью... У нее, как ты видел, два конца — серп и зеленая ветка. Но ваджра может приобрести силу лишь в твоих руках, и передать ее другому можно лишь добровольно — ни украсть, ни отобрать, сила сразу тогда пропадет. Я и устроил все как надо...

Беломор все-таки поднялся на своем каменном ложе, и Лю Седьмой тут же услужливо протянул ему чашку с персиковой настойкой.

— ...Все устроил как надо — и встречу с Мутилой, и Опивца снарядил, и предвидел, что ты планетника поразитишь и посулишь отдать самую ненужную попку, и послал на Полелюеву Ярмарку самого зачуханного Ырку с коробом барахла, и все шло по моим расчетам, и планетник Опивец мне доложил, что передал ваджру Смерти в самые костлявые руки... И отправился я, старый дурак, за лунным камнем...

Он замолчал и снова устремил глаза на покинутую Землю.

— И что? — затаив дыхание, спросил Жихарь.

— А то, — сердито буркнул неклюд, — что Опивец дураком оказался, передал ваджру не Смерти, а прикинувшемуся ей Мироеду! Смерть осталась без защиты. Мироед ее и проглотил! Вот и все, теперь убивайте меня! Только тем серпом и можно было проклятому вспороть брюхо, а теперь ваджра без силы, поскольку взята обманом...

— Объяснение весьма глупое, оттого и представляется мне правдивым. И даже хорошо, что третье воплощение жезла Жуй потеряло силу, — сказал Бедный Монах. — Иначе Мяо Ен давно бы уничтожил все живое в Поднебесной. И у нас нет необходимости искать жезл, потому что такие поиски могли бы растянуться на вечность.

— Так, — сказал Жихарь. — Возвращаемся домой, ищем Мироеда, потрошим... Я уж найду чем! Не ждал я, что он так быстро вернется...

— Так и я не ждал! — подхватил Беломор. — Я-то думал, он еще сто лет не объявится! Я на него даже не загадывал!

Лю Седьмой покачал головой.

— Что-то не получается, — сказал он. — По всем правилам получается так: если Жи Хан не использовал жезл, то жезл должен попасть к нему в руки еще раз, иначе будет нарушено равновесие...

Беломор возразил Бедному Монаху, и они начали обмениваться непонятными словами и рисовать в пыли зловещие знаки.

— Некогда спорить, пошли! — Жихарь поднял старого неклюда и повел, бережно поддерживая и приговаривая: — С кем не бывает... Конь о четырех ногах... Кто не пашет, у того и огрехов нет... И солнце не без пятен...

Вспомнил про солнце и глянул вверх — не восходит ли? Над головой висели сразу четыре маленьких красных солнышка, и они согласно шли вниз.

— Кто-то здесь все-таки живет! — сказал Жихарь.

— Я знаю, что это, — сказал Колобок. — Я видел.

На четырех огненных столбах спускалась на лунные камни большая железная раскоряка.

ГЛАВА 7

Не знаю уж, для чего нужна русская художественная проза, только не для развлечения.

Роберт Хайнлайн

— **С**егодня третье февраля тысяча девятьсот семьдесят первого года. ... Лунный модуль «Аполлона-14» находится на склоне кратера Фра Мауро. Хьюстон, у нас все нормально. Пробы грунта взяты в радиусе пятидесяти футов. «Гном» выгружен. Приступаем к выполнению миссии «Шейкер». Вас понял. Вас понял. Конец связи.

— Ал, давай все-таки понесем «Гнома» вместе. Мало ли что?

— Пока не включен таймер, это просто кусок металла. Можешь его пнуть, но лучше не надо — отлетишь во-он за тот камень.

— Ал, а вдруг мы не успеем улететь?

— Это не имеет значения. Не трахай мне мозги. Прежде чем таймер сработает, мы двести раз успеем задохнуться. В НАСА тоже не дураки сидят.

— Вас понял, сэр. Слушаюсь, сэр. А если какой-нибудь долбаный метеорит долбанет в этот долбаный ящик?

— Не бери в голову, Эд. Мы об этом уже не узнаем. А в Хьюстоне скажут, что два немолодых уже ублюдка не сумели справиться с заданием для даунов. Они посмеются над нами, Эд. Да, вот так, держи двумя руками. Грыжа не выпадет. Неудобно? Ты сто раз делал это на

тренировках. Подумай, каково было Нилу и Баззу, а у них все получилось.

— Да, в павильоне, конечно, ловчее...

— Не говори об этом даже в шутку. Никогда. Просто мы слишком мало знаем о Луне. Может быть, бывают периоды, когда физические законы здесь действуют по-другому.

— Ал, я топаю ногой. Вот. Где клубы пыли? А в фильме из-под Базза летела пыль, так что ног не было видно. И прыгал он, как беременная бегемотиха.

— Держи контейнер на вытянутых руках, иначе отобьешь себе яйца. Или облучишь. Угадай с трех раз, что приятнее?

— Так разве контейнер не...

— Защищен, конечно. В необходимой степени. Но садиться на него не рекомендуется. Особенно в момент взрыва.

— Не повезло нам. Ал. Если бы Чарли с твоим тезкой установили в свое время эту штуку, я бы здесь не изображал человека-краба с Марса.

— Им не повезло еще больше. Посмотрел бы я на тебя, если бы у нас тоже взорвался кислородный баллон. У них просто не хватило времени установить датчики. А без датчиков вся эта долбаная затея ничего не стоит. Думаешь, мне удобно их тащить? А потом устанавливать? В скафандре-то? Это все равно что заниматься любовью с Мисс Универсум в презервативе из толстого фетра. Чести много, а удовольствия никакого.

— Ал, а наши действия не подпадают под статью Договора о запрещении ядерных испытаний?

— А ведь я когда-то завидовал твоему Ай Кью, Эд. Это будет не надземный, а надлунный взрыв. Воздуха и воды здесь тоже нет. Зато мы узнаем, что у нее внутри. Стой. Вот здесь будет в самый раз. Долбаная железяка. Траханая электроника.

— Да я к тому, Ал, что... Ну, имеем ли мы право? Тут все такое девственное, нетронутое... Тишина, покой... И вдруг бабах! Получается какое-то барбекю с фейерверком на травке Арлингтонского кладбища.

— На войне, парень, случалось занимать оборону и на кладбищах. Отличные огневые точки получались из склепов на Лусоне. Здесь по крайней мере нет ни камикадзе, ни акул. И никто не собирается тебя убить — во всяком случае, сознательно и во славу микадо. А что касается покоя... Твои долбаные метеориты долбят эту долбаную Луну двадцать семь часов в сутки. Без шума и пыли. Заткнись. Хьюстон, Хьюстон, здесь Шепард и Митчелл. Установлен первый датчик. Мы в порядке. Вас понял. Отбой. Пошли дальше. Мы наверняка поставим рекорд по лунной ходьбе. Марафонский заход.

— Слушай, а что мешало им сделать контейнер с одной ручкой, вроде чемодана?

— Устав мешал. Не положено. Яйцеголовые тоже по-своему тупой народец. Счастье наше, что их пока не берут на борт. Они бы нам налетали!

— Да, только в морской авиации и сохраняется какое-то отвратительное подобие порядка... И знаешь, что я еще думаю, Ал? Вот русские даже не пытались высадить человека на Луну. Это неспроста. Либо они что-то знают, чего не знаем мы, либо у них тут уже давно оборудована база. И вдоль колючей проволоки порхает Ванья в красном скафандре с «калашниковым» наперевес.

— Не будет такого, парень. Русские либо умные, либо бедные, либо то и другое разом. Каждый наш полет — буквально на вес золота. Буквально, Эд! Включая наши потроха вместе с дерьмом. Мы посылаем сюда вагон, а они маленькую тележку. С тем же результатом.

— Но ведь русские запросто могли бы тоже устроить инсценировку...

— Заткнись и не смей даже думать об этом. Как ты прошмыгнул мимо психиатров — ума не приложу. Да хотя бы и так. Победителей не судят. Даже липовых победителей. Кто не успел — тот опоздал. Стоп.

— Можно, я пока поставлю контейнер?

— Держи!

— Долбанный контейнер, долбаная миссия, долбаная сейсмография, долбанный Фра Мауро... Кстати, кто такой этот Фра Мауро?

— Этот долбанный Фра Мауро — кратер.

— Я не в том смысле. Я в том смысле, кто был такой Фра Мауро, что в честь него назвали этот долбанный кратер?

— Не знаю. Итальяшка, наверное. Футболист или художник. Или тенор. Или правнук Галилея. Но точно не автогонщик. Ты еще спроси, кто такой Аполлон. А теперь помолчи. Хьюстон, Хьюстон, здесь Шепард и Митчелл. Установлен второй датчик. Без проблем. Мы в большом порядке. Спасибо, сэр. Нет нужды, сэр. Скоро Стюарт выйдет на связь. Миссия «Шейкер» выполняется успешно, сэр. Конец связи. Пошли.

— Ал, смотри, какая чудная скала! Вот так и возникают дешевые сенсации. Я ее даже фотографировать не буду... Или все-таки снять? А, отсюда уже не то...

— Не отвлекайся, споткнешься. Ну, вот здесь и попрыгать можно... Да не тебе! Ты неси «Гнома»! Напрыгаешься еще... Представь, что ты возишься с этой штукой на Земле, — и тебе сразу станет легче...

— А все-таки хорошо, что мы не первые. Как-то спокойнее. И не надо придумывать исторические фразы.

— Давай, давай, мало осталось. Я уже вижу подходящую ложбинку... Даже ямку... А вот теперь можешь и прыгнуть. Да, ты не Боб Бимон. Но все равно неплохо. Вот так, вот так, опускай. Все! Слава богу! Теперь воздержись от комментариев. Хьюстон, Хьюстон, здесь Шепард и Митчелл. «Гном» в норке. Включаю таймер. Отсчет пошел. Задание выполнено, возвращаемся к модулю. Да, сэр. Так точно, сэр. Спасибо, мистер Президент. Никак нет, мистер Президент. Это не похоже на площадку для гольфа, мистер Президент. И вам того же, мистер Президент. Связь закончена. Эд, мы сделали это! Кстати, Президент спросил меня, адекватен ли полковник Митчелл. Пока я ответил утвердительно...

— Они что, подслушивают нас?

— Не удивлюсь. Если и не сам Дик, то кто-нибудь из его людей. Попадется он когда-нибудь на этих «жучках»... А теперь в течение целой минуты насладимся в молчании величием этой самой минуты... Наслаждался? Пошли...

— Ал, ты читал в детстве «Первых людей на Луне»?

— Это где про Великого Лунария? Тогда читал.

— Там эти придурки первым делом заблудились и потеряли из виду корабль. Вот только не помню, было ли в книжке про пыль?

— Про пыль было у Кларка. К чему это ты?

— Да к тому, что им надо было просто-напросто вернуться по собственным следам.

— Тогда бы и никаких приключений не было. Вот как у нас. Ненавижу приключения. Читать о чужих — пожалуйста.

— Что-то вокруг не так, Ал. Что-то мне здесь не нравится.

— Успокойся. Все нормально.

— А где твои долбанные датчики? Мы уже должны дойти до первого.

— Да вот же он... Хотя нет, это тень...

— Ал, это не наши следы! Их слишком много!

— Не надо было топтаться и стоять на месте...

— Ал, здесь прошло по крайней мере трое! Следы разного размера! Это не наши сапоги! Подошва не рифленая. Вот, смотри, сравни...

— Просто смазанный след... Что за дьявол? Давай-ка вернемся к «Гному», мало ли что, а оттуда уже сориентируемся. Поднимись на этот валун и посмотри, не виден ли модуль.

— Я не вижу наш долбанный модуль. Я не вижу сигнального фонаря. Я вообще ничего не вижу, кроме этих траханых камней. Я не вижу этот долбанный контейнер. А вот чужие следы я вижу!

— Ты хочешь сказать, что мы заблудились?

— Да! Да! Это я и хочу сказать!

— Прекрати панику!

- А если здесь действительно русские?
- Эд, ты идиот. Да, мы действительно слегка сбились с курса. Наши глаза еще не приноровились к здешнему пейзажу.
- ...Кислорода у нас еще часа на два. Стюарт будет ждать до последнего. Кто бы мог представить себе такое — два воздушных аса заблудились в кучке булыжников!
- Ал, я не понимаю, где же тогда датчики и «Гном»? Хоть куда-то мы должны были выйти?
- Сядь и успокойся. Надо подумать. Всегда есть выход. За два часа можно смастерить ранцевый двигатель, подняться и осмотреться.
- Это в кино можно.
- Стюарт нас отыщет сверху. Надо только выйти на открытое место. Ты же знаешь, что в невесомости зрение обостряется. Все будет нормально. Мы еще будем водить в этот долбаный лабиринт новичков и смеяться над ними.
- Я бы предпочел, чтобы это были павильонные съемки. Пойдем назад. Вот это уж точно наши следы... Господи Иисусе! Ал, ты видишь эту штуку? Это же гамбургер! Старый добрый Биг-Мак!
- У тебя галлюцина... Да. Будь я проклят, это гамбургер. Только без начинки. Ледяной гамбургер... Только обертка у него какая-то странная...
- Значит, это все-таки съемки! Ал, мы спасены! Это съемки! Теперь я понял, почему Нил и Базз так странно себя ведут!
- Что ты несешь? Как на Земле можно создать пониженное тяготение?
- Да очень просто! Они добавили нам ЛСД в апельсиновый сок! Вот нам и кажется, что мы порхаем! Я все понял! Нас с тобой даже специально объединили для имитации высадки, из-за наших имен!
- Эд, прекрати. Наше положение и без того хреновое. Мы по уши в дерьме. При чем тут имена?
- Эдгар и Алан, допер? Эдгар Алан По! Мистификация! Полет к Луне на воздушном шаре! Человек с мозгами поймет, что наш полет — мистификация, а гамбургер оставил кто-то из киношников... Мало ему не покажется...
- Насчет мистификации — бред, а вот Биг-Мак уже на другом месте...
- Так всегда бывает, когда путешествуешь...
- В смысле?
- Ну, наглотаешься «кислоты». Тогда кажется, что мебель двигается, а вилки и ложки разговаривают. Вот, смотри, сейчас я возьму этот траханый гамбургер, сниму шлем и сожру, даже без начинки. Ха, да он убегает!
- Сожрешь шлем?

— Гамбургер! Где же он?
— Групповых галлюцинаций не бывает.
— А индийский фокус с веревкой?
— Это другое дело. Сейчас не до фокусов. Сейчас я выйду на связь с Хьюстоном и дам «Мэйдэй».

— Боже, они наблюдают за нами из-за камней!
— Сядь. У тебя нервное расстройство.
— Их по меньшей мере пятеро! Впереди идет босой старик, потом, кажется, какой-то китаец... Да ведь они без скафандров! Ал, старина, конечно, это долбаный кинопавильон, и эти долбанные статисты в перерыве шляются где попало...

— Во-первых, тот павильон находился вовсе не в Голливуде, а во вторых...

— Ага! Все-таки признаешь, что Армстронг никуда не летал?

— Эд, я не знаю, в чем дело. Я тоже вижу этих людей. Действительно, они одеты как для съемок фильма о Распутине. Наш гамбургер, кстати, сидит у этого громилы на плече... И ножки свесил... Эд! Фотографируй их! Фотографируй! Иначе нам никто не поверит! Хьюстон! Хьюстон! К нам приближаются какие-то человекообразные существа! Это люди, и они без скафандров! Да, сэр! Нет, сэр! Чем, голыми руками, сэр? Нет, мы их не слышим, сэр... Да, Митчелл их фотографирует... Кажется, они собираются вывести нас отсюда, сэр. Ну, не совсем чтобы заблудились. Слегка. С ними какое-то небольшое существо, шарообразное... Мы называем его гамбургером, сэр.

— Полегче, полегче, парень. Ну у тебя и лапа! Да вы не бойтесь, это вспышка! Отдай! Ал, у меня отобрали фотоаппарат. Ясно, это русские.

— Хьюстон, чужие ведут себя агрессивно. Да, сэр. Отобрали фотоаппарат. Видимо, здесь нельзя снимать. Эд, идем за ними, не упираться, долбаный... Это я не вам, сэр. Мы и не оказываем, сэр. Один парень чистый монгол, другой китаец. Нет, японца я отличу за милую. Остальные, кажется, русские, сэр. Одеты как музыканты в русском ресторане. Усы, борода. Нет, ни мундиров, ни знаков различия. Оружие холодное. Да, лук и стрелы! Сэр, этот долбаный гамбургер с ними разговаривает! Он смеется! Нет, не мешают. Они, видимо, даже об этом не догадываются. Есть поддерживать связь, сэр.

— Да не надо мне помогать, я сам иду. Дай-ка мне рассмотреть эту штуку... О, какой ты шустрый! У тебя и глазки есть? Ал, у гамбургера золотые зубы. Они добывают тут золото. Для русских...

— Да! Видим модуль, сэр! Он совсем недалеко! Они ведут нас прямо к нему. Какая жалость, что Митчелл не глухонемой: они пытаются нам что-то сказать... Он бы мог прочесть по губам... Нет, сэр. По-китайски тоже не понимаю, сэр. Начертить на пыли, сэр? Попро-

бую... Извини, парень, в долбанных иероглифах я не разбираюсь. Это я не вам, сэр.

— Ну, спасибо, комиссар. Что его бояться, он не стреляет, только вспышку дает! Вот, я снимаю своего товарища... Подойди, подойди к нему, я вас вместе щелкну...

— Хьюстон, они вернули камеру. Кажется, с ними можно договориться... Да, чернобородый концом ножен пробует что-то начертить. «Артур. Камелот». Разрешите мне написать свое имя, сэр? Хм, Камелот... Артур... Это я — Алан... А мой товарищ — Эдгар... Хьюстон, поговорите с Митчеллом, мне пора связаться со Стюартом...

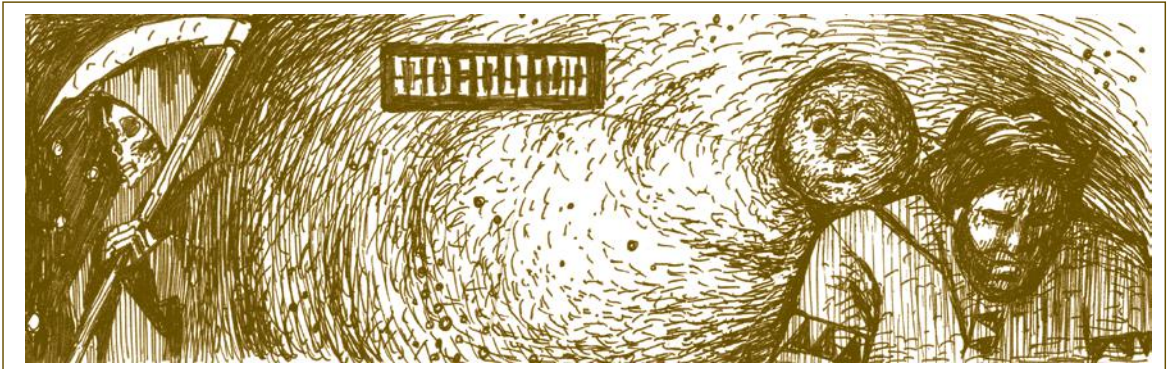
— Хьюстон, здесь Митчелл. Кажется, это нормальные парни, только могут обходиться без воздуха и обогрева... Я думаю, это тот свет, сэр. Или даже рай. Куда же еще мог уйти король Артур? Нет, сэр, никаких посторонних продуктов на борту не было. Сейчас я их сниму всех вместе... Да, да, гамбургера в середину... Конечно, пришлю. Со следующим «Аполлоном». Как будто что-то понимают...

— Скоро улетим. Ж-ж-ж — и в небо, понял? Как тебя, Джихар? Сэр, может быть... Да нет, это я рассуждаю вслух. Нужно что-то взять у них в доказательство. И оставить что-нибудь взамен. Например, сумку для образцов... Китаец снимает свой амулет, сэр. Нефритовый заяц. Не знаю, сэр. Потом вы мне скажете, что в любом Чайна-тауне таких полно и я пронес его на борт в собственной заднице... Нет, сэр, вряд ли они отдадут свой говорящий гамбургер в малиновом смокинге. Силой не получится, мы слишком неуклюжи... Да, если сумею ему объяснить... Подождите, этот громила снимает с плеча мешок. Может быть... Боже! Это же наш «Гном»! И датчики! Они решили, что мы их потеряли! Нет-нет, парень! Верни на место! Бабах! Смотри — этот ящик — много-много минут — бабах! Сэр, они не понимают. Они будут таскать эту штуку, пока не взорвётся. Да я нарисовал... И взрыв, и череп с костями... Что? Джихар — арабское имя? Нет, сэр, он рыжий. Нет, не похож. Он благодарит нас, сэр! Благодарит за «Гнома»! Как тем лучше? Они же погибнут. Они принесут «Гнома» в свое жилище, попытаются разобрать... Слушаюсь, сэр. Есть стартовать, сэр.

— Ал, нельзя же их так оставлять... Это же все равно что разбрасывать мины-игрушки... Они уходят, командир!

— Ничего нельзя сделать, парень. Приказ есть приказ. Будем молить Бога, чтобы они оказались наркотическим видением. Эд, угадай с трех раз, что лучше — психушка или военный суд?

ГЛАВА 8

*Пономарь пройдет ли пеший,
Псарь проедет ли верхом,
Всяк, крестясь, молвит: «Леший
Загулял не пред добром!»*

Леонид Якубович,
но не тот, о котором вы сразу подумали

В многоборских дебрях было сразу два хозяина: собственно Леший и Боровой. Долгие, долгие годы велся между ними спор насчет того, где кончается лес и начинается бор, чем лес отличается от бора, кому должны подчиняться звери, птицы и насекомые, которые никаких границ не признают. Поздней осенью, перед тем как залечь в спячку, Леший с Боровым устраивали между собой настоящее побоище: поднимались в росте до самых высоких деревьев и под вой ветра, выворачивающего стволы из земли, начинали со щелчка, а доходили до кулака, так дрались, что волосы в кулаках оставались, награждали друг дружку зуботычинами, затрещинами, оплеухами, пинками, тычками, били под микитки, по сусалам, под дых, сворачивали скулы, пересчитывали ребра, чужую бороду драли, а свою подставляли, задавали чесу, высекали искры из глаз, после чего, обессилив, составляли в очередной раз разметную грамоту, соблюдать которую ни тот, ни другой не собирались.

В такие дни умные люди со двора не выходили и даже дураки не решались казать нос из дома.

Потом, битые да измученные, расходились Леший и Боровой по берлогам, в глубоком сне забывали старые побои и грезили о новых.

Весной старые обиды как-то сами собой забывались. Соперники вылезали на солнышко, сладко потягивались и даже начинали спрашивать друг дружку о здоровье, посылали четвероногих гонцов в столенградский кабак, глухо чокались бочонками, клялись в вечной дружбе, вместе наводили порядок в самых глухих чащобах и наконец садились маленько поиграть в кости. Чем заканчивалась игра, уже понятно.

Но сейчас, после загадочного исчезновения Смерти, лесные хозяева, хоть и не так скоро, как люди, но спохватились, а уж беду почувствовали куда глубже, чем люди. Леший накладывал лапу на березовый ствол и слышал, что дерево хоть и не умирает, но и не живет, как положено, не тянет влагу из земли, не желает шуметь листьями и стряхивает их, словно тягостную ношу. А листья прошлогодние не преют, не перегнивают, не рассыпаются в жирный земной прах, дающий силу семенам для прорастания, и семена, благополучно перезимовавшие, не дают побегов, не подставляют солнцу узкие зеленые ладошки за другой, светоносной силой, лежат напрасно в земле, словно мертвые камушки.

Птицы успели свить гнезда и снести яйца, но только зря сидели на них в недоумении, потому что птенцы не желали разбивать скорлупу и обсыхать на солнце с разинутыми ротиками в ожидании вкусных червячков. Птицы тревожно перекликивались между собой и убеждались, что у соседей и родственников происходит то же самое. Одна кукушка, распределив свое потомство по чужим домам, беззаботно считала людям и зверям несметные будущие годы.

Пчелы, у которых соображения еще меньше, чем у птиц, собирали по привычке мед, исправно заполняли соты, но кормить их сладким золотым содержимым было некого — пчелиные царицы дремали, не желая вывести потомство.

Металась между деревьями испуганная волчица — наступило уже время учить детей правилам лесной жизни, но волчата продолжали оставаться слепыми и еле-еле передвигались на разъезжающихся некрепнущих лапках.

Волк своими пронзительными глазами смотрел, как уходит от него олень с перегрызенной глоткой, как трепыхаются на траве остатки недавно пойманного зайца, как деловито взбегает на дерево дочиста обглоданный скелетик бурундука.

Медведь разрывал муравейник, желая полакомиться муравьиными яйцами, но убеждался, что в куче хвоянок и палочек ничего нет,

а сами муравьи выстраиваются в полки и дружины и направляются куда-то на восход в надежде найти правильную землю.

Лесные жители мало-помалу отвыкли есть друг друга, хищничали тоже единственно по привычке, и Лешему с Боровым пришлось объявить в своих владениях перемирие, которое бывает лишь во время больших пожаров, — чтобы зверье не калечилось понапрасну. И звери в этом оказались умнее и послушнее людей. Они сбивались в стаи и сидели, поджав хвосты, в ожидании. Никто не выл, не ревел, не тявкал и не верещал — только птицы как заведенные исполняли свои песни, но веселья это не прибавляло.

Лес перестал жить — он просто существовал.

...В такой лес и вышли лунные странники из Беломоровой землянки.

— Ума не дам — чего они своего собственного сундучка так испугались? — сказал Жихарь и хотел было сесть на этот самый сундучок.

— Не смей! — крикнул Колобок. — Видишь — три черных лестка в желтом кружочке? Я же говорил — там Смерть.

— Что-то не видел я в нем никакой Смерти. Так, что-то стучает, греюкает, букочки огненные мельтесят...

— А то и мельтесят, — сказал Колобок, — что через три дня этот сундучок ка-ак грохнет! И все вокруг сгорит!

— Так, значит, это всего лишь оружие? — спросил Яр-Тур.

— Не совсем, — сказал Колобок. — Это не простая Смерть, а Ядерная. В каждом самом мелком теле есть ядро, в ядре — сила, и если эту силу враз выпустить...

— О таком оружии повествуют древние книги, — сказал Лю Седьмой. — Оно способно убивать и после удара, на расстоянии.

— Кого теперь убивать... — махнул рукой богатырь, но садиться на сундучок все-таки не стал.

— Какой великой отваги эти рыцари — сэр Алан и сэр Эдгар! — воскликнул король. — Отправиться на Луну, не заручившись магической поддержкой, надеясь лишь на удачу и на крепость металла! Ведь для них не было там ни тепла, ни воздуха. Поэтому на них были такие безобразные доспехи. Надеюсь, что по возвращении они получат заслуженную награду. И я догадываюсь, почему они привезли туда этот таинственный ящик! Значит, он содержит оружие такой силы, что его нельзя применять на Земле...

— Еще как применяли, — сказал Колобок. — Помню, качусь это я по степи, ковыли шумят. Потом взлетаю вверх, еле успел свои изюминки закрыть. Уши заложило, правый бок обуглился. А в земле такая дыра, что целый город войдет...

— Что нам с того, — сказал богатырь. — Нет такого врага на свете, против которого... А смешно эти молодчики на Луне разговаривали, словно лягушки: «Фак-фак-фак!»

— Постой-ка, парнище, — сказал Беломор. До тех пор он пребывал в скорбном и повинном молчании, хотя никто его ничем не попрекал. — А ведь есть такой враг.

Жихарь мигом припомнил, как в Адских Вертепах влетел в бездонное чрево Мироеда Красный Петух Будимир, как в темнице Вавилона туда же отправился переменчивый меч Симулякр...

— Точно! — сказал он. — Такого ему не переварить... Только ведь и Смертушка не уцелеет, испепелится!

— Она-то уцелеет, не бойся. Я ее знаю. Она вечная, как и сам Мироед. Ох и задаст она мне, ох и взбутетенит!

— Сам виноват, — сказал Жихарь. — Нечего было тайны разводить. Не люблю, когда меня используют втемную. Только как нам сундучок переправить ему в пасть? Он ведь тоже кое-чего соображает. Тебя ведь перехитрил...

— Ему шея аркан захватить, — предложил Сочиняй-багатур. — Он рта открывать, ты туда бросать...

— Может быть, удивить злонравного сэра Мироеда каким-нибудь чудом, чтобы он разинул пасть?

— Для этого сперва надо найти Мироеда, — сказал Жихарь. — Индрик-зверь во второй раз не повезет нас в Адские Вертепы. Даже если и согласится — где того Индрика найдешь?

— Думаю, что он сам нас найдет в свое время, — сказал Лю Седьмой. — Он не упустит случая поглумиться и позлорадствовать над своими врагами... Так что надо ждать...

— Три дня, — напомнил Колобок. — А потом — вспышка справа! Вспышка слева! И мы носимся над землей в виде облаков пепла!

— Почем ты знаешь, хвастливая горбушка?

— Так буковки-то красные! Верней, цифирки! Которые пляшут и меняются!

— И о чем они говорят, сэр Гомункул?

— Это такое устройство — вроде нашей Калечины-Малечины, они определяют время. Но Калечина-Малечина отсчитывает только часы, да и то приблизительно, а тут всякое мгновение на учете. Вот по цифрам и выходит — три дня с небольшим... Иначе надо этот сундучок уносить как можно дальше, в нежилые каменные места, и бежать от него сломя голову...

— Никуда я бежать не буду, — сказал Жихарь. — Лучше наоборот, собрать всех людей на свете вокруг смертоносного сундучка, да всем и пойти на распыл, чтобы не мучиться.

— И времени на то нет, и люди своей волей не соберутся, — сказал Беломор. — Многие, пожалуй, еще и не поняли, что произошло...

— Увы, это так, — сказал Лю Седьмой, отпил из своего жбана персиковой настойки и пустил посудину по кругу. — Жизнь человека между Небом и Землей — как прыжок скакуна через расщелину: в одно мгновение она промелькнет и исчезнет бесследно. Сами собой, неведомо как, вещи приходят отсюда. Сами по себе, неприметно, уходят туда. Одно превращение — и вот она, Жизнь. Еще одно превращение — и вот она, Смерть. Все живое об этом печалится, род людской об этом горюет. Но то лишь разрывается данный нам Небом чехол, падают наземь ножны Небес. Наши светлые и темные души улетают куда-то, и тело влечется за ними. Вот когда наступает для нас Великое Возвращение! Это исчезновение формы в бесформенном и придание бесформенному формы известно всем людям, но человек, устремленный к Пути, о том не заботится. Все люди о том судят, а человек, Путь постигший, не судит. А если судит — значит Путь не постиг. Так было всегда, но ныне Путь прервался и мудрец приравнялся к невежде...

— Слушай, тогда получается, Мироед против всех законов перепер? — сказал Жихарь. — Что он один в пустоте делать-то думает? Песни петь и пляски плясать?

— Чем выше возможности, тем мельче душа, — ответил Бедный Монах. — При возможностях неограниченных душа вовсе сходит на нет. Видимо, некогда этот Мяо Ен был великим воином и выдающимся ученым. Достигая совершенства, он забыл о равновесии, решил быть Светом без Тьмы или Тьмой без Света. Вздумал поглотить всю Вселенную с тем, чтобы потом породить новую. Высокий замысел, низкая натура! Сейчас он просто разбойник и пакостник, подобный испорченному мальчишке, бросившему жарким полднем горшок с дрожжами в отхожее место. Впрочем, скоро даже таких низменных стремлений в нем не останется. Вселенная, конечно, возродится, но уже без нас, и жить она будет по каким-то другим, невообразимым законам...

— Спасибо, утешил! — сказал Жихарь. — Значит, если я тебя правильно понял, Мироед становится все глупее и глупее?

— Не совсем так, — сказал Лю. — Просто он себя считает все умнее и умнее.

— Так на так и выходит! — обрадовался богатырь. — Только бы нам до него добраться...

Затрещали ветки. Никто даже не шелохнулся — такие после хождения на Луну все сделались бесстрашные.

К землянке выбрел Леший — весь какой-то согбенный, замученный, в рваном зипуне и бывших когда-то красными штанах.

— Вы... это... того! — прогудел он, тыча пальцем в сторону сундучка.

— Здраваться надо! — обернулся Жихарь.

Леший ему, конечно, был не подчиненный, но должен же мохноногий к местной власти почтение иметь!

— Здорово, кого не видел! — поправился лесной хозяин. — Только вы это... того... уберите! Оно плохое! Нельзя! Далеко унесите, значит! А то не выйдете из лесу!

— Нас с Яр-Туром один твой собрат тоже водил, — напомнил Жихарь. — Да мы все же вышли...

О том, как пришлось унижаться перед тем Лешим, богатырь умолчал.

Но при этом воспоминании в голове у него что-то произошло, и все, что в богатырской жизни приключилось, все обрывки и осколки воспоминаний сложились в одно целое...

Даже и те воспоминания вернулись, которые забрал в свое время Мироед...

Дымное ущелье...

Полуденная Роса...

Колючая проволока...

— Лесной, а лесной, — сказал он. — А ты, когда человека по лесу кружишь, в любое место можешь его завести или как получится?

Леший выпучил бельма и задумался, и думал до тех пор, пока Бедный Монах не догадался угостить его из жбанчика.

— Ну, — сказал он. — Только лучше вдвоем. Я вожу вдоль, а Боровой — поперек. Или наоборот. Я по широте, он по долготе... А эту гадость ты того... из лесу вон!

— Унесу, унесу, — пообещал Жихарь. — Но где же нам взять широту и долготу?

— Достойный Жи Хан, это мое дело, — вмешался Лю Седьмой. — Когда я скучал у входа в ущелье Полуденной Росы, ожидая возвращения своих побратимов, я от нечего делать извлекал из рукава старинную бронзовую астролябию, на лазуритовом основании которой был начертан древними иероглифами девиз «Сама меряет, было бы что мерять». Я тогда собирался писать книгу о нашем путешествии и хотел приложить к ней карту. А своих записей я никогда не выбрасываю...

— Куда это вы собрались, сэр брат? — поднялся Яр-Тур.

— Везде вместе ходи! — сказал Сочиняй.

Лю Седьмой что-то объяснял Лешему, а тот согласно кивал.

— Нет, — сказал Жихарь. — Я пойду один.

— Вы не имеете права, сэр брат...

— Это вы не имеете права оставлять свои царства-государства, — сказал богатырь. — Возвращайтесь по домам. Смотрите за порядком и ждите. Я знаю, что делаю. Яр-Тур, ты мне сейчас не помощник. Ты на смертном рубеже. Сочиняй, без тебя степь разбежится в разные стороны. Без мудрых советов брата Лю император надевает глупостей. А в Многоборье, старый неклюд, нынче только тебя и будут слушаться. Колобка с собой захвати... Если больше не встретимся...

Никто не возразил, признав правоту многоборского князя.

— Ну нет, я с тобой, — сказал Колобок и стал поправлять и потуже затягивать свои постромки на чужой шее.

— Два раза тебе повторять? — сказал Жихарь и собрался было ссадить круглого седока.

— А кто же тебе время в сундучке определять будет? — спросил Гомункул. — К тому же родни у меня нет, плакать некому...

— А Ляля с Долей? Изревутся ведь...

— Я тоже изревусь, если у них озорное детство затянется до бесконечности, — напомнил Колобок. — Невелика я тяжесть.

— Тогда прощаемся, — предложил богатырь.

— «При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать» — в этой древней пословице заключена истина, — сказал Лю Седьмой. — «Жалеть друг друга» не значит только сочувствовать другим. Если человек устал, нужно дать ему отдохнуть, если он голоден, нужно накормить его, если он замерз, нужно согреть его, а если он попал в беду, нужно вызволить его. «Друг друга покидать» не значит не скорбеть о покойном. Но не следует одевать его в парчовые одежды, класть ему в рот жемчуг, приносить ему жертвы и жаловать ему поминальные предметы...

— А врагу можно положить в рот поминальный предмет? — спросил Жихарь и легко поднял над головой стальной сундучок.

Но никто не засмеялся.

ГЛАВА 9

*Поначалу мне казался
Безысходным этот мрак,
Все ж я вытерпел, не сдался,
Но не спрашивайте как.*

Генрих Гейне

Вущелье было тихо, удушливый дым стелился низко, не поднимаясь выше колен. Тучи над головой чернели по-грозовому, но куда сверху не падали ни капли, ни молнии. Жихарь пристраивал свой опасный груз то так, то этак, и все было неудобно.

Колобок время от времени забирался ему на плечо, вглядывался в даль из-под ладошки и приказывал:

- Не кантовать!
- Беречь от сырости и прямых солнечных лучей!
- Осторожно, стекло!
- Держись правой стороны!
- При обстреле эта сторона улицы особенно опасна!
- Не влезай — убьет!
- Хранить в местах, недоступных для детей!
- С горки не спускать!
- Не сифонь! Закрой поддувало!
- Пользуясь лебедкой, не тяни за конец!
- Не оставляй секретных документов в местах, не обеспечивающих их сохранность и доступ к ним посторонних лиц!

— Хватит тебе, — сказал богатырь. — И без того тошно.

— Потому и кричу, что тошно, — оправдался Гомункул. — Если впереди кто есть — пусть бережется!

— Они как меня увидят, сами разбегутся, — сказал Жихарь. — Не забыли, поди, как я их тут бушлатом по зоне гонял.

— Кого гонял? — не понял Колобок.

— А паханов. Это такие, вроде людей... Хотели нам с Яр-Туром «прописку» устроить. Я сперва-то не уберегся, два зуба потерял... А потом ничего, загнали их под нары. Потом еще много чего было — барак спалили, «кума» в женскую зону забрасывали, вертухаев в «петушатник» посадили... У них «петух», представь себе, ругательное слово! Слышал бы о том Будимир! Меня почетными наколками наградили — чистые дикари, блин поминальный... Теперь не выведешь!

— Авторитетами стали, — уточнил Колобок.

— Вроде того. Ай, даже вспоминать неохота, — скривился богатырь. — Мироед надеялся, что мы оттуда живые не выйдем... Вышли, как видишь, совершили все, что положено...

— Что же это за страна такая? Никогда не случалось сюда закатываться!

— Вот и хорошо, что не случалось: тут за хлебную пайку запросто могут голову оторвать. Я тоже нынче всю дорогу размышляю — что за страна? Не мое ли Многоборье таким было? Или еще будет?

По ущелью пошел низовой ветер, разогнал дым. Впереди тоже прояснилось, показались широко распахнутые железные ворота, столбы, с которых свисали мотки ржавой и рваной проволоки, длинные приземистые здания с узкими зарешеченными окошками.

— Никого не видно, — объявил Колобок.

— Это даже хорошо, — сказал Жихарь. — А то бы набежали — есть бацилла? Есть подогрев? Есть ханка? Должно быть, все здешние обитатели вслед за нами рванули в побег...

— Сто лет назад, — добавил Гомункул. — Тут все старое такое, трухлявое...

— Посмотрим, — сказал богатырь.

Он свернул к ближайшему зданию, раскидал доски прогнившего крыльца, взялся за дверную ручку — ручка отвалилась, сама дверь упала внутрь.

— Действительно сто лет, — сказал Жихарь. — Только воняет...

Богатырь вошел в проход между нарами, поставил сундучок на пол, огляделся.

— Не задержались мы тут, — хихикнул он. — Из-за нас сюда даже хотели целое войско ввести на железных ползунах.

Послышался какой-то шорох и гудение.

— Ай! — пискнул Колобок. — По мне кто-то ползет...

Жихарь мигом подхватил ношу, выскочил наружу, отбежал по-дальше и только тогда стал отряхиваться.

— Как же я забыл, — приговаривал он, с омерзением колотя ладонью по плащу. — Клопы-то остались! Новых постояльцев дожидаются!

На ближайшем столбе уныло висел колокол без языка. Жихарь толкнул столб рукой, желая уронить, но столб не упал, а из колокола кто-то запел:

— «Не такой уж горький я пропойца...»

Хотя по голосу было слышно, что именно такой.

— Где же Мироед? — сказал Колобок. — Время-то поджимает...

— Да он сюда редко заглядывает... Его любимые места лежат по-дальше...

— Давай-ка бегом, а то...

Жихарь подчинился и побежал, иногда перебрасывая сундучок из руки в руку.

— Что это, Жихарка?

— Это другой лагерь... А это печи... Тут людей жгли, на мыло переводили... Дальше еще страшней...

Были там и деревья, увешанные скелетами, и многоместные виселицы, и железные клетки с обугленными костями, и непонятные, но страшные устройства, которые ничего хорошего явно делать не могли. На ветру звенели ржавые цепи, скрежетали зубчатые колеса, рассекали воздух исцербленные лезвия...

— Может, это и хорошо, что Мироед у вас память забрал, — сказал Колобок. — Как вы через все это прошли?

— А считали за чужой сон, вот и прошли... Он нам хотел показать, что с человеком можно сделать. Но братка-то гордый, а я — вредный...

— Всех убили — одни остались? — догадался Колобок.

— Да не всех... Всех и не надо, только главных, а там люди сами сообразят, как дальше жить. Вот бы всех начальников перевешать! — вспомнил Жихарь свою давнюю мечту.

— Князей особенно, — сказал Гомункул.

Жихарь перешел на шаг, чтобы маленько отдышаться.

— А что? — сказал он. — Я бы и сам в петлю залез, кабы знал, что все прочие владыки поступят точно так же. За свободу людей можно и пострадать!

— Никак ты ума не наживаешь, — сказал Колобок. — Учит тебя судьба, учит — никакого толку..

Жихарь сделал вид, что не услышал или не понял.

— А вот отсюда начинается такое, чего быть не может... Раки сви-
стят... Медведи летают... За комаром с топором бегают... Реки вспять
текут... Огурцы растут такие, что зарезаться можно... Папоротник
круглый год цветет... Уши выше лба растут... Яйца курицу учат... Тут
и собирал я Полуденную Росу..

— Поглядеть бы! — загорелся Колобок.

— Сам же говорил — некогда! Но на обратном пути непременно
полюбуюсь..

Сам Жихарь, хотя и вспомнил, что с ними тут творилось, раз-
бираться эти воспоминания не хотел. Он хотел только, чтобы все по-
скорее кончилось — все равно как. То ли дело была обратная доро-
га — через жаркие страны и иные земли! Вот где потешились!

— Где же Мироед? — рассуждал он вслух. — Может, послушал нас,
перепугался и сбежал мышьиной норой, собачьей тропой? Боятся,
что опять зевло набьют..

— А мне так его даже жалко, — пыхтел Колобок. — Ходит, ходит
по свету — ни родных, ни друзей... Сеет, сеет зло, а ничего не всхо-
дит..

Они выбежали на каменистую равнину — то есть выбежал бога-
тырь, а Гомункул приехал или прискакал. Впереди высились две по-
хожие между собой горы — гладкие, черные, блестящие, как бы два
оплывших книзу столба.

— А вот этого здесь раньше не было... — растерянно сказал
Жихарь.

Над головой загрохотало. Все-таки гроза собралась..

— Дай-ка я в сундучок загляну, — потребовал Колобок.

Богатырь остановился, поставил ношу на колени и приоткрыл
крышку.

— Ой-ой, — сказал Гомункул. — Время на исходе. Бросаем эту
беду и прячемся в складках местности..

Грохот не прекращался, и богатырь вдруг понял, что это ника-
кая не гроза.

Смех доносился сверху — каменный, раскатистый, леденящий
душу.

Жихарь посмотрел вверх и понял, что перед ними отнюдь не горы, а ноги в начищенных сапогах. Над сапогами уходила в вышину и остальная туша, а голова различалась уже с трудом.

— Нашли! — с великой радостью воскликнул Жихарь, словно бежал спасать заколдованную царевну. — Никуда он не спрятался, проявил личное мужество, решил с пастью честь... Тьфу, то есть с честью пасть! Эх тебя разнесло, приятель! Куда Святогору!

— Что ты там пищишь, жалкая тварь? — собрались из грохота осмысленные слова. Мироед наклонился, протянул руку...

— Смотри не переломись! Пожалей спину! У меня последние холпы так не кланяются! — крикнул Жихарь.

— Почему один пришел? — сказал Мироед. — Где твои сообщники?

— Испугать тебя боялись кучей-то! — объяснил богатырь. — Решили, что с тобой надо по-честному, один на один...

— А меня как бы и нет, — вздохнул Колобок.

Мироед выпрямился и начал, содрогаясь, сокращаться в размерах, пока не сравнялся с Жихарем. Был он, как и в первую их встречу, одет во все черное, только морда стала пошире и от этого утратила свою зловещую мрачность.

— Как брюхо? — участливо спросил Жихарь. — Кидают ведь тебе туда всякую дрянь все, кому не лень...

— Не жалуюсь, — сказал Мироед. — Это ты сейчас начнешь жаловаться и умолять... Э, что это у тебя на шее? Вторая голова?

— Конечно, — ответил богатырь. — Запас карман не тянет. Одну сложу, вторая останется и отомстит...

Мироед захохотал, но уже, конечно, не так грозно получилось. У него даже голос сорвался.

— Ну, с чем пожаловал? Опять за людей просить? Нет им моего прощения на этот раз!

— Да разве ж я тебя когда о чем просил? — удивился Жихарь. — Вот ты просил отозвать петуха Будимира из своего брюха, это было... Только зря я тебя тогда пожалел. Кульгяпый ведь... Мы-то думали — поймешь, осознаешь, повернешься к людям всей душой... Займешься полезным делом — каналы в земле прогрызать начнешь...

— Время, время, — тихонько подсказал Колобок.

— Ну, наглец, — сказал Мироед. — Знаешь, что Смерти нет, вот и наглеешь...

— Так я насчет этого и пришел! — обрадовался Жихарь. — Если ты, как говорят, Смерть проглотил, кто же тогда у меня в сундучке обретается?

Мироед озабоченно ощупал брюхо.

— Да нет, на месте, — сказал он. — Впрочем, что это я тебя слушаю? Ради чего? Кто ты такой?

— Я вот кто! — воскликнул Жихарь и распахнул плащ. Поверх рубахи у него на груди была приживулена булавками алая пеленка с черной буквой «S» в сплюснутом пятиугольнике.

Мироед даже отступил на шаг.

— А, узнал? — Голос у богатыря загрохотал не хуже, чем у Мироеда в великанском состоянии. — Ты думал, некому расчитаться с тобой за родимую планету Криптон?

Жихарь сейчас и сам верил в загубленную планету Криптон, чтобы злость и обида придали еще смелости.

— Судить тебя будем! — выкрикнул Колобок. — Велено тебя доставить во Вселенский Трибунал в принудительном порядке!

— Чего несешь? — шепнул Жихарь.

— Вот и ордер на обыск и арест! — с этими словами Гомункул добыл из кафтанчика какую-то бумагу.

Эти слова возымели такое действие, что Мироед втянул голову в плечи и быстро осмотрелся по сторонам.

— Руки на стену, ноги расставить! — поддержал Колобка богатырь.

Мироед чуть было не подчинился, но все-таки опомнился, побагровел, упер руки в бока, наклонился вперед и распахнул свою бездонную пасть.

— Добра-то! — крикнул Колобок. — У меня вон золотые зубы, и то не хвастаюсь... Давай!

Жихарь метнулся вперед, держа сундучок на вытянутых руках. Он чуть было сам не улетел в разверзшуюся бездну, но Мироед успел так сократить глотку, и сундучок застрял у него в пасти. Мироед замычал, задержался и стал знаками просить Жихаря вынуть стальную затычку. И насулил ему на пальцах множество благ земных, а Колобку — зубы из самоцветов.

— А теперь — даем деру! — сказал Колобок и замолотил по Жихаревой груди ручками и ножками. — Скорей-скорей-скорей! Тебе моя жизнь доверена!

— В большой семье народов зевлом не щелкай! — одарил на прощание Культяпого добрым советом Жихарь и помчался без оглядки. Мироед выл и, судя по звуку, колотился головой о камень, чтобы выплюнуть страшный подарок.

— Ямку, ямку ищи! — кричал Колобок. — Обидно будет стореть в час победы!

— Эта годится?

— Самое то! Теперь падай ногами к Мироеду, закрой глаза и спрячь меня к себе под живот! Таких, как ты, бабы еще миллион нарожают, а я неповторимый...

И больше ничего не сказал Колобок, потому что вес у Жихаря был немалый.

Как рванул гостинец с Луны, богатырь не слышал — почувствовал только, как застучали по спине мелкие камни, а потом прилетели и очень даже крупные...

...«Болит, — подумал Жихарь. — Опять болит. Ой, да ведь все болит! Давно я никакой боли не слышал, а ведь за это время и ударялся, и мозголомку пил ковшами, и прошел вон сколько...»

Он попробовал приподняться на руках. Гранитная плита соскользнула со спины и краем шарахнула по мизинцу. Богатырь заорал и потащил пришибленный палец в рот. Во рту стало солоно.

— Вот скотина человеческая, неуклюжая! — проскулил внизу Колобок. — Тебе спасать меня велено, а не давить! Вся корочка потрескалась, чуть не переломился!

— Кровь течет! — не слышал его Жихарь. — Бежит по жилам! Жрать охота! Пить охота! Жить охота!

— Значит, Смерть пришла, — рассудил Колобок и выбрался из-под обломков. — Кафтанчик новый сошьете, — сварливо добавил он. — Из рытого бархата. За ваш счет.

— Шел в поход, а разоделся как на гулянку! — сказал Жихарь, вытащил ноги, ощупал их и застонал. Потом посмотрел на Гомункула и расхохотался: тот походил сейчас на пресловутый первый блин.

— Ну что, герои? — раздался веселый звонкий голос. — Ходить можете?

На краю ямы стояла девчонка в пестром сарафане. Жихарь протер глаза от каменной пыли.

Девчонка была хорошенькая, тоненькая, белозубая. Цветы на сарафане все время менялись: только что были ромашки, а теперь уже анютины глазки, а теперь цвет шиповника...

— Здорово, — сказал Жихарь. — Ты, что ли, Смерть будешь?

— Нет, — засмеялась девчонка. — Смерть вот какая...

И сразу же превратилась в высокую старуху с белым лицом в сером балахоне. Все зубы у старухи были наружу.

— Вот я какая, — сказала Смерть хрипло. — Признали?

Жихарь погрузнел.

— Не убереглись мы, значит, — сказал он. — Ну, веди — вот тебе рука.

Он ухватился за протянутую голую кость, и под его пальцами кость снова обросла молодой крепкой плотью.

— Признали? — снова спросила девчонка.

— Так ты, значит...

— Да! — крикнула девчонка и закружилась вокруг него. — И она — это я, и сама я — это я! Как же ты до сих пор не понял?

Она достала из-за спины ту самую бесполезную попку — серп на цветущей ветви.

Потом подскочила к богатырю и поцеловала так, что стихла всякая боль, сгинула усталость, расправились плечи и загорелись очи.

— А меня! А меня! — подпрыгивал плоский Колобок.

Девчонка опечалилась.

— Второй раз по-другому поцелую, — предупредила она.

— Знаю. Понял, — кивнул Жихарь.

— А хочешь — совсем за тобой не приду?

— Раньше бы обязательно сказал — хочу.. Но я же не Кощей.

— Умница, — сказала она. — А Кощей мне так жалко стало — больно уж он пригожий!

— Только ты смотри, — сказал Жихарь. — Предупреди как-нибудь!

— Чтобы мыши одежду изгрызли? — засмеялась девчонка. — Ладно, будет тебе знак..

— А я-то! А я-то! — надрывался Колобок.

Она подняла Гомункула и звонко чмокнула промеж изюминок.

Колобок немедля округлился, зарумянился и начал пыхать жаром, словно только что из печки.

— И еще, — сказал Жихарь. — Яр-Тур.. С ним как теперь будет?

Перед ним снова возникло безносое белое лицо.

— Я его забрать не могу, — сказала Смерть.

И вздохнула — уже девчонкой.

— А я его на свете оставить не могу, — сказала Жизнь. — Придется ему теперь спать на невидимом острове до тревожного часа... Ладно, заговорила я с вами, а у меня ведь столько дел накопилось — души вынимать и души вкладывать, сеять и убирать, валить и поднимать, сушить и соками наливать, губить и родить, из земли вытаскивать и в землю загонять, жечь и леденить, ранить и лечить, здороваться и прощаться, встречать и провожать, расцветать и вянуть...

— А что с Мироедом-то? — решил уточнить Жихарь.
— Ему теперь долго придется себя по кускам собирать!
Жихарь кивнул — но с большим недоверием.
— Ну, я пошла. Спасибо за все...
— погоди! — крикнул богатырь. — Нам ведь по дороге!
Девчонка округлила глаза.
— А коса-то? — напомнил Жихарь. — Беломор ее небось три
ночи напролет точилом наяривал!
Девчонка развела руками.
— Ну ты, парень, горазд! — сказала она. — Никак от тебя не отвя-
жешься!
И подмигнула.

ГЛАВА 10

*Кто книгу прочел, пусть вина поставит,
А коли нет денег, закладывай платье.*

«Песнь о моем Сиде»

— Конечно, нам за ней не угнаться, — сказал Колобок, прихорашиваясь. — За ней только Симеону бегать...

— Вот вроде все сделали, — сказал Жихарь. — А как-то тревожно.

— Вот чудак! Да нам теперь люди по земле ступить не дадут — на руках будут носить! В каждом доме портреты повесят! Встретят с песнями и цветами!

Но куда их встретили только Леший да Боровой — без цветов, без песен. Лесные хозяева выглядели повеселее прежнего, но смотрели на вернувшихся победителей с каким-то сожалением.

— Выводите прямо в город, — сказал Жихарь. — Нас там ждут.

— Ждут, — повторил Леший.

— Все жданки съели, — добавил Боровой.

— Угрюмый народ эти лесные, — сказал Колобок. — Природа ликует, возрождаясь, кругом вторая весна наступила, а они — бу-бу, бу-бу...

И в самом деле — те листья, что лежали на земле, пожелтели и свернулись, а на ветвях и на кустах пробивались новые, блестящие и липкие. Птицы старались переорать друг друга, гоняясь за комарами и мышами. Зайцы порскали прямо из-под ног, уходя

от проголодавшихся лисиц и волков. Колобок всем зверям показывал средний пальчик на кулачке и приговаривал:

— Съели? Съели?

— Ну ты и злопамятен! — сказал Жихарь.

Леший повернулся к ним.

— Спасибо, — сказал он и обвел свои владения лапой.

— Старались, — ответил Жихарь.

— Первым делом закажу себе золотую карету, — предполагал Колобок. — Выпишу карликовых лошадок. Найму троих мелких арапчат — один за кучера, двое на запятках. Приоденусь как следует. Выкуплю у тех мужиков Глупого Милорда, чтобы гостей встречал... Ах, ведь мне еще домик нужен!

— Так и быть, пожертвую тебе собачью будку, — сказал Жихарь. — А я трое суток буду отсыпаться... Как жить-то хорошо!

— Помирать не надо, — согласился Гомункул.

— Ну, если баня не топлена, — сказал Жихарь. — Ох я всех разгною! Ох я вложу ума! Ну да Кот с Дроздом такого не допустят...

Из сплошной зелени послышался свист. Леший откликнулся совиным уханьем.

— Ты куда это нас привел? — закричал Жихарь. — Или мы тебя обидели?

— Тихо, — сказал Леший. — Не хватало еще людей сюда навести...

— Да вы что, сдурели?

Леший вывел их на поляну, к той самой разбойничьей избушке, где прошло детство богатыря. Ярко светились новые оконные рамы. На крыше сидел Кот и что-то там прилаживал. Из-за избы доносился визг пилы.

— Пришли, — сказал Леший и растворился среди веток.

— Ох, — сказал богатырь.

С противоположной стороны на поляну выбрел кузнец Окул, волоча за собой толстенную основую лесину. Увидел князя и пошел навстречу. Руки у него были все в смоле.

— Что случилось? — спросил Жихарь и понял вдруг, что за всякую победу нужно платить.

— Все живы, — сказал Окул. — Главное, что все живы.

— Да где же они? — закричал богатырь.

— Тихо. Спят они. В избе. Мы всю ночь сюда добирались... Если бы не Леший...

— Да ты можешь объяснить толком? — прошипел Жихарь.

— Я понял, — сказал Колобок. — Понял, что вместо золотой кареты будет мне медный таз...

— Вот так, — сказал кузнец. — А ты что думал? Что будут ковры под ноги стелить?

— Что случилось в городе, прокопченная душа?

— Княжеский терем сожгли, — сказал Окул. — И всех твоих там хотели сжечь.

Спасибо старым разбойникам, я бы один без них не отмахался. И места этого в лесу не нашел бы.

— Набег? — воскликнул Жихарь.

— Кабы набег. Свои. Наши, столенградские.

— А дружина куда смотрела?

— Ты же всех на заставы отправил. Да и не стал бы я надеяться на дружину. Не будут они тебе больше подчиняться. Там теперь указчиками Заломай и Завид. Не казнил ты их в свое время, пожалел.

— А народ-то что же? Против законного князя пошел?

— Был ты народу добрый князь, а теперь ты народу первый враг.

— Это почему же?

— А кого за Смертью посылали? Кто ее снова в мир привел?

У Жихаря от обиды и ярости перехватило глотку.

— Так я же для них...

— Объясняй теперь. Когда Смерть воротилась, многие попадали замертво. Ну, кому-то от старости уже было положено, кто-то себе сдуру шею свернул, кого-то тюкнули сгоряча по темечку... Ты думал, они станут твои заветы блюсти?

— А Беломор что делал?

— Да косу эту дурацкую точил дурацким камнем. На него первого и набросились. Выживет ли, неведомо.

— Выживет, — сказал Жихарь. — Она к нему теперь добрая.

— Как белены объелись, — продолжал кузнец. — Мужики, бабы, детишки, старики... Орут: «Смерть Жихарю! Смерть пособнику Смерти!» Только могильщики да гроботесы за тебя заступались, но им тоже досталось. Княгиня хотела к народу выйти, да я не позволил, вывел через тайный погреб ее с княжнами и маленьким.

— Они-то чем виноваты?

— Вражеское семя потому что! — сказал Окул. — Когда терем жгли, казну твою растащили. Тут и дружина подросла, мужиков раскидали, посекали, сами стали золото делить. Друг дружку тоже посекали, так что побитым гроботесам работы досталось много. Опять же ветер поднялся, сгорело чуть не полгорода.

— Ой, дураки, — сказал Жихарь. — А если соседи сделают набег? Кто их в бой поведет?

— Есть такое мнение, что снова надо звать на княжение Жупела Кипучую Серу. Образы его в каждой избе, даже на улицах намалева-

ны. Стоят вокруг зеленой лужи, той самой, из которой он родился, зовут, кличут, причитают... И, сказывают, бурлит что-то в луже, пена идет...

— А Карина к отцу ехать не захотела?

— Там же мачеха, — сказал кузнец. — Вот когда Жупел вылезет снова из грязи в князи, то Апсурда, конечно, к нему переметнется. А пока нечего у кривлян делать. Да и со степняками нашли время поссориться — договор разодрали, Сочиняевы гусли разбили. Теперь нас с восхода некому прикрывать.

Снова Жихарь оказался виноват перед всем белым светом.

— А твои-то как? Семья, подмастерья?

— На заимке, — сказал кузнец. — Где угольные ямы. Кузнецов, сам знаешь, от колдунов не отличают... Ох, Жихарь, как бы наш старый черт с крыши не сверзился!

Еле успели добежать до избы — почтенный разбойник действительно сверзился, да еще на лету заехал конопаткой по голове подхватившему его Жихарю.

— Вот, — сказал Кот, указуя на избу. — Теперь так не строят. Видишь, Жихарка, что творится? Правильно мы этих многоборцев всю жизнь грабили! И еще будем грабить! Вот у Дрозда ключица заживет — и пойдём опять по большим дорогам купцов досматривать!

— С вами, отцы, не пропадешь, — сказал богатырь, почесывая пораженную голову.

— Это так, — важно согласился Кот.

— Они с Дроздом чуть из-за бабки не подрались! — донес кузнец и подавился смехом.

— Круто наша полоняночка за дело взялась! — сказал Колобок. — Ликование в природе происходит. А всё мы! Так что не горюй! Случалось мне и во дворцах жить, и в хижинах убогих. Зато ты теперь понял, какие люди неблагодарные!

— Да нет, — сказал богатырь. — Они просто глупые, и даже не глупые, а... как бы это сказать... Ну, не выросли, что ли? Я бы, может, и сам несколько лет назад громче всех глотку драл у княжеского терема.

— Тоскуют по бессмертному житью, — сказал Окул. — Работать нужды не было, есть не хотелось... Можно было даже не дышать... А ты взял и враз их этого лишил!

— Да, — вспомнил Жихарь. — Кощей успел уйти?

— Еще как успел-то! Пятерых молодок за собой увел! — сказал Кот.

Кузнец вдруг помрачнел лицом:

— А вот сказитель Рапсодище не успел. Повесили его. Сочинителей всегда первыми вешают, чтобы не сочиняли.

— Как же вы допустили...

— Не разорваться же было! И главное, кто? Те же, что вчера его песни слушали!

— Кого же они теперь-то слушать будут? Вот не ждал, не гадал, никогда за него душа не болела...

— Не терзайся, — сказал Окул. — Живучи на погосте, всех не оплачешь. Иди лучше к своим, только разбуди их тихонечко...

Жихарь снял с шеи Колобка и пошел в избу. Дверь Окул укрепил железными скобами, петли смазал — отворилась она бесшумно.

В сенях спал Дрозд, у самого порога, так что пришлось через него перешагнуть.

Окошко в избе было завешено темной тряпицей, сквозь которую солнце еле пробивалось. Карина лежала на лавке, такая же спящая, какой богатырь ее видел в последний раз, только сон был другой — тревожный, маютный. Ляля и Доля лежали в обнимку под столом на старой шубе, лица у близняшек были чумазые.

Сын-младенец устроился в колыбели — в той самой, которую некогда сколотил для Жихарки на скорую руку Кот или Дрозд. Он не спал, а внимательно смотрел на отца. Даже с каким-то укором.

— Блин поминальный! — прошептал Жихарь. — Да ведь я за всеми за этими мелкими делами про имя-то позабыл!

Он осторожно вынул младенца из колыбели, подошел к окну и, улыбаясь неведомо чему, стал тихим голосом перечислять-напевать все известные и дорогие ему имена.

На какое имя дитя откликнется — то ему и носить.

Красноярск, 1998 г.

С о д е р ж а н и е

Об авторе	5
От издателя	6
ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	46
ГЛАВА 6	59
ГЛАВА 7	66
ГЛАВА 8	80
ГЛАВА 9	87
ГЛАВА 10	98
ГЛАВА 11	108
ГЛАВА 12	114
ГЛАВА 13	127
ГЛАВА 14	135
ГЛАВА 15	146
ГЛАВА 16	153
ГЛАВА 17	159
ГЛАВА 18	169
ГЛАВА 19	175
ГЛАВА 20	181
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ГЛАВА 1	189
ГЛАВА 2	195
ГЛАВА 3	203
ГЛАВА 4	212

ГЛАВА 5	222
ГЛАВА 6	230
ГЛАВА 7	237
ГЛАВА 8	244
ГЛАВА 9	250
ГЛАВА НЕИЗВЕСТНО КАКАЯ, НО ПОСЛЕДНЯЯ	262
ВРЕМЯ ОНО	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ГЛАВА 1	270
ГЛАВА 2	278
ГЛАВА 3	285
ГЛАВА 4	290
ГЛАВА 5	303
ГЛАВА 6	313
ГЛАВА 7	320
ГЛАВА 8	328
ГЛАВА 9	336
ГЛАВА 10	344
ГЛАВА 11	354
ГЛАВА 12	369
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ГЛАВА 1	374
ГЛАВА 2	381
ГЛАВА 3	391
ГЛАВА 4	398
ГЛАВА 5	404
ГЛАВА 6	411
ГЛАВА 7	417
ГЛАВА 8	424
ГЛАВА 9	431
ГЛАВА 10	436

КОГО ЗА СМЕРТЬЮ ПОСЫЛАТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1	442
ГЛАВА 2	453
ГЛАВА 3	459
ГЛАВА 4	465
ГЛАВА 5	474
ГЛАВА 6	485
ГЛАВА 7	497
ГЛАВА 8	506
ГЛАВА 9	515
ГЛАВА 10	526

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1	535
ГЛАВА 2	539
ГЛАВА 3	549
ГЛАВА 4	561
ГЛАВА 5	574
ГЛАВА 6	585
ГЛАВА 7	597
ГЛАВА 8	604
ГЛАВА 9	611
ГЛАВА 10	620

Литературно-художественное издание

Михаил Успенский

Приключения Жихаря
(сборник)

Художник Евгения Аблязова
Корректоры Елена Уварова, Эльвира Кожевникова
Верстка Владимира Развожаева

Подписано в печать 20.10.2016 г.
Формат 74x100/12. Объем 71,7 усл. п. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1150 экз. Заказ № 2541.

Изготовлено в ООО ИД «Класс Плюс»,
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, строение 23;
info@kass24.ru